

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2017. № 419. Июнь

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ФИЛОСОФИЯ

• PHILOSOPHY

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2017. № 419. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук,
проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потехаев, д-р физ.-
мат. наук, проф.; Л.М. Прозументов, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слижов, канд. хим.
наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор

В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор

Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор

П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент

В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin,** PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin,** PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun,** PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov,** Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov,** PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov,** PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev,** Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch,** Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural,** Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina,**
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov,** Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **V. Kanov,** Dr. of Economics,
Professor; **A. Korotaev,** PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova,** Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev,**
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin,** Head of
Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova,** PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev,** Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov,** Dr. of Law,
Professor; **Z. Sakharova,** PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko,** PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin,** PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin,** Dr. of
Law, Professor; **O. Chaikovskaya,** Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak,** Dr. of History, Professor; **V. Shilko,** Dr. of
Education, Professor; **E. Shrager,** Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor

Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor

Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor

Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Алферова О.А. Американский журнал «Передовая мысль мира» как источник «Круга чтения» Л.Н. Толстого (по материалам яснополянской библиотеки писателя)	5
Антонова Т.Г. Конфликт на Украине «глазами Европы»: метафорическое моделирование образа в британском издании «Гардиан»	12
Волков И.О. Образ Ивана Грозного в творчестве И.С. Тургенева 1870-х гг.: повесть «Степной Король Лир»	23
Гречишкينا С.В. Развитие поэзии о природе в США: становление экопоэзии	32
Мусси В. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты	45
Повалко П.Ю., Рыбаков М.А. Пространство как семиотическая и лингвопоэтическая категория в романе А.А. Кабакова «Невозвращенец»	54
Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ	60
Фролова Т.В. Стереотипные ситуации сельского общения: особенности структурно-тематической организации	67
Шпилевая Г.А., Бахметьева И.А., Безрукова В.В. Концепция исторического романа А.С. Пушкина и М.Н. Загоскина: о поэтике классического и беллетристического произведений	72

ФИЛОСОФИЯ

Линченко А.А., Сыров В.Н., Головашина О.В. Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса	79
Яковлев В.В. Осмысление идей Т. Гоббса о чудесах западными исследователями конца XX–XXI вв.	86

ИСТОРИЯ

Артеев С.П. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений	93
Балдано М.Н., Варнавский П.К. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.)	99
Борисов Д.А. Сопряжение ЕАЭС и ЭППП: комплементарный потенциал, индифферентная реальность	109
Брум К.А. К вопросу о становлении «капиталистических механизмов» в агропромышленном комплексе Алтайского края в 1990–2000-х гг. на примере ОАО «Алтайский трактор»	115
Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские рынки» России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска)	121
Ким Е.В. Особенности процессов трудовой миграции в Центральной Азии (на примере Республики Узбекистан и Республики Казахстан)	133
Кондратьев С.В. Юристы общего права в елизаветинской и раннеосторговской Англии: стереотипный образ	138
Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в Сибири в годы Великой Отечественной войны: коммеморативный аспект	144
Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири	152
Маслова Е.К. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева в контексте концепции постнеклассической рациональности	160
Токмурзаев Б.С. Казачество как субъект аграрной колонизации Степного Края (вторая половина XIX – начало XX в.)	165

CONTENTS

PHILOLOGY

Alferova O.A. The American magazine <i>The World's Advance Thought</i> as a source of Leo Tolstoy's <i>A Calendar of Wisdom</i> (on materials of the writer's library at Yasnaya Polyana)	5
Antonova T.G. Conflict in Ukraine seen by Europe: metaphorical modelling of the image in the British mass medium <i>The Guardian</i>	12
Volkov I.O. The image of Ivan the Terrible in I.S. Turgenev's works of the 1870s: the story "A Lear of the Steppes"	23
Grechishkina S.V. The development of nature poetry in the USA: the emergence of ecopoetry	32
Mussi V. Russian and Italian entomological metaphors in comparison with zoomorphic metaphors: their distinctive features	45
Povalko P.Yu., Rybakov M.A. Space as a semiotic and linguopoetic category of the novel <i>Nevozvrashchenets</i> [The Defector] by A.A. Kabakov	54
Faritov V.T. Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and philosopher	60
Frolova T.V. The stereotypical situation of rural communication: features of structural and thematic organization	67
Shpilevaya G.A., Bakhmetieva I.A., Bezrukova V.V. The conception of A.S. Pushkin's and M.S. Zagoskin's historical novel: on the poetics of classical and belletristic works	72

PHILOSOPHY

Linchenko A.A., Syrov V.N., Golovashina O.V. The problem of post-national identity: the historiography of the question	79
Yakovlev V.V. Comprehension of the ideas of T. Hobbes about miracles by Western researchers of the late 20th–21st centuries	86

HISTORY

Arteev S.P. Activities of sub-state actors in international relations: theoretical aspects	93
Baldano M.N., Varnavskiy P.K. "Greater Mongolia": the concept of political unity and an attempt of its implementation (1900s–1920s)	99
Borisov D.A. The interaction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: complementary potential, indiffererent reality	109
Brumm K.A. On the development of "capitalist mechanisms" in the Altai Krai agro-industry during the 1990s–2000s exemplified by the Altai Tractor OJSC	115
Grigoriev K.V., Dyatlov V.I. "Chinese markets" of Russia: the role in post-sustainable transformation (a casestudy of Irkutsk)	121
Kim E.V. Features of labor migration in Central Asia (on the example of the Republic of Uzbekistan and the Republic of Kazakhstan)	133
Kondratiev S.V. Lawyers in the Elizabethan and early Stuart England: stereotype image	138
Krasilnikova Ye.I. October celebrations in Siberia during the Great Patriotic War: a commemorative aspect	144
Krestyannikov E.A. P.V. Vologodsky and sworn attorneys in Siberia	152
Maslova E.K. L.N. Gumilyov's theory of ethnogenesis in the context of the concept of post-nonclassical rationality	160
Tokmyrzayev B.S. Cossacks as the subject of agrarian colonization of the Steppe Territory (the second half of the 19th – early 20th centuries)	165

Чуркин М.К. Российские однодворцы в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI вв.: социально-экономический статус, сословная идентичность, миграционная мобильность	171	Churkin M.K. Russian smallholders in Russian historiography in the second half of the 19th – early 21st centuries: socioeconomic status, class identity, migration mobility	171
Шевляков А.С., Черемных О.А. Исторические источники изучения материально-бытовых условий жизни городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны	176	Shevlyakov A.S., Cheremnykh O.A. Basic historical sources for the study of living conditions of urban population in Western Siberia during the Great Patriotic War	176
Юрышев А.В. Особенности освещения кризисных событий в Сирии 1973–1982 гг. и сирийской гражданской войны 2011–2014 гг. в издании <i>The New York Times</i> : диахронический анализ	181	Yuryshev A.V. Features of Syrian crises in 1973–1982 and the 2011–2014 Syrian civil war coverage in <i>The New York Times</i> : a diachronic analysis	181
ПРАВО		LAW	
Верховец Д.И. К вопросу о правовой природе платы за односторонний отказ от исполнения обязательства	186	Verkhovets D.I. On the legal nature of the termination fee	186
Минева О.К., Каширская Л.В. Новый инструмент правового регулирования производства экономической экспертизы	193	Mineva O.K., Kashirskaya L.V. A new tool of legal regulation to perform economic expert examination	193
Прокументов Л.М. Проблемы определения возраста привлечения к ответственности несовершеннолетних в уголовной законодательстве Российской Федерации	202	Prozumentov L.M. Russian criminal law policy in regard to juveniles: issues of law-making and law enforcement	202
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	207	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	207

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.09 "18"

О.А. Алферова

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ «ПЕРЕДОВАЯ МЫСЛЬ МИРА» КАК ИСТОЧНИК «КРУГА ЧТЕНИЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)

Статья посвящена уточнению источников «Круга чтения», сборника мудрых мыслей, над составлением которого Л.Н. Толстой работал в 1904–1907 гг. Приведены еще не публиковавшиеся ранее пометы чтения Л.Н. Толстого на страницах американского журнала «Передовая мысль мира». Издателем журнала была Люси Маллори. Она присылала Л.Н. Толстому в Ясную Поляну не только выпуски своего журнала, но и письма. На некоторые из писем Люси Маллори Л.Н. Толстой ответил.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; «Круг чтения»; Люси Маллори; американский журнал «Передовая мысль мира»; русская литература; американская литература; библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Более 70 выпусков журнала «Передовая мысль мира и Всеобщая республика» (оригинальное название журнала на английском языке – «The World's Advance Thought and The Universal Republic») хранятся в библиотеке Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Журнал выходил в городе Портланд штата Орегон США с 1886 по 1918 г. Автором, редактором и издателем журнала была Люси Маллори (Lucy Aaron Mallory). Издательница присылала Л.Н. Толстому из Америки не только выпуски своего журнала, но и письма: сохранились семь писем Люси Маллори к Толстому и два ответных письма.

Л.Н. Толстой высоко оценивал содержание журнала Люси Маллори: писатель находил в выпусках американского журнала множество высоконравственных мыслей, которые разделял сам и которые считал необходимым сделать доступными для широкого круга людей.

Д.П. Маковицкий, домашний врач писателя, 12 февраля 1905 г. записал слова Толстого о Люси Маллори: «...спиритка, а как хорошо пишет! Нужно писать сжато, но так, чтобы все было высказано» [1. Кн. 1. С. 171].

27 мая 1905 г. в яснополянском доме снова говорили о Люси Маллори, Л.Н. Толстой тогда сказал: «Как могут теософы постигать и высказывать такие глубокие истины: так, что у них устраняется личность и говорит общее, вечное. В каждом номере “World's Advance Thought” нахожу замечательные изречения. Будет удивительно, когда в “Круге чтения” возле Канта и других часто будет Люси Маллори, незнакомая особа из штата Орегон» [Там же. С. 297–298].

Даже в наши дни немного известно о Люси Маллори: она была последовательницей теософского учения, основала свой журнал спиритического направления, причем сама занималась сочинением статей для журнала, подбором материалов других авторов для публикаций, его редактированием и изданием [2. С. 252].

Секретарь писателя В.Ф. Булгаков, стоявший у истоков создания научного описания яснополянской библиотеки, в своей статье об изданиях, хранившихся в ней, сообщал следующее: «Много отметок Толстого в американском журнале “The World's Advance Thought and Universal Republic”, издающемся писа-

тельницей Люси Маллори, многие мысли которой включены Толстым в “Круг чтения”» [3. С. 70].

В статье Г.В. Алексеевой, посвященной подготовке к изданию четвертого тома каталога яснополянской библиотеки с описанием периодических изданий на иностранных языках, были перечислены многие сохранившиеся в библиотеке Л.Н. Толстого иностранные газеты и журналы, в том числе и журнал Люси Маллори «Передовая мысль мира» [4].

Высокая оценка деятельности Люси Маллори как редактора и издателя журнала, в котором были собраны близкие Толстому мысли о нравственной жизни, соседствовала с неприятием спиритизма, который пропагандировала американская издательница.

Еще в апреле 1884 г. Лев Николаевич написал в дневнике: «...Львов¹ рассказывал о Блавацкой², переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях?» [5. Т. 49. С. 84].

В 1880-х гг., вероятнее всего весной 1886 г., писатель сам присутствовал на спиритическом сеансе, проходившем в Москве. Кроме хозяина дома Н.А. Львова, медиума-любителя, и Л.Н. Толстого, на сеансе присутствовали также П.Ф. Самарин³, К.Ю. Милиоти⁴ и Н.В. Давыдов⁵, описавший его.

Из воспоминаний Н.В. Давыдова: «Сеанс не удался. Вначале было, когда мы все сели в безусловно темной комнате за небольшой круглый стол, в нем послышались стуки и стол начал было покачиваться, но скоро это прекратилось. Затем над нами появились два-три огонька, похожие на фосфорические искры, но и они не возобновились потом <...> вскоре мы, в виду неудачи, встали из-за стола и перешли в освещенные комнаты.

На следующий за сеансом день Л.Н. сказал мне, что еще более, чем прежде, убедился в том, что палка не может дать молока и что он совершенно недоумевает, как такая простая вещь не ясна всем и как находятся люди, и верящие, и отстаивающие, даже научно обосновывающие реальность спиритизма» [6. С. 20–21].

Вскоре после сеанса Толстой составил план комедии, героями которой были последователи спиритического учения. Это произведение в первой редакции

получило название «Комедия Спириты» [5. Т. 50. С. 199], а в последней редакции комедия приобрела свое окончательное заглавие «Плоды просвещения»⁷.

12 марта 1890 г. на чтении комедии в Русском литературном обществе в Петербурге присутствовал Н.П. Вагнер⁸, который посчитал себя как последователя теософского учения оскорбленным ироническим описанием спиритических сеансов в этом произведении. На следующий же день Вагнер написал Л.Н. Толстому укоризненное письмо. В ответном письме от 25 марта 1890 г. Л.Н. Толстой извинился за то, что комедия «Плоды просвещения» была воспринята не как насмешка над спиритизмом, а как карикатура на определенных людей, но также выразил свое неприятие спиритического учения: «...главное мое с годами всё усиливающееся отвращение, от которого я не отрекаюсь, ко всяким суевериям, к [которым] я причисляю спиритизм <...>. Суеверия – это те ложки дегтю, губящие бочки меду, и их нельзя не ненавидеть или, по крайней мере, не смеяться над ними <...>. Думал же я это особенно живо, когда читал или слышал про вашу глубоко сочувственную мне деятельность во имя того принципа человечности, о кот[ором] вы упоминаете в вашем письме. Эти же чувства испытываю я беспрестанно, получая в последнее время из Америки очень много спиритических изданий и журналов, из кот[орых] многие, напр. Wo[r]ld's Advance Thought, самого высокого христианского настроения» [5. Т. 65. С. 59–60].

По поручению Толстого Д.П. Маковицкий в письме от 13 мая 1906 г. благодарил издательницу Люси Маллори за отправку ее журнала в Ясную Поляну и сообщил, что писатель пользовался мыслями из этого издания «в своем новом произведении “Круг чтения”, который еще не появился по-английски, но вышел в немецком переводе» [Там же. Т. 76. С. 283]. Немецкий перевод «Круга чтения» вместе с письмом был отправлен в США. 22 июня 1906 г. американская издательница ответила: «Я только что получила от вас книгу “На каждый день”⁹, за что выражаю вам глубокую признательность. Обнаружив в этой книге мои собственные высказывания, я почувствовала прилив воодушевления» [7. С. 333].

Практически в каждом из выпусков журнала «Передовая мысль мира» печаталась фраза: «All articles not signed are by Lucy A. Mallory». Эту фразу можно перевести с английского следующим образом: «Все неподписанные статьи сочинены Люси Маллори»¹⁰.

В выпуске журнала «Передовая мысль мира» за июль 1906 г. на странице 14 была напечатана небольшая статья под названием «From Leo Tolstoy» («Из Толстого»): «We herewith give our most sincere thanks to Count Leo Tolstoy for one of his latest works. It is printed in the German language (we believe that there is also a Russian edition) and is entitled “Für Alle Tage” (“For every day”) and contains a chapter of excellent selections from the writings of the great thinkers of the world for each day of the year, interspersed with short essays, by Leo Tolstoy, on subjects that have made his name famous in the world over. He has done us the great honor of enshrining within this unique volume, of nearly six hundred pages, many of our “Key-Thoughts” from

“The World’s Advance Thought”. The world owes a debt of gratitude to this noble-hearted Reformer that it can never repay, for his sincere and honest stand for Truth and Righteousness. He has a reward however, that is beyond price or fame and that is the happy satisfaction of having helped to make the world better, and seeing the results of his good labors increasing daily in all civilized countries».

На русский язык эту небольшую статью можно перевести следующим образом: «Настоящим мы выражаем искреннюю благодарность графу Л.Н. Толстому за одну из его последних работ. Она была напечатана на немецком языке (мы полагаем, что вышло и русское издание) под названием “На каждый день” и содержит великолепный подбор цитат на каждый день из произведений великих мыслителей мира, украшенных короткими эссе Льва Толстого о предметах, сделавших его имя всемирно известным. Он оказал нам великую честь добавлением в эту уникальную книгу, состоящую из почти шестисот страниц, многих из наших “Ключевых мыслей” из “Передовой мысли мира”. Мир должен испытывать благодарность, за которую никогда не сможет сполна отплатить, к этому благородно-сердечному Реформатору за его искреннее и честное отношение к Правде и Справедливости. Однако его награда выше цены или славы, она заключается в счастливом удовлетворении тем, что помог сделать мир лучше и увидел результаты своих достойных трудов, возрастающие ежедневно во всех цивилизованных странах».

27 января 1910 г. Люси Маллори писала Л.Н. Толстому: «Переписка с вами была для меня огромным счастьем; не могу выразить вам мою благодарность за все, что вы для меня сделали» [7. С. 339].

Несмотря на то что Толстой множество изречений из «Передовой мысли мира» отметил отчеркиваниями на полях журнальных выпусков и добавил в свои сборники мудрых мыслей, писатель не одобрял и не поддерживал спиритическую направленность этого периодического издания. Так, в ответном письме Люси Маллори от 21 августа 1904 г. Л.Н. Толстой выразил свое отношение к статьям в ее журнале, посвященным спиритизму: «Дорогой друг и сестра, я очень рад, что вашим хорошим письмом поставлен в прямые сношения с вами. Хотя я не могу согласиться с вашей верой в медиумов и оккультизм, я всё же высоко ценю ваше нравственное учение и всегда с большим интересом читаю ваш журнал, за который сердечно благодарю. Я нахожу в нем истинно здоровую духовную пищу и высоко ценю вашу деятельность» [5. Т. 75. С. 159]. 16 октября 1906 г. Л.Н. Толстой на вопрос Д.П. Маковицкого о своем отношении к спиритизму «ответил приблизительно так, что спиритизм – самообман, заблуждение. Но когда на сеансах люди ему поддаются, они находятся в серьезном настроении, отрешаются от легкомысленного, мешающего и, поддерживая друг друга, угадывают медленно, шаг за шагом, глубокие истины. Такова Люси Маллори – ее мыслями полон “Круг чтения”» [1. Кн. 2. С. 16].

О сборнике «Круг чтения» Толстой говорил: «Чувствую, что это моя последняя работа и хочется придать ей характер тихой беседы после долгих и бурных

споров с миром, и я рад, если эту книгу читают». [1. Кн. 4. С. 477].

Толстой поместил изречения из журнала «Передовая мысль мира» не только в «Круг чтения», хотя именно в этом сборнике изречений из американского журнала больше всего – их семьдесят пять. Благодаря работе с выпусками журнала «Передовая мысль мира», хранящимися в яснополянской библиотеке, были установлены источники всех семидесяти пяти изречений, включенных в «Круг чтения». В поиске текстов-источников огромную помощь оказал список соотношений заимствований из журнала «Передовая мысль мира» и их переводов в «Круге чтения», составленный А.Н. Николюкиным на основании рукописных подготовительных материалов к изданию сборника [8. С. 350–351].

Изречения, отмеченные Л.Н. Толстым на страницах журнала Люси Маллори, стали источниками не только для «Круга чтения», но и для сборников мудрых мыслей, создававшихся после него – для сборников «На каждый день» (шестнадцать изречений из журнала «Передовая мысль мира») и «Путь жизни» (пять изречений из журнала Люси Маллори); причем в обоих сборниках, созданных после «Круга чтения», появляются те же изречения, которые уже были напечатаны в «Круге чтения». В связи с тем, что вначале Толстой выбирает семьдесят пять изречений из американского журнала для «Круга чтения» (этот сборник создавался в 1904–1907 гг.), затем шестнадцать для сборника «На каждый день» (1908–1909 гг.), а в итоге оставляет всего пять изречений из американского журнала в своем последнем сборнике «Путь жизни» (1910), можно предположить, что именно эти пять высказываний для Толстого были наиболее точны в отражении нравственной правды.

К переводам изречений из журнала Люси Маллори для «Круга чтения» и других сборников Л.Н. Толстой отнесся очень скрупулезно: в большинстве случаев писатель переводил практически дословно, видимо, полностью соглашаясь с взятой из журнала мыслью. Такие практически дословные переводы в «Круге чтения» появлялись с подписью «Люси Маллори». Но некоторые подписи под мыслями из американского журнала гласили «по Люси Маллори»: в данных случаях переводы не отличались дословностью, их скорее можно назвать переводами литературными.

В одном из вариантов предисловия к «Кругу чтения» Толстой сообщает: «Мысли, собранные здесь, взяты мною из очень большого количества сочинений и сборников мыслей <...> преимущественно английских. Печатаю эти мысли в таком виде, в котором они являются здесь, я должен оговориться о том, как я переводил и составлял их. Часто я переводил мысли немецких, французских и итальянских мыслителей с английского, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам. Другая и главная причина, по которой мысли эти могут буквально не соответствовать подлинникам, состоит в том, что, переводя некоторые места, я не всегда строго держался оригинала, а иногда сокращал его, выпуская некоторые слова и предложения, которые, по моему мнению, ослабляли силу впечатления, и даже заменял, хотя и

очень редко, некоторые слова другими, когда считал замену эту необходимою для ясности понимания» [5. Т. 42. С. 470]. В финале этого предисловия писатель делает следующий вывод: «Все это я сказал для того, чтобы объяснить, почему я передавал собранные здесь мысли писателей свободно, стараясь об одном: сделать книгу как можно более доступною и полезною большинству читателей. Так что, если бы нашлись желающие перевести эту книгу на другие языки, то я бы советовал им не отыскивать на своем языке места подлинников англичанина Кольриджа, немца Канта, француза Руссо, а если они уж хотят переводить, то переводить с моего» [Там же. С. 473].

Примечательно, что в некоторых случаях переводы одних и тех же изречений для «Круга чтения», «На каждый день» и для «Пути жизни» несколько отличаются друг от друга. Рассмотрим ниже источники пяти высказываний, включенных во все три названных сборника мудрых мыслей, и их переводы.

В выпуске журнала «Передовая мысль мира» за сентябрь–октябрь 1900 г. на странице 169 была напечатана следующая мысль, отмеченная Толстым карандашом на полях: «Holding on to a single idea – even though it be a true one – is like being tethered to a stake, which one fears to get away from for fear he will lose his bearing. What may be a truth in one stage of our growth may be a hindrance and an error in another and more advanced stage, just as the consciousness of a child, although well adapted to its stage of evolution, would be all out of place is still held to by the adult». Перевод этого высказывания был напечатан в «Круге чтения» 17 октября с подписью «Люси Маллори»: «Когда кто-либо привязывается к одной какой-нибудь, хотя бы и верной, идее, то он в сущности попадает в то же положение, в каком находился бы человек, привязавший себя к столбу, для того, чтобы не заблудиться. То, что может быть желанной истиной на известной ступени духовного роста, может быть помехой к этому росту и заблуждением на другой, более высокой ступени» [Там же. С. 155].

Перевод, помещенный в «Круге чтения», можно назвать дословным, но в конце фразы было убрано одно предложение: «...just as the consciousness of a child, although well adapted to its stage of evolution, would be all out of place is still held to by the adult» – оно есть в оригинальном тексте на английском языке, но не было добавлено в текст на русском. Перевести это предложение можно следующим образом: «...так сознание ребенка, хотя и хорошо приспособленное к своей ступени эволюции, будет неуместным, если его все еще будет придерживаться взрослый». Можно предположить, что это предложение не было добавлено в текст русского перевода для «Круга чтения» потому, что оно могло показаться излишним: главная мысль уже была выражена, а пример, подтверждающий ее, не был переведен, чтобы сделать фразу более емкой и понятной для читателей. Тот же перевод этого изречения был включен в сборник «На каждый день» на 1 декабря с подписью «Люси Маллори¹¹»: «Когда кто-либо привязывается к одной какой-нибудь, хотя бы и верной идее, то он, в сущности, попадает в то же положение, в каком находился бы

человек, привязавший себя к столбу для того, чтобы не заблудиться. То, что может быть желанной истиной на известной степени духовного роста, может быть помехой к этому росту и заблуждением на другой более высокой степени» [5. Т. 44. С. 325]. В «Пути жизни» в главе «О вере» под заголовком «Религиозное сознание людей не переставая совершенствуется» было помещено следующее высказывание с подписью «Люси Малори»: «Когда человек для того, чтобы не ошибиться в законе жизни не решается отступить от раз признанной им веры, то с ним случается то же, что случилось бы с человеком, который для того, чтобы не заблудиться, привязал бы себя к столбу веревкой» [5. Т. 45. С. 30]. Перевод мысли, помещенный в сборник «Путь жизни», можно назвать более образным и при этом очень емким по своей смысловой составляющей, но этот вариант перевода трудно назвать дословным (как в случае с переводом, напечатанным в двух других сборниках), такой перевод, как кажется, можно было бы назвать переводом литературным: первоначальный смысл фразы передан, но в более образном и кратком виде по сравнению с текстом-источником.

Писатель карандашом на полях страницы 138-го выпуска журнала «Передовая мысль мира» за июль 1899 г. отметил фразу: «The thoughts we have cultivated will color, in our minds, everything we have to do with. If the thoughts are erroneous they will distort the most sublime truths. The atmosphere that emanates from our habitual thoughts is a more solid structure around us than the house we live in. It is like the snail's shell – we carry it with us wherever we go. If we have attracted to us evil companions – either from this or the spirit world – it is because our spiritual atmosphere attracts, and is congenial to them». Перевод этого высказывания в «Круге чтения» приходится на 5 февраля, перевод подписан «Люси Малори»: «Наши привычные мысли придают в нашем уме свойственную им окраску всему, с чем мы приходим в соприкосновение. Ложны эти мысли – и они извратят наиболее возвышенные истины. Атмосфера, создаваемая вокруг нас нашими привычными мыслями, представляет из себя для каждого из нас нечто более твердое, чем дом, в котором мы живем. Она является чем-то вроде раковины улитки, которую она всюду носит с собой» [5. Т. 41. С. 86]. Последнее предложение английской фразы («If we have attracted to us evil companions – either from this or the spirit world – it is because our spiritual atmosphere attracts, and is congenial to them») также было отмечено карандашом на полях, но не было включено в «Круг чтения». Перевести его можно следующим образом: «Если мы привлекли к себе зло – из этого мира или из мира духов – это потому, что наша духовная атмосфера привлекает зло или благоприятна для него». Можно предположить, что последнее предложение фразы не было включено Л.Н. Толстым в перевод, так как содержит упоминание о «мире духов», характерное для последователей спиритического учения, но неразделяемое и даже порицаемое самим Толстым. Несколько иной вариант перевода появился в сборнике «На каждый день» с подписью «Люси Маллори» на 26 мая: «Наши привычные мысли придают в нашем

уме свойственную им окраску всему, с чем мы приходим в соприкосновение. Ложны эти мысли – и они извратят наиболее возвышенные истины. Наши привычные мысли представляют из себя для каждого из нас нечто более твердое, чем дом, в котором мы живем. Мы повсюду носим их с собой, как улитка раковину, в которой она живет» [5. Т. 43. С. 293–294]. Этот же вариант перевода изречения напечатан в «Пути жизни» в главе «Мысль» под заголовком «Жизнь человека определяется его мыслями» с подписью «Люси Малори»: «Наши привычные мысли придают в нашем уме свойственную им окраску всему, с чем мы приходим в соприкосновение. Ложны эти мысли – и они превратят в ложь самые возвышенные истины. Наши привычные мысли представляют из себя для каждого из нас нечто более твердое, чем дом, в котором мы живем. Мы повсюду носим их с собой, как улитка раковину, в которой она живет» [Там же. С. 370].

В выпуске журнала «Передовая мысль мира» за сентябрь – октябрь 1900 г. на странице 173 карандашом была отмечена мысль: «It is a good or bad thought, and not a God or a Devil, that sends us to Heaven or Hell». Во всех трех сборниках мудрых мыслей был напечатан одинаковый перевод этой фразы с подписью «Люси Малори»: «Наша мысль, хорошая или дурная, отправляет нас в рай или в ад не на небе и не под землей, а в этой жизни». В «Круге чтения» этот перевод был помещен на 5 февраля [Там же. Т. 41. С. 87]; в сборнике «На каждый день» – на 25 сентября [Там же. Т. 44. С. 177]; в «Пути жизни» тот же вариант перевода появился в главе «Мысль» под заголовком «Жизнь человека определяется его мыслями» [Там же. С. 371]. Перевод в данном случае дословным назвать сложно, тем более что в тексте на русском языке к переведенным словам была добавлена фраза «Не на небе и не под землей, а в этой жизни», которой не было в английском оригинале, но подпись под высказыванием – «Люси Малори» – свидетельствует о том, что Толстой не считал такие добавления в оригинальный текст значительными и меняющими оттенки смысла оригинала. Дословно приведенную выше фразу на английском можно перевести на русский язык следующим образом: «Хорошая или дурная мысль, а не Бог или Дьявол, отправляет нас в Рай или в Ад».

Толстой отметил карандашом на полях страницы 164-го выпуска американского журнала за декабрь 1901 г. мысль «Extremes meet. When we are at our weakest physically, we may be at our strongest spiritually». Во всех трех сборниках мудрых мыслей был напечатан один и тот же вариант перевода этого высказывания с подписью «Люси Малори»: «Когда мы чувствуем себя всего слабее телом, мы можем быть всего сильнее духом». В «Круге чтения» этот перевод был добавлен на 13 марта [Там же. Т. 41. С. 165]; в сборнике «На каждый день» – на 28 октября [Там же. Т. 44. С. 249]; в «Пути жизни» перевод этого изречения появился в главе «Зло» под заголовком «Болезни не препятствуют, а способствуют истинной жизни» [Там же. Т. 45. С. 438]. В данном случае перевод сложно назвать дословным, перед нами перевод смысловой. Дословный перевод мог бы выглядеть

так: «Крайности сходятся. Когда мы в нашем самом слабом состоянии физически, мы можем быть в нашем самом сильном состоянии духовно». Несмотря на то что перевод скорее смысловой, чем дословный, подпись под этой фразой «Люси Малори» свидетельствует о том, что для Л.Н. Толстого данные изменения оттенков смысла не показались принципиальными, поэтому изречение и было подписано именем издательницы американского журнала.

В выпуске американского журнала за сентябрь–октябрь 1900 г. на странице 164 карандашом на полях Л.Н. Толстой отметил изречение «Society says: “Think as we do; worship as we do; eat and drink as we do; dress as we do – or be damned!” and it seeks to make the life of anyone who does not conform to its ways a Hell upon earth, by its sneers, backbiting, innuendoes, revilement, boycotting and ostracism». Перевод этой мысли был помещен в «Круге чтения» на 12 октября с подписью «Люси Малори»: «Общество говорит человеку: “Думай, как думаем мы; верь, как верим мы; ешь и пей, как мы едим и пьем; одевайся, как мы одеваемся, – или будь проклят”». Если же кто не подчинится ему, то оно превратит жизнь его в ад своими насмешками, сплетнями, ругательствами, бойкотом и остракизмом. Но мужайся» [5. Т. 42. С. 139]. Перевод в «Круге чтения» можно назвать дословным, но только в конце фразы в русском переводе появляются слова «но мужайтесь», которых не было в английском оригинале.

Несколько иной перевод того же высказывания появился в сборнике «На каждый день» на 14 мая с подписью «по Люси Маллори»: «Общество говорит человеку: “думай, как думаем мы; верь, как верим мы; ешь и пей, как мы едим и пьем; одевайся, как мы одеваемся”». Если же кто не поддастся этим требованиям, общество замучает его своими насмешками, сплетнями, ругательствами. Трудно не покориться этому, а между тем покорись, и ты уже не свободный человек, а раб» [Там же. Т. 43. С. 266].

В сборнике «Путь жизни» тот же вариант перевода с подписью «по Люси Маллори» был напечатан в главе «Тщеславие» под заголовком «Губительные последствия тщеславия»: «Общество говорит человеку: “думай, как думаем мы; верь, как верим мы; ешь и пей, как мы едим и пьем; одевайся, как мы одеваемся”». Если же кто не поддается этим требованиям, общество замучает его своими насмешками, сплетнями, ругательствами. Трудно не покориться этому, а между тем, покорись, и тебе станет еще хуже, потому что покорись, и ты уже не свободный человек, а раб» [Там же. Т. 45. С. 246]. Примечательным является то, как высказывания были подписаны: в «Круге чтения» в случае практически дословного перевода – «Люси Малори», а в сборниках «На каждый день» и «Путь жизни», в которых представлен перевод литературный, фраза была подписана «по Люси Маллори». Можно предположить, что такое разграничение в подписях было для Л.Н. Толстого принципиальным: в приведенных выше примерах заметно, что Л.Н. Толстой несколько менял оттенки смысла текста-источника, делая переводной текст более емким и образным, но при этом подпись оставалась «Люси Малори», подпись поменялась на «по Люси Маллори» толь-

ко в том случае, когда было добавлено самим писателем целое предложение в конце. Как представляется, подобное значительное добавление к первоначальному смыслу фразы писатель посчитал необходимым маркировать подписью «по Люси Маллори». Подобных примеров среди изречений из журнала «Передовая мысль мира» достаточно много. Ниже рассмотрим еще один подобный случай.

В выпуске журнала Люси Маллори за март 1902 г. на странице 10 карандашом на полях писателем был отмечен небольшой рассказ: «We read in a book of travels of a traveler visiting a tribe of cannibals in Africa while they were feeding on human flesh, and they gave as their reason for preferring human to animal flesh, that the negroes bathed three times a day, while animals were filthy because they never took a bath. “This is horrible!” exclaimed the traveler, (referring to the food they were eating). “It is delicious with salt”, said the chief. The Vegetarian says of the lamb’s and pig’s flesh on the table of civilized man: “This is horrible!” But answers the civilized flesh eater: “It is delicious with salt”. It would be hard to see where any distinction comes in. Both classes disregard the sufferings of those whose bodies they eat».

Дословно его можно перевести следующим образом: «В книге о путешествиях можно прочесть о путешественнике, посетившем племя канибалов в Африке в то время, когда они питались человеческой плотью, они объяснили причину предпочтения человеческой плоти мясу животных тем, что негры моются три раза в день, в то время как животные грязные, потому что они никогда не моются. “Это ужасно!” – воскликнул путешественник, говоря о еде, которую они ели. “Это очень вкусно с солью”, – ответил африканский вождь. Вегетарианец скажет о плоти ягнят и свиней на столе цивилизованного человека: “Это ужасно!”. Но цивилизованный мясоед ответит: “Это очень вкусно с солью”. Будет сложно увидеть какое-либо различие. И те и другие игнорируют страдания тех, чьи тела они поедают». В «Круге чтения» на 21 февраля был напечатан литературный перевод этого рассказа с подписью «по Люси Маллори»: «Один путешественник подошел к африканским людоедам в то время, как они ели какое-то мясо. Он спросил их, что они едят? Они отвечали, что мясо это было человеческое. “Неужели вы можете есть это?” – вскрикнул путешественник. “Отчего же, с солью очень вкусно”, – отвечали ему африканцы. Они так привыкли к тому, что делали, что даже не могли понять, к чему относилось восклицание путешественника. Так же не понимают мясоеды того возмущения, которое испытывают вегетарианцы, при виде свиней, ягнят, быков, поедаемых только потому, что мясо это вкусно с солью» [5. Т. 41. С. 120].

Текст в переводе Л.Н. Толстого несколько сокращен, вследствие подбора образной лексики перевод писателя представляется более ярким и запоминающимся, действие в переводе Толстого кажется более динамичным в отличие от перевода дословного. Можно предположить, что писатель переводил так, чтобы добиться яркого описания главной мысли рассказа, чтобы не затягивать действие. Вероятно, Толстой не подписал свой перевод именем издательницы

журнала, потому что в нем было изменено многое по сравнению с текстом-источником, поэтому под переводом появляется подпись «по Люси Маллори».

Некоторые особенно понравившиеся писателю мысли из американского журнала он отражал и на страницах своих дневников. Так, 1 августа 1889 г. Толстой записал: «Получил еще World-advance-thought и, как всегда, испытал великий подъем духа. Чудесные мысли, н[а]п[ри]мер: смерть есть пробуждение от заблуждения о реальности матерьяльной жизни» [5. Т. 50. С. 117]. Эту же мысль Лев Николаевич выразит и в письме к близкому другу В.Г. Черткову и его жене Анне Константиновне от 21 августа 1889 г.: «...это неизбежное прямое последствие того, что мы называем горем и смертью, а что есть, по прекрасному выражению одного писателя, пробуждение от заблуждения в действительности матерьяльной жизни» [Там же. Т. 86. С. 251].

Также Л.Н. Толстой использует мысли из журнала Люси Маллори в качестве эпиграфа к отдельным главам своих статей «Закон насилия и закон любви» и «Неизбежный переворот», причем писатель в обоих случаях выбирает одно и то же изречение.

В эпиграфе к IV главе статьи «Закон насилия и закон любви» Толстой приводит более полную цитату: «Когда среди 100 человек один властвует над 99, это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвует над 90 – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо, – это свобода!»

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготавливающая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собою такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собою всё более и более важные

заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но перед явлением Христа мир ждал великих событий и, однако, не принял его, когда он пришел. Так и теперь мир может испытывать муки родов перед его новым пришествием и всё не понимать того, что происходит» [5. Т. 37. С. 159].

А в эпиграфе к V главе статьи «Неизбежный переворот» писатель цитату сокращает, оставляя только ее главную мысль: «Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготавливающая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собою такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собою все более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться» [Там же. Т. 38. С. 81].

Внимание к работе издательницы журнала «Передовая мысль мира», которое проявляет Л.Н. Толстой, показывает, насколько писатель был восприимчив ко всем печатным изданиям, присылаемым в Ясную Поляну. Толстой, не знавший вначале ничего о Люси Маллори, присылавшей ему свой журнал, ознакомившись с различными его выпусками, посчитал это издание чрезвычайно интересным. Несмотря на то что издательница этого журнала была сторонницей спиритизма, увлечение которым Толстой не поддерживал, и даже во многом порицал, он черпал из журнала «Передовая мысль мира» те изречения, которые одобрял, оставляя без внимания, а во многих случаях и высказывая свое неодобрение изречениям спиритического содержания.

В 1911 г., вскоре после смерти Л.Н. Толстого, в сборнике статей, посвященных влиянию писателя на мировую общественность, была опубликована и статья Люси Маллори под названием «Вождь человечества», американка писала: «Нет сомнения, что Лев Толстой есть величайший вождь, учитель и реформатор современной эпохи. До него человечество еще никогда не имело вождя, влияние которого захватывало бы весь мир... Лев Толстой заслужил свое бессмертие. Он стал бессмертным еще при жизни» [9. С. 131–132].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Львов Николай Александрович (1834–1887) – помещик, сторонник спиритизма.

² Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – последовательница спиритического учения, в 1875 г. стала одним из основателей «Теософического общества». В яснополянской библиотеке хранится экземпляр книги Е.П. Блаватской «Голос безмолвия. Семь врат. Два пути (Из сокровенных индусских писаний)». На страницах книги Е.П. Блаватской Толстой не оставляет помет чтения, но множество помет писатель оставил на страницах немецкого теософского журнала «Теософский вестник» (оригинальное название на немецком языке – «Theosophischer Wegweiser»): Л.Н. Толстой отметил афоризмы Рамакришны, Фомы Кемпийского и Е.П. Блаватской (из «Голоса безмолвия») [5. Т. 54. С. 506]. Об этом немецком журнале Толстой пишет в дневнике 12 февраля 1903 г.: «Читаю прекрасный теософический журнал; много общего с моим пониманием» [Там же. С. 155].

³ Самарин Петр Федорович (1830–1901) – тульский помещик.

⁴ Миллюти Константин Юрьевич (1841–1903) – московский купец.

⁵ Давыдов Николай Васильевич (1848–1920) – юрист, общественный деятель.

⁶ Здесь и в подобных случаях издания книг до 1917 г. цитаты приводятся в современной орфографии.

⁷ Спиритические сеансы и разговоры о них появляются не только в комедии «Плоды просвещения», но и в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение». См. в романе «Анна Каренина» разговор в гостиной Щербачих о спиритизме [5. Т. 18. С. 56–58] и сцену спиритического сеанса [5. Т. 19. С. 315–318]; в романе «Воскресение» сцена спиритического сеанса проходит у коменданта Петропавловской крепости [5. Т. 32. С. 265–267, 270].

⁸ Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – профессор зоологии Петербургского университета, с 1898 г. член Академии наук, писатель-беллетрист, сторонник спиритизма.

⁹ Сборник, отправленный Люси Маллори в 1906 г., не является тем сборником с названием «На каждый день», над которым Л.Н. Толстой работал в 1908–1909 гг. Можно предположить, что замена названия в переводе на немецкий и английский связана со сложностью перевода с русского языка названия «Круг чтения». Вероятно, вследствие этого за основу перевода был взят календарный принцип расположения мудрых мыслей в сборнике, поэтому и появилось название «На каждый день».

¹⁰ Здесь и в других случаях перевода текстов с английского языка из журнала «Передовая мысль мира» перевод мой. – О.А.

¹¹ В 90-томном полном собрании сочинений Л.Н. Толстого в томах «Круга чтения» (Т. 41, 42) и в томе «Пути жизни» (Т. 45) приводится следующий вариант написания имени американской издательницы – «Люси Маллори», а в томах сборника «На каждый день» (Т. 43, 44) имя американки было напечатано в несколько ином виде – «Люси Маллори».

ЛИТЕРАТУРА

1. Маковицкий Д.П. У Толстого 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90 : в 4 кн. М. : Наука, 1979.
2. Алексеева Г.В. Мэллори Люси // Лев Толстой и его современники. Энциклопедия / под ред. Н.И. Бурнашевой. М. : Парад, 2008. С. 252.
3. Булгаков В.Ф. Отчет по описанию библиотеки Л.Н. Толстого, находящейся в Ясной Поляне // Толстовский ежегодник, 1913 г. Издание Общества Толстовского Музея в С.-Петербурге и Толстовского Общества в Москве, 1914. С. 67–72.
4. Алексеева Г.В. Яснополянская библиотека Л.Н. Толстого: из опыта подготовки к изданию тома 4 – «Периодические издания на иностранных языках» // Международная научно-практическая конференция «Библиотеки, музеи: основные направления взаимодействия и сотрудничества». Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2016. С. 93–103.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1928–1958.
6. Давыдов Н.В. Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом. М., 1911. С. 17–33.
7. Л.Н. Толстой и Люси А. Маллори // Л.Н. Толстой и США: Переписка / сост., вступ. ст. и ком. Н. Великанова, Р. Виттакер. М., 2004. С. 327–339.
8. Николокин А.Н. Американские источники // Толстой Л.Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении / сост., вступ. ст. А.Н. Николокина : в 2 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 345–352.
9. Маллори Люси. Вождь человечества // О Толстом. Воспоминания и характеристики представителей различных наций / под ред. П.А. Сергеевко. М. : Издание В.М. Саблина, 1911. Т. I. С. 131–132.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 апреля 2017 г.

THE AMERICAN MAGAZINE *THE WORLD'S ADVANCE THOUGHT* AS A SOURCE OF LEO TOLSTOY'S *A CALENDAR OF WISDOM* (ON MATERIALS OF THE WRITER'S LIBRARY AT YASNAYA POLYANA)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/419/1

Olga A. Alferova, Moscow State University (Moscow, Russian Federation); State Memorial and Natural Preserve “Leo Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana”” (Yasnaya Polyana, Russian Federation). E-mail: alferova09@yandex.ru

Keywords: Leo Tolstoy; *A Calendar of Wisdom*; Lucy Mallory; American magazine *The World's Advance Thought*; Russian literature; American literature; Leo Tolstoy's library at Yasnaya Polyana estate.

The article determines the sources of *A Calendar of Wisdom*, the collection of wise thoughts compiled by Leo Tolstoy in 1904–1906. This article presents marginal notes on the pages of an American magazine *The World's Advance Thought* made by Leo Tolstoy which have not been published yet. On the basis of marginal notes left by the writer on the pages of the issues of Lucy Mallory's magazine the sources of seventy four sayings translated for *A Calendar of Wisdom* were identified. The years of publishing of the magazine *The World's Advance Thought* for Leo Tolstoy were the time when he selected sources for compilation of sages' sayings collections: *Wise Thoughts for Every Day* (1903), *A Calendar of Wisdom* (1904), *For Every Day* (1906), *Path of Life* (1910). *A Calendar of Wisdom* seems to be the largest Tolstoy's collection in terms of volume and selection of sources in comparison with all other collections: it contains the greatest number of wise sayings and the most varied amount of their authors. *The World's Advance Thought* was one of the sources of *A Calendar of Wisdom*. Lucy Aaron Mallory was the publisher of the magazine, and sent to Leo Tolstoy at Yasnaya Polyana not only issues of her magazine but also letters. Leo Tolstoy replied to some of her letters. The attention to the work of the publisher of *The World's Advance Thought* which Leo Tolstoy demonstrated shows how receptive the writer was to all the printed issues sent to Yasnaya Polyana. Tolstoy, after reading different issues of Lucy Mallory's magazine, found this edition extremely interesting, despite the fact that the publisher of the magazine was a supporter of spiritualism, the craze which Leo Tolstoy largely decried. The writer took sayings which he had approved and admired from the magazine, and ignored, and in many cases even expressed his disapproval to the sayings with spiritualistic content. There are still more than seventy issues of *The World's Advance Thought* in Leo Tolstoy's library at Yasnaya Polyana.

REFERENCES

1. Makovitskiy, D.P. (1979) U Tolstogo 1904–1910. Yasnopolyanskiye zapiski [At Tolstoy's of 1904–1910. Yasnaya Polyana notes]. In: Shcherbina, V.R. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 90. Moscow: Nauka.
2. Alekseeva, G.V. (2008) Mellori Lyusi [Lucy Mallory]. In: Burnasheva, N.I. (ed.) *Lev Tolstoy i ego sovremenniki. Entsiklopediya* [Leo Tolstoy and his contemporaries. Encyclopedia]. Moscow: Parad.
3. Bulgakov, V.F. (1914) Otchet po opisaniyu biblioteki L.N. Tolstogo, nakhodyashchetsya v Yasnoy Polyane [Report on the description of the library of L.N. Tolstoy, located in Yasnaya Polyana]. In: *Tolstovskiy ezhegodnik, 1913 g.* [Tolstoy Yearbook, 1913]. St. Petersburg; Moscow: Izdanie Obshchestva Tolstovskogo Muzeya, Tolstovskogo Obshchestva.
4. Alekseeva, G.V. (2016) [Tolstoy's Library in Yasnaya Polyana: from the experience of preparing for the publication of volume 4 - “Periodical publications in foreign languages”]. *Biblioteki, muzei: osnovnyye napravleniya vzaimodeystviya i sotrudnichestva* [Libraries, museums: the main areas of interaction and cooperation]. Proceedings of the international conference. Yasnaya Polyana. pp. 93–103. (In Russian).
5. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit.
6. Davydov, N.V. (1911) Iz vospominaniy o L.N. Tolstom [From memories about L.N. Tolstoy]. In: *Sbornik vospominaniy o L.N. Tolstom* [Collection of memoirs about L.N. Tolstoy]. Moscow: Kn-vo “Zlatotsvet”.
7. Velikanov, N. & Wittaker, R. (2004) *L.N. Tolstoy i SShA: Perepiska* [L.N. Tolstoy and the United States: Correspondence]. Moscow: IWL RAS. pp. 327–339.
8. Nikoluykin, A.N. (1991) Amerikanskiye istochniki [American sources]. In: Tolstoy, L.N. *Krug chteniya: Izbrannye, sobrannye i raspolozhennye na kazhdy den' L. Tolstym mysli mnogikh pisateley ob istine, zhizni i povedenii* [A Calendar of Wisdom: the thoughts of many writers about truth, life and behavior selected, collected and arranged for every day by L. Tolstoy]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
9. Mallory, L. (1911) Vozhd' chelovechestva [Leader of Mankind]. In: Sergeenko, A.P. (ed.) *O Tolstom. Vospominaniya i kharakteristiki predstaviteley razlichnykh natsiy* [Tolstoy. Memories and characteristics of representatives of various nations]. Vol. 1. Moscow: Izdanie V.M. Sablina.

Received: 23 April 2017

КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ «ГЛАЗАМИ ЕВРОПЫ»: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА В БРИТАНСКОМ ИЗДАНИИ «ГАРДИАН»

Представлены результаты анализа метафорического моделирования образа социального конфликта на Украине (2013–2016 гг.), репрезентированного британским изданием «Гардиан». Выявлены типы концептуальных метафор, участвующих в формировании образа конфликта; выделены и описаны объекты метафорического моделирования; изучены смысловые, в том числе оценочные, эффекты метафорического моделирования. Материалом для исследования послужили новостные и аналитические медиатексты издания «Гардиан».

Ключевые слова: концептуальная метафора; социальный конфликт; метафорическая модель; метафорическая номинация; медиадискурс; когнитивно-дискурсивный подход; сфера-источник; сфера-мишень; языковая интерпретация.

Социальный конфликт – сложное явление, сопровождающее человека на протяжении всей его жизни, а человечество – на протяжении всей истории. В силу своей сложности явление изучается в русле самых разных наук на протяжении тысячелетий. В последние десятилетия социальный конфликт становится объектом изучения и лингвистики, которая занимается вопросами *языковой репрезентации конфликта*. Изучение конфликта в рамках лингвистики идёт в двух направлениях. С одной стороны, исследуются аспекты конфликтной коммуникации, в которой язык выступает в качестве средства реализации конфликта, с другой стороны, изучаются способы представления / отражения конфликта в различных текстах и дискурсах, анализируются языковые средства *интерпретации конфликта*. Следует отметить, что если исследованию речевого конфликта посвящено немало диссертаций и монографий (Т. ван Дейк, Р. Водак, В.С. Третьякова, Г.А. Копнина, Г.Г. Почепцов, В.И. Же-львис, Е.С. Кара-Мурза, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер и др.), то вопросы языковой интерпретации конфликта остаются малоизученными и представлены в основном отдельными публикациями по проблеме (Дж. Лакофф, О.А. Даниленко, П.Н. Хроменков, Р. Куусисто, М.В. Чернякова, Э.В. Будаев, З.И. Резанова, Т.Г. Антонова и др.).

Наиболее значимые социальные конфликты находят своё отражение в медиадискурсе, который, сочетая в себе информирующую, воздействующую и идеологическую функции, не столько отражает реальную действительность, сколько её интерпретирует, оценивает, комментирует, задавая определённый идеологический фон, регулируя общественное мнение. В медиадискурсе реальные события трансформируются в вербальные, которые представляют собой «результат интерпретации» данного события автором текста. Иными словами, фрагменты действительности заменяются образами, моделируемыми авторами текстов. В результате одному реальному событию всегда соответствует некоторое множество вербальных медиасобытий, наделённых авторской модальностью [1. С. 19]. Наше же представление о происходящих в мире событиях напрямую зависит от их проекций и способов подачи в медийном пространстве. Необходимо также отметить, что современный медиадискурс, выступая в качестве мощного средства производства и распространения слова, оказывает значительное влияние на формирование когнитивных про-

цессов человека и создание языковой картины окружающего мира [2. С. 6–23; 3. С. 124–125; 4].

Таким образом, если языковая репрезентация конфликта – это способ его лингвистического реконструирования, то медийная публикация о конфликте – это частный случай конструирования социальной реальности, одна из возможных интерпретаций, выбор которой обусловлен множеством факторов, в том числе ценностными установками автора текста и позицией издания [5. С. 51]. Таким образом, получателю медиатекста представляется некий «нарисованный» образ, чьё-либо видение конфликта, его развития, субъектов и пр., и, в зависимости от способа и формы репрезентации, у аудитории могут складываться самые разные образы одного и того же конфликта и его участников, формироваться самые разные оценки ситуации и событий.

В свете вышесказанного, исследование вопросов языковой интерпретации конфликта и способов его медийного отражения представляется актуальным. Проблема изучения того, как конфликты репрезентируются в различных СМИ и в разных культурах, приобретает особую значимость в условиях информационной войны, на развёртывание которой указывают многие исследователи медиадискурса и политической коммуникации (Л.Н. Синельникова, Ю.Р. Тагильцева, А.П. Сквородников, Г.А. Копнина, А.Д. Васильев, О.В. Красовская, Е.В. Каблуков и др.). В условиях информационной войны СМИ становятся «информационным спецназом», способным производить «альтернативную реальность» [6].

Одним из широко используемых в медиадискурсе средств представления реальности в заранее заданной модальности является метафора, которая способствует реализации основных функций медиадискурса. Метафора способна целостно, ёмко и ярко отображать действительность, что содействует эффективной передаче и лучшему запоминанию информации. Метафора, как правило, имеет эмоционально-оценочную окраску, в том числе имплицитно выраженную, она способна высвечивать одни свойства реальности и скрывать другие, заставляя нас фиксировать внимание на определенных сторонах ситуации и задавая, таким образом, способ видения ситуации. В конечном счёте метафора способствует эффективному формированию необходимого образа мира и усиливает функцию воздействия медиадискурса [2. С. 53, 120, 168; 7. С. 133; 8. С. 15–19].

Как отмечает А.А. Казаков, военный конфликт на юго-востоке Украины стал одним из наиболее значи-

мых событий последнего времени, освещение которого заняло свою нишу в международном информационном пространстве [9. С. 110]. Социальный конфликт на Украине – затяжной конфликт со сложными структурными отношениями. Начавшись в ноябре–декабре 2013 г. на фоне политического кризиса в стране, внутривластный конфликт перерос в конфликт военный, в который в роли посредников и подстрекателей оказались втянутыми многие страны. М.В. Плотникова отмечает, что основными причинами конфликта послужили социальная несправедливость, поляризация доходов и уровня жизни населения Украины, коррупция органов власти и правоохранительных органов [10. С. 200]. Интерпретация данного конфликта в СМИ связана с эмоциональными аспектами восприятия ситуации, а также с субъективным видением противоборствующих сторон, причин конфликтных действий и конфликта в целом. Неоднозначность, а зачастую и диаметрально противоположность медийной интерпретации происходящих на Украине событий подогревают исследовательский интерес к проблеме украинского конфликта.

Отражение конфликтных событий на Украине в мировых СМИ всё чаще становится объектом и лингвистических исследований. Н.Б. Руженцева [11, 12] изучила особенности украинского медиадискурса в свете происходящих на Украине событий. Медиаобраз украинского кризиса в российских, британских и немецких СМИ представил А.Б. Бушев [13. С. 270–288]; сравнительный анализ интерпретации событий на Украине в российском и американском медиадискурсах провели Б.Н. Шестов [14] и А.А. Казаков [9]; Й. Сипко [15, 16] описал оценку украинского кризиса и антироссийских санкций словацкими СМИ; А.А. Алексеева [17, 18] обратилась к изучению «крымского вопроса», проанализировав конфликтные речевые тактики пользователей социальных сетей и освещение референдума в Крыму в британских СМИ. Языковые средства отображения украинского конфликта в англоязычных СМИ заслужили внимание О.А. Кузиной [19] и Э.В. Егоровой [20].

В ключе тенденций современной лингвистики большую часть исследований украинского конфликта составляют работы, направленные на его метафорическую интерпретацию. Метафорическое моделирование украинского конфликта изучили Ю.В. Газинская [21] (на материале русскоязычных СМИ Украины), З.И. Резанова и К.С. Шиляев [22] (на материале российского медиадискурса); Э.В. Будаев [23] описал метафорический образ кризиса на Украине, представленный на русскоязычных новостных порталах; манипулятивное воздействие визуальной (невербальной) метафоры украинского конфликта в англоязычных СМИ исследовала Е.А. Румянцева [24]; образы участников конфликта, в том числе в рамках сравнительного анализа, стали объектом исследовательского интереса Р.И. Зарипова [25] и М.В. Плотниковой [10] (на материале французского медиадискурса), Т.А. Знаменской [26] (на материале англоязычных СМИ), А.О. Уржумцевой [27] (на материале испанского медиадискурса). Изучаются и более частные аспекты конфликта на Украине, например, И.А. Серёгина и

И.А. Курбанов [28] провели сопоставительный анализ российских, украинских, английских морбиальных и домашних метафор, представленных в СМИ по теме «Кризис на Украине»; И.А. Серёгина и А.П. Чудинов [29] описали метафорические модели слоганов Крымского референдума; П.В. Кропотухина и В.В. Тихонов [30] представили результаты сопоставительного исследования концептуальных метафор со сферой-мишенью «экономические санкции», используемых в британских, американских и российских СМИ; К.А. Ковалёва [31] изучила метафорическую репрезентацию конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко; Н.Г. Смирнова [32] изложила, как конфликт на Украине отражается посредством морбиальной метафоры в публикациях авторов общественно-политического интернет-ресурса «polemika.com.ua».

Проведённый нами обзор литературы по проблеме позволяет говорить о том, что, несмотря на большое количество публикаций по проблеме интерпретации, в том числе метафорической, украинского конфликта в медиадискурсе, вопрос остаётся далеко не полностью изученным. Более того, отсутствуют исследования метафорического моделирования конфликта на Украине как целостного явления на материале британского медиадискурса. В большей части работ в качестве текстового материала выступает англоязычный медиадискурс в целом, в то время как нам представляется важным анализ британского и американского дискурсов отдельно, так как только в этом случае возможно изучение дискурсивных, социокультурных аспектов реализации смыслового потенциала метафор. Отличительной чертой нашего исследования также является то, что мы выявляем и анализируем структурные компоненты конфликта как объекты метафорического моделирования. Из вышесказанного следует, что результаты нашего исследования, направленного на анализ смысловых аспектов метафорического моделирования социального конфликта на Украине (2013–2016 гг.) в британском и российском медиадискурсах, внесут значимый вклад в комплексное изучение средств вербального реконструирования образа конфликта на Украине в глобальном медиадискурсе.

Предметом исследования в данной статье выступают смысловые аспекты метафорического моделирования социального конфликта на Украине (2013–2016 гг.) в британском издании «Гардиан».

Материалом для исследования послужил тематически организованный дискурс, дискурсообразующим признаком которого является единство темы: социальный конфликт на Украине (2013–2016 гг.). Источником материала для исследования послужили новостные и аналитические тексты британского издания «Гардиан».

«Гардиан» («The Guardian») – одно из самых известных и уважаемых изданий Великобритании, ежедневная общественно-политическая газета, тираж которой на январь 2016 г. составил 164 163 экземпляра. С 2004 г. читателям стала доступна полная цифровая версия газеты. По политическим взглядам «Гардиан» относят к либеральным изданиям и считают «органом среднего класса». В 2014 г. газета получила Британ-

скую премию прессы за лучшее печатное и цифровое издание года, в 2016 г. сайт газеты был признан лучшим вебсайтом года. События на Украине получили широкое освещение как в новостных, так и в аналитических материалах издания.

Из большого массива медиатекстов нами были отобраны 99 статей, информирующих о конфликте на Украине, общим объёмом 88 628 слов, в которых методом сплошной выборки были выявлены метафорические номинации, репрезентирующие украинский конфликт. Анализ отобранного языкового материала был направлен на выявление:

1) типов метафорических моделей, репрезентирующих анализируемый конфликт;

2) структурных компонентов украинского конфликта, выступающих объектами метафорического моделирования при его медийной репрезентации в «Гардиан»;

3) особенностей формирования образа конфликта на Украине в издании «Гардиан» посредством различных концептуальных сфер и их элементов.

Наше исследование находится в русле *когнитивно-дискурсивного подхода* к изучению метафоры, центральной единицей анализа при котором является концептуальная метафора как важнейшее средство структурирования действительности. Концептуальная метафора объединяет две понятийные сферы: сферу-источник и сферу-мишень. Сфера-мишень – это менее понятная концептуальная область, элементы которой структурируются путем уподобления элементам сферы-источника, хорошо знакомой человеку. В основе концептуальных метафор лежат метафорические модели, т.е. мыслительные схемы, по которым думает человек, объединяя две концептуальные сферы, и в соответствии с которыми система фреймов (слотов, концептов) понятийной области сферы-источника служит основой для моделирования объектов, процессов, признаков сферы-мишени. Таким образом, концептуальная метафора представляет собой ментальную операцию, общий механизм постижения и языкового отражения действительности. Концептуальные метафоры находят своё языковое воплощение в различных метафорических номинациях, анализ которых позволяет исследовать когнитивную модель интерпретации фрагмента действительности носителями определённого языка [33. С. 9; 34; 35. С. 55–56; 36. С. 53–59, 70].

Когнитивный подход позволяет выявить моделирующий потенциал концептуальных метафор, реализация которого определяется дискурсивными факторами, так как образные значения метафорических номинаций актуализируются под воздействием лингво-социального контекста [37. С. 192]. Метафора, актуализируя определённые когнитивные и эмотивные смыслы, моделирует в медиадискурсе представляемую СМИ тему [21. С. 86]. Таким образом, рассматривая метафору как когнитивный механизм и орудие дискурса, мы получаем представление о том, как действительность, в нашем случае социальный конфликт на Украине, конструируется средствами метафоры в медиадискурсе. Единство когнитивных процессов (моделей метафорического уподобления), лежащих в

основе концептуальных метафор, обуславливает привлечение в качестве единиц анализа метафорических номинаций разного рода: живых образных узуальных метафор, окказиональных / авторских метафор, генетических / стёртых метафор, фразеологических метафор (см. обоснование такого подхода в когнитивной лингвистике) [34, 38]. Границы нашего исследования определены рамками конкретного конфликта и ограниченностью текстового материала.

Как показал проведённый анализ, объектами метафорического моделирования при медийной репрезентации конфликта на Украине в издании «Гардиан» становятся *политические деятели*, вовлечённые в конфликт, *посредники* и их *действия, направленные на урегулирование военного конфликта, конфликтные действия противоборствующих сторон, этапы конфликта, политический кризис* в стране как причина военного конфликта. *Военные действия* выступают в качестве сферы-мишени крайне редко.

При моделировании вышеуказанных структурных компонентов украинского конфликта в анализируемых медиатекстах чаще других оказываются задействованными **годовая** (166 номинаций), **природная** (110 номинаций), **театральная** (83 номинации), **коммерческая** (43 номинации), **спортивно-игровая** (43 номинации), **физиологическая** (37 номинаций) и **милитарная** (32 номинации) концептуальные метафоры.

Рассмотрим подробнее смысловые эффекты использования вышеперечисленных концептуальных метафор в репрезентации социального конфликта на Украине и его элементов.

Доминирующее место среди выявленных нами концептуальных метафор занимает **годовая метафора (метафора пути)**. Развитие конфликта в данном случае моделируется как путь, некое движение. Объектом метафорического моделирования в рамках данной модели выступают *действия, направленные на урегулирование военного конфликта*, которые репрезентируются как «шаги», «движения»: *Donetsk deputy military head Eduard Basurin said his forces were pulling back five self-propelled guns from Olenivka, south of Donetsk, as a «first step»*.

Оценка предпринимаемых мер по урегулированию конфликта задается «Гардиан» посредством указания направления выбранного движения («в правильную или неверную сторону»): *The immediate trigger was a deal between government and the opposition in the streets that went wrong*. Выбор неправильного направления движения приводит «путников» в «тупик», они «сбиваются с пути», что заставляет их искать «новые маршруты», «объездные пути»: *The German foreign minister Frank-Walter Steinmeier said the course taken by Yanukovich was «a dead end»; Berlin said it was not too late to turn back from the abyss, without proposing any decisions or action. «A turnaround is still possible»*. Успешные же меры представлены как «мостящие дорогу», движение по которой будет проходить быстрее: *The ceasefire is intended to pave the way for a comprehensive political settlement of the country's crisis*.

Трудность процесса урегулирования конфликта передаётся посредством семантики используемых глаголов движения («тормозить»; «делать шаги»; «ид-

ти, хромая»), наличия «преград» и «препятствий» на пути, характера пути («передвигаться по тропам»): *The continued fighting has stalled further implementation of the peace plan on both sides; But the path to any lasting peace starts with those 14 words; The agreement represents a potentially significant step toward a peaceful resolution of the conflict; Russia has stepped into the breach... law limps to the ditch like a wounded refugee.* Реализации значений слота «катастрофа на воде» высвечивают неэффективность и даже опасность принимаемых мер, а также сложность конфликтной ситуации: *...economic boat has started to sink; the UN Security Council is expected to meet on Sunday for an emergency session to shore up the ceasefire deal.* Если меры по урегулированию конфликта репрезентируются как сложный и медленный путь, то распространение войны, напротив, интерпретируется как скоростное движения («ехать по скоростной магистрали», «прибавлять скорость»): *War is back on the high road; Even as the US and UK appear to be gearing up for a bigger confrontation.*

Значимое место при моделировании конфликта на Украине в «Гардиан» занимает **природная метафора**, в метафорическое поле которой включены разнообразные фреймы и слоты (*состав царства животных; образ жизни животных; обращение человека с животными; мир неживой природы; природные явления; жизненный цикл растений; погода* и пр.), позволяющие высвечивать самые разные аспекты конфликта. Так, участники протестов делятся на «ястребов» и «голубей», сложная ситуация на Украине уподобляется *болоту*, падающие снаряды ассоциируются с *дождём*, бездействие украинской армии интерпретируется как *нахождение в зимней стужке* и т.д.: *There are therefore still some doves inside or close to the regime. But the hawks know they will probably fall if they fail; The separatists had been shelling government troops holed up in Debaltseve for days, but on Tuesday launched a more intense battle to enter the town; Grad rockets rained down on residential areas of the Ukrainian city of Mariupol on Saturday.*

Основным объектом метафорического моделирования в рамках природной метафоры становятся *участники конфликта и их действия*, интерпретация которых наиболее активно идёт через слоты «стихия воды», «стихия ветра» и «стихия огня». Действия протестующих сравниваются с *потоками воды* и *порывами сильного ветра*. Актуализация таких характеристик этих стихий, как «интенсивность», «внезапность», «разрушительная сила», репрезентируют конфликт как крайне опасное явление с непредсказуемыми и разрушительными последствиями, которое практически невозможно контролировать и сдерживать: *...anti-government protesters stormed buildings; ...hundreds of thousands of people flooded central Kiev.* Ещё одна опасная стихия, стихия огня, активно используется при репрезентации действий, провоцирующих / порождающих конфликт, они уподобляются искрам, которые «разжигают пламя» конфликта: *The deaths of two young Russian-speakers, at the hands of Ukrainian fascists, formed a powerful tableau. It may yet spark a war; ...the deaths seemed likely to further in-*

flame the tense situation in the country. Действия, приводящие к эскалации конфликта выполняют функцию *топлива*, они не дают конфликту «погаснуть»: *Russian minister accuses European politicians of stoking Ukraine crisis.* Все метафорические номинации этой группы несут резко негативную оценку. Близкие смысловые эффекты имеет интерпретация начала конфликта как «извержение вулкана», которое начинается внезапно, сметает всё на своём пути, его невозможно предугадать, предупредить и остановить: *...pro-Russian protests erupted in 11 Ukrainian cities.* Если конфликтные действия ассоциируются с огнём и высокими температурами, то их временное прекращение интерпретируется как «понижение градуса», конфликт представляется «замороженным»: *The most one can hope for is that the conflict is frozen.*

Интересным представляется интерпретация конфликта на Украине в рамках слота «обращение человека с животными», который также направлен на метафорическое моделирование действий участников конфликта, в том числе посредников. Военные действия репрезентируются как *охота на противника*: нападающие «накидывают аркан», а терпящие поражение в него попадают: *Rebels have been redoubling their weeks-long effort to tighten the noose around the town and its key railway junction; ...and Kiev's troops are trapped there with dwindling ammunition and supplies.* Конфликтные действия выступают в образе животных, на поведение которых можно влиять: их сдерживание ассоциируется с процессом укрощения, а их провокация – с побуждением к быстрому движению («пришпорить»): *Yanukovich signed an array of laws last week that severely curtail media rights and regulations on public gatherings, in an attempt to curb the protests; ...news that would likely spur on the protesters.* По словам «Гардиан», Россия видит в странах Запада «укротителей», которые способны сдерживать действия украинской оппозиции, «натянув поводья»: *Lavrov called his counterparts in Berlin, Warsaw and Paris to ask them to rein in the opposition.*

Таким образом, природная метафора задаёт самые разные интерпретации и оценки репрезентируемого конфликта: мир неживой природы, как основание метафорического ассоциирования, высвечивает опасность, непредсказуемость, стихийность, неконтролируемость процессов; мир животных – возможность управлять этими процессами.

Третье место по количеству метафорических номинаций, задействованных «Гардиан» для моделирования конфликта на Украине, занимает **театральная метафора**, направленная в большинстве контекстов на репрезентацию *участников конфликта*. Все участники конфликта (политические силы Украины, России, стран Запада) представлены в качестве актёров (украинских и внешних), степень же их значимости оценивается характером роли (главная – второстепенная): *The Ukrainian actors distrust each other, and so do the outside actors; But the western powers have also played a central role in creating the Ukraine crisis in the first place.* Россия и страны Запада также репрезентируются в образах *постановщиков, сценаристов, дирижеров, кукловодов*, что задаёт их действиям совер-

шенно иную оценку, они интерпретируются в качестве сил, предопределяющих ход развития украинского конфликта: *It is, they say, a made-up scenario scripted in Moscow... and now played out on the ground by pro-Russian activists and bussed-in professionals; ...the Kremlin's choreography has been impressive; He may have been corrupt, grotesque and murderous, a puppet in the hands of Russia.* Европа оказывается представленной ещё в одном образе, образе главного зрителя, на которого направлена игра «актёров» украинской политической элиты: *Power may well have been playing to some very particular galleries.* «Зрительская» оценка действий украинских властей по урегулированию конфликта выражается характером аплодисментов: *Yet even if you take a more alarmist view, to suggest that Europe should just sit on its hands because fascists and antisemitic Cossacks (recognise a stereotype anyone?) are taking over the show.*

Привлечение видов постановок в качестве средства интерпретации направлено на актуализацию различных свойств конфликта: «мыльная опера» указывает на тривиальность и затяжной характер конфликта, «драма» и трагедия» высвечивают в сфере-мишени такие элементы когнитивной структуры сферы-источника, как «тяжелое событие», «напряжённая борьба», «гибельный исход»: *...return one of the key figures in Ukraine's political soap opera to centre stage; It only remains to be seen what role Yanukovich will play in this fast-moving drama; He had been in Kiev to mark the 20th anniversary of that 1994 memorandum, and his take on this tragedy is bold and original.*

Таким образом, в рамках театральной метафоры конфликт на Украине репрезентируется как смоделированное событие, развивающееся по сценарию, написанному внешними силами (Москвой или Западом), что подчёркивает несамостоятельность действий политических сил Украины, их неспособность повлиять на ход событий.

Примерно в равном количестве для моделирования образа конфликта на Украине «Гардиан» задействует ресурсы **коммерческой, спортивно-игровой, физиологической и военной** концептуальных метафор.

В концептуальном поле **коммерческой метафоры** конфликт на Украине представлен как финансовая сделка, главным образом между Западом и Россией, где всё «подсчитывается», где стороны, стремясь получить максимальную выгоду, «торгуются» друг с другом, где действия политических сил имеют «финансовые издержки»: *Look what the Russians are now bargaining for; ...Putin may calculate that he can keep on going until he chooses to stop; The west can also up the ante; Crimean coup is payback by Putin for Ukraine's revolution.*

Объектом метафорического моделирования в рамках данной модели также выступают *участники конфликта и их действия*. Ведущие лица, задействованные в военном конфликте, репрезентируются как *стартап-менеджеры*, что представляет войну на Украине как своеобразный бизнес-проект: *Borodai announced his resignation, claiming he had really only come in as a "startup manager" and that the role of*

prime minister should belong to a local. Народ же Украины представлен в образе «финансовых средств» или основного плательщика: *A few years later, the nation wakes up and starts paying the price; However, more clashes followed costing the lives of at least 1,500 people.* Жизни людей «покрывают финансовые издержки» и тракуются как «денежный сбор»: *The separatists said the total death toll in those two strikes was seven.* Причём цена, которую приходится платить, постоянно растёт. Интерпретация военного конфликта как некой финансовой сделки актуализирует циничность лиц, якобы участвующих в процессе его урегулирования.

Посредством **спортивно-игровой метафоры** конфликт на Украине репрезентируется как некое состязание, чаще спортивное. Данная модель направлена на моделирование *участников конфликта и их действий*, а также *этапов конфликта*. Необходимо отметить многообразие представляемых спортивных «дуэлей», где в качестве участников соревнований выступают: Россия и Европа; Россия и США; политические силы Украины; Россия и Украина. Самым активным участником «конфликта-состязания» представлена Россия, в большинстве контекстов в лице её президента. Значимым представляется то, что Россия репрезентируется только как чемпион, даже в тех «состязаниях», где она не является участником: *Who's winning? «Russia is winning» answers the well-known American «realist», John Mearsheimer; Putin, whether as war leader or a peacemaker, is their champion.* Успехи сторон тракуются как спортивные победы, выигранные призы, оттеснение противника к боковой линии; ход развития конфликта представлен как схватки, шахматные шаги, этапы игры; неправильное поведение в конфликте ассоциируется с нарушением правил («заступить за черту»): *Ukraine claims conflict with pro-Russia rebels entering endgame; As John Kerry, the US secretary of state, described Russia's gambit as «an incredible act of aggression»; If separatist claims, reported by the Associated Press, are true and the rebels have captured Debaltseve, it would be a critical prize for the pro-Russia forces; The conflict in Ukraine sees less shelling each week, while hawks and rebel leaders are being told by Moscow to pipe down and toe the line; Meanwhile, those who disagree with the uneasy peace on all sides are being sidelined.* Качественно-оценочные характеристики оказываются заложенными в концептуальное поле спортивной метафоры и обуславливаются нашими представлениями о спорте, правилах ведения спортсменами честной или нечестной игры и прочими фоновыми знаниями. Оценка роли участников в конфликте передаётся также посредством актуализации значений слота «вид спорта» (ср. вид спорта у России – *борьба*, а у Европы – *бадминтон*: *If Putin's Olympic sport is hardcore wrestling, we cannot confine ourselves to badminton*).

При моделировании образа украинского конфликта посредством **игровой метафоры** задействуется слот «азартная / карточная игра», в рамках которого действия участников конфликта репрезентируются как карточные ходы, а сами участники – как азартные игроки: *If Russia and the rebels continue to breach the ceasefire or otherwise overplay their hand.* В 2/3 случа-

ев основанием метафорического отождествления того, чем готовы пожертвовать участники конфликта выступает понятие «ставка», которая либо уже высока, либо повышается: *But this only raises the stakes – if the protesters can hang on, their numbers will swell again one way or another*. Вовлеченность в концептуальное поле игровой метафоры финансовой составляющей роднит ее по смысловым векторам с коммерческой метафорой, однако здесь высвечивается смысловой компонент риска, представляющий крайне значимым. В целом интерпретация конфликта в рамках игровой метафоры несёт негативную коннотацию.

Физиологическая метафора в анализируемых медиатекстах реализуется в основном посредством репрезентации болезненных состояний организма, т.е. через **морбиальную** метафору. Объектом метафорического моделирования выступают *действия, направленные на урегулирование военного конфликта*. Прекращение активности ассоциируется со смертью или параличом. Чаше других через состояния близкие к смерти интерпретируются *попытки прекращения военных действий* в стране («поддерживать жизнь», «вернуть к жизни мертворождённого», «иметь выкидыш»), эффективность которых оценивается «Гардиан» как близкая к нулю: *But the end of weeks of fighting for Debaltseve could breathe new life into the stillborn ceasefire, which was broken by shelling in the area almost as soon as it began on Sunday; ...while an attempt to reopen peace talks in neighbouring Belarus was aborted before it began*. Мирные переговоры репрезентируются как процесс выкручивания рук его участникам, что указывает на болезненность нахождения компромисса для всех сторон: *...the fact that the negotiations went on through the night suggests they both had to be arm-twisted into making concessions they didn't like*.

Ещё одним объектом метафорического моделирования в рамках данной модели выступает *конфликтная ситуация*, т.е. те социальные условия, в которых назревает и развивается конфликт. Политический кризис в стране, возглавляемой В.Ф. Януковичем, репрезентируется как *раковая болезнь*, от которой наконец-то избавились: *This is your victory because no politician, no diplomat could do what you have done, you have removed this cancer from this country*. Но избавление страны от этого недуга не приносит выздоровления. Основанием для метафорического отождествления политической ситуации на Украине в условиях развивающегося военного конфликта становится слот «физические и психические болезни»: Украина «истекает кровью», она «покрыта шрамами», но ещё «жива»; закон ассоциируется с хромающим, раненым беженцем: *Ukraine has not yet died – as the country's anthem observes. But the face of Ukraine today is that of the bloodied, scarred opposition activist Dmytro Bulatov; ...law limps to the ditch like a wounded refugee*. Разворачивающиеся в стране военные события в целом сравниваются с сумасшедшим домом: *It was a mad-house*.

Яркую эмоциональную окраску в рамках морбиальной метафоры несёт интерпретация *участников конфликта*: националистическое объединение «Правый сектор» репрезентируется как «нарастающая го-

ловная боль»; пророссийские силы – как «впавшие в состояние неконтролируемой ярости»: *Praviy Sektor could become a growing headache for the authorities; Putin's proxies running amok*. Новый президент Украины П.А. Порошенко представлен «политически израненным», «физически ослабленным организмом», вынужденным «принимать горькие лекарства»: *With Ukraine's army on the run, with President Petro Poroshenko politically wounded; This earnest nature of western support crudely sweetens the bitter pills Poroshenko has been obliged to swallow*. Через слот «психические заболевания» репрезентируется и фигура российского президента, который «сошел с ума»: *...one commentator suggesting Putin had lost his mind*. Все субъекты конфликта представлены находящимися в состоянии физической и душевной усталости крайней степени: *With the rebels, Kiev and Moscow all fatigued by military action*.

В целом морбиальная метафора несёт резко негативную оценку происходящих на Украине событий и представляет ситуацию как деструктивную, крайне болезненную для самих участников процессов. Негативная оценка выражается также к позиции Запада в целом и Британии в частности по отношению к событиям на Украине, «Гардиан» считает её крайне пассивной: Запад «смотрит» на действия украинских националистов «слепым глазом», Соединённое Королевство «входит» в украинский конфликт в «состоянии лунатика»: *He accused the west of turning a blind eye to extreme nationalists on the Ukraine side who he claimed were bent on ethnic cleansing; The UK is guilty of sleepwalking into the crisis in Ukraine and has not been as active or visible as it should be*.

Концептуальное поле «**война**» выступает не только как сфера-мишень при репрезентации боевых действий на Украине, но и как сфера-источник при моделировании *политического противостояния* сторон. **Милитарная метафора** представляет конфликт через призму фрейма «военные действия и вооружение»: политические споры репрезентируются как *сражения*, где оружием выступает слово; «сражения» происходят также в головах и сердцах людей, изнурённых политическим кризисом в стране, который представляется в свою очередь «неразорвавшейся бомбой», с которой необходимо «снять взрыватель», на что и направлены действия по урегулированию конфликта; однако многие действия Москвы репрезентируются как направленные на «подрыв взрывчатых веществ»; В.В. Путин представляется в образе воина, «обнажившего меч» и готового к бою; Кремль «укрепляет траншеями» свои позиции на Украине; П.А. Порошенко предстаёт попавшим в политическую «осаду», что указывает на его слабость и неспособность действовать; конфликтогенные же действия репрезентируются «Гардиан» в образе спускового крючка: *Take the question of antisemitism, which has become a battleground in the war of words over Ukraine; The immediate trigger was a deal between government and the opposition in the streets that went wrong; Defused is the right word, for Ukraine today is like an unexploded bomb. Its priming mechanism must be skilfully disengaged, stage by stage, if an explosion is to be avoided; Poroshenko*

appears increasingly weakened and politically beleaguered; ...the Kremlin which is seeking to entrench Russian influence over the breakaway region and to freeze a larger tract of territory under the separatists' control; So for eastern Ukraine, Putin's sword was left unsheathed and ready. Таким образом, политический кризис в стране, равно как и неудачные действия политических сил, репрезентируются как опасные явления, способные повлечь за собой человеческие жизни.

Проведённый анализ позволяет делать выводы о смысловых, в том числе аксиологических, эффектах метафорического моделирования украинского конфликта в издании «Гардиан». Метафора пути высвечивает такие стороны конфликта, как *затяжной характер и сложность процесса его урегулирования* в силу неэффективности предпринимаемых мер. *Опасность конфликта* на Украине актуализируется в рамках концептуальных сфер природной, морбиальной, военной метафор и в единичных случаях – в рамках метафоры пути. Концептуальная сфера «природная стихия» представляет конфликт как *неконтролируемое и быстроразвивающееся явление*. Элементы концептуальных сфер игровой, спортивной, коммерческой, театральной метафор и в отдельных случаях природной метафоры репрезентируют конфликт на Украине как *смоделированное и контролируемое некими (зачастую внешними) силами действие*, как *состяжание* между политическими лицами, стремление получить выгоду, как *игру*, в которой украинский народ становится просто «разменной монетой».

Особого внимания заслуживает репрезентация в медиатекстах образов политических лиц, вовлечённых в конфликт. Самым популярным из них объектом метафорического моделирования становится российский президент. В.В. Путин и его действия интерпретируются посредством самых разных образов («хулиган», «преступник», «гроссмейстер», «сумасшедший», «кукловод», «дирижер», «сценарист» и др.), несущих негативную оценку, однако универсальным является репрезентация его позиции в конфликте как сильной, он представлен как влиятельное лицо, с которым приходится считаться. В то же время украинские политические лидеры представлены очень слабыми фигурами, нуждающимися в поддержке, неспособными на принятие самостоятельных решений. В целом можно утверждать, что метафорические модели, задействованные в медийной репрезентации конфликта на Украине в издании «Гардиан», направлены на создание насыщенного отрицательно-оценочного фона. В подавляющем большинстве контекстов украинский конфликт репрезентируется как *деструктивное, неприятное, тяжело переживаемое социальное явление*. Реже других реализация аксиологической составляющей метафорических значений имеет место в рамках концептуальных моделей метафоры пути.

Что касается структурных компонентов украинского конфликта, выступающих объектами метафорического моделирования при его медийной репрезентации в «Гардиан», то чаще всего выявленные нами концептуальные метафоры оказываются направленными на интерпретацию *участников конфликта и их действий*. Однако военные действия практически не

становятся объектами метафорического моделирования, а действия, направленные на урегулирование конфликта, репрезентируются как крайне сложные и малоэффективные.

Подводя итог, отметим, что все выявленные нами продуктивные метафоры, репрезентирующие конфликт на Украине, отмечаются и в работах других исследователей, выполненных на ином текстовом материале. Проведённый анализ позволяет нам сделать предварительные выводы о том, что **театральная, спортивно-игровая и военная** метафоры относятся к универсальным средствам вербального реконструирования конфликта на Украине [10, 21–27, 30, 31]. Совпадение идёт как на уровне продуктивности указанных метафор в медиадискурсах разных стран, так и на уровне реализуемых ими смысловых эффектов. Некоторые культурно-специфические особенности дискурсивной реализации наблюдаются в поле спортивной метафоры. Так, если в англоязычном дискурсе конфликт и его аспекты моделируются через их представление в рамках различных видов спорта, то для русского и в особенности французского медиадискурсов оказывается востребованным фрейм сферы-источника «шахматная игра», актуализирующий в большей мере интеллектуальную, а не физическую силу.

Годическая и морбиальная метафоры оказываются задействованными при репрезентации конфликта в англоязычном и в русскоязычном медиадискурсах при совпадении сфер-источников и сфер-мишеней, а также реализуемых эмотивных значений [22–26, 29, 30, 32]. На высокую продуктивность морбиальной метафоры в русскоязычном дискурсе указывают отдельные исследования [28, 32].

Коммерческая метафора, выявленная нами как продуктивная, отмечается только в одном из изученных нами исследований [22], тем не менее, можно констатировать её использование и в российском медиадискурсе при совпадении вектора смыслового развития.

Природная метафора, являющаяся одной из самых продуктивных в нашем исследовании, также оказывается востребованной в медиадискурсах разных стран при некоторых различиях в векторе её дискурсивно-смыслового развития [23–25, 30]. Культурно-специфической для английского языка группой природных метафор являются *климатические* метафоры, смысловой потенциал которых реализуется при моделировании разных сфер-мишеней: в нашем анализе – это *конфликтные действия и конфликтогены*, в анализе П.В. Кропотухиной и В.В. Тихонова [30] – это *экономическая политика*. *Зооморфные* метафоры оказываются более востребованными, чем *фитоморфные* при репрезентации украинского конфликта в русском, английском и французском медиадискурсах, но и в этом случае мы отмечаем некоторые отличия результатов нашего исследования: если другие авторы указывают на реализацию присущих зооморфным метафорам пейоративных оценочных смыслов, их направленность на дискредитацию интерпретируемого субъекта [34], то в анализируемых нами медиатекстах они не имеют такой коннотации. Возможно, это объясняется задействованным слогом *«приручение живот-*

ных», в рамках которого реализация эмотивных значений метафор обуславливается языковым и социальным контекстом.

В работах других исследователей, изученных нами, было отмечено использование метафор, которые в анализируемом нами текстовом материале оказались крайне редкими. Так, большинство исследователей указывают на продуктивность *криминальной* метафоры [21, 22, 24, 27, 30], однако мы выявили только 8 метафорических номинаций в рамках этой сферы-источника, что можно объяснить либо ограниченностью текстового материала, либо культурной спецификой именно британского (не англоязычного в целом) медиадискурса. Отмечается универсальный аспект смысловой реализации *криминальной* метафоры: во всех случаях она репрезентирует либо противоборствующую сторону, либо зачинщика конфликта. Только для русского, испанского и французского медиадискурсов оказывается актуальной метафора *родственных / близких отношений*, которая направлена на репрезентацию взаимоотношений между странами, вовлечёнными в конфликт: отношения между Россией и Украиной представляются как *семейные*, для Европы Украина – *завидная невеста*, а ЕС и США – это *«закадычные друзья»*, которых Россия пытается поспорить [23, 25, 27].

Наконец, в исследованиях метафорической репрезентации конфликта на Украине нами были отмечены случаи анализа авторами политических карикатур как невербальных (визуальных) метафор [10, 24], сферы-источники и образы которых оказываются аналогичными сферам-источникам и образам, репрезентированным вербальными метафорами. Так, наиболее продуктивными визуальными метафорами являются *зооморфная, спортивная, морбиальная и криминальная*, а самым частым объектом метафорического моделирования посредством визуальной метафоры становится президент РФ. Таким образом, исследованный нами языковой материал подтверждает положение, высказанное Е.А. Румянцевой о том, что большая часть невербальных политических метафор имеет аналоги в метафорических выражениях. Это объясняется тем, что и вербальные, и невербальные метафоры несут на себе «отпечаток национального коллективного сознания» [24. С. 25].

Заданная в «Гардиан» метафорическая репрезентация конфликта на Украине значительным образом влияет на формирование у читателя определённой картины происходящего, и ключевую роль в этих процессах играют используемые метафоры, которые, как показало исследование, в большей степени относятся к универсальным средствам метафорического моделирования украинского конфликта в мировых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мохирева С.В. Вариативность репрезентаций вербального события в СМИ // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 19–22.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта; Наука, 2008. 264 с.
3. Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой, А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 124–125.
4. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm> (дата обращения: 6.09.2016).
5. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47–71.
6. Илларионов А.Н. Вызовы информационной войны для свободного общества и возможная контрстратегия. Выступление на XIX Форуме Открытого общества Эстонии (Таллин, 18 сентября 2014 г.) // LiveJournal. URL: <http://aillarionov.livejournal.com/735489.html> (дата обращения: 23.01.2017).
7. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
8. Харченко В.К. Функции метафоры: учеб. пособие. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 96 с.
9. Казаков А.А. Сравнение фреймов и повесток дня второго уровня «Российской газеты», «Новой газеты» и «Нью-Йорк таймс» (на примере освещения событий на юго-востоке Украины) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. С. 110–114.
10. Плотникова М.В., Кипина М.А. Советский Джеймс Бонд: политический портрет В.В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 200–205.
11. Руженцева Н.Б. Когнитивные модели как средство достижения иронического эхо-эффекта в разных форматах дискурса (освещение украинских политических событий) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 82–89.
12. Руженцева Н.Б. Массмедийный политический дискурс: давление контекста и давление контента в свете украинских событий // ИмPLICITные и EXPLICITные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции Междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Цюрихский университет, 2014. С. 119–132.
13. Бушев А.Б. Украинский кризис в освещении мировых медиа // Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация. Palmarium Academic Publishing, 2016. С. 270–288.
14. Шестов Б.Н. Информационная повестка дня в освещении событий на юго-востоке Украины (по материалам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» за ноябрь 2014 г.) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 111–119.
15. Сипко Й. Лингвокультурология антироссийских санкций в словацких СМИ, или Украинский кризис продолжается // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 93–98.
16. Сипко Й. Интерпретация роли США и Запада в украинском кризисе в словацких СМИ // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 59–65.
17. Алексеева А.А. «Крым наш»: конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте» // «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления»: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 6–9.
18. Алексеева А.А. Образы референдумов в Крыму и Шотландии (на материале британских и российских СМИ) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6: Журналистика. С. 163–170.

19. Кузина О.А. Фразеологические единицы как средство отражения событий политической жизни на Украине (на материале англоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 104–110.
20. Егорова Э.В. Украинский кризис: образ России в англоязычных электронных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41) : в 2 ч. Ч. I. С. 60–65.
21. Газинская Ю.В. Метафора как когнитивный механизм моделирования политической реальности в русскоязычном пространстве медиадискурса Украины // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 86–89.
22. Резанова З.И., Шилев К.С. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // Русин. 2015. № 4 (42). С. 217–234.
23. Будаев Э.В., Курейко В.В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 93–97.
24. Румянцева Е.А. Политическая метафора в Украине (на материале англоязычных СМИ) // Мова і культура. 2014. № 17, т. 3. С. 18–28.
25. Зарипов Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 172–180.
26. Знаменская Т.А. Использование метафоры как средства манипуляции общественным мнением в англоязычных публикациях об Украине // Научное периодическое издание «CETERIS PARIBUS». 2015. № 1. С. 67–68.
27. Уржумцева А.О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль Паис» // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 195–200.
28. Серёгина И.А., Курбанов И.А. Морбиальная метафора периода украинского кризиса // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе : материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. И.В. Култышева. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т ; Нижнетагил. гос. соц. пед. акад., 2014. С. 111–120.
29. Серёгина И.А., Чудинов А.П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 89–94.
30. Кропотухина П.В., Тихонов В.В. Метафоры и «контрметафоры» санкционного дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 97–99.
31. Ковалёва К.А. Метафорическая репрезентация политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. С. 129–134.
32. Смирнова Н.Г. Языковая картина событий на Украине и их отражение в медийном дискурсе: морбиальная метафора // Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления : материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 239–241.
33. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 256 с.
34. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 06.09.2016).
35. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
36. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
37. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
38. Резанова З.И. Метафора в процессах языкового миромоделирования // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1. С. 13–75.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 мая 2017 г.

CONFLICT IN UKRAINE SEEN BY EUROPE: METAPHORICAL MODELLING OF THE IMAGE IN THE BRITISH MASS MEDIUM *THE GUARDIAN*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 12–22.

DOI: 10.17223/15617793/419/2

Tatiana G. Antonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatgran@sibmail.com

Keywords: conceptual (cognitive) metaphor; social conflict; metaphorical model; metaphorical expression; media discourse; cognitive-discursive approach; source domain; target domain; verbal interpretation.

The article deals with the metaphorical representation of a social conflict in British media discourse. It aims to analyse the interpretative aspects of the metaphorical modelling of the Ukraine social conflict (2013–2016) in *The Guardian*. Different kinds of articles – news articles, feature articles, editorials, columns and opinion pieces – have served as the source of the text material analysed. The research is based on the cognitive-discursive approach to studying metaphor. Cognitive metaphors link two conceptual domains: the “source” domain and the “target” domain. The knowledge about the source conceptual domain is used to reason about the target one. In this way, the author regards conceptual metaphor as a cognitive process of conceptualisation and verbal interpretation of reality. Conceptual metaphors are verbally realised by various metaphorical expressions, whose analysis can explore the cognitive model of interpretation of reality by language speakers. The potential of conceptual metaphors to model the world is realised in and by discourse. Thus, researching metaphors as a cognitive and discursive means, the author learns how social conflict is metaphorically reconstructed in media discourse. 99 articles about the conflict in Ukraine published by *The Guardian* were selected. Analysing the text material the author identified the conceptual metaphors used to represent the conflict, detected the conflict components modelled by the metaphors and described the images shaped. The author has determined that the major objects of metaphorical modelling are the conflict participants and their actions. The most common conceptual metaphors used to represent the conflict components are the metaphors of journey (166 expressions), nature (110), theatre (83), commerce (43), game (43), as well as physiological (37) and military (32) conceptual metaphors. As a result of the analysis carried out, the author has concluded that the metaphors used by *The Guardian* specify the semantic, axiological included, direction of the Ukraine conflict modelling. Journey metaphors highlight that the conflict has a protracted character and is difficult to solve. The hazards of the conflict are depicted by nature, morbid and military metaphors, and in rare cases by journey metaphors. The conceptual domain “nature” represents the conflict as an uncontrollable and fast-running phenomenon. Those of game, theatre, commerce and occasionally nature metaphors embody it as a designed and supervised (often from outside) thing. The Russian president is the major object of the metaphorical modelling among politicians. His image is mostly derogatory, though, it depicts his strong position in the conflict. Axiological aspect is the least realized in the journey metaphor conceptual domain. To sum up, all the conceptual metaphors identified in the study are recorded by other researchers. Thus, theatre, game and military metaphors are universal means of the Ukraini-

an conflict verbal interpretation. Morbid and journey metaphors are used in Russian and English media discourse. Nature metaphors are used in different languages, though they have discourse-semantic variations.

REFERENCES

1. Mokhireva, S.V. (2013) Verbal event variability media representation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 19–22. (In Russian).
2. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (modern English media speech)]. Moscow: Flinta: Nauka.
3. Abramov, V.P. (2001) [Theory of the associative field]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian language: historical destinies and the present]. International congress of researchers of the Russian language: works and materials. Moscow: Moscow State University. pp. 124–125. (In Russian).
4. Volodina, M.N. (2003) Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [The language of the media is the main means of influencing mass consciousness]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistitsiplinarnogo issledovaniya* [Media language as an object of interdisciplinary research]. Moscow: Moscow State University. [Online] Available from: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm>. (Accessed: 06.09.2016).
5. Kara-Murza, E.S. (2009) Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki [Linguistic expert examination as a procedure of political linguistics]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (27). pp. 47–71.
6. Illarionov, A.N. (2014) [Challenges of information warfare for a free society and a possible counterstrategy]. *19th Open Society Forum of Estonia*. Tallinn. September 18, 2014. [Online] Available from: <http://aillarionov.livejournal.com/735489.html>. (Accessed: 23.01.2017).
7. Van Dijk, T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
8. Kharchenko, V.K. (2007) *Funktsii metafory* [Functions of metaphor]. Moscow: Izd-vo LKI.
9. Kazakov, A.A. (2015) Sravnenie freymov i povestok dnya vtorogo urovnya “Rossiyskoy gazety”, “Novoy gazety” i “N'yu-York tayms” (na primere osveshcheniya sobytiy na yugo-vostoke Ukrainy) [Comparison of frames and second-level agendas of Rossiyskaya Gazeta, Novaya Gazeta and New York Times (in the coverage of events in the southeast of Ukraine)]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Linguistics: Problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 110–114. (In Russian).
10. Plotnikova, M.V. & Kipina, M.A. (2016) Soviet James Bond: political portrait of V. Putin in French media texts with reference to Ukrainian crisis. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (58). pp. 200–205. (In Russian).
11. Ruzhentseva, N.B. (2014) Cognitive models as a means of achieving the ironic echo-effect in various formats of discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 82–89.
12. Ruzhentseva, N.B. (2014) [Mass-media political discourse: context pressures and content pressures in the light of Ukrainian events]. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse* [Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse]. Proceedings of the Russian Section of the international conference “Ain't misbehavin'”? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse”. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Zurich University. pp. 119–132. (In Russian).
13. Bushev, A.B. (2016) *Global'nyy mediadiskurs i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Global media discourse and intercultural communication]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. pp. 270–288.
14. Shestov, B.N. (2015) Media agenda in coverage of the events in the southeast of Ukraine (as exemplified by Rossiyskaya Gazeta and The Washington Post, November 2014). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political science*. 15:1. pp. 111–119.
15. Sipko, J. (2014) Linguoculturology of anti-Russian sanctions in Slovakian mass media, or the Ukrainian crisis is continuing. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 93–98. (In Russian).
16. Sipko, J. (2015) Interpretation of the role of the USA and the West in the Ukrainian crisis in Slovak mass media. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (51). pp. 59–65. (In Russian).
17. Alekseeva, A.A. (2014) [“The Crimea is Ours”: conflicting speech tactics in the social network “VKontakte”]. *Politicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political linguistics: prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg. 26–28 August 2014. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 6–9. (In Russian).
18. Alekseeva, A.A. (2015) Obrazy referendumov v Krymu i Shotlandii (na materiale britanskikh i rossiyskikh SMI) [Images of referendums in the Crimea and Scotland (on the material of British and Russian media)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 14:6. pp. 163–170.
19. Kuzina, O.A. (2016) Phraseological units as a means of representation of political situation in Ukraine. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2016. 1 (55). pp. 104–110.
20. Egorova, E.V. (2016) Ukrainskiy krizis: obraz Rossii v angloyazychnykh elektronnykh SMI [The Ukrainian crisis: the image of Russia in English-language electronic media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 11 (41):1. pp. 60–65.
21. Gazinskaya, Yu.V. (2013) Metaphor as a cognitive mechanism of modeling the reality in the Russian language space of the media discourse of Ukraine. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2013. 4 (79). pp. 86–89. (In Russian).
22. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ukraine and Russia in the social conflict: Metaphorical modeling in Russian media discourse. *Rusin*. 4 (42). pp. 217–234. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/15
23. Budaev, E.V. & Kureyko, V.V. (2016) Metaphorical representation of the crisis in the Ukraine in Russian comments to the news portals. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (58). pp. 93–97. (In Russian).
24. Rummyantseva, E.A. (2014) Politicheskaya metafora v Ukraine (na materiale angloyazychnykh SMI) [Political metaphor in Ukraine (on the material of English-language media)]. *Mova i kul'tura*. 17:3. pp. 18–28.
25. Zaripov, R.I. (2015) Metaphorical images of Russia in French political discourse in the context of civil war in Ukraine. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (52). pp. 172–180. (In Russian).
26. Znamenskaya, T.A. (2015) Ispol'zovanie metafory kak sredstva manipulyatsii obshchestvennym mneniem v angloyazychnykh publikatsiyakh ob Ukraine [The use of metaphor as a means of manipulating public opinion in English-language publications on Ukraine]. *CETERIS PARIBUS*. 1. pp. 67–68.
27. Urzhumtseva, A.O. (2014) Ukraine, Russia, European Union and their relationships in November of 2013: metaphorical models in the Spanish newspaper “El País”. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 195–200. (In Russian).
28. Seregina, I.A. & Kurbanov, I.A. (2014) [Morbid metaphor of the period of the Ukrainian crisis]. *Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennom politicheskom diskurse* [Persuasion and proof in modern political discourse]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Nizhny Tagil Social and Pedagogical Academy. pp. 111–120. (In Russian).

29. Seregina, I.A. & Chudinov, A.P. (2014) Metaphorical slogans in referendum on the Crimea status discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 89–94. (In Russian).
30. Kropotukhina, P.V. & Tikhonov, V.V. (2015) Metaphors and “counter-metaphors” of the sanctions discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (54). pp. 97–99. (In Russian).
31. Kovaleva, K.A. (2015) [The metaphorical representation of the political conflict in Ukraine in the speeches of Yulia Tymoshenko]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Linguistics: Problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 129–134. (In Russian).
32. Smirnova, N.G. (2014) [The linguistic picture of events in Ukraine and their reflection in media discourse: morbid metaphor]. *Politicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political linguistics: prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg. 26–28 August 2014. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 239–241. (In Russian).
33. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaforiy, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: URSS.
34. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforiy (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>. (Accessed: 06.09.2016).
35. Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.
36. Chudinov, A.P. (2003) *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
37. Rezanova, Z.I. (2011) Yazykovaya i diskursivnaya kartina mira – aspekty sootnosheniy [Language and discourse picture of the world – aspects of relationships]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 184–194.
38. Rezanova, Z.I. (2003) Metafora v protsessakh yazykovogo miromodelirovaniya [Metaphor in the processes of linguistic world-modeling]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevyye kontsepty* [A metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: key concepts]. Vol. 1. Voronezh: RITs EF VGU.

Received: 23 May 2017

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА 1870-х гг.: ПОВЕСТЬ «СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР»

Рассматриваются особенности восприятия И.С. Тургеневым исторической фигуры царя Ивана Грозного и специфика её художественного воплощения в повести 1870 г. «Степной Король Лир». Выявляется своеобразие моделирования личности главного героя повести – Мартына Харлова – как национального типа через его включение в «текст» позднего русского Средневековья. Значимость создания масштабного трагического образа на материале обыкновенного определяется как следование законам шекспировской образности.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Степной Король Лир»; Иван Грозный; Шекспир; русское Средневековье; М.М. Антокольский.

Творчество И.С. Тургенева второй половины 1860-х – начала 1870-х гг. выпало на время глубокого пореформенного кризиса, связанного с крушением надежд на разрешение крестьянского вопроса, разочарованием в признанных общественных идеалах и неясностью дальнейшего пути развития России [1–4]. Об этом ярко свидетельствуют содержание вышедшего в 1867 г. романа «Дым» и письма указанного периода. В творчестве писателя происходит важная «эволюция изображения человека» [4. С. 5].

В ситуации отсутствия «героя времени» Тургенев обращается к поиску позитивных сил в самом национальном типе русского человека. Представленный ранее в малых прозаических формах, теперь в жанре повести он занимает у него первое место и обретает черты глубокого драматизма, выражающего суть современной русской жизни. Чрезвычайно показательным произведением, во всей полноте раскрывающим особенности нравственно-философских исканий писателя, оказывается повесть «Степной Король Лир» (1870).

В последнее время были сделаны значимые попытки выявить психологическую сущность образа главного героя повести с позиции национальной типологии [5], через категорию культурной памяти [6], смертельный мотив [7] и др. Однако рассмотрение специфики исторического моделирования личности (т.е. соотносённость с периодом эпохального прошлого) оказывается редуцировано, а трагическая составляющая образа героя рассматривается очень однобоко. В то время как эти две категории являются ключевыми. Теория типизации, которая оформляется у Тургенева в пореформенное десятилетие, тесно взаимосвязана со значением и содержанием шекспировских традиций в его творчестве 1870-х гг.

В письме к И.В. Авдееву от 13 (25) января 1870 г., отвечая на критику по поводу «несовременных» образов «Странной истории», Тургенев выразил своё понимание целей искусства: «...неужели каждый характер должен непременно быть чем-то вроде прописи: вот, мол, как надо или не надо поступать? Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством. Другого бессмертия я не допускаю: а это бессмертие, бессмертие человеческой жизни – в глазах искусства и истории – лежит в осознании всей нашей деятельности» [8. Т. 10. С. 132]. Немного ниже он замечает, что его «исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая её передача» [Там же]. Источник эстетической установки на правдивую передачу «физиономии

жизни» он находит именно в Шекспире, о чём прямо скажет позже, подводя итог своим «романным» исканиям: «...я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет “the body and pressure of time” [самый образ и давление времени]...» [9. Т. 9. С. 390].

Принцип выявления общечеловеческого содержания («бессмертия жизни») в обыкновенном человеке тесно и непосредственно сопряжён с шекспировской объективностью и правдивостью. В письме к Полине Виардо от 2 июля (20 июня) 1868 г. писатель утверждает искренность и красоту правдивого искусства: «...можно, например, вызвать *сострадание* (здесь и далее в цитатах курсив Тургенева. – И.В.), описывая или изображая (Лаокоон) страдание; но можно достичь той же цели *на самом деле* испуская скорбные стоны...» [8. Т. 9. С. 243].

При характеристике художественной манеры в «Степном Короле Лире» Тургенев отклоняет кажущуюся связь с Рубенсом. В письме к Людвигу Пичу от 14 (16) апреля 1870 г. он пишет: «Я закончил повесть, которая производит на меня впечатление большого зада – но не в рубенсовском стиле с розовыми щёчками, нет, совсем обыкновенного жирного и белого русского зада» [8. Т. 10. С. 325]. Это рассуждение интересно тем, что Тургенев указывает на эстетическую особенность объекта изображения в «Степном Короле Лире», роднящую его со смелой манерой Шекспира, о которой он писал Л.Н. Толстому 3 (15) января 1857 г.: «Он – как Природа; иногда ведь какую она имеет мерзкую физиономию (вспомните хоть какой-нибудь наш степной октябрьский, слезливый, слизистый день) – но даже и тогда в ней есть необходимость, правда, и <...> целесообразность» [8. Т. 3. С. 181].

Положение писателя, живущего вне России, оторванность от реальной современности («...с каждым днём убеждаюсь, что, оторвавшись от почвы, нельзя долго писать») [8. Т. 10. С. 56] диктуют необходимость искать проявления драматизма жизни не в столкновениях героев-идеологов с обществом, а в коренных русских национальных типах, особенностью которых были глубокая психологическая противоречивость, драма самой личности. В письме об умершем В.П. Боткине Тургенев 22 октября (3 ноября) 1869 г. пишет: «Человек был замечательный: несмотря на многие недостатки – русский тип» [8. Т. 10.

С. 71]. При всём трагическом развороте событий Тургенев упорно искал позитивного начала в самом «русском типе». Подобным образом написан некролог на смерть А.К. Толстого, где писатель отстаивает его «глубоко гуманную натуру» [9. Т. 11. С. 185].

«Философские рассуждения» Тургенева о «русском типе» строятся в диапазоне колебания понятий «жизнь» – «смерть»¹ и распространяются на огромное поле русской жизни. Это выражено в письме к П.В. Анненкову от 15 (27) июня 1870 г. в момент завершения работы над «Степным Королём Лиром»: «...погружаюсь с головой в волны давно мною уже покинутой русской жизни. Ничего: иные грязны, а всё-таки я доволен» [8. Т. 10. С. 204]. Ощущение огромных сил и скрытого драматизма требовало шекспировского масштаба обобщения – через историю, через хронику «королей» освоить современность и раскрыть её трагическое содержание.

Повесть «Степной Король Лир» представляет собой опыт осмысления человеческой природы в категориях шекспировской образности через обращение к эпическому плану русской истории. «В глубине русской жизни», в «чертах русского национального характера» [10. С. 201] писатель открывает новый тип личности – обывочный (провинциальный) человек, положение которого отмечено истинным драматизмом; в пределах простого и обычного раскрывается трагедия существования.

Образ степного Лира включён в значимый для его интерпретации «текст» позднего русского Средневековья и прямо соотносится с центральной фигурой этого периода – царём Иваном Грозным. Интерес писателя к личности первого русского царя был вызван, во-первых, её грандиозным историческим характером, а во-вторых, крайней противоречивостью содержания. Поэтому проблема её художественного воплощения очень остро стояла перед Тургеневым.

Первоначальное знакомство писателя с эпохой Ивана Грозного произошло, вероятно, в годы юношества, во время обучения в пансионе, благодаря чтению «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В 1846 г. в критическом разборе драмы С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» Тургенев говорит, что Карамзин представил царя как «лицо фантастическое» [9. Т. 1. С. 239]. Сравнивая карамзинский рисунок Ивана IV с ранними драматическими представлениями Ляпунова, писатель ищет и не находит в них «голос истины, еще более трогательной и потрясающей в прошедшем, чем в настоящем...» [Там же]. В разговоре о «двойственной, страстной природе» [Там же] Грозного и Ляпунова Тургенев приводит имя Шекспира, который «любил изображать такие лица» [Там же].

Определение «фантастическое», которое применяет Тургенев к описанию Карамзина, связано, прежде всего, с требованием полноты и достоверности, простоты и ясности в изображении исторического образа. Такая точка зрения на созданный Карамзиным образ русского царя перекликается с тем взглядом, который был изложен В.Г. Белинским в 1836 г. Рецензируя третью часть «Русской истории для первоначального чтения» Н.А. Полевого, критик писал: «Карамзин представил его (т.е. Ивана Грозного. – *И.В.*) каким-то двойником, в одной половине которого мы видим ка-

кого-то ангела, святого и безгрешного, а в другой – чудовище, изрыгнутое природою, в минуту раздора с самой собою, для пагубы и мучения бедного человечества, и эти две половины сшиты у него, как говорится, белыми нитками» [11. С. 108].

Однако Тургенев не мог не признать достоинств диалектического подхода историка, его стремления не сводить всё к одноплановому (положительному или отрицательному) изображению и быть как можно более объективным. Недаром в 1868 г. писатель советует А.Д. Вшивцову в качестве самообразования именно чтение «Истории государства Российского» («исторические книги – Карамзина напр. – были бы Вам полезнее») [8. Т. 9. С. 108]. А в 1874 г. в письме к Полине Виардо он рассказывает о том, что читает «с большим трудом и множеством перерывов историю Ивана Грозного» [8. Т. 13. С. 313]. По предположению Н.П. Генераловой и А.Я. Звигильского, «историю Ивана Грозного» Тургенев изучает в изложении Карамзина, поскольку незадолго до этого он упоминает о перечитывании «Писем русского путешественника» [Там же. С. 302, 427]. Возможно, обращение к «Истории государства Российского»² в это время было обусловлено ещё и тем, что Тургенев стремился оказать помощь своему английскому другу Вильяму Рольстону в подборе материала для его лекций по древней истории России³ в Оксфорде. После прочтения этого курса Рольстон решил издать книгу «Древняя русская история» («Early Russian history»).

Безусловно, помимо грандиозного сочинения Карамзина в круг тургеньевского чтения об эпохе Ивана Грозного входили труды С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, Н.Г. Устрялова. Писатель хорошо знал подходы каждого историка в вопросе трактовки «грозного царствования». Его собственная гуманистическая позиция не могла позволить принять апологетическую концепцию – Тургенев искал правды, пусть ужасной и постыдной, но всё-таки правды. Варианты «царь-мучитель» и «царь-страдалец» для него слиты воедино, что даёт масштаб трагического звучания.

Одновременно с научно-историческим контекстом интерпретации личности первого русского царя Тургенев был погружён и в художественно-публицистический: от трагедии «Борис Годунов» (1825) А.С. Пушкина и «Песни про царя Ивана Васильевича...» (1837) М.Ю. Лермонтова до «Рассказов из русской истории» (1869) А.Н. Майкова. В развитии русской литературы целый период – 1860-е гг. – был отмечен пристальным интересом к царствованию Ивана IV и проблемам его неоднозначного, противоречивого облика. Особенный всплеск пришёлся на жанр исторической драмы – в это время в репертуаре Александринского театра господствовали пьесы, «рисующие Ивана Грозного» [13. С. 250]. Среди популярных драматургов были Л.А. Мей («Царская невеста», 1849; «Псковитянка», 1859), И.И. Лажечников («Опричник», 1859), А.К. Толстой («Смерть Иоанна Грозного», 1866), Н.А. Чаев («Грозный царь Иван Васильевич», 1869), Д.В. Аверкиев («Слобода Неволя», 1867), А.Н. Островский («Василиса Мелентьева», 1867).

Практически с каждым из этих авторов Тургенев был знаком лично, а их драматические опыты были ему небезызвестны. Например, в письме к Полине

Виардо от 1 (13) апреля 1867 г. он признаёт, что Чаев «превосходно осведомлен в истории России и в совершенстве владеет языком», но главный его недостаток – это бедность «поэтического воображения» [8. Т. 7. С. 281]. Однако из ряда этих драматических писателей Тургенев особенно выделяет имена Островского и Толстого. За творчеством первого он следил очень пристально, а его произведения оценивал поразному: то восхищённо признавал в нём «замечательный драматический талант» [8. Т. 2. С. 215], то отказывался верить в его «будущность» [8. Т. 3. С. 219]. Охарактеризовывая исторические драмы Островского в целом, Тургенев даёт им определение «водянистые» [8. Т. 10. С. 83], намекая на недостатки, что были выявлены им при разборе хроники «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» (1861): бессодержательность, расплывчатость характеров, отсутствие гармонии в сочетании исторического и повседневного. Под обозначение «водянистые» попала и пьеса «Василиса Мелентьева», где образ Ивана Грозного был совершенно обытовлен и снижен. В письме к Ф.М. Достоевскому от 2 (14) марта 1862 г. Тургенев, задаваясь риторическим вопросом, чётко и определённо формулирует своё требование к исторической драме вообще и драмам Островского в частности: «...жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где История наконец?» [8. Т. 5. С. 27].

В 1868 г. Толстой читал Тургеневу отрывки из своей только что оконченной драмы «Царь Фёдор Иоаннович» (1868), на что тот в письме к Я.П. Полонскому от 31 марта, 6 апреля (12, 18 апреля) 1868 г. заметил: «...довольно замечательный психологический этюд – но где же драма?» [8. Т. 8. С. 177]. Отзывы Тургенева о пьесе «Смерть Иоанна Грозного» неизвестны, однако в некрологе о Толстом он поставил её в один ряд с романом «Князь Серебряный» (1862), где в качестве одного из главных героев также выведен русский царь.

«Князя Серебряного» Тургенев назвал «историческим романом в духе Вальтера Скотта»: «...читается он с большим интересом, увлекателен, хорошо построен и хорошо написан. Образ Ивана Грозного ярко выделяется на фоне, где действуют самые разнообразные персонажи...» [Там же. С. 263]. Такой хвалебный отзыв подкреплялся во многом тем, что писатель (по просьбе А.П. Голицына) хлопотал перед Жюлем Этцелем о публикации французского перевода этого произведения в его журнале. Но «вальтер-скоттовский» дух романа Толстого был определён очень точно. У «шотландского чародея» романное действие строится как «оппозиция или прямое столкновение двух наций, культур, религий, жизненных укладов, быта и пр.», и герой движется именно в этой «пограничной полосе» [14. С. 16]. «Контраст в группировке образов» использует в своём романе и Толстой, этот приём «служит средством создания характеров, ибо показывает поступки героя, его внешность в столкновениях и в противопоставлении с другими персонажами» [15. С. 14]. Такую «романтизированную» схему в построения сюжета и в оформлении образов героев Тургенев в 1860-е гг. принять категорически не мог.

В повести «Степной Король Лир» писатель моделирует характер, исполненный глубоких неразрешимых

противоречий. Антиномичность природы главного героя создаётся за счёт его соотношения с образами исторического прошлого. Период позднего русского Средневековья становится временем зарождения рода Харловых. Провинциальный помещик Мартын Петрович больше всего гордился «своим званием, происхождением» [9. Т. 8. С. 160], поэтому с особенной важностью принимался рассказывать о том, как его далёкий предок вшед (т.е. швед) Харлус «в княжение Ивана Васильевича Тёмного (вон оно когда!) приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом – а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался» [Там же]. Очевидное смешение имён князя и царя⁴ оказывается совершенно сознательной установкой героя: в его понимании именно этот, якобы реально существовавший представитель династии Рюриковичей, принял под своё покровительство выходца из Швеции Харлуса⁵ (Карлуса, Карла). Попытка героя-рассказчика объяснить, что «Ивана Васильевича Тёмного не было вовсе, а был Иван Васильевич Грозный. Тёмным прозывался великий князь Василий Васильевич» [Там же. С. 161], встречает жёсткий отпор со стороны Харлова. Важно заметить, что фраза «в княжение Ивана Васильевича Тёмного (вон оно когда!) приехал в Россию» присутствует без каких-либо исправлений уже в черновом автографе повести [16] и в таком виде переходит в окончательную редакцию. Это позволяет утверждать, что к моменту, когда Тургенев приступил к написанию произведения, мысль о сопоставлении главного героя с Иваном Грозным у него уже была окончательно оформлена.

Характер притязаний Мартына Петровича на значимость положения его предка и, следовательно, на исключительность собственной персоны очень велик. Соединение в одно целое имён двух правителей средневековой Руси – это не столько проявление необразованности главного героя («и глуп тоже не был») [9. Т. 8. С. 163], но знак того, насколько сильна его вера в это, вероятно, семейное предание, породившее глубокую убеждённость в принадлежности к княжескому двору.

Мартын Петрович Харлов, рассказывая о своей родословной, уверяет, что его предок Харлус приехал в Россию, не захотев быть «чухонским графом». Чухонцы – это пренебрежительное, уничижительное наименование, которое использовалось по отношению к финнам. В XVI в. Финляндия (Герцогство Финляндское) была лишена самостоятельности и находилась под владычеством шведского короля. То есть «вшед» Харлус отказался от герцогства в шведской Финляндии, предпочтя его службе российскому государю.

Пренебрежение к шведско-финскому подданству, которое выражает Харлов через определение «чухонский граф», наводит на параллель личных неприязненных взаимоотношений Ивана Грозного с королём шведским и герцогом финляндским Юханом III. Конфликт двух венценосцев строился на том, что русский царь отказывался видеть в лице шведского короля равного себе по знатности и древности рода монарха. Иван Грозный обосновывал своё царское право тем, что сам является потомком Рюрика и власть получил

в результате многовекового престолонаследия. За Юханом же он признавал «мужичий род, а не государский», поскольку его предки «на престоле не бывали» [17. С. 342], а сам он занял его «не по своему достоинству, а благодаря родству» [Там же. С. 344–345] и в результате вооружённого переворота (свержение и казнь брата Эрика). Швецию Иван Грозный именует не иначе как «Шведской землёй» и говорит, что она уступает величю Российского царства («честью ниже»), так как «нам брат – цесарь Римский и другие великие государи» [Там же. С. 337]. Царь считает, что по давно устоявшемуся правилу дипломатические переговоры шведский король должен вести только с новгородским наместником, а для него (т.е. царя) это занятие недостойное.

Подобно Ивану Грозному герой повести Тургенева выражает чрезвычайную гордость по поводу своего знатного происхождения, а всех остальных считает недорослями. Он не терпит никаких противоречий своему слову: «...коли я говорю, стало оно так!» [9. Т. 8. С. 161]. А когда «заезжому сановнику» вздумалось «подтрунить над Мартыном Петровичем», высмеять возведение его родословной до мифического лица далёких времён, то герой, нисколько в себе не сомневаясь, попросту называет шутника «дураком» – «Млад еще больно, учить его надо» [Там же]. Харлов ощущает себя так, словно сам облечён в царский сан и является потомком древних «цесарей». Пренебрежение к «чухонскому графству» и презрительное отношение к дерзкому сановнику аналогичны тому, как себя ведёт Иван Грозный в разговоре со шведским королём Юханом.

Другая примечательная деталь заключается в том, что в переписке Ивана Грозного и Юхана III заходит речь о «варяжском вопросе» – происхождении Руси. Оскорблённый неуважительным к себе отношением шведский король, «доказывая равенство Швеции с Россией» [18. С. 121], упомянул о том, что варяги в происхождении своём были шведами. Царь же, отвергая это притязание, назвал варягов немцами («...с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом во многих битвах участвовали варяги, а варяги – немцы») [17. С. 347].

Вопросом о происхождении варягов интересовался и Тургенев. 18 (30) марта 1860 г. он писал Я.П. Полонскому, что отменяет запланированный обед, поскольку желает побывать («посидеть и поболтать») [8. Т. 4. С. 175] на диспуте М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым о возникновении Руси. Эти публичные прения между двумя историками состоялись на следующий день, 19 (31) марта 1860 г., в Петербургском университете. Костомаров отстаивал версию происхождения варягов из литовского местечка Жмудь, основываясь на сходстве имён (напр. Игорь – Игорас) и на наличии в литовской топонимике слов с корнями -рус- / -рос-. Погодин придерживался традиции Карамзина и выводил варягов из норманнов, ссылаясь на русские летописные памятники, греческую хронику и пр.

К диспуту в Петербургском университете Тургенев, вероятно, отнёсся с большой иронией⁶, поскольку он, с одной стороны, больше напоминал выяснение личных амбиций, а с другой – не отвечал актуальным

вопросам современности. В явно ироническом ключе спор о варягах представлен и в «Степном Короле Лире». Сановник, захавший к Наталье Николаевне и решивший подшутить над Харловым, во время рассказа о «вшеде Харлусе, который выехал в Россию...», перебил Мартына Петровича и спросил: «При царе Горохе?» [9. Т. 8. С. 161]. Получив от Харлова отрицательный ответ, чиновник делает насмешливое предположение, что его род «гораздо древнее и восходит даже до времен допотопных, когда водились еще мастодонты и мегалотерии⁷...» [Там же]. Шутливый фразеологизм «при царе Горохе» означает очень давние, незапамятные времена, а названия вымерших животных делают отсылку к глубокой древности⁸. В своей совокупности эти две детали применительно к харловскому предку дают указание на глубокую укоренённость рода Мартына Петровича. А переход Харлуса из шведского подданства в российское дворянство подкрепляет аллюзию на «варяжский вопрос». При этом, как верно отмечает Е.С. Фомина, указание героя «на тысячелетнюю историю рода Харловых в России имеет прямое отношение к идеологическому фону 1860-х гг.» [5. С. 52]. На 1862 г. пришлось торжественное празднование тысячелетней годовщины с момента образования Российского государства.

Другой аспект связи главного героя повести с исторической фигурой Ивана Грозного основывается на характере художественного моделирования его образа. В своём произведении Тургенев опирается на традицию Шекспира. Английский драматург, обращаясь к легендарному прошлому, избирает в качестве главного действующего лица древнего британского монарха и на его примере раскрывает универсальную драму человеческой личности. Образ Харлова, как и вся повесть в целом, отвечает шекспировской эстетике изображения: обыкновенный помещик предстаёт в облике самодержавного государя из эпохи позднего русского Средневековья. Трагедия маленького человека через парадигму национальной истории отзывается в масштабах общечеловеческого.

В повести «Степной Король Лир» в виде отдельных вкраплений содержатся значимые указания на «царственную» природу главного героя. Большинство из них связаны со своеобразием поступков и действий (в том числе и речевых) Мартына Харлова, их символическим значением.

Герой Тургенева по причине своей тучности («земля его не носила») всегда ездил «на низеньких беговых дрожках и сам правил лошадьё» [9. Т. 8. С. 162], он «бодро посматривал кругом своими медвежьими глазёнками, окликал громовым голосом всех встречных мужиков, мешан, купцов...» [Там же. С. 163], «не без удали потрясая свободной рукой над козырьком картуза» [9. Т. 8. С. 165]. Эти лихие разъезды Мартын Петрович совершает с поистине царским достоинством, он словно проводит ревизию своих владений. Встречных людей окликает так, будто грозно приветствует собственных подданных, демонстрируя силу и сласть над ними, внушая страх и трепет безусловного повиновения.

В VI главе Харлов устраивает настоящий «посольский приём» для сына Натальи Николаевны. С само-

довольным видом приглашая его посмотреть и сад, «и дом, и гумно – и всё» [Там же. С. 166], он сознательно, со всей восторженностью называет своё имение державой («Хочешь посмотреть мою державу»; «Вот она, моя держава!») [Там же]. Если король Лир у Шекспира принимает целое королевство за личное владение (что соответствует и позиции Ивана Грозного), то отношение Харлова зеркально противоположно – он небольшое поместье представляет как отдельное царство, а себя в нём ощущает подлинным государем.

Знаковым является положение усадьбы Мартына Петровича – она «находилась на вершине пологого холма» [Там же. С. 167], а внизу «лепились» крестьянские избушки. Такое расположение подобно тому, как в Древней Руси велось строительство городов: на возвышенности город-крепость с царским / княжеским дворцом, а за его стенами посад [22. С. 43]. Примечательно, что двор у Мартына Петровича был огорожен тыном (т.е. забором) – это наводит на ассоциацию с кремлёвской стеной.

Совершенно по-особенному Харлов именуется постройки в своём дворе. Ветхий флигелёк, доставшийся ему от отца, он называет хороминкой («отцы-то наши в какой хороминке жили») [9. Т. 8. С. 167], а новый, построенный им самим (крышу которого он впоследствии и будет разорять), именуется не иначе как палатами («вона какие палаты себе соорудил») [Там же]. Используемые Харловым обозначения относятся к названиям строений русской средневековой архитектуры [23. С. 101, 165]. Это сравнение небольших помещичьих построек с княжеским и царским жильём подчёркивает стремление героя выделить себя из обыкновенного мира, придать значительность своей личности. Рассказчик также отмечает перемену в обращении к нему Мартына Петровича, который в своём доме стал вдруг обращаться к гостю в вежливой форме – на «Вы».

Элементами архаики оказывается наполнена и речь Харлова. Так, говоря об усердии при составлении раздельного акта, он употребляет слова «не пимши», «не емши». Герой искажает малоупотребительные деепричастия «пивши» и «евши», которые восходят к древнерусским формам краткого действительного причастия прошедшего времени. А при описании своего нового рыболовного занятия – «у пруда сидючи да рыбу удучи!» [9. Т. 8. С. 208] – он использует слова, также восходящие к парадигме древнерусского причастия (настоящего времени). Наконец, рассказывая о «сонном мечтании», явлении вороного жеребёнка, Харлов заключает: «Предостережение! Готовься, мол, человек!» [Там же. С. 167]. «Человече» – это форма звательного падежа. Также характерно и то, что Мартын Петрович употребляет из древнерусского словаря лексемы «смерд» и «холопки», но по отношению не к простоям крестьянам, а к своим дочерям и зятю.

Помимо особенностей устной речи героя нужно отметить и одну важную деталь в характере его письма. Когда Наталья Николаевна пригласила Харлова быть свидетелем при составлении её духовного завещания, тот «нарочно ездил домой за железными круглыми очками, без которых писать не мог» [9. Т. 8. С. 163]. С помощью этих очков он «в течение четверти

часа, пыхтя и отдуваясь, успел начертать свой чин, имя, отчество и фамилию, причем буквы ставил огромные, четырехугольные, с титлами и хвостами» [Там же]. Торжественно-официальная ситуация и старательность выведения необычных букв (крупной геометрической формы с титлами) позволяют отнести специфику харловского почерка к своеобразному варианту уставного каллиграфического письма, которыми написаны древнерусские рукописи XI–XIV вв. [24. С. 539].

Как «царскую» приёмную для высоких гостей представляет Харлов свой кабинет – большой и просторный. Внешне – это «неоштукатуренная и почти пустая» комната [9. Т. 8. С. 168]. Но важно, что на его стенах хозяин поместил предметы, которые для него имеют особенное значение: «...две нагайки, треугольная порыжелая шляпа, одноствольное ружьё, сабля, какой-то странный хомут с бляхами и картина, изображающая горящую свечу под ветрами» [Там же]. Всё это является объектом его непомерной гордости, он даже предлагает гостю лично убедиться в чудесных свойствах голландского хомута («Самый хозяйственный! Да ты понюхай... Какова кожа!») [Там же]. Показательно, как герои расположились в этой комнате: Харлов занял «деревянный диван, покрытый пёстрым ковром» [Там же], а гость присел напротив него «на стульчике». Это напоминает элементы дипломатического этикета XVI в., когда «послам ставили скамейку против престола» [25. С. 438].

После «личного приёма» Харлов пригласил сына Натальи Николаевны отобедать в гостиной, где уже был для этого накрыт стол с красной скатертью: «...творог, сливки, пшеничный хлеб, даже толчёный сахар с имбирём» [8. Т. 8. С. 168]. Эта часть «пира» у Мартына Петровича вновь отсылает к посольскому обряду – «приглашением к столу оканчивалась аудиенция, и гость выходил в другую палату – в Золотую, Столовую или Ответную, в которой и дожидался стола» [26. С. 900]. По словам И.Е. Забелина, «за посольским столом особа государя принимает значение доброго, домовитого хозяина, который встречает и угощает дорогого заезжего гостя» [Там же. С. 896]. Это практически полностью соответствует поведению Харлова – он старается показать себя таким же заботливым хозяином, подчеркнуть достаток и благополучие дома. Но проявляя гостеприимство («Кушай, дружок, кушай, голубчик, не брезгай нашей деревенской снедью») [9. Т. 8. С. 169], он по-прежнему сохраняет величие своего «царского» достоинства.

Очевидная параллель Мартына Петровича с русским царём, закреплённая в речи и поведении героя, усиливается в момент совершения им раздела имения. Распределяя его части между дочерьми, Харлов оставляет себе небольшой удел и определяет его «под именем “опричного”» [9. Т. 8. С. 182]. Это сознательное отождествление введённой в 1565 г. политики опричнины с обыкновенным разделением поместья уже на уровне поэтики подтверждает образное соответствие между провинциальным помещиком Мартыном Харловым и царём Иваном Грозным. В обоих случаях это роковое решение приводит к тотальной катастрофе.

Перед введением опричнины Иван IV уехал из Москвы и отправился в добровольное «изгнание» в

Александровскую слободу. Харловскому намерению о разделе имения также предшествовало долгое уединение («мы его более недели не видали») [Там же. С. 173], во время которого он предавался мучительным раздумьям. Торжественно вернувшись в Москву, царь «созвал духовенство, бояр, знатнейших чиновников» [27. С. 79] для объявления им принятого решения. Важность и торжественность своих действий во всей полноте ощущал и Мартын Петрович. Для совершения «формального акта и ввода во владение» [9. Т. 8. С. 175] герой пригласил исправника, стряпчего и станового (чиновники), священника (духовное лицо), сына Натальи Николаевны, Житкова и Бычкова (бояре). Сам герой облачился в свой парадный костюм – «ополченский, 12-го года, казакин» [Там же. С. 178] со всеми героическими атрибутами (медаль, сабля) и неподвижно возвышался посреди комнаты – будто древний грозный царь. В важности его вида чётко угадывалась «уверенность в себе, в своей неограниченной и несомненной власти» [Там же. С. 180].

Объясняя перед присутствующими причину своего намерения («Становлюсь я стар, государи мои, немощи одолевают... Уже и предостережение мне было, сметный же час, яко тать в нощи¹⁰ приближается...») [9. Т. 8. С. 181], Мартын Петрович заключает: «Поцарствовал, будет с меня!» [Там же]. Произнесение этой молитвенно-клятвенной формулы словно служит подтверждением того, что он слагает с себя царский сан. А во время объявления «высочайшей воли» крестьянам «Харлов не пожелал выйти вместе с дочерьми на крыльцо», выразив абсолютную уверенность в том, что «мои подданные и без того моей воле покорятся!» [Там же. С. 184]. Смысл слова «подданный» здесь соответствует определению В.И. Даля – «подчиненный, подвластный; бол. подведомый правительству, государю» [28. С. 173]. Именно государем ощущает себя Харлов перед крепостными. Для того чтобы продемонстрировать силу и власть над ними, он «открыл форточку, приставил к отверстию голову и закричал громовым голосом: “Повиноваться!”» [9. Т. 8. С. 184]. Будучи уверенным, что над его волей «свыше сила действует» [Там же. С. 177], Харлов решает после «ввода во владение» сразу же «отслужить молебен с водосвятием» [Там же. С. 185]. Предварять или закреплять свои поступки и решения торжественным богослужением предпочитал и царь Иван Грозный. Знаково, что процедура раздела имения завершается богатым праздничным обедом – пиром.

Значительное соответствие с историческим обликом Ивана Грозного обозначено и в плане психологической характеристики Мартына Петровича. Основой для сопоставления служат два разнонаправленных свойства человеческого характера – меланхолия и раздражительность.

В «Истории...» Карамзина большое внимание уделяется описанию того, как Иван Грозный томится ужасом неминуемой гибели. Монарх, который «всех превзошёл в мучительстве», с огромным страхом ожидал часа грядущей расплаты за свои деяния («глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его») [27. С. 167]. Решение душевных терзаний он пытался отыскать в Библии, одновременно стараясь сочетать «Божественное

учение с своею неслыханною жестокостию» [Там же]. Царь «утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением, и что он, сложив с себя земное величие» [Там же. С. 24], обретёт душевный покой.

В повести «Степной Король Лир» Тургенев всю IV главу посвящает изображению противоречия в характере Харлова – «на этого несокрушимого, самоуверенного исполина находили минуты меланхолии и раздумья» [9. Т. 8. С. 164]. Без какого-либо внешнего повода Мартын Петрович «вдруг начинал скучать» и запирался в своём кабинете, где «гудел, как целый пчелиный рой» [Там же]. Причиной этой меланхолии был неотступно преследующий Харлова страх неизбежной смерти. Герой пытается преодолеть его, обратившись к мasonicкому журналу «Покоящийся трудолюбец». В этой книге он найдёт «руководство к действию» – спасение души через избавление от земных благ и исправление собственной эгоистической природы. К помощи религии Мартын Петрович почти не прибегал и «больше надеялся на свой собственный ум» [Там же]. Гордыня побуждала Харлова самостоятельно и большей частью тайно искать ответы на мучившие его вопросы о соотношении жизни и смерти.

Карамзин подчёркивал, что Иван Грозный легко и внезапно мог впасть в состояние бешенства, придать в ярость из-за малейшего повода. С большой подробностью он изображает те последствия, к которым приводило «злое своеобразие Тирана» [27. С. 58]. Историк во всей полноте воспроизводит действие иступленной ненависти и гнева царя.

Описанию того, как «довольно легко раздражался» [9. Т. 8. С. 165] Мартын Петрович, Тургенев также уделяет целую главу. В большинстве случаев причиной гнева Харлова был «приживальщик» Сувенир – брат его жены, который постоянно дразнил своего могучего родственника («как будто мстил за что-то») [Там же. С. 166]. Однако раздражение Мартына Петровича оказывается тесно связано, прежде всего, с его гордостью, ощущением и осознанием себя как человека, обладающего непреложной волей, неограниченной силой власти («Разве мне могут что сделать? Где такой человек на свете есть» [Там же. С. 162]; «вам о Мартыне Петровиче судить не приходится, понятием ещё не вышли» [Там же. С. 187]). Харлов не терпит никаких противоречий, не допускает возражения своим решениям. Не сдержав обиды, герой и погибает в акте проявления отцовского гнева и мести.

Чрезвычайно примечательно, что Карамзин и Тургенев, завершая своё повествование, делают значимый акцент на категорию народной памяти. Историк утверждает, что в памяти народа «добрая слава Иоаннова пережила его худую славу» [27. С. 472]. Люди предпочли видеть в грозном царе источник «государственной силы, нашего гражданского образования» [Там же. С. 471–472]. У Тургенева же герой-рассказчик удивляется тому, как «усердно молились за душу покойника» харловские крестьяне, которые своего хозяина «при жизни особенно не любили, даже боялись» [9. Т. 8. С. 223]. «Подданные» Мартына Петровича искренне сожалеют о его гибели и выносят строгий приговор мучительницам-дочерям, все как один произнося: «Обидели!».

После написания повести «Степной Король Лир» Тургенева не оставляют размышления о личности русского царя. В 1871 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» он помещает «Заметку о статуе Ивана Грозного М. Антокольского». Эта статья была навеяна писателю знакомством с молодым и малоизвестным скульптором М.М. Антокольским (1843–1902). О своей примечательной встрече Тургенев сразу же сообщил П. Виардо. 26 (14) февраля 1871 г. он писал, что «в этом бедном юноше, уродливом и тщедушном, несомненно, есть искра божия», что имя его «останется» [8. Т. 11. С. 312]. С восторгом писатель рассказывает об увиденной в мастерской скульптора совсем недавно законченной статуе Ивана Грозного, «сидящего с Библией на коленях, небрежно одетого, погруженного в мрачное и зловещее раздумье»; он называет её «шедевром по исторической и психологической глубине – и по великолепному исполнению» [Там же].

Антокольский работал над созданием скульптуры русского царя на протяжении 1870–1871 гг. Художник хотел представить её в качестве конкурсной работы на золотую медаль в Академии художеств, но «академический совет отверг представленный эскиз» [29. С. 60]. Несмотря на это, он продолжил осуществлять свой замысел – образ царя «сразу врезался в моё воображение» [30. С. 94]. Изучая историческую литературу, посвящённую Ивану Грозному и его эпохе, скульптор отмечал, что «объективного, беспристрастного суждения и до сих пор нет» [Там же]. Постепенно он «начинал особенно остро понимать трагическую противоречивость» [29. С. 60] этой фигуры. Большое влияние на формирование представлений Антокольского об историческом облике Ивана Грозного оказали идеи Н.И. Костомарова и Н.М. Карамзина¹.

Пластическому изображению Ивана Грозного Тургенев даёт высочайшую оценку, считая статую превосходной «по силе замысла, по мастерству и красоте исполнения, по глубокому проникновению в историческое значение и в саму душу лица, избранного художником...» [9. Т. 10. С. 259]. В скульптурном исполнении фигуры первого русского царя писатель находит живой отклик на собственные представления. Пристально вглядываясь в каждую деталь произведения Антокольского, Тургенев в словесной форме тщательно выводит его психологический рисунок, кото-

рый абсолютно точно соответствует созданному им образу Мартына Харлова. Подчёркивая противоречивость облика Ивана Грозного – «человек и царь», писатель цитирует Шекспира («царь с ног до головы») [Там же] и сравнивает русского монарха с королём Лиром. Особенно поразительным в статуе Антокольского для Тургенева оказывается «счастливое сочетание домашнего, всенедельного и трагического, значительного...» [Там же. С. 260]. Именно это сочетание обыкновенного и великого стало основополагающим моментом в изображении главного героя повести «Степной Король Лир».

Важно заметить, что Тургенев, заключая свою статью, настаивает на том, что скульптуру Ивана Грозного непременно нужно увидеть «исполненной из мрамора, так как мрамор гораздо способнее передать всю тонкость психологических черт и деталей» [Там же. С. 261]. Мрамор, как материал античного искусства и искусства вообще, имел для писателя особую значимость – он символизировал само художественное творчество, полное жизни, природы, правды и глубины, вечности¹².

Сильное впечатление от произведения молодого скульптора навело Тургенева на «Костомарова, превосходную статью которого об И. Грозном в “Вестнике Евр<опы>”» он прочитал «с великим удовольствием» [8. Т. 11. С. 145]. Кроме того писатель несколько раз настойчиво просил П.В. Анненкова прислать ему «хорошую фотографию с “Ивана Грозного” Антокольского» [Там же. С. 76]. Когда фотография, наконец, была получена, он поместил её на стене своей спальни.

Таким образом, осмысление личности Ивана Грозного и эпохи его правления было важным элементом художественной эволюции творчества Тургенева во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Фигура русского царя воспринималась писателем как яркий национальный тип, заключающий в себе драму существования. Обратившись к эстетической модели Уильяма Шекспира, Тургенев на материале обыкновенной российской действительности разворачивает трагедию человеческой личности. Провинциальный помещик, простой и обыкновенный – «срединный тип» русской жизни, включаясь в парадигму эпохального прошлого (Средневековая Русь), становится выразителем противоречий современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В январе 1870 г. Тургенев по приглашению Максима Дюкана присутствовал в Париже при подготовке и исполнении казни Жана Батиста Тропмана. Чрезвычайно сильные впечатления писателя от увиденного побудили его посвятить этому специальный очерк «Казнь Тропмана», который был написан в апреле того же года и опубликован в журнале «Вестник Европы» (1870. № 6). В повести «Степной Король Лир» Тургенев указывает на сходство «страшной, недоброй усмешки» [9. Т. 8. С. 217] Мартына Харлова с усмешкой приговорённого к смерти Тропмана.

² В мемориальной библиотеке И.С. Тургенева (в дошедшем до нас составе) «История государства Российского» представлена третьим изданием – 1830–1831 гг. (тома II–IV, VI, IX, XI–XII). По замечанию составителей каталога библиотеки, IX том, полностью посвящённый эпохе Ивана Грозного, содержит «многочисленные чернильные поправки» [12. С. 104].

³ Тургенев писал В. Рольстону 6 февраля 1874 г.: «Я покажу Ханькову ваше письмо – он был совершенно прав, поощряя вас продолжать ваши лекции. Имя Иван – единственно допустимое. Полагаю, вы доказали, что Иван III (дед Грозного) был подлинным основателем Московского государства. Нет надобности добавлять, что я буду очень счастлив предоставить себя в ваше распоряжение в отношении всего того, что будет касаться сообщения сведений, литературной помощи и т.д. и т.д.» [8. Т. 13. С. 258].

⁴ Имена Василия Тёмного и Ивана Грозного в пределах одного текстового (художественного) пространства встречаются также в романе «Дворянское гнездо» (1859), но здесь этому ещё не придаётся столь же глубоко осмысленного драматического значения. Чтобы наметить историческую перспективу, Тургенев упоминает родоначальника Лаврецких, который «выехал в княжение Василия Тёмного из Пруссии и был пожалован двумя четвертями земли в Бежецком верху» [9. Т. 6. С. 28]. Фигура Ивана Грозного в роман вводится с целью подчеркнуть независимый и гордый нрав героини: «Она говорила Настасье Карповне “ты”, хотя и жила с ней на ровной ноге – недаром же она была Пестова: трое Пестовых значатся в синодике Ивана Васильевича Грозного; Марфа Тимофеевна это знала» [Там же. С. 57].

⁵ Помарки в черновом автографе повести дают основание предполагать, что первоначально автор хотел назвать предка Мартына Петровича Карлусом [16].

⁶ Много позже, в 1867 г., в Москве и Петербурге состоялся Славянский съезд, который «превратился в театрализацию и зримое свидетельство славянского единения» [19. С. 94–95]. Об этом съезде Тургенев на фоне критики романа «Дым» писал 23 мая (4 июня) 1867 г. П.В. Анненкову: «...очень доволен появлению моего забитого Потугина, верующего единственно в цивилизацию европейскую, в самый разгар этого всеславянского фанданго с кастаньетками, в числе которого так потешно кувырывается Погодин» [8. Т. 7. С. 207] и А.И. Герцену: «...я даже радуюсь, что мой ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па с гармоникой под осеняющей десницей Филарета» [Там же. С. 208].

⁷ По всей видимости, Тургенев ошибся в написании названия древнего существа, имея в виду мегатерию – «вымершее исполинское животное из отряда неполнозубых» [20. С. 854].

⁸ Ироническое звучание «спора о варягах» между Харловым и сановником усиливается ещё и за счёт того, что этот эпизод выстраивает очевидную параллель к сцене выяснения происхождения рода Скотининых в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (начало VII явления четвёртого действия) [21. С. 159].

⁹ Цитата из церковнославянского текста Нового Завета – Первое послание апостола Павла к фессалоникийцам (глава 5, стих 2).

¹⁰ В статье «Из автобиографии» М.М. Антокольский писал о своих впечатлениях по поводу исторической фигуры Ивана Грозного: «В нём дух могучий, сила большого человека, сила, перед которой вся русская земля трепетала. Он был грозный; от одного движения его пальца падали тысячи голов; он был похож на высохшую губку, с жадностью впивавшую кровь... и тем больше жаждал. День он проводил, смотря на пытки и казни, а по ночам, когда усталые душа и тело требовали покоя, когда всё кругом спало, у него пробуждались совесть, сознание и воображение; они терзали его, и эти терзания были страшнее пытки... Тени убитых им подступают, они наполняют весь покой – ему страшно, душно, он хватается за псалтырь, падает ниц, бьёт себя в грудь, кается и падает в изнеможении... На завтра он весь разбит, нервно потрясён, раздражителен... Он старается найти себе оправдание и находит его в поступках людей, его окружающих. Подозрения превращаются в обвинения, и сегодняшний день становится похож на вчерашний... Он мучил и сам страдал. Таков “Иван Грозный”. Но вот вопрос: почему он остался у народа таким легендарным? Почему воспевают его? Почему его лик до сих пор заманчив для нас? Почему моё изображение его так понравилось и приковало всех? Не потому ли, что мы любим сумерки?..» [30. С. 942–943].

¹¹ В письме к Т.Н. Грановскому от 18 (30) мая 1840 г. Тургенев писал: «Скажу Вам на ухо: до моего путешествия в Италию мрамор статуи был мне только что мрамор, и я никогда не мог понять всю тайную прелесть живописи» [8. Т. 1. С. 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратов А.Б. Повести И.С. Тургенева 1867–1871 годов. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 180 с.
2. Новикова Е.Г. Работа И.С. Тургенева над повестью «Степной король Лир» (К характеристике жанра) // Проблемы метода и жанра. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. Вып. 7. С. 130–142.
3. Полякова Л.И. Повести И.С. Тургенева 70-х годов. Киев : Наукова думка, 1983. 191 с.
4. Головкин В.М. Художественно-философские искания позднего Тургенева (изображение человека). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 167 с.
5. Фомина Е.С. Национальная характерология в прозе И.С. Тургенева : дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту, 2014. 149 с.
6. Свахина О.В. Функция культурной памяти в повестях И.С. Тургенева 1850–1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 210 с.
7. Шиманова Е.Ю. Мотив смерти в прозе И.С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 156 с.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982 (издание продолжается).
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
10. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л. : Сов. писатель, 1990. 640 с.
11. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений и писем : в 13 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 2. 766 с.
12. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. 1. Каталог: книги на рус. яз. / сост. Л.А. Балькова. Орел : Изд-во ОГТРК, 1994. 208 с.
13. Лотман Л.М. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1861. 359 с.
14. Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х гг. СПб. : Академический проект, 1996. 344 с.
15. Григорьева Н.Г. Принципы характерологии в творчестве А.К. Толстого: «Князь Серебряный», драматическая трилогия : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 216 с.
16. Tourguéniev I. L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Troppmann. Mazon. 26. M. 12 : manuscrits parisiens // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. 1801–1900. Slave 85. Manuscrits parisiens XII.
17. Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Наука, 1951. 712 с.
18. Фомин В.В. Варяги в переписке Ивана Грозного с шведским королём Юханом III // Отечественная история. М., 2004. № 5. С. 121–133.
19. Майорова О.Е. Панславизм. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 5. С. 89–110.
20. Энциклопедический словарь. Т. XVIII^A (36) / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. 494 с.
21. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений : в 2 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. Т. 1. 630 с.
22. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. 477 с.
23. Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.П., Шарри Т.Г. Словарь русских историзмов. М. : Высш. шк., 2005. 228 с.
24. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
25. Дипломатический словарь. Т. 2: Л–Я / гл. ред. А.Я. Вышинский. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950. 996 с.
26. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
27. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. 770 с.
28. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1882. Т. 3. 584 с.
29. Кузнецова Э.В. М.М. Антокольский. Жизнь и творчество. М. : Искусство, 1989. 310 с.
30. Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / под ред. В.В. Стасова. СПб. ; М., 1905. 1106 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 мая 2017 г.

THE IMAGE OF IVAN THE TERRIBLE IN I.S. TURGENEV'S WORKS OF THE 1870S: THE STORY “A LEAR OF THE STEPPES”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 23–31.

DOI: 10.17223/15617793/419/3

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I.S. Turgenev; “A Lear of the Steppes”; Ivan the Terrible; Shakespeare; Russian Middle Ages; M.M. Antokolsky.

The article deals with the question about features of Ivan Turgenev's works of the second half of the 1860s – early 1870s. In the genre of the story he makes a national Russian human type which receives deep dramatic features expressing the sense of modern

reality. The theory of typification which Turgenev acquires is closely connected with the meaning and content of Shakespeare's traditions. This fact is confirmed by the letters and critical articles of the indicated period. The story "A Lear of the Steppes" represents the experience of the human nature comprehension in the categories of Shakespeare's imagery by an appeal to the epic plan of Russian history. The image of the main character is put in the "text" of the late Russian Middle Ages, meaningful for his interpretation, and directly correlates with Tsar Ivan the Terrible. During the work on the story, Turgenev was reading works of S.M. Soloviev, N.I. Kostomarov, N.G. Ustryalov about Ivan the Terrible. He paid significant attention to N.M. Karamzin's tradition. Besides the scientific and historical context of Ivan the Terrible's interpretation, Turgenev also immersed in the artistic-publicist context: from the tragedy "Boris Godunov" by A.S. Pushkin and "The Songs about Tsar Ivan Vasilievich . . ." by M.Yu. Lermontov to "Stories from Russian History" by A.N. Maykov. The time of Ivan the Terrible becomes the time of the Harlov family appearance. The main character proudly and complacently narrates how his Swedish ancestor Harlus came to Russia "in the princely reign of Ivan Vasilievich the Dark". Separate insertions are significant indications on the "royal" nature of the main character in the story. Most of them are connected with the originality of his activities and actions, their symbolic meaning. His disregard for the Swedish-Finnish allegiance which Harlov expresses through the definition "Earl Chukhonsky" deserves special attention. This fact leads to the parallel of personal hostile relationship between Ivan the Terrible and Swedish King and Finnish Duke John III. The imaginative connection of the provincial landowner and the Russian Tsar intensifies at the moment of the estate division made by the character when he leaves a small area for himself and calls it oprichnina. The conscious identification of the oprichnina policy introduced in 1565 with a common estate division at the level of figurative poetics confirms correspondence between Martyn Harlov and Tsar Ivan the Terrible. In 1871, Turgenev publishes "A Note on the Statue of Ivan the Terrible by M. Antokolsky" in the newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. In the sculpture image of Ivan IV the writer finds a lively response to his own views. Staring into each detail of the statue, Turgenev verbalizes a psychological picture that exactly corresponds to the image of Martyn Harlov he created.

REFERENCES

1. Muratov, A.B. (1980) *Povesti I.S. Turgeneva 1867–1871 godov* [I.S. Turgenev's stories of 1867–1871]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Novikova, E.G. (1980) Rabota I.S. Turgeneva nad povest'yu "Stepnoy korol' Lir" (K kharakteristike zhanra) [I.S. Turgenev's work on the story "A Lear of the Steppes" (To the characterization of the genre)]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
3. Polyakova, L.I. (1983) *Povesti I.S. Turgeneva 70-kh godov* [I.S. Turgenev's stories of the '70s]. Kiev: Naukova dumka.
4. Golovko, V.M. (1989) *Khudozhestvenno-filosofskie iskaniya pozdnego Turgeneva (izobrazhenie cheloveka)* [Artistic and philosophical search of the late Turgenev (the image of man)]. Sverdlovsk: Ural State University.
5. Fomina, E.S. (2014) *Natsional'naya kharakterologiya v proze I.S. Turgeneva* [National characterology in the prose of I.S. Turgenev]. PhD Diss. on Russian Literature. Tartu.
6. Svakhina, O.V. (2008) *Funktsiya kul'turnoy pamyati v povest'yakh I.S. Turgeneva 1850–1870-kh godov* [Function of cultural memory in the stories of I.S. Turgenev of the 1850s–1870s]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
7. Shimanova, E.Yu. (2006) *Motiv smerti v proze I.S. Turgeneva* [Motive of death in the prose of I.S. Turgenev]. Philology Cand. Diss. Samara.
8. Turgenev, I.S. (1982–present) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
9. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
10. Balyay, G.A. (1990) *Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu* [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad: Sov. pisatel'.
11. Belinskiy, V.G. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 13 t.* [Complete works and letters: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
12. Balykova, L.A. (1994) *Biblioteka Ivana Sergeevicha Turgeneva* [Library of Ivan Sergeevich Turgenev]. Vol. 1. Orel: Izd-vo OGTRK.
13. Lotman, L.M. (1861) *A.N. Ostrovskiy i russkaya dramaturgiya ego vremeni* [A.N. Ostrovsky and Russian dramaturgy of his time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Al'tshuller, M.G. (1996) *Epokha Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskiy roman 1830-kh gg.* [The era of Walter Scott in Russia. Historical novel of the 1830s]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
15. Grigor'eva, N.G. (2005) *Printsipy kharakterologii v tvorchestve A.K. Tolstogo: "Knyaz' Serebryanyy", dramaticheskaya trilogiya* [Principles of characterology in the works of A.K. Tolstoy: "The Silver Prince", a dramatic trilogy]. Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
16. National Library of France. Department of Manuscripts. 1801–1900. Slavic 85. Parisian manuscripts XII. Turgenev, I. The Unfortunate. A Lear of the Steppes. The Execution of Tropmann. Mazon. 26. M. 12: Parisian manuscripts. (In French).
17. Adrianova-Perettsm V.P. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Messages of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: Nauka.
18. Fomin, V.V. (2004) *Varyagi v perepiske Ivana Groznogo s shvedskim korolem Yukhanom III* [Varangians in the correspondence of Ivan the Terrible with the Swedish King John III]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 121–133.
19. Mayorova, O.E. (2001) *Panslavizm. Slavyanskiy s'ezd 1867 goda: metaforka torzhestva* [Pan-Slavism. Slavic Congress of 1867: a metaphoric celebration]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 89–110.
20. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1896) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XVIII (36). St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya.
21. Fonvizin, D.I. (1959) *Sobranie sochineniy 6 v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
22. Tikhomirov, M.N. (1956) *Drevnerusskie goroda* [Old Russian cities]. Moscow: Gos. izdat. polit. lit.
23. Arkad'eva, T.G., Vasil'eva, M.I., Pronichev, V.P. & Sharri, T.G. (2005) *Slovar' russkikh istorizmov* [Dictionary of Russian historisms]. Moscow: Vysshaya shkola.
24. Yartseva, V.N. (ed.) (1998) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
25. Vyshinskiy, A.Ya. (ed.) (1950) *Diplomaticheskii slovar'* [Diplomatic dictionary]. Vol. 2. Moscow: Gos. izdat. polit. lit.
26. Zabelin, I.E. (2014) *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh* [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
27. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Vol. 9. St. Petersburg: Tip. N. Grecha.
28. Dahl, V.I. (1882) *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the living great Russian language]. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa.
29. Kuznetsova, E.V. (1989) *M.M. Antokol'skiy. Zhizn' i tvorchestvo* [M.M. Antokolsky. Life and works]. Moscow: Iskusstvo.
30. Stasov, V.V. (ed.) (1905) *Mark Matveevich Antokol'skiy. Ego zhizn', tvoreniya, pis'ma i stat'i* [Mark Matveyevich Antokolsky. His life, works, letters and articles]. St. Petersburg; Moscow: Tip. T-va M.O. Vol'fa.

Received: 19 May 2017

РАЗВИТИЕ ПОЭЗИИ О ПРИРОДЕ В США: СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОПОЭЗИИ

Статья посвящена американской поэзии о природе. Цель исследования – выявить этапы развития поэзии о природе, уделив особое внимание такому феномену, как экопоэзия. Одной из основных задач является раскрытие отличительных черт данного вида поэзии. Важной задачей также является выяснение того, какие ценности легли в основу образа природы на каждом из этапов. Основными методами исследования выступают культурно-исторический метод и метод сравнительного анализа. Ведущим подходом исследования избран аксиологический. Материалом исследования служат произведения известных американских поэтов от периода колонизации до наших дней.

Ключевые слова: американская поэзия; поэзия о природе; образ природы; эколитература; экопоэзия; ценности.

В российском литературоведении существует достаточное количество работ, посвящённых американской литературе в целом и поэзии в частности. Автор статьи обращается к трудам таких известных российских и зарубежных исследователей американской поэзии, как А. Генис, В. Гандельсман, Б.А. Гиленсон, А. Грицман, Р. Грэй, А. ДиФранко, С.Д. Павлычко и Е.А. Стеценко. Данное исследование актуально в силу увеличения интереса к произведениям о природе, к ценностям, которые транслируются литературой. Автор статьи исходит из утверждения, что отличительные черты образа природы зависят от ценностной модели мира поэта и эпохи в целом. Профессор И.И. Докучаев уверен, что за каждым художественным образом стоит характерная для автора ценностная модель реальности, поскольку при создании художественного образа автор отбирает её определённые смысловые компоненты [1. С. 142–144]. Известно, что «каждая новая ступень в развитии человечества создаёт свою систему ценностей, наиболее адекватно соответствующую условиям её существования» [2. С. 34]. Важной задачей исследования является выявление ценностей, лежащих в основе создания образа природы в тот или иной период развития поэзии о природе, а также обусловивших появление такого феномена, как экопоэзия. Основное внимание в работе сосредоточено на идейно-художественных особенностях произведений различных периодов.

Новизна работы заключается в выявлении периодов развития поэзии о природе, в обращении к малоисследованному в российском литературоведении феномену экопоэзии, возникшему на последнем этапе развития поэзии о природе, а также в избранном подходе к изучаемому материалу. Предметом анализа становятся стихотворения таких поэтов, как А. Брэдстрит, Ф. Френо, Т. Дуайт, У.К. Брайант, Р.У. Эмерсон, Э. Дикинсон, Г.Д. Торо, У. Уитмен, Г.У. Лонгфелло, Г. Мелвилл, Т.С. Элиот, У.К. Уильямс, Р. Фрост, Э. Бишоп, М. Оливер, Г. Снайдер, Ш. Алекси, а также Дж. Харджо.

Известно, что ещё до прихода колонистов существовало устное творчество коренных народов в таких формах, как песни, напевы, молитвы, рассказы и стихи. Культура коренного населения была основана на тесной взаимосвязи с природным миром: произведения индейцев демонстрировали особую духовную связь с местом проживания и представителями животного мира [3. С. 219]. Б. Гиленсон указывает, что

индейцы выработали систему художественных ценностей, основанных на гармонии с природой, понятиях справедливости и равенства [4. С. 21]. Человек для индейцев – член природного сообщества. С приходом колонистов в произведениях индейцев зазвучал трагизм, ознаменовавший осознание ослабления связей со всем природным миром, что отчасти явилось результатом переселения с привычных мест проживания [3. С. 220].

Несмотря на то что ещё до прихода колонистов были созданы разнообразные произведения, существует мнение, что американская поэзия возникла в XIX в. [5. С. 1]. Как самостоятельное языковое и культурное явление американская поэзия, по мнению А. Грицмана, сформировалась с появлением Эмерсона и По. Он утверждает, что именно в эпоху романтизма ощущение неосвоенного пространства континента сыграло ключевую роль в рождении американской поэзии [6]. Природа континента стала источником национальной литературы, а тема природы – центральной для творчества многих поэтов. В данном исследовании во внимание берутся среди прочего произведения, созданные до XIX в. Необходимо сначала обратиться к периоду колонизации.

Если индейцы считали, что человек – равноправный член природного сообщества, то колонисты были уверены, что природа подчинена человеку, поскольку бог создал её в угоду человеку. На первом этапе отношение к природе обуславливалось идеями пуританизма. Мысль о греховном падении человека является центральной для литературы времён начала колонизации, предназначение которой виделось в прославлении бога и утверждении веры. Примером могут служить произведения Анны Брэдстрит (1612–1672), в основном написанные рифмованным ямбом, которая, по замечанию Б.А. Гиленсона, стоит у истоков американской поэзии [4. С. 23]. Согласно Брэдстрит, красота природы – это проявление красоты создателя, поскольку именно бог создал природу. Например, в стихотворении «Созерцание» (*Contemplations*) Брэдстрит задумывается о том, насколько прекрасен создатель, если прекрасна созданная им природа:

If so much excellence abide below,
How excellent is he that dwells on high?
Whose power and beauty by his works we know [7].

Пространство в стихотворениях Брэдстрит обычно имеет чёткое разделение на «верх» и «низ». «Верх»

(небеса) наделяется Брэдстрит положительными качествами, а «низ» (земля) – отрицательными. В образе природы, однако, выражено восхищение красотой, усиленное метрической упорядоченностью стиха (Брэдстрит придерживается характерного для того времени пятистопного ямба), и одновременное осознание греха, не дающее насладиться красотой природы сполна:

Thy pleasing fervour, and thy scorching force,
All mortals here the feeling knowledge hath.
<...>

When present times look back to Ages past
And men in being fancy those are dead... [7].

Сдержанность отклика красотам природы обусловлена, как уже было отмечено, принадлежностью к пуританизму. Брэдстрит на вопрос, стоит ли восхвалять деревья и землю, даёт себе отрицательный ответ, подчёркнутый использованием ряда слов с отрицательной коннотацией:

Nay, they shall darken, perish, fade and dye,
And when unmade, so ever shall they lye... [Ibid.].

Несмотря на то что тема служения Богу является центральной в её стихотворениях, темы природы и семьи становятся также их неотъемлемой частью. В целом стихи Брэдстрит, посвящённые детям, мужу, домашним делам, говорят о её привязанности к земной жизни.

Природные образы Брэдстрит частично заимствует из Библии. В стихотворении «О её детях» (*In Reference to her Children*) Брэдстрит, например, сравнивает своих детей с птенцами [8]. В тех стихотворениях, где природные образы не заимствованы из Библии, Брэдстрит использует приём олицетворения, и природа обретает антропоморфные качества. Например, этот приём можно найти в следующем отрывке из стихотворения «Созерцание»:

When I behold the heavens as in their prime,
And then the earth, though old, still clad in green,
The stones and trees insensible of time,
Nor age nor wrinkle on their front are seen [9. P. 2].

Профессор А. ДиФранко отмечает, что не только стихи Брэдстрит, но и вся литература колонистов подчинена единой теме служения Богу, а образы природы используются в произведениях для выражения Его величия [3. С. 221]. Лишь со временем акценты начинают меняться: идея греховности постепенно уходит, поэзия становится более секулярной. Подтверждением является поэзия Филипа Френо (1752–1832). По утверждению Б. Гиленсона, Френо хорошо известен как автор пейзажной, медитативной лирики [4. С. 39]. Среди самых известных стихотворений Френо о природе выделяются «Вскармливание диким мёдом» (*The Wild Honey-Suckle*) и «Религия природы» (*On the Religion of Nature*), поэма «Дом ночи» (*The House of Night*) [Там же]. В стихотворении «Религия природы» природа представлена дающим, неагрессивным (*smiling land*) началом. Природа у Френо – это создающее, женское начало (*creatress nature*), образ которого создаётся за счёт богатой аллитерации и рифмы:

To whom creating Nature gave
Ten thousand streams to swell thy sway! [9. P. 10].

Роль созидания, таким образом, присуща, по мнению Френо, не только Богу. В произведениях Френо представлен распространённый образ природы-матери, характерный для произведений многих народов мира.

Френо проявлял живой интерес к культуре индейцев, их традициям и их особой связи с природой. Данный интерес нашёл отражение в таких стихотворениях, как «Индийское кладбище» (*Indian Graveyard*) и «Место захоронения индейцев» (*The Indian Burying Ground*), в которых образ природы непосредственно связан с образом индейца. Френо, подчёркивая особую связь индейцев с природой, называет их «детьми леса»:

Here still an aged elm aspires,
Beneath whose far-projecting shade

<...>

The children of the forest played! [10].

В произведениях Тимоти Дуайта (1752–1817), ещё одного американского поэта, чьё творчество можно отнести к первому периоду развития поэзии о природе, можно найти своеобразный топос, общее место, в американской литературе: связь образа природы с образом страны. Образ природы служит выражению идеи величия страны. Например, в произведении «Холм Гринфилд» (*Greenfield Hill*) Дуайт прославляет Америку, говоря о возвышающихся к небесам горам и бесчисленных фермах:

Beyond, a little chasm to view unfolds
Cerulean mountains, verging high on HEAVEN,
In misty grandeur. Stretch'd in nearer view,
Unnumber'd farms salute the cheerful eye... [11].

Френо и Дуайт с помощью образа природы пытаются передать идею национального превосходства американцев, которое, по их мнению, является в первую очередь следствием лучших природных условий. Образ природы Америки – это образ благословенной земли, создаваемый за счёт употребления большого количества восхваляющих эпитетов:

A happier soil, a milder sway,
Where no proud despot holds him down,
No slaves insult him with a crown.

<...>

And happier systems bring to view,
Than all the eastern sages knew. [9. P. 10–11].

Несмотря на то что поэзия о природе постепенно становилась более секулярной, тема природы в поэзии Френо, а также в поэзии Дуайта неразрывно связана с темой религии. В некоторых стихотворениях есть противопоставление жизни земной и жизни в раю. Например, Френо в стихотворении «Вскармливание диким мёдом» описывает увядание цветов, земная жизнь которых более быстротечна, как и жизнь человека, в сравнении с жизнью в раю [Ibid. P. 15]. Выражена идея превосходства жизни в раю.

Значительные изменения образ природы претерпевает в эпоху романтизма, ознаменовавшей начало нового этапа в развитии поэзии о природе. Именно в эту эпоху многие поэты осознают благотворное влияние природы на человека. Переходу к такому представлению о природе во многом способствовало творчество Уильяма Каллена Брайанта (1794–1878), которого

называют «зачинателем романтической поэзии в США» [4. С. 47]. В известном стихотворении «Танатопсис» (*Thanatopsis*) он характеризует природу как «целительный бальзам», предупреждающий «сознание боли» [Там же].

В поэзии о природе эпохи романтизма становится менее выражена идея связи природы с Богом-создателем. Например, стихотворение «Прерии» (*The Prairies*) Брайанта отличается более секулярным, чем у предшествующих поэтов, видением природы. Брайант отходит от понимания природы как греховного мира, в его произведениях чувствуется внимательное отношение к пейзажам Иллинойса [3. С. 225]. Однако Брайант всё-таки признаёт природу созданием Бога. В стихотворении «Лесной гимн» (*A Forest Hymn*), например, он называет рощи храмом Божьим, а в конце говорит, что люди должны следовать установленному Богом порядку в природе:

And to the beautiful order of the works
Learn to conform the order of our lives [12. P. 74].

Однако не воспевание Бога – главная цель стихотворений Брайанта о природе, главная цель – доказательство положительного воздействия природы на человека. Желание подчеркнуть красоту природы и природных созданий лежит в основе написания одного из самых известных произведений Брайанта «К водоплавающей птице» (*To a Waterfowl*). В этом стихотворении Брайант умело варьирует длину строк в каждой строфе для передачи движения птицы в полёте [Ibid. P. 74–76]. Данный приём – пример поиска поэтами эпохи романтизма новых форм выражения. Вместо классического для английского стихосложения рифмованного ямба некоторые поэты начинают экспериментировать с белым стихом (Эмерсон, Торо). Такие эксперименты лишь подчёркивают новизну содержания произведений данной эпохи.

Не только Брайант отмечает целительную, обновляющую силу природы. Поэт Уильям Гилмор Симмс (1806–1870), например, в стихотворении «Полёт к природе» (*Flight to Nature*) также отмечает это свойство:

Sweet Nature, how I turn to thee,
Seeking for renovated life [13].

Несмотря на признание целительного свойства природы, она, по мнению поэта, подчинена человеку. Основной ценностью второго периода является ценность человеческой индивидуальности. Природа же, по мнению авторов, призвана удовлетворять разнообразные потребности человека, в том числе потребность в получении эстетического удовольствия. Не случайно образ природы у Брайанта – это образ дома человека, созданного Богом («Лесной гимн»), хотя этот «дом» напоминает живое существо, реагирующее на внутренние и внешние изменения:

Nay, doubt we not that under the rough rind,
In the green veins of these fair growths of earth,
There dwells a nature that receives delight
From all the gentle processes of life,
And shrinks from loss of being. Dim and faint...
[9. P. 25].

В эпоху романтизма поэты задумываются о возможной угрозе, которую несёт человек природе своей деятельностью. Брайант в одном из стихотворений

представляет срубаемое дерево как существо, обладающее чувствами, что заставляет читателя задуматься над тем, чья жизнь (жизнь человека или жизнь дерева) обладает большей ценностью:

<...> Do there not run
Strange shudderings through your fibres when the axe
Is raised against you, and the shining blade
Deals blow on blow, until, with all their boughs,
Your summits waver and ye fall to earth? [9. P. 5].

В творчестве Брайанта нашли выражение две разнонаправленные черты. С одной стороны, образ природы связан с образом родных для писателя мест:

Or lose thyself in the continuous woods
Where rolls the Oregon, and hears no sound [Ibid.].

С другой стороны, образ природы связан с образом страны и нации в целом. От Брайанта прозвучал самый ранний призыв к созданию национальной американской литературы, которая, по его мнению, могла возникнуть благодаря прекрасным природным условиям на континенте [3. С. 224]. Идея о превосходстве природы американского континента над европейской природой, а также идея об определении характера человека природой выражена в стихотворении Брайанта «Сонет американскому художнику, уезжающему в Европу» (*Sonnet – To an American Painter Departing for Europe*) [9. P. 27].

О важности национальной литературы, которая будет способствовать распространению моральных и культурных идеалов, а также формированию американского характера в 1830 г., заявлял американский писатель У.Э. Чаннинг [14. С. 69]. Вслед за Чаннингом мощный призыв к созданию национальной литературы прозвучал от Р.У. Эмерсона (1803–1882) в ряде его лекций и эссе. Считая, что в Америке пока не появилось гения, способного выразить национальную специфику, Эмерсон заявил, что Америка – это стих, который вскоре должен получить метрическое выражение. Эмерсон считал, что именно природа может вдохновить национального поэта [15. С. 737].

Именно с деятельностью Эмерсона и деятельности кружка трансценденталистов во главе с ним связаны основные изменения в образе природы. В диссертации «Философская поэзия американского романтизма (поэтическое творчество Ралфа Уолдо Эмерсона и Эмили Дикинсон)» С.Д. Павлычко указывает, что для Эмерсона характерно романтическое понимание природы как сущности, независимой от цивилизации и культуры, как некоего откровения [16. С. 27]. Эмерсон способствовал проникновению в США идей европейского романтизма (1820–1865) [17]. Он перенял идеи Вордсворта и Кольриджа, которые являлись одними из ключевых фигур литературы Великобритании эпохи романтизма [18. С. 116]. Профессор К. ВанСпанкерен также утверждает, что многие идеи Эмерсона берут свое начало из буддизма, ислама и учения Конфуция [19]. Эмерсон соединил все эти источники с идеями немецкого идеализма, восточной философией и сформулировал постулаты американского трансцендентализма, литературно-философского течения, уделявшего основное внимание идее одухотворённости природы. Трансценденталисты верили в то, что человек может нравственно очиститься, приблизившись к природе.

Трансцендентализм США сохраняет в себе такие особенности эпохи романтизма, как противостояние рационализму, внимание к личности человека, идею об особом предназначении поэта и, конечно, идею о необходимости преклонения перед природой, в которой, по мнению приверженцев трансцендентализма, присутствует божественный дух [20]. В творчестве трансценденталистов активно развивается идея пантеизма. Эмерсон, убеждённый в слитности бога с природой, одним из первых выражает идею ценности природы как источника эстетического наслаждения:

Tell them, dear, that if eyes were made for seeing,
Then Beauty is its own excuse for being [9. P. 32].

В стихотворениях о природе Эмерсон поднимает проблемы философского характера. В философской лирике Эмерсона зарождается космическое видение мира [16. С. 33]. Найти этому подтверждение можно в стихотворении «Все и каждый» (*Each and All*) [21]. Важным открытием Эмерсона является также его идея природы как чего-то изменяющегося: «То, что мы называем природой, на самом деле является саморегулирующимся движением, изменением: природа всё делает сама» [15. С. 731]. Природа у Эмерсона – это активная, саморегулирующаяся сущность, способная на ответные действия.

В творчестве Эмерсона, как и в творчестве Брайанта, выражена идея воздействия человека на природу, в том числе негативного воздействия. Однако это воздействие, по мнению Эмерсона, не одностороннее. В стихотворении «Вода» (*Water*), например, говоря о взаимосвязи природы с человеком, он пишет, что природа способна на разрушительные действия в ответ на неподобающие действия человека:

Ill used, it will destroy [9. P. 30].

Хотя можно заметить, что стихотворения Эмерсона всё-таки чаще оптимистичны:

The water understands
Civilization well;

<...>

Well used, it decketh joy,
Adorneth, doubleth joy [Ibid.].

Признавая прочную взаимосвязь между человеком и природой, Эмерсон высказывает мысль о неответственности человека природе: *we are strangers to the stars, / And strangers to the mystic beast and bird, / And strangers to the plant and to the mine* [Ibid. P. 31]. Несмотря на это, в произведениях Эмерсона прослеживаются зачатки экопоэзии: в них уделяется внимание взаимоотношению различных природных элементов. Например, в стихотворении Эмерсона «Басня» (*Fable*), в котором разворачивается диалог белки с горой. Таким образом, используя аллегорию, Эмерсон признаёт равнозначную необходимость каждого природного элемента:

Talents differ; all is well and wisely put;
If I cannot carry forests on my back,
Neither can you crack a nut [Ibid. P. 34].

Даже «неживая» природа обретает в стихотворениях Эмерсона голос. Голосом обладает природа и в стихотворениях Кэролин Таппан (1818–1888), другого члена кружка трансценденталистов. Она персонифицирует природу и использует приём психологическо-

го параллелизма, приписывая природе чувства, которые соответствуют внутреннему настроению лирического героя. В стихотворении «Лирика» (*Lyric*) она пишет:

The little flowers lie low on the ground
And sadly moan [21].

В стихотворении «Строки» (*Lines*), посвящённом решению вопроса о сущности природы, природа представлена как прекрасная мать:

No! the secret of Nature I do not know –

A poor groping child, through her marvels I go! [Ibid.].

Известно, что образы природы в эпоху романтизма часто служили символами. Например, подсолнух в стихотворении английского поэта У. Блейка «Ах, подсолнух» (*Ah! Sun-flower*) символизирует желание достичь вечной жизни, змея в произведении С.Т. Кольриджа «Кристалль» (*Christabel*) – зло, а чёрный ворон в стихотворении Э. По «Ворон» (*The Raven*) – смерть.

Отчасти использование символов в эту эпоху связано с изменением статуса поэта. В США он резко поднимается, во многом благодаря Эмерсону. В своём эссе «Поэт» (*The Poet*) он объясняет, что настоящий поэт «видит то, о чем другие лишь мечтают, и подчиняет это себе, и пропускает сквозь себя все многообразие опыта; он – представитель рода человеческого благодаря тому, что в нём всего больше развиты способности воспринимать и передавать другим» [22. С. 304]. По мнению Эмерсона, поэт должен обладать особой способностью восприятия и выполнять важные социальные функции по передаче знания, полученного при восприятии. Для этого он может использовать символы.

Необходимо упомянуть Генри Дэвид Торо (1817–1862), также входившего в кружок трансценденталистов. Он является одним из самых выдающихся мыслителей, повлиявших на восприятие природы американцами. К. ВанСпанкерен пишет, что мысли Торо об экологии, его идеи, наблюдательность до сих пор актуальны и свежи [19]. Конечно, большая часть внимания исследователей к творчеству Торо сосредоточена на эссеистике и журнале, в котором Торо делал записи о результатах наблюдения за природой. Однако Торо является также автором стихотворений.

В стихотворениях Торо происходят своеобразная интериоризация и в то же время персонификация природы. Например, в произведении «Внутреннее утро» (*The Inward Morning*) он пишет:

Packed in my mind lie all the clothes
Which outward nature wears [21].

Торо, как и Эмерсон, увлекавшийся восточной философией, сочетает в своих произведениях идеи немецкого идеализма с идеями индийской философии, в том числе с идеей о брахмане и атмане, т.е. о едином божественном начале природы и человека. Торо, как и Эмерсон, является последователем пантеизма и считает, что природа слитна с божественным началом. В «Молитве Земле» (*Pray to What Earth*) он говорит о необходимости молиться земле [Ibid.].

Итак, в творчестве поэтов-трансценденталистов заметны важные изменения в образе природы: природа наделяется божественными качествами, утвержда-

ется единое начало человека и природы, исчезает пространственная дихотомия «верх–низ», реализующая разницу между положительным, божественным, находящимся сверху, и отрицательным, греховным, находящимся внизу.

Говоря о новаторстве, необходимо упомянуть Уолта Уитмена (1819–1892), поэта, положившего начало по-настоящему национальной американской поэзии. Он представляет собой того поэта, появление которого предсказывал Эмерсон в эссе «Поэт». Не случайно сам Эмерсон признал Уитмена самобытным поэтом [4. С. 128]. Уитмену удалось совершить революцию в стихосложении, а также выразить демократические настроения страны. Уитмен использует длинные строки для выражения идеи безграничности просторов и возможностей, которые можно найти в Америке. «Листья травы», основное произведение Уитмена, написано свободным стихом для выражения идеи свободы от каких-либо ограничений:

Walt Whitman, an American, one of the roughs, a kosmos,
<...>

I speak the password primeval... I give the sign of democracy;

By God! I will accept nothing which all cannot have their counterpart on the same terms [9. P. 102].

Хотя при написании «Листьев травы» Уитмен использовал множество источников (итальянскую оперу, перевод Библии, выполненный под руководством короля Якова I, астрономию, ландшафтную живопись и проч.), основным источником для него стало ощущение значимости своей личности, идентификация себя со своей родиной [18. С. 208]. Таким образом, в основе создания образа природы в его творчестве заложена одна из ведущих ценностей американской культуры – ценность человеческой личности.

Своё личное «я» Уитмен ставит превыше всего. В творчестве Уитмена и многих поэтов, живших после него, наблюдается желание поделиться с читателем своим опытом, личными соображениями. Р. Грэй указывает на то, что фокус произведения на личностном «я» повествователя или автора, как собственно соединение, слияние повествователя и автора, для американской литературы является типичным [23. С. 123]. В произведении Уитмена «Листья травы» образ природы – это, в первую очередь, образ страны, в которой человек свободен.

Как уже было отмечено ранее, произведения Эмерсона были оптимистичными. Идею оптимизма, представленного Эмерсоном в эссе «Доверие к себе» (*Self-Reliance*) как необходимое качество человека, выражает и Уитмен. Он пишет:

The earth good, and the stars good, and their adjuncts all good [9. P. 89].

В произведении Уитмена можно найти общий для английской и американской поэзии топос эпохи романтизма: образ природы как учителя (данный образ можно найти у Вордсворта, в стихотворении «Природа-учитель» (*The Tables Turned*)). Уитмен считает, что природа может научить большему, чем проповедь или лекция:

Logic and sermons never convince,
The damp of the night drives deeper into my soul
[9. P. 107].

Однако Уитмен далёк от признания единства человека с животными, которое свойственно творчеству индейцев. Он отделяет животных от рода человеческого:

I think I could turn and live awhile with the animals... They are so placid and self-contained,
<...>

So they show their relations to me and I accept them
[Ibid. P. 108].

Новым в поэзии Уитмена является его идея многозначности природных образов. Например, трава, имея зелёный цвет, может означать надежду, может восприниматься как проявление божественного начала, может означать рождение, поскольку постоянно прорастает вновь, а может символизировать смерть, поскольку растёт на могилах. Тот факт, что трава растёт везде, даёт право говорить, что она означает также единство [Ibid. P. 88]. Именно единство всего сущего утверждает Уитмен в своём основном произведении «Листья травы»:

What is a man anyhow? What am I? and what are you?

All I mark as my own you shall offset it with your own,

Else it were time lost listening to me [Ibid. P. 98].

Большое влияние на развитие поэзии о природе оказало творчество Эмили Дикинсон (1830–1886), задававшей вопросом о сущности человека. Она, как и Уитмен, была склонна определять сущность человека через природное начало. Пристальное наблюдение за природным миром позволило Дикинсон умело использовать сравнения животных с людьми и людей с животными. Например, в стихотворении «Я никто, а ты – ты кто?» (*I'm Nobody! Who are you?*) Дикинсон сравнивает человека с лягушкой:

How dreary – to be – Somebody!
How public – like a Frog –
To tell one's name – the livelong June –
To an admiring Bog! [24].

Данное стихотворение хорошо выражает жизненную позицию Дикинсон. В отличие от Уитмена Дикинсон всей своей жизнью затворника и своим нежеланием публиковать собственные произведения показывает, что ей чужды публичная жизнь и желание славы. Различия между двумя поэтами видны и в форме произведений. Строфы у Дикинсон короткие. Если Уитмен опирается на перевод Библии в выработку своего стиля, то Дикинсон – на церковные гимны [25. С. 83]. Дикинсон использует эллиптические предложения, пытаясь высказать мысль минимальным количеством языковых единиц, что соответствует её идее о простоте природы. Самым любимым знаком препинания Дикинсон является тире. Этот знак не только передаёт быстрое движение мысли, но и служит созданию определённого ритма, получаемого также за счёт чередования строк с чётным и нечётным количеством ударных слогов и за счёт анжамбемана.

Образ природы у Дикинсон всеобъемлющ, как и у Уитмена, но создаётся он по-другому. Если Уитмен идёт

от своего «я» вовне, то Дикинсон от внешнего мира к собственному «я», которое для неё является неотъемлемой частью природы. Дикинсон осознаёт тесную взаимосвязь всех живых существ, её интересует каждая мелкая деталь. Например, в стихотворении «Спорхнула птичка» (*A Bird Came Down*) она рассказывает о своём опыте наблюдения за птицей, поедающей червя.

Стихотворения Дикинсон лишены избыточной символичности, она повествует о своём непосредственном опыте общения с природой. Например, стихотворение «Маленькое существо в траве» (*A Narrow Fellow in the Grass*) лишено понимания змеи как символа зла. С точки зрения Дикинсон, всё в природе является гармоничным. В отличие от Эмерсона и Уитмена, однако, она считает, что выразить мудрость природы человеку не под силу. Например, в стихотворении «Природа – это то, что видим» (*Nature” Is What We See*) Дикинсон пишет:

Nay – Nature is Harmony –
Nature is what we know –
Yet have no art to say –
So impotent Our Wisdom is
To her Simplicity [26].

Образ природы у Дикинсон – это образ гармоничного целого. Он часто строится как образ друга. Например, в стихотворении «Марту» (*To March*) месяц март предстаёт в виде долгожданного гостя и друга.

Значительное место в истории развития поэзии о природе занимает творчество Генри Лонгфелло (1807–1882), получившего признание ещё при жизни. Популярность произведений Лонгфелло объясняется отчасти его приверженностью к традиционным европейским литературным формам [23. С. 203]. Образ природы США у Лонгфелло, задавшегося целью создать национальное эпическое произведение, связан с образом индейца. Гиленсон отмечает, что для романтической литературы характерно обращение к образу индейца как «естественного человека», однако, как правило, этот образ носит условный, декоративный характер. Лонгфелло, по словам Гиленсона, значительно глубже подходит к культуре индейцев в процессе создания своих эпических произведений [4. С. 84].

В его стихотворении «Природа» (*Nature*) образ природы – это также образ ласковой матери, заботящейся о своих детях – людях:

As a fond mother, when the day is o’er,
Leads by the hand her little child to bed,
<...>
Being too full of sleep to understand
How far the unknown transcends the what we know [27].

Признавая, подобно Дикинсон, тот факт, что наше знание об окружающем нас мире слишком мало, Лонгфелло говорит, что человечество представляется скорее невинным дитя, чем грешным созданием. Его творчество соответствует второму этапу развития поэзии о природе, на котором на природу перестаёт проектироваться идея греховности. Однако не все американские поэты эпохи романтизма являются оптимистами и считают земную жизнь непосредственным контактом с божественным началом, растворённым в природе. Противоположный взгляд, например, характерен для Германа Мелвилла.

Г. Мелвилл (1819–1891) является не только автором знаменитого романа «Моби Дик», но и автором нескольких рассказов и стихотворений. В стихотворениях Мелвилла чувствуются мрачность, постоянное ощущение исходящей от природы опасности, как и в его известном романе. В стихотворении «Мальдивская акула» (*The Maldive Shark*), повествующем о симбиозе рыбы-лоцмана и акулы, акула предстаёт неким исчадием ада, для которого рыба-лоцман является прислужником, приводящим хозяина к добыче:

But liquidly glide on his ghastly flank
Or before his Gorgonian head;
Or lurk in the port of serrated teeth
In white triple tiers of glittering gates [9. P. 155].

Можно сделать вывод, что Мелвилл, черпая символы из природного мира, хочет донести до нас мысль о единстве сущего, но единстве другого рода, чем у Уитмена. Мир, по мнению Мелвилла, похож скорее на ад, чем на рай. Если стихи Эмерсона и Уитмена проникнуты жизнеутверждающим оптимизмом, то стихи Мелвилла пессимистичны.

Пессимизм чувствуется даже в тех стихотворениях, в которых образ природы связан с образом страны. Например, в стихотворении «Опасения» (*Misgivings*) Мелвилл пишет:

When ocean-clouds over inland hills
Sweep storming in late autumn brown,
<...>

I muse upon my country’s ills [Ibid. P. 153].

Мелвилл не разделяет уверенность Эмерсона, Торо и других поэтов в особой судьбе страны, обусловленной прекрасными природными условиями.

Во многом трагичное мироощущение присуще следующему этапу развития литературы о природе в США. Данное мироощущение явился результатом Гражданской, а также Первой мировой войны. Если романтизм был эпохой оптимизма и надежд, то модернизм – разрушением этих надежд. Новое мироощущение было также результатом стремительных изменений в бытовом плане: увеличилось городское население, возросла скорость коммуникации (распространение получили радио и телефонная связь), выросла скорость транспортировки (строились мосты, метро, машины и скоростные поезда), возводились небоскрёбы, фабрики [28. С. 23].

Именно новое мироощущение заставляет модернистов ставить под сомнение жизнеспособность старых форм. Они начинают использовать новые формы произведений. Томас Стернз Элиот (1888–1965), например, в «Бесплодной земле» (*The Waste Land*) передаёт идею о нарушенной взаимосвязи человека с природой, дробя произведение на, казалось бы, не связанные между собой части. В произведении представлена мрачная картина послевоенного общества, которая создаётся с помощью природных образов, например образа загрязнённой Темзы:

Unreal City,
Under the brown fog of a winter dawn,
A crowd flowed over London Bridge, so many,
I had not thought death had undone so many [9. P. 353].

Образ природы – это образ собранных фрагментов, кусков, между которыми нет видимой связи. Однако,

как указывает А. ДиФранко, в основе произведения Элиота лежит традиция сезонных ритуалов плодородия [3. С. 228]. Несвязность произведения только кажущаяся, поверхностная. Элиот, как и другие модернисты, находится в поиске новых мифов, способных объединить разрозненный на части мир, преодолеть отчуждение человека от общества и природы. По утверждению А. Гениса, центральным проектом модернистов становится нахождение нового мифа, способного «одухотворить прогресс и срастить распавшийся мир в новое единство» [29]. Модернисты переживают мысль предыдущей эпохи о важной роли поэта в жизни страны.

Внимание многих писателей-модернистов сосредоточивается на самих вещах, в которых они пытаются обнаружить новый смысл. Они стараются обеспечить «свежесть и резкость образного восприятия», поэтому «утверждают принцип постоянного насилия по отношению к языку, постоянной ломки и перекраивания языкового материала» [30. С. 263]. В 1912 г. возникает направление имажизма во главе с Эзрой Паундом (1885–1972) [31. С. 6], которого Генис называет «апостолом модернизма». Именно Паунд во многом определяет дальнейшее развитие американской поэзии [Там же. С. 5]. Он является автором не только многочисленных стихотворений, переводов, но и автором работ по литературоведению и культуре. Паунд способствует продвижению малоизвестных поэтов, являясь центром движения авангардистов в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Его творческие принципы остаются значимыми даже для современных поэтов [32. С. 50]. Во многом благодаря Паунду утверждается свободный стих, занявший ключевые позиции в американской поэзии новой эпохи. Одной из основных его идей, которая жива и по сей день, является утверждение необходимости отсекающего от стихотворения лишних слов для избавления от излишней декоративности [28. С. 25]. Эта идея стала результатом увлечения восточной поэзией, переводами которой он занимался. Так, в 1913 г. появляется стихотворение Паунда «На станции метро» (*In a Station of the Metro*), напоминающее хайку:

The apparition of three faces in the crowd;
Petals on a wet, black bough [Ibid. P. 26].

Увлечение китайской и японской поэзией, как, впрочем, и духовными учениями Востока, стало отличительной чертой возникшей впоследствии группы битников. Хотя философия Востока, как было сказано ранее, стала проникать в литературу США ещё во времена Эмерсона и Торо, особый интерес она вызвала после Второй мировой войны в годы поиска новых духовных начал.

Говоря о развитии поэзии о природе, стоит отметить творчество Уильяма Карлоса Уильямса (1883–1963). Образ природы в его творчестве создаётся с помощью указания на мелкие детали. Примером служит стихотворение «Красная тачка» (*The Red Wheelbarrow*), в котором представлены три образа отдельных предметов, связанных воедино структурой стихотворения [33]. Несмотря на краткость стихотворения, оно может вызвать различные интерпретации, что говорит о силе создаваемых образов простых матери-

альных объектов [28. С. 99]. Звуковая и ритмическая гармония передают доставляемое наслаждение представленным пейзажем. Цвета предметов можно воспринять как цвета американского флага, тогда идеей стихотворения может быть значимость фермерства для жизни страны. Образ природы, таким образом, связан с образом страны и отражает ценность простой жизни.

Основным отличием Уильямса от Элиота и Паунда является его убежденность в необходимости внимания к своему месту проживания, своей малой родине [23. С. 376]. Космополитизму он противопоставляет локализм, считая, что национальное проявляется в локальном. Если поэзия Элиота и Паунда содержит большое количество аллюзий на произведения прошлого и настоящего, то поэзия Уильямса отличается простотой и представляет обычную жизнь его родного города. Образ природы в творчестве модернистов часто связан с образом города. Например, эти два образа связаны в стихотворении Э. Бишоп «Простое упражнение» (*Little Exercise*):

It is raining there. The boulevard
And its broken sidewalks with weeds in every crack
Are relieved to be wet, the sea to be freshened [35].

Локализм характерен для творчества ещё одного известного американского поэта – Роберта Фроста (1874–1963). ДиФранко отмечает, что стихотворения Фроста вносят вклад в создание национальной пасторали, а также помогают определить американскую идентичность через приверженность к конкретному месту проживания [3. С. 227]. Однако стоит отметить, что отношение Фроста к природе двойственно. Если в творчестве Уильямса образ природы однозначно положительный и несёт идею возможности обновления (заложенную, например, в сборнике «Весна и всё остальное» (*Spring and All*)), то образ природы у Фроста амбивалентен, что возвращает нас к идеям пуританизма. Амбивалентность можно проследить в произведениях «Остановка в лесу снежным вечером» (*Stopping by Woods*), «Войди» (*Come In*), в которых признание красоты природного соседствует с осознанием губительности полного погружения в природу (что также говорит о вере в невозможность слияния с природой). Нередко поэтому в поэзии Фроста образ природы связан с образами света и тьмы, дня и ночи. Например, в стихотворении «Знакомство с ночью» (*Acquainted with the Night*) он пишет:

And further still at an unearthly height,
One luminary clock against the sky
Proclaimed the time was neither wrong nor right.
I have been one acquainted with the night [9. P. 230–231].

Природное начало в стихотворении ассоциируется с темнотой, а человеческая деятельность, символом которой являются часы, – со светом.

В известном произведении «Берёзы» (*Birches*) Фрост соединяет два видения природы, говоря о возможности сочетания духовной жизни с земными делами. Если сравнить это стихотворение со стихотворением «Берёза» Сергея Есенина, то можно понять, насколько различным является восприятие одного и того же дерева этих двух выдающихся поэтов. Если для Есенина берёза – это нечто близкое, ассоциирую-

щесся с родиной, женским началом, вызывающее эстетическое восхищение, то для Фроста – это нечто, к чему можно обратиться лишь по необходимости для удовлетворения порывов души. Склонённые берёзы у Фроста тоже ассоциируются с женщинами, однако задача автора заключается не в передаче эстетической ценности природы. Основная идея стихотворения заключается в возможности использования природы как средства достижения наслаждения. Если подъём по берёзе ассоциируется с духовным ростом, приближением к небесам, то спуск с берёзы на землю подразумевает возврат к земной жизни, земным заботам. Понимание природы близко к пониманию её пуританами. Пространство у Фроста разделено на положительный «верх» и отрицательный «низ».

Форма произведений Фроста достаточно традиционна (например, в стихотворении «Берёзы» превалирует традиционный для классического английского стихосложения ямбический пентаметр), однако она содержит в себе и элементы новаторства (обращение к речевым особенностям своего родного региона) [23. С. 351]. Поэзия Фроста, таким образом, как и поэзия Мелвилла, является неким переходным явлением (по выражению А. Гениса, протомодернистским) [35].

К числу модернистов, чьё творчество отмечено особым вниманием к природному миру, можно отнести наряду с уже перечисленными выше следующих поэтов: Уоллеса Стивенса (1879–1955), убеждённого в возможности самопознания посредством обращения к окружающей среде, Марианну Мур (1887–1972), часто обращающуюся к образам животных (например, в стихах «Рыба» (*The Fish*), «Осьминог» (*An Octopus*)) и конкретным географическим местам, а также Элизабет Бишоп (1911–1979), отличающуюся вниманием к деталям природного мира.

Всех поэтов третьего периода развития поэзии о природе объединяет желание найти духовную основу для будущего существования человека, они все обеспокоены вопросом нахождения места человека в неустойчивом, изменяющемся мире. Зыбкость бытия в творчестве некоторых модернистов передаётся частым использованием образа стекла, зеркал, отражения в воде. Достаточно распространённым становится анжамбеман, использование которого, как правило, подчёркивает невозможность создания законченного образа, а также деавтоматизирует наше восприятие, выделяя наиболее значимые в смысловом отношении места. Его, например, использует Э. Бишоп в стихотворении «Простое упражнение» (*Little Exercise*):

Where occasionally a heron may undo his head,
Shake up his feathers, make an uncertain comment
When the surrounding water shines [34].

Практически все поэты данного периода подчёркивают субъективность восприятия природы с помощью большого количества сравнений. Например, достаточно много сравнений есть в стихотворении Бишоп «В рыбацких хижинах» (*At the Fishhouses*):

The lobster pots, and masts, scattered
Among the wild jagged rocks,
Is of an apparent translucence
Like the small old buildings with an emerald moss
Growing on their shoreward walls [36].

Сравнение можно найти в стихотворении Стивенса «Простой смысл» (*The Plain Sense of Things*), а также в стихотворении «Осьминог» (*An Octopus*) Марианны Мур. Как утверждает И.В. Кабанова, «модернисты превыше всего ставят ценность индивидуального художнического видения мира» [37]. Образ природы, таким образом, на третьем этапе подчинён задаче самовыражения личности поэта, считающего возможным с помощью своего творчества создать мир заново. А. Генис поясняет, что одной из главных задач модернизма было показать то, что фантастическое составляет неотъемлемую часть обычного посредством обращения к вещам, являющимися связующими звеньями между иррациональными и рациональными сферами бытия, а также посредниками между внутренней и внешней реальностью: «Между ними нет отличий, ибо и то и другое – продукт нашего сознания <...> Задача искусства вообще и поэта в частности состоит в том, чтобы соединить две части нашего опыта» [35]. Природа – это как раз то, что позволяет поэтам выявить связь между внутренней и внешней реальностью.

Наконец, четвёртым этапом развития поэзии о природе является современный период, начавшийся после Второй мировой войны. Если на первом этапе развития природный мир интересовал поэтов как творение Бога, на втором – как растворённое божественное начало, имеющее единую природу с человеческим началом, то на третьем – как средство самопознания. На четвёртом этапе природа интересует поэтов как наделённый внутренней ценностью мир, как система, объединяющая равнозначные элементы. Современных поэтов интересует динамика взаимодействия человека с другими элементами природной системы, а также нравственная составляющая этого взаимодействия. Уже ни у кого не вызывает сомнения взаимозависимость всего сущего. Вторая половина XX в. отмечена растущим пониманием поэтами той роли, которую человек играет в изменениях, происходящих в природном мире. Д.С. Лихачёв утверждал, что необходимо на основе философии экологии построить этику экологии, поскольку «отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы “самосознание вселенной”, лишает смысла существования не только человека, но и все сущее, все мироздание» [38. С. 98]. Литература неизменно транслирует ценности, поэтому она может помочь сформировать этику экологии. Творчество многих современных поэтов можно отнести к эколитературе, поскольку в их произведениях предметом изображения становятся взаимодействие человека со всей природной системой, а также нравственные вопросы этого взаимодействия.

К данному нами ранее определению эколитературы как литературы, «в центре внимания которой находится взаимосвязь человека с другими существами естественной природы, включая реки и горы» [39. С. 12], можно добавить утверждение о том, что эколитература затрагивает вопросы этического характера взаимодействия человека с другими элементами экосистемы. В качестве художественных средств выражения идеи взаимосвязи всего сущего эколоэты часто используют ассонанс и аллитерацию, внутрен-

ною рифму и прочие средства, помогающие связать слова стихов в единую сеть.

К экопоэзии как одному из видов эколитературы можно отнести творчество Гэри Снайдера, Мэри Оливер, творчество таких представителей коренного населения, как Лесли Мармон Силко, Луис Элдрич, Линда Хоган, Шерман Алекси, Джой Харджо и некоторых других. Достаточно широкое освещение черты экопоэзии получили в работах американского исследователя Дж.С. Брайсона. Он выделяет следующие черты экопоэзии: экоцентристская перспектива, привязанность к конкретному месту на земле, представление мира как сообщества взаимосвязанных субъектов, осознание необходимости смирения человеческой гордыни, скептицизм по отношению к особому виду рациональности, присущей якобы человеку, и обеспокоенность возможностью экологической катастрофы [40. С. 143]. Образ природы в произведениях экопоэтов – это образ объединённых в единое целое взаимосвязанных существ.

В произведениях представителей коренного населения не только люди, животные и растения представлены как живые существа, но также различные объекты физического мира и душа: «For the soul is a wanderer with many hands and feet» [41]. По утверждению Е.А. Стеценко, автора многих трудов по американской литературе, «экологическая» литература XX в. развивает традиционный для национальной культуры мотив конфликта естественного бытия и цивилизации» [42. С. 19]. В произведениях представителей коренного населения США, как уже было отмечено ранее, часто звучит трагизм из-за нарушенных взаимоотношений человека с остальным природным миром. Примером таких произведений может служить стихотворение Шермана Алекси (р. 1966) «Пау-вау на краю света» (*The Powwow at the End of the World*) в котором он говорит, что прежний дух традиционного собрания индейцев пау-вау возможно восстановить, только если будут устранены последствия вмешательства европейцев в природный мир континента [43].

Хотя произведения Алекси написаны с юмором и являются скорее жизнеутверждающими, чем апокалиптическими, в них постоянно присутствует мотив «края», «конца мира»:

Damn, says Crow, I guess

They already live near the end of the world [44].

У Дж. Харджо (р. 1951) этот мотив тоже присутствует. Например, он есть в стихотворении «Возможно, мир закончится на этом» (*Perhaps the World Ends Here*). В стихотворении «Исчез мир, который мы знали» (*When the World as We Knew It Ended*) Дж. Харджо пишет:

And then it was over, this world we had grown to love
For its sweet grasses, for the many-colored horses
And fishes, for the shimmering possibilities
While dreaming [45].

Заметно, что стихотворения американских индейцев часто представляют собой сюжетные повествования. В них встречаются образы мифологических существ, несущие дополнительный смысл и, как правило, подчёркивающие взаимосвязь и взаимозависи-

мость человека и других природных существ друг от друга. Это может быть ворон в таких стихотворениях Алекси, как «Завещание ворона» (*Crow Testament*) и «Эволюция» (*Evolution*), или белый олень в стихотворениях Харджо и т.д.

Элементы повествования можно найти и в произведениях таких современных поэтов, как Мэри Оливер и Гэри Снайдер. Среди работ Мэри Оливер (р. 1935) можно выделить такие книги, как «Без путешествий и другие стихи» (*No Voyage, and Other Poems*), «Река Стикс, Огайо и другие стихотворения» (*The River Styx, Ohio, and Other Poems*), «12 Лун» (*Twelve Moons*), «Американский примитив» (*American Primitive*) и др. Поэзия Оливер отличается обилием образов конкретных мест, в которых чувствуется внимание к деталям природного мира. Например, их можно найти в стихотворении «Сон в лесу» (*Sleeping in the Forest*).

Природа в поэзии Оливер является основным предметом изображения достаточно часто. Американский литературный критик А. Острайкер считает Оливер «одной из немногих американских поэтесс, способных передать восторг от общения с природой и в то же время сохранить понимание того, что в мире есть хищники и жертвы» [46]. Оливер старается передать идею ошибочности антропоцентризма, поскольку природа обладает ценностью сама по себе. Например, в стихотворении «Где начинается и заканчивается танец» (*Where Does the Dance Begin, Where Does It End*) Оливер использует метафору театра, главными актёрами в котором являются не люди, а природные явления. Люди также не являются театральными критиками:

Don't call this world adorable, or useful, that's not it.

It's frisky, and a theater for more than fair winds.

The eyelash of lightning is neither good nor evil.

The struck tree burns like a pillar of gold [47].

Оливер передаёт идею уникальности каждого дня, каждого природного явления, она представляет природу сущностью, в которой имманентно присутствует божественное начало, таким образом следуя традиции трансцендентализма. Подтверждением служат строки из стихотворения «Утреннее стихотворение» (*Morning Poem*):

Each pond with its blazing lilies

Is a prayer heard and answered

Lavishly,

Every morning [48].

В отличие от поэтов предыдущего периода Оливер, как и другие экопоэты, избегает сравнения природных явлений с качествами человека. В сборнике «Сила воображения» (*Dream Work*), например, Оливер для передачи связи между различными представителями природы использует метафору семьи, образ мира – это образ стаи диких гусей с их резким и призывным криком:

Whoever you are, no matter how lonely,

The world offers itself to your imagination,

Calls to you like the wild geese, harsh and exciting

Over and over announcing your place

In the family of things [Ibid.].

Говоря об употреблении метафоры семьи, необходимо упомянуть также творчество ещё одного экопоэта – Гэри Снайдера (р. 1930). В его произведениях, как

и в произведениях Мэри Оливер и других экологов, присутствует эта метафора. Например, в стихотворении «Молитва великой семье» (*Prayer for the Great Family*) Снайдер так представляет устройство мира:

Gratitude to Mother Earth, sailing through night and day <...>

Gratitude to the Great Sky

<...>

Grandfather Space.

The Mind is his Wife [49. С. 24–25].

Метафора семьи удачно передаёт взаимосвязь и взаимозависимость различных элементов природной системы. Она также ставит вопрос о нравственных взаимоотношениях внутри данной системы. Идея взаимосвязи поддерживается аллитерацией, анафорой, параллелизмами.

Помимо этого Снайдер часто сравнивает природу с самой жизнью, а жизнь – с работой («Рабочий день» (*Work Day*), «Настоящая работа» (*The Real Work*)). Образ природы в творчестве Снайдера в целом непосредственно связан с образом движения, процесса. В его стихотворениях природа – это также дом. Как правило, образ дома в стихотворениях Снайдера – это образ всего мира, вселенной. Подобный образ можно найти в стихотворении «Через отверстие для дыма» (*Through the Smoke Hole*), в котором реализуется представление индейцев о нескольких мирах, связанных между собой [50. С. 125].

Идея взаимосвязи элементов природной системы в творчестве Снайдера передаётся также за счёт образа рек и гор. Например, данный образ является центральным в стихотворении «Бескрайние горы и реки». П. Тоуви отмечает, что образ гор наряду с образом рек имеет у Снайдера схожее значение с тем, которое вкладывали в него поэты эпохи романтизма [51. С. 23]. В понимании Снайдера образ гор и рек представляет собой выражение взаимодействия универсума с душой человека, целостности, присущей миру: «...a big view of the whole phenomenal world continually arising, all of it seen as mountains and rivers, a nondual view» [52. P. 77]. Таким образом, в творчестве экологов различными путями утверждается идея взаимосвязи, а также множественности, многообразия, которое обогащает жизнь.

Итак, проследив процесс трансформации образа природы в литературе США, можно сделать заключение, что историю развития поэзии о природе можно условно поделить на следующие этапы:

- 1) от начала колонизации до эпохи романтизма;
- 2) эпоха романтизма – начало гражданской войны;
- 3) Гражданская война – эпоха модернизма;
- 4) современная эпоха.

На первом этапе главенствующую позицию в иерархии ценностей колонистов занимало служение богу. Образ природы в основном был призван выразить идею греховности человека. Художественное пространство имело резкое разделение на положительный «верх» и отрицательный «низ». Помимо использования природных образов из Библии авторы использовали приём олицетворения.

На втором этапе природа часто была представлена в образе одухотворённой сущности, имевшей единой

начало с человеческой сущностью. В основе создания образа природы лежала одна из главных ценностей американской культуры – ценность человеческой личности. Образ природы в произведениях большинства поэтов, чьё творчество принадлежит ко второму периоду развития поэзии о природе, связан с образом страны.

На третьем этапе образ природы – это образ собранных воедино согласно субъективному восприятию поэта фрагментов. При создании образа природы авторы часто обращались к материальным объектам, их мелким деталям, которые поэт хотел преподнести как нечто новое, имеющее особый смысл. В эпоху модернизма поэты пытались найти основание для дальнейшего существования человека в мире, и для некоторых таким основанием стало укрепление связей с природой. Основной ценностью становится сама поэзия, мыслимая как способ построить новый мир.

На четвёртом этапе поэзия о природе превращается в экопоэзию. Поэты представляют природу как систему взаимосвязей, обладающую самооценностью. В центре внимания стоит разработка нравственных вопросов взаимодействия человека с другими членами природного сообщества.

Сегодня проявляется большой интерес к мифам и литературе коренных народов. Творчество, например, таких представителей коренного населения, как Джой Харджо, Шермана Алекси, занимает особое место в литературе США. Несмотря на то что поэзия стала более секулярна с течением времени, даже на современном этапе есть авторы, убеждённые в том, что природа – это божественная сущность. Мэри Оливер – одна из них. Новым явлением на современном этапе является пристальное внимание к деталям природного мира, к взаимосвязи его частей. Несмотря на то что некоторые поэты до сих пор используют образ природы как создания Бога, произошёл переход от теоцентристской парадигмы к биоцентристской. Человек уже не представляется тем созданием, ради которого существует всё на земле. В произведениях экологов виден сдвиг от признания ценности человеческой индивидуальности к признанию ценности каждого элемента экосистемы. В художественном плане это выражается:

- 1) в обращении к определённым метафорам (метафоре семьи, метафоре гор и рек, метафоре дома и проч.);
- 2) отказе от сравнения природных явлений с миром человека;
- 3) внимании к деталям природного мира, представленного в виде системы взаимосвязанных частей;
- 4) обращении к мифам, что, во-первых, обогащает произведения, связывая их с культурно-историческим прошлым человечества, с теми временами, когда человек ещё не выделял себя из природы, а, во-вторых, говорит о возможности альтернативного видения действительности;
- 5) приверженности к свободному стиху (происходит отказ от рифмы, определённого метра, ритма), что позволяет выразить идею того, что в мире нет раз и навсегда установленного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб. : Наука, 2009. 595 с.
2. Дымина Е.В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 27–37.
3. DiFranco A.K. Nature Writing: Poetry // Oxford Encyclopedia of American Literature. Oxford : Oxford University Press, 2004. Vol. 3. P. 219–231.
4. Гиленсон Б.А. История литературы США : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 704 с.
5. Fredman S. A Concise Companion to Twentieth-Century American Poetry. Oxford : Blackwell Publishing, 2005. 288 p.
6. Грицман А. Живой пейзаж (четверть века американской поэзии) // Арион. Слово. 2001. №. 2. С. 17–28. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2001/2/gric.html> (дата обращения: 04.06.2015).
7. Bradstreet A. Contemplations // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/43699> (accessed: 07.06.2016).
8. Bradstreet A. In Reference to Her Children // Fire and Ice: Puritan and Reformed Writings. URL: <http://www.puritansermons.com/poetry/anne08.htm> (accessed: 07.06.2016).
9. Lehman D. The Oxford Book of American Poetry. New York : Oxford University Press, 2006. 1200 p.
10. Freneau Ph. The Indian Burying Ground // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/46094> (accessed: 21.05.2016).
11. Dwight T. Greenfield Hill // Early Americas Digital Archive. URL: http://mith.umd.edu/eada/html/display.php?docs=dwight_greenfieldhill.xml (accessed: 08.06.2016).
12. Американская поэзия в русских переводах. XIX–XX вв. / сост. С.Б. Джимбинов. М. : Радуга, 1983. 672 с.
13. Simms W.H. Flight to Nature // PoemHunter.com URL: <http://www.poemhunter.com/poem/flight-to-nature/> (accessed: 22.06.2016).
14. Romanticism and Transcendentalism: 1800–1860 / ed. A. Ladd. New York : Infobase Publishing, 2010. 126 p.
15. Emerson R.W. Emerson: Selected Essays / ed. L. Ziff London: Penguin, 1982. 416 p.
16. Павлычко С.Д. Философская поэзия американского романтизма (поэтическое творчество Ралфа Уолдо Эмерсона и Эмили Дикинсон) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 188 с.
17. Богословский В.Н., Прозоров В.Г., Головченко А.Ф. Американская литература: Романтизм. URL: http://www.ae-lib.org.ua/texts/bogoslovskiy_american_romantizm_ru.htm (дата обращения: 09.06.2016).
18. Gray R. A History of American Literature. Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 2004. 913 p.
19. VanSpankeren K. Outline of American Literature. Washington: U. S. Department of State, 2006. 177 p. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/publication/2011/07/20110727110855su0.6739575.html#axzz3Kkjyls1t> (accessed: 12.06.2016).
20. Maunder A. Encyclopedia of Literary Romanticism. New York : Facts on File, 2010. 560 p.
21. Tappan C.S. Lyric // The Web of American Transcendentalism. URL: <http://transcendentalism-legacy.tamu.edu/> (accessed: 09.07.2016).
22. Эстетика американского романтизма / сост. А.Н. Николокин. М. : Искусство, 1977. 464 с.
23. Gray R.A. History of American Literature. 2nd ed. Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. 913 p.
24. Dickinson E. I'm Nobody! Who are you? // Academy of American Poets. URL: <https://www.poets.org/poetsorg/poem/im-nobody-who-are-you-260> (accessed: 19.06.2016).
25. Dickinson E. "Nature" Is What We See // PoemHunter.com. URL: <http://www.poemhunter.com/poem/nature-is-what-we-see> (accessed: 19.06.2016).
26. Felstiner J. Can Poetry Save the Earth? A Field Guide to Nature Poems. New Haven : Yale University Press, 2009. 396 p.
27. Longfellow H.W. Nature // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/44641> (accessed: 21.06.2016).
28. Beach Ch. The Cambridge Introduction to Twentieth-Century American Poetry. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 234 p.
29. Генис А. Модернизм как стиль XX века. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html> (дата обращения: 12.06.2016).
30. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
31. Beasley R. Theorists of Modernist Poetry: T.S. Eliot, T.E. Hulme, Ezra Pound. London : Routledge, 2007. 160 p.
32. MacGowan Ch. Twentieth-Century American Poetry. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2004. 348 p.
33. Williams W.C. The Red Wheelbarrow. URL: <http://www.poetryfoundation.org/resources/learning/core-poems/detail/45502> (accessed: 08.07.2016).
34. Bishop E. Little Exercise // PoemHunter.com. URL: <http://www.poemhunter.com/poem/little-exercise/> (accessed: 08.07.2016).
35. Генис А., Гандельман В. Двойной портрет американских поэтов // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1791996.html> (дата обращения: 18.06.2016).
36. Bishop E. At the Fishhouses // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/52192> (accessed: 11.07.2016).
37. Кабанова И.В. Зарубежная литература. Учебное пособие. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/kabanova/modernizm.htm> (дата обращения: 18.06.2016).
38. Лихачёв Д.С. Русская культура. М. : Искусство, 2000. 440 с.
39. Гречишкина С.В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 8–14.
40. Bryson J.S. Seeing the West Side of Any Mountain. Thoreau and Contemporary Ecological Poetry // Thoreau's Sense of Place. Essays in American Environmental Writing / ed. R.J. Schneider. Iowa City : University of Iowa Press, 2000. P. 133–145.
41. Harjo J. A Map to the Next World // Poetry Foundation. <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/49621> (accessed: 11.07.2016).
42. Стеценко Е.А. Литература США начала XX века // История литературы США : в 5 т. / ред. Я.Н. Засурский. М. : ИМЛИ РАН, 2009. Т. 5. С. 10–29.
43. Alexie Sh. The Powwow at the End of the World // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/47895> (accessed: 11.07.2016).
44. Alexie Sh. Crow Testament // Genius. URL: <http://genius.com/Sherman-alexie-crow-testament-annotated> (accessed: 11.07.2016).
45. Harjo J. When the World as We Knew It Ended. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/49619> (accessed: 14.07.2016).
46. Ostriker A. Mary Oliver. URL: <http://peacefulrivers.homestead.com/maryoliver.html> (accessed: 19.06.2016).
47. Oliver M. Where Does the Dance Begin, Where Does It End // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/mary-oliver> (accessed: 19.06.2016).
48. Poetry by Mary Oliver. URL: <http://peacefulrivers.homestead.com/MaryOliver.html> (accessed: 19.06.2016).
49. Snyder G. Turtle Island. New York : New Directions Publishing Corporation, 1974. 114 p.
50. Snyder G. The Back Country. New York : New Directions Publishing Corporation, 1971. 151 p.
51. Tovey P. The Transatlantic Eco-Romanticism of Gary Snyder. London : Palgrave Macmillan, 2013. 260 p.
52. Snyder G., Martin J. Nobody Home: Writing, Buddhism, and Living in Places. San Antonio : Trinity University Press, 2014. 268 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2017 г.

THE DEVELOPMENT OF NATURE POETRY IN THE USA: THE EMERGENCE OF ECOPOETRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 32–44.

DOI: 10.17223/15617793/419/4

Svetlana V. Grechishkina, Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation). E-mail: Sveta-only4me@mail.ru

Keywords: American poetry; nature poetry; image of nature; ecoliterature; ecopoetry; values.

The article focuses on American nature poetry, ecopoetry in particular. The topicality of the article results from the increasing interest to the literary works about nature. The study of nature poetry supplements the research of the system “human–nature”, the results of which are necessary for finding sustainable ways of existence of a human as an integral part of nature. Finding such ways as well as regulating the moral attitude of humans towards nature is a present-day priority. The aim of this research is to detect the transformation of the image of nature in every period of development of American nature poetry and identify the characteristic features of ecopoetry. One of the primary objectives is to find out how cultural and historical circumstances influenced the changes in the image of nature. The primary methods of the research are cultural-historical and comparative methods. The main approach is axiological. This approach allows to find out what values were at the heart of the image creation. The author of the article assumes that the distinctive features of the image of nature depend upon the values of an author’s value system and values typical to a certain historical period. The novelty of the research results partly from touching upon such a phenomenon as ecopoetry which appeared on the last stage of nature poetry development and which is a new field of interest for Russian literary studies and at the same time from the approach to the study of nature poetry. The author of the article analyses the works of such poets as A. Bradstreet, Ph. Freneau, T. Dwight, W. C. Bryant, R. W. Emerson, E. Dickinson, H. D. Thoreau, W. Whitman, H. W. Longfellow, H. Melville, T. S. Eliot, W. C. Williams, R. Frost, E. Bishop, M. Oliver, G. Snyder, Sh. Alexie and J. Harjo. The process of American nature poetry development can be divided into the following periods: 1) from the start of European colonization of America till Romanticism, 2) from Romanticism till the beginning of the American Civil War, 3) from the beginning of the American Civil War till Modernism, 4) present day. The primary value in the colonists value hierarchy was serving God. The image of nature reflected the idea of sinfulness of man. Literary space was divided into the positive ‘upper part’ and the negative ‘lower part’. The poets used Biblical images as well as personification. The second period of nature poetry development saw nature as a spiritual phenomenon having a common origin with the human spirit. The creation of the image of nature was based on one of the main values of American culture – the value of personality. Nature was seen as a source of satisfaction of various human needs. In the third period poets paid close attention to the minor details of material objects and to the place where they lived. The aim of the poets was to make the readers see their surroundings afresh. For some poets to make the relations to nature stronger became one of the bases for the further human existence. In the fourth period nature poetry turned into ecopoetry. Ecopoetry focuses on the ethical questions of the relationship of man with other members of natural community and on the intrinsic value of each element of the ecosystem. It results in using special metaphors (the metaphor of family, home, etc.), rejecting the comparison of natural phenomena with the qualities of man, paying attention to the details of nature, turning to myths and using free verse.

REFERENCES

1. Dokuchaev, I.I. (2009) *Tsennost' i ekzistentsiya. Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kul'tury* [Value and existence. Fundamentals of historical axiology of culture]. St. Petersburg: Nauka.
2. Dymina, E.V. (2009) *Mir tsennostey i problema osmysleniya deystvitel'nosti* [The world of values and the problem of understanding the reality]. *Tsennosti i smysly*. 2. pp. 27–37.
3. DiFranco, A.K. (2004) Nature Writing: Poetry. In: *Oxford Encyclopedia of American Literature*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press.
4. Gilenson, B.A. (2003) *Istoriya literaturny SShA* [History of US literature]. Moscow: Akademiya.
5. Fredman, S. (2005) *A Concise Companion to Twentieth-Century American Poetry*. Oxford: Blackwell Publishing.
6. Gritsman, A. (2001) *Zhivoy peyzazh (chetvert' veka amerikanskoy poezii)* [Live landscape (a quarter century of American poetry)]. *Arion. Slovo*. 2. pp. 17–28. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/arion/2001/2/gric.html>. (Accessed: 04.06.2015).
7. Bradstreet, A. (1981) *Contemplations*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/43699>. (Accessed: 07.06.2016).
8. Bradstreet, A. (1981) *In Reference to Her Children*. [Online] Available from: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/43704>. (Accessed: 07.06.2016).
9. Lehman, D. (2006) *The Oxford Book of American Poetry*. New York: Oxford University Press.
10. Freneau, Ph. (2006) *The Indian Burying Ground*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/46094>. (Accessed: 21.05.2016).
11. Dwight, T. (1794) *Greenfield Hill*. [Online] Available from: <http://eada.lib.umd.edu/text-entries/greenfield-hill-a-poem/>. (Accessed: 08.06.2016).
12. Dzhibinov, S.B. (1983) *Amerikanskaya poeziya v russkikh perevodakh. XIX–XX vv.* [American poetry in Russian translations. 19th–20th centuries]. Moscow: Raduga.
13. Simms, W.H. (n.d.) *Flight to Nature*. [Online] Available from: <http://www.poemhunter.com/poem/flight-to-nature/>. (Accessed: 22.06.2016).
14. Ladd, A. (ed.) (2010) *Romanticism and Transcendentalism: 1800–1860*. New York: Infobase Publishing.
15. Emerson, R.W. (1982) *Emerson: Selected Essays*. London: Penguin.
16. Pavlychko, S.D. (1984) *Filosofskaya poeziya amerikanskogo romantizma (poeticheskoe tvorchestvo Ralfa Uoldo Emersona i Emili Dikinson)* [Philosophical poetry of American romanticism (the poetic work of Ralph Waldo Emerson and Emily Dickinson)]. Philology Cand. Diss. Kiev.
17. Bogoslovskiy, V.N., Prozorov, V.G. & Golovchenko, A.F. (1991) *Amerikanskaya literatura: Romantizm* [American Literature: Romanticism]. [Online] Available from: http://www.ae-lib.org.ua/texts/bogoslov-skiy_american_romantizm_ru.htm. (Accessed: 09.06.2016).
18. Gray, R. (2004) *A History of American Literature*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.
19. VanSpanckeren, K. (2006) *Outline of American Literature*. Washington: U.S. Department of State. [Online] Available from: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/publication/2011/07/20110727110855su0.6739575.html#axzz3Kkjyls1t>. (Accessed: 12.06.2016).
20. Maunder, A. (2010) *Encyclopedia of Literary Romanticism*. New York: Facts on File.
21. Tappan, C.S. (n.d.) *Lyric*. [Online] Available from: <http://transcendentalism-legacy.tamu.edu/>. (Accessed: 09.07.2016).
22. Nikol'yukin, A.N. (1977) *Estetika amerikanskogo romantizma* [Aesthetics of American Romanticism]. Moscow: Iskustvo.
23. Gray, R.A. (2012) *History of American Literature*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell.
24. Dickinson, E. (1998) *I'm Nobody! Who are you?* [Online] Available from: <https://www.poets.org/poetsorg/poem/im-nobody-who-are-you-260>. (Accessed: 19.06.2016).
25. Dickinson, E. (2003) *“Nature” Is What We See*. [Online] Available from: <http://www.poemhunter.com/poem/nature-is-what-we-see>. (Accessed: 19.06.2016).

26. Felstiner, J. (2009) *Can Poetry Save the Earth? A Field Guide to Nature Poems*. New Haven: Yale University Press.
27. Longfellow, H.W. (n.d.) *Nature*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/44641>. (Accessed: 21.06.2016).
28. Beach, Ch. (2003) *The Cambridge Introduction to Twentieth-Century American Poetry*. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Genis, A. (2000) *Modernizm kak stil' XX veka* [Modernism as a style of the 20th century]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html>. (Accessed: 12.06.2016).
30. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
31. Beasley, R. (2007) *Theorists of Modernist Poetry: T.S. Eliot, T.E. Hulme, Ezra Pound*. London: Routledge.
32. MacGowan, Ch. (2004) *Twentieth-Century American Poetry*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
33. Williams, W.C. (1938) *The Red Wheelbarrow*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/resources/learning/core-poems/detail/45502>. (Accessed: 08.07.2016).
34. Bishop, E. (2003) *Little Exercise*. [Online] Available from: <http://www.poemhunter.com/poem/little-exercise/>. (Accessed: 08.07.2016).
35. Genis, A. & Gandel'sman, V. (1996) *Dvoynoy portret amerikanskikh poetov* [A double portrait of American poets]. [Online] Available from: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1791996.html>. (Accessed: 18.06.2016).
36. Bishop, E. (1983) *At the Fishhouses*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/52192>. (Accessed: 11.07.2016).
37. Kabanova, I.V. (n.d.) *Zarubezhnaya literatura* [Foreign literature]. [Online] Available from: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/kabanova/modernizm.htm>. (Accessed: 18.06.2016).
38. Likhachev, D.S. (2000) *Russkaya kul'tura* [Russian culture]. Moscow: Iskusstvo.
39. Grechishkina, S.V. (2014) On contemporary nature literature studies: the aspects of ecological literature research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 387. pp. 8–14. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/387/2
40. Bryson, J.S. (2000) *Seeing the West Side of Any Mountain. Thoreau and Contemporary Ecological Poetry*. In: Schneider, R.J. (ed.) *Thoreau's Sense of Place. Essays in American Environmental Writing*. Iowa City: University of Iowa Press.
41. Harjo, J. (2002) *A Map to the Next World*. <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/49621>. (Accessed: 11.07.2016).
42. Stetsenko, E.A. (2009) *Literatura SShA nachala XX veka* [Literature of the USA of the beginning of the 20th century]. In: Zasurskiy, Ya.N. (ed.) *Istoriya literatury SShA: v 5 t.* [History of the literature of the USA: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: IWL RAS.
43. Alexie, Sh. (1996) *The Powwow at the End of the World*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/47895>. (Accessed: 11.07.2016).
44. Alexie, Sh. (n.d.) *Crow Testament*. [Online] Available from: <http://genius.com/Sherman-alexie-crow-testament-annotated>. (Accessed: 11.07.2016).
45. Harjo, J. (2002) *When the World as We Knew It Ended*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/49619>. (Accessed: 14.07.2016).
46. Ostriker, A. (2010) *Mary Oliver*. [Online] Available from: <http://peacefulrivers.homestead.com/maryoliver.html>. (Accessed: 19.06.2016).
47. Oliver, M. (2004) *Where Does the Dance Begin, Where Does It End*. [Online] Available from: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/mary-oliver>. (Accessed: 19.06.2016).
48. Oliver, M. (2004) *Poetry*. [Online] Available from: <http://peacefulrivers.homestead.com/MaryOliver.html>. (Accessed: 19.06.2016).
49. Snyder, G. (1974) *Turtle Island*. New York: New Directions Publishing Corporation.
50. Snyder, G. (1971) *The Back Country*. New York: New Directions Publishing Corporation.
51. Tovey, P. (2013) *The Transatlantic Eco-Romanticism of Gary Snyder*. London: Palgrave Macmillan.
52. Snyder, G. & Martin, J. (2014) *Nobody Home: Writing, Buddhism, and Living in Places*. San Antonio: Trinity University Press.

Received: 08 May 2017

РУССКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЗООМОРФНЫМИ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Исследуются механизмы метафоризации русских и итальянских энтомонимов в сравнении с зооморфной лексикой соответствующих языков, выявляются их отличительные особенности. Две сопоставительные линии определяют полученные результаты: с одной стороны, устанавливается соотношение между метафорическими полями зооморфизмов и энтоморфизмов, определяются характеристики, которые выражаются именно через энтомологические метафоры, и выявляется функциональная специфика энтомологических метафор в интерпретации действительности говорящими. С другой стороны, сопоставление с итальянским языком позволяет выявить основные составляющие данного фрагмента метафорической картины мира в русском языке.

Ключевые слова: энтомологические метафоры; зооморфизмы; итальянский язык; языковая картина мира; метафорическая картина мира; сопоставительная лингвистика.

Зоонимы, включающие и энтомологическую лексику, имеют ярко выраженную тенденцию к развитию переносных коннотативных значений, отражают стереотипы поведения, становятся символами тех или иных свойств / качеств человека, поэтому ученые неоднократно обращались к исследованию зооморфизмов. Так, зооморфную метафору в различных аспектах, в том числе и сопоставительном (русский, французский, английский языки), в 60–70-е гг. XX в. исследовали М.И. Черемисина, Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, О.А. Рыжкина, Л.В. Войтик и др. [1–9]. В этих работах заложены основы современного лингвокультурологического подхода в изучении метафоры. О.А. Корнилов в работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» исследовал специфику национальных картин мира, привлекая в качестве иллюстративного материала энтомологическую терминологию русского, испанского, китайского и других языков.

Метафора, как известно, играет основополагающую роль в изучении языкового менталитета. Если раньше метафора традиционно рассматривалась как стилистический троп или механизм развития полисемии в языковой системе, то в современной науке она исследуется в первую очередь как когнитивный инструмент, способный отражать образное освоение действительности и выявлять национальную специфику метафорической картины мира [10–12].

Кроме того, в современных сопоставительных исследованиях постепенно увеличивается количество привлекаемых языков. В последнее время появились сопоставительные работы, посвященные русским и итальянским зооморфизмам, в которых рассматриваются механизмы метафоризации и особенности интерпретации действительности с помощью зооморфной метафоры [13–15]. Изучение русских зооморфизмов на фоне других языков позволяет выявить в этом фрагменте словаря новые специфические черты русского метафорообразования.

Место тематической группы (ТГ) энтомонимов в общей языковой картине мира (ЯКМ) определил О.А. Корнилов, используя идеографическую классификацию словаря В.В. Морковкина. Корнилов отмечает, что в словаре рубрика «Животный мир» разделена на девять групп, внутри одной из которых («ВИДЫ ЖИВОТНЫХ») энтомонимы представлены

отдельно. При этом он составил цепочку, которая определяет место ТГ энтомонимов в общей ЯКМ: материальный мир → органический мир → животный мир → виды животных → названия насекомых [16. С. 30–31].

Подчеркнем: ТГ энтомонимов почти всегда анализируется в составе зооморфной лексики, не будучи выделенной в отдельную парадигму. Это доказывает, что между данными лексическими парадигмами существует связь – включение, а следовательно, границы между полями проницаемы.

Важно отметить, что термин *энтомоним* в настоящей работе используется для терминологического наименования объекта реальности – того или иного насекомого; анализируя же систему переносных значений, присущих энтомологической лексике, мы, по аналогии с терминологической парой *зооним* – *зооморфизм*, употребляем термин *энтоморфизм* для метафорической характеристики человека. Отметим, однако, что под **энтоморфизмами** мы понимаем не только наименования насекомых в переносном значении, но и метафоры, образующиеся от всех единиц метафорического поля (МП) и выраженные разными частями речи.

Цель статьи – установить соотношение между метафорическими полями зооморфизмов и энтоморфизмов, определить характеристики, которые выражаются именно через энтомологические метафоры, выявить их функциональную специфику в интерпретации действительности говорящими.

В ходе исследования мы используем методы дефиниционного, компонентного, контекстуального, когнитивного анализа, метод полевого структурирования и моделирования, а также привлекаем сопоставительные методики анализа лексических систем разных языков. Данные, полученные в результате проведенного семасиологического и дискурсивного анализа, интерпретируются в когнитивном ключе.

Итак, бывают случаи, когда метафора, семантически связанная с энтомонимом, и метафора, образованная от зоонимов, реализуют тождественное или близкое значение. Ср., например, выражение *cervello di formica* (муравьиные мозги) – «о человеке, не отличающемся умом» [17] и русский фразеологизм *куриные мозги*, где используются зооморфизм *курица*.

В русском языке фразеологизм *белая ворона* – «о том, кто резко отличается от других, не похож на

окружающих» [18. С. 97] семантически соотносим с итальянским фразеологизмом *mosca bianca* (белая муха) – «о человеке, который выделяется среди людей вообще или среди определенной группы людей» [19]. Попутно заметим: русский фразеологизм *белые мухи* связан с другой семантикой – «о снежных хлопьях».

Стрекотание цикады в итальянском языке порождает метафору «говорить много о чем-то незначительном, поверхностном, сплетничать». Пребывая в русском языке практически нерелевантной для данной ТГ, в итальянском языке эта метафора, напротив, очень продуктивна, о чем свидетельствует ряд дериватов, образованных от номинации *cicala* (цикада) и обладающих метафорическими значениями: *cicalaio* (группа людей, которые непрерывно, беспрестанно болтают), *cicalamento* (шум / гул голосов), *cicalare* (говорить долго о чем-то пустом, легкомысленном), *cicalata* (длинная легкомысленная, пустая речь на бесполезные темы), *cicalatore* (неутомимый болтун), *cicaleccio* (продолжительная болтовня, несодержательная беседа большого количества людей), *cicaleggio* (спутанная, смешанная, непрерывная речь многих людей), *cicalio* (шум, гул голосов), *cicalone* (шутл. болтун, пустомеля, сплетник), *cicalume* (шум / гул голосов) [17]. Продуктивность данной метафоры в итальянском языке объясняется национально-культурным компонентом. Здесь очевидна связь с басней Эзопа, которая трансформировалась у более поздних авторов, таких как Лафонтен (*la cigale – цикада, кузнечик*), И.И. Хемницер, А.П. Сумароков, И.А. Крылов (*стрекоза*). В итоге трансформации басен в итальянской традиции закрепился образ *cicala* (цикада), а в русской же – *стрекозы*.

В русском языке лексема *цикада* не метафоризируется, при этом семантика «болтливый человек» не является семантической и лексической лакуной: для метафорического переосмысления образа болтуна носители русского языка обращаются и к сфере зоонимов (*сорока*), и к предметной сфере (*трещотка, мельница, ботало* и др.). Это свидетельствует о большей значимости энтомологических метафор для итальянской ЯКМ.

В итальянском языке существует несколько метафорических номинаций для обозначения навязчивого ухажера: *calabrone* – 1) шершень, 2) настырный ухажер; *moscone* – 1) большая муха, 2) волокита, ухажер; *ronzone* – 1) шершень, жук, 2) ухажер; *farfallone* – 1) большой мотылек, 2) донжуан, жуир. Так, например, в тексте знаменитой арии из оперы В.А. Моцарта «Женитьба Фигаро» в итальянском оригинале донжуанское поведение персонажа выражается с помощью метафоры *farfallone: non piu' andrai farfallone amoroso, notte e giorno d'intorno girando, delle belle turbando il riposo* (впредь ты не будешь порхать, как влюбленный мотылек, тревожа сон красавиц). В русском художественном переводе либретто итальянская метафора «влюбленный мотылек» переведена описательными выражениями: «мальчик резвый, кудрявый, влюбленный».

В русском языке также есть метафоры, характеризующие поведение мужчины по отношению к противоположному полу, но они принадлежат к ТГ зоонимов. Ср: *кот*: «перен. О похотливом, сластолюбивом

мужчине (прост. пренебр.)» [18. С. 300]; *кобель*: «перен. О человеке с грубо чувственным отношением к женщине (вульг., бран.)» [20]; *жеребец*: «(разг.-сниж.) Мужчина, слишком откровенно проявляющий свои физиологические наклонности» [21].

Следует заметить, тем не менее, что в итальянских метафорах, характеризующих донжуанское поведение мужчины по отношению к женщине, доминантными признаками являются 'настырный', 'утомительный', 'надоедливый'. Это типичные признаки насекомых, названия которых развивают метафорическое значение. Действительно, метафорические значения названий итальянских насекомых *calabrone* (шершень), *moscone* (большая муха) и *ronzone* (общее название жужжащих насекомых) не просто «ухажер», но «настойчивый, назойливый ухажер». В русском же языке метафоры, выраженные зоонимами *кобель, кот* и *жеребец*, более вульгарны, грубы и подчеркивают неумеренную сексуальную активность мужчины.

Иногда близкие, но не тождественные метафорические смыслы могут быть выражены при помощи как зоонима, так и энтононима: ср., например, *работать как лошадь, как вол, ишачить* и *трудиться как пчелка*. Все метафоры выражают идею трудолюбия, характеризуют человека, который много работает. Однако метафоры, производные от зоонимов, обладают, скорее, отрицательными коннотациями («тот, кто трудится много и напряженно», «выполняя работу за других», «безрезультатно»), а вторая метафора, энтомологическая, обладает позитивными шутливыми коннотациями («кропотливо, старательно»).

Трудолюбие в русской и итальянской ЯКМ ассоциируется с такими насекомыми, как *пчела (ape)* и *муравей (formica)*. Причем они часто противопоставляются *трутню* и *стрекозе* в русском языке и *цикаде (cicala)* в итальянском, что объясняется, как мы уже отметили раньше, влиянием прецедентного текста, известной басни И.А. Крылова, заимствовавшего сюжет древнегреческой басни Эзопа. Так, например, в следующем контексте обнаруживается комплексная характеристика, включающая и внешний вид героя (*как стилиага*), и оценку его деятельности (противопоставлен *земледельцу*): – *Какой же ты земледелец – ходишь, как московский стилиага! Должен быть муравей, а ты стрекоза! Ты ж так чахотку тут схватил!* (В. Дудинцев. Белые одежды) [22].

В номинации *пчелка* прочитываются положительные коннотации, например: *Но время – полдень, Боря дома не засиживается, он с самого утра спешит, жужжа, как пчелка, на собрания, переговоры, встречи, сборища* (А. Дмитриев. Призрак театра // Знамя. 2003); *В Ташкенте о Владыке пеклись две женщины: Полина, простая женщина, беззаветно любившая Владыку, и инокиня Екатерина, женщина себе на уме, трудившаяся и жгущая, как пчелка* (В. Тимаков. Высокопресвященный Кирилл, архиепископ Пензенский и Саранский // Альфа и Омега. 2000–2001) [22]. Однако трудолюбие не всегда оценивается положительно носителями языка, смена оценки с положительной на отрицательную происходит там, где речь идет об отсутствии меры и трудоголизме: *А у Коли обязательно и просто, и неожиданно: «Целые*

дни я как лошадь какая-нибудь или муравей работаю...» (В. Смехов. Театр моей памяти) [22].

Основой метафорического переосмысления является образ *муравья*, который тащит на себе соломины больше, чем он сам. Таким образом ассоциативно разворачивается сема 'тащить тяжести', затем → 'копошиться' → 'трудиться' → 'трудиться усердно'. Доминантными характеристиками для восприятия образа *муравья* и проекции их на человека являются признаки «трудолюбие» и «выносливость». Эти характеристики приобрели образный смысл: *муравей* в русской ментальности – символ трудолюбия и усердия. Об этом пишет и О.А. Корнилов [16. С. 84]. Однако стоит уточнить, что оценка не всегда бывает положительной: образ работника-муравья несет на себе дополнительные смыслы, которые объясняют негативные коннотации: заниматься чем-то мелким, незначительным, ничтожным (*муравьиные усилия*); ничего не видеть, кроме этого мелкого «копошения». Как отмечают Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская, в русском языке понятие труда и трудолюбия являются аксиологически противоречивыми. В таких метафорах семантика полезности, разумности утрачивается, при этом актуальными становятся семы бессмысленного упорства, непомерных усилий [15. С. 266].

В итальянском языке *formica* (*муравей*) противопоставляется *цикаде* (*cicala*) – расточительному человеку, который растрчивает, расточает свое состояние (*fare come la cicala* – проявлять легкомыслие). Здесь очевидна культурная мотивация метафоры.

Объединяя выявленные нами лексические единицы в МП, мы используем данную лексическую парадигму как инструмент для описания процессов семантической и семантико-словообразовательной деривации. Моделирование МП – это попытка описать многообразные метафорические явления в их соотношении. Под МП мы вслед за Е.И. Баранчевской понимаем «вторичную лексическую парадигму, включающую переносные метафорические ЛСВ, которые связаны сходной производящей основой (в нашем случае – номинации энтомонимов), единым механизмом семантической деривации и общностью метафорообразующих признаков» [23. С. 81].

МП является разновидностью семантического поля (СП), обладая при этом определенной спецификой, в соответствии с которой известные критерии выделения центра и периферии СП следует уточнить.

СП обычно выделяется на основании более простой семантики единиц ядра и ее усложнения к периферии, с учетом частотности слова в речи. Однако в результате развития теории функционально-семантического поля и исследований А.В. Бондарко некоторые лингвисты пытаются расширить основные критерии и для СП. Так, предпринимаются попытки учесть специфику частеречной принадлежности единиц поля: «В зависимости от природы исходной единицы, лежащей в основе поля и определяющей семантическую и словообразовательную деривацию его элементов, выделяются типы полей: предметные, признаковые, процессуальные» [24. С. 459].

Разнородный лексический материал требует, как нам представляется, учета различных параметров в их

соотнесении. Описывая МП энтомологической лексики, мы исходили из комплекса критериев: семантического, морфологического, а также частотности и актуальности единиц в речи.

Проведенный анализ показал, что энтомологические метафоры располагаются на периферии русского МП зооморфизмов. Это подтверждается тем, что зоонимы в русском языке обладают высоким словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует большое число глагольных дериватов, образованных от наименований животных и обладающих переносными значениями (*бычиться, воронить, гадить, ежиться, ершиться, ехидничать, ишачить, лисить, мышить, петушиться, попугайничать, крыситься, жеребячиться, козлить, обзьяничать, ослить, свиначить, хамелеонствовать, собачиться, телиться* и т.д.). Напротив, единицы русской ТГ энтомонимов противоречат такой тенденции и не вовлекаются в аналогичный процесс. Сопоставление с итальянским языком помогает выявить периферийную позицию энтоморфизмов в русском МП. Действительно, в итальянском языке большая часть номинаций насекомых порождает глагольные дериваты с метафорическим значением. Энтомологические глаголы демонстрируют различия в процессах семантической и словообразовательной деривации в двух исследуемых языках.

В качестве пояснения приведем следующий пример. Два итальянских глагола, *cicalare* и *cicalecciare*, являются словообразовательными дериватами энтомонима *cicala* (цикада). Их переносное значение («быстро, непрерывно говорить о чем-то незначительном, сплетничать») обозначено в словарях как первое значение: *cicalare* – «непрерывно болтать о пустяках, малозначительных вещах» [25. С. 469]; и *cicalecciare* – «болтать, сплетничать: *пьем чай, болтаем немного*» [Там же]. Метафорическое значение итальянских глаголов в данном случае образуется от переносного значения, уже присущего наименованию *cicala* – цикада, от которого они произведены: *cicala* – насекомое → болтун; → *cicalare / cicalecciare* – болтать. Важно также отметить, что в итальянском языке для обозначения звука, издаваемого стрекочущими насекомыми, существуют более конкретизированные глаголы *frinire* – стрекотать, *stridere* – трещать и *stridulare* – верещать, которые не обладают переносными значениями. В итальянском языке энтомоним *цикада* (*cicala*) стрекочет (*frinisce / stride / stridula*), а не *«цикадит» (*cicala / cicaleccia*). Глаголы *cicalare* и *cicalecciare* (*«цикадить») – стрекотать со значением болтать, сплетничать) возникли именно как метафора. То же происходит с глаголом *bofonchiare*: для обозначения звука, издаваемого шершнем, в итальянском языке существует глагол *ronzare* (жужжать), т.е. энтомоним *шершень* жужжит (*ronza*), не *«шершнит» (*bofonchia*). Глагол же *bofonchiare* (*«шершнить») со значением «ворчать») также был порожден изначально как метафора. В итальянском языке ситуация, когда метафора обладает живой внутренней формой, характерна в целом для группы «энтомологических» глаголов: от *assillo* (овод) – *assillare* (мучить), от *pecchia* (региональный вариант наименования пчелы) – *pecchiare* (сосать, жадно пить), от *saltabacca*

(саранча) – *saltabeccare* (передвигаться вприпрыжку / «прыгать» от одного суждения к другому без логической связи) и др. В русском же языке эта словообразовательная модель реализуется в глаголах с переносным метафорическим значением, образованных не от энтомонимов, а от зоонимов, таких, например, как: *петушиться, ершиться, зайчиться, попугайничать, обезьянничать, звереть* и т.д. Благодаря сопоставительному анализу становится понятно, что и в русском языке от энтомонимов потенциально могли бы образовываться глагольные дериваты с переносным значением, однако носители русского языка не обращаются к данной ТГ для повторного переосмысления. Поскольку энтоморфизмы являются частью метафорического поля зооморфизмов, следовало бы ожидать, что и единицы ТГ энтомонимов будут регулярно образовывать словообразовательные метафоры (ср. *осел* → ослиное упрямство; *лиса* → лисья хитрость). Для энтомонимов такие дериваты с метафорической семантикой также потенциально возможны. Метафоры-прилагательные (*муравьиное старание, осиная талия, блошинный рынок* и т.д.) и метафоры-существительные (*клоповник, муравейник, жучок* и т.д.) действительно существуют, однако подобных примеров мало. Их нерегулярность и малая частотность выявляются как значимая характеристика деривационных процессов данной ТГ в русском языке только в сопоставлении с итальянским языком, который показывает, что словообразовательные метафоры от единиц данной ТГ могут образовываться регулярно и продуктивно.

В итальянском языке, в отличие от русского, процесс словообразовательной деривации очень продуктивен: имеется значительное число дериватов, обладающих переносным значением. В качестве примера приведем одно из самых продуктивных итальянских словообразовательных метафорических гнезд: *formica* (муравей) – *formicaio* (муравейник), *formicamento* (группа людей в движении), *formicare* (кишеть), *formichesco* (маленький), *formichina* (очень бережливый человек), *formicolame* (кишенье), *formicolamento* (онемение конечностей), *formicolante* (кишащий), *formicolare* (неметь), *formicolio* (онемение), *formicolante* (движение толпы), *informicolamento* (онемение), *informicolarsi* (терять чувствительность), *sformicolarsi* (вновь приобретать гибкость, подвижность) [17].

Как показывают результаты проведенного анализа, наибольшая разница между двумя языковыми картинами мира заключается в том, насколько регулярно и последовательно языки уподобляют или сопоставляют человека с насекомым. Исследование подтверждает, что для итальянского языка характерна четкая и стабильная тенденция к увеличению количества энтомологических метафор и продуктивности синонимических рядов. Эта тенденция не наблюдается у слов данной ТГ в русском словаре, что объясняется географическими, климатическими и культурными особенностями двух стран: в средиземноморском климате насекомые активны гораздо более длительный период времени и более заметно «вмешиваются» в человеческую жизнь. Такое тесное соседство находит отражение в высокой степени востребованности эн-

томонимов в образной интерпретации окружающей действительности. Подчеркнем, что одна и та же семантика обретает метафорическое воплощение с помощью энтомологических метафор в итальянском и с помощью зооморфных – в русском языке (*cicala* (цикада) = *soroka, mosca* (муха) = (*ворона*) и т.д.).

Однако подсистема энтомологических метафор в исследуемых языках не только дополняет и уточняет систему зооморфизмов, но и отличается уникальными метафорическими значениями, характерными только для энтомонимов. Энтомологические метафоры, являясь составной частью зооморфной лексики, подчиняются общим тенденциям метафорообразования этого фрагмента словаря, но энтоморфизмы имеют и свою функционально-семантическую специфику.

1. Активные процессы семантической деривации имеют двунаправленный характер (наименование насекомого ↔ наименование человека).

Г.Н. Складневская, анализируя метафору как систематический лингвистический феномен, выделяет шесть глобальных семантических сфер, которые вовлекаются в процесс метафоризации и как его источник, и как результат и включают все объекты действительности. К одной из таких сфер относится сфера «Животное». Как отмечает исследователь, «метафорические переносы в языке подчинены достаточно жестокой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой <...> метафорический перенос совершается в определенных направлениях в достаточно жесткой последовательности» [26. С. 80]. Одно из них, по мнению Г.Н. Складневской, – это направление «Животное → Человек», т.е. перенос типичных характеристик животного на человека. Поскольку ТГ энтомонимов находится в гипогиперонимических отношениях с ТГ зоонимов, процесс метафоризации идет по направлению «Насекомое → Человек», на основе которого выявляется концептуальная метафора «Люди – Насекомые».

Иной тип семантической деривации отличается направлением метафоризации и характеризуется обратным расположением лексико-семантических вариантов в структуре полисеманта – наименования насекомого. В том случае, если значение «насекомое» является производным и образуется по аналогии с внешним видом или поведением человека, перед нами направление «Человек → Насекомое», в основе которого лежит концептуальная метафора «Насекомые – Люди».

Обратимся к некоторым примерам в русском языке.

Богомол – «1. Человек, приверженный к молитвам, богослужениям. 2. Крупное южное насекомое с передними ногами, хорошо приспособленными для хватания пищи. *Б. обыкновенный* (вид)» [18. С. 53].

Могильщик – «1. Рабочий, занимающийся рытьем могил. 2. О том, кто несет гибель кому-, чему-л., уничтожает кого-, что-л. *М. культуры. М. молодых талантов*. 3. Жук сем. мертвоедов, питающийся падалью. *Черные могильщики*» [27. Т. 2. С. 285].

Усач – «1. Человек с большими усами (разг.). «*С виду усач и рубака, а на деле низкопоклонник и льстец*» А.Тургенев. «*Седые гусары встанут, встанут усачи-кирасиры*» Жуковский. 2. Рыба, то же, что мирон (зоол.). 3. Жук, то же, что дровосек (зоол.)» [20].

Дровосек – «1. Лесоруб; тот, кто занимается рубкой леса (устар.); 2. Жук с длинными усиками вредитель леса, грызущий кору и древесину» [18. С. 180].

В данных примерах первичным является значение «человек по роду деятельности или обладающий определенными отличительными признаками», а метафорическое энтомологическое значение производно.

Направление переноса «Человек → Насекомое» реализуется также в итальянском языке, однако реже: *necroforo* (жук-могильщик) – «1. Тот, кто перевозит мертвых, могильщик. 2. Жук семейства могильщиков» [17].

2. Другой отличительной характеристикой ТГ энтомонимов является значительное число метафор, описывающих предметы (*гусеница* – замкнутая сплошная металлическая лента или цепь, состоящая из отдельных звеньев, служащая вместо колес у тракторов, танков, самоходных кранов и т.д. *Гусеницы трактора* [27. Т. 1. С. 358]).

Энтомонимы активно образуют «предметные» метафоры (в отличие от других групп зоонимов), в которых компонент «образность» нейтрализует отрицательные ассоциации, связанные с тем или иным насекомым. По классификации Г.Н. Складневской [26], направление «Животное → Предмет» находится среди нерегулярных типов переноса. Действительно, в области зоонимов можно назвать лишь несколько метафор (ср., например: *конь* – спортивный снаряд; *ерш* – смесь спиртных напитков и др.). В рассматриваемой нами тематической группе, напротив, направление переноса «Насекомое → Предмет» должно быть рассмотрено как регулярное и релевантное в обоих языках.

Предметные метафоры, образованные от ТГ энтомонимов, свидетельствуют о постоянной потребности говорящих образно интерпретировать действительность: особенно это касается названий машин, торговых марок и пр. (название, являясь образным и метафоричным, легко запоминается; таким образом, его легко использовать в рекламных целях), где доминируют номинативные (стертые) метафоры. Во многих случаях сохраняется отголосок внутренней формы: мы понимаем, почему вертолет называется *стрекозой*, а фонарик – *светлячком*. Есть все-таки случаи, когда сложнее понять основание для образования метафоры. Например: *медведка* – «1. Насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных растений. 2. Приспособление, состоящее из системы зубчатых колес для подъема тяжестей. 3. Двуручный строгальный инструмент. 4. Обрубок толстого дерева, вкапываемый в землю на берегу сплавной реки для укрепления запяни» [27. Т. 2. С. 242]. Носители русского языка плохо представляют себе это насекомое.

В процессе образования предметных метафор используются главным образом следующие признаки.

• «Внешний вид насекомого» (очертания, размер).

Ср.: *pulce* (*блоха*) – «1. Мелкое кровососущее насекомое. 2. Подслушивающее устройство» [25. С. 2078].

Данной метафоре в русском языке соответствует метафора *жучок*: – *Прежде всего установи жучок в*

телефон и еще один куда-нибудь, в укромное местечко, а потом займись компьютерами (З. Юрьев. *Смертельное бессмертие* // Наука и жизнь. 2007) [22].

• «Звук, издаваемый насекомыми».

Ср.: *имель* (*bombo*) в русском языке имеет значение «марка пылесоса», в итальянском – «громыхание, глухой шум».

Переферийными признаками являются «движение», «биологический вид» и т.п. Актуализация данных признаков ведет к образованию метафорических переносных значений по модели радиального типа (*жук* – украшение, вентилятор, машина).

Рассмотренные предметные метафоры в сопоставлении с антропоморфными в меньшей степени характеризуются наличием в лексическом значении оценочных коннотаций. Однако в них оказывается вполне актуальным компонент образности, так как не все предметные метафоры являются стертыми (*vespa* – оса – «торговая марка мотороллера, издающего звук, похожий на жужжание ось» [25. С. 2918] и др.). Вероятно, подобные дериваты можно объяснить тем, что при образовании предметных метафор и абстрактных понятий человек как оценивающий субъект занимает более отстраненную позицию, нежели при оценке себя самого и окружающих людей.

Система метафорических значений антропологических энтомонимов имеет большее количество смысловых пересечений, а метафорические наименования различных артефактов существенно различаются в двух языках. Это объясняется тем, что предметные энтомологические метафоры являются более поздними образованиями (иной образ жизни, разные модели механизмов, технические новинки, которые есть в одной стране и которых нет в другой). Кроме того, у носителя языка нет необходимости выражать ценностное суждение и связанные с ним эмоции, поэтому на первый план выходит образное осмысление предмета.

Артефактные метафоры, образованные от ТГ энтомонимов, не только дают имя каким-либо новым объектам: инструментам, приборам, средствам передвижения (*букашка*, *жук*, *стрекоза*, *vespa*, *ape* – пчела; трехколесный грузовой автомобиль, *maggiolino* – майский жук; «фольксваген»), – но и образно интерпретируют предметный мир, связывая далекие, казалось бы, тематические области в картине мира говорящих.

3. Третьей отличительной особенностью энтоморфизмов является то, что изначально они предназначены для характеристики маленького, мелкого, незначительного (в отличие от характеристик *слон*, *медведь*, *бегемот* и др.), а семантика «маленький» в метафорической системе разных языков модифицируется в значение «ничтожный, мелкий, подлый» и пр. Стоит заметить, что применительно к детям семантика «маленький» в исследуемых языках не развивает отрицательных значений.

Так, фразеологизмы *из мухи делать слона* – *fare di una mosca un elefante* явственно свидетельствуют, с одной стороны, о тесной связи между ТГ зоонимов и ТГ энтомонимов, с другой – указывает на противопоставление двух полярных характеристик (маленький и

большой размер), где характеристика *mosca* (маленький размер) является доминирующей для ТГ энтомонимов.

В наивной картине мира ТГ энтомонимов как составляющей ТГ зооимов часто приписывают характеристику «маленького размера», что можно продемонстрировать следующими примерами из художественных текстов.

«Это очень интересно – / Поглядеть на муравья, / Это очень интересно – / Как живет его семья? / Не легко живется ей, / Потому что меньше кошки, / Меньше мухи, меньше мошки, / Всех он меньше, муравей!» [28].

Обратимся к тексту итальянской сказки Дж. Родари («Книга ошибок»): «Однажды большая муха услышала о маленьком бегемоте и решила: “Он маленький, а я большая. Я его поймаю и заставлю мне служить. Я произведу фурор! Так и вижу, как буду гулять в сопровождении своего нового секретаря! Все будут мне завидовать, все меня уважают! Став владельцем бегемота, я высоко поднимусь по социальной лестнице. Личный бегемот даже ценнее рыцарского титула”. С этими честолюбивыми мыслями она отправилась на поиски жертвы. И очень удивилась (и обиделась), что маленький бегемот оказался все же несколько больше большой мухи» [29. С. 128]. Очевидно, что путаница произошла из-за «мухоцентричной» точки зрения. Муха не принимает во внимание, что понятия «маленький» и «большой» могут интерпретироваться согласно шкале ценностей другого существа или в результате сравнения с другими существами той же категории (муха большая по сравнению с другими мухами, гиппопотам маленький по сравнению с другими гиппопотами). Таким образом, какой бы большой муха ни была по сравнению с другими мухами, она все равно будет маленькой по сравнению с другими животными.

Стоит отметить, что если в наивной картине мира исследуемых языков маленький размер обычно ассоциируется с чем-то положительным и наделяется соответствующей оценкой (*ножка, ручка, домик, солнышко vs ножница, ручища, носище* и др.), то энтомологические метафоры в данных языках противоречат такой тенденции. От характеристики «маленький размер насекомого» образуется значительное количество метафор, выступающих как средство негативной оценки человека. На наш взгляд, это наблюдение можно соотнести с теорией ориентационных метафор, о которых пишут в своей работе Дж. Лакофф и М. Джонсон [30]. Ориентационные метафоры организуют систему представлений и концептов в терминах пространственной ориентации. Такие типы пространственных отношений базируются на представлениях о строении тела, о его расположении и функционировании в окружающей среде. Подобное представление не является беспочвенным, так как его основания кроются в нашем физиологическом и культурном опыте. Это ведет к тому, что ориентационные концепты актуализируются во множестве речевых оборотов.

Так, метафоры ВЕРХ – НИЗ в русском и итальянском языках организуют серию метафорических концептов, основанных на физическом опыте человека.

У Дж. Лакоффа и М. Джонсона *пространственная* характеристика «низ» ассоциируется с отрицательными качествами и связывается с характеристикой «низости» человека или его поступков.

На основе нашего материала выявляется следующая универсалия: *физическая* величина «маленький размер насекомого» ассоциируется с негативными внутренними качествами человека (повторим: за исключением случаев, когда объектом характеристики являются дети). Эта универсалия характерна и для других европейских языков: ср. во французском: *punaise* – 1. Клоп. 2. Шлюха; дрянь, тварь. 3. Кнопка (канцелярская) [21]; *puceron* – 1. Травяная вошь, тля. 2. Малышка, букашка, клоп [Там же]; *moucheron* – 1. Мошка, мошкара. 2. Мальчишка, мальчуган. 3. Козывка [Там же]. В английском языке: *midge* – 1. Мошка. 2. Карлик, лилипут, «клоп» (о маленьком человеке) [Там же]; *louse* – 1. Вошь. 2. Презренный, неприятный человек [Там же]. В немецком: *Wanze* – 1. Клоп. 2. Отвратительный, неполноценный, омерзительный тип [Там же]; *Wurm* – 1. Червь; 2. Маленький ребенок; 3. Ничтожный человек [Там же].

Как видим, энтомологические метафоры реализуют языковую универсалию: «маленький размер насекомого – негативные качества человека».

Все выявленные метафоры, образованные от энтомонимов, рассматриваются как МП, которое формируется благодаря процессам семантической и словообразовательной деривации в их взаимодействии.

В ядре метафорического поля располагаются антропоморфные метафоры первой ступени семантической деривации, ближе к периферии располагаются метафорические единицы, в которых происходят «нарастание» семантических признаков и усложнение семантики: это словообразовательные дериваты с метафорическим значением и предметные метафоры.

Как в любом семантическом поле, центр метафорического поля образуют наиболее простые по семантике единицы (антропоморфные метафоры первой ступени семантической деривации), которые продолжают развиваться и порождают *словообразовательные дериваты с образной семантикой*. Так, моделируемое нами МП является по ядру субстантивным, его структура определяется процессами семантической и словообразовательной деривации. В сторону периферии поля смещаются производные второй ступени деривации, характеризующиеся словообразовательной и семантической производностью, в которых происходит усложнение метафорической семантики при помощи словообразовательных аффиксов (*клоповник, жучок, moscone* – большая муха и т.д.), и предметные метафоры-существительные (*светлячок* – карманный фонарик, *жучок* – подслушивающее или другое секретное устройство, *vespa* – торговая марка мотороллера). Такие метафоры уже не способны к дальнейшей семантической и словообразовательной деривации.

Приведем в качестве примера лексему *стрекоза*. Антропоморфная метафора со значением «непоседа, егоза» находится в ядре МП. Дериват *стрекозит* – «быть очень живым, непоседливым; егозить» – относится уже к приядерной зоне. Во-первых, метафори-

ческая семантика усложняется за счет развития отрицательных коннотаций, за счет расширения денотата – этим словом характеризовать не только подвижную девочку. Во-вторых, дериват зафиксирован не во всех словарях, контекстных употреблений данной метафоры мало. Предметная метафора энтомонима *стрекоза* – «вертолет» располагается уже на периферии МП как более позднее метафорическое образование, не способное породить словообразовательные дериваты с метафорическими значениями.

Коротко обрисуем образ человека, представленный при помощи энтомологических метафор в русском и итальянском языках.

Внешние характеристики, описываемые при помощи энтомологических метафор, находятся на периферии МП энтоморфизмов. Исключением является характеристика маленького роста человека, которая находится в ядре поля в обоих языках.

В подходе Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафорический процесс состоит в трансформации полученного жизненного опыта в абстрактные схемы мышления. С этой точки зрения метафора придает форму абстрактным идеям, основывая ментальную программу, интерпретацию впечатлений и руководство к действию и [30–33]. Итак, в процессе метафоризации энтомонимов основное направление и в русском, и в итальянском языках: от внешних черт насекомого – к внутренним качествам человека. Поэтому в центре МП находятся метафоры, описывающие те или иные характеристики темперамент, поведение, отношение с социумом и т.п.

В исследуемых языках в ядре поля находятся метафоры, характеризующие человека следующим образом: маленький (*букашка, вошь, клоп, козявка, pulce* – блоха, *moscerino* – мошка); ничтожный, незначительный, всеми презираемый (*блоха, букашка, вошь, гнида, мошка, козявка, тля, червяк, pulce, moscerino*); подлый (*гнида, червь, verme* – червь, *lombrico* – дождевой червь); вызывающий отвращение, омерзение (*гнус, bacherizzo* – жук); настойчивый, привязывающийся, бестактный (*клещ, zecca* – клещ, *mignatta* – пиявка); назойливый, надоедливый, докучливый, невыносимый (*комар, муха, zanzara* – комар, *mosca* – муха, *calabrone* – шершень, *moscone* – большая муха, *tafano* – слепень); живущий за счет других (*паразит, пиявка, parassita* – паразит, *mignatta* – пиявка); легкомысленный, непостоянный, бездумный, живущий легко и беззаботно (*мотылек, farfallone* – большая бабочка); прожорливый (*саранча, cavalletta* – саранча); ловкий, хитрый (*жук, паук*); трудолюбивый (*муравей, пчела, formica* – муравей, *ape* – пчела).

Кроме того, в ядре метафорического поля обнаруживаются также характеристики, указывающие на манеры человека и его отношения с социумом. В русском языке: изящный, двигающийся легко и быстро (*мотылек, стрекоза*); подвижный, непоседа (*блоха, стрекоза*); бездельник, ленивый (*трутень*). В итальянском языке: болтун (*cicalone* – большая цикада); скупой (*pidocchio* – вошь); навязчивый человек, не-

сдержанный ухажер (*ronzone* – жужжащее насекомое, *moscone* – большая муха, *calabrone* – шершень); непостоянный в любви (*farfallone* – большая бабочка).

Важно отметить, что энтоморфизмы, рисующие портрет человека, не образуют оппозитивные ряды, в отличие от зооморфных метафор. Оппозитивные зооморфные номинации указывают на противоположные качества человека, выражая оппозицию «хороший – плохой» в том или ином аспекте (*орел* – благородство, *кориун* – коварство; *сорока* – болтливость, *рыба* – молчаливость). Метафоры же, образованные от ТГ энтомонимов, представляют всегда только одну сторону той или иной характеристики. Единственное исключение составляет оппозитивная пара в обоих языках: «трудолюбивый человек – человек, живущий за счет других, паразит» (*пчела – трутень*).

Подведем итоги.

1. МП зооморфизмов и энтоморфизмов находятся в отношениях дополнительности (например, крупный, рослый человек – *слон, жираф, медведь* и т.п., маленький – *клоп, козявка, букашка*) и дифференциации смыслов (*работать как вол / лошадь* – отрицательные коннотации, *работать как пчелка* – положительные коннотации).

2. Проведенный анализ показал, что энтомологические метафоры русского языка располагаются на периферии зооморфного словаря. Это подтверждается тем, что русские зоонимы в целом обладают высоким словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует большое число глагольных дериватов, образованных от наименований животных и обладающих переносными значениями. В русском языке единицы ТГ энтомонимов практически не вовлекаются в подобный процесс. В итальянском же языке большая часть номинаций насекомых порождает многочисленные глагольные, адъективные, адвербиальные дериваты с метафорическим значением. Синтез результатов словообразовательных и семантических процессов приводит к тому, что в итальянском языке образуется разветвленная сеть энтомологических метафор, связанных не только семантически, но и формально, что свидетельствует об ином устройстве МП и, соответственно, о большей значимости данного фрагмента действительности для формирования языковой картины мира.

3. Энтомонимы обладают семантико-функциональной спецификой: 1) процесс метафоризации энтомонимов имеет двунаправленный характер; 2) они активно образуют предметные метафоры; 3) преобладающая сема, которая определяет процесс метафоризации этой ТГ – «маленький размер насекомых», и эта сема остается действенной, даже если в метафоре актуализируются другие признаки.

4. Переносные значения энтомонимов в большинстве случаев характеризуют отрицательные качества человека: назойливость, докучливость, мелочность, ничтожность, раздражительность, злобу, легкомыслие, паразитизм, обжорство, жадность и др., т.е. негативные отклонения от нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутман Е.А. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. 1972. № 3. С. 42–59.

2. Гутман Е.А. Содержание образа «лошадь» (cheval) в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков. 1975. № 6. С. 56–70.
3. Гутман Е.А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М. : Наука, 1977. С. 147–165.
4. Литвин Ф.А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков. 1974. № 5. С. 81–93.
5. Литвин Ф.А. Прецизионные характеристики в позиции обращения // Вопросы языка и литературы. Новосибирск : НГУ, 1968. С. 50–87.
6. Рыжкина О.А. Зооморфизмы со значением ‘трудолюбивый’ в русском и английском языках // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1978. Вып. 10. С. 68–89.
7. Рыжкина О.А. Зооморфные характеристики группы «asinus» в русском и английском языках // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. 1976. № 5. С. 42–58.
8. Рыжкина О.А. Лексико-семантическая группа зооморфизмов с общим семантическим компонентом «неловкий» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. 1978. № 7. С. 25–33.
9. Войтик Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы «наименований животных») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975. 39 с.
10. Ortony A. Metaphor and thoughts. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 678 p.
11. Pesina S., Solonchak T. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words // International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology. International Science Index. Vol. 8, № 6, pt. XI. Venice, Italy, 2014. P. 994–999.
12. Sanz Martin B.E. Las metáforas zoomorfas desde el punto de vista cognitivo // Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. 2015. Vol. 20, № 3. P. 361–384.
13. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 238 с.
14. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Механизмы метафоризации энтономимов в русском и итальянском языках // Рассуждения о языке и тексте: Ars philologica : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. С. 34–50.
15. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX веков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 261–270.
16. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
17. De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso : in 6 v. Torino : UTET, 1999–2000 (CD-ROM).
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1978.
19. Vocabolario Treccani.it. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения: 25.05.2016).
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/835810/> (дата обращения: 25.05.2016).
21. АБВУД, 2008. 100 тыс. статей // АБВУД Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390. 2008 АБВУД.
22. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (дата обращения: 22.06.2016).
23. Баранчеева Е.И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 237 с.
24. Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 458–459.
25. Dizionario Italiano Sabatini Coletti. Firenze : Giunti Gruppo Editoriale, 2005. P. 469.
26. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 151 с.
27. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1999.
28. Мориц Ю. Это очень интересно. URL: <http://www.owl.ru/morits/det/secret15.htm/> (дата обращения: 28.05.2016).
29. Rodari G. Il libro degli errori. Torino : Einaudi, 1964. 157 p.
30. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
31. Lakoff G. More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago : University of Chicago Press, 1989. 230 p.
32. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York : Basic, 1999. 624 p.
33. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 мая 2017 г.

RUSSIAN AND ITALIAN ENTOMOLOGICAL METAPHORS IN COMPARISON WITH ZOOMORPHIC METAPHORS: THEIR DISTINCTIVE FEATURES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 45–53.

DOI: 10.17223/15617793/419/5

Veronica Mussi, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: veromussi@gmail.com

Keywords: entomological metaphors; zoomorphism; Italian language; image of world; metaphoric image of world; comparative linguistics.

The article examines the mechanisms of metaphorization of Russian and Italian names of insects in comparison with zoomorphic vocabulary of these languages. For modeling the language world picture it is important to note that the speaker refers to thematic areas or spheres of the surrounding world (plants, flowers, animals, urban space, etc.) for the interpretation of an object or a phenomenon. Entomological metaphors constitute a fragment of broader paradigms – the metaphorical field of zoomorphisms, which is one of the most popular models of metaphorical nomination. Mechanisms of formation of figuratively reinterpreted characteristics expressed by the thematic group of names of insects inherit mechanisms of metaphor creation of zoomorphisms, which detect and fix in a linguistic sign the similarity of animal and human, the resulting denotative content is associated with a particular emotive-evaluative component. In the process of semantic derivation of both Russian and Italian entonyms there is a general zoomorphic metaphor for the mechanism of replacement of the integral seme ‘animal’ by the seme ‘man’ with preservation of the differential characteristics related to appearance, behavior, etc. of an insect and human. In the scientific literature devoted to the study of metaphor, entomological metaphor was considered along with other zoomorphisms, usually remaining on the periphery of research attention (with the exception of the most common metaphors of the type *an ant, a dragonfly, a bug*). The aim of this article is to establish the relationship between the metaphorical fields of zoomorphisms and “entomorphisms”, to determine the characteristics that are expressed through entomological metaphor, to reveal the functional specificity of entomological metaphors in the interpretation of reality by the speaker. To reach the aim the author uses the following methods: definitional, componential, contextual and cognitive analyses, the method of field structuring and modeling, comparative methods of analysis of lexical systems of different languages. Data received as a result of semasiological discourse analysis are interpreted in a cognitive way. The author obtained the following

results: it was found that these two metaphorical fields are in a relationship of complementarity and differentiation of meanings; the following aspects of semantic and functional specificity of entomological metaphors are identified: 1) metaphorization of the names of insects is bidirectional in nature; 2) subject metaphors are actively formed; 3) they are designed to characterize a small, insignificant person. The allocation of entomological metaphors in the off-center position in the metaphorical field of zoomorphisms and, therefore, their nonentity in the Russian language picture of the world is the main conclusion of the study.

REFERENCES

- Gutman, E.A. (1972) Zoomorfizmy v sovremennom frantsuzikom yazyke v sopostavlenii s russkim [Zoomorphisms in the modern French language in comparison with Russian]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 3. pp. 42–59.
- Gutman, E.A. (1975) Soderzhanie obraza “loshad” (cheval) v russkikh i frantsuzskikh tekstakh [Content of the image of “horse” (cheval) in Russian and French texts]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 6. pp. 56–70.
- Gutman, E.A. (1977) Sopostavitel'nyy analiz zoomorfnykh kharakteristik (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [Comparative analysis of zoomorphic characteristics (on the material of Russian, English and French languages)]. In: Leont'ev, A.A. et al. (eds) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National-cultural specificity of speech behavior]. Moscow: Nauka.
- Litvin, F.A. (1974) Ob izuchenii raznovidnostey zoomorfnykh kharakteristik (na materiale angliyskogo yazyka) [On the study of varieties of zoomorphic characteristics (on the material of the English language)]. *V pomoshch' prepoda-vatelyam inostrannykh yazykov*. 5. pp. 81–93.
- Litvin, F.A. (1968) Predikativnye kharakteristiki v pozitsii obrashcheniya [Predicative characteristics in the position of address]. In: Timofeev, K.A. (ed.) *Voprosy yazyka i literatury* [Issues of language and literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Ryzhkina, O.A. (1978) Zoomorfizmy so znacheniem ‘trudolyubivyy’ v russkom i angliyskom yazykakh [Zoomorphisms with meaning ‘hardworking’ in Russian and English languages]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 10. pp. 68–89.
- Ryzhkina, O.A. (1976) Zoomorfnye kharakteristiki gruppy “asinus” v russkom i angliyskom yazykakh [Zoomorphic characteristics of the “asinus” group in Russian and English languages]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. 5. pp. 42–58.
- Ryzhkina, O.A. (1978) Leksiko-semanticheskaya gruppa zoomorfizmov s obshchim semanticheskim komponentom “nelovkiy” [Lexico-semantic group of zoomorphisms with a common semantic component “awkward”]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. 7. pp. 25–33.
- Voytik, L.S. (1975) *K voprosu o smyslovoy strukture slova (na materiale leksiko semanticheskoy gruppy “naimenovaniy zhivotnykh”)* [On the semantic structure of the word (on the material of the lexical semantic group “animal names”)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Alma-Ata.
- Ortony, A. (1979) *Metaphor and thoughts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pesina, S. & Solonchak, T. (2014) The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words. International Science Conference: *International Conference on Language and Technology*. World Academy of Science, Engineering and Technology. International Science Index. Vol. 8:6. Part XI. Venice, Italy. pp. 994–999.
- Sanz, M.B.E. (2015) Las metáforas zoomorfas desde el punto de vista cognitivo [The zoomorphic metaphors from the cognitive point of view]. *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura*. 20:3. pp. 361–384.
- Putsileva, L.F. (2009) *Kul'turno determinovannyye konnotatsii russkikh zoonimov i fitonimov (na fone ital'yanskogo yazyka)* [Culturally determined connotations of Russian zoonyms and phytonyms (against the background of the Italian language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
- Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2008) Mekhanizmy metaforizatsii entomonimov v russkom i ital'yanskom yazykakh [Mechanisms of metaphorization of entomonyms in Russian and Italian languages]. In: Targonskaya, E.P. (ed.) *Rassuzhdeniya o yazyke i tekste: Ars philologica* [Arguments on language and text: Ars philologica]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2009) Natsional'no-kul'turnyy komponent v semantike naimenovaniy nasekomykh v russkom i ital'yanskom yazykakh [National-cultural component in the semantics of insect names in Russian and Italian languages]. In: Lebedeva, O.B. & Mednis, N.E. (eds) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti XVIII–XX vekov* [Images of Italy in Russian literature of the 18th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow: CheRo.
- De Mauro, T. (1999–2000) *Il grande dizionario italiano dell'uso: in 6 v.* [The great Italian dictionary of use: in 6 vols]. Torino: UTET. (CD-ROM).
- Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1978) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
- Vocabolario Treccani.it. [Online] Available from: <http://www.treccani.it/vocabolario/>. (Accessed: 25.05.2016).
- Ushakov, D.N. (n.d.) *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/835810/>. (Accessed: 25.05.2016).
- ABBYY Lingvo. (2008) *ABBYY Lingvo. Elektronnyy slovar'*. Vyp.: 14.0.0.390 [ABBYY Lingvo. Electronic dictionary. Is: 14.0.0.390]. ABBYY.
- The National Corpus of the Russian language. [Online] Available from: [http:// http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html](http://http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html). (Accessed: 22.06.2016). (In Russian).
- Barancheeva, E.I. (2007) *Metaforizatsiya russkikh glagolov obrabotki kak interpretatsionnyy mekhanizm (v sopostavlenii s angliyskim yazykom)* [Metaphorization of Russian verbs of processing as an interpretational mechanism (in comparison with English)]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
- Novikov, L.A. (1997) Semanticheskoe pole [Semantic field]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa.
- Sabatini, F. & Coletti, V. (2005) *Dizionario Italiano* [Italian Dictionary]. Firenze: Giunti Gruppo Editoriale.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of language]. St. Petersburg: Nauka.
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.
- Morits, Yu. (n.d.) *Eto ochen' interesno* [This is very interesting]. [Online] Available from: <http://www.owl.ru/morits/det/secret15.htm>. (Accessed: 28.05.2016).
- Rodari, G. (1964) *Il libro degli errori* [The book of errors]. Torino: Einaudi.
- Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (1989) *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (1999) *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic.
- Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 04 May 2017

ПРОСТРАНСТВО КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РОМАНЕ А.А. КАБАКОВА «НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ»

Рассматриваются семиотика пространства и её языковая репрезентация в романе А.А. Кабакова «Невозвращенец» через жанровые особенности текста (романа-антиутопии), хромотопичность образа главного героя и координаты физического пространства художественного мира. Показывается, что категория пространства, будучи семиотической по своей сути, выстраивается в художественном произведении как иерархическая структура пространственных семиотических оппозиций, эксплицируемых семантическими рядами.

Ключевые слова: семиотический метод; роман-антиутопия; категория пространства; языковая репрезентация; знаки пространства.

Вне пространства не существует бытия: не существует ни человека, ни его способности исследовать различные картины мира, проявляющиеся в языке. Человеческое сознание интегрирует, связывает между собой разного рода пространства, которые являются необходимой формой всякого познания, начиная от элементарных восприятий и представлений. Пространством определяются формы бытия вещей, людей, явлений или событий, характеризуются способы их существования. Творческий процесс познания и задействованное в нём сознание позволяют обнаружить пространственное восприятие, выявить способы его описания.

Вокруг категории пространства осуществляются осознание и осмысление любого культурного явления, любого человеческого произведения, в том числе произведения литературного. Автор, создавая художественный мир, строит его по лекалам мира реального (или, точнее, восприятия этого мира), и это значит, что именно пространство становится смыслообразующей основой художественного текста.

В тексте художественного произведения категория пространства выстраивается «как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов» [1. С. 242] и, преобразуясь из категорий геометрического и физического в категорию семиотического, становится «языком, способным выражать разные содержательные понятия» [2. С. 645]. Таким образом, мы можем говорить о семиотическом и лингвопоэтическом характере категории пространства в художественном тексте.

Семиотический подход позволяет преодолеть некоторую «узость» чисто лингвистического взгляда при анализе такой сложной категории, как пространство, и выявить связи исследований языка с иными формами интеллектуальной и духовной деятельности человека. Учитывая философские, филологические, культурологические и исторические коннотации, исследователь получает возможность добиться полноты и подлинности анализа, раскрыть и интерпретировать все заложенные в тексте смыслы.

Представляется верным рассматривать семиотику пространства, основываясь на идее Ю.М. Лотмана о принципиальных различиях между знаком языковым и знаком художественного текста. В естественном языке, пишет Ю.М. Лотман, знаком будет устойчивая инвариативная единица текста, т.е. для общезыковых

знаков границы будут определены непосредственно «графической» границей фонемы, морфемы, лексемы и т.д. [3. С. 34]. В художественном же тексте «происходит семантизация внесемантических (синтаксических) элементов естественного языка. Вместо четкой разграниченности семантических элементов происходит сложное переплетение: синтагматическое на одном уровне иерархии художественного текста оказывается семантическим на другом» [Там же].

То есть отдельное слово с семантикой пространства становится – по терминологии Пирса – единичным знаком [4. С. 16] и не может интерпретироваться как знак категории пространства. И только встраиваясь в семантический ряд, оно обретает знаковую способность раскрывать заложенные смыслы, участвует в семиозисе и становится инструментом читательской интерпретации. Таким образом, методологический инструментарий, применяемый для анализа семиотики пространства в данной статье, может быть сформулирован следующим образом: соотношение лексем с пространственной семантикой с общей семантикой ряда, в том числе ассоциативной и имплицитной.

Представляется, что добиться наиболее полного исследования семиотики пространства художественного текста возможно не только анализируя физическое пространство, описываемое в тексте, но и обращаясь к жанру произведения и главному герою. О взаимосвязи жанра и пространства писали такие исследователи текста, как Ю.М. Лотман («Художественное пространство в прозе Гоголя», «Внутри мыслящих миров» и пр.), М.М. Бахтин («Формы времени и хромотопа в романе») и др. Известно утверждение М.М. Бахтина: «Хромотоп в литературе имеет существенное жанровое значение» [5. С. 234]. У Ю.М. Лотмана же находим: «...жанр <...> сохраняет память об иной системе кодирования» [6. С. 185]. Кроме того, полагая, вслед за Бахтиным, пространство художественного мира антропоцентричным, мы будем рассматривать его и через «пространственную форму героя», через «кругозор действующего сознания» [7. С. 43] главного персонажа. Ведь «и образ человека в литературе <...> всегда существенно хромотопичен» [5. С. 234]. Восприятие пространства и его характеристик протагонистом становится в таком случае важнейшей коннотацией при интерпретации знаков пространства.

Знаковая природа пространства наиболее убедительно проявляет себя при описании антиутопических идей, которые, став сверхактуальными в XX в., при-

обретают важнейшее значение для исследователей и в текущем. Будучи по своему описанию предельно конкретным, однозначно локализованным, пространство в романе-антиутопии обретает статус условного, обобщённого, реализующего универсальные сюжеты и коды.

К проблеме жанрового своеобразия антиутопии и, в частности, к особенностям выстраивания пространства антиутопического мира обращались такие авторы, как А.М. Зверев, Р.А. Гальцева, И.Б. Роднянская, И.В. Тарасенко, В.И. Новиков и др. Последовательный исследователь антиутопий Б.А. Ланин, обращаясь к широкому кругу антиутопических произведений как ставших уже «классическими», так и созданных в конце XX в., рассматривает различные стороны данного феномена, в том числе останавливается на характерных пространственных моделях и особенностях антиутопического хронотопа.

Однако кодификация пространства как категории знаменитого романа-антиутопии А.А. Кабакова «Невозвращенец», вышедшего в 80-х гг. прошлого века, по сей день актуальна и требует дополнительного исследовательского осмысления. Очевидно, что новые культурные, социальные контексты XXI в. привносят дополнительную детализацию, формирующие уточненное содержание и авторской позиции, и читательской репрезентации.

В антиутопическом мире романа «Невозвращенец» читатель идентифицирует пространство «настоящего» и пространство «будущего».

Пространство «настоящего» – институт, где герой работает экстраполятором, его дом, гостиница. Границы здесь – физические стены помещений, именно здесь закладываются все ключевые сюжетные коды, принимаются героем важнейшие сюжетные решения. Этот тип пространства автор маркирует лексемами со значением границы: *порог, дверной косяк, окно, стена* и т.д. Эти границы осознаются героем не только физическими, но и ментальными, все его усилия направляются на их пересечение.

Пространство «будущей» Москвы, подробно описанное узнаваемыми названиями организующих его элементов (*Тверская, Бронная, Спиридоновка* и др.). В Москву будущего герой-экстраполятор совершает сначала временные путешествия, а перемещается окончательно. Улицы и переулки, дома и памятники формируют пространство, где ключевые коды раскрываются, где исполняются принятые в «настоящем» сюжетные решения. Москва изоморфна государству и олицетворяет всю Россию – напрямую не описываемого, но явно присутствующего пространства «будущего», пространство распавшейся империи.

Если обращаться к правилам построения пространства, диктуемым принадлежностью к жанру «роман-антиутопия», то здесь важно подчеркнуть, что одной из важных характеристик антиутопии становится «упоминание или фиксация катастрофы» [8. С. 672]. Катастрофа, спасение, выбор цивилизации или отказ от неё – эти сюжеты в мировой и русской антиутопической литературе имеют богатую традицию и не раз использовались авторам для того, чтобы показать мир в будущем или оценить состояние об-

щества [9. С. 78]. Как правило, катастрофическое событие (взрыв, революция, переворот и т.д.) становится точкой отсчёта «нового» мира, «новой» истории, «нового» человека.

В «Невозвращенец» же «будущее» предстаёт не посткатастрофическим миром, а миром, находящимся в процессе катастрофы. У Кабакова катастрофа становится смыслообразующей характеристикой пространства, определяющей существование, самоосмысление и поступки героев. Протагонист существует в мире, который гибнет в хаосе Гражданской войны, и в сознании обитателей России страна расчленена множеством границ, каждая из которых – потенциальная линия фронта. Воюют православные «витязи» с некрещёнными, анархисты – с металлистами, комиссия народной безопасности – с жильцами домов, боевики Партии Социального Распределения – с обитателями Замоскворечья и Измайлова, исламисты – с немусульманами, словом, все со всеми.

Обратимся теперь к заявленной нами (вслед за М.М. Бахтиным) «хронотопичности образа человека». Герой «Невозвращенец» – представитель описанного Ю.М. Лотманом героя дороги, или, точнее, «героя степи». Перемещение такого героя в пространстве «связано не с тем, что он изменяется, а с реализацией внутренних потенциалов его личности <...>. Функция этих героев – в том, чтобы переходить границы, непреодолимые для других, но не существующие в их пространстве» [2. С. 626]. Такой протагонист – своего рода средневековый герой, который выходит из опасных ситуаций невероятным образом, хватаящий «счастье за самый последний, ускользающий поручень»: «...в средневековом мире дорога как особый топос была исключена из времени и пространства обыденной жизни. Путешествие происходило как бы в другой реальности, где реальный ход времени нарушается и где паломник попадал в контекст невероятного» [10. С. 26].

Так и главный герой «Невозвращенец», реализуя ключевой мотив произведения, а именно мотив движения, бегства, попадает в контекст антиутопического, карнавального мира. Карнавальные элементы проявляются как в пространственных моделях (герой стремится к центральной площади, где «*что-то будет*», будет некоторое «представление», *По понедельникам там многое бывает*), так и в театрализации действий. Всё напоказ: поезд, наполненный невероятными фигурами, танцующими свой страшный танец в освещённом вагоне, как на подмостках, повешенный молодой человек, висящий открыто, на глазах у всех; кровь, убийства, смерть. «Аттракцион оказывается эффективным как средство сюжетосложения именно потому, что в силу экстремальности создаваемой ситуации заставляет раскрываться характеры на пределе своих духовных возможностей, в самых потаённых человеческих глубинах, о которых сами герои могли даже и не подозревать» [11. С. 200]. Через «пределы духовных возможностей» героя, через его сознание пространство выстраивается не только как физическое, но и как ментальное, феноменальное, антиутопический мир раскрывается во всей полноте.

Герой считает экзистенциальный страх, осмысливает его как ведущую эмоциональную константу

действительности. «Смысл страха в антиутопическом тексте заключается в создании совершенно особой атмосферы, того, что принято называть “антиутопическим миром”» [12. С. 155]. Но страх здесь – не внутреннее ощущение, но характеристика мира в целом: *«госпитальная хирургия: кровь, ошметки мяса, страх и никакого наркоза, заметьте...; погромы, истребительные отряды, голод и общий ужас...»*. Примечательно, что в относительно благополучном «настоящем» герой мучим страхами, переживаниями, рефлексией, тогда как в наполненном опасностями антиутопическом «будущем» социального и политического хаоса он спокоен и уравновешен. Именно экзистенциальный ужас вокруг делает его живым, поэтому он выбирает хаос, который для него – жизнь.

– Знакомые, – сказал я. – Но здесь я почему-то совсем не боюсь...

Здесь все будет нормально. Главное – что мы уже не там.

Языковая репрезентация знаков пространства.

Итак, художественное пространство романа – это пространство «настоящего» и пространство «будущего». Обозначение «настоящее» и «будущее» здесь не относится напрямую к видам (проявлениям) художественного времени. Далее будет показано, что время в романе фактически теряет собственное значение, определяется изменениями пространства, перемещениями героя.

Пространство «настоящего» репрезентируется категориальными семами «замкнутое, бытовое, пустынное, статичное, отжившее» и как обобщающая сема – несвободное. Каждая категориальная сема, эксплицирующая пространственную семантику, раскрывается рядом лексем, которые соотносятся с общей семантикой ряда, в том числе определяемой контекстуально.

Замкнутое. Физическое пространство «настоящего» эксплицируется такими лексемами-типизаторами, имеющими пространственную сему «помещение»: *лаборатория, коридор, кабинет, дом, номер, лифт, какая-то квартира*. Контекстуально они объединены в ряд, имеющий более общую категориальную сему «замкнутость», «ограниченность».

Бытовое. Герой находится в пространстве, описываемом как предметное. Частотны лексемы со значением бытовых предметов, несущих признак материальности: *пепельницы, холодильник, кресло, сейф, стул, приёмник на кухонном столе, диван* и пр. В условиях, когда пространство характеризуется именно через предметы, его заполняющие, можно говорить о наличии семантического ряда с ключевой семой «отнесённость к быту».

Пустынное, незаполненное. Пространства, где происходят встречи героя с работниками «редакции», прямо маркируется словами *пустой, пусто: квартира была полупустая, номер был полуприбран, в коридоре было пусто*.

Статическое, бессобытийное. В пространстве «настоящего» – отсутствие событий, всё действие заключено в диалогах, событийность находится в области сознания главного героя, который осознаёт себя и принимает решения в ходе разговоров. Эта характеристика грамматическим построена на использовании

собственно прямой речи в диалогах героев и отражена в одноактных глаголах: *сказал, увидел, сообщил, подумал, воскликнул, ужаснулся, рассмеялся, согласился, возразил, заметил, вставил* и мн. др. Для перечисленных глаголов может быть выделена общая категориальная сема «действие с отсутствием движения», тогда и пространство, в котором реализуются такие глаголы, может быть охарактеризовано как статическое.

Неработающее, заброшенное. Эксплицировано такими эпитетами, как *полуприбранный номер, вечно мигающие полусломанные лампы, архаические ковровые дорожки, отломанный валик у дивана, заштатная контора*. Выделенные описательные конструкции с частной семантикой «устарелости», «неполноценность», «неактуальности» метонимически характеризуют пространство и контекстуально объединены в ряд, имеющий общую категориальную сему «неработающее», «заброшенное».

Всё это имплицитно означает пространство как **несвободное**, поскольку историческое сознание героя, память о национальном прошлом (с его мигающими лампочками в местах заключения, конторами и коридорами, ограничением в передвижении граждан и т.д.), а также вектор, задаваемый антиутопическим жанром романа, позволяют определить приметы именно несвободной картины мира и, значит, пространства несвободы. И собственно эта несвобода предопределяет побег из «настоящего», требует освобождения желания, решительного внутреннего выбора.

При перемещении героя из «настоящего» времени в «прошлое» характеристики пространства меняются, меняется семиозис. Пространство «будущего» приобретает оппозиционные характеристики: закрытое становится открытым, бытовое преобразуется в историческое, пустынное заполняется, статичное неизбежно меняет характер на динамичное, вместо поломанного предстаёт неразрушаемое.

Открытое. Пространственные локусы Москвы номинируются лексемами, с общим значением «открытый элемент инфраструктуры города», встраиваемыми в общий семантический ряд с категориальной семой «открытость»: *улица, переулок, площадь, сквер, мостовая*. В отличие от описания пространства «настоящего», где топонимы отсутствуют совсем, пространственные координаты «будущего» обозначены предельно конкретно и подробно: *Тверская, Садовая, Бронная, Спиридоновка, Брестский вокзал, Страстная, Рогожская, Владимирка*.

Историческое. Будущее пространство – пространство антиутопического мира, где у предметов, его формирующих, выделена не столько материальность, сколько катастрофичность истории предмета, отнесённость к прошлому: *«Прибежище анархистов чёрные руины “Пекина”, взорванный в очередной раз памятник Пушкину, старинный дом, где прошло детство героя, дом “с нехорошей квартирой”, у подворотни которой дежурили пикеты с нарукавными повязками “свиты сатаны” и в кошачьих масках»*. Семантический ряд, выстраиваемый данными описательными конструкциями, ассоциативно соотносится с семой «историчность», т.е. «пространство с историей».

Заполненное. В отличие от пустынного пространства «настоящего» пространство будущего наполнено людьми, предметами и событиями. Эта наполненность эксплицируется лексемами со значением «скопление людей, машин»: *толпа легковых машин, машины кучей заворачивали, толпа заложников, толпа, заполнявшая площадь*. Общей категориальной семой этого ряда становится сема «заполненность».

Динамичное. В Москве движется всё: едут танки, куда-то идут люди, несётся ветер и снег. Обильно используются глаголы передвижения в пространстве: *двинулся, брели, кинулся, шел, свернули, подошли* и т.д. Основная функция таких глаголов – связывание субъекта или объекта с изменяющимся локусом. Значение изменение пространства через перемещение позволяет выделить общую категориальную сему перечисленных глаголов, маркирующую пространственную семантику ряда, а именно «отсутствие статики», «динамика».

Неразрушаемое. Приметы пространства «будущего» остаются незыблемыми, разрушение не касается основы, «гений места» остаётся: *«...в очередной раз памятник Пушкину взрывали боевики из “Сталинского союза российской молодежи”. И снова у них ничего не вышло: фигура была цела, только слетела с постамента, да обвалились столбики, на которых были укреплены цепи*». Будучи связанными в контексте романа с действиями, совершаемыми над пространственными объектами (объектами в пространстве), наречия со значениями повторяемости выступают маркерами пространственной семантики, выраженной категориальной семой «неразрушаемость».

Семантические ряды пространственных характеристик выстраивают «будущее» как пространство **свободное**, в котором протагонист уходит из-под контроля, освобождается от границ и страха.

Очевидно, что семиотические конструкты, выстраиваемые самим пространством, вокруг и внутри него, дихотомичны и описываются набором смысловых оппозиций, каждая из которых уточняет и проявляет пространственную семиотику. Так, основными семиотическими оппозициями, посредством которых автор маркирует два пространства романа, становятся: замкнутое / открытое, пустое / заполненное, статичное / динамичное, отжившее / неразрушаемое; ключевой, обобщающей чертой – антитеза несвободное / свободное пространство.

Коротко о пространстве и времени. Несмотря на то что анализ художественного времени романа не входит в задачи данной статьи, важно сделать на этот счёт насколько коротких пояснений.

В «Невозвращенце» у Кабакова время и пространство не просто составляют континуум, по Бахтину, но образуют цельный, неразделимый феномен. Ключевое движение героя совершается не столько в пространстве, но во времени. Романом ярко иллюстрируется мысль, высказанная В.Н. Топоровым относительно сюжетного хронотопа: «...любое полноценное описание пространства предполагает определение “здесь–теперь”, а не просто “здесь” (так же и определение времени ориентировано не просто на “теперь”, но на “теперь–здесь”» [1. С. 233] и далее: «...в мифопоэти-

ческом хронотопе время сгущается и становится формой пространства (оно “специализуется” и тем самым как бы выводится вовне, откладывается, экстенсифицируется), его новым (“четвертым”) измерением. Пространство же, напротив, “заражается” внутренне-интенсивными свойствами времени (темпорализация пространства), втягивается в его движение, становится неотъемлемо укорененным в разворачивающемся во времени мифе, сюжете (т.е. в тексте)» [1. С. 232].

Важнейшей характеристикой времени становятся фактическое его отсутствие, его неизменность: в городе у людей властями изъяты все часы, герой узнаёт о времени по старому приёмнику, иногда включая его. Ход времени определяется пространством и его трансформациями.

Восприятие времени героем в романе неравномерно, на него влияют условия, в которых «героическое» сознание протагониста может или не может получить развитие. Так, в относительно безопасном пространстве «*шикарного ночного кабака*» время сжато, событийные подробности опущены. В моменты опасности воспринимаемое время замедляется, сознание героя фиксирует любые мелочи, движения и события замедлены.

Подробность «опасного» времени необходима герою для реализации потенциалов, для перехода собственных границ, о чём говорил М.Ю. Лотман. Для героя антиутопии характерно «экстремальное проживание жизни».

В тексте «замедленность» эксплицируется синтаксически – выстраиванием сложноподчинённых предложений с обилием знаков препинания:

Я успел почувствовать, что ни на меня, ни на женичину люди почти не наступали: их движение уже не было столь общим, ровным стремлением к подворотне, они уже топтались на месте, разворачивались, и мы оказались в мертвой зоне, быстро пустевшей зоне между убивавшими и убиваемыми... Я успел запомнить, что правой рукой все еще намертво цепляюсь за рукав ее пальто... И я успел заметить самое главное: двое с шапками не смотрят вниз, они смотрят на толпу прямо перед собой, и тот, что уже зарезал одного, медленно встряхивает, встряхивает клинок, отбрасывая с него слишком медленно стекающую кровь, и ищет, ищет в толпе следующего, а второй еще не совсем готов и держит шапку – вверх острием, и стоит неустойчиво...

Автор «Невозвращенца» в полной мере реализует мысль П.А. Флоренского относительно описания времени в художественном тексте: «Непрерывно текущее однородное время не способно дать ритм. Последний предполагает пульсацию, сгущение и разрежение, замедление и ускорение, шаги и остановки. Следовательно, изобразительные средства, дающие ритм, должны иметь в себе некоторую расчлененность, одними своими элементами задерживающую внимание и глаз, другими же, промежуточными, продвигающую то и другое от элемента к другому» [13. С. 232–233].

Подводя итог проведённому анализу, можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее полноценный анализ семиотики пространства и её языковой репрезентации может быть

произведён, если учитываются такие аспекты произведения, как жанровые особенности текста, характеристики главного героя и координаты физического пространства художественного мира.

2. Жанр произведения – антиутопия – кодирует пространство особым образом: художественный мир романа катастрофичен, катастрофа становится смыслообразующей характеристикой пространства.

3. Хронотопичность героя романа «Невозвращенец», на наш взгляд, связана с постоянным движением героя, анализ пространства через посредство сознания и действия героя приводит к выявлению особого локуса – локуса дороги.

4. Ключевая пространственная оппозиция, выявленная в ходе анализа, – семиотическое противопо-

ставление пространства «настоящего» / «будущего» как пространства свободного / несвободного.

5. Категориальными семемами, которые, выстраивая смысловую и семантическую иерархию, раскрывают ключевую оппозицию и образуют оппозиционные семантические ряды с пространственной семантикой, могут быть названы: «замкнутость», «отнесённость к бытию», «пустыньность», «статичность», «поломанность», с одной стороны, и «открытость», «историчность», «заполненность», «динамичность», «неразрушимость» – с другой.

6. Ход времени в романе определяется пространством и его трансформациями, пространственно-временные отношения требуют дополнительного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
2. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 621–658.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–288.
4. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4. С. 5–32.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
8. Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия: от модернизма к постмодернизму // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 670–680.
9. Шольц У. Между конструкцией и деконструкцией: утопический остров в романе Т. Толстой «Кысь» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2 (т. 2). С. 77–83.
10. Стрельцова А. Чудеса святого Иакова // Искусство. Дорога святого Иакова. 2006. № 1 (596). С. 16–30.
11. Липков А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона. М.: Наука, 1990.
12. Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154–163.
13. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 мая 2017 г.

SPACE AS A SEMIOTIC AND LINGUOPOETIC CATEGORY OF THE NOVEL *NEVOZVRASHCHENETS* [THE DEFECTOR] BY A.A. KABAKOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 54–59.

DOI: 10.17223/15617793/419/6

Polina Yu. Povalko, Peoples' Friendship University (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: polina.povalko@gmail.com

Mikhail A. Rybakov, Peoples' Friendship University (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: rybakov_ma@pfur.ru

Keywords: semiotic method; dystopia; space category; language representation; space signs.

The article is an attempt to consider space as an important semiotic and linguopoetic category of a literary text on the basis of the dystopian novel *Nevozvrashchenets* [The Defector] by A.A. Kabakov. To represent the artistic world and the space in this world through symbols, encoding meanings, the author needs some special means for the representation of their concept. The reader, on their behalf, explores the unique set of linguistic resources that describe the spatial relationships in the text and perceives and reconstructs the author's position, finding the meanings which are unique for this particular reader. A semiotic approach overcomes some narrowness of a purely linguistic look in the analysis of such a complex category as space and makes it possible to identify the links connecting linguistics with other forms of human intellectual and spiritual activity. The boundaries of the denotations of space in a literary text are determined by semantic series in which denotation is included, and its original denotative values are set by the code, while the nuances of meaning are subject to inspection by the means of cultural studies, psychology, philosophy, anthropology, etc. That is, the methodological tools used to analyze the semiotics of space in this article can be formulated as follows: the correlation of lexemes with spatial semantics and the general semantics of the series, including associative and implicit semantics. Apparently, it becomes possible to study the semiotics of the space of a literary text to the fullest extent not only by analyzing the physical space described in the text, but also by examining the genre of the work and the protagonist. The sign-based nature of space manifests itself most clearly in the description of dystopian ideas. The codification of space as a category of *Nevozvrashchenets*, a famous dystopian novel by A.A. Kabakov, remains relevant today, requiring further research and conceptualization. Obviously, the new cultural and social contexts of the 21st century bring in more details, form a more elaborate content of both the author's position and the reader's representation. The genre of dystopia encodes space in a special way: the literary world of the novel is catastrophic, with the catastrophe becoming the semantic characteristic of the space. The chronotopic nature of the main character manifests itself in constant movement, the analysis of space through the medium of the character's consciousness and his actions results in the identification of a special locus, the locus of the road. The key spatial opposition in the novel is the semiotic contradistinction of space of the "present" / "future" as free / non-free space. At the same time, it is possible to distinguish the following categorial semes, which, while building a notional and semantic hierarchy, reveal the key opposition and form opposed semantic series with spatial semantics, which can be described as follows: "closedness", "of everyday routine", "desolation", "static", "brokenness", on the one hand, and "openness", "historicity", "fullness", "dynamism", "indestructibility", on the other.

REFERENCES

1. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka.
2. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 621–658.
3. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [On art]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 14–288.
4. Noot, V. (2001) Charlz Sanders Pirs [Charles Sanders Pierce]. *Kritika i semiotika*. 3/4, pp. 5–32.
5. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozh. lit. pp. 234–407.
6. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
8. Lanin, B.A. (2016) Russkaya literaturnaya antiutopiya: ot modernizma k postmodernizmu [Russian literary anti-utopia: from modernism to post-modernism]. In: Bogdanova, O.A. & Gacheva, A.G. (eds) *Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow: Indrik.
9. Scholz, W. (2009) Mezhdru konstruksiesy i dekonstruksiesy: utopicheskiy ostrov v romane T. Tolstoy “Kys” [Between construction and deconstruction: a utopian island in T. Tolstaya’s novel “Kys”]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities*. 2:2. pp. 77–83.
10. Strel'tsova, A. (2006) Chudesa svyatogo Iakova [The Miracles of St. James]. *Iskusstvo. Doroga svyatogo Iakova*. 1 (596). pp. 16–30.
11. Lipkov, A.I. (1990) *Problemy khudozhestvennogo vozdeystviya: printsip atraksiona* [Problems of artistic influence: the principle of attraction]. Moscow: Nauka.
12. Lanin, B.A. (1993) Anatomiya literaturnoy antiutopii [Anatomy of literary anti-utopia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 154–163.
13. Florenskiy, P.A. (1993) *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [Analysis of spatiality and time in artistic and visual works]. Moscow: Progress.

Received: 24 May 2017

СЕМИОТИКА ТРАНСГРЕССИИ: Ю.М. ЛОТМАН КАК ЛИТЕРАТУРОВЕД И ФИЛОСОФ

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 15-33-01222 и 15-34-11045.

Рассматривается вопрос о взаимопроникновении литературоведения и философии на материале наследия Ю.М. Лотмана. Автор обосновывает положение, что концептуальным разработкам и исследованиям текстов художественной литературы Ю.М. Лотмана принадлежит значимое место в становлении постметафизической культурно-философской парадигмы. Показано, что одним из центральных пунктов работ Ю.М. Лотмана является феномен нарушения границ, т.е. трансгрессии. Исследования Ю.М. Лотмана позволяют эксплицировать различные аспекты феномена трансгрессии.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман; трансгрессия; граница; семиосфера; А.С. Пушкин; Н.В. Гоголь; семиотика; литературоведение; философия.

Филология и философия не отделены друг от друга непроходимыми границами. После связанного с кризисом классической европейской метафизики лингвистического поворота значимость теоретического и методологического потенциала филологии начинает приобретать значительно более высокую оценку в философском дискурсе. В XX столетии философия, с одной стороны, активно взаимодействует не только с лингвистикой, но и с литературоведением, в ряде случаев вступая в исконное пространство последнего: в сферу художественного текста. В частности, одна из наиболее знаковых философских работ прошлого века – «Логика смысла» Ж. Делеза [1] – целиком построена на материале анализа сказок Л. Кэрролла. С другой стороны, литературоведение начинает приобретать явно выраженную философскую ориентированность: работы М.М. Бахтина дают в этом плане достаточно яркий пример [2].

Другим не менее ярким свидетельством взаимопроникновения философии и литературоведения может служить наследие Ю.М. Лотмана. Выступая в качестве исследователя художественных текстов и культуры в целом, Лотман не просто применял концептуальные разработки К. Леви-Стросса, Р. Барта и отчасти М. Фуко¹. Проявленные в его работах оригинальность и самобытность мысли позволяют утверждать, что Лотману принадлежит значимое место в становлении и развитии неклассической парадигмы философской мысли. Этот тезис носит принципиальный характер и нуждается в специальном изучении и обосновании. Проблема состоит в том, что в отличие от исследований Бахтина, работы Лотмана не были в достаточной степени восприняты на Западе в своем философском аспекте. По этому поводу Н.С. Автономова отмечает, что «переводы лотмановских работ на Западе были доступны прежде всего славистам, и потому не находили (во всяком случае, во Франции и США) должного резонанса. Этим Лотман отличался от Бахтина, который своими текстами, казалось, всегда попадал в резонанс, даже если это случалось в силу какого-то исторического и кулуарного перекося восприятия» [3. С. 355].

Современная неклассическая философия возникает из кризиса метафизической парадигмы и характеризуется поиском неметафизических способов философствования. Одним из вариантов постметафизической организации философского дискурса становится

парадигма трансгрессии. Данная парадигма распространяется не только на философию, но проникает и в литературоведение [4, 5]. Роль М.М. Бахтина в становлении этой парадигмы в целом учтена европейскими исследователями [6]. Роль Ю.М. Лотмана – нет. Вместе с тем вклад последнего не менее значителен и существен. Хотя сам Лотман не использовал термин «трансгрессия», проблема границы и способов ее нарушения (т.е. трансгрессии) получает в его книгах и статьях столь тщательную разработку и занимает столь существенное место, что можно говорить о Лотмане как об исследователе именно трансгрессивных феноменов в литературе и культуре. Причем это исследование обладает как литературоведческой, так и философской значимостью.

Трансгрессия как особенность поэтики и художественного мировоззрения А.С. Пушкина

М.М. Бахтин раскрыл не сводимую к единству множественность и гетерогенность в качестве основной черты поэтики романов Ф.М. Достоевского [7]. Ю.М. Лотман сделал аналогичное открытие на материале поэтики произведений А.С. Пушкина. Уже в первом русском романе, согласно Лотману, мы обнаруживаем единой и подчиняющей себе все содержание произведения авторской позиции. Вместо этого в «Евгении Онегине» мы можем наблюдать трансгрессию позиции автора как носителя высшего сознания. В пушкинском романе в стихах отсутствует единая и универсальная точка зрения, подобно тому, как отсутствует универсальная система отсчета в неклассической физике: «Да и сама авторская оценка дается как целый хор корректирующих друг друга, а иногда взаимоотрицающих голосов. Гибкая структура онегинской строфы позволяет такое разнообразие интонаций, что в конце концов позиция автора раскрывается не какой-либо одной сентенцией, а всей системой пересечения смысловых напряжений» [8. С. 23].

С.А. Кибальник подверг выделенный Лотманом принцип противоречий критике в качестве «структуралистского мифа» [9]. Однако для целей нашего исследования вопрос, действительно ли в пушкинском тексте присутствуют неснятые противоречия, не столь значим. Для нас значимо то обстоятельство, что Лотман эти противоречия видит и фиксирует в качестве основного момента поэтики «Евгения Онегина».

Мотивы такого прочтения не могут быть исчерпывающе объяснены давлением структуралистской методологии. Кризис метафизической парадигмы поставил под сомнение онтологический статус картезианского субъекта как носителя единой и универсальной истины [10. С. 1424]. В философии, литературоведении, культуре в целом начинаются поиски новых концептуальных горизонтов, позволяющих раскрывать множественный и гетерогенный характер существования, который не может быть подчинен какому-либо высшему единству². Диалектика не обеспечивает адекватное решение данной задачи, поскольку сводит противоречивые стороны действительности к моментам движения идеи, духа или материи. Новая парадигма зарождается в философии жизни.

Стоящий у истоков данного процесса Ф. Ницше мыслит уже не метафизически и не диалектически. Основу его философствования составляет тот самый принцип неснятых противоречий, о котором применительно к творчеству Достоевского говорил Бахтин. Данная особенность ницшевского мышления была детально проанализирована К. Ясперсом. Последний показал, что у Ницше практически нет ни одного положения, которому не соответствовало бы утверждение противоположной точки зрения. Ницше противоречит сам себе и эти противоречия не снимает, но, напротив, сознательно умножает, доводит их до предела. Тем самым ему удается уклониться от построения выражающей единую точку зрения *системы* и раскрыть бесконечно противоречивый и многогранный, перспективный характер *жизни*. «Позитивное Ницше понимает не в обретающей плоскую определенности имманентности, а, скорее, в бесконечном горизонте, в *неопределенной безграничности*» [14. С. 584].

В своем прочтении пушкинского романа в стихах Лотман руководствуется аналогичной установкой: «За таким построением текста лежало представление о принципиальной несовместимости жизни в литературу, о неисчерпаемости возможностей и бесконечной вариативности действительности» [8. С. 23]. Лотман не просто использует популярную в его время методологию структурализма, но становится в эпицентр процесса смены культурных и философских парадигм.

Остается, конечно, вопрос, не совершается ли при таком подходе насилие над русской классикой. На наш взгляд, «насилие» совершается не по отношению к русской классике, но по отношению к установившемуся и ставшему общепринятым способу ее прочтения. Пушкин в своем творческом становлении очень быстро освоил и оставил позади классицизм и романтизм. Дальше, согласно распространенному взгляду, следует реализм как установка на раскрытие детерминированности характеров средой (социальной, политической и т.п.) [12]. Такая позиция соответствует классическому детерминизму в физике, а в философии выражается в хрестоматийном марксистском тезисе, что сознание определяется общественным бытием. Реализм в литературе требует также существования единого универсального сознания, способного отразить социальную действительность в качестве целостного феномена. В основании такого подхода лежит метафизическая схема, полагающая

существование единого бытия и / или единого сознания. Бахтин определяет подобную установку как принцип монологизма³ [7]. Отсюда следует, что если лотмановское прочтение Пушкина может быть подвергнуто критике в качестве тенденциозного, то и прочтение Г.А. Гуковского следует оценивать по аналогичным критериям – как тенденциозное не в меньшей степени. Просто речь здесь идет о принципиально различных тенденциях, соответствующих разным культурно-философским парадигмам. Классическая физика не является более истинной по сравнению с квантово-релятивистской. Также и интерпретация Пушкина в канонах реализма не может претендовать на привилегированный статус по отношению к структуралистской. Реализм представляет собой такой же «миф», а точнее, продукт определенной парадигмы мышления. К тому же, такие сложные и многоаспектные понятия, как «реальность», «действительность», «жизнь», допускают весьма широкий спектр определений. Если для Гуковского это социальная среда, то для Лотмана – это подвижная, открытая и многозначная структура, трансгрессивная по своей природе.

Лотман сам дает достаточно ясные указания по поводу философского содержания своего подхода к наследию Пушкина и к русской классике в целом. Принцип монологизма основан на метафизическом постулате о существовании вечной и универсальной истины: «В искусстве XVIII в., традиционно определяемом как классицизм, этот единый фокус выводился за пределы личности автора и совмещался с понятием истины, от лица которой и говорил художественный текст. Художественной точкой зрения становилось отношение истины к изображаемому миру. Фиксированность и однозначность этих отношений, их радиальное схождение к единому центру соответствовали представлению о вечности, единстве и неподвижности истины» [8. С. 69]. Парадигма, утверждающая истину или субъекта в качестве метафизического центра, оспаривается парадигмой, полагающей множество рассеянных центров или отсутствие центра как такового: «Однако возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фиксируются в едином центре, а конструируют некое рассеянное пятно-субъект, состоящее из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы» [Там же].

Видение мира как соотношения рассеянных и множественных центров соответствует уже не столько структуралистскому, сколько постструктуралистскому направлению в философии и литературоведении. Именно здесь концепт трансгрессии приобретает определяющую значимость – подобную той, какая в метафизике принадлежала трансценденции, а в диалектике – диалектическому (т.е. подлежащему снятию) противоречию [17].

Лотман уделяет много внимания анализу феноменов нарушения границы в художественных текстах. Исследования, посвященные наследию А.С. Пушкина, не являются исключениями в этом плане. Так, отмечается феномен нарушения синтаксических и метрических границ в «Евгении Онегине»⁴. Чтобы данное нарушение приобрело значимость и было зафиксиро-

вано вниманием читателя, необходимы предварительное установление и артикуляция самих границ: «Таким образом, соотношение между нарушениями и соблюдениями ритмической границы таково, чтобы она постоянно сохранялась в сознании читателя (следовательно, чтобы нарушение ее было значимым). И одновременно требуется, чтобы читатель чувствовал, что подобные нарушения происходят достаточно часто, что, следовательно, они не могут быть случайными и, очевидно, ему предлагается не какая-то одна поэтическая структура, а отношение двух структур – утверждающей некие закономерности и их разрушающей. Причем именно отношение (одна структура на фоне другой) является носителем значения» [8. С. 84–85]. Данный фрагмент в целом выдержан в рамках структуралистского подхода: значимость трактуется как результат различительных оппозиций⁵. Однако выделение в качестве существенного момента феномена нарушения границ смещает акценты в сторону постструктурализма. Трансгрессия в постструктуралистской философии выступает именно в качестве функции, отношения, в то время как метафизическая парадигма была ориентирована преимущественно на субстанции и сущности.

Привести многообразное и разнородное к единому – задача метафизики. Вскрыть в едином множественное и гетерогенное – задача постметафизической культурно-философской парадигмы, к которой принадлежит и Ю.М. Лотман. Если исходить из метафизической парадигмы, то в Пушкине можно увидеть певца всепроникающей гармонии. Исследователь постметафизической ориентации, напротив, будет раскрывать в произведениях русского классика сугубо трансгрессивные феномены – «трагические разрывы, глубинные контрасты» [Там же. С. 126].

В пушкинском наследии особенно богатым материалом для исследования трансгрессивных феноменов являются «маленькие трагедии». Согласно Лотману, одним из центральных мотивов «Каменного гостя», «Моцарта и Сальери», «Пира во время чумы», а также «Скупого рыцаря» является «гибельный пир». Связь пиршественных образов со смертью была выделена М.М. Бахтиным в качестве одного из элементов карнавального мировоззрения [20]. По Лотману, смысл «гибельного пира» состоит в нарушении запретов: «При этом во всех случаях пир имеет не только зловещий, но и извращенный характер: он кощунствен и нарушает какие-то коренные запреты, которые должны оставаться для человека нерушимыми» [8. С. 155]. Нарушение коренных, не долженствующих быть нарушенными запретов – это трансгрессия в том смысле, в котором писал о ней Ж. Батай [21]. Коренные запреты являются выражением высших, сакральных и метафизических границ, которыми определяются пространство культуры и сфера человеческого бытия. Однако внутренняя безграничность, незавершенность и неопределенность человеческого бытия приводят к тому, что человек оказывается способен нарушать самые высшие запреты, преступать непреступаемые границы, достигать последних рубежей и пределов. Человек характеризуется как способностью полагать высшие границы (трансценденция),

так и способностью их преступать (трансгрессия). При этом значение трансгрессии не сводится только к деструкции высшего и сакрального. Парадоксальным образом трансгрессия может служить и путем к утверждению высших ценностей. Так, с одной стороны, Лотман пишет: «Мир “маленьких трагедий” – мир сдвинутый, находящийся на изломе» [8. С. 159]. Но с другой стороны, «именно разрушение нормы создает образ необходимой, хотя и нереализованной, нормы» [Там же]. В другой своей работе и на основе анализа иного материала Лотман заметит: «В этом отношении петербургские анекдоты о кощунственных выходках против памятника Петру I <...>, как всякое кощунство, есть форма богопочитания» [22. С. 311]. Эту мысль – кощунство как богопочитание – мы встретим у Бахтина в его исследовании народно-смеховой культуры Средневековья и Ренессанса. Мы находим эту мысль и у Ницше в описании «Праздника осла» из «Так говорил Заратустра». В этом же произведении немецкий философ скажет: «Fluch ist auch ein Segen» [23. S. 611] – «Проклятие есть тоже благословение».

Если норма представляет собой абсолютно ненарушимую границу, то она превращается в абстрактную догму, отвлеченный принцип – в каменную статую. Человек в этом случае просто лишен свободы, лишен выбора, следовательно, его подчинение норме лишено нравственной ценности. Человек поступает нравственно только тогда, когда соблюдение нормы не является результатом принуждения и отсутствия выбора. Для этого нормы должны быть в принципе нарушаемыми – человек должен брать на себя задачу проверки моральных ценностей на прочность, он должен осуществлять трансгрессию установленных границ. Трансгрессия позволяет высветить открытый и подвижный характер границ и обнаружить нравственную свободу человека оставаться в пределах этих границ по своему выбору. В этом смысле пушкинский Дон Гуан – трансгрессивный персонаж, функция которого заключается в нарушении норм и преступании границ: «Дон Гуан – гений, рвущийся нарушать нормы, разрушать любые пределы именно потому, что они пределы» [8. С. 164].

Таковы философские аспекты предложенного Лотманом подхода к прочтению наследия Пушкина. Дополнительные характеристики феномена нарушения границ в художественном тексте могут быть эксплицированы на материале лотмановского анализа творчества Н.В. Гоголя.

Трансгрессия в художественной прозе Н.В. Гоголя

Анализируя специфику художественного пространства произведений Гоголя, Лотман уделяет особое внимание феномену границы. В «Старосветских помещиках» и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» пространственные границы приобретают фиксированный и непреодолимый характер. Граница здесь отделяет внутренний мир от внешнего, пространство своего – от чужого. Границы могут умножаться, образуя своеобразные защитные пояса: «Жилище старосветских помещи-

ков – особый мир с кольцеобразной топографией, причем каждое из колец – это особый пояс границы, которая чем ближе к центру, тем недоступнее для внешнего мира» [8. С. 316]. Как показывает Лотман, внешний мир – это не продолжение внутреннего, но иной мир, основная характеристик которого – отсутствие границ, безграничность. Безграничность внушает страх и делает переход границ нежелательным и недопустимым. Нарушение границ, отделяющих внутренний мир от внешнего, возможно только в одном модуле: в качестве катастрофы, гибели и разрушения. Таким образом, трансгрессия здесь получает сугубо негативную оценку, она выносятся вовне, ее стараются всячески избежать. Однако трансгрессия как нарушение границ есть не что иное, как *событие* в художественном тексте. Отрицание трансгрессии равнозначно отрицанию событий. Отсюда возникает такая черта произведений Гоголя, как бессобытийность – «невозможность совершения событий» [Там же. С. 319].

Событие связано с категориями времени и становления. Именно эти категории подлежат элиминации в «Старосветских помещиках». Лотман говорит в этой связи о принципе ахронности: «...все действия отнесены не к прошедшему и не настоящему времени, а представляют собой многократное повторение одного и того же» [Там же]. Внутренний мир старосветских помещиков в своей замкнутости, отграниченности и недоступности времени и становлению подобен бытию Парменида. Вычленение из потока становления вневременного, вечного и неизменного является основной чертой метафизики. Такова судьба античной и европейской метафизики: поиск вечных и универсальных основ мироздания привел к резкому отграничению мира субстанций от мира становления. В философии Нового времени эта метафизическая конструкция была подвергнута критике в учении Г.В.Ф. Гегеля. Гегель показал, что внутреннее и внешнее, ограниченное и безграничное в действительности не отделены друг от друга, но характеризуются способностью к взаимопереходу. Гоголь, пользуясь не отвлеченными философскими категориями, но бытовыми образами, раскрывает бесперспективность установки на полагание жестких и фиксированных границ, отделяющих внутреннее от внешнего. Мир, замкнутый в непреодолимые границы, является иллюзорным и фиктивным. Подлинная жизнь проходит где-то там, за пределами искусственно сконструированных границ.

В «Миргороде» статус трансгрессии существенно меняется. Здесь именно нарушение границ становится главным сюжетобразующим компонентом. В «Тарасе Бульбе» выход в подлинную, безграничную и становящуюся жизнь осуществляется посредством уничтожения границ – пространственных, правовых, политических. «Понятие границы и отграниченного пространства вводится лишь затем, чтобы его нарушить и сделать переход не просто движением, а *освобождением*, актом воли. <...> Одновременно происходит разрушение собственности, вещей, жилища (которые выступают здесь как синонимы и образуют архисему с признаком пространственной отгороженности и зафиксированности) и переход к движению

(«садились на коня»)» [8. С. 327]. Таким образом, в «Тарасе Бульбе» трансгрессия выступает одновременно в качестве основного принципа пространственной организации сюжета и в качестве содержания идейного пласта повести. Безграничность пространства не просто утверждается как некая данность, но дана как результат движения, трансгрессивного акта отрицания установленных границ: «Безграничность пространства строится так: намечаются некие границы, которые тотчас отменяются возможностью их преодоления. Пространство неуклонно расширяется. Так, все походы запорожцев – это выход пространства *за свои пределы*» [Там же. С. 328].

В «Вии» трансгрессия также выступает в качестве основного сюжетоорганизующего компонента. Однако меняется смысл данного феномена. Если в «Тарасе Бульбе» трансгрессия представлена как выход к действительной, не укладывающейся в искусственные границы и эти границы не признающей жизни, то в «Вии» трансгрессия приобретает значение смерти и связанного с ней мира inferнальных сил. Вызвано это с тем, что здесь трансгрессия достигает максимальных пределов и скоростей, которые оказываются несоизмеримы с существованием человека. Мир «Вия» – «это мир не зафиксированный, движущийся, в котором все может перейти во все» [Там же. С. 331]. Переход всего во все – это формула для абсолютной трансгрессии. Такая трансгрессия, подобная гераклитовскому потоку или анаксагорову хаосу, оказывается столь же неприемлемой для жизни, как и замкнутость в непреодолимых границах: «Пространственный облик двух миров формирует особые нормы присущего им существования. И те и другие, при всей их противоположности, нечеловечны и влекут к гибели: один мир убивает человека своей закостенелостью, другой – своей бескрайностью и текучестью. В космическом мире “Вия” человек не может существовать потому, что здесь сняты все пограничные столбы и все качества амбивалентны. Так, синонимичны смерть, жизнь и любовь» [Там же].

Сопоставление смыслового наполнения трансгрессии в «Тарасе Бульбе» и «Вии» позволяет выявить амбивалентный характер данного феномена. Трансгрессия может выступать как в качестве утверждения, освобождения жизни, так и в качестве ее отрицания, уничтожения. Различие здесь заключается в степени интенсивности трансгрессивного движения. Нарушение некоторых искусственно сконструированных границ может способствовать достижению чувства полноты и свободы жизни. Но нарушение фундаментальных границ, составляющих основу человеческого бытия, приводит к переходу жизни в свою противоположность. Здесь трансгрессия выступает уже не как выход в наполненную многообразными возможностями безграничность, но как падение в бездну: «Беспредельное расширение пространства, превращаясь из области простора и свободы в бездонность, невозможную для жизни, получает в творчестве Гоголя (что заметил еще А. Белый) устойчивое пространственное изображение: бездна, провал» [Там же. С. 333].

В «Мертвых душах» трансгрессия приобретает еще одну существенную характеристику: она связы-

вается с образом дороги и пути. В результате этого сочетания возникает феномен направленной трансгрессии. Согласно Лотману, «Тарас Бульба не имеет своего пути – внутреннего становления, выражаемого в категориях пространства» [8. С. 337]. Трансгрессия здесь не направленная, границы нарушаются ради самого события нарушения границ и утверждения безграничности жизни как таковой. Направленная трансгрессия, напротив, осуществляет нарушение установленных границ в ходе движения к некоей (пусть и не всегда четко определенной) цели. Герой не замыкается в границах, но проходит через них, потому что он еще не достиг собственных пределов, но находится в процессе становления, роста, поиска самого себя. Хотя Чичиков и не имеет никаких высоких целей, но, в отличие от других персонажей «Мертвых душ», он еще не остановился. Отсутствие фиксированной пространственной локализации означает одновременно и отсутствие внутренней завершенности и однозначной определенности: «Он еще не застыл, и автор надеется временное и эгоистическое движение превратить в непрерывное и органичное» [Там же. С. 344].

Таким образом, можно сделать вывод, что в прозе Гоголя трансгрессия одновременно является как основой поэтики, так и выражает основное содержание художественного мировоззрения писателя, которое по своему характеру родственно философии жизни. Таким представляется художественный мир Гоголя в интерпретации Лотмана.

Границы семиосферы и трансгрессия

Семиосфера представляет собой сложное единство и взаимодействие двух разнонаправленных тенденций: тенденции к унификации и интеграции, с одной стороны, и тенденции к дифференциации – с другой. В пространственной структуре семиосферы обе тенденции локализуются в таких областях, как центр и периферия. В центре устанавливаются семиотическое единообразие и фиксированная определенность. Здесь конституируется смысловая и знаковая самоидентичность предметов, формируются идентичности, устанавливаются нормы и законы. Однако центральная область семиосферы утрачивает способность к движению, генерации новых смыслов и значений: «В результате в центре культурного пространства участки семиосферы, поднимаясь до уровня самоописания, приобретают жестко организованный характер и одновременно достигают саморегулировки. Но одновременно они теряют динамичность и, исчерпав резерв неопределенности, становятся негибкими и неспособными к развитию» [22. С. 191]. Резерв неопределенности и семиотическая динамичность сохраняются на периферийных участках семиосферы. Удаленность от центра и близость к границам порождают семиотическое многообразие, открытость и текучесть смыслов и значений. Связано это с тем, что именно границы являются в структуре семиосферы «наиболее “горячими” точками семиобразовательных процессов» [Там же. С. 196].

Граница семиосферы представляет собой сугубо трансгрессивный феномен: отделяя внешнее от внут-

реннего, чужое от своего, она одновременно выступает условием взаимопроникновения данных областей. Лотман отмечает: «Пересеченность семиотического пространства многочисленными границами создает для каждого движущегося в нем сообщения ситуацию многократных переводов и трансформаций, сопровождающихся генерированием новой информации, которое приобретает лавинообразный характер» [22. С. 201]. Таким образом, трансгрессия представляет собой неотъемлемый компонент семиосферы, обусловленный самой ее структурной организацией (центр – периферия – граница) и обеспечивающий подвижность и открытость ее структур.

Схема «центр – периферия – граница» является упрощенной моделью. В действительности семиосфера включает в себя множество подвижных центров, борющихся и взаимодействующих друг с другом, а разнообразные границы не только отделяют свое от чужого, но и пересекают внутреннее пространство семиосферы в различных направлениях. Это означает, что трансгрессия пронизывает все уровни семиосферы: «В разных аспектах одни и те же центры семиосферы могут быть одновременно и активно действующими, и “принимающими”, одни и те же пространства семиосферы могут в одних отношениях быть центрами, в других – периферией, влечения провоцируют отгалкивания, заимствования – самобытность. Пространство культуры – семиосфера – не есть нечто действующее по предначертанным и элементарно вычислимым путям. Оно кипит как Солнце, и, как на Солнце, в нем очаги возбуждения меняются местами, активность вспыхивает то в неведомых глубинах, то на поверхности и иррадирует энергию в относительно спокойные сферы» [Там же. С. 218].

Это трансгрессивное представление семиосферы обнаруживает разительное и значимое сходство с предложенным Ницше видением мира как воли к власти: «...это море бушующих сил и их потоков, вечно меняющееся, вечно возвращающееся, возвращающееся через огромное число лет приливом и отливом своих образов, перетекающее из самого простого в самое многообразное, из самого спокойного, застывшего, холодного – в самое раскаленное, дикое, противоречащее самому себе, а потом снова возвращающееся от полноты к простоте, от игры противоречий к наслаждению гармонией, утверждающее себя в этом подобии своих путей и лет, благоговяющее себя как то, что должно вечно возвращаться, как становление, не ведающее насыщения, пресыщения, усталости» [24. С. 549].

И дионисийская философия Ницше и семиотика Лотмана представляют собой порождение той культурно-философской парадигмы, которая сформировалась в качестве ответа на кризис метафизики. Мы попытались показать, что Лотману принадлежит значимое место в формировании и разработке данной парадигмы, что Лотман является не только литературоведом и семиотиком, но и крупным философом XX столетия⁶. Его концептуальные разработки характеризуются установкой на преодоление границ между внутренним и внешним, между субъектом и объектом [26]. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что философские взгляды Лотмана не ограничиваются рамками одного структуралистского направления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ю.М. Лотман ссылается на «Слова и вещи» М. Фуко во французском оригинале. В частности, в книге «Внутри мыслящих миров» ссылка на данную работу дается в контексте анализа удвоения образа в живописи [18. С. 87]. В целом обратить внимание следует на следующий момент: концептуальные разработки Лотмана в области семиотики актуализируют проблему границы и ее нарушения. Данное обстоятельство обнаруживает влияние того перехода от структурализму к постструктурализму, который был осуществлен Фуко именно в «Словах и вещах».
- ² В современном литературоведении данные моменты получили разностороннее отражение в работах таких исследователей, как С.Н. Бройтман [11], Н.Д. Тмарченко [12], В.И. Тюпа [13].
- ³ Об отношении Лотмана к идеям Бахтина см. в работе Н.С. Автономовой [2. С. 184–203]. Бахтину посвящен один из выпусков «Грудов по знаковым системам» [15].
- ⁴ В качестве особенности поэтического языка в целом данный феномен был проанализирован Ю.Н. Тыняновым [18].
- ⁵ О связи Ю.М. Лотмана со структурализмом см., например, [19].
- ⁶ См. также статью, в которой проводится параллель между разработками Ю.М. Лотмана и учением И. Канта и теорией В.И. Вернадского [25]. В свою очередь, мы выявляем связь семиотических и литературоведческих исследований Ю.М. Лотмана с неклассическими философскими учениями, проводим параллели с философией Ф. Ницше и постструктуралистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
2. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М. : РОССПЭН, 2009. 503 с.
3. Фаритов В.Т. Философские аспекты творчества М.М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140–150.
4. Frese T., Hoffmann A. *Habitus: Norm und Transgression in Bild und Text; Festgabe für Lieselotte E. Saurma-Jeltsch*. Berlin : Akademie-Verlag, 2011. 436 s.
5. Stallybrass P., White A. *The Politics and Poetics of Transgression*. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1986. 228 p.
6. Jenks Ch. *Transgression*. London ; New York : Routledge, 2003. vii+205 p.
7. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб. : Азбука, 2015. 416 с.
9. Кибальник С.А. «Евгений Онегин» или «Евгений Лотман», или Миф о «поэтике противоречий» в пушкинском романе // Культура и текст. 2011. № 12. С. 161–182.
10. Балаклея Н.А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. 2016. № 10. С. 1419–1429. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.17301.
11. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 307 с.
12. Тмарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М. : Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.
13. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. М. : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
14. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб. : Владимир Даль, 2004. 628 с.
15. Труды по знаковым системам VI : сб. науч. ст. в честь Михаила Михайловича Бахтина / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1973. 572 с.
16. Гукковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. 416 с.
17. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб. : Мифрил, 1994. С. 111–133.
18. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М. : КомКнига, 2007. 184 с.
19. Соболев Д. Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 5–51.
20. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. 640 с.
21. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
22. Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров*. СПб. : Азбука, 2014. 416 с.
23. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 s.
24. Ницше Ф. Черновики и наброски 1884–1885 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 11. 688 с.
25. Шелковников А.Ю. Ю.М. Лотман – философ // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 1, № 3. С. 16–20.
26. Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама-себе объект // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 368–376.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 мая 2017 г.

SEMIOTICS OF TRANSGRESSION: YU.M. LOTMAN AS A LITERARY CRITIC AND PHILOSOPHER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 60–66.

DOI: 10.17223/15617793/419/7

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Yu.M. Lotman; transgression; border; semiosphere; A.S. Pushkin; N.V. Gogol; semiotics; literary criticism; philosophy.

The purpose of this article is to study the question of the interpenetration of literary criticism and philosophy on the basis of the analysis of the heritage of Yu.M. Lotman. The author justifies the position that the conceptual development and research of fiction by Lotman plays a significant role in the development of the post-metaphysical cultural-philosophical paradigm. The article shows that one of the central points of Lotman's works is the phenomenon of violation of boundaries, that is, transgression. Lotman's research allows to explicate various aspects of the phenomenon of transgression. The author proceeds from the premise that modern nonclassical philosophy arises from the crisis of the metaphysical paradigm and is characterized by the search for non-metaphysical methods of philosophizing. One of the options for post-metaphysical organization of philosophical discourse is the paradigm of transgression. This paradigm extends not only to philosophy, but also penetrates into literary criticism. Although Lotman himself did not use the term "transgression", the problem of the boundary and ways of breaking it (transgression) receives such careful elaboration in his books and articles and takes such a significant place that one can speak that it is transgressive phenomena in literature and culture that Lotman studied. Moreover, his study has both literary and philosophical significance. The article shows that M.M. Bakhtin revealed the multiplicity, not reducible to unity, as the main feature of the poetics of F.M. Dostoevsky. Lotman made a similar discovery on the material of the poetics of A.S. Pushkin's works. Lotman pays much attention to the analysis of the phenomena of violation of the border in artistic texts. Studies on the legacy of A.S. Pushkin are not exceptions in this regard. Works on Pushkin studies are

taken by the author as one of the most striking examples. Already in the first Russian novel, according to Lotman, we do not find a single author's position that subordinates all the content of the author's work. Instead, in *Eugene Onegin* we can observe a transgression of the author's position as a bearer of higher consciousness. Pushkin's novel in verse has no single and universal point of view. The author concludes that in Gogol's prose transgression is both the basis of poetics, and expression of the main content of the writer's artistic worldview, which in its nature is related to the philosophy of life. Such is the artistic world of Gogol in Lotman's interpretation. It is shown that the semiosphere includes a multitude of mobile centers struggling and interacting with each other, and diverse boundaries not only separate one from another, but also cross the internal space of the semiosphere in different directions. On the basis of the conducted research, it is concluded that the semiotics of Lotman is the product of the cultural and philosophical paradigm that was formed as a response to the crisis of metaphysics. The author of the article has tried to show that Lotman plays a significant role in the formation and development of this paradigm, that Lotman is not only a literary critic and an expert in semiotics, but also a major philosopher of the 20th century.

REFERENCES

1. Deleuze, G. (2011) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
2. Avtonomova, N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov* [Open structure: Jakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov]. Moscow: ROSSPEN.
3. Faritov, V.T. (2016) The Philosophical Aspects of the Work of M. Bakhtin: Transgression Ontology. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 140–150. (In Russian).
4. Frese, T. & Hoffmann, A. (2011) *Habitus: Norm und Transgression in Bild und Text* [Habitus: norm and transgression in image and text]. Berlin: Akademie-Verlag.
5. Stallybrass, P. & White, A. (1986) *The Politics and Poetics of Transgression*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
6. Jenks, Ch. (2003) *Transgression*. London; New York: Routledge.
7. Bakhtin, M. (1979) *Problema poetiki Dostoevskogo* [The problem of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sov. Rossiya.
8. Lotman, Yu.M. (2015) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol']. St. Petersburg: Azbuka.
9. Kibal'nik, S.A. (2011) "Evgeniy Onegin" ili "Evgeniy Lotman", ili Mif o "poetike protivorechii" v pushkinskom romane ["Eugene Onegin" or "Eugene Lotman", or the Myth of "Poetics of Contradictions" in Pushkin's novel]. *Kul'tura i tekst*. 12. pp. 161–182.
10. Balakleets, N.A. (2016) Sub'ekt i vlast': essentsializm i puti ego preodoleniya v sovremennoy politicheskoy filosofii [The subject and power: essentialism and ways to overcome it in modern political philosophy]. *Filosofiya i kul'tura*. 10. pp. 1419–1429. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.17301.
11. Broymtan, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki (Sub'ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics (the subject and image structure)]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
12. Tamarchenko, N.D. (2011) "Estetika slovesnogo tvorchestva" M.M. Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya ["The Aesthetics of Verbal Creativity" by M. Bakhtin and the Russian philosophical and philological tradition]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy.
13. Tyupa, V.I. (2010) *Diskursnye formatsii. Ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse formations. Essays on the comparative rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Jaspers, K. (2004) *Nitszshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya* [Nietzsche. Introduction to the understanding of his philosophizing]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
15. Lotman, Yu.M. (ed.) (1973) *Trudy po znakovym sistemam VI* [Works on sign systems VI]. Tartu: Tartu State University.
16. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticeskogo stilya* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit.
17. Foucault, M. (1994) O transgressii [On transgression]. Translated from French by S. Fokin. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' XX veka* [Tanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought of the twentieth century]. St. Petersburg: Mifril.
18. Tynyanov, Yu.N. (2007) *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of the poetic language]. Moscow: KomKniga.
19. Sobolev, D. (2008) Lotman i strukturalizm: opyt nevozvrashcheniya [Lotman and structuralism: the experience of non-return]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 5–51.
20. Bakhtin, M.M. (2015) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Eksmo.
21. Bataille, G. (2006) *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [The Cursed Part. Sacred sociology]. Translated from French. Moscow: Ladimir.
22. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myshlyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka.
23. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke* [Collected Works]. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
24. Nietzsche, F. (2012) Chernoviki i nabroski 1884–1885 gg. [Drafts and sketches of 1884–1885]. In: Kolli, L. & Montinari, M. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Translated from German by V. Bakusev. Vol. 11. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
25. Shelkovnikov, A.Yu. (2012) Yu.M. Lotman – filosof [Yu.M. Lotman, the philosopher]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1:3. pp. 16–20.
26. Lotman, Yu.M. (1993) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra. pp. 368–376.

Received: 05 May 2017

СТЕРЕОТИПНЫЕ СИТУАЦИИ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Предпринята попытка выделить особенности сельских стереотипов в сопоставлении с городскими. Структурно-тематическая организация стереотипов диалогического общения в ситуациях повседневной сельской коммуникации связана с соединением признаков общения в стереотипных ситуациях с незнакомыми людьми и признаков общения со знакомыми. Представлен анализ структуры сельских стереотипов на уровне как обязательных, так и необязательных элементов; кроме того, исследуется их тематический диапазон.

Ключевые слова: стереотип; стереотипные ситуации общения; языковое существование; сельская коммуникация; сельский стереотип; структурно-тематическая организация.

Введение. Яркой чертой коммуникативной среды села является ее открытость, обусловленная прежде всего фактором личного знакомства жителей друг с другом, для которых, как отмечает Р.Ф. Пауфощима, характерны «более крепкие связи со своим обществом», осознание своей принадлежности «к определенному сообществу, к населению своей деревни» [1. С. 41]. Сказанное так или иначе находит отражение в языковом существовании сельских жителей – в частности, в ситуациях общения, которые традиционно называют стереотипными.

Стереотипные ситуации общения в сельской коммуникации: общая характеристика. Традиционно стереотипы в коллоквиалистике рассматриваются как «ситуативные клише, в основе которых лежит речевой автоматизм, объясняющийся частой повторяемостью жизненных ситуаций, к которым прикреплена речь» [2. С. 15]. Стереотипные ситуации, занимающие особое место в общении горожан, находят вербальное воплощение в жанре «городского стереотипа». Под городскими стереотипами понимаются «малые жанры разговорной речи, которые реализуются в высокочастотных ситуациях повседневного городского общения между незнакомыми людьми в форме определенного набора речевых и прагматических клише» [3. С. 258]. В зависимости от сферы употребления различаются стереотипы домашние и городские. Среди городских ситуаций-стереотипов выделяются такие, например, как общение в транспорте, магазине, на улице и т.п. Подобные ситуации М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой делятся на два типа: 1) не допускающие существенных отклонений от стереотипных моделей общения («Транспорт», «Сберкасса» и т.п.) и 2) характеризующиеся возрастанием роли индивидуального, личностного начала («Рынок», «Очередь») [3]. Стереотипным ситуациям, регулярно возникающим в процессе повседневного языкового взаимодействия (как правило, незнакомых людей), свойственно противопоставление двух основных признаков: с одной стороны, они носят официальный характер, а с другой – обнаруживают влияние фактора неподготовленности.

В отличие от города, важной характеристикой села признаётся значимость такого фактора, как личное знакомство жителей друг с другом. В селе возникает особая коммуникативная среда, для которой характерно близкое общение местных жителей друг с дру-

гом, обязательное приветствие человека при встрече, вопросы о личной жизни – всё то, что городским жителям кажется несколько странным. Об этом Т.Е. Помыкалова, Т.Я. Шишкина, Л.А. Шкатова пишут следующее: «Студенты, участвующие в диалектологических экспедициях, не могут привыкнуть к тому, что незнакомые люди на селе с ними не только здороваются, но и вступают в беседу: “А вы к кому?”, “А вы ей кто?”... Для горожан такие расспросы чужого человека – неприличное любопытство» [4. С. 26]. По мнению А.В. Шпилова, подобное речевое поведение объясняется тем, что «информационная среда деревни разрежена, поэтому коммуникация здесь столь интенсивна» [5. С. 40]. Сельский житель и трудится, и отдыхает в основном вне дома, у селянина «нет желания уединиться – у него есть желание объединиться, пообщаться, прийти на завалинку к людям, а не уйти от них во внутрь собственного “я”, так как, по сравнению с городом, вокруг сельского жителя мало людей, он постоянно испытывает дефицит в общении и контактах» [Там же]. Поэтому в стереотипных ситуациях наблюдается сокращение дистанции общения, которое приобретает неофициальный характер. Данное экстралингвистическое обстоятельство не может не отразиться в структурно-тематической организации диалогических текстов, возникающих в таких ситуациях.

Нами предпринята попытка выявить особенности реализации сельских речевых стереотипов на примере коммуникативных ситуаций «Магазин», «Аптека», «Почта», «Рынок». Материалом для наблюдения послужила устная речь жителей двух районов Приморского края: Лазовского (с. Лазо, с. Глазковка, с. Валентин и др.) и Черниговского (с. Черниговка, пос. Реттиховка и др.); использованы «ручные» записи (более 600 словоупотреблений) и аудиозаписи (более 100 минут звучания).

Структурные особенности сельских стереотипов. В структуре диалогов, возникающих в стереотипных ситуациях, исследователи языка города выделяют жанрово-тематическое ядро, соответствующее той или иной ситуации (общение в городском транспорте, магазине, на улице и т.п.). Жанрово-тематическое ядро представляет собой инвариантную модель, состоящую из нескольких стереотипных микроситуаций, отражающих основные намерения участников взаимодействия [2]. Например, в структуре стереотипной ситуации городского общения «Магазин»

выделяются следующие микроситуации: «Начало покупки», «Выбор товара», «Покупка», «Расчёт», «Завершение покупки». Как показали наши наблюдения, в стереотипных ситуациях сельского общения отдельные микроситуации, характерные для городского общения, не реализуются: например, в стереотипной ситуации «Магазин» факультативной часто оказывается микроситуация «Завершение покупки». Например, продавец может начать разговор с другим покупателем сразу после расчета:

Продавец: *Двести сорок пять/ пятьдесят//*

Покупатель: *А[ʔ]а//*

Продавец: *Пятьдесят четыре вам// (обращается к другому покупателю) Здравствуйте//*

Возможна и ситуация, когда покупатель после (или во время) расчета с продавцом ведёт диалог с другим покупателем из очереди:

(продавец взвешивает фрукты и овощи)

Покупатель 1: *Сколько с меня?*

Продавец: *Триста восемьдесят четыре//*

Покупатель 1: *(отдаёт деньги, обращается к Покупателю 2) На День выпускников придёшь? У вас же юбилейный выпуск?*

Покупатель 2: *Нет/ уеду уже// А у нас разве юбилейный?*

Покупатель 1: *А вы какого года?*

Покупатель 2: *Две тысячи седьмой//*

Покупатель 1: *А нет/ это кто-то другой значит// Ну ладно/ пойду я/ (к Покупателю 2) давай обнимашки//*

В стереотипах сельской коммуникации «Магазин» и «Рынок» нами выделена особая микроситуация «Товар под запись»: возможны ситуации, когда товар продается «в долг», продавец записывает фамилию покупателя, название товара и сумму, которую покупатель обязуется вернуть. Данная микроситуация не является обязательной и сопровождается речевыми клише типа *Запиши меня; Запишешь?; Пиши* и т.п. Так, в ситуации «Магазин» покупатель просит записать его фамилию в «книгу должников», при этом он не спрашивает о возможности выдачи товара под запись, поскольку сама эта возможность осознается коммуникантами как допустимая:

Продавец: *Ага/ вместе семьсот рублей//*

Покупатель: *Ну Лен/ мы потом/ или К./ или Б. пиши//*

Продавец: *Ага//*

Покупатель: *Или назад/ или деньги принесу/ ага?*

Продавец: *Хорошо//*

Покупатель: *Спасибо//*

Приведем аналогичный пример в ситуации «Рынок»:

Покупатель (продавцу): *А мы сейчас пойдём пройдем магазины и придём/ не продавай тогда//*

Продавец: *Хорошо//*

Покупатель (обращается к дочери): *Так/ я могу записать тогда или у тебя есть деньги?*

Дочь покупателя: *Да я отдам деньги/ я могу сейчас отдать//*

Покупатель: *А/ ну мы можем потом занести//*

Во всех подобных ситуациях выдача товара «под запись» основывается только на доверии продавца

покупателю, так как не закрепляется юридически. Такая ситуация возможна благодаря фактору личного знакомства посетителя и продавца.

Следует отметить, что особенности структуры стереотипных ситуаций сельского общения не касаются обязательных микроситуаций, образующих жанрово-тематическое ядро. Например, для ситуации «Магазин» обязательными элементами являются покупка и расчёт (они всегда входят в состав сельских стереотипов), но, по сравнению с аналогичными микродialogами в ситуациях городского общения, есть некоторая специфика их реализации, также обусловленная фактором личного знакомства. В первую очередь, это проявляется в неформальном общении продавцов и покупателей, которое реализуется в использовании местоимения *ты* и глагольной формы 2-го лица единственного числа, особых форм обращений, особых формул приветствия и прощания и т.п. Например:

Покупатель: *Юль/ привет//*

Продавец: *Привет//*

Покупатель: *Что это?*

Продавец: *А/ там уценёнка//*

Покупатель: *Лен/ нам надо варешки/ есть у вас?*

Продавец: *Щас посмотрим//*

Покупатель: *Девочки/ дайте нам сметанки//*

Продавец: *Что дать?*

Покупатель: *Сметанки/ в этой прозрачной/ и чепуре (нрзбр.) / Тань//*

Исследователи городского общения подчёркивают важность учёта симметричности-несимметричности ролевых отношений говорящих в стереотипных ситуациях [2. С. 181]. Однако личное знакомство влияет на проявление подобной субординации в сельской коммуникации. Например, в ситуации «Магазин» ни продавец, ни покупатель не используют речевые средства, подчёркивающие вежливое отношение (обращение на «Вы» или по имени и отчеству, употребление глагольной формы множественного числа и т.д.), что указывает на их знакомство. В то же время использование глаголов в форме императива покупателем указывает на то, что его статус в микроситуации «Покупка товара» выше статуса продавца (данное обстоятельство отмечают и исследователи языка города):

Покупатель: *И два мороженых дай/ вот этих вот с джемом киви/ в стакан... в рожке/ вот этих//*

В условиях коммуникации города обращение на «ты» и по имени в подобной ситуации считается невежливым, нарушает границу «личная / неличная коммуникация», однако в условиях сельской коммуникации оно является приемлемым, более того, нормальным. Подобное функционирование языковых средств указывает на различное проявление категории вежливости в одной и той же стереотипной ситуации в условиях сельского и городского общения. С точки зрения Е.А. Земской, «многим русским присуща солидарная (то есть позитивная) вежливость», однако автором одновременно отмечается и «тяготение многих русских к дистанционной [негативной]. – Т.Ф.]

вежливости» [6. С. 576]. Применительно к нашему материалу солидарная (позитивная) вежливость оказывается характерной для сельского общения, в отличие от городского общения, которому более свойственна дистанционная (негативная) вежливость в тех же стереотипных ситуациях.

Неформальность общения прослеживается и в других стереотипных ситуациях сельского общения. Например, в ситуации «Почта» клиент обращается к работнику почты с просьбой узнать о причине задержки журнала «Зимняя вишня»: *Юль/ ты не забудешь про «Зимнюю вишню»? Вот в конце июня нам приходит/ и не было.*

Таким образом, структурные особенности сельских стереотипов обусловлены фактором личного знакомства и проявляются, во-первых, в их особом составе (например, возникают особые микроситуации), во-вторых, в неполной реализации языковых средств, отражающих ролевую субординацию участников коммуникации.

Тематические особенности сельских стереотипов. Яркой особенностью диалогов, протекающих в стереотипных ситуациях сельского общения, является их специфическая политематичность. По нашим наблюдениям, обычно возникают две темы, соответствующие разным типам общения: тема, связанная со стереотипной микроситуацией, и тема, обусловленная личным знакомством коммуникантов. Первая тема зависит от таких факторов, как место, цель посещения данного места, и определяет построение диалога в соответствии со структурой стереотипа, как правило, реализующегося в данных условиях. Вторая тема обычно касается личной жизни говорящих и возникает под влиянием таких факторов, как неофициальные отношения между говорящими, непринужденность их контактов, общность апперцепционной базы и т.п. Такая политематичность подобна тематической полифонии, описанной Е.А. Земской в качестве характерного средства непринужденного диалога и заключающейся в том, что «диалог идет сразу по двум (реже – больше) тематическим линиям, так как разные собеседники ведут разные темы» [7. С. 235].

Общение на личные темы возникает в различных стереотипных ситуациях сельского общения. Обсуждение личной жизни может протекать во всех микроситуациях, реализуемых в рамках одной стереотипной ситуации, таким образом, тематическая реализация стереотипов подвергается влиянию фактора личного знакомства даже на уровне их обязательных структурных элементов [8–11]. Проиллюстрируем данное наблюдение несколькими фактами.

В ситуации «Почта», например, обязательный элемент «Приветствие» сопровождается вопросом работника почты о личной жизни клиента.

Работник почты: *Здравствуйте!*

Клиент: *Здравствуйте!*

Работник почты: *Чё замуж не выходишь?*

Клиент: *Я?*

Работник почты: *Конечно!*

Клиент: *Да надо сначала маму выдать/ потом уже я!*

(далее говорят об оплате коммунальных услуг)

Еще один пример: в ситуации «Аптека» обсуждение личной сферы жизни происходит в микроситуации «Выбор товара»:

Покупатель: *Оля/ нам что-нибудь от дисбактериоза посоветуй пжлста!*

Продавец: *От дисбактериоза вот «Бифиформ»/ удобно/ его один раз надо в день пить/ одну капсулу утром/ и всё! У меня Танька тоже мучилась/ всё эта студенческая еда/ а это даже она пьёт!*

Покупатель: *Ну давай его!*

Обсуждение личной жизни может происходить и в нескольких микроситуациях, составляющих стереотип, как, например, в ситуации «Магазин»:

Начало покупки:

Покупатель: *Здравствуйте!*

Продавец: *Здравствуйте!*

Выбор товара:

Покупатель: *Нам пожалуйста дайте ручку/ дешёвенькую/ бабушке писать синей пастой!*

Продавец: *Угу! Вот за семь рублей!*

Покупатель: *Оль это ты/ да?*

Продавец: *Да!*

Покупатель: *А чё я тебя не узнала?*

Продавец: *Да? А чё я изменилась так?*

Покупатель: *Да не знаю!*

Продавец: *Вот смотрите/ какая хорошая...*

Покупатель: *Постоянно тут будешь?*

Продавец: *Нет / Таня в отпуск!*

Покупка:

Покупатель: *Ага! Сколько она стоит?*

Продавец: *Семь рублей!*

Покупатель: *Ой! Ну давай две тада! Только вторую тоже проверь!*

Продавец: *Угу!*

(микроситуация «Расчёт» не сопровождается вербально, а представлена только акционально: покупатель отдаёт деньги, продавец их принимает)

Покупатель: *А здесь хорошо/ спокойненько/ да?*

Продавец: *Ну вот/ уже диски пересмотрела/ без клиентов сидеть!*

Покупатель: *Ой! Я б от такой работы тоже бы не отказалась!*

Продавец: *Я наоборот/ не могу/ чё-то не могу! Тем более нет обеда!*

Покупатель: *А сидеть не хочешь/ да?*

Продавец: *Да получается и тут ничё! Ну/ я сейчас ещё дорабатываю ещё/ ещё две смены!*

Покупатель: *Ага!*

Продавец: *Это будем как в охране там!*

Покупатель: *А ты и там и тут/ да?*

Продавец: *Угу!*

Покупатель: *Угу!*

Непосредственно с ситуацией купли-продажи в данном примере связаны только несколько реплик, которые соотносятся с традиционными микроситуациями:

Начало покупки:

Покупатель: *Здравствуйте!*

Продавец: *Здравствуйте!*

Выбор товара:

Покупатель: *Нам пожалуйста дайте ручку/ дешёвенькую/ бабушке писать синей пастой!*

Продавец: *Угу// Вот за семь рублей//*

Покупка:

Покупатель: *Ага// Сколько она стоит?*

Продавец: *Семь рублей//*

Покупатель: *Ой! Ну давай две тада// Только вторую тоже проверь//*

После расчёта диалог продолжается, но уже только на личные темы: покупатель спрашивает продавца о причинах работы в данном магазине, при этом покупатель знает об основном месте работы продавца, несмотря на то, что они какое-то время не виделись.

Таким образом, для диалогов, возникающих в повторяющихся ситуациях сельского бытового общения, характерна политематичность, заключающаяся в общении не только на темы, связанные со стереотипной ситуацией, но и на темы личной жизни, что обусловлено знакомством коммуникантов друг с другом. Общение на личные темы происходит даже в обязательных микроситуациях, составляющих структурное ядро стереотипа.

Заключение. Специфика языкового существования жителей села в стереотипных ситуациях общения обусловлена влиянием сельского уклада жизни, прежде всего, фактором личного знакомства.

Структура сельских стереотипов отличается от традиционной структуры стереотипов городских особым составом и неполной реализацией языковых средств, отражающих ролевую субординацию участников коммуникации, что связано с фактором личного знакомства. Однако такие особенности не затрагивают традиционных микродиалогов, составляющих жанрово-тематическое ядро ситуации.

Тематика общения в сельских стереотипных ситуациях ограничена не только кругом тем, традиционных для официального общения, но и включает обсуждение личной жизни коммуникантов, которое может происходить даже в микроситуациях, составляющих ядро стереотипной ситуации и имеющих предельно клишированную структуру в условиях городской коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // *Язык и личность*. М. : Наука, 1989. С. 41–48.
2. Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е.Л. Земская, Л.А. Капападзе. М., 1978. С. 3–27.
3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М. : Языки славянских культур, 2010. 496 с.
4. Помыкалова Т.Е., Шишкина Т.Я., Шкатова Л.А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (к проблеме «язык города») // *Городское просторечие. Проблемы изучения*. М. : Наука, 1984. С. 162–173.
5. Шипилов А.В. Иное города. Крестьянский мир // *Человек*. 2006. № 2. С. 34–45.
6. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
7. Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринуждённого диалога // *Разновидности городской устной речи*. М. : Наука, 1988. С. 234–240.
8. Николаева Т.М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
9. Капападзе Л.А. О жанрах неофициальной речи // *Разновидности городской устной речи*. М., 1988. С. 230–234.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.
11. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Городские стереотипы в функционально-стилистическом аспекте // *Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелёв*. М. : АСТ-Пресс Книга, 2011. С. 346–353.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2017 г.

THE STEREOTYPICAL SITUATION OF RURAL COMMUNICATION: FEATURES OF STRUCTURAL AND THEMATIC ORGANIZATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 67–71.

DOI: 10.17223/15617793/419/8

Tatiana V. Frolova, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: tanyakorobkov@gmail.com

Keywords: stereotype; stereotypical situation of communication; linguistic existence; rural communication; rural stereotypes; structural and thematic organization.

The aim of the study is to identify the features of the implementation of rural speech stereotypes using the example of communicative situations: “Store”, “Pharmacy”, “Post office”, “Market”. The material was the oral speech of residents of Lazovsky and Chernigov regions of Primorsky Krai; audio recordings and manual recordings of informants’ speech, received by methods of hidden and included observation. Stereotyped situations that arise regularly in everyday language interaction (in a city, as a rule, among strangers) are characterized by the opposition of two main features: on the one hand, they are official in nature and, on the other, they reveal the influence of the factor of unpreparedness. Unlike the city, an important feature of the communicative environment of the village is the importance of personal acquaintance of residents with each other, which is reflected both in the structural and thematic features of dialogues that regularly arise in the everyday language existence of the villagers. The structural features of rural stereotypes are manifested, first of all, in their composition, as well as in the optional nature of certain micro-situations for situations of the same type. The peculiarities of the structure of stereotypical situations of rural communication do not concern mandatory micro-situations that form the genre-thematic core. There is a certain specificity in the implementation of rural stereotypes: first of all, the frequency of informal communication between sellers and buyers, which is found in the special functioning of language means and indicates a different manifestation of the politeness category in stereotype situations of the same type in rural and urban communication. Solidarity (positive) politeness is characteristic for rural communication, whereas urban communication, as a rule, is characterized by remote (negative) politeness. Dialogues in stereotypical situations of rural communication are characterized by specific polythematism. Usually there are two themes that correspond to different types of communication: a topic related to a stereotypical micro-situation, and a topic conditioned by the acquaintance of communicants (usually it concerns the personal life of the speakers and can be implemented in all, even mandatory, micro-situations within one stereotypical situation). Thus, the specifics of the linguistic

existence of villagers in stereotyped communication situations is primarily due to the influence of the factor of personal acquaintance. The structure of rural stereotypes differs from the traditional structure of urban stereotypes by special composition and incomplete use of linguistic means that reflect the role subordination of communication participants. However, such features do not affect the traditional micro-dialogs that make up the genre-thematic core of the situation. The topic of communication in rural stereotypical situations is limited not only by the range of topics traditional for formal communication, but also includes a discussion of personal life that can occur even in micro-situations that are part of the core of a stereotypical situation.

REFERENCES

1. Paufoshima, R.F. (1989) Zhitel' sovremennoy derevni kak yazykovaya lichnost' [A resident of a modern village as a language personality]. In: Shmelev, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow: Nauka.
2. Zemskaya, E.L. & Kapapadze, L.A. (eds) (1978) *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech. Texts]. Moscow: Nauka.
3. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2010) *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale yazyka Moskvy* [Linguistic existence of a modern citizen: On the material of the language of Moscow]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Pomykalova, T.E., Shishkina, T.Ya. & Shkatova, L.A. (1984) Nablyudeniya nad rech'yu zhiteley g. Chelyabinska (k probleme "yazyk goroda") [Observations over the speech of residents of Chelyabinsk (to the problem of "language of the city")]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Gorodskoe prostorechie. Problemy izucheniya* [Urban vernacular. Problems of study]. Moscow: Nauka.
5. Shipilov, A.V. (2006) Inoe goroda. Krest'yanskiy mir [The other of a city. Peasant world]. *Chelovek*. 2. pp. 34–45.
6. Zemskaya, E.A. (2004) *Yazyk kak deyatel'nost': Morfema. Slovo. Rech'* [Language as activity: Morpheme. Word. Speech]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Zemskaya, E.A. (1988) Politematichnost' kak kharakternoe svoystvo neprinuzhdenogo dialoga [Polythematicity as a characteristic property of unconstrained dialogue]. In: Shmelev, D.N. & Zemskaya, E.A. (eds) *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of urban oral speech]. Moscow: Nauka.
8. Nikolaeva, T.M. (2000) *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Kapanadze, L.A. (1988) O zhanrakh neofitsial'noy rechi [On the genres of informal speech]. In: Shmelev, D.N. & Zemskaya, E.A. (eds) *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of urban oral speech]. Moscow: Nauka.
10. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryaev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.
11. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2011) Gorodskie stereotipy v funktsional'no-stilisticheskom aspekte [Urban stereotypes in the functional-stylistic aspect]. In: Shmelev, A.D. (ed.) *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of the culture of speech]. Moscow: AST-PRESS KNIGA. pp. 346–353.

Received: 08 May 2017

Г.А. Шпилева, И.А. Бахметьева, В.В. Безрукова

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА А.С. ПУШКИНА И М.Н. ЗАГОСКИНА: О ПОЭТИКЕ КЛАССИЧЕСКОГО И БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Проводится сопоставительный анализ поэтологических данностей романа М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) и наброска романа А.С. Пушкина «Рославлев» (1831). Авторы данной работы предпринимают попытку, вслед за авторитетными предшественниками, объяснить некоторые аспекты художественного мышления писателей, создающих исторический роман. Рассматриваются стиль, жанровые особенности, фабульно-сюжетные отношения, субъектные сферы, а также системы персонажей произведений – беллетристического (загоскинского) и «классического» (пушкинского).

Ключевые слова: А.С. Пушкин; М.Н. Загоскин; классика; беллетристика; исторический роман.

3 сентября 1831 г. А.С. Пушкин написал П.А. Вяземскому (из Царского Села в Москву) по поводу вышедшего романа М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) следующее: «То, что ты ты говоришь о Рославлеве, сушая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер-Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: *что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть с удовольствием* (итого 3 строчки 1/2)» [1. С. 380–381].

Оценка, как видно, сдержанно положительная. В том же 1831 г. Пушкин написал свой вариант «Рославлева», по поводу которого в литературоведении до сих пор задаются вопросы: «Зачем создал?» [2. С. 11]; «Законченное это произведение (в жанре “фрагмента”) или всего лишь набросок предполагаемого романа?» и пр. Примеры литературного *открытого* диалога в творческой биографии Пушкина не единичны (вспомним «Русский Пелаг», 1834–1835), так что жанр «соперничества» можно рассматривать как данность.

Анализируя некоторые пушкинские высказывания, П. Дебрецени полагал, что писатель создавал «откровенно полемическое произведение “Рославлев”», который «был направлен против одноименного романа М.Н. Загоскина» [3. С. 149]. Исследователь также отметил, что Пушкин «исправил» загоскинский роман, «написав собственный пародийный вариант» [Там же. С. 163].

П. Дебрецени сделал ценное замечание, посмотрев на данную ситуацию с другой стороны: «Работая над “Рославлевым”, Пушкин отнюдь не затевал творческую дуэль с Загоскиным; напротив, именно Загоскин бросил ему вызов почти откровенными намеками на “Онегина” в своем “Рославлеве”. Загоскин не только заимствовал из “Онегина” фамилии Ленский и Зарецкий, но и назвал Ольгой младшую сестру Полины. <...> Загоскин, кажется, хочет сказать, что простушки Ольги предпочтительнее вдумчивых Полин и Татьян» [Там же. С. 151].

Существует и другая оценка пушкинского литературного поступка: «Пушкин своей повестью как бы отвечал Загоскину. У Загоскина в числе действующих лиц находятся Полина и Сеникур, но события развиваются иначе»; «Полемическая направленность пушкинской повести заключается в противопоставлении реакционному национализму Загоскина своего, широ-

кого и подлинно демократического патриотизма», – читаем в Примечаниях к пушкинскому десятитомнику, изданному в 1949 г. [4. С. 754].

При всем разнообразии мнений исследователи единодушно сходятся в том, что учитывая «претекст» (т.е. загоскинский роман), а также существующие реальные истории о бракосочетании пленного француза и русской дворянки, Пушкин создал произведение, где «авторское видение», безусловно, «объемно». Отталкиваясь от манеры Загоскина, Пушкин позволил своим героям «вписать» себя в историю, а не просто жить в назначенных ею пределах» [5. С. 21].

На вопрос: «Зачем классик (писатель, чьи произведения стали “живым достоянием не только национальной, но и мировой литературы [6. Т. 6. С. 157]”) идет вслед (или рядом) за беллетристом (автором “легкого чтения”, по определению В.Г. Белинского)?» – отчасти ответил Т.С. Элиот. По мнению ученого, каждому поэту (большому или скромному) не избежать традиции, а традиция – это «чувство истории», «ощущение слитности непреходящего и преходящего». Традиция позволяет творцу «осознать свое место во времени, свою современность» и «обостренно ощущать движение главного потока» [7. С. 170–171].

Одним из «главных потоков» в русской литературе 1831 г. можно считать становление прозы, а материалом, который питал этот процесс, стал легендарный 1812 г., давший мощный толчок развитию искусства в целом.

Сопоставляя поэтологические данности двух «Рославлевы» (загоскинского и пушкинского), попытаемся еще раз, вслед за своими авторитетными предшественниками, объяснить некоторые аспекты художественного мышления писателей. В поле зрения попадут *стиль, жанровые особенности, фабульно-сюжетные отношения, субъектные сферы, а также системы персонажей* романов.

I. *О стиле.* Очевидно, что первые читательские реакции базируются на впечатлениях, полученных от «звучания» начальных фраз произведения, иными словами, от *стиля* – «устойчивой общности образной системы, средств художественной выразительности, характеризующей своеобразие творчества писателя» [6. С. 420].

Начнем с загоскинского романа (опустив авторские предисловие и вступление, содержащее цитату из «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинки и комментариев к ней «нейтрального» повествователя) – с описания главного героя: «В одной из боковых аллей

Невского бульвара сидел на лавочке молодой человек лет двадцати пяти; он чертил задумчиво своей палочкой по песку, не обращая никакого внимания на гуляющих и не подымая головы даже и тогда, когда проходили мимо его первостепенные красавицы петербургские, влеча за собою взоры и сердца ветреной молодежи и вынуждая невольные восклицания пожилых обожателей прекрасного пола. Но зато почти ни одна дама не проходила мимо без того, чтоб явно или украдкой не бросить любопытного взгляда на этого задумчивого молодого человека. Благородная наружность, черные как смоль волосы, длинные, опущенные книзу ресницы, унылый, задумчивый вид – все придавало какую-то неизъяснимую прелесть его смуглому, но прекрасному и выразительному лицу» [8. С. 29]. Далее сообщается, что дамы находили в герое черты Малек-Аделя из романа М. Коттон «Матильда, или Крестовые походы».

Обратимся к Пушкину. После того, как рассказчица упомянула «г. Загоскина» и заявила, что будет «защитницею тени» своей подруги Полины, читаем следующее: «Меня вывезли в свет зимою 1811 года. Не стану описывать первых моих впечатлений. Легко можно себе вообразить, что должна была чувствовать шестнадцатилетняя девушка, променяв антресоли и учителей на непрерывные балы. Я предавалась вихрю веселия со всюю живостию моих лет и еще не размышляла... Жаль: тогдашнее время стоило наблюдения. Между девицами, выехавшими вместе со мною, отличалась княжна ** (г. Загоскин назвал ее Полиною, оставляю ей это имя)» [6. С. 199].

Фрагмент по-старинному занимательного, насыщенного историческими фактами, очень доброго романа Загоскина изобилует весьма банальными определениями (что часто встречается в романах беллетристического уровня): «первостепенные» (красавицы), «ветреной» (молодежи), «прекрасного» (пола), «любопытного» (взгляда), «задумчивого» (человека), «благородная» (наружность), «черные» (волосы), «длинные», «опущенные» (ресницы), «унылый», «задумчивый» (вид), «неизъяснимую» (прелесть), «смуглому», «прекрасному», «выразительному» (лицу). Данная семантическая картина выполнена «мелкими штрихами» («мазками»), что, конечно, не придает ей объемности. Кроме этого, беллетристический текст демонстрирует отсутствие подтекста, ибо вся информация лежит на поверхности, что не мобилизует внимание читателя, не настраивает его на серьезный лад. Литература «второго ряда» характеризуется «высокой степенью стандартизации» [9. С. 233], ее автор использует штампы, которые слишком легко, без напряжения воспринимаются.

Приведенный пушкинский фрагмент, напротив, содержит минимум определений, он лаконичен и, кажется, создан «широкими мазками» (если перейти на язык живописи). Информация содержится не только в самом тексте, но и в подтексте; художественная энергия творца сталкивает образы, создавая между ними напряжение: «еще не размышляла... Жаль». Сами отрицания («не стану описывать» и пр.) призывают читателя размышлять, догадываться, предполагать и т.д.

Таков побуждающий, «мускулистый» пушкинский стиль, представляющий субстанциальные (по Гегелю)

аспекты бытия, что является одной из основных черт литературы *классической*: ее текст неисчерпаем и постоянно «обнаруживает <...> свою скрытую ранее мощь» [10. С. 132].

II. *О жанровых особенностях*. А.М. Песков справедливо полагал, что Загоскин создал «исторический роман» [2. С. 9], при этом исследователь указывает на одну из причин активного развития этого жанра в «послебородинское» время: «Романы Вальтера Скотта переводятся в эти годы один за другим, с жадностью читаются, слава его в России растет, а вместе с ней усиливается и потребность в отечественном историческом романе» [Там же. С. 10].

Действительно, скоттовское открытие (изображение исторических событий в единстве с судьбой человека) было вполне добросовестно и удачно воспринято русским беллетристом. Частные жизни его героев (иногда это известные исторические деятели, например Д.В. Давыдов, М.А. Милорадович, А.С. Фигнер) – Полины, Ольги, Рославлева, Сеникура – протекают на фоне широкого социального полотна, как и положено в жанре романа.

Соединение частного и общего порой с излишним нажимом подчеркивается: «Но разве ты полагаешь, что влюбленный человек не думает ни о чем другом, кроме любви своей? Нет, Зарецкой! Прежде, чем я влюбился, я был уже русским...» [8. С. 31]. Как видно, с беллетристическим «легкомыслием» затрагивается серьезная проблема: соотношение частной жизни (любви) с долгом перед родиной – «священной любовью к отечеству». В связи с этим А.М. Песков отметил след другого жанра (трагедии) и влияние классицистического художественного метода: «Трагизм любовной коллизии загоскинского романа связан с классицистическим толкованием столкновения долга и страсти. Переведенная в план романа трагедия внесла в него и неприменный трагедийный элемент – смерть героя (героини), для которого нет выхода из создавшегося противоречия» [2. С. 14].

Жанр романа также предполагает изображение *расколовшегося* бытия, и все действия главного героя направлены на то, чтобы воссоздать цельный мир (как микро-, так и макро-). Благородный загоскинский Рославлев представлен в момент тяжелых раздумий о своей любви к Полине и о «тучах», нависших над Россией (1812 г.). Старый (довоенный) мир рухнул (описанию гибели привычного уклада жизни и любовной драмы посвящена значительная часть романа), и Рославлев, пройдя через страдания, соединяет свою судьбу с Ольгой. Его действия в роли русского офицера, защитника отечества также увенчались успехом, ибо «Москва в самом деле поправляется» [8. С. 370].

В загоскинском историческом романе описано немало приключений, которые могли бы украсить авантурный роман, а также роман «ужасов» в духе *madame Radcliffe* (имеется в виду история с «не совсем умершим» мертвецом): «...а покойник, как будто бы рассердясь за мою попытку, заскрипел зубами и, продолжая одной рукой давить мне грудь, схватил другою за горло» [8. С. 315]. Эта и некоторые другие истории, не имеющие отношения к общей фабуле, могут быть определены как жанр «вставных новелл», кото-

рые часто встречаются в приключенческом романе, например, лесежевского типа.

В произведении Загоскина, наряду с «законным» романским мышлением (направленным, прежде всего, на изображение исканий Личности, включенной в социум) и еще более древним – *этическим* (где изображение Истории – на первом плане, что наблюдаем в былинах), можно видеть след древнейшего *мифологического* мышления (абсолютный приоритет Природы, что свойственно мифу).

Изображение войны, подвигов всегда указывает на элементы древнего эпоса с его героической доминантой и патриотическим пафосом. У всех положительных персонажей романа, помимо их личных переживаний, присутствует и «ратный дух», который (как в древнем «Слове о полку Игореве», так и в историческом романе XIX–XX вв.) предстает в качестве «высшей инфрарачной ценности миропорядка» [11. С. 106]. Готовность Рославлева защищать родину, решение отказаться от личного счастья с Полиной – типичная *этическая* (нероманная) ситуация.

Мифологический элемент проникает в рассматриваемый роман через описание природы – в моменты значимого единения человеческих устремлений и надличностных природных явлений. В загоскинском произведении указанные ситуации особо подчеркиваются: с описания природы «в полном цвете», с предчувствия «отдаленного несчастья» (что, в свою очередь, связано с «сильною летнею грозою») начинается повествование.

Романная всеохватность и «всеядность» (возможность вмещать элементы других жанров и даже древнейших поэтологических данностей) позволяют даже «второразрядному» произведению не распасться и сохранить свою структурную целостность. При этом, конечно, загоскинский «Рославлев...» не преодолевает известную эклектику, однако этот недостаток отчасти восполняется за счет описания благородства, возвышенных чувств и добрых поступков персонажей¹.

Исследуя жанровую природу пушкинского наброска, вслед за авторами примечаний склоняемся к тому, что Пушкин создал «повесть» [6. С. 754]. С одной стороны, повесть, будучи жанром пластичным и динамичным, способна, по мнению В.Г. Белинского, «вместить в себе <...> и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокою игру страстей» [12. С. 112]. С другой стороны, повесть – жанр, не будучи *стереоскопичным* и объемным (в сравнении с романом), представляет лишь какую-либо «грань» жизни, что сужает поле действия героя до узко обозначенной цели, «задания» (по В.Я. Проппу) – последнее роднит повесть со сказкой.

В «Рославлеве» Пушкина, на наш взгляд, определенная *цель* сформулирована рассказчицей (о цели самого автора, которая могла бы воплотиться в сюжете законченного произведения, можно лишь догадываться): «Я буду защитницею тени, – и читатель извинит слабость пера моего, уважив сердечные мои побуждения» [4. С. 199]. Данную позицию главного субъекта речи можно расценить как особую авторскую стратегию: создание реалистической картины мира путем введения рассказчика, с которым «конце-

пированный автор» (Б.О. Корман) может и не соглашаться. Неизвестно, как далее рассказчица *защитила* Полины, но, *защитив*, по закону жанра она должна была бы завершить свое повествование, поскольку поставленная цель достигнута.

Хрупкость жанровой структуры повести, как известно, не позволяет соединить в ее сюжете несколько мотивов (тогда количество «целей» увеличилось бы), пример тому – незаконченная повесть «Дубровский», не совместившая двух «заданий»: «Активную роль Владимира в бунте трудно было примирить с другой его функцией – романтического любовника» [3. С. 166]².

Итак, Пушкин создал «плоскостную» повесть (в виде наброска), а Загоскин – «объемный» беллетристический роман, переполненный событиями, достаточно прямолинейно декларирующий воспитательные и просветительские цели. Упрощенность и некоторая примитивность обусловлены тем, что автор (Загоскин) «не вдавался» в «глубины философского, нравственного или социально-политического смысла тех или иных проблем», «решая их с позиций “общих”, с точки зрения “среднего” человека» [2. С. 6].

Пушкинский же отрывок как текст классического произведения демонстрирует поразительную глубину и многоплановость; если Загоскина более всего интересует «случай из жизни» (роман пестрит фрагментами, напоминающими жанр *исторического анекдота*, очень популярного в то время), то Пушкин создает «характер-концепцию», который едва намечен, но в нем уже просвечивает «сама жизнь человеческая» [13. С. 78].

III. *О субъектных сферах.* Нарративная картина загоскинского «Рославлева...» достаточно сложная: автор отдает право голоса и «нейтральному» повествователю (который порой становится страстным публицистом), и главному герою – Рославлеву, и персонажам разных социальных слоев и национальностей, что расширяет субъектные сферы романа.

Речь повествователя «полистилистична»: он может бесстрастно описывать гостинные, постоянные дворы, рассказывать о звоне валдайского колокольчика, барских конюшнях и пр. В этих случаях он является бытописателем. Но иногда повествователь становится идеологом, произносящим пространственные речи «в защиту отечества», и тогда «увлекательность <...> вытесняется “нравственным уроком”, который и сосредоточивается в идее, пронизывающей каждую сцену» [2. С. 13]. «Прямое» патриотическое слово повествователя, осуждающего дворянскую галломанию, прославляющего русское оружие, созвучно общему настроению национального подъема: «Наши летучие отряды, преследуя остатки бегущего неприятеля, перешли за границу. Их присутствие оживотворяло все сердца; храбрые пруссаки восстали первые, и когда спустя несколько месяцев надменный завоеватель, с мезью в сердце, с угрозой на устах, предводительствуя новым войском, явился опять на берега Эльбы, то тщетно уже искал рабов, покорных его воле: везде встречали его грудью свободные сыны Германии» [8. С. 291]. Однако надо отдать должное Загоскину и отметить, что он воспевал смелость и «сынов» Франции, например храбреца Шамбюра (предводителя *la compagnie infernale* – адской роты).

Роман изобилует громоздкими репликами диалогов, пространными монологами, «историями», рассказанными Зарецким, Сборским, Рославлевым, Двинским, Ленским и пр., которые, разумеется, изъясняются правильным *литературным* языком. Загоскин был участником войны 1812 г., ополченцем, имел награды за храбрость, что позволяло ему со знанием дела употреблять *профессиональные военные термины*, придающие повествованию известную достоверность. Любопытны *сказовые* вставки («кнутом перепояшу», «пострел его побери»), с одной стороны, оживляющие повествование, с другой стороны, придающие ему несколько театральный оттенок.

Пестрая языковая картина придает роману определенную объемность, что достигается и за счет частой смены субъектов речи. Данная ситуация напоминает о том, что «текст» – это еще и «самоописание жанра» [14. С. 248], в этом случае – романа беллетристического уровня.

Иное дело в маленьком пушкинском наброске, чьи субъектные сферы чрезвычайно сложны, перспективу движения «слова» персонажей невозможно предугадать (в отличие от «слова» в загоскинском романе, где читатель порой точно знает, *что* и *как* скажет герой), поскольку даже небольшой текст классической литературы неисчерпаем. Пушкинское повествование создает многомерную картину, при этом информация *поступает* как бы невзначай, и читатель получает массу органично сочетающихся сведений исторического, культурного, философского, социально-бытового, психологического планов. Пушкинское повествование демонстрирует цельность, неизменность «угла видения» рассказчицы. Лапидарная («неизбыточная») речь «подруги» Полины, как будто резцом выполненные фразы мгновенно передают психологическое состояние персонажей и определяют читательские внимание и настроение. Каждое пушкинское слово *неслучайно*, оно не содержит прямолинейную дидактику, не развлекает, не навязывает банальных истин: «Разнеслась весть о Бородинском сражении. Все толковали о нем; у всякого было свое самое верное известие, всякий имел список убитым и раненым. Брат нам не писал. Мы чрезвычайно были встревожены» [4. С. 211–212]. Поразительно пушкинское умение несколькими фразами создать столь объемный хронотоп!

Разворачиваясь «на пяточке», пушкинская рассказчица всего на нескольких страницах сообщила многие приметы времени: об Иностранной Коллегии, где можно было не служить, а «считаться» (числиться), о «заслуженных» чиновниках, чей статус определялся в основном тем, что они ездили «цугом», о составе частных библиотек («от Монтескье до романов Крепильона» и Руссо), об исторических событиях 1812 г. – эвакуации, приезде государя и пр. Не забыты и особенности частной жизни: в центре внимания рассказчицы – трагедия ее семьи (гибель брата) и складывающийся любовный треугольник (Алексей – Полина – Синекур).

Намеревался Пушкин продолжить работу над своим наброском, хотел он ограничиться *одной* рассказчицей или создать «полиавторскую» прозу (подобно «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина») –

этого мы не узнаем никогда, однако имеющийся текст «Рославлева» демонстрирует «плюрализм языковых кодов» [14. С. 153], что достигается различными способами, например путем приведения «чужих» и «своего» мнений.

О сложностях и даже противоречиях в нарративной пушкинской картине писал П. Дебрецени: «...повествовательница и повествование не составили единого художественного целого» [3. С. 153]. По мнению исследователя, «сначала повествовательница говорит своим голосом, преследуя собственные цели, но потом Пушкин полностью вытесняет повествователя-мемуаристку и создает сложный образ, не соответствующий ее исходным намерениям» [Там же].

Как видно, исследователь полагает, что рассказчица не вполне соответствует уровню «концепированного автора», однако напомним, что предоставляя слово женщине, Пушкин упомянул мадам де Сталь и кн. Дашкову (как близких по духу Полине и ее подруге-рассказчице). Эти реальные исторические персоны, с их образованностью и высоким общественным статусом, были собеседницами своих самых культурных современников и могли бы (при определенном хронологическом сдвиге) разделять беседу с самим Пушкиным. Именно поэтому благородная и искренняя рассказчица наделена функциями «восприятия и фиксирования» [15. С. 405], и ее оценке вполне доверяет «концепированный автор» (т.е. автор как «точка зрения», по терминологии Б.О. Кормана).

Очевидно, что классик Пушкин напряженно ищет способы повествования для *новой* русской прозы (на это, в частности, указывает динамичный и напряженный ритм [16. С. 22]³ повествования рассматриваемого отрывка – от «шутливого» до «вдохновенного» слова, которые неоднократно сменяют друг друга). Впрочем, беллетрист Загоскин на своем уровне ведет сходные «нарративные» поиски, на что указывает «слово» его повествователя: «Несмотря на строгую взыскательность некоторых критиков, которые бог знает почему никак не позволяют автору говорить от собственного своего лица с читателем, я намерен, оканчивая эту главу, сказать два слова об одном не совсем еще решенном у нас вопросе...» [8. С. 230]⁴.

IV. *Особенности фабульно-сюжетных отношений*. Сюжет («последовательность действий в произведении, художественно организованная через пространственно-временные отношения и организующая систему образов» [17. С. 13]), как это чаще всего бывает в «легком чтении», *равен* фабуле («событийный ряд», который «организован, в отличие от сюжета, не по законам искусства, а по логике жизни» [Там же. С. 18]), если не считать некоторых несложных перестановок в хронологическом ряду, например воспоминаний о событиях, случившемся прежде – в прошлом. Загоскинский Рославлев «движется» в рамках создаваемого беллетристом хронотопа: встречается со старыми знакомыми (что происходит удивительно часто (как в сказках) – в поместьях, сражениях, в процессе путешествий – «на дороге»), которые рассказывают ему о своих приключениях (иногда об этом общается повествователь). Рославлев, в свою очередь, делится с приятелями своими переживаниями.

Иногда автор слишком *далеко отходит* от главного героя (описывая нравы, сражения, приключения других персонажей), и чтобы, не нарушая событийной логики, «вернуться» к Рославлеву – структурному центру романа, автору-беллетристу порой явно недостает глубины и тонкости психологизма, сюжетной органичности, свойственных классике. Здесь на помощь приходят «вдруг» («не прошло и пяти минут, как вдруг ему послышались близкие голоса» [8. С. 62]), всякого рода предсказания, например сумасшедшей Федоры, появляющейся в «критические» для сюжета моменты. Мистический персонаж Федора не раз спасала ситуацию, создавая «скрепы» там, где художественная логика ослабевала. Чудесные совпадения, дивные (нереальные) случайные встречи, переопределения, неузнавания (напоминающие театральные представления), удивительные «параллелизм» и «парность» – частый прием сюжетостроения: «Зарецкой спасает Сеникура от смерти <...>, Сеникур спасает Зарецкого в занятой французами Москве, Шамбюр бережно обращается с пленным Рославлевым» [2. С. 19] и т.д.

Главной «движущей силой» загоскинского сюжета является динамика соединения (в самых неожиданных и остроумных вариантах) двух планов: частного (любовный треугольник: Рославлев – Полина – Сеникур) и общего – исторических событий 1812 г. Описание гостиных, конюшен, поместий, разговор бабушки и внука, ссоры за обедом мгновенно могут смениться изображением сражений, московского пожара, передвижения войск и пр. Загоскин виртуозно (для беллетриста) «переключает планы», и этому процессу помогает сам реальный исторический материал: все вовлечены в общее дело, всех объединяет единая мысль – изгнать врага, пришедшего на русскую землю, занявшего Москву, Кремль.

В романе Загоскина все предельно просто, ясно и понятно, каузальные связи выстроены примитивно: повествователь, отталкиваясь от какого-либо частного положения (например, о том, что Наполеон жил в Кремле), моментально переходит к рассказу о том, что тем временем происходит в «богатейших наших провинциях», в русском военном лагере, во «французской армии» – так создается пространственная картина (*topos*) романа при *симультанно* очерченном образе времени (изображение разных событий, протекающих одновременно). Иногда, дабы придать своему сочинению максимальную достоверность, автор создает иллюзию точного следования календарю: «Все это происходило в конце сентября месяца», «действие происходит уже в ноябре месяце 1813 года...», «прошлого года, после сражения под Борисовым...» [8. С. 43].

Порой Загоскин «обнажает прием» и как *честный* сочинитель-беллетрист сообщает, что всего точно и подробно не опишешь, ибо «роман не история», но при этом надо соблюдать «порядок нашего повествования» [Там же. С. 288]. Так создавался сюжет занимательного романа, наполненного историческими событиями, которые излагались согласно официально принятой идеологии.

Иное дело в классической литературе, даже если это всего лишь небольшой набросок. В беллетристике, как мы убедились, сюжетные и фабульные собы-

тия определяются «прямой причинно-следственной логикой» [17. С. 19]. В классическом художественном произведении авторские стратегии сюжетосложения уникальны, поскольку нешаблонны.

Сюжет пушкинского фрагмента демонстрирует органичность соединения *события* (как частной, так и общественной жизни) и его *оценки*, даже «прямое» *слово* рассказчицы («не стану описывать первых моих впечатлений», «здесь позволю себе маленькое отступление», «обращусь к моему предмету», «до чего доводит охота к злословию!») не выглядит как искусственное или вынужденное «скрепление» фрагментов текста. В маленьком отрывке присутствуют и рассмотренные выше «вдруг» («Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас» [4. С. 205]), намечается все тот же (опробованный Загоскиным) любовный треугольник (Алексей – Полина – Сеникур), но фабульно-сюжетные отношения уже не так просты и поверхностны, как в беллетристическом романе: на фоне фабульных событий (система «внешних жестов») располагаются сюжетно значимые («внутренние жесты»), заслоняя первые. При скудных «внешних» событиях, которые лишь обозначены (намечены), тонкий психологизм, напряженные переживания героев (как любовные, так и патриотические) подчеркивают концентрированность «внутреннего» действия, его предельную насыщенность и обусловленность глубокими чувствами. Пушкинский сюжет, основанный на определенном архетипе – любовь пленника и женщины из «вражеского стана», вбирая массу внефабульных элементов (отсылки к Карамзину, упоминания о Шатобриане, Сумарокове, Байроне, исторических фигурах – Наполеоне, Минине и Пожарском, замечания топонимического порядка: о Москве, Франции, Англии, Германии, Кузнецком мосте, Пресненских прудах, Пале-Рояле), стремительно «раскручивается» на фоне постоянно меняющегося настроения и состояния главного объекта повествования – Полины («она скучала», «много читала», «лицо ее пылало», «не могла скрыть свое презрение», «глаза ее засверкали», «Полина рассердилась», «Полина занималась одною политикою», «Полина глубоко огорчилась», «глаза ее так и блистали, голос так и звенел»). Единство достоверно изображенного переживания и столь же правдивых внешних (историко-социальных) реалий столь органично, что читателю не приходится сомневаться в естественности сюжетного движения.

V. *Система персонажей*. Пушкин создает характер героини, которая восхищается мадам де Сталь, Шарлоттой Корде, Марфой Посадницей, кн. Дашковой. Полина указывает на свою возможную судьбу: «Чем я ниже их?». Чего стоит ее решение убить Наполеона! Такое мировосприятие и самооценка героини дают возможность предположить, что Полина действительно могла бы стать новой Марфой Посадницей» [5. С. 123].

По своему воспитанию и образу жизни Полина близка к Татьяне Лариной, но мощь ее непокорного характера, сила эмоций указывают на «инферальность» личности, не случайно исследователь приближает ее к героиням Достоевского: «Она любит смело бросать вызов окружающим ее мужчинам и ждет от

них того же» [3. С. 152]. Обручение Полины и Алексея навяло этому же исследователю пушкинской прозы мысль сравнить данную героиню с Клеопатрой из «Египетских ночей»: Алексей «заплатил за ее любовь, пожертвовав своей жизнью» [Там же. С. 153].

Пушкин искал путь к созданию *нового* характера в *новой* прозе, и список его героинь – Татьяна, Ольга, Мария Гавриловна, Мария Троекурова, Клеопатра, Зарема – пополнился образом Полины, не до конца прорисованным, но таким цельным, живым, полнокровным.

Исследователи справедливо указывают на то, что «основное значение романа Загоскина для Пушкина состояло в том, что он нашел в нем “человеческий” поворот судьбы героини, который должен был контрастно проступить – как не осознанный пока Полиной – в качестве скрытого внутреннего плана романа романа “Рославлев”» [5. С. 122]. Согласимся и с мнением о том, что Пушкина «захватила» идея «разъяснить ее характер», так как у Загоскина он «остаётся неразвитым и необъясненным» [3. С. 151]. Пушкин начал «дорисовывать» портрет молодой скучающей дворянки (но скука «придавала ей вид гордости и холодности», что «чрезвычайно шло к ее греческому лицу и к черным бровям» [4. С. 200]) и создал «характер-

концепцию» – с *героическими* чертами. Однако мы будем стоять «перед вечною загадкой» – как именно сложилась бы судьба этой пушкинской героини?

В заключение скажем несколько слов «в защиту» беллетристики. В свое время Ю.М. Лотман отмечал, что литература «второго ряда» дает лишь «упрощенную, сведенную к средним нормам картину литературной эпохи, на основании которой легче всего строить средние исследовательские модели вкуса, читательских представлений и литературных норм» [18. С. 380]. Исследователь также утверждал, что *вливание* идет «сверху вниз», т.е. от классики к беллетристике, а не наоборот [Там же. С. 383]. Эти замечания, безусловно, ценны и в большинстве случаев абсолютно верны, но нельзя отрицать, что беллетристика на примере загоскинского «Рославлева...» оказалась первичной (в хронологическом плане). Роман Загоскина вдохновил самого Пушкина, а на страницах «второсортного» произведения мы можем обнаружить сюжетные модели, впоследствии перешедшие в гоголевский «Ревизор» (посещение больницы, где нет пациентов) и в толстовский роман-эпопею «Война и мир» (например, описание захваченной французами Москвы, решение Пьера убить Наполеона и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По свидетельству современников, сам М.Н. Загоскин был человеком необычайно добрым, веселым, излучающим сердечность.

² С ситуацией вражды будущих тестя и зятя столкнулся М.Н. Загоскин в своем более раннем историческом романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), и герои (включая запорожского казака (почти разбойника) Киришу) проявляли стоическое терпение и старались не усугублять данный конфликт, хотя поведение боярина Кручины (отца невесты) оставляло желать лучшего: он пленил Милославского, морил его голодом, поддерживал врагов отчины, мучил своих крестьян и пр.

³ Под ритмом понимаем «периодическую повторяемость отдельных элементов».

⁴ Вопрос для того времени в самом деле очень актуальный: «Точно ли русские, а не французы сожгли Москву?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 10. 898 с.
2. Песков А.М. Исторический роман нашего времени // Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М. : Худ. лит., 1980. С. 3–25.
3. Дебрецени П. Блудная дочь. Подход Пушкина к прозе. СПб. : Академический проект, 1996. 398 с.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 6. 814 с.
5. Вершинина Н.Л. 1812 год и философия времени в романе А.С. Пушкина «Рославлев» // Михайловская Пушкиниана. Вып. 58: Сельцо Михайловское, 2013. С. 117–123.
6. Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
7. Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 169–176.
8. Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М. : Худ. лит., 1980. 391 с.
9. Мельников Н.Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI в. М., 1998. С. 239–234.
10. Бочаров С.Г. К идее онегинского тотального комментария Александра Павловича Чудакова // Михайловская Пушкиниана. Вып. 45: Сельцо Михайловское. Псков, 2007. С. 128–133.
11. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 217 с.
12. Белинский В.Г. Собр. соч. : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1948. Т. 1. 797 с.
13. Мушенко Е.Г. Путь к новому роману на рубеже XIX–XX вв. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. 180 с.
14. Шатин Ю.В. Текст как самописание жанра: «Домик в Коломне» А.С. Пушкина // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 248–258.
15. Манн Ю.В. Русская литература XIX в.: Эпоха романтизма : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-Пресс, 2001. 447 с.
16. Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. М. : Сов. писатель, 1982. 366 с.
17. Егоров Б.Ф., Зарецкий В.А., Табориская Е.М., Штейнгольд А.М. Сюжет и фабула // Вопросы сюжетосложения : сб. ст. Рига, 1978. Вып. 5. С. 11–21.
18. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. 494 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 мая 2017 г.

THE CONCEPTION OF A.S. PUSHKIN'S AND M.S. ZAGOSKIN'S HISTORICAL NOVEL: ON THE POETICS OF CLASSICAL AND BELLETRISTIC WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 72–78.

DOI: 10.17223/15617793/419/9

Galina A. Shpilevaya, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: 19alex04@mail.ru

Irina A. Bakhmetieva, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: irbakh@mail.ru

Vera V. Bezrukova, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: verabz.ru@gmail.com

Keywords: A.S. Pushkin; M.N. Zagoskin; classics; belles-lettres; historical novel.

This article aims to review works created in 1831 (similar in genre, character system and plot). The material was the novel *Roslavlev, or the Russians in 1812* by M.N. Zagoskin and A.S. Pushkin's sketch for the novel *Roslavlev*. Certainly, Pushkin's literary "act" (which continues to evoke great research interest) is in the spotlight, and the indicated aim is achieved by answering the following questions: Can a fragment be seen as parody? What is the author's conception of the historical novel genre? What is the fundamental difference between classical works and "light reading"? The main research method was the comparative one. Two unequal works were compared: their style, genre features, narrative manners, ways of plot development, creation of character systems. The two novels provide a voluminous intertext, so the authors of the article used cultural and historical methods, as well as methods of literary hermeneutics and an integral analysis of a fictional text. When reading the two texts, the reader, first of all, draws attention to their style: an entertaining, full of details novel by Zagoskin is replete with bright tropes fully lacking subtext; Pushkin's sketch, on the contrary, is concise, and the information is contained namely in the subtext which represents "substantial" (if we refer to Hegel's terminology) existential entities. This observation is yet another proof that the text of classical works is inexhaustible. Both writers chose the genre of the historical novel very popular in the era of the Russian prose formation. Zagoskin's novel presented a variety of interesting experiences (a kind of "historical anecdotes") based on a common theme. Pushkin's fragment depicts historical events along with man's destiny, his "private" life. Taking into consideration discoveries and W. Scott's experience in novels, Pushkin creates a multi-dimensional "historical text" in a small passage, where a human life is ready to appear in a stereoscopic fullness. Such a situation mostly occurs due to the special subject organisation of the fragment. In Zagoskin's novel, information is delivered by a "neutral narrator", whose strategies are simple to predict, while in Pushkin's text the relations between the interlocutors are extremely intricate. The author's ideas are evidently embedded in the characters' views. Moreover, rich intertext extends the borders of the narration. The fundamental differences in the story and plot relations of the "classical" fragment and the novel of the "second row" are obvious. In Zagoskin's (belletristic) work the plot and the story are inseparable; the external gesture does not depend on the internal one; the events unfold due to simple cause-and-effect relations. In Pushkin's fragment the external events can hardly be deduced. It is psychological motives and the characters' inner turmoil that are brought to the forefront. The system of characters in both *Roslavlevs* appears to be of a particular interest. Both novels under study are inspired by a common motive: the love of a prisoner and a woman from the "hostile camp". In the belletristic novel the author just limits himself by stating the fact (with insignificant variations, e.g., insert stories) whereas Pushkin's fragment contains numerous cultural codes: references to Karamzin, Chateaubriand, Sumarokov, Byron; historical figures: Napoleon, Minin and Pozharsky; toponymical notes on Moscow, France, England, Germany, Kuznetsky Bridge, Presnya Ponds, Palais Royale, etc. The mentioned facts correspond in the text to the main character's (Polina's) changing mood. Polina admires Mme de Stael, Charlotte Corday, Marfa Posadnitsa and Countess Dashkova, thinking of her own destiny: "Where am I inferior to them?" Here we should remember her determination to kill Napoleon. The unity of naturally depicted characters' feelings and true external (historic and social) realities is so organic that the reader cannot doubt the naturalness of the plot movement. This method seems to shape Pushkin's view and provides insight into his conception of the historical novel. In the course of the research the authors come to the following conclusions. It is not a parody that Pushkin created but his own concept of the historical novel in the form of a "literary competition", a dialogue, in which a person enters into complicated relationship with the laws of society and history. The nature of Pushkin's characters (unlike Zagoskin's) is depicted in their psychological, moral and spiritual development. Employing traditional storylines and well-known plots, belletrists and classical writers pursue different purposes (the former entertain readers, soften their hearts and improve morals while the latter depict a world of intricate feelings and everyday problems).

REFERENCES

1. Pushkin, A.S. (1949) *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 10. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Peskov, A.M. (1980) *Istoricheskiy roman nashego vremeni* [Historical novel of our time]. In: Zagoskin, M.N. *Roslavlev, ili Russkie v 1812 godu* [Roslavlev, or the Russians in 1812]. Moscow: Khud. lit.
3. Debretneni, P. (1996) *Bludnaya doch'. Podkhod Pushkina k proze* [The Prodigal Daughter. Pushkin's approach to prose]. St. Petersburg: Akad. emicheskii proekt.
4. Pushkin, A.S. (1949) *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Vershinina, N.L. (2013) 1812 god i filosofiya vremeni v romane A.S. Pushkina "Roslavlev" [1812 and the philosophy of time in Pushkin's "Roslavlev"]. *Mikhailovskaya Pushkiniana*. 58. pp. 117–123.
6. Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
7. Eliot, T.S. (1987) *Traditsiya i individual'nyy talant* [Tradition and individual talent]. In: Kosikov, G.K. (ed) *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries]. Moscow: Moscow State University.
8. Zagoskin, M.N. (1980) *Roslavlev, ili Russkie v 1812 godu* [Roslavlev, or the Russians in 1812]. Moscow: Khud. lit.
9. Mel'nikov, N.G. (1998) *Ponyatie "massovaya literatura" v sovremennom literaturovedenii* [The concept "mass literature" in contemporary literary criticism]. *Literaturovedenie na poroge XXI v.* [Literary criticism on the threshold of the 21st century]. Proceedings of the internal conference. Moscow: Moscow State University. pp. 239–234. (In Russian).
10. Bocharov, S.G. (2007) *K idee oneginskogo total'nogo kommentariya Aleksandra Pavlovicha Chudakova* [To the idea of Onegin's total commentary by Aleksandr Pavlovich Chudakov]. *Mikhailovskaya Pushkiniana*. 45. pp. 128–133.
11. Tyupa, V.I. (1987) *Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya. Voprosy tipologii* [The art of a literary work. Issues of typology]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
12. Belinskiy, V.G. (1948) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: GIKhL.
13. Mushchenko, E.G. (1986) *Put' k novomu romanu na rubezhe XIX–XX vv.* [The way to a new novel at the turn of the 20th century]. Voronezh: Voronezh State University.
14. Shatin, Yu.V. (2005) *Tekst kak samoopisanie zhanra: "Domik v Kolomne"* A.S. Pushkina [The text as a self-description of the genre: "The Little House in Kolomna" by A.S. Pushkin]. In: Loshchilov, I. & Surat, I. *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin's collection]. Moscow: Tri kvadrata.
15. Mann, Yu.V. (2001) *Russkaya literatura XIX v.: Epokha romantizma* [Russian literature of the 19th century: The era of romanticism]. Moscow: Aspekt-Press.
16. Girshman, M.M. (1982) *Ritm khudozhestvennoy prozy* [Rhythm of fiction prose]. Moscow: Sov. pisatel'.
17. Egorov, B.F., Zaretskiy, V.A., Taborisskaya, E.M. & Shteyngol'd, A.M. (1978) *Syuzhet i fabula* [The plot and the fabula]. In: Tsilevich, L.M. (ed.) *Voprosy syuzhetoslozheniya* [Issues of the plot]. Vol. 5. Riga: Zvaygzne.
18. Lotman, Yu.M. (1993) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra.

Received: 19 May 2017

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.123

А.А. Линченко, В.Н. Сыров, О.В. Головашина

ПРОБЛЕМА ПОСТНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-33-01003
«Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».*

Предпринят анализ современной зарубежной литературы, посвященной изучению возможных форм постнациональной идентичности и условий их реализации. Доминирующим предметом исследования являются поиск и определение приемлемых форм европейской идентичности. Доминирующим контекстом анализа остается сопоставление с национальной идентичностью. В современной литературе преобладает тезис, что постнациональная идентичность не противопоставлена национальной, а находится с ней в отношениях взаимозависимости.

Ключевые слова: идентичность; постнациональная идентичность; национальная идентичность; супранационализм; транс-национализм; космополитизм; конституционный патриотизм.

Как справедливо отметил Зигмунд Бауман, ««этничность», в отличие от любых других оснований человеческого единства, имеет преимущество «натурализирующей истории», представления культурного как «факта природы», свободы как «осознанной (и принятой) необходимости»» [1. Р. 173]. Далее Бауман продолжает, что, по сути, этничность не является предметом выбора, а если он и есть, то воспринимается как выбор «не между различными референтами принадлежности, но между принадлежностью и неукорененностью, домом и бездомностью, бытием и небытием» [Ibid.]. С такой позиции национальная идентичность должна была приниматься как данность, предначертанность, судьба, а история ее становления – как своеобразное обретение себя или путь к себе. Фактически она превращалась и остается доминирующим имплицитным контекстом всяческих рассуждений об идентичности, ее истоках и перспективах. По сути, дискурс, оперирующий выражениями типа «утрата идентичности», «кризис идентичности», подразумевал и подразумевает в качестве непроблематизированного референта именно национальную идентичность. Поэтому всякие становящиеся или возрождающиеся формы вне-, до- или после- национальной идентичности должны восприниматься как размывание, кризис, утрата идентичности как таковой.

Теперь в свете тезиса о национальности как особого рода культурном артефакте [2. С. 29] она чаще трактуется как продукт, во-первых, исторический, становящийся, а во-вторых, как конструируемый или, с легкой руки Бенедикта Андерсона, как «воображенное сообщество». Такое толкование позволяет утверждать, если не эмпирически, то теоретически, что национальная идентичность носит исторически переходящий характер, хотя, как подчеркивает тот же Андерсон, «быть нацией – это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» [Там же].

Вместе с тем, пусть и на чисто теоретическом уровне, тезисы об историчности и конструировании – вполне достаточное основание рассуждать о возможности идентификации и формирования идентичностей, выходящих за пределы национальной идентич-

ности. Более того, к настоящему времени сформировалась традиция, пусть весьма разноголосая, изучения возможных форм такой идентичности и определения путей и условий их реализации. Поэтому наша задача заключается в попытке ее историографического обзора. Во главу угла будет поставлена тема идентичности, получившей в литературе название постнациональной, что подразумевает ее интерпретацию как новой стадии в историческом процессе идентификации.

Видимо, не будет далеким от истины утверждение, что площадкой для формирования и одновременно осмысления проблем и перспектив постнациональной идентичности стали и остаются процессы, происходящие в современной Европе. Иначе говоря, речь идет об европейской идентичности как проекте и процессе [3. Р. 1–25]. Хотя, конечно, в исследовательской литературе справедливо подчеркивается, что процесс складывания постнациональных идентичностей отнюдь не является уникальным и присущим только данному региону [Ibid. Р. 3].

Авторы справедливо отмечают, что первоначально (50–80-е гг.) тема обсуждалась в более технократической, рационалистической и функционалистской манере и трактовалась как проблема европейской интеграции. Иначе говоря, предполагалось, что экономические процессы, которые «объективно» движутся в сторону роста международных взаимосвязей и взаимозависимостей, будут столь же «объективно» стимулировать и усиливать процессы интеграции. Поэтому политические элиты будут вынуждены осознавать «новые интересы и формировать новую политику постольку, поскольку они обусловлены давлением функциональной динамики интеграции» [Ibid. Р. 5].

Естественно, предполагалось, что те же экономические и политические элиты выступят ключевым проводником интеграционных процессов. Столь же резонно ожидалось, что экономические процессы, в конечном счете, обусловят и новые формы политического единства, которые нашли свое выражение в понятии супранационализма, предполагая под ним складывание надгосударственных образований. Тема формирования новой идентичности еще не выходила на передний план, хотя скепсис по поводу готовности

широкой публики «адекватно» откликнуться на вызовы нарастающей глобализации уже тогда имел место.

Можно согласиться с тезисом о том, что «воплощением постнациональной концепции европейской политической идентичности остается, вероятно, Юрген Хабермас» [4. Р. 38]. Без преувеличения можно сказать, что своими работами он спровоцировал появление целого направления исследований. Поэтому стоит остановиться на некоторых аспектах его рассуждений. Прежде всего, экскурс Хабермаса в историю возникновения европейского национального государства явным образом был призван показать, что существующие формы социального и политического бытия отнюдь не являются концом истории и достижением некоторого внеисторического оптимума. «Достижение национального государства состояло, таким образом, в том, что сразу решило две проблемы: на основе нового *способа легитимации* сделало возможной новую, более абстрактную форму *социальной интеграции*» [5. С. 199]. Поэтому эту мысль стоит трактовать как фиксацию достижения еще одной формы интеграции, соответствующей, так сказать, духу времени, что подразумевает возможность ее смены.

Более того, Хабермас отмечает, что с момента своего возникновения национальное государство страдало внутренним противоречием. «У нации два лица. В то время как нация граждан государства (продукта волевого стремления) является источником демократической легитимации, нация соотечественников (продукт природы) обеспечивает социальную интеграцию» [Там же. С. 211]. Соответственно, рано или поздно сокрытое должно было стать явным. «Сегодня, когда национальное государство во внутренних делах осознает вызов, исходящий из взрывных сил мультикультурности, а во внешних – давление со стороны проблемы глобализации, встает вопрос: можно ли найти столь же функциональный эквивалент для того, чтобы связать воедино гражданскую и этническую нацию» [Там же. С. 214].

Хабермас предполагал, что таким функциональным эквивалентом может и должен стать «конституционный патриотизм», а именно способность и желание быть солидарными, хотя и «чуждыми друг другу людьми» [Там же. С. 216] в отношении признания и поддержания некоторого набора принципов. Этот тезис означает, что индивидов должно спланировать не происхождение, место проживания, общность языка и культурных традиций, а верность принципам. Соответственно, и отношение к государству будет определяться тем, насколько оно принимает и следует данным принципам.

Хабермас полагал, что такой проект, бесспорно, носит постнациональный характер. Более того, по его мнению, политика должна «предпринять героическую попытку преодолеть самое себя и основать мощь политического действия на наднациональном уровне» [Там же. С. 225]. Иначе говоря, проект «конституционного патриотизма» с неизбежностью должен приобрести политический характер, поскольку в противном случае альтернативой явится «совершенно децентрализованное мировое сообщество, распадающееся на неупорядоченное множество самовоспроизводящихся и самоуправляемых функциональных систем»

с моделью существования и поведения в виде транснационального предприятия [Там же].

Помимо так называемых объективных условий формирования конституционного патриотизма, Хабермас обращает внимание на условия, которые можно назвать субъективными. Речь идет, во-первых, о том, что «граждане должны чувствовать потребительскую ценность своих прав также и в формах социальной безопасности и взаимного признания различных культурных прав» [5. С. 216]. Иначе говоря, права должны носить не только политический, но социально-экономический и культурный характер, а также приобретать не только декларативный, но и реально воплощаемый облик. Во-вторых, «конституционные принципы только тогда могут оформиться в общественные практики и стать движущей силой динамически понятого проекта создания ассоциации свободных и равных индивидов, когда они занимают такое место в контексте истории какой-либо нации граждан, что образуют единство с мотивами и убеждениями граждан» [6. С. 222]. Другими словами, как отметил Крейг Кэлхун, «республиканские политические институты опираются не только на определенные политические обязательства, но и на социальную солидарность и коллективную идентичность» [7. Р. 3].

Тем самым размышления Хабермаса прямо или косвенно актуализировали ряд тем. Во-первых, это вопрос об условиях и причинах появления новых форм идентичности, которые получили такое общее обозначение, как «постнациональная идентичность». Во-вторых, это вопрос о том, какие формы идентичности такого рода может и должна приобретать. В-третьих, в чем она может и должна выражаться и проявляться. В частности, это вопрос о необходимости дополнения социальной и культурной идентичности политической идентификацией и вопрос о связи гражданства и идентичности. Все они так или иначе связаны друг с другом, поскольку явная или неявная интерпретация постнациональной идентичности в супранациональном формате, к примеру, с неизбежностью повлечет за собой вопрос о выполнимости или невыполнимости условий реализации именно такого формата идентичности. Так, утверждение, что новое гражданство будет связываться с понятием прав личности, лишенных территориальной принадлежности, все равно предполагает, что «на практике такие интернациональные инструменты должны быть ратифицированы и проводиться в жизнь отдельными государствами» [8. Р. 12]. Джерард Делэнти подчеркивает, что обсуждение проблемы постнационального гражданства невозможно без учета роли идентичности [9. Р. 301].

Резонно предположить, что среди всех этих вопросов ключевым следует считать вопрос о тех формах, которые постнациональная идентичность может приобретать, поскольку именно от возможности максимально расширить инвентарь моделей такой идентичности будет зависеть ответ на вопрос об условиях возможности ее реализации.

Дарио Кастиглионе упрекает Хабермаса в том, что его толкование конституционного патриотизма порождает «риск трансформации в форму супранационализма» [4. Р. 45]. Упрек имеет основания, поскольку

определение новых форм идентификации как постнациональных подразумевает их трактовку как стадии, следующей за национальной идентичностью, а она может быть прочитана как формирование более высокой степени общности по сравнению с нацией. Здесь, конечно, возможны альтернативы. Как отмечает Кастиглионе, «идея общеевропейской идентичности может быть представлена как результат либо исторического раскрытия общего прошлого, либо, в более конструктивистском ключе, как определение корней такой идентичности в европейском настоящем» [4. Р. 36]. Первая версия тяготела бы к тому, чтобы трактовать новый формат идентичности по аналогии с подобием нации и связывать его скорее с «Европой для европейцев» в силу самой направленности поиска оснований такой идентификации. Вторая – связывала бы условия формирования такой идентичности с приверженностью принципам. Но парадоксальным образом противоположности базировались бы на едином основании – предположении о формировании и необходимости формирования так называемого европейского демоса.

Справедливости ради стоит отметить, что уже сам Хабермас полагал, что «интеграционный сдвиг к постнациональной социализации зависит не от некоего “общеевропейского народного субстрата”, а от коммуникационной сети общеевропейской политической публичности» [5. Р. 267]. Но очевидным образом полемика, поднятая его рассуждениями, актуализирует вопрос о необходимости проработки более «тонких» и более гибких версий в толковании постнациональной природы идентичности и, по сути, стала толчком к таким разработкам.

Так, Саския Сассен, ссылаясь на исследование Линды Босняк, считает возможным говорить как минимум о четырех направлениях и формах идентичности, имеющих транснациональный характер. К первому относится, прежде всего, рост так называемой европейской идентичности.

Ко второму относятся эмоциональные связи, которые люди устанавливают и поддерживают в контексте растущего гражданского общества [10. Р. 282]. К ним, по ее мнению, можно отнести объединения, которые связаны с оппозиционной политикой или возникают на основе корпоративных профессиональных цепочек.

К третьему относятся сообщества, возникающие в процессе миграций, в частности диаспоры. Как отмечает Ясемин Союсал по этому поводу, в современных формах диаспор и их практиках можно наблюдать увеличивающееся расхождение между правами и идентичностью, составляющими два основных компонента гражданства [11. Р. 1]. Поэтому анализ современных диаспор, по ее мнению, позволяет наблюдать, во-первых, как партикуляристские (связанные с сохранением специфических культурных традиций к примеру) требования обеспечиваются посредством универсалистского дискурса (прав личности), а стратегии, используемые группами иммигрантов, все больше и больше приобретают межнациональный и субнациональный характер, что парадоксальным образом зачастую только укрепляет эти партикуляристские идентичности. Во-вторых, формы включения и исключения перестают совпадать с границами нацио-

нального. В итоге оказывается предпочтительным трактовать национальное и транснациональное не столько как стадии, одна сменяющая другую в линейном порядке, сколько как конкурирующие уровни, внутри которых может осуществляться продуктивное понимание текущих практик гражданства и идентичности [11. Р. 12–13]. Данные размышления дали основание одному из авторов выдвинуть парадоксальный тезис, что наиболее активными сторонниками европейского патриотизма как постнационального должны стать именно сообщества мигрантов [12. Р. 160].

К четвертому относятся сообщества, формируемые чувством общечеловеческой солидарности (экологические объединения, волонтеры) [10. Р. 282–283].

При последующем движении по этому пути можно руководствоваться тезисом Саскии Сассен, что «исследовательское направление, которое критикует допущение об определяющей связи идентичности с национальным устройством, может охватывать широкий спектр позиций, многие из которых мало что общего имеют с постнациональной концепцией» [Ibid. Р. 281]. Поэтому Сассен правомерно указывает, что многие новые опыты и ориентиры не обязательно являются воплощением новизны, «в ряде случаев они могут быть результатом долгого вызревания или выражением черт, которые имели место еще с начала формирования гражданства как национального института, но только теперь стали явными благодаря современным процессам» [10. Р. 277]. Так, стоит помнить, что создание наций сопровождалось подавлением или трансформацией разнообразных локальных или региональных культурных и социальных сообществ. Соответственно сохранение или возрождение данных форм идентичности позволяет трактовать их скорее в контексте донационального, чем постнационального (если национальное рассматривать как определяющий референт в темпоральном аспекте).

Данные соображения Сассен, во-первых, связаны с тем, что понятие «постнациональный» неявным образом зачастую подразумевает интерпретацию иных форм идентичности как новых, а, во-вторых, как форм с большей степенью общности, чем идентичность национальная. Тем самым в методологическом плане вышеуказанный тезис может означать, что «постнациональное» не является тем понятием, которое удачно покрывает все формы идентификации, которые обнаруживают явную несхожесть с национальной идентификацией. Ведь язык, который в качестве референта оперирует понятием национального, допускает только наличие идентичностей «до» или «после» национальной. Но очевидно, что идентификация, к примеру, с религиозным или научным сообществом скорее предполагает складывание такой идентичности, которую резоннее описывать как «вненациональную». Кроме того, вряд ли можно характеризовать идентичности такого рода как постнациональные еще и потому, что проблематично трактовать их как новые или более масштабные по степени общности (по сравнению с национальной).

Недаром сама Сассен, правда в ином контексте, предлагает различать постнациональное и денациональное, в несколько метафорической форме характе-

ризуя первое – как складывающееся «вне» или «за пределами» национальных форм, а второе – как возникающее и действующее «внутри» и «посредством» национальных форм [10. Р. 286]. В качестве примера она приводит ситуацию, когда расширение гражданских прав, обеспечиваемое национальным государством, позволяет индивидам выступать против своего государства или просто усиливать степень своей автономии от форм, традиционно востребуемых национальной идентификацией [Ibid. Р. 287].

В конечном счете, если что и позволяет характеризовать все эти разнообразные формы как постнациональные, так это предположение, что они идут на смену национальным форматам. При этом, как отмечает Крейг Кэлхун, гражданское общество «подразумевает расширение более-менее самоорганизующихся отношений за пределы как направленного контроля со стороны индивидуальных акторов, так и прямого диктата государств. Это открывает множество свобод, но и от воздействия государства также. Такое положение дел само по себе не является воплощением ни либерализма, ни демократии» [7. Р. 6]. Тезис в полной мере касается как институтов бизнеса, которые считаются наиболее ярким воплощением и действительной реализацией постнационального формата к настоящему времени, так и различных общественных движений. Как справедливо отметил тот же Кэлхун, «сами по себе они не за- ни антидемократичны» [Ibid. Р. 7]. Стоит вспомнить, что Хабермас в качестве одного из возможных сценариев «преодоления» национального государства описывает мир, а точнее путаницу «самоутверждающихся систем, свободных от каких бы то ни было норм» [5. С. 226].

Вышеприведенные рассуждения выявляют еще один важный контекст в выборе и анализе различных форм идентичности, а именно контекст идеологический и политический, связанный с перспективами формирования или сохранения гражданского общества. Иначе говоря, это вопрос о приемлемости и условиях такой приемлемости по отношению ко всем разнообразным формам становящейся или возрождающейся идентичности. Данное соображение возвращает нас к теме европейской идентичности, поскольку именно она остается не только флагманом в процессе формирования новой идентичности, но и, так сказать, «полем битвы» за сохранение и развитие демократических завоеваний на этом пути.

Здесь стоит обратить внимание на размышления Джерард Делэнти о возможных моделях европейской идентичности. Собственно говоря, с той или иной степенью полноты и эксплицитности они проговариваются практически во всех рассуждениях о постнациональной идентичности, поэтому тезисы Делэнти можно рассматривать как их своеобразную концентрацию. Он выделяет четыре возможных модели: «моральный универсализм, постнациональный универсализм, культурный партикуляризм и прагматизм» [13. Р. 346]. Критерий их оценки или определение сильных и слабых сторон автор видит в их возможности, с одной стороны, сохранить своеобразие или «европейскость», а с другой стороны, предложить альтернативу или сопротивление тем формам идентичности, что строятся на ксенофобии и расизме [Ibid.]. Иначе говоря, он ищет возможность найти

третий путь между моральным универсализмом и культурным партикуляризмом.

С этой целью автор предпринимает анализ выделенных им моделей. «Первая модель предполагает определение европейской идентичности в терминах универсальных человеческих ценностей, таких как права человека, гуманизм или справедливость» [13. Р. 347]. Делэнти правомерно отмечает, что в самих этих ценностях нет ничего специфически европейского, что они несут скорее «западный», чем собственно европейский характер и к тому же не предоставляют соответствующих институциональных форм для предполагаемого сообщества [Ibid. Р. 347–348].

Вторая модель связывает идентичность со специфическими институциональными и когнитивными достижениями европейского наследия, в частности с разработкой соответствующих учреждений, что добавляет к чисто моральному еще и правовое измерение [Ibid. Р. 348]. К данному подходу Делэнти относит, в частности, «конституционный патриотизм» Хабермаса. Здесь критические стрелы в адрес немецкого мыслителя повторяют упреки, которые, как правило, предъявляются идеям Хабермаса. «Однако конституционный патриотизм как на общеевропейском, так и на национальном уровне представляет собой слишком слабую связь, чтобы обеспечить национальное согласие и породить чувство коллективной принадлежности» [14. С. 197].

Третья модель строится на идее особого культурного наследия как фундамента европейской идентичности. По сути, она строится на «предпочтении различий над единством» и предполагает явное или неявное использование оппозиции свой / чужой и фактически носит, с одной стороны, антиамериканский характер, а с другой стороны, фактически маргинализует или исключает роль неантичной или нехристианской традиции в формировании европейского наследия [13. Р. 349–350]. Этот подход находит свое отражение в известной метафоре «европейская крепость», «крепость Европы» или «Европа как крепость». Наконец, им выделяется прагматистская модель, которая «отличается от культурной модели тем, что опирается не столько на культурные, сколько на социально-экономические аспекты жизни» [Ibid. Р. 351]. Иначе говоря, она актуализирует не столько нормативное измерение идентичности, сколько реальные жизненные практики, такие как поп-музыка, спорт, туризм, общеевропейская валюта, институты гражданского общества. Однако Делэнти полагает, что эти аспекты более выражают общие черты современного капитализма в целом, а не Европы как таковой, и реализуются скорее на уровне элит, а не широких масс [Ibid. Р. 351–352].

Сам Делэнти в противовес вышеописанным моделям выдвигает альтернативную концепцию европейской идентичности, которую именует «европейским космополитизмом» и предлагает описывать в терминах не столько поиска общего культурного наследия, сколько наличия различий, конфликтов, травм [Ibid. Р. 353–354]. Такой космополитизм предполагал бы определение не сходств, а различий, и поиск механизмов не их унификации, а согласования. Говоря словами Делэнти, он строился бы не на отделении политического от культурного, а на опознании поли-

тического в культурном [Ibid. P. 354]. Такая концепция идентичности обретала бы коммуникативный характер, направленный не столько на поиск общих символов, сколько на выработку продуктивных форм принятия других, и тем самым предполагала бы многоуровневую реализацию, а именно включение в ее орбиту локального, национального и транснационального уровней существования [13. P. 355].

Эту же мысль Делэнти проводил ранее в рассуждениях о перспективах постнационального гражданства, когда подчеркивал, что большее значение для его реализации имеет вопрос не об усилении связей индивидуальных граждан и институтов Евросоюза, а об институализации связей между региональными органами власти и Евросоюзом и открытости последнего международным социальным движениям (типа Гринпис) [9. P. 299–300].

Свою позицию по поводу сути европейского космополитизма автор проясняет в последующих статьях, подчеркивая его отличие от таких концепций европейской идентичности, как «европейского народа, европейского общества, европейского супергосударства или европейского наследия» [15. P. 417] и подразумевая тем самым рефлексивное отношение как к национальному, так и к глобальному уровням. Поэтому космополитическая идентичность должна воплощаться в плюралистических культурных моделях, а не в супранациональной идентичности. Хотя автор и указывает, что такая плюралистичность не должна сводиться к простому сосуществованию различий в духе мультикультурализма. «Взаимное оплодотворение, которое происходит, когда общества контактируют, ведет, с одной стороны, к более фиксированным социальным формам, а с другой стороны, к определенной логике конвергенции» [Ibid.].

Делэнти отмечает, что «в качестве космополитической идентичности европейская идентичность представляет собой форму постнационального понимания, которая находит свое выражение не только за пределами, но и в рамках самих национальных идентичностей» [Ibid.]. В более ранней статье он делал упор на то, что постнационализм и национализм могут быть рассмотрены не как дискурсы, фундаментально противопоставленные друг другу, но как выражения одного и того же дискурса [16. P. 372]. «Мы нуждаемся как в полисе, так и в космосе, для того чтобы защитить себя от крайностей как того, так и другого» [Ibid.]. Автор резонно полагает, что столь резкая оппозиция национального и постнационального зачастую связывается с неявной редукцией национального к националистическому. Но проблема, по его мнению, в том, что современный национализм представляет собой не столько воплощение культурного превосходства, сколько выражение снижения социального и истощения гражданского компонента политического сообщества [Ibid.].

Тезис о необходимости пересмотра соотношения национального и постнационального постепенно становится общим местом в размышлениях современных исследователей. «Постнациональное сосуществует с национальным. Они не отделимы» [17]. «Национальное и постнациональное таким образом не полностью различны, а взаимосвязаны подобно грациям на

шкале, в которой глобализация и национализм представляют собой полярные элементы, которые одновременно структурируют и разграничивают связную систему» [17]. Как отмечает Андреа Шенклер, «национальная и европейская идентичности выглядят скорее совокупными или вложенными друг в друга, чем антагонистическими» [18. P. 32]. Все эти рассуждения представляют собой одновременно поиск как более гибких трактовок постнациональной идентичности, так приемлемых метафор (снаружи / изнутри, гнездо, множественность, уровни, единое во многом, европеизация национального, национальное без националистического и т.д.), в которых могло бы найти адекватное выражение установление ее соотношения и взаимоотношения с доминирующей (национальной) формой идентичности. С этой точки зрения тезисы различных авторов могут быть представлены как варианты продуктивной проработки данных метафор и образов.

Эти положения позволяют делать еще один шаг в обсуждении данной темы, а именно шаг методологический. Как подчеркивает Саня Ивик, базисные концепты, которые обычно используются для характеристики постнациональной идентичности, а именно «европейские ценности», «европейская идентичность», «европейское наследие», «европейская культура», «до сих пор определяются как фиксированные категории внутри рамок правового дискурса Евросоюза» [19. P. 252]. По сути, «идея европейской идентичности остается модернистским понятием идентичности как стабильного и автономного субъекта» [Ibid. P. 247]. Тем самым Саня Ивик и подобные авторы ставят вопрос о необходимости пересмотра самого понятия идентичности для определения перспективных путей трактовки постнациональной идентичности. Так, модерн строился на характеристике идентичности как фиксированного, гомогенного, стабильного образования. Но такая эссенциалистская трактовка отдает предпочтение стабильным формам идентичности и изолирует их от других возможных форм. «Следствие такой политики идентичности – расизм, ксенофобия и разнообразные формы дискриминации» [Ibid. P. 239]. Трактовка этнических групп как гомогенных и фиксированных образований без учета того факта, что различные индивиды могут иметь «различные нарративы, опыты и перспективы», препятствует разработке более гибких путей политики включения [Ibid. P. 242]. Данное положение дел требует использование другого (постмодернистского) языка для описания идентичности, языка, который вбирал бы в себя и актуализировал аспекты гетерогенности, фрагментарности, флюидности, динамичности, диалогичности и т.д. Поэтому концепция европейской идентичности «нуждается в переописании в языке, который бы принимал во внимание постмодернистские и постнациональные концепции, поскольку именно они сопоставимы с плюрализмом и разнообразием европейских обществ» [20. P. 404].

Таким образом, краткий историографический анализ проблемы постнациональной идентичности и ее интерпретаций показывает нам, что пока они более описываются в теоретическом пространстве современного социально-гуманитарного знания, чем реализуются в повседневной практике. «Скорее это отчетливое

заявление надежд и условий желаемого будущего, равно как и описание трендов» [21. Р. 269]. Можно также говорить о масштабной критике концепта постнационального и даже росте скептического отношения к перспективам формирования постнациональной идентичности вообще (особенно в рамках Евросоюза). Но, как правомерно отметил Александр Кустарев по поводу недавних событий, хотя «Брекзит» чаще всего интерпретируется как сигнал начавшегося демонтажа (развала) Евросоюза», это может также означать, что «глобальный порядок будет иметь не только вертикальную, но и горизонтальную структуру» или предполагать иную структурную корректировку [22].

Тем самым анализ постнациональной идентичности может свидетельствовать о присутствии и вызревании явления, отличного от идентификационных практик эпохи доминирования национальных государств и требующего дальнейшего осмысления. В современных работах такой анализ осуществляется в дискурсе глобализации, кризиса национального государства, проблем будущего Европейского союза, глобального гражданства, а также обсуждения путей идентификации в контексте исследований трансформации национальных идентичностей в современном мире. Разные сферы исследования порождают различные трактовки данного понятия. При этом стано-

вится очевидным, что прежние форматы, в которых создавались нарративы описания национальной идентичности, вряд ли будут успешными в деле осмысления постнациональной идентичности.

Еще одной существенной сложностью оказывается то, что, по сути, мы имеем дело с элементами постнациональной идентичности, возникающими помимо и внутри привычных нам форм национальной идентификации. Данные элементы, как правило, представляют собой отдельные практики или группы идентификационных практик, определение и классификация которых – дело дальнейших исследований. Более того, элементы постнационального проникают и в сами практики национальной идентификации, дополняя, сочетая или преобразуя их. Еще более интересным оказывается анализ интегративных возможностей постнациональной идентификации. Какая модель целостности и интеграции будет наиболее подходящей в подобном случае? Тренд на междисциплинарность в изучении постнациональной идентичности также оборачивается мозаичностью ее определений и интерпретаций. В любом случае новое тысячелетие и далее будет изменять механизмы идентификации человека в культуре, среди которых постнациональной идентичности суждено занять, возможно, и не первое, но отнюдь и не последнее место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Polity Press, 2000.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
3. Checkel J.T., Katzenstein P.J. The politicization of European identities // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2009. P. 1–25.
4. Castiglione D. Political identity in a community of strangers // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2009. P. 29–51.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001.
6. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, 1995. С. 209–245.
7. Calhoun C. Nationalism, postnational identity, and the project of a European public sphere. 2000. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/48815/> (дата обращения: 26.04.2017).
8. Dementriou M. Towards Post-Nationalism? Diasporic Identities and the Political Process // Center for International Studies. Discussion Paper № 6/99 (Aalborg, Denmark: Center for International Studies). 1999. URL: http://vbn.aau.dk/files/40334991/No6SpiritDiscussionPaper_MadeleineDementriou_.pdf (дата обращения: 26.04.2017).
9. Delanty G. Models of citizenship: Defining European identity and citizenship // *Citizenship Studies*. 1997. Vol. 1, № 3. P. 285–303.
10. Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship // *Handbook of Citizenship Studies* / ed. by Engin F. Isin, Bryan S. Turner. SAGE Publications Ltd., 2002. P. 277–291.
11. Soysal Y.N. Citizenship and identity: living in diasporas in post-war Europe? // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23, № 1. P. 1–15.
12. Fernández Ch. Patriots in the Making? Migrants, Citizens, and Demos Building in the European Union // *Journal of International Migration and Integration*. 2012. № 13. P. 147–163.
13. Delanty G. Models of European identity: Reconciling universalism and Particularism // *Perspectives on European Politics and Society*. 2002. Vol. 3, № 3. P. 345–359.
14. Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // *Этнографическое обозрение Online*. 2014. № 1. С. 193–199.
15. Delanty G. The Idea of a Cosmopolitan Europe: On the Cultural Significance of Europeanization // *International Review of Sociology*. 2005. Vol. 15, № 3. P. 405–421.
16. Delanty G. Self, other and world: Discourses of nationalism and cosmopolitanism // *Cultural Values*. 1999. Vol. 3, № 3. P. 365–375.
17. Nunn T.M. What Is Postnationalism? URL: https://repository.unm.edu/bitstream/handle/1928/13704/Nunn_What_is_Postnationalism.pdf?sequence=3 (дата обращения: 26.04.2017).
18. Schlenker A. Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU // *Global Society*. 2013. Vol. 27, № 1. P. 25–51.
19. Ivic S. *European Identity and Citizenship. Between Modernity and Postmodernity*. Palgrave Macmillan UK, 2016.
20. Ivic S., Lakicevic D.D. European identity: between modernity and postmodernity // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2011. Vol. 24, № 4. P. 395–407.
21. Calhoun C. Constitutional Patriotism and the Public Sphere: Interests, Identity, and Solidarity in the Integration of Europe // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2005. № 8. P. 257–280.
22. Кустарев А. Брекзит как зеркало глобализации // *Неприкосновенный запас*. 2016. Т. 110, № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/6/brekzit-kak-zerkalo-globalizacii.htm> (дата обращения: 26.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 мая 2017 г.

THE PROBLEM OF POST-NATIONAL IDENTITY: THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 79–85.

DOI: 10.17223/15617793/419/10

Andrey A. Linchenko, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat@inbox.ru

Oksana V. Golovashina, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation). E-mail: genesta@yandex.ru

Keywords: identity; post-national identity; national identity; supranationalism; transnationalism; cosmopolitanism; constitutional patriotism.

The article analyzes contemporary foreign literature devoted to the study of possible forms of post-national identity and the determination of ways and conditions for their implementation. The analysis of the problem of post-national identity and its interpretations shows that while they are more described in the theoretical space of modern social and humanitarian knowledge than are realized in everyday practice. In the current situation, it is necessary to talk about a large-scale criticism of the post-national concept and even the growth of a skeptical attitude toward the prospects for the formation of post-national identity in general. It is noted that the dominant subject of the study is the search and determination of acceptable forms of the European identity. The dominant context of analysis is its comparison with national identity. One can agree with the thesis that Jurgen Habermas is probably the embodiment of the post-national concept of the European political identity. Without exaggeration, we can say that he provoked the emergence of a whole line of research with his works. The reflections of Habermas directly or indirectly actualized a number of topics. First of all, this is the question of the conditions and reasons for the emergence of new forms of identity, which have received such a general designation as “post-national identity”. Secondly, it is the question of what forms the identity of this kind can and should acquire. Thirdly, it is what it can and must be expressed and manifested in. In particular, this is the question of the necessity to complement the social and cultural identity with the political identity and the issue of the relationship between citizenship and identity. All of them are related in one way or another, because an explicit or implicit interpretation of post-national identity in a supranational format, for example, inevitably entails the question of the feasibility or impracticability of the conditions for the realization of this particular identity format. In modern literature, the thesis prevails that the post-national identity does not dominate or is opposed to the national one, but is in the relations of complementarity, correlation and interdependence with it, ripening not outside but inside the latter. This thesis can be presented in the context of the discourses of globalization, the crisis of the national state, global citizenship. The trend towards interdisciplinarity in the study of post-national identity under modern conditions turns into a mosaic of its definitions and interpretations.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2000) *Liquid Modernity*. Polity Press.
2. Anderson, B. (2001) *Voobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English. Moscow: KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole.
3. Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (eds) (2009) *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 1–25.
4. Castiglione, D. (2009) Political identity in a community of strangers. In: Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (eds) *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Habermas, J. (2001) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involvement of another. Essays on political theory]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
6. Habermas, J. (1995) *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'*. *Moskovskie lektzii i interv'yuu* [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews]. Translated from German. Moscow: KAML. pp. 209–245.
7. Calhoun, C. (2000) *Nationalism, postnational identity, and the project of a European public sphere*. [Online] Available from: <http://eprints.lse.ac.uk/48815/>. (Accessed: 26.04.2017).
8. Dementriou, M. (1999) *Towards Post-Nationalism? Diasporic Identities and the Political Process*. Center for International Studies. Discussion Paper 6/99 (Aalborg, Denmark: Center for International Studies). [Online] Available from: http://vbn.aau.dk/files/40334991/No6SpiritDiscussionPaper_Made-leineDemetriou_.pdf. (Accessed: 26.04.2017).
9. Delanty, G. (1997) Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*. 1:3. pp. 285–303.
10. Sassen, S. (2002) Towards Post-National and Denationalized Citizenship. In: Isin, E.F. & Turner, B.S. (eds) *Handbook of Citizenship Studies*. SAGE Publications Ltd.
11. Soysal, Y.N. (2000) Citizenship and identity: living in diasporas in post-war Europe? *Ethnic and Racial Studies*. 23:1. pp. 1–15.
12. Fernández, Ch. (2012) Patriots in the Making? Migrants, Citizens, and Demos Building in the European Union. *Journal of International Migration and Integration*. 13. pp. 147–163.
13. Delanty, G. (2002) Models of European identity: Reconciling universalism and Particularism. *Perspectives on European Politics and Society*. 3:3. pp. 345–359.
14. Dykoff, A. & Filippova, E.I. (2014) Pereosmyslenie natsii v “postnatsional’nyuu” epokhu [Rethinking the nation in the “post-national” era]. *Etnotraficheskoe obozrenie Online*. 1. pp. 193–199.
15. Delanty, G. (2005) The Idea of a Cosmopolitan Europe: On the Cultural Significance of Europeanization. *International Review of Sociology*. 15:3. pp. 405–421.
16. Delanty, G. (1999) Self, other and world: Discourses of nationalism and cosmopolitanism. *Cultural Values*. 3:3. pp. 365–375.
17. Nunn, T.M. (2011) *What Is Postnationalism?* [Online] Available from: https://repository.unm.edu/bitstream/handle/1928/13704/Nunn_What_is_Postnationalism.pdf?sequence=3. (Accessed: 26.04.2017).
18. Schlenker, A. (2013) Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU. *Global Society*. 27:1. pp. 25–51.
19. Ivic, S. (2016) *European Identity and Citizenship. Between Modernity and Postmodernity*. Palgrave Macmillan UK.
20. Ivic, S. & Lakicevic, D.D. (2011) European identity: between modernity and postmodernity. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 24:4. pp. 395–407.
21. Calhoun, C. (2005) Constitutional Patriotism and the Public Sphere: Interests, Identity, and Solidarity in the Integration of Europe. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 8. P. 257–280.
22. Kustarev, A. (2016) Brekzit kak zerkalo globalizatsii [Brexit as a mirror of globalization]. *Neprikosnovennyi zapas*. 110:6. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/6/brekzit-kak-zerkalo-globalizacii.htm>. (Accessed: 26.04.2017).

Received: 05 May 2017

ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ Т. ГОББСА О ЧУДЕСАХ ЗАПАДНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ КОНЦА XX–XXI вв.

Статья посвящена выявлению основных тенденций осмысления некоторыми ведущими западными исследователями конца XX–XXI вв. идей Т. Гоббса о чудесах. С использованием хронологического и проблемно-типологического метода осуществлён обстоятельный анализ соответствующих сюжетов представительного числа научных статей, эссе, монографий. Дано подробное описание проблематики этих материалов с указанием сочинений Гоббса, в которых содержались рассматриваемые западными исследователями идеи о чудесах. Отмечены перспективы дальнейшего изучения идей Гоббса о чудесах, возникшие благодаря разработкам западных исследователей конца XX–XXI вв.

Ключевые слова: Т. Гоббс; идеи о чудесах; западные историки философии.

Введение. Идеи Томаса Гоббса о чудесах занимают важное место в числе его религиозно-философских, религиозно-политических и теологических идей. Эти идеи встречаются в нескольких сочинениях Гоббса, но, конечно, наиболее обстоятельно и последовательно философ рассуждал о чудесах в «Левиафане» [1, 2]. Здесь в части III «О христианском государстве» им посвящена вся XXXVII глава «О чудесах и об их употреблении» [1. С. 336–343; 2. Р. 427–437], состоящая из нескольких разделов: «Чудо – нечто вызывающее удивление», «И, следовательно, должно быть редким и не имеющим познаваемых естественных причин», «То, что кажется чудом одному, другому может не казаться», «Цель чудес», «Определение чуда», «Люди склонны обманываться ложными чудесами», «Предосторожности против жульничества чудесами». Кроме того, рассуждения о чудесах можно встретить и в других частях и главах «Левиафана».

Однако также общеизвестно, что идеям Гоббса о чудесах свойственны противоречивость и неоднозначность, а это всегда создавало и создаёт значительные трудности в процессе их интерпретации. Весомый вклад в осмысление этих идей внесли западные исследователи конца XX–XXI вв. Дело в том, что в конце XX–XXI вв. возрос интерес западных специалистов к изучению религиозно-философских, религиозно-политических и теологических идей Гоббса. Опубликовано множество работ по этой проблематике. Данные идеи Гоббса рассматривались Рональдом Байнером (R. Beiner), Джеффри Барнувом (J. Barnouw), Дэвидом Берманом (D.A. Berman), Питером Гичем (P.T. Geach), Дугласом Джессефом (D.M. Jesseph), Конэлом Кондреном (C. Condren), Гораздом Корощецем (G. Kogóšec), Джошуа Митчеллом (J. Mitchell), Мэттью Роузом (M. Rose), Патрисией Спринборг (P. Springborg), Джастином Чемпионом (J.A.I. Champion), Ричардом Шерлоком (R. Sherlock), Полом Эдвардсом (P. Edwards) и др.

Как теперь выясняется, на этом фоне западные исследователи конца XX–XXI вв. стали чаще обращаться и к осмыслению идей Гоббса о чудесах, прервав достаточно долгий период относительного невнимания к ним, наступивший, возможно, после того, как они были проанализированы Карлом Шмиттом (C. Schmitt) в опубликованной ещё в 1938 г. монографии «Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas

Hobbes: Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols» [3; 4. Р. 53–56, 57]. Автору настоящей статьи удалось обнаружить весьма широкий круг исследователей указанного периода, с разной степенью полноты осмысливших идеи Гоббса о чудесах. Так, эти идеи Гоббса не обойдены вниманием в работах Карло Алтини (C. Altini), Мартина Бертмана (M.A. Bertman), Эдвина Кёрли (E.M. Curley), Джеффри Коллинза (J.R. Collins), Алана Кромарти (A. Cromartie), Франка Лессая (F. Lessay), Алоизия Мартинича (A.P. Martinich), Бенджамина Милнера (B. Milner), Джорджа Райта (G.H. Wright), Иоганна Коммервила (J. Sommerville), Джона Уиппла (J. Whipple), Стивена Шапина (S. Shapin), Саймона Шаффера (S.J. Schaffer). Тем не менее, по мнению Уиппла, содержащимся в XXXVII Главе «Левиафана» размышлениям о чудесах уделено мало внимания в специальной литературе [5. Р. 117].

Небезынтересно будет отметить также, что возрастание интереса к идеям Гоббса о чудесах со стороны западных исследователей конца XX–XXI вв. происходило параллельно с начавшейся во второй половине XX в. интенсификацией изучения западными религиоведами и философами различных аспектов понятия чуда. Достаточно только упомянуть ставшие классическими работы Роберта Бёрнса (R.M. Burns) [6], Нормэна Гайслера (N.L. Geisler) [7], Грегори Доса (G.W. Dawes) [8], Дэвида Конера (D. Corner) [9], Джона Мэки (J.L. Mackie) [10], Грэма Оппи (G. Oppy) [11], Джордана Собела (J.H. Sobel) [12], Ричарда Суинбёрна (R. Swinburne) [13], Грэма Твелфттри, ред. (G.H. Twelftree, ed.) [14].

Цель статьи состоит в выявлении основных тенденций осмысления некоторыми ведущими западными исследователями конца XX–XXI вв. идей Гоббса о чудесах. В связи с этим **задача** заключается в осуществлении анализа соответствующих сюжетов различного рода научных работ, впервые опубликованных в указанный период времени. **Актуальность** статьи обусловлена потребностями выстраивания современного теоретико-методологического фундамента изучения идей Гоббса о чудесах. Статья направлена на решение **проблемы** отсутствия полномасштабных обзоров истории осмысления идей Гоббса о чудесах западными исследователями XX–XXI вв.

Исходя из вышеизложенного, в статье будут рассмотрены как работы, в которых авторы специально обращались к осмыслению идей Гоббса о чудесах, так

и работы, в которых осмысление этих идей производилось в контексте исследования религиозно-философских, религиозно-политических, теологических воззрений Гоббса.

Научная новизна статьи определяется открывающейся возможностью систематизации и упорядочивания сведений об истории осмысления некоторыми ведущими западными исследователями конца XX–XXI вв. идей Гоббса о чудесах. Причём примечательно, что подобными обобщающими работами не располагают ни российские, ни западные исследователи. В статье используются хронологический и проблемно-типологический **методы** изложения материала.

1

Можно выделить группу исследований, в которых осмысление идей Гоббса о чудесах не носит специального характера и вплетено в контекст анализа религиозно-философских, религиозно-политических и религиозно-теологических идей Гоббса. Исследователи, ныне профессора Стивен Шапин (Harvard University, USA) и Саймон Шаффер (University of Cambridge, UK) осмыслили идеи Гоббса о чудесах в опубликованной в 1985 г. монографии «Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life» [15]. На страницах Главы III «Seeing Double: Hobbes's Politics of Plenism Before 1660» [Ibid. P. 80–109] Шапин и Шаффер кратко проанализировали высказанные Гоббсом в «Левиафане» суждения о способности к совершению чудес как одному из критериев распознавания истинного пророка [Ibid. P. 103–104].

Исследователь Бенджамин Милнер (St. John College in Annapolis, Maryland, USA) осмыслил идеи Гоббса о чудесах в изданной в 1988 г. статье «Hobbes: On Religion» [16], где Милнер кратко на основе «Левиафана»: 1) описал размышления Гоббса о месте чудес в контексте существования а) трёх путей объявления Богом своих законов и соответствующих этим путям б) трёх видов Божьих слов и в) трёх родов слова [Ibid. P. 401]; 2) рассмотрел случаи, когда Гоббс развивал свои идеи а) об идентификации сверхъестественного и чудесного и б) о принятой в протестантизме доктрине о том, что время чудес осталось позади [Ibid. P. 412]; 3) вскользь затронул также критические суждения Гоббса по поводу производимого духовенством одурманивания народа чудесами [Ibid. P. 417].

Профессор Франк Лессай (Université de la Sorbonne Nouvelle-Paris III, France) осмыслил идеи Гоббса о чудесах в эссе «Hobbes and Sacred History» [17], вошедшем в опубликованный в 2000 г. сборник «Hobbes and History». Здесь Лессай кратко описал изложенные Гоббсом в стихотворной форме в поэме «Historia Ecclesiastica» идеи о чудесах Иисуса 1) как единственных доказательствах того, что Он Христос [Ibid. P. 149], 2) как одной из причин (наряду с воскресением) распространения христианства. Помимо этого, Лессай рассказал о своём видении того, как следует понимать идеи Гоббса о чудесах и воскресении Христа в контексте приписываемого им мыслителю понимания исторического смысла пришествия Христа [Ibid. P. 155].

Лессай осмыслил идеи Гоббса о чудесах также в эссе «Hobbes's Covenant Theology and Its Political Implications» [18], вошедшем в опубликованный в

2007 г. «The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan». Интерпретации соответствующих идей встречаются здесь в разделах 3 «Hobbes and Covenant Theology» [Ibid. P. 248–251], 6 «The Case for Hobbes as an Unorthodox Covenant Theologian» [Ibid. P. 258–260], 7 «On Christ's Mediation» [Ibid. P. 260–264]. Лессай, опираясь на положения «Левиафана», акцентировал внимание на соответствии доктрине протестантских теологов идей Гоббса о том, с кем были заключены два завета, о конечной цели чудес в Ветхом и Новом Заветах [P. 250]. Лессай также воспроизвёл и прокомментировал идеи Гоббса о чудесах в контексте его размышлений о правилах и сложностях различения истинных и ложных пророков [Ibid. P. 259], о христианском суверене как Господнем пророке [Ibid. P. 260], о деяниях Христа [Ibid. P. 262].

Профессор Джордж Райт (University of Wisconsin-Superior, USA) осмыслил идеи Гоббса о чудесах в вышедшей в свет в 2006 г. книге «Religion, Politics and Thomas Hobbes» [19]. На страницах этой работы, состоящей из четырёх частей, Райт неоднократно обращался к обсуждению либо непосредственно данных идей, либо связанных с ними проблем. Он кратко проанализировал высказанные Гоббсом в сочинениях «Левиафан», «An Answer to Bishop Bramhall's Book, Called "The Catching of the Leviathan"» идеи 1) об отношении к библейским чудесам [Ibid. P. 16 note 55], 2) о природе и цели чудес [Ibid. P. 16–17 note 55; P. 273 note 71], 3) о прекращении чудес в современности [Ibid. P. 17 note 55; P. 27 note 84; P. 214–215 note 15; P. 226 note 41; P. 287], 4) о епископе Брэмхолле (Bramhall) как пророке «without miracles» [Ibid. P. 180 note 22], 5) о теологических аспектах чудес [Ibid. P. 231], 6) о роли суверена в истолковании чудес [Ibid. P. 232 note 68], 7) о чудесах и трёх путях объявления Богом своих законов, трёх видах Божьих слов, трёх родах слова [Ibid. P. 273]. Райт отметил также, что акцентирование Гоббсом Триединства и его принятие чуда, его учение о церкви и религии не связаны с деизмом, хотя он, возможно, не чуждался деизма [Ibid. P. 309].

Профессор Иоганн Соммервиль (University of Wisconsin, Madison, USA) осмыслил идеи Гоббса о чудесах в эссе «Leviathan and Its Anglican Context» [20], вошедшем в упоминавшийся «The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan». В этой работе в разделе 2 «Hobbes Against Anglicanism: The Bishops and the Functions of the Clergy» [Ibid. P. 365–369] он вскользь обозначил проблему плохой совместимости идей Гоббса о чудесах (и ряда других идей) с доктринами любых значительных христианских групп того времени [Ibid. P. 365].

Профессор Алан Кромарти (University of Reading, Berkshire, UK) осмыслил идеи Гоббса о чудесах в изданной в 2008 г. статье «The God of Thomas Hobbes» [21]. Здесь Кромарти в тезисной форме осветил изложенные Гоббсом в «Левиафане» идеи 1) о способности совершать чудеса как одного из важнейших качеств религиозного лидера [Ibid. P. 875], 2) об опасности появления современного «пророка», который может приобрести доверие совершением чудес, 3) о библейских пророках, принесящих божественное послание, 4) об определении чуда, 5) о признаках истинного

чуда, 6) о том, кто должен определять истинность чуда, 7) о чудесах в современном мире и некоторые другие [21. P. 877].

Профессор Карло Алтини (Scientific Director, Fondazione Collegio San Carlo, Italy) осмыслял идеи Гоббса о чудесах в опубликованной в 2013 г. в статье «“Kingdom of God” and Potentia Dei. An Interpretation of Divine Omnipotence in Hobbes’s Thought» [22]. Здесь Алтини тезисно описал некоторые аспекты идей Гоббса о чудесах с точки зрения представленных философом в сочинении «The Questions Concerning Liberty, Necessity and Chance, Clearly Stated and Debated Between Dr Bramhall Bishop of Derry and Thomas Hobbes of Malmesbury» трактовок абсолютного действия Бога и Божественной мощи [Ibid. P. 68].

2

Вторую, менее многочисленную группу исследований представляют работы, в которых осмысление идей Гоббса о чудесах носит специальный характер либо же углубляет проблематику этих специальных исследований. Профессор Эдвин Кёрли (University of Michigan, Ann Arbor, USA) осмыслял эти идеи в опубликованном в 1992 г. эссе «“I Durst Not Write So Boldly” or, How to Read Hobbes’ Theological-Political Treatise» [23, 24]. В этой работе Кёрли вынес на защиту пять тезисов, суть которых сводится к следующему: 1) что если мы сравним «Богословско-политический трактат» Спинозы и «Левиафан» Гоббса (который Кёрли также называет богословско-политическим трактатом), то по ряду тем, обсуждаемых ими в теологических частях этих работ, особенно по темам пророчества, чудес и авторитета Писания, мы найдём довольно много таких мыслей в работе Спинозы, которые Гоббс назвал бы более смелыми, чем те, которые он высказал по этим же темам; 2) в тех случаях, когда позиция Спинозы представляется более смелой, менее радикальная позиция Гоббса часто излагается с использованием иронии, вполне вероятно, скрывающей его неортодоксальные взгляды, которые он не решался выразить открыто из-за неблагоприятной политической ситуации; 3) Гоббса правильно рассматривают как предшественника таких деятелей Просвещения, как Вольтер и Юм, что несмотря на почтительность, часто проявляемую им по отношению к ортодоксальным христианским доктринам, он по существу был светским мыслителем, чьи религиозные взгляды являлись подрывными в контексте религиозных взглядов большинства тогдашних европейцев [24. P. 10].

Весьма обстоятельный и сложный анализ идей Спинозы и Гоббса о чудесах произведён Кёрли в двух разделах рассматриваемого эссе: 4 «[Prophecy]» [Ibid. P. 22–28] и 5 «[Miracles]» [Ibid. P. 28–36]. В числе проблем, обсуждаемых Кёрли в 4-м разделе, выступает проблема осмысления выдвинутых Гоббсом в «Левиафане» и в «An Answer to the Bishop Bramhall’s Book...» идей о способности к совершению чудес как необходимому условию пророчества [Ibid. P. 25]. Согласно одному из выводов этого раздела Гоббс, в отличие от Спинозы, никогда явно не подвергал сомнению авторитет тех, кого Писание признавало истинными пророками [Ibid. P. 28]. В основе 5-го раздела лежит осмысление идеи из данного в «Левиафане»

определения чуда, согласно которой оно является действием Бога, манифестирующим Его избранным миссию чрезвычайного Посланника, отправленного для их спасения [24. P. 29–30]. Следует отметить, что в этой связи Кёрли, ссылаясь на Евангелия, комментарии Эразма Роттердамского, Кальвина и т.д., детально разбирает идеи Гоббса о проблемном пассаже из Евангелия от Марка (Мар. 6, 1–6), в котором говорится о неспособности Христа совершить чудеса в Назарете [Ibid. P. 30–34]. Далее Кёрли рассматривает и ряд других идей Гоббса о чудесах [Ibid. P. 34–35]. Резюмируя вышесказанное, Кёрли отмечал, что произведённая Гоббсом критика чудес, как и критика чудес, произведённая Юмом в «Исследовании о человеческом познании», является эпистемологической, а также что критика чудес Спинозы более радикальна, чем критика Гоббса или Юма в том, что она предполагает наличие понимания того, что никакого чуда не бывает, так как истинное чудо является метафизической невозможностью [Ibid. P. 35].

Кёрли продолжил развивать свой подход к осмыслению идей Гоббса о чудесах ещё в нескольких своих работах. В 1996 г. была опубликована его статья «Calvin and Hobbes, or, Hobbes as an Orthodox Christian» [25]. В ней он в сжатом виде представил своё понимание упомянутых идей Гоббса, опираясь на высказанные им в статье «I Durst Not Write So Boldly...» суждения по этому вопросу. Вообще, в основе статьи лежит его полемика с Алоизием Мартиничем о сущности религиозных идей Гоббса в целом и его идей о чудесах в частности. Кёрли напомнил, что в той своей статье он предлагал видеть в Гоббсе деиста и даже атеиста. В свою очередь Мартинич в одном из приложений опубликованной в 1992 г. книги «The Two Gods of Leviathan: Thomas Hobbes on Religion and Politics» [26] выступил с критикой статьи «I Durst Not Write So Boldly...» и доказывал, в свою очередь, что Гоббс был не просто теистом, но и ортодоксальным христианином, правда, проявляя приверженность к кальвинистской ветви английской церкви [25. P. 257]. Кёрли также акцентировал внимание на выдвинутом им ранее предположении о том, что Гоббс был часто ироничен в своих трактовках религии в «Левиафане». Эту особую форму иронии Гоббса Кёрли назвал «suggestion by disavowal» [Ibid. P. 261–262]. С помощью этого риторического приёма автор представляет ряд соображений, подводящих читателя к определённому выводу, а затем заставляет усомниться в том, что этот вывод следует делать. Нечто подобное, по мнению Кёрли, происходит и тогда, когда Гоббс выступает с трактовками пророчества, чудес и Писания в XXXII, XXXIII, XXXVI и XXXVII главах «Левиафана». Формально, по Кёрли, Гоббс считал, что чудеса важны, так как они выступают критерием истинного пророчества (в то время как пророк воспринимается как посланник Бога), и т.д.; но чудеса больше не происходят, и сейчас нужно с осторожностью относиться к тем, кто утверждает, что творит чудеса и претендует на основе этого на роль посланника Бога. На деле же, согласно смыслу рассуждений Кёрли (не поддерживаемых Мартиничем), Гоббс ставит под сомнение не только современные чудеса, но и прошлые (библей-

ские. – В.Я.), а также косвенно и пророчества, которые они засвидетельствовали, и притязание Писания считаться божественным откровением [Ibid. P. 262].

В 1998 г. вышла в свет статья Кёрли «Religion and Morality in Hobbes» [27]. В VI разделе этой статьи – «Hobbes and Spinoza on Miracles» [Ibid. P. 99–102] – Кёрли продолжил анализ идей Гоббса о чудесах, начатый им в уже проанализированной статье «‘I Durst Not Write So Boldly’...». Он сосредоточился здесь в основном на комментировании высказанных Гоббсом в «Левиафане» идей о том, кто и как в современности должен определять истинность чуда и пророка, и о самой возможности прошлых и современных чудес [Ibid. P. 100–102] и т.д. Для сравнения Кёрли прокомментировал некоторые близкие по указанной проблематике рассуждения Спинозы и Лютера.

Кёрли обратился к осмыслению идей Гоббса о чудесах также в эссе «Hobbes and the Cause of Religious Toleration», вошедшем в «The Cambridge Companion to Hobbes’s Leviathan» [28]. Здесь Кёрли, ссылаясь на рассуждения Гоббса в «Левиафане», 1) дал очень краткую сравнительную характеристику своеобразия подходов Гоббса, Спинозы и Юма к истолкованию самой возможности чудес [Ibid. P. 316]; 2) бегло затронул дискуссионные аспекты своего подхода к интерпретации идей Гоббса о чудесах, пророчестве и откровении [Ibid. P. 319].

Другой исследователь – профессор Алоизий Мартинич (University of Texas at Austin, USA) – осмыслял идеи Гоббса о чудесах в своей уже упоминавшейся книге «The Two Gods of Leviathan...» [29]. Несколько раз принимаясь эпизодически обсуждать эти идеи [Ibid. P. 3, 277, 346], Мартинич подробно их проанализировал в Части III «Religion Within the Limits of Science and Politics». Здесь в главе 8 «Revelation, Prophets, and Miracles» данным идеям посвящен раздел «Miracles» [Ibid. P. 236–246]. Сюжет разбит Мартиничем на несколько подразделов с подзаголовками, фиксирующими проблематику осмысления им идей Гоббса о чудесах: «Why Hobbes Discusses Miracles» [Ibid. P. 236–237]; «Who Performs Miracles?» [Ibid. P. 237–239]; «Miracles and Science» [Ibid. P. 239–245]; «Neutralizing the Political Force of Miracles» [Ibid. P. 245–246]. Можно выделить следующие ключевые линии в осмыслении Мартиничем рассматриваемых идей Гоббса.

Во-первых, по его мнению, в Главе XXXVII «Левиафана» Гоббс произвёл два противоречивых обсуждения чудес – религиозное и научное [Ibid. P. 237]. Однако Мартинич явно считает эти обсуждения Гоббса взаимодополняющими, а не конфликтующими или подрывающими религиозные догмы. На это указывает и высказанное Мартиничем предположение о том, что Гоббс написал две версии главы о чудесах, а затем объединил позднюю (научную) и раннюю (религиозную) версию, расположив их в окончательном варианте главы одну после другой соответственно [Ibid. P. 244–245].

Во-вторых, согласно Мартиничу, Гоббс описывал понятие чуда (наряду с понятиями откровения и пророков) так, чтобы отображаемые с их помощью религиозные феномены не конфликтовали с нововремен-

ной наукой и не дестабилизировали общепринятые политические устои [29. P. 246].

Мартинич развивал свою концепцию осмысления идей Гоббса о чудесах в ряде других работ. В 1997 г. была издана книга Мартинича «Thomas Hobbes» [30]. Достаточно обстоятельный анализ этих идей, изложенных Гоббсом в сочинениях «Левиафан», «О свободе и необходимости» («Of Liberty and Necessity»), «An Answer to Bishop Bramhall’s Book...», произведён здесь в разделах Главы 3 «Religious Views». В разделе «Philosophy of Religion» [Ibid. P. 69] Мартинич обсуждал такую проблему, как многогранность, сложность идей Гоббса об откровении, о пророках и чудесах. В разделе «Prophets» [Ibid. P. 71–75] Мартинич анализировал идеи Гоббса о ветхозаветных признаках истинного пророка, о верховном пророке [Ibid. P. 73], о епископе Брэмхолле (Bramhall) как пророке «without miracles» [Ibid. P. 74], 5) об истинном пророке, истинных чудесах и ложных доктринах [Ibid. P. 75]. В разделе «Miracles» [Ibid. P. 75–77] Мартинич прокомментировал идеи Гоббса о чудесах по четырём позициям, выделенным им в определении чуда, данном философом в главе XXXVII «Левиафана»: «*A Miracle, is [1] a work of God, [2] (besides his operation by the way of Nature, ordained in the Creation,) [3] done for the making manifest to his elect, (4) the mission of an extraordinary Minister for their salvation*» (курсив в тексте мой. – В.Я.) [Ibid. P. 75].

В 4-м разделе «Conclusion» эссе «The Bible and Protestantism in Leviathan» [31], вошедшем в «The Cambridge Companion to Hobbes’s Leviathan», Мартинич тезисно обозначил принадлежность взглядов Гоббса о чудесах (и ряда других взглядов) к кругу его протестантских воззрений [Ibid. P. 389].

В 2009 г. вышла в свет статья Мартинича «Hobbes’s Erastianism and Interpretation» [32]. Здесь Мартинич выступил с критикой трактовок идей Гоббса о чудесах, предложенных доцентом Джефффри Коллинзом (Queen’s University at Kingston, Canada) в изданной в 2005 г. книге «The Allegiance of Thomas Hobbes» [33]. В частности, Мартинич усомнился в правильности истолкования Коллинзом обнаруживаемых в «Левиафане» скептических идей Гоббса по отношению к откровению, чудесам и религиям откровения [32. P. 151] и рассуждений Гоббса об утилитарном значении чудес [32. P. 155; 33. P. 28–30].

Интересные аспекты осмысления идей Гоббса о чудесах были подняты в начале 2000-х гг. доцентом Марином Бертманом и исследователем, ныне доцентом Джоном Уипплом.

Мартин Бертман (International Hobbes Association; University of Helsinki, Finland) осмыслял идеи Гоббса о чудесах в опубликованной в 2007 г. статье «Hobbes on Miracles (and God)» [34]. Работа создана с привлечением солидного числа источников и литературы и состоит из трёх разделов без специальных подзаголовков: I [Ibid. P. 40–49], II [Ibid. P. 49–57], III [Ibid. P. 58–62]. Следует отметить, что вопреки названию статьи осмысление Бертманом идей Гоббса о чудесах, изложенных философом в «Левиафане», подчинено осмыслению онтологических, религиозно-политических и религиозно-теологических идей Гоббса и

произведено, в основном, в разделе II. Некоторые ключевые соображения Бергмана по соответствующему вопросу можно представить следующим образом: 1) Платон рекомендует цензурировать религиозные истории (мифы) для предотвращения опасности. В этой мере интерпретация Гоббсом Писания имеет ту же цель. То, что он делает, интерпретируя Писание, особенно чудеса, подтверждающие «волю» Бога, защищает гражданского суверена [34. P. 50–51]; 2) для Гоббса, при его протестантской ориентированности, Библия со стороны представления Слова Бога является твёрдым авторитетом постапостолического периода, на протяжении которого не может быть чудес как знака для нового или усиленного авторитета [Ibid. P. 51]; 3) конечно, риторика Гоббса бережна к признанию чудес, разве что как необъяснимых природных явлений, которые являются знаками Бога, игнорирующими законы природы, чтобы вызвать удивление, которое стимулирует веру [Ibid. P. 56].

Джон Уиппл (University of Illinois at Chicago, USA) осмыслил идеи Гоббса о чудесах в опубликованной в 2008 г. статье «Hobbes on Miracles» [5]. Здесь им произведён весьма обстоятельный анализ практически всего комплекса изложенных Гоббсом в «Левиафане» идей о чудесах. Проблематика анализа хорошо представлена следующими разделами статьи: 1 «Introduction» [Ibid. P. 117–119]; 2 «Preliminary Analysis» [Ibid. P. 119–123]; 3 «Scientific and Theological Constraints on Hobbes's Account» [Ibid. P. 123–125]; 4 «The Consistency of Hobbes's Account» [Ibid. P. 125–131]; 5 «Miracles and Political Stability» [Ibid. P. 131–136]; 6 «Miracles and Science» [Ibid. P. 136–139]. Основные тезисы, защищаемые Уипплом в статье, хорошо обозначены в аннотации и во введении. Уиппл считает, что 1) Гоббс предлагает одно толкование чудес, а не несколько различных толкований, 2) главная цель Гоббса политическая – он хочет объяснить, как надо понимать учение о чудесах для того, чтобы оно не представляло угрозу политической стабильности. Кроме того, Уиппл выразил убеждение, 3) рассуждения Гоббса о чудесах не предназначались для того, чтобы подорвать учение о чудесах в полном объёме, и что 4) рассмотренные воззрения Гоббса о чудесах совместимы с современным научным мировоззрением, приверженцем которого он являлся [Ibid. P. 117–119].

Заключение. Таким образом, проведённый анализ позволяет выявить следующие основные тенденции осмысления некоторыми ведущими западными исследователями конца XX–XXI вв. идей Гоббса о чудесах.

Во-первых, следует отметить, что наиболее многочисленную группу составляют работы западных исследователей конца XX–XXI вв., в которых осмысле-

ние идей Гоббса о чудесах не носит специального характера и вплетено в контекст анализа религиозно-философских, религиозно-политических и религиозно-теологических идей Гоббса. В таком ключе осмысливают идеи Гоббса о чудесах К. Алтини, Д. Коллинз, А. Кромарти, Ф. Лессай, Б. Милнер, Д. Райт, И. Соммервиль, С. Шапин, С. Шаффер. Как правило, предметом их внимания становится не весь комплекс идей Гоббса о чудесах, наиболее полно представленный, как уже говорилось, в «Левиафане», а лишь часть идей, связанных в основном с размышлениями философа по проблемам цели чудес, сущности истинных и ложных чудес, роли суверена в истолковании чудес. Указанные авторы почти никогда не говорят об этом открыто, но, судя по контексту, они считают идеи Гоббса о чудесах амбивалентными проявлениями то его подточенного свободомыслием теизма, то его восприимчивости к идеям деизма и протестантизма.

Во-вторых, в указанный период времени стали появляться и такие работы западных исследователей, в которых осмысление идей Гоббса о чудесах носит специальный характер либо же углубляет проблематику этих специальных исследований. Речь идёт о работах М. Бергмана, Э. Кёрли, А. Мартинича, Дж. Уиппла. Именно эти авторы обратились к осмыслению всего комплекса идей Гоббса о чудесах, превратив эти идеи в предмет целенаправленного изучения. Значительный интерес представляют принадлежащие перечисленным исследователям острополюемические оценки сущности идей Гоббса о чудесах. Если говорить обобщённо, Бергман делает акцент на протестантской направленности этих идей, Кёрли говорит об их подрывной природе, Мартинич выдвигает на первый план стремление Гоббса примирить христианские представления о чудесах и науку, Уиппл ставит во главу угла теистическую и религиозно-политическую направленность идей Гоббса о чудесах.

Таким образом, в-третьих, проведя разноплановую, но, без всякого сомнения, продуктивную работу по осмыслению идей Гоббса о чудесах, вышеназванные западные исследователи конца XX–XXI вв. создали хороший фундамент для дальнейшего изучения ряда важнейших аспектов этих идей. Среди таковых, например, можно выделить уже обозначенные некоторыми перечисленными западными авторами проблемы связи идей Гоббса о чудесах с его свободомыслием, определения места идей Гоббса о чудесах в системах его теистических, деистических и атеистических воззрений. Сюда же следует также добавить ещё недостаточно изученную западными исследователями конца XX–XXI вв. проблему степени влияния идей Гоббса о чудесах на соответствующие идеи других английских философов раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана // Гоббс Т. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2 / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов. С. 3–545.
2. Hobbes T. Leviathan: or, the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil // The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury / now first collected and edited by Sir William Mollesworth. London: John Bohn, Henrietta Street, Covent Garden, 1839. Vol. 3. xii, 714, [2] p.
3. Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes: Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols. Hamburg : Hanseatische Verlagsgesellschaft, [c1938]. 132 p.

4. Schmitt C. *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol* / foreword and introd. by G. Schwab ; transl. by G. Schwab and E. Hilfstein. Westport, Conn. ; London : Greenwood, 1996. xxxi, 121 p.
5. Whipple J. *Hobbes on Miracles* // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 89 (1). P. 117–142.
6. Burns R.M. *The Great Debate on Miracles: From Joseph Glanvill to David Hume*. Lewisburg : Bucknell University Press, 1981. 305 p.
7. Geisler N.L. *Miracles and Modern Thought: A Defense of Biblical Miracles* / with a response by R.C. Sproul. Grand Rapids, Mich. : Zondervan Pub. House; Dallas, Tex.: Probe Ministries International, 1982. 168 p.
8. Dawes G.W. *Theism and Explanation*. New York : Routledge, 2009. ix, 211 p.
9. Corner D. *The Philosophy of Miracles*. London : Continuum, 2007. viii, 162 p.
10. Mackie J.L. *The Miracle of Theism: Arguments for and Against the Existence of God*. Oxford : Clarendon Press, 1982. 268 p.
11. Oppy G. *Arguing About Gods*. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 2006. xix, 449 p.
12. Sobel J.H. *Logic and Theism: Arguments For and Against Beliefs in God*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. xix, 652 p.
13. Swinburne R. *The Concept of a Miracle*. London : Macmillan, 1970. ix, 76 p.
14. *The Cambridge Companion to Miracles* / ed. by G.H. Twelftree. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. xiv, 338 p.
15. Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life: including a Translation of Thomas Hobbes, Dialogus Physicus de Natura Aeris*, by Simon Schaffer. Princeton, N. J. ; Chichester : Princeton University Press, 1985. xiv, 440 p.
16. Milner B. 1. *Hobbes: On Religion* // *Political Theory*. 1988. Vol. 16, № 3. P. 400–425.
17. Lessay F. *Hobbes and Sacred History* // *Hobbes and History* / ed. by G.A.J. Rogers and T. Sorell. London : Routledge, 2000. Part II: *Hobbesian Histories*, [section] 9. P. 146–158.
18. Lessay F. *Hobbes's Covenant Theology and Its Political Implications* // *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan* / ed. by P. Springborg. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. Part III: *Of a Christian Commonwealth*, [section] 10. P. 243–270.
19. Wright G.H. *Religion, Politics and Thomas Hobbes*. Dordrecht : Springer, 2006. xiv, 348 p.
20. Sommerville J. *Leviathan and Its Anglican Context* // *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Cambridge, 2007. Part IV: *Of the Kingdom of Darkness*, [section] 15. P. 358–374.
21. Cromartie A. *The God of Thomas Hobbes* // *The Historical Journal*. 2008. Vol. 51, № 4. P. 857–879.
22. Altini C. «Kingdom of God» and Potentia Dei. An Interpretation of Divine Omnipotence in Hobbes's Thought // *Hobbes Studies*. 2013. Vol. 26 (1). P. 65–84.
23. Curley E.M. «I Durst Not Write So Boldly» or, How to Read Hobbes' Theological-Political Treatise // *Hobbes e Spinoza: scienza e politica: atti del convegno internazionale, Urbino, 14–17 ottobre, 1988* / a cura di D. Bostrenghi; introduzione di E. Giancotti. Napoli : Bibliopolis, 1992. P. 497–594.
24. Curley E.M. «I Durst Not Write So Boldly» or, How to Read Hobbes' Theological-Political Treatise. P. 1–59. URL: https://docs.google.com/document/d/1dZ2hUU_HHcqDB5Hla4DhyZhg5epJ-79U8I8G9LTPBTg/edit (дата обращения: 25.01.2017).
25. Curley E.M. *Calvin and Hobbes, or, Hobbes as an Orthodox Christian* // *Journal of the History of Philosophy*. 1996. Vol. 34, № 2. P. 257–271.
26. Martinich A.P. Appendix A: *Curley on Hobbes* // *The Two Gods of Leviathan: Thomas Hobbes on Religion and Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 339–353.
27. Curley E. *Religion and Morality in Hobbes* // *Rational Commitment and Social Justice: essays for Gregory Kavka* / ed. by J.L. Coleman, C.W. Morris. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 90–121.
28. Curley E. *Hobbes and the Cause of Religious Toleration* // *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Part III: *Of a Christian Commonwealth*, [section] 13. P. 309–334.
29. Martinich A.P. *The Two Gods of Leviathan: Thomas Hobbes on Religion and Politics*. Cambridge, 1992. xiv, 430 p.
30. Martinich A.P. *Thomas Hobbes*. Basingstoke : Macmillan Press, 1997. ix, 156 p.
31. Martinich A.P. *The Bible and Protestantism in Leviathan* // *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Part IV: *Of the Kingdom of Darkness*, [section] 16. P. 375–391.
32. Martinich A.P. *Hobbes's Erastianism and Interpretation* // *Journal of the History of Ideas*. 2009. Vol. 70, № 1. P. 143–163.
33. Collins J.R. *The Allegiance of Thomas Hobbes*. Oxford : Oxford University Press, 2005. xii, 313 p.
34. Bertman M.A. *Hobbes on Miracles (and God)* // *Hobbes Studies*. 2007. Vol. 20 (1). P. 40–62.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 мая 2017 г.

COMPREHENSION OF THE IDEAS OF T. HOBBS ABOUT MIRACLES BY WESTERN RESEARCHERS OF THE LATE 20TH–21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 86–92.

DOI: 10.17223/15617793/419/11

Valentin V. Yakovlev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

Keywords: T. Hobbes; ideas about miracles; Western historians of philosophy.

The article is devoted to identifying the main trends in the comprehension by some leading Western researchers of the end of the 20th–21st centuries of the ideas of Hobbes about miracles, which he described in several writings. The article presents a detailed analysis of a representative number of scientific articles, essays, monographs of some contemporary Western researchers. The introduction describes the purpose, the task, relevance, scientific novelty of the article and the methods used. The first part analyzes the works of C. Altini, J. R. Collins, A. Cromartie, F. Lessay, B. Milner, G. H. Wright, J. Sommerville, S. Shapin, S. J. Schaffer. The second part analyzes the works of M. A. Bertman, E. M. Curley, A. P. Martinich, J. Whipple. At the end of the article the author has made the following conclusions. Firstly, it is noted that the most numerous group consists of works considered in the first part of the article; there the comprehension of the ideas of Hobbes about miracles is not of a special character and interweaves in the context of the analysis of religious-philosophical, religious-political and religious-theological ideas of Hobbes. It is indicated that, as a rule, the subject of attention in these works is not the whole complex of Hobbes's ideas about miracles, but only part of the ideas associated mainly with the reflections of the philosopher on the problems of 1) the purpose of miracles, 2) the essence of true and false miracles, 3) the role of the sovereign in the interpretation of miracles. It is stressed that the authors of these works almost never talk about it openly, but, judging by the context, they consider Hobbes's ideas about miracles to be ambivalent manifestations of either his theism undermined by freethinking or his receptivity to the ideas of deism and Protestantism. Secondly, it is noted that a smaller group consists of works considered in the second part of the article; there the comprehension of Hobbes's ideas about miracles is of a special character, or deepens the problem field of these special studies. The authors of such works comprehended the whole complex of Hobbes's ideas about miracles, transforming these ideas into a subject of a purposeful study. In a generalized form, acutely polemical assessments of the essence of Hobbes's ideas about miracles belonging to the aforementioned researchers are given. Thirdly, it is noted that Western researches of the end of the 20th–21st centuries created a good foundation for a further study of a number of the

most important aspects of Hobbes's ideas about miracles. Among those, the author of the article marked problems of 1) connection of Hobbes's ideas about miracles with his freethinking, 2) determination of the place of Hobbes's ideas about miracles in the systems of his theistic, deistic and atheistic views, 3) the degree of influence of Hobbes's ideas about miracles on the relevant ideas of other English philosophers of the early modern period.

REFERENCES

1. Hobbes, T. (1991) *Leviathan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State]. Translated from English by. A. Guterman. In: Sokolov, V.V. (ed.) *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
2. Hobbes, T. (1839) *Leviathan: or, the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*. In: Mollesworth, W. (ed.) *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, now first collected and edited by Sir William Mollesworth. Vol. 3. London: John Bohn, Henrietta Street, Covent Garden.
3. Schmitt, C. (c. 1938) *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes: Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols* [The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol]. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
4. Schmitt, C. (1996) *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol*. Translated from German by G. Schwab and E. Hilfstein. Westport, Conn.; London: Greenwood.
5. Whipple, J. (2008) Hobbes on Miracles. *Pacific Philosophical Quarterly*. 89 (1). pp. 117–142.
6. Burns, R.M. (1981) *The Great Debate on Miracles: From Joseph Glanvill to David Hume*. Lewisburg: Bucknell University Press.
7. Geisler, N.L. (1982) *Miracles and Modern Thought: A Defense of Biblical Miracles*. Grand Rapids, Mich.: Zondervan Pub. House; Dallas, Tex.: Probe Ministries International.
8. Dawes, G.W. (2009) *Theism and Explanation*. New York: Routledge.
9. Corner, D. (2007) *The Philosophy of Miracles*. London: Continuum.
10. Mackie, J.L. (1982) *The Miracle of Theism: Arguments for and Against the Existence of God*. Oxford: Clarendon Press.
11. Oppy, G. (2006) *Arguing About Gods*. New York; Cambridge: Cambridge University Press.
12. Sobel, J.H. (2004) *Logic and Theism: Arguments For and Against Beliefs in God*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Swinburne, R. (1970) *The Concept of a Miracle*. London: Macmillan.
14. Twelftree, G.H. (ed.) (2011) *The Cambridge Companion to Miracles*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Shapin, S. & Schaffer, S. (1985) *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life: including a Translation of Thomas Hobbes, Dialogus Physicus de Natura Aeris, by Simon Schaffer*. Princeton, N.J.; Chichester: Princeton University Press.
16. Milner, B. (1988) I. Hobbes: On Religion. *Political Theory*. 16:3. pp. 400–425.
17. Lessay, F. (2000) Hobbes and Sacred History. In: Rogers, G.A.J. & Sorell, T. (eds) *Hobbes and History*. Part II: Hobbesian Histories, [section] 9. London: Routledge.
18. Lessay, F. (2007) Hobbes's Covenant Theology and Its Political Implications. In: Springborg, P. (ed.) *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Part III: Of a Christian Commonwealth, [section] 10. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Wright, G.H. (2006) *Religion, Politics and Thomas Hobbes*. Dordrecht: Springer.
20. Sommerville, J. (2007) Leviathan and Its Anglican Context. In: Springborg, P. (ed.) *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Part IV: Of the Kingdom of Darkness, [section] 15. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Cromartie, A. (2008) The God of Thomas Hobbes. *The Historical Journal*. 51:4. pp. 857–879.
22. Altini, C. (2013) "Kingdom of God" and Potentia Dei. An Interpretation of Divine Omnipotence in Hobbes's Thought. *Hobbes Studies*. 26 (1). pp. 65–84.
23. Curley, E.M. (1992) "I Durst Not Write So Boldly" or, How to Read Hobbes' Theological-Political Treatise. *Hobbes e Spinoza: scienza e politica* [Hobbes and Spinoza: science and politics]. Proceedings of the international convention. Urbino. 14–17 October 1988. Naples: Bibliopolis. pp. 497–594.
24. Curley, E.M. (1992) "I Durst Not Write So Boldly" or, How to Read Hobbes' Theological-Political Treatise. [Online] Available from: https://docs.google.com/document/d/1dZ2hUU_HHcqDB5Hla4DhyZhg5epJ-79U818G9LTPBTg/edit. (Accessed: 25.01.2017).
25. Curley, E.M. (1996) Calvin and Hobbes, or, Hobbes as an Orthodox Christian. *Journal of the History of Philosophy*. 34:2. pp. 257–271.
26. Martinich, A.P. (1992) *The Two Gods of Leviathan: Thomas Hobbes on Religion and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 339–353.
27. Curley, E. (1998) Religion and Morality in Hobbes. In: Coleman, J.L. & Morris, C.W. (eds) *Rational Commitment and Social Justice: essays for Gregory Kavka*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Curley, E. (2007) Hobbes and the Cause of Religious Toleration. In: Springborg, P. (ed.) *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Part III: Of a Christian Commonwealth, [section] 13. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Martinich, A.P. (1992) *The Two Gods of Leviathan: Thomas Hobbes on Religion and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
30. Martinich, A.P. (1997) *Thomas Hobbes*. Basingstoke: Macmillan Press.
31. Martinich, A.P. (2007) The Bible and Protestantism in Leviathan. In: Springborg, P. (ed.) *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Part IV: Of the Kingdom of Darkness, [section] 16. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Martinich, A.P. (2009) Hobbes's Erastianism and Interpretation. *Journal of the History of Ideas*. 70:1. pp. 143–163.
33. Collins, J.R. (2005) *The Allegiance of Thomas Hobbes*. Oxford: Oxford University Press.
34. Bertman, M.A. (2007) Hobbes on Miracles (and God). *Hobbes Studies*. 20 (1). pp. 40–62.

Received: 05 May 2017

ИСТОРИЯ

УДК 327

С.П. Артеев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются теоретические аспекты деятельности субгосударственных / субнациональных акторов международных отношений. Автор полагает, что внутренние регионы государств являются наиболее специфичными международными акторами. Уделяется внимание проблемам глобализации и регионализации, зарубежным практикам международных субнациональных связей, вопросам суверенитета, правосубъектности и национальной нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: субгосударственные / субнациональные акторы; международные / внешние связи регионов; регионализация; глобализация.

Международные отношения (МО) сегодня имеют тенденцию к повышению своей значимости за счет расширения «вширь» и «вглубь». Это происходит и через вовлечение в них новых игроков, в том числе внутригосударственных регионов. Изучение международной деятельности регионов государств требует обращения к ряду теоретических аспектов. В таком случае результаты изучения соответствующих конкретных практик на эмпирическом уровне будут обладать большей степенью валидности и верифицируемости. *Несмотря на наличие ряда дискуссионных моментов, на сегодняшний день регионы государств являются наиболее специфичными акторами международных отношений, потому что существенно отличаются и от традиционных, и от остальных не-традиционных акторов.*

С целью обоснования данного тезиса в статье рассмотрены проблемы глобализации и регионализации, приведен анализ зарубежных практик международных субнациональных связей, проанализирована специфика субгосударственных акторов, в том числе вопросы суверенитета и правосубъектности, а также национальной нормативно-правовой базы.

Информационная база статьи включает в себя, прежде всего, работы видных отечественных специалистов в сфере международной деятельности внутригосударственных регионов [1–6], а также исследования других авторов по смежным вопросам [7–18]. Аналитико-синтетическая переработка полученных сведений позволяет раскрыть тему исследования.

Теоретико-методологическая основа исследования носит полидисциплинарный характер и опирается на методы, применяемые в исторической и политической науках. В работе применяются историко-генетический метод и метод логико-интуитивного моделирования.

Выход на международную арену внутригосударственных регионов тесно сопряжен с процессами глобализации и регионализации. В контексте темы исследования необходимо обозначить некоторые ключевые дефиниции. Прежде всего речь идет о глобализации / глобализме и регионализации / регионализме.

Глобализация является сложнейшим феноменом, по которому существует огромный разброс точек зрения, подчас взаимоисключающих [8. С. 8–53; 9].

В качестве функционального определения подходит точка зрения одного из родоначальников изучения этого феномена, выдающегося британского социолога Э. Гидденса. По его мнению, глобализация – это сложное сочетание ряда неравномерных и противоречивых процессов, включающих в себя новый порядок распределения суверенитета, иную структуру экономики, возникновение новых идентичностей и социально-культурных зон и явлений [7. С. 29–30]. Такое определение оптимально подходит для анализа сложных феноменов, связанных с глобализацией, в контексте темы работы. Глобализм в таком случае выполняет функцию идейной платформы процессов глобализации. В то же время глобализация тесно связана с регионализацией.

Регионализация – это комплексный процесс усиления различных параметров взаимной зависимости в рамках определенной территории [1. С. 8]. В качестве параметров могут выступать политические, экономические, социальные и культурные категории. Также следует отметить, что регионализация является и новым режимом распределения властных полномочий и предметов ведения. Несмотря на схожесть с глобализацией по признаку усиления взаимозависимости, регионализация зачастую понимается как некая антитеза глобализации. Однако на деле она играет двоякую роль. Регионализация является своеобразным защитным механизмом от возможных негативных последствий глобализации. Одновременно с этим регионализация играет роль своеобразной институциональной площадки по апробации важнейших моделей для последующего внедрения на глобальном уровне. Если глобализация выполняет функции централизации и унификации, то регионализация, напротив, стремится осуществить деконцентрацию и децентрализацию (если смотреть на глобальном уровне). Появляется феномен регионализма как самоидентификационной идеи в рамках определенной территории. В результате регионализация и регионализм становятся важнейшими явлениями, без которых невозможна глобализация.

Взаимодействие трендов глобализации и регионализации в последней трети XX века привело к разнообразным последствиям. Одним из наиболее существенных стали появление и активное участие на си-

стематической основе в международной жизни новых «нетрадиционных» игроков в виде НКО, НПО, ТНК, этнорелигиозных движений и т.п. Помимо этого, можно говорить и о значительном усложнении типов взаимодействия, возникшем в связи с акторным многообразием. Некоторые авторы даже предлагают концепцию трехуровневой системы международных отношений [6]. При этом необходимо отметить, что идея трех уровней МО, одним из которых является субнациональный, пока не получила широкого признания и не имеет статуса «канонического» постулата ТМО. В то же время она обладает значительным объяснительным потенциалом.

Межгосударственный уровень взаимодействия был и остается доминирующим. Вероятнее всего в обозримой перспективе ситуация не изменится. Однако появление двух других уровней довольно существенно влияет на структуру межгосударственных отношений.

Наднациональный уровень международных отношений известен достаточно давно. В зависимости от теоретико-методологической позиции исследователя, соответствующие примеры можно отыскать, начиная с периода Древнего мира. Однако по-настоящему большую роль в мировой политике наднациональные структуры стали играть во второй половине XX в. И если межгосударственные отношения выполняют роль фундамента здания международных отношений, то наднациональные организации являются его крышей, без которой нормальное существование системы невозможно. Тесное переплетение видов, форм и форматов международного взаимодействия между акторами разных типов породило явление «многоэтажности» [1. С. 29–31].

Между тем в последней трети XX в. начались процессы становления и развития третьего уровня международного взаимодействия, ставшего своеобразным порождением союза национального и наднационального уровней. Именно в 1950–1970-е гг. регионы государств выходят на международную арену и начинаются процессы институализации их международной деятельности. В отличие от ТНК, НПО и НКО премьера получилась достаточно тихой и незаметной как в общественном сознании, так и в академическом сообществе. Несмотря на это, институализация субнационального / субгосударственного уровня международных отношений имеет большое значение, поскольку субнациональный уровень взаимодействия обладает наиболее значительным кооперационным потенциалом при наименьшей удельной доле конфронтационности. Это связано со спецификой субнациональных акторов международных отношений и историческим контекстом становления их международной деятельности. Следует отметить, что в новейшей истории первыми на международную арену вышли внутригосударственные регионы государств Западной Европы и Северной Америки.

На Западе во второй половине XX в. набирающие силу процессы глобализации и регионализации смещали концентрацию властных полномочий от государств-наций по двум направлениям: с одной стороны, к наднациональным акторам; с другой – к

субгосударственным (субнациональным) [5. С. 25]. В ФРГ, США и Канаде эти процессы начались еще в 1950–1960-е гг. и носили плавный поступательный характер, постепенно набирая скорость под воздействием глобализационных процессов. Однако причины выхода на международный уровень были различными. У американских штатов такая возможность была со времени основания своего государства, но на протяжении двух столетий они не имели соответствующих партнеров – диагональные связи запрещались Центром [3. С. 37–42]. Кроме того, специфика правовой системы США периодически оказывает отрицательное влияние на международные связи штатов. Канадские провинции изначально обладали значительной степенью самостоятельности, высокой культуральной специфичностью (особенно Квебек) и экономической ориентированностью за пределы Канады [Там же. С. 32–37]. «Временная», но до сих пор успешно функционирующая Конституция ФРГ 1949 г. может считаться образцом права в области международной деятельности регионов государств. Ни в одном другом основном законе эти вопросы не обозначены столь тщательно и продуманно. В отличие от других конституций в основном законе Германии не просто разграничены предметы ведения между федерацией и регионами, а предусмотрен механизм обязательного учета мнения земель [Там же. С. 42–45].

Помимо национального уровня, еще одним из источников появления субгосударственных акторов стал и наднациональный уровень международных отношений. В этом плане наиболее характерен пример Европейского союза, где все больше полномочий передается к наднациональным управленческим структурам и в то же время государства проводят реформы, позволяющие субгосударственным субъектам как федеративных, так и унитарных государств осуществлять международную активность по широкому спектру направлений [3. С. 32–45; 4. С. 64–104; 17. С. 169–242]. Идея «Европы регионов», которую в середине XX в. активно продвигал Дени де Ружемон, была призвана «обойти» неповоротливость и косность традиционных государств-наций снизу [10]. Вкупе с созданием общеевропейских наднациональных структур сверху это, как полагают сторонники данной модели, позволило бы создать действительно единую Европу [Там же]. В результате регионы государств Западной Европы получили двойную поддержку в ходе своего становления в качестве международных акторов [2. С. 477]. Однако необходимо учитывать и особый характер субнациональных акторов МО.

Субгосударственные акторы МО обладают высокой степенью специфичности. Это связано с их комбинированной природой. С одной стороны, регионы в международно-правовом плане вторичны относительно своих государств и в то же время имеют «государственную природу». Кстати, в литературе понятия «нетрадиционный актор МО» и «негосударственный актор МО» (в том числе субгосударственный / субнациональный) зачастую используются как взаимозаменяемые, что является не вполне корректным. Регион государства нельзя назвать негосударственным актором в чистом виде. Однако при этом они «свободны»¹

от военно-политической составляющей, что сближает их с другими нетрадиционными игроками по используемому инструментарию ведения международных дел. На примере России фундаментальная разница в подходах Центра и субъектов РФ к международным делам проявляется в ориентации на разные парадигмы. Федеральный центр склонен опираться на геополитику, а регионы – на геоэкономику [1. С. 25].

Анализ международной деятельности субгосударственных акторов также требует внимания к понятию «масштаб общности». Имеется в виду, что территориальные общности сильно отличаются по своим размерам. Как отмечают исследователи, средний российский регион зачастую соотносится по масштабам со средним европейским государством [Там же. С. 63]. Это означает разницу институциональных статусов. И далее возникают юридические трудности и коллизии. Особенно много их было в 1990-е гг. в России. Федеральный центр достаточно болезненно реагировал именно на заключение диагональных соглашений по типу «субъект РФ – зарубежное государство», хотя с правовой точки зрения это прямо не запрещалось. В то же время экономически крупные инфраструктурные и производственные проекты легче реализовать именно таким образом. Иначе говоря, происходит конкуренция геополитики и геоэкономики.

Вопрос о соотношении политического и неполитического в международной деятельности регионов государств также представляет значительный интерес. Формально в большинстве государств мира, где регионы имеют возможность участвовать в международных делах, внешнеполитическая сфера – это прерогатива Центра. В то же время субнациональные акторы способны весьма сильно влиять на контекст межгосударственных отношений за счет международной активности в «своих» сферах: экономической, научно-образовательной, культурной, гуманитарной и т.п. В этом случае внешние связи регионов страхуют магистраль межгосударственного взаимодействия.

В то же время субнациональные акторы могут быть прямо вовлечены во внешнеполитический курс своего государства. При этом можно выделить несколько форм такой вовлеченности:

- включение региональных представителей в состав комиссий и рабочих групп по подготовке международных межгосударственных договоров;
- участие представителей региональных властей в международных переговорах;
- презентационная деятельность в ходе международных выставок;
- участие представителей регионов в крупных международных экспертно-аналитических форумах, конвентах, конференциях и т.п.

Грамотное использование этих инструментов повышает возможности для поиска точек соприкосновения и компромиссов. На сегодняшний день в большинстве государств, где есть субнациональные акторы, такая практика существует, но масштабы ее весьма варьируются от страны к стране. Проблема участия регионов в формировании внешнеполитической повестки своего государства зачастую упирается в вопрос о степени самостоятельности региона в меж-

дународных делах. В свою очередь самостоятельность определяется через суверенитет и правосубъектность.

В качестве относительно устоявшегося определения суверенитета понимается «вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключая всякую иностранную власть, а также подчинение государства властям иностранных государств в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета» [14]. Как следует из определения, суверенитет имплицитно подразумевает наличие независимости у государства. Между тем на практике если независимость – это всегда суверенитет, то суверенитет – не всегда независимость. Несмотря на то что значительная часть правоведов-международников придерживается тезиса о неделимости суверенитета, в истории и современности есть немало примеров, которые ставят его под сомнение. За тезисом об абсолютной цельности суверенитета просматривается излишняя ориентированность на нормативный идеал. Сегодня исследователи из самых разных областей научного знания стремятся рассматривать суверенитет не только с правовых, но и с политологических, экономических, социологических точек зрения. И в результате приходит понимание, что суверенитет – это скорее многоуровневый сложный процесс, нежели некий статичный результат, подчиненный бинарной логике. В данной работе используется трактовка суверенитета, предложенная М.В. Ильиным: суверенитет – общепризнанный политический принцип и его институты, которые обеспечивают возможность существования суверенов и их устойчивое сосуществование друг с другом [11. С. 20–21].

Необходимо отметить, что в общем и целом субгосударственные акторы никогда не обладают независимостью, но нельзя сказать того же насчет суверенитета. В отдельных случаях субнациональные игроки обладают определенным суверенитетом. При этом это не всегда фиксируется в нормативно-правовой базе, но вполне может являться фактической нормой во взаимодействии между Центром и регионами. Например, взаимоотношения между Центром и субъектами РФ в 1990-е гг. строились по модели «двойного суверенитета».

Однако самое главное, что наличие суверенитета в той или иной форме вовсе не является обязательным условием для осуществления внутригосударственными регионами своей международной деятельности. Более того, сильные суверенные позиции своего государства на международной арене в самых разных сферах являются залогом успешной деятельности его регионов. Помимо вопросов суверенитета, важно понимать и статус субгосударственного актора с точки зрения его правосубъектности.

Вопрос о правосубъектности регионов государств в международных делах является предметом дискуссий. Многие исследователи считают, что субгосударство формально не является субъектом международного права. Данная точка зрения представляется излишне категоричной и однозначной. И хотя однозначной оценки на правосубъектность субгосударств

или ее отсутствие еще не выработано, все же, исходя из фактического положения дел, правильнее говорить о наличии у них, по крайней мере, частичной или специфической правосубъектности [2. С. 480–481; 3. С. 11–32, 157–159]. Отталкиваясь от понимания международной правосубъектности как непосредственной прямой подчиняемости действию норм международного права [13], очевидно, что субгосударственные акторы действует именно в таком статусе [12] – статусе субъекта международного права. Как отмечают юристы МГИМО и Дипломатической академии МИД РФ, международная правосубъектность субъектов федерации зависит, прежде всего, от наличия легальной возможности самостоятельно выходить в сферу межгосударственных отношений при признании старшинства федерации [16. С. 58]. При этом не столь важно, закреплено ли данное право субъектов в конституции.

Следует сказать, что в Конституции РФ право ее субъектов осуществлять международные связи (совместно с федеральным Центром) закреплено². И это право субъектов напрямую не связано с вопросом суверенитета, который, согласно определению Конституционного Суда РФ, «в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, то есть не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации» [19]. К тому же юристы-международники отмечают, что государственно-подобные образования типа вольных городов Данцига и Триеста, существование которых приходится на вторую треть XX в., могут обладать некоторыми элементами международной правосубъектности [15]. Помимо вольных городов, можно обратиться также к примерам существования британских заморских территорий, американских неинкорпорированных организованных территорий, а также к взаимоотношениям Гонконга и Китайской Народной Республики и т.д. [18. С. 21–28, 61–80, 88–90]. Представляется возможным провести аналогии между такими государственно-подобными образованиями и субгосударствами.

Основополагающим документом, на который ссылаются сторонники точки зрения об отсутствии международной правосубъектности у субгосударств, является Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [20]. Действительно, текст документа не содержит упоминания о регионах государств в качестве самостоятельных акторов МО. В то же время следует учитывать и то, что в конце 1960-х гг. субгосударственные акторы еще в принципе не заявили о себе как о серьезном явлении международной жизни в глобальном масштабе (1960–1970-е гг. можно считать периодом генезиса международных субгосударственных связей – лидерами тогда, как и сейчас, были Канада и ФРГ [3. С. 32–37, 42–45]). В то же время следует учитывать и другой немаловажный момент, который не отрицается и сторонниками позиции о «нулевой» международной правосубъектности регионов государств. Речь идет о разграничении полномочий между Центром и регионами. В резуль-

тате этого процесса в различных документах закрепляются соответствующие правовые нормы, которые наделяют субгосударства некоторой международной правосубъектностью, в том числе в вопросах внешнеэкономической деятельности. Центр, исходя из самой своей природы, против того, чтобы регионы единого государства участвовали в международных политических отношениях самостоятельно. В то же время международное публичное право, главным образом, изначально создавалось именно под политические отношения между государствами, поэтому внешнеэкономическим, этнокультурным и иным связям составных частей государств не уделяется должного внимания. В связи с этим, в последние два-три десятилетия формируется международное субгосударственное право – особая отрасль права, содержащая принципы и нормы, регулирующие отношения субгосударств с различными международными акторами и Центром [4. С. 37–49]. Одно из основных отличий системы международного субгосударственного права в том, что важнейшую роль в ее формировании играет внутреннее, национальное законодательство. Можно сказать, что международное субгосударственное право занимает пограничное положение между международным и национальным (внутригосударственным) правом.

Правовые основы осуществления международной деятельности субгосударственных акторов на национальном уровне достаточно сильно отличаются в разных государствах. Можно выделить две группы государств по этому вопросу:

– зрелое правовое регулирование: интересы Центра и регионов гармонизированы через создание устойчивых правовых механизмов (ФРГ, Канада, США);

– дисгармоничное правовое регулирование: наличие множества коллизий, нестыковок, противоречий, рассогласований в нормативно-правовой базе, исторически слабая правовая традиция в целом (Россия, бывшие республики СССР, некоторые государства Восточной Европы) [1. С. 35–60; 2. С. 485–500].

Таким образом, органически взаимосвязанные процессы глобализации и регионализации приводят к появлению новых уровней международных отношений. Высокая степень специфичности субгосударственных акторов обусловлена их производной принадлежностью, используемым инструментарием и политико-правовым статусом. Невнимание к специфике субнационального актора как на федеральном, так и на региональном уровнях способно привести к упущенной выгоде, как это происходит в России в последние 15–17 лет. В академическом плане изучение темы позволит ускорить формирование самостоятельного сегмента теории международных отношений, посвященного международной деятельности субгосударственных акторов. Исследование специфики субгосударственных акторов международных отношений имеет большие перспективы и в практическом плане способно сыграть важную роль в изменении текущей негативной ситуации в России и в государствах со схожими проблемами в реализации международного потенциала их регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бывают отдельные исключения в некоторых государствах и в отдельные исторические периоды. Например, в России в 1990-е гг. ряд субъектов, в которых расположены объекты оборонно-промышленного комплекса, пытались наладить военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами фактически напрямую.

² Пункт «о» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ 1993 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российские регионы как международные акторы / под ред. А.С. Макарычева. Н. Новгород : Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2000. 114 с.
2. Барабанов О.Н. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ // Общество. Политика. Наука: новые перспективы. М. : МОНФ, 2000. С. 477–503.
3. Толстых В.Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации. М. : Междунар. отношения, 2004. 176 с.
4. Плотникова О.В. Теория, система и практика международных связей регионов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. 260 с.
5. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М. : МГИМО-Университет, 2005. 188 с.
6. Плотникова О.В., Дубровина О.Ю. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016. 192 с.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.
8. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М. : КДУ, 2007. 256 с.
9. Покровский Н.Е. Глобализация // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М. : РОССПЭН, 2007. С. 49–59.
10. Бусыгина И.М. Традиционные понятия и новые реалии: суверенитет в Европейском Союзе // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М. : МГИМО-Университет, 2008. С. 129–154.
11. Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М. : МГИМО-Университет, 2008. С. 14–42.
12. Статус // Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник / под общ. ред. акад. МАИ, д.ю.н. В.Н. Трофимова. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 306.
13. Правосубъектность международная // Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник / под общ. ред. акад. МАИ, д.ю.н. В.Н. Трофимова. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 250.
14. Суверенитет государства // Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник / под общ. ред. В.Н. Трофимова. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 307.
15. Субъекты международного права // Международное право / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Междунар. отношения, 1998. С. 307.
16. Международное право / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Междунар. отношения, 1998. 620 с.
17. Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.С. Стрежнева. М. : Весь Мир, 2011. 376 с.
18. Афанасьев О.Е. Политическое пространство современного мира: справочник. М. : Флинта ; Наука, 2015. 168 с.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 № 250-О «По запросу Государственного Собрания – Курултай Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=36750> (дата обращения: 02.04.2012). Документ не был опубликован в официальных печатных органах.
20. Венская конвенция о праве международных договоров. Вена, 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. 10 сент. № 37. Ст. 772.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 апреля 2017 г.

ACTIVITIES OF SUB-STATE ACTORS IN INTERNATIONAL RELATIONS: THEORETICAL ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 93–98.

DOI: 10.17223/15617793/419/12

Sergey P. Arteev, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: artsp7@yandex.ru

Keywords: sub-state / sub-national actors; international / external relations of regions; regionalization; globalization.

International relations are in a stage of deep transformation today. Among other things, the composition of actors in international relations and world politics is changing. The role of non-traditional players is becoming increasingly important. The number of non-traditional actors include non-governmental and non-profit organizations, transnational corporations, social and national liberation movements, etc. Among them stand out sub-state / subnational actors in international relations. This includes internal regions of the states. The article examines the theoretical aspects of sub-state actors in international relations. The author believes that today the state's regions are the most specific international actors. This is due to the fact that they differ significantly from traditional and other non-traditional players in the international relations. To justify this thesis, the article considers the problems of globalization and regionalization, the formation of new levels of international relations, the analysis of foreign practices of subnational international relations, peculiarities of sub-state actors; analyzes the issues of sovereignty and legal personality and the national regulatory framework. Examples of Russian and foreign practices are given as examples. The information basis of the article includes the works of leading Russian specialists in the sphere of international activities of subnational actors and research data on related issues. The analytical and synthetic processing of the received information allows to develop the subject of the study. The theoretical and methodological basis of research is multi-disciplinary in nature and relies on methods used in historical and political sciences. The article uses a historical-genetic method and logical-intuitive modeling. As a result, the author comes to a conclusion that the high degree of specificity of sub-state actors is due to their "state" origin, to the use of specific tools and to the political-legal status both at the level of national and international legislation. In the academic sense, the further study of the topic will accelerate the formation of an independent segment of the international relations theory on international activities of sub-state actors. The study of the specifics of subnational actors in international relations has great potential and in practical terms can play an important role in changing the current negative situation in some states where there are problems of implementation of the international potential of their regions. This fully applies to Russia.

REFERENCES

1. Makarychev, A.S. (ed.) (2000) *Rossiyskie regiony kak mezhdunarodnye aktory* [Russian regions as international actors]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University.
2. Barabanov, O.N. (2000) Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: zarubezhnye tendentsii i polozenie sub"ektov RF [Intra-state regions as actors in international relations: foreign trends and the situation of RF subjects]. In: Kiseleva, E.A. (ed.) *Obshchestvo. Politika. Nauka: novye perspektivy* [Society. Politics. Science: new perspectives]. Moscow: MONF.
3. Tolstykh, V.L. (2004) *Mezhdunarodnaya deyatel'nost' sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [International activity of the subjects of the Russian Federation]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
4. Plotnikova, O.V. (2004) *Teoriya, sistema i praktika mezhdunarodnykh svyazey regionov* [Theory, system and practice of international relations of regions]. Novosibirsk: SB RAS.
5. Aleksandrov, O.B. (2005) *Regiony vo vneshney politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [Regions in the foreign policy of Russia. The role of the North-West]. Moscow: MGIMO-Universitet.
6. Plotnikova, O.V. & Dubrovina, O.Yu. (2016) *Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: kharakteristika i osobennosti* [International relations of the regions of states: characteristics and features]. Moscow: Norma; INFRA-M.
7. Giddens, A. (2004) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The escaping world: how globalization is changing our lives]. Translated from English Moscow: Ves' Mir.
8. Malakhov, V.S. (2007) *Gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii* [State in the context of globalization]. Moscow: KDU.
9. Pokrovskiy, N.E. (2007) Globalizatsiya [Globalization]. In: Solov'ev, A.I. (ed.) *Politologiya: Leksikon* [Political Science: Lexicon]. Moscow: ROSSPEN.
10. Busygina, I.M. (2008) Traditsionnye ponyatiya i novye realii: suverenitet v Evropeyskom Soyuze [Traditional concepts and new realities: sovereignty in the European Union]. In: Il'in, M.V. & Kudryashova, I.V. (eds) *Suverenitet. Transformatsiya ponyatii i praktik* [Sovereignty. Transformation of concepts and practices]. Moscow: MGIMO-Universitet.
11. Il'in, M.V. (2008) Suverenitet: razvitiye ponyatiynoy kategorii [Sovereignty: development of the conceptual category]. In: Il'in, M.V. & Kudryashova, I.V. (eds) *Suverenitet. Transformatsiya ponyatii i praktik* [Sovereignty. Transformation of concepts and practices]. Moscow: MGIMO-Universitet.
12. Trofimov, V.N. (ed.) (1997) *Mezhdunarodnoe pravo. Slovar'-spravochnik* [International law. Reference dictionary]. Moscow: INFRA-M. pp. 306.
13. Trofimov, V.N. (ed.) (1997) *Mezhdunarodnoe pravo. Slovar'-spravochnik* [International law. Reference dictionary]. Moscow: INFRA-M. pp. 250.
14. Trofimov, V.N. (ed.) (1997) *Mezhdunarodnoe pravo. Slovar'-spravochnik* [International law. Reference dictionary]. Moscow: INFRA-M. pp. 307.
15. Kolosov, Yu.M. & Kuznetsov, V.I. (eds) (1998) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 307.
16. Kolosov, Yu.M. & Kuznetsov, V.I. (eds) (1998) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
17. Strezhneva, M.S. (ed.) (2011) *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political spaces: phenomenon and practice]. Moscow: Ves' Mir.
18. Afanas'ev, O.E. (2015) *Politicheskoe prostranstvo sovremennogo mira: spravochnik* [The political space of the modern world: a reference book]. Moscow: Flinta; Nauka.
19. Konsul'tantPlyus. (2001) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.12.2001 250-O "Po zaprosu Gosudarstvennogo Sobraniya – Kurultaya Respubliki Bashkortostan o tolkovanii ryada polozeniy statey 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 i 78 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 250-O of 06.12.2001 "Upon the request of the State Assembly – the Kurultai of the Republic of Bashkortostan on the interpretation of a number of provisions of Articles 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 and 78 of the Constitution of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=36750>. (Accessed: 02.04.2012). The document was not published in the official press.
20. Vedomosti VS SSSR. (1986) Venskaya konventsioniya o prave mezhdunarodnykh dogovorov. Vena, 23 maya 1969 g. [Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, May 23, 1969]. *Vedomosti VS SSSR*. 10 September. 37. Art. 772.

Received: 17 April 2017

«ВЕЛИКАЯ МОНГОЛИЯ»: КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И ПОПЫТКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (1900–1920 гг.)

Статья подготовлена при поддержке Проекта № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № П.2 «Интеграция и развитие».

Рассматриваются концепция панмонголизма и попытка ее реализации в первые десятилетия XX в. В Восточной Азии конкурировало несколько политических акторов, каждый из которых пытался разыграть панмонгольскую карту в собственных интересах. Содержание панмонголизма растворилось в региональном геополитическом дискурсе, а активность националистов была перенаправлена с объединения монгольских народов на противодействие разным акторам политического процесса. Сторонникам доктрины так и не удалось добиться возникновения устойчивого представления о необходимости достижения политического единства монгольского мира.

Ключевые слова: бурятское национальное движение; монгольский мир; всемонгольское единство; панмонголизм; национализм; нациостроительство.

Важнейшей частью бурятского националистического проекта была доктрина *панмонголизма*. Она обнаруживала свою тесную привязанность к общеисторическому контексту, в зависимости от которого панмонгольские идеи оформлялись в социальном пространстве либо в культурной, либо в политической формах. В рамках такой концептуализации история своего народа не просто осмысливалась, конструировалась, изучалась, но и выработывались планы его сохранения и дальнейшего развития. При всей сложности, противоречивости и разнонаправленности, эти планы можно охарактеризовать в категориях «нациостроительства» в современном понимании этого слова. Фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы. Это предполагало создание единой культуры, общего представления об истории, единого литературного языка, преодоление родоплеменного партикуляризма.

По сути, это был политический проект, в котором большое значение придавалось созданию собственной государственности как необходимому атрибуту и предпосылке создания нации. Создать государство, чтобы создать нацию, – достаточно распространенная и осмысленная в XIX в. стратегия. Специфика «панмонголизма» заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами. Соответственно, проект создания собственного государства неизбежно предполагал масштабные геополитические сдвиги во всем регионе. И, как показывает история, геополитическая неопределенность являлась еще и обязательной предпосылкой для попыток реализации такого проекта.

Действительно, не просто рассуждать, но и действовать в направлении создания нового государства на просторах Восточной Азии можно было только в таких исторических и политических условиях, когда весь этот обширный регион находился бы в состоянии геополитического хаоса, и все привычные субъекты политического процесса (в первую очередь, это Рос-

сийская и Цинская империи) вследствие этого хаоса не могли обеспечить стабильного функционирования имеющихся социально-политических структур и в силу этого утрачивали свою политическую легитимность. Именно такая уникальная ситуация сложилась в регионе во второй половине 1910-х гг.

Ниже мы рассмотрим основное содержание концепции панмонголизма, поговорим о причинах ее политизации, выделим и охарактеризуем основных акторов регионального геополитического дискурса, в контексте деятельности которых панмонголизм превратился из чисто умозрительной теоретической конструкции интеллектуалов и политиков в реальный феномен политической жизни Внутренней Азии, осуществляемый на практике.

Концепция и ее политизация. Суть политической доктрины «панмонголизма» была изложена Ц. Жамцарано и заключалась в том, что «объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство» [1. С. 15–16]. Такой подход к государственной интеграции монгоязычных народов в единое культурное пространство с целью постепенного нивелирования различий между отдельными региональными группами, и в перспективе – достижения большей этнической унификации и монолитности населения, отражал европейскую парадигму нации.

Мотивы не только культурного, но и социально-политического единства бурят и монголов всегда присутствовали в бурятском идентификационном дискурсе и были эксплицитно выражены в политической риторике бурятских интеллектуалов. В своих высказываниях они декларировали культурно-генетическое родство бурят и монголов, что и нашло свое конкретное воплощение в идеологии панмонголизма. Так, Б. Барадин писал, что «с самого начала бурят-монгольские племена составляли этническо-языковое единство с монголами...» [2. С. 9]. Более того, по его мнению, буряты представляют собой «неотъемлемую частицу монгольской нации» [3. С. 16]. Жамцарано

подчеркивает, что «буряты – эта маленькая часть всего монгольского народа...» [1. С. 16]. Э.-Д. Ринчино указывает, что именно общностью происхождения обуславливается культурное единство монгольских народов, проявляющееся в экономике, в этническом самосознании. «У огромной части населения этнографической Монголии мы имеем один общий хозяйственный строй» [4. С. 7]; все они осознают «единство и общность интересов», общность своих исторических судеб [Там же. С. 8]. В вопросе об этногенетическом родстве бурят с другими монгольскими народами особняком стоит позиция М.Н. Богданова, в которой имплицитно содержится указание на процесс сознательного или бессознательного конструирования связи между ними: «В исторических преданиях бурят относительно их происхождения видно стремление обосновать единство происхождения и кровное родство бурят с монголами...» [5. С. 2]. «...В бурятских преданиях ясно сквозит сознание единства монголов, калмыков и бурят: это три ветви, три поколения или три общества одного народа» [Там же. С. 3].

Тесное соотнесение бурят с монгольским этнокультурным ареалом побуждало бурятскую интеллигенцию к поиску путей реализации бурят-монгольского единства, что стало проявляться во время национального движения бурят в начале XX в., и в немалой степени обуславливалось кризисной социально-политической ситуацией в России. Тогда это стремление выражалось в желании активизировать социокультурные связи между бурятами и монголами с помощью введения общего для всех монгольских народов алфавита, а также путем популяризации среди бурятского населения буддийской религии, которая рассматривалась в качестве оптимального инструмента культурного объединения монгольских народов. Именно тогда в социополитическую лексику бурятского общества Цыбеном Жамцарано был введен термин «панмонголизм» [1. С. 16]. Однако и Ц. Жамцарано, и другие лидеры национального движения понимали его исключительно в культурном смысле. «Так, например, в материалах первых бурятских съездов 1905 года, а также в выступлениях лидеров национального движения в периодической печати того времени не встречаются высказывания в духе панмонголизма», – пишет Л.Б. Жабаева, имея в виду отсутствие каких-либо призывов к объединению монгольских народов в единое государственное образование [6. С. 130]. Тогда же, между прочим, в дискурсе национально-культурного возрождения стал активно использоваться этноним *бурят-монголы* (раньше, в XIX в., бурят-монголами назывались только некоторые группы селенгинских бурят), заменяя зачастую этноним *буряты*, он был призван подчеркнуть общность культуры, религии, языка бурят и монголов, общность их прошлых, настоящих и будущих судеб.

Перемещение панмонголизма из культурной сферы в политическую произошло после Русской революции 1917 г. Условия, сложившиеся в России в это время, как нельзя лучше способствовали распространению этнического сепаратизма на национальных окраинах России¹. Для бурят это выразилось в том, что среди радикальных представителей национально-

го движения лозунг единого монгольского государства стал особенно популярным. «Великая Монголия» рассматривалась как «залог существования, сохранения и возможности дальнейшего развития культуры всех монгольских народов» [7. С. 19].

Трансформация культурного панмонголизма в политический была инспирирована совокупностью обстоятельств, равнозначных по своему значению и поэтому не выстраивающихся в какую-либо иерархию значений, но действовавших в системе². Эту совокупность, в свою очередь, можно разделить на два блока причин по отношению к бурятам – *внутренних* и *внешних*, – приведших к невиданной актуализации панмонголизма в региональных геополитических практиках и в бурятском националистическом дискурсе, превратившемся в связи с этим в часть таких практик.

Внутренние причины, т.е. причины, приведшие к активизации действий бурятской интеллигенции в направлении создания общемонгольского государства, заключались в следующем.

Во-первых, это общий кризис российской государственности, который как нельзя лучше способствовал возникновению и популяризации сепаратистских идей. Действительно, на открытии первой панмонгольской конференции было объявлено, что «в настоящее время настал удобный момент для нового объединения всех монгольских племен в одно государство» [8. С. 124]. Кстати, и Э.-Д. Ринчино отмечал, что «обстоятельства давным-давно создали все необходимые политические и идеологические предпосылки у самих монгол для постановки вопроса о восстановлении прежнего монгольского государства в его национальных рамках...» [4. С. 9].

В декларации от имени правительства единой Монголии основными мотивами, подвигнувшими бурят на выход из России, объявлялись, во-первых, их культурная отличительность от остального населения, во-вторых, стремление к более полной реализации своих экономических интересов и, в-третьих, надежда на то, что в своем национальном государстве они будут чувствовать себя психологически комфортнее в социальном и политическом смысле³. Однако можно утверждать, что основная причина, по которой буряты решили бороться за создание общемонгольского государства, заключается не столько в их этнокультурном своеобразии (оно присутствует всегда, но не всегда приводит к сепаратизму), сколько в удобном политическом моменте для начала такой борьбы. По точному замечанию С.Е. Рыбакова, этничность, постоянно присутствуя в обществе латентно, актуализируется «лишь в тех случаях, когда группа чувствует либо опасность, угрожающую ей потерей ранее приобретенных привилегий, либо, наоборот, *считает данный момент удобным политической возможностью приобрести долгожданные привилегии*» [9. С. 114]. В данном случае отчетливо просматривается инструменталистский подход бурятских участников панмонгольского движения к этнической культуре: с ее помощью они фактически маркируют определенный сегмент социополитического пространства, а затем начинают борьбу за введение и институционализацию государственных структур, которые контролировали

бы и управляли этим сегментом. Действительно, националисты с чисто примордиалистских позиций обосновали этногенетическое родство монголоязычных народов и факт их культурной, религиозной и экономической тождественности, а уже затем перешли к политическим лозунгам. Ц. Жамцарано писал о политическом объединении монголоязычных народов, населяющих Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Бурятию, Калмыкию, Синьцзян и Туву, что позволило бы, по его мнению, «восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное суверенное государство...» [10. С. 15–16]; Э.-Д. Ринчино был уверен в том, что монгольские народы «сохранили все необходимые и основные элементы для образования национального государства, все предпосылки для практического осуществления принципа национального самоопределения» [4. С. 8]. Подобный алгоритм действий свойствен любому этнонациональному движению. Этничность выступила здесь в качестве политического инструмента, использовавшегося для обоснования необходимости институционализации статуса монгольской нации, культурно-политическая реальность которой не вызывала сомнений у участников националистического дискурса.

Во-вторых, определенную роль в концептуализации стремления к политической независимости бурят (здесь можно согласиться с Л.В. Курасом) сыграли успехи их национального движения, выразившиеся в фактическом достижении автономии [11. С. 71] и приобретении опыта реальной этнической консолидации, а также создания определенной социально-политической структуры. Все это вселяло уверенность в бурятских лидерах и на фоне общероссийского политического кризиса не могло не подтолкнуть наиболее радикальных из них к мысли закрепить и развить достигнутое попыткой политической консолидации всей монгольской этнокультурной общности. Тем более что в случае успеха в осуществлении идеи панмонгольского государства буряты рассчитывали получить в нем особый статус, гораздо более высокий, чем тот, что они имели в рамках автономии, предоставляемой Россией. Так, Э.-Д. Ринчино подчеркивал особую роль бурят в образовании нового государства: «Здесь мы, буряты, наиболее культурная сравнительно нация, сыграли бы и сыграем, по видимому, большую роль» [8. С. 126]. В этой связи С.Г. Лузянин отмечает, что «бурятский вариант панмонголизма... предполагал известное подчинение монгольских племен себе» [12. С. 71].

Более того, бурятские националисты являлись самыми активными представителями панмонгольского движения. И конференции 1919 г., как отмечает Г.Е. Грумм-Гржимайло, проводились, прежде всего, «по их инициативе» [13. С. 763]. Можно утверждать, что без участия бурят панмонгольское движение едва ли превратилось бы в столь значимый компонент регионального политического процесса: «...политических перспектив, какой-нибудь ясной программы, хоть сколько-нибудь продуманных планов у монголов не было. Они остались без руководителей – бурят, этих передовиков и организаторов более отсталых своих сородичей. Сам Ничи-Тойн плакался: "...нет

Ринчино, нет Вампилуна. Как быть? Кто нам объяснить и посоветует...?» [4. С. 245].

Очевидно, что, декларируя образование нового государства, участники националистического дискурса пытались актуализировать общемонгольскую идентичность. Аргументы, приводившиеся в пользу создания единой Великой Монголии, демонстрируют явление, получившее в научной литературе название процессуальности, ситуативности или контекстуальности этнической (в данном случае этнополитической) идентичности. Действительно, в данном случае этничность проявляла себя как «выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом / народом / национальностью / нацией...» [14. С. 68]. Последняя конструировалась бурятскими интеллектуалами, исходившими из анализа конкретной этнополитической ситуации, которая была расценена подходящей для политического объединения монгольских народов, в результате чего можно было наблюдать процесс перемещения «индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [Там же. С. 70].

Кроме того, можно говорить и о том, что панмонголизм – это выход бурятского национализма на качественно иной уровень, когда он приобрел, пользуясь терминологией Дж. Брейли, *ирредентистский* характер [15. С. 33, 37], т.е. обнаружил стремление к объединению монголоязычных групп, локализовавшихся в нескольких государствах. В этом контексте панмонголизм являлся самым «националистичным» (если можно так выразиться) национализмом, поскольку он в долгосрочной перспективе имел своей целью создание монгольской нации – политического конструкта, надэтнического по отношению к тем территориям и культурам, на основе которых он конструировался и которые впоследствии с необходимостью должны были бы гомогенизироваться во всех смыслах.

Акторы: сторонники и противники. Однако понять феномен панмонголизма едва ли возможно только в рамках бурятского национализма и в отрыве от общеисторического контекста, который сложился к концу второго десятилетия XX в. в регионе, охватывающем Монголию, Северный Китай, Забайкалье и российский Дальний Восток. В сложной международной обстановке, возникшей в результате кризиса в России и Китае, здесь конкурировало несколько политических акторов, каждый из которых пытался разыграть панмонгольскую карту в собственных интересах. Всех этих акторов условно можно разделить на два лагеря: тех, кто стремился реализовать свои интересы в контексте панмонгольского движения, и тех, кто видел в нем угрозу и, соответственно, защищал свои интересы через противодействие панмонголизму. Так или иначе, заинтересованность субъектов международной политики в панмонголизме образовала второй блок *внешних* причин, приведших к актуализации идеи Велико-Монгольского государства.

К представителям первого лагеря можно отнести большевиков, некоторых лидеров Белого движения,

японцев, а также кровно заинтересованных в успехе панмонгольского движения националистов Внутренней Монголии и Бурятии. Так, российские большевики видели в панмонголизме отличную возможность для экспорта социалистической революции на Восток. С.Г. Лузянин подчеркивает, что «при анализе монгольского фактора советское руководство учитывало и обстоятельство “революционной целесообразности”». Причем уже на данном этапе Коминтерн предлагал использовать в Монголии... панмонголистскую основу для революционного движения, что дало бы “положительный материал к... пробуждению национального самосознания монголов”» [12. С. 89]. Как отмечают Ю.В. Кузьмин и В.В. Свинин, «Коминтерн до определенного момента был заинтересован в использовании “монгольской карты” как варианта развития мировой революции в Азии» [16. С. 78]. Л.В. Курас считает, что панмонголизм стал «важным политическим рычагом в имперских планах Коминтерна. Спецификой его деятельности стало использование территории всей Сибири в качестве плацдарма для революционной работы в странах Дальнего Востока» [17. С. 276].

Несомненно, большевики рассматривали панмонголизм как средство, позволяющее «разжечь пожар мировой революции на Востоке». Они стремились к тому, чтобы монголы «направили свою деятельность к объединению всех монгольских племен», в контексте которой они оказали бы «поддержку и помощь в деле раскрепощения всех малых и угнетенных народностей Азии» [3. С. 15].

Некоторые представители Белого движения в Сибири также пытались использовать панмонголизм в собственных политических целях. Атаман Семенов стремился к объединению монгольских племен и возрождению державы Чингисхана. Это импонировало и барону Унгерну, который тоже мечтал о единой «Великой Монголии». В то же время «для Семенова панмонголизм был своего рода конечной целью или неким запасным вариантом (стать монгольским главнокомандующим) в связи с неудержимым натиском Красной Армии. Для Унгерна – “Великая Монголия” как плацдарм для возрождения монархий Китая, России, Европы» [18. С. 11].

Японцы с помощью панмонголизма стремились закрепить собственные позиции в регионе и установить над ним свой военно-политический контроль. «Японские военачальники, – отмечает Ц. Батбаяр, – осознали, что... создание единой Монголии помогло бы оказывать давление на Китай и создать благоприятные условия для японской оккупации русского Дальнего Востока». Поэтому для начала цель японцев «состояла в создании на российском Дальнем Востоке такого марионеточного правительства, которое сотрудничало бы с Японией...» [20. С. 29]. Г.Е. Грум-Гржимайло отмечает, что «японцы... выбросили лозунг объединения всех монгольских племен в единое государство – “Великую Монголию”, рассчитывая таким образом ввести в сферу своего непосредственного влияния всю огромную территорию Центральной Азии. Япония... развернула широкую программу “натиска на запад”, которая намечала объединение

южной части Забайкалья, русского Дальнего Востока, всей Монголии – от Сибири до Тибета, и Северной Маньчжурии в одно государство. Эта монголо-бурятская держава, по мысли Японии, должна была отдать в руки японцев весь центр и северо-восток Азии, отрезать Сибирь и Россию от Великого океана и создать базис для установления владычества Японии на Азиатском материке...» [13. С. 763].

Для реализации своих стратегических планов японцы поощряли и активизировали национализм монгольских народов, рассчитывая использовать стремление последних к национально-государственному суверенитету в собственных целях. Их заинтересовала фигура атамана Г.М. Семенова: «С января 1918 года... в японский генеральный штаб беспрерывно поступали, например, донесения о Семенове» [20. С. 29]. Атаман, в свою очередь, вступив с японцами в контакт и получив их поддержку, «предпринимал попытки расширить движение панмонголизма» [Там же. С. 30].

Деятельность Японии попала на благодатную почву, во всяком случае, буряты и монголы Внутренней Монголии с энтузиазмом взялись за дело национально-государственного объединения. В результате «идея панмонголизма была горячо воспринята некоторой частью бурятской интеллигенции, которая сформировала при штабе Семенова монголо-бурятскую дивизию и сгруппировала в Чите активное ядро сторонников панмонгольского движения» [13. С. 763].

Таковыми же активными сторонниками панмонгольского государства были монголы Внутренней Монголии, которые, находясь в составе Китая, не имели автономных прав. Участие в движении за независимость атамана Семенова они интерпретировали следующим образом: «Наша... цель – помочь русским белогвардейцам в их борьбе против Красной Армии. Через сотрудничество с русскими белогвардейцами мы могли бы получить оружие и экономическую помощь...» [21. С. 9]. Это, в свою очередь, было нужно для того, чтобы «поддержать наше движение за независимость Внутренней Монголии, а в дальнейшем объединиться с Внешней Монголией и основать независимую Великую Монголию» [Там же]. Однако, в отличие от бурят, выступавших за установление в единой Монголии федеративно-демократического строя, представителям Внутренней Монголии больше импонировала идея реставрации империи Цин, и поэтому они «выдвинули вопрос о борьбе за восстановление маньчжурской династии, каковая династия и должна была даровать всяческие права для Монголии» [4. С. 231]. По этой линии разгорелся один из внутренних конфликтов между панмонголистами, закончившийся вооруженным столкновением и физическим уничтожением сторонников Цинской династии во главе с представителем Внутренней Монголии Фушенгой (военный министр даурского правительства): «Фушенга... устроил совещание и разработал план захватить внезапно правительство Ничи-Тойна, перерезать всех бурят, двинуться во Внутреннюю Монголию и соединиться с маньчжурами» [Там же. С. 245]. Однако заговор был раскрыт, «...Фушенга и его вдребезги разбитый отряд в сотню человек погибли...» [21. С. 10],

«маньчжурская группа... в результате... была ликвидирована с корнем» [4. С. 237].

Интересно отметить, что глава панмонгольского государства Нэйсе-Гэгэн был избран с подачи представителей Внутренней Монголии. Они подчеркивали, что «если бы мы смогли выбрать уважаемого всеми живого Будду нашим лидером, наши сила и влияние могли бы значительно увеличиться и расшириться и наша задача стала бы более легкодостижимой» [21. С. 9]. При этом лидер националистов Внутренней Монголии Нуремпил отмечал, что «его [Нэйсе-Гэгэна] религиозный статус во Внутренней Монголии под стать тому, что имеет Джебзун Хутухта во Внешней» [Там же]. Налицо стремление националистов использовать буддистские мотивы для этнополитической консолидации монгоязычных народов: они рассчитывали на то, что монголы, будучи буддистами, признают легитимность Нэйсе-Гэгэна как главы панмонгольской державы, поскольку тот – живой Будда, по статусу равный духовному лидеру независимой Внешней Монголии. Таким образом, Нэйсе-Гэгэн предстает ключевой фигурой, вокруг которой должны были сплотиться все монгольские патриоты, жаждавшие национальной независимости. Кстати сказать, и мотивация необходимости образования единой Великой Монголии проводилась панмонголистами в типичном для этнонационалистического дискурса ключе: на конференции Нэйсе-Гэгэн подчеркнул, что «во времена Чингисхана все монгольские племена составляли единое целое» [17. С. 72]. Тем самым он легитимизировал идею политического объединения монголов, проводя диахронную связь между империей Чингисхана и создаваемым новым государством.

Напротив, негативное отношение к панмонголизму было характерной чертой Омского правительства адмирала А.В. Колчака, китайцев и властной элиты Внешней Монголии. Колчаковское правительство оценивало панмонгольское движение как угрозу территориальной целостности России, исходящую в конечном итоге вовсе не от монголов, а от Японии. Так, МИД Омского правительства 28 марта 1919 г. заявил: «...Япония официально делает вид, будто она стоит вне этой игры (имеется в виду панмонгольское движение. – М.Б., П.В.). Несмотря на это японская военщина сеет смуту на окраинах, граничащих с нашей страной, стремясь тем самым на длительный период сохранить японское влияние и присутствие своих войск» [20. С. 30].

Китай использовал панмонголизм в качестве предлога для ликвидации автономии Внешней Монголии. «Образование Пан-Монголии, – пишет Батбаяр, – стало прекрасным предлогом для Чень-И, чтобы обосновать ликвидацию монгольской автономии» [19. С. 185]. Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечает, что «аньфуисты усмотрели в желании Нэйсе-Гэгэна вступить в непосредственные сношения с микадо (по поводу отправки монгольской делегации на международную конференцию. – М.Б., П.В.) формальный повод для нарушения Кяхтинского соглашения 1915 г., и в июле 1919 года ввели в Ургу свои войска... 22 ноября президентом Китайской республики был обнародован декрет, в котором объявлялось... о безоговорочном под-

чинении Монголии Китаю и полном отказе ее от дарованных ей автономных прав...» [13. С. 765].

Представители Внешней Монголии, в свою очередь, также с большой осторожностью отнеслись к панмонгольской затее: декларируя свою поддержку, они, тем не менее, отказались от прямого участия в строительстве общемонгольского государства: «Халха делегатов не прислала, командировав только гонца с письмом, в котором верхушки Внешней Монголии выразили свое принципиальное сочувствие затеянному делу и обещали безусловно присоединиться к новому общемонгольскому государству, если только оно будет утверждено Версальской конференцией...» [4. С. 231]. С одной стороны, Внешняя Монголия не могла игнорировать факт проведения конференции панмонголистов, с другой – монгольские князья и ламы выдерживали нейтралитет в этом вопросе. Поддерживая панмонгольскую идею в принципе, монгольское руководство предпочло воздержаться от активного участия в движении. Более того, «...собранный в начале августа 1919 года во Внешней Монголии съезд без особых прений принял единогласное решение “не присоединяться к бурято-баргутам, сохраняя договорные обязательства по отношению к России и Китаю, а в случае вооруженной угрозы бурято-баргут и Семенова – защищать Внешнюю Монголию силой оружия”» [12. С. 72].

Подобная позиция монгольских властей вполне понятна: Халха еще в 1911–1912 гг. добилась суверенного статуса (оставаясь формально при этом в составе Китайской республики), монгольские политики в борьбе за независимость в большей степени ориентировались на помощь России (и до революции 1917 г., и после нее), что уже не раз отмечалось исследователями: «Монголия рассчитывала на поддержку России в получении полной независимости Внешней Монголии, Барги и Урянхайского края... Перед правительством Богдо-Гэгэна стояли сложные задачи: добиться международного признания независимости Внешней Монголии, в срочном порядке укрепить политические, военные, экономические устои новой власти. Для их решения монгольское правительство искало поддержки России» [22. С. 53].

Ориентация монголов на Россию как основного внешнеполитического партнера подтверждается и тем, что они отказывались от помощи Японии: «Токио еще в феврале 1918 года отправил в Ургу подполковника Мацуи, который в ходе переговоров с монгольскими министрами поставил вопрос о возможности пересмотра автономной Монголией своей традиционной внешней политики – опоры на Россию, так как последней в прежнем виде уже не существовало, и предложил политическую и финансовую поддержку Японии, на что получил отрицательный ответ» [12. С. 69]. С.Г. Лузянин отмечает, что «монгольское руководство очень настороженно воспринимало участие японцев... в этом процессе...» [Там же. С. 72]. Кстати, небезынтересно заметить, что и в начале 1920-х гг. монголы искали помощи российских большевиков для осуществления своего внешнеполитического курса: «Нарревпартия интересуется отношением советского правительства к следующим вопросам: а) урян-

хайскому вопросу; ...в) объединению всей Монголии – Внутренней, Западной, Верхней, Барги, так как Нарревпартия имеет в виду распространение своего влияния на все части Монголии и объединение их в будущем в одно государство» [12. С. 92].

Следствием такого отношения к России стало то, что Внешняя Монголия не могла открыто присоединиться к требованию бурятских панмонголистов о включении Бурятии в состав Монгольского государства – это неминуемо привело бы к обострению российско-монгольских отношений и потере российской поддержки. Соответственно, монгольская властная элита никогда не включала в свои этнополитические конструкции Бурятию, но традиционно видела свои интересы в Туве, Барге и Внутренней Монголии, что отчетливо демонстрирует вышеприведенный материал. А в 1917–1918 гг. халхасцы попытались даже присоединить Урянхай к Внешней Монголии: «17 декабря 1917 года между представителями автономной Монголии и Китая в Урге было подписано соглашение о том, что “...Урянхайский край отныне составляет нераздельную часть автономной Монголии...” В октябре 1918 года автономная Монголия посылает в Туву миссию монгольских чиновников в сопровождении китайского представителя Ян Шичао и отряда монголо-китайских солдат, которые назначают в Урянхайском крае монгольского губернатора как главного управителя Тувы, а тувинцев объявляют подданными Богдо-Гэгэна» [12. С. 71].

Осторожное, а впоследствии даже и негативное отношение Халхи к панмонгольскому движению объяснялось еще и тем, что политическая элита Внешней Монголии не воспринимала либерально-демократических требований, выдвинутых панмонголистами: «для тогдашних феодалов и теократов Халхи идеи демократической республики, ликвидации феодально-теократической системы и т.д. были сугубым большевизмом и ужасающей ересью» [4. С. 235]. И как только монголам стали известны «революционно-демократические задачи Временного правительства», так сразу «верхи Внешней Монголии уже окончательно порвали всякие сношения с Временным правительством» [Там же]. По этой линии стал развиваться еще один конфликт: буряты разработали план силового привлечения Внешней Монголии к панмонгольскому движению: «имелось в виду устроить в Урге переворот, создать подходящее правительство из либеральных князей и аратов и повести широкую революционную пропаганду среди низов» [Там же. С. 236]. Был также разработан план военного похода войск даурского правительства во Внешнюю Монголию. Но ни того ни другого панмонголисты осуществить не смогли.

Кроме того, монгольская элита ревностно следила за иерархией распределенных между участниками панмонгольского движения ролей и в этом контексте воспринимала провозглашение Хайлара столицей Великой Монголии как оскорбление, «поскольку это придавало Внешней Монголии положение второстепенной важности» [19. С. 187]. С подозрением она относилась и к выраженной активности бурятских деятелей. В этой связи интересно замечание С.Г. Лу-

зянина о том, что бурятские интеллектуалы (Ц. Жамцарано) в мягкой форме проводили мысль о подчинении Монголии Бурятией, а «бурятский вариант панмонголизма... предполагал известное подчинение монгольских племен себе. Чувство превосходства бурятского менталитета над монгольским вызывало естественный протест и раздражение халхасской элиты, обостряя монголо-бурятские отношения» [12. С. 71].

В контексте вышеизложенного закономерным выглядит сложившийся к лету 1919 г. тактический альянс сил, которые рассматривали панмонголизм как источник угрозы для собственных интересов. Этот альянс проявился в момент ликвидации автономии Внешней Монголии, судьба которой, как точно отметил Э.-Д. Ринчино, была решена «как только были расшифрованы “коварные”, т.е. демократические, замыслы Временного правительства (имеется в виду даурское панмонгольское правительство. – М.Б., Л.В.)» [4. С. 235–236]. С этого момента «в Урге немедленно же создавался идиллический контакт между теократическим правительством Внешней Монголии, представителем колчаковского правительства консулом Орловым и агентом аньфуистов Чень-И... С общего согласия всех трех сторон летом 1919 года выносится постановление о вводе во Внешнюю Монголию аньфуистских войск...» [Там же].

Нетрудно заметить, что все региональные политические акторы вступили в борьбу за идеологический и мобилизационный ресурс, присущий панмонголизму, и тем самым в определенной мере превратились в участников националистического дискурса. Каждый из них стремился с помощью панмонгольского движения достичь собственных стратегических и/или идеологических целей. Как верно отмечает Л.А. Юзюфович, «...термин “панмонгольское движение” претендует на некую обобщенность и в этом качестве легко ложится в разного рода идеологические конструкции» [23. С. 179]. В этом контексте совершенно справедливым выглядит утверждение о том, что «тотальный отказ от национализма ведет к отказу от эффективного политического действия» [24. С. 143]. Ситуация с панмонголизмом сложилась таким образом, что региональные акторы настолько активно использовали его в своих политических практиках, что это в какой-то мере затушевало его националистическую «сердцевину».

Вместо заключения: причины неудачи. Размышляя таким образом, можно прийти к следующему заключению. Участие бурятских интеллектуалов в движении панмонголизма, понимаемом в политическом смысле (т.е. как призыв к государственному объединению монгольских народов), являлось логическим развитием бурятского этнонационализма. Пожалуй, впервые эта мысль была высказана еще в 1933 г.: «...панмонголизм, как определенное политическое течение с ярко выраженной националистической окраской был и продолжает быть историческим и логическим завершением бурятского национал-демократизма» [25. С. 67]. Однако уровень противостояния между различными политическими силами, действовавшими в регионе, и высокий накал борьбы между ними привели в итоге к тому, что национали-

стическое содержание панмонголизма заметно рас- творилось в региональном геополитическом дискурсе, а активность националистов объективно была перена- правлена с задачи объединения монгольских народов (хотя субъективно сами националисты искренне ве- рили в то, что они действуют во имя объединения) на противодействие тем или иным участникам политиче- ского процесса и друг другу. Приходится признать, что адепты идеи этнополитического самоопределения монголов стали инструментом в руках других регио- нальных акторов и что панмонголизм гораздо успеш- нее (но не более эффективно) использовался послед- ними, а не первыми. Этим обстоятельством в большей степени обуславливались и остальные причины несо- стоятельности панмонгольского движения.

Во-первых, сторонники создания единой Монго- лии не смогли преодолеть внутренних противоречий и порождавшегося ими соперничества, дошедшего до вооруженного противостояния. Не было достигнуто настоящего согласия по общеполитическим вопросам. Между участниками движения «не было единства, отчетливо выявились сторонники маньчжурского правления, которые ратовали за союз с монархистами Маньчжурии, японскими империалистами и также сформировалось демократическое крыло» [6. С. 144]. «Надо признать, – отмечает Л.А. Юзефович, – что панмонгольское движение было еще формой сопер- ничества различных региональных кланов» [23. С. 181]. «В едином “панмонгольском” государстве, если допустить мысль, что оно все-таки образова- лось, – заключает Н.Л. Жуковская, – началась бы кон- куренция за лидерство между не только разными эт- носами (монголами, бурятами, тувинцами, баргута- ми), но и родовыми кланами внутри этих этносов» [26. С. 19]. Ю.В. Кузьмин и В.В. Свинин вообще счи- тают, что в панмонгольском движении «не была заин- тересована ни одна из планируемых составных ча- стей», поскольку они (части) «при создании нового государства могли утратить свои позиции. Их буду- щее становилось неопределенным, могло привести к соперничеству и конфликтам» [16. С. 78]. Косвенным подтверждением правоты подобных утверждений может служить тот факт, что даже члены бурятской делегации (которые были, пожалуй, самыми иску- шенными политиками в составе конференции), выра- жавшие интересы всего бурятского народа, в то же время являлись представителями отдельных бурят- ских территориально-родовых объединений⁴.

Во-вторых, националисты не смогли добиться массовой поддержки монгольских народов. Э.-Д. Ринчино, сетуя на это, писал, что монголы и другие народы Центральной Азии «слишком примитив- ны и изъедены буддийским клерикализмом и мало го- дятся как активный материал для создания этого госу- дарства» [8. С. 126]. Отсутствие сколько-нибудь значи- мых успехов и достижений в деле осуществления идеи создания общемонгольского государства в большей сте- пени обуславливалось тем, что она не нашла живого отклика в сердцах рядовых носителей культуры. Нацио- налисты не справились с задачей ретрансляции своих взглядов в народные массы. Таким образом, идея все- монгольского единства не нашла достаточного количе- ства активных сторонников ни в одной из частей «этно- графической Монголии» (включая Бурятию), что не могло не сказаться на ее жизнеспособности.

В конечном итоге сторонникам этой доктрины не удалось создать важнейшей предпосылки для ее вопло- щения в жизнь – добиться возникновения устойчивого представления в обществе о необходимости достижения политического единства монгольского мира [19]. Хотя «нация – это всегда первоначально идея, но это идея, которая материализуется по мере того, как она из досто- яния интеллектуальной элиты превращается в массовую идеологию» [9. С. 273], и «чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распростра- ниться на массовом уровне» [Там же]. На деле же полу- чилось так, что «Пан-Монголия была создана небольшо- й группой людей за переговорным столом и утвер- ждена только на бумаге» [20. С. 186], а «концепция “Ве- лико́й Монго́лии” во многом носила умозрительный характер...» [16. С. 79].

Наверное, это свидетельствует еще и том, что наци- онализм как политическая теория, сформировавшаяся на Западе и ставшая доступной для интеллектуальной элиты бурятского общества, не мог превратиться в эф- фективный инструмент политического процесса и мо- билизации масс в монгольском мире. Политическая реальность последнего определялась все еще оставав- шимися в силе традиционными структурами социаль- ной организации, а сам он лишь подошел к порогу то- тальной модернизации, которую предстояло пережить в ее насильственных формах. Впрочем, этот вывод – привилегия внешнего наблюдателя из будущего, кон- статация *post factum*, – который никак не мог отрефлек- сироваться, а значит, и повлиять на мотивацию и по- ступки людей, действовавших в ту бурную эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как известно, появлением самого понятия «панмонголизм» мы обязаны основателю русского символизма Вл. Соловьеву. Идея панмонго- лизма как единения монголоязычных народов получила распространение после победы Синьхайской революции 1911 г., принесшей неза- висимость Монголии. Многие специалисты единодушны в том, что панмонголизм усиливался с кризисом в Китае и России. Так, Ю.В. Кузьмин и В.В. Свинин отмечают, что его идеи актуализировались в периоды политического и экономического ослабления Китая и России – государства, в составе которых было монголоязычное население. Они выделяют три периода: 1911–1915, 1917–1921 и 1925– 1928 гг. [16. С. 5]. В каждый из них возникала идея создания единого монгольского государства, в рамках которого мог быть реализован потенциал каждого народа, вошедшего в его состав. С этим в принципе соглашается А.С. Железняков: «Крах Маньчжурской и Российской империй, бывшие подданные которых – монгольские народы – оказались на новом перепутье своей истории, вызвал к жизни мифологему империи Чингисхана и идею общемонгольского курилтая» [27. С. 66]. А.А. Елаев и Л.Б. Жабеева убеждены, что возрождение идеи единого монгольского государства обуславливалась обострением классовой борьбы и начавшейся Гражданской войной в России и, как следствие этого, неопределенностью будущего бурятского народа в смысле возможности образования автономии в рамках Российского государства [6. С. 130; 28. С. 130]. Не менее важной причиной возникновения панмонголизма А.А. Елаев считает социокультурный фактор: в условиях наметившейся тенденции к растворению бурятского этноса в рамках российской государственности при доминировании иноязычного большинства с чуждой культурой лидеры национального движения предпочли попытку политического объединения с родственными мон-

гоязычными народами [28. С. 130]. Л.В. Курас отмечает, что стремление бурят к созданию общемонгольского государства не в последнюю очередь обуславливалось, с одной стороны, негативным отношением сибирского правительства Колчака к органам бурятской автономии, с другой – «реальными успехами национального движения, когда в течение двух лет Бурнацком автономно руководил органами местного самоуправления...» [11. С. 71].

² Точка отсчета этого процесса, как правило, связывается с проведением в 1919 г. двух конференций, на которых собирались сторонники государственного объединения монгольских народов. На них был разработан план создания «Великого Монгольского государства», в состав которого «должны были войти на правах федерации Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят» [28. С. 130], составлена Конституция будущей Великой Монголии, признающая равенство составных частей государства, и избрано правительство [6. С. 138]. Было принято решение (чему активно способствовала бурятская делегация) о том, что единое Монгольское государство должно представлять собой федеративную, демократическую республику, придерживающуюся во внешней политике нейтралитета [4. С. 231].

³ В декларации от имени правительства Великой Монголии, принятой на I панмонгольской конференции (февраль 1919, Чита), указывались причины вхождения бурят в состав нового государства. «Монгольский аймак бурят, бывших в российском подданстве, – отмечалось в ней, – вследствие неоднобразия в религии и обычаях утратил свои экономические интересы, и каждый бурят ожидает уже давно того случая, когда будет возможность обеспечить себе спокойное проживание» [6. С. 140].

⁴ На конференции, состоявшейся 25 февраля 1919 г. в Чите, интересы бурят представляли Э.-Д. Ринчино (от баргузинских бурят), Ц.-Е. Цыдыпов (от хоринских бурят), Н. Дылыков (от селенгинских бурят), Б. Вампилон (от иркутских бурят), Д. Сампилон (от Бурнацкома) [3. С. 5]. Подобный состав бурятской делегации отражал традиционное для бурятского этноса деление на крупные территориально-племенные образования. Однако коль скоро этнотерриториальный принцип был положен в основу комплектования общепанмонгольской делегации, которая была призвана выражать интересы всего народа на всемонгольском собрании, наличие в ней представителей отдельных этно-территориальных групп наводит на мысль о достаточно ощутимых различиях в интересах селенгинских, хоринских, иркутских и других бурят. И хотя это деление не отразилось на ходе работы конференции (бурятские делегаты по важнейшим вопросам выступали консолидированно), сам факт такого деления свидетельствовал о незавершенности процесса формирования общепанмонгольской идентичности в бурятском обществе. В более широком контексте это может означать, что противоречия, определяемые политическими интересами участников панмонгольского движения, оказались сильнее фактора культурно-исторической близости групп, которые они представляли и на основе которого собирались консолидироваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критики // Сибирские вопросы. 1907. № 24. С. 15–20.
2. Барадин Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.
3. Неизвестные страницы истории Бурятии. Улан-Удэ : Общественно-научный центр Сибирь, 1991. Вып. 1. 52 с.
4. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии: [Избр. тр.] / Элбек-Доржи Ринчино; [сост. и редкол.: Б.В. Базаров и др.]. Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, 1998. 255 с.
5. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / под ред. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск : Бурят-монгол. изд-во, 1926. 234 с.
6. Жабаяева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с.
7. Цибилов Б., Чимитдоржиев Ш. Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 40 с.
8. Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. 234 с.
9. Рыбаков С.Е. Философия этноса. М. : ИПК Госслужбы, 2001. 358 с.
10. Чимитдоржиев Ш.Б. Панмонгольское движение – это общемонгольское национальное движение // Монголоведческие исследования. Вып. 3 : сб. науч. ст. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 12–30.
11. Курас Л.В. Панмонголизм и атаман Семенов // Владимирские чтения IV : доклады и сообщения Всерос. науч. конф. (Москва, 15 февраля 2000 г.). М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 68–74.
12. Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 годах. М. : ИДВ РАН, 2000. 270 с.
13. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Ленинград, 1926. Т. 2. 906 с.
14. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М. : Русский Мир, 1997. 532 с.
15. Хаким Р. Сумерки Империи. К вопросу о нации и государстве. Казань : Татар. книж. изд-во, 1993. 87 с.
16. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Панмонголизм как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты : материалы междунар. науч. конф. 10–12 апреля 2000 г. М., 2001. С. 76–79.
17. Курас Л.В. Панмонголизм как политический феномен // Dialogue among Civilizations: Interaction Between Nomadic and Other Cultures of Central Asia. Ulaanbaatar, 2001. P. 273.
18. Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / отв. ред. Ю.В. Ванин ; Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 1999. 327 с.
19. Vat-Erdeni Batbayar, Twentieth Century Mongolia. Cambridge, 1999. 187 p.
20. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002. 229 с.
21. Uradin E. Bulag, Humphrey C. Some Diverse Representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // Inner Asia. Occasional Papers of the Mongolia and Inner Asia Studies Unit. 1996. March. Vol. 1, № 1. P. 1–23.
22. Колягин Дымбрыл. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX века. Иркутск : Оттиск, 2002. 121 с.
23. Юзефович Л.А. Начало панмонгольского движения и атаман Семенов // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 179–182.
24. Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 141–151. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (дата обращения: 12.12.2015).
25. Николаев И. Период колчаковщины и семеновщины в Бурятии // От свержения царизма к автономии Бурят-Монгольской АССР. От царской колонии до советской республики. Москва ; Иркутск, 1933. С. 59–78.
26. Жуковская Н.Л. В поисках бурятской национальной идеи (к постановке проблемы) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. VI: История. Философия. Социология. Филология. Искусство : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 13–22.
27. Железняков А.С. К вопросу об отношении Коминтерна к панмонголизму // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 66–69.
28. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. 349 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2017 г.

“GREATER MONGOLIA”: THE CONCEPT OF POLITICAL UNITY AND AN ATTEMPT OF ITS IMPLEMENTATION (1900S–1920S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 99–108.

DOI: 10.17223/15617793/419/13

Marina N. Baldano, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: histmar@mail.ru

Pavel K. Varnavskiy, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: wpk1@mail.ru

Keywords: Buryat national movement; Mongolian world; All-Mongolian unity; Pan-Mongolism; nationalism; nation-building.

The article is devoted to the Buryat nationalist project, an important part of which was the doctrine of Pan-Mongolism. Its essence was in the fact that the unification of Mongolia with Inner Mongolia, Buryatia, Kalmykia, with the Mongols of Xinjiang and Tuva would have allowed to restore the historical region of the Mongols' residence and turn the new country into a truly independent sovereign state. This approach to state integration of Mongolian-speaking peoples in the common cultural space with the aim of gradually leveling the differences between separate regional groups and the prospect of achieving greater ethnic unification and cohesion of the population reflected the European paradigm of nation. In the long term Pan-Mongolism had an aim to establish the Mongolian nation – a political construct above ethnicity in relation to those territories and cultures on the basis of which it was constructed, and later they would have had to be homogenous in all senses. The article is based on the materials of published works of the representatives of the Buryat national intelligentsia and on the analysis of works by Russian and foreign researchers dealing with different aspects of Pan-Mongolism. The article consists of three parts, the last summarizes the main conclusion. To understand the phenomenon of Pan-Mongolism is hardly possible only within the framework of the Buryat nationalism and in isolation from the historical context that formed by the end of the second decade of the 20th century in the region including Mongolia, North China, Transbaikalia and the Russian Far East. In a difficult international situation resulting from the crisis in Russia and China, there were several competing political actors, each of them tried to use Pan-Mongolism in their own interests. All of these actors can be divided into two camps: those who sought to realize their interests in the context of Pan-Mongolian movement and those who saw a threat and thus protected their interests by countering Pan-Mongolism. The level of confrontation between the different political forces acting in the region and the high intensity of the struggle between them led to the fact that the nationalist content of Pan-Mongolism disappeared in the regional geopolitical discourse, and the activity of the nationalists, objectively, was forwarded from the task of unification of the Mongol peoples to the counteraction to political actors and to each other. The authors note that followers of the ideas of ethno-political self-determination of the Mongols became a tool in the hands of other regional actors, and Pan-Mongolism was much better used by the latter, not by the former. Nationalists were unable to cope with the task of relaying their views to the masses. Thus, supporters of this doctrine failed to establish the essential prerequisites for its implementation – to achieve the creation of a sustainable view in the society on the need to achieve the political unity of the Mongolian world.

REFERENCES

1. Zhamtsarano, Ts. (1907) Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritiki [Buryat Narodnik Movement and its critics]. *Sibirskie voprosy*. 24. pp. 15–20.
2. Baradin, B.B. (1927) Buryat-mongoly. Kratkiy istoricheskiy ocherk oformleniya buryat-mongol'skoy narodnosti [Buryat-Mongols. A brief historical outline of the formation of the Buryat-Mongolian people]. *Buryatievedenie*. 3–4. pp. 39–52.
3. *Neizvestnye stranitsy istorii Buryatii*. (1991). 1.
4. Bazarov, B.V. et al. (1998) *Elbek-Dorzhi Rinchino o Mongolii* [Elbek-Dorji Rinchino about Mongolia]. Ulan-Ude: Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology.
5. Bogdanov, M.N. (1926) *Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda* [Essays on the history of the Buryat-Mongolian people]. Verkhneudinsk: Buryat-mongol. izd-vo.
6. Zhabaeva, L.B. (2001) *Elbek-Dorzhi Rinchino i natsional'no-demokraticeskoe dvizhenie mongol'skikh narodov* [Elbek-Dorji Rinchino and the national-democratic movement of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU.
7. Tshibikov, B. & Chimitdorzhiev, Sh. (1997) *Tsyben Zhamtsarano*. Ulan-Ude: BSC SB RAS. (In Russian).
8. Rinchino, E.-D. (1994) *Dokumenty. Stat'i. Pis'ma* [Documents. Articles. Letters]. Ulan-Ude: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Minpechati Respubliki Buryatiya.
9. Rybakov, S.E. (2001) *Filosofiya etnosa* [Philosophy of ethnos]. Moscow: IPK Gossluzhby.
10. Chimitdorzhiev, Sh.B. (2000) Panmongol'skoe dvizhenie – eto obshchemongol'skoe natsional'noe dvizhenie [The Pan-Mongol movement is an all-Mongol national movement]. In: Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. (eds) *Mongolovednye issledovaniya* [Mongolian studies]. Vol. 3. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
11. Kuras, L.V. (2000) [Pan-Mongolism and Ataman Semenov]. *Vladimirtsovskie chteniya IV* [Vladimir readings IV]. Proceedings of the all-Russian conference. Moscow. 15 February 2000. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 68–74. (In Russian).
12. Luzyanin, S.G. (2000) *Rossiya–Mongoliya–Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 godakh* [Russia—Mongolia—China in the first half of the twentieth century. Political Relations in 1911–1946]. Moscow: IFE RAS.
13. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and the Uryanghai region]. Vol. 2. Leningrad: Tipografiya Glavnogo Botanicheskogo Sada.
14. Tishkov, V.A. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy Mir.
15. Khakim, R. (1993) *Sumerki Imperii. K voprosu o natsii i gosudarstve* [Twilight of the Empire. To the question of the nation and the state]. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo.
16. Kuz'min, Yu.V. & Svinin, V.V. (2001) [Pan-Mongolism as a national idea of consolidating the peoples of Central Asia in the twentieth century]. *Vostochnosibirskiy regionalizm: sotsiokul'turnyy, ekonomicheskiy, politicheskiy i mezhdunarodnyy aspekty* [East Siberian regionalism: socio-cultural, economic, political and international aspects]. Proceedings of the international conference. 10–12 April 2000. Moscow. pp. 76–79. (In Russian).
17. Kuras, L.V. (2001) Panmongolizm kak politicheskiy fenomen [Pan-Mongolism as a political phenomenon]. In: *Dialogue among Civilizations: Interaction Between Nomadic and Other Cultures of Central Asia*. Ulaanbaatar.
18. Roshchin, S.K. (1999) *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.)* [History of Mongolia (1921–1940)]. Moscow: IES RAA.
19. Bat-Erdeni Batbayar. (1999) *Twentieth Century Mongolia*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Batbayar, Ts. (2002) *Mongoliya v pervoy polovine XX veka* [Mongolia and Japan in the first half of the 20th century]. Ulan-Ude: Izdat.-poligraf. kompleks VSGAKI.

21. Bulag, U. & Humphrey, C. (1996) Some Diverse Representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria. *Inner Asia. Occasional Papers of the Mongolia and Inner Asia Studies Unit*. March. 1:1. pp. 1–23.
22. Kolyagiyn Dymbryl. (2002) *Vliyaniye mezhdunarodnoy sredy na razvitiye Mongolii: sravnitel'nyy analiz v istoricheskom kontekste XX veka* [The influence of the international environment on the development of Mongolia: a comparative analysis in the historical context of the twentieth century]. Irkutsk: Ottisk.
23. Yuzefovich, L.A. (1996) Nachalo panmongol'skogo dvizheniya i ataman Semenov [The beginning of the Pan-Mongol movement and Ataman Semenov]. In: Vyatkin, A.R. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: sorosovskie laureaty* [Humanitarian science in Russia: Soros laureates]. Moscow: Mezhdunarodnyy Nauchnyy Fond.
24. Miller, A.I. (1997) O diskursivnoy prirode natsionalizmov [On the discursive nature of nationalisms]. *Pro et Contra*. 2:4. pp. 141–151. [Online] Available from: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm. (Accessed: 12.12.2015).
25. Nikolaev, I. (1933) Period kolchakovshchiny i semenovshchiny v Buryatii [The period of Kolchak and Semenov in Buryatia]. In: Gudoshnikov, M.A. & Ubugune, A.I. (eds) *Ot tsarskoy kolonii do sovetskoy respubliki* [From the Tsar's colony to the Soviet Republic]. Moscow; Irkutsk: Tip. OGIZA tresta "Poligrafkniga".
26. Zhukovskaya, N.L. (2000) [In search of the Buryat national idea (to the formulation of the problem)]. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsiy Tsentral'noy Azii* [Problems of the history and culture of nomadic civilizations in Central Asia]. Proceedings of the international conference. Vol. VI. Ulan-Ude: BSC SB RAS. pp. 13–22. (In Russian).
27. Zheleznyakov, A.S. (1996) K voprosu ob otnoshenii Kominterna k panmongolizmu [To the question of the Comintern's attitude to Pan-Mongolism]. In: Vyatkin, A.R. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: sorosovskie laureaty* [Humanitarian science in Russia: Soros laureates]. Moscow: Mezhdunarodnyy Nauchnyy Fond.
28. Elaev, A.A. (2000) *Buryatskiy narod: stanovlenie, razvitiye, samoopredelenie* [The Buryat people: formation, development, self-identification]. Moscow: Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation.

Received: 22 March 2017

СОПРЯЖЕНИЕ ЕАЭС И ЭПШП: КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, ИНДИФФЕРЕНТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматриваются перспективы сопряжения российского интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» и китайского транспортно-логистической инициативы «Экономический пояс Шелкового пути», а также общие проблемы реализации данных проектов, исходя из специфики развития мировой экономики. Автор акцентирует внимание на возможности РФ в реализации ЭПШП и ЕАЭС. В исследовании предлагаются краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные сценарии развития российско-китайских отношений в контексте развития ЕАЭС и ЭПШП.

Ключевые слова: ЭПШП; ЕАЭС; Китай; Россия; глобальная конкуренция.

На заре XXI в. выявились серьезные противоречия в сложившейся в XX в. модели глобальной экономики, а экономические потрясения первого десятилетия нового века убедительно показали фундаментальность противоречий существующей мировой экономики. На международном уровне объективно сформировался запрос на поиск новых экономических рецептов: для кого – удержать лидирующие позиции в мировой экономике, для кого – догнать хрестоматийных лидеров. Поскольку современная мировая экономика носит преимущественно институциональный характер, ведущие государства инициировали поиск нового глобального экономического равновесия именно в различных институциональных формах.

Однако международные институты не смогли продемонстрировать достаточную динамику и согласованность при выработке нового экономического порядка, что привело к переходу к отдельным региональным инициативам. Во втором десятилетии выделился ряд наиболее деятельных региональных проектов, которые обладают потенциалом оказать влияние на будущую международную экономическую архитектуру: американские Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, китайский ЭПШП, российский ЕАЭС. Масштабы и эффективность каждого из проектов зависят от множества факторов. Но каков бы ни был экономический проект, важное значение для его реализации приобретают транспортно-логистическая и финансовая системы, которые будут обеспечивать комплексное взаимодействие между внешними и внутренними субъектами и гарантировать доступ как на внутренний рынок объединения, так и на глобальный рынок.

С высокой долей вероятности можно сказать, что доминирование в мировой экономике торгово-экономических связей треугольника «Азия – Европа – Северная Америка» сохранится. Однако определяющим для экономической архитектуры XXI в. будет процесс построения альтернативных западным системам глобальных экономических связей. Итоговые позиции на экономическом пьедестале в новом веке будут во многом зависеть от эффективности решений в финансовой и транспортно-логистической областях. Сохранится ли доминирование морского транспорта под управлением преимущественно западных компаний и под «присмотром» военно-морского флота США? Смогут ли наземные маршруты составить кон-

куренцию морским? И если да, то какие страны будут управлять наземными маршрутами? Будет ли сформирована достаточная финансовая независимость западных акторов мировой политики? Исход этих процессов во многом определит лидеров и аутсайдеров международных отношений XXI в.

В этом контексте в статье предпринята попытка проанализировать потенциал промышленной кооперации и транспортно-логистического сотрудничества евразийских инициатив по эгидой КНР и РФ как одних из наиболее активных стран, участвующих в построении альтернативных экономических отношений в рамках ЭПШП и ЕАЭС.

Сближение политических позиций. Анонс китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути в 2013 г. заложил основу для новых сценариев экономического развития евразийского пространства в целом и отдельных внутриконтинентальных стран Евразии в частности. Более того, масштабность «китайского плана Маршала» и потенциально возможные последствия этой инициативы для мировой и региональной экономик стимулировали, прежде всего, рост национальных конкурентных настроений как среди внешних акторов международных отношений, так и среди стран потенциального прохождения ЭПШП.

В частности, в российском информационном пространстве на фоне запуска ЕАЭС в 2014 г. китайский проект вызвал широкую дискуссию в экспертных и политических кругах. Отсутствие четких планов реализации ЭПШП, мультивариативный подход Китая в географических приоритетах прохождения евразийских транспортных маршрутов из Азии в Европу, неопределенности в режиме управления будущей логистической системы, долгосрочный характер проекта – все это формирует весьма полярные оценки в российском экспертном и политическом дискурсе. Дополнительно начали нарастать конкурентные политики между странами Евразии за большую долю в итоговой конфигурации транспортно-логистических потоков между Азией и Европой.

Однако несмотря на высокую долю неопределенности, российская сторона изначально на официальном уровне объявила о высокой заинтересованности в реализации китайской инициативы ЭПШП. Подтверждением этому стало «Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве и сопряжении ЕАЭС и ЭПШП» от 8 мая 2015 г. В заявлении были выделены основные экономические точки соприкосновения:

инвестиции в промышленную кооперацию, развитие общей логистической системы, унификация законодательства в области внешней торговли, повышение роли совместных финансовых институтов и расширение валютной кооперации в обеспечении внешней торговли [1]. Большую роль в этом консенсусе сыграл высокий уровень доверия в межгосударственных отношениях между РФ и КНР, который был сформирован и продолжает поддерживаться благодаря комплексному дипломатическому процессу на двустороннем уровне и в рамках постоянной работы многосторонних форматов ШОС и БРИКС.

Это российско-китайское соглашение можно оценивать, прежде всего, как декларацию статуса-кво: Китай нейтрально относится к российскому проекту ЕАЭС, а РФ нейтрально воспринимает китайские инициативы по развитию ЭПШП. Провозглашенный нейтралитет на высшем политическом уровне существенно снижает геополитические риски в российско-китайских отношениях в целом и уточняет правила региональной конкуренции в Центральной Азии в частности.

Касательно вопросов возможных коопераций между проектами, в этом направлении данные проекты находятся в параллельных плоскостях: ЭПШП нацелен на транспортно-логистическое связывание китайской промышленности с европейскими рынками и рынками вдоль транспортных путей, ЕАЭС своей целью ставит реиндустриализацию экономик государств, входящих в ЕАЭС. Поэтому спектр потенциального взаимодействия крайне ограничен, а процесс нахождения точек пересечения экономических интересов и практическая реализация совместных проектов РФ и КНР в контексте развития ЕАЭС и ЭПШП становятся важными направлениями планирования позитивной динамики будущих межгосударственных отношений между РФ и КНР.

Макроэкономические вызовы. Возникает ряд общих вопросов, относящихся к эффективности сухопутных маршрутов и развития промышленности на евразийском пространстве.

Во-первых, вопросы экономической целесообразности. На сегодняшний день морские грузоперевозки доминируют в обеспечении международной торговли, занимая долю в более чем 80%. В среднем стоимость транспортировки морем в 10–15 раз дешевле, чем наземным транспортом. Такое поведение мировой промышленности объясняется технологической революцией, которая произошла в сфере морских грузоперевозок во второй половине XX в. Контейнеризация, увеличение грузоподъемности и международный правовой статус вод Мирового океана позволили сократить стоимость транспортно-логистических издержек в конечной стоимости товара до 2–5% при существенной минимизации всевозможных рисков. За последние полвека морской транспорт монополизировал рынок транспортных услуг в международной торговле, нарастив свою долю примерно до 80% [2]. Для большей наглядности можно привести следующие цифры: итоговая стоимость доставки 40-футового контейнера из порта Шанхай до порта Санкт-Петербург составляет 0,09 долл. за километр, а при

доставке 40-футового контейнера от порта Санкт-Петербург до Москвы или Екатеринбурга стоимость составит 1,7–0,9 долл. за километр [3]. Помимо значительной разницы в стоимости транспортировки, морской транспорт получает дополнительные преимущества в период низких цен на нефть: в 2015 г. стоимость бункерного топлива в порту Роттердама упала на 46% [4. С. 10]. В итоге низкая стоимость морских грузоперевозок обеспечивает существенное конкурентное преимущество предприятиям, которые производят свои товары в непосредственной близости к развитой портовой инфраструктуре, в то время как функционал железнодорожного и автомобильного транспорта ограничивается транспортировкой грузов от порта до «двери».

Вопросы экономической целесообразности по отношению к индустриализации внутриконтинентальных территорий также стоят очень резонно. Тенденцией мировой экономики последних десятилетий стало перемещение промышленности к прибрежным территориям и крупной портовой инфраструктуре. В целом в логике развития всех «промышленных экономических чудес» второй половины XX в. (Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг) присутствует «морской императив» – опережающее мировые темпы промышленное производство удавалось создать только на прибрежных морских территориях. В частности, направление развития китайской экономики последние 20 лет подтверждает эту глобальную тенденцию: деловая активность и промышленность Китая переместились с северных и северо-восточных провинций страны в южные провинции вдоль западного побережья. Сегодня пять приморских провинций КНР: Гуандун, Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян и Фуцзянь – это главные промышленные центры, на которые приходится более 40% ВВП, и главные торговые ворота, на которые приходится более 55% экспорта Китая [5].

Во-вторых, современный объем товарооборота только из Азии в Европу составляет 1 млрд т, такой объем крайне сложно обеспечить сухопутными видами транспорта из-за объективных физических ограничений. Для сравнения, максимальная пропускная способность Транссиба в год составляет 90 тыс. т. Соответственно, примат морских грузоперевозок в международной торговле будет сложно оспорить без серьезных технологических прорывов в области сухопутных грузоперевозок либо приоритет в транспортировке грузов по суше вынужденно будет отдаваться товарам с высокой маржинальностью. В этом контексте можно отметить, что грузооборот внутри КНР преимущественно осуществляется с помощью морского транспорта: 60% товарооборота китайских портов приходится на каботаж [6]. Принимая в расчет, что сухопутные транспортные пути имеют физические ограничения пропускной способности, Китай как главный спонсор этого проекта органично будет отдавать приоритет своим товарам. Поэтому в краткосрочной перспективе, особенно на стадии формирования географии инфраструктуры основных торговых путей из Азии в Европу, ЭПШП – это дорога для китайских компаний, китайских поездов и китайских товаров.

Страновые вызовы. На уровне национальных экономик главные вызовы находятся на российской сто-

роне. Масштабы участия РФ в китайском проекте ЭПШП и продвижение ЕАЭС во многом зависят от эффективности российской экономической политики, где одной из основных задач для РФ является решение ставшей уже фольклорной апокрифической дилеммы «дураки–дороги».

Современное состояние российской транспортно-логистической инфраструктуры можно определить как низкое. В РФ есть отдельные прорывы (модернизации портов Новороссийск, Санкт-Петербург, Усть-Луга), но также и серьезные провалы в обеспечении комплексных мультимодальных логистических систем. Согласно Глобальному индексу конкурентоспособности (Global Competitiveness Index) Российская транспортная инфраструктура за период с 2012 по 2015 г. повысила свои показатели в области транспортной инфраструктуры с 4,1 до 4,4, заняв 41-ю позицию из 140 возможных (РФ обладает лучшими показателями среди стран постсоветского пространства, но уступает ближайшим соседям – КНР (5,1 – 21-я позиция), Турции (4,9 – 23-я позиция). Причем главные виды транспорта для обеспечения внешнеэкономической деятельности демонстрируют самые низкие результаты: пункт «качество дорог» (2,7 – 126-я позиция) и пункт «качество портовой инфраструктуры» (3,9 – 75-я позиция) [7]. Такая ситуация серьезно снижает конкурентоспособность транспортной инфраструктуры РФ, поскольку основные виды транспорта международной торговли (морской и автомобильный) в России являются самыми проблемными. Однако Global Competitiveness Index – это очень поверхностный и «тусовочный» индикатор, методология которого строится на опросах участников Мирового экономического форума в Давосе.

Согласно индексу Логистической эффективности (Logistic performance index, LPI), рейтингу с более репрезентативной методологией, позиции РФ куда более скромные. В этом рейтинге российская торговая логистика занимает 98-е место из 167 (для сравнения, турецкая и китайская – на 34-м и 36-м местах соответственно). Более того эффективность российской логистики серьезно уступает некоторым странам постсоветского пространства: Латвия занимает 35-е место, Эстония – 39-е, Литва – 40-е, Украина – 74-е, Казахстан – 81-е место. Также LPI указывает еще на одну проблему в российской транспортно-логистической сфере – низкую эффективность бюрократического администрирования. В частности, согласно Индексу логистической эффективности, РФ серьезно отстает по таким показателям, как «эффективность таможи» – 152-е место, «транспортная инфраструктура» – 90-е, «международные перевозки» – 114-е, «уровень сервиса» – 76-е, «отслеживания груза» – 83-е, «своевременность поставок» – 83-е место [8].

Дополнительно низкие оценки транспортно-логистического комплекса РФ подтверждаются и данными внутрисейского общественного контроля. Ассоциация морских агентов Санкт-Петербурга, Южная региональная ассоциация морских агентов и Калининградская ассоциация агентских и экспедиторских компаний опубликовали отчет по итогам мониторинга задержек морских судов при пе-

ресечении границы в морских пунктах пропуска. В отчете среди главных ступоров грузопотока были отмечены: а) несогласованность действий между контролирующими службами (Роспотребнадзор, таможенные органы, Пограничная служба ФСБ, фитосанитарный и ветеринарный контроль); б) чрезмерная бюрократизация процедур оформления груза, которая в 6–11 раз превышает международные стандарты; в) слабо развитая электронная система подачи документов [9]. Как итог большинство законодательских инициатив по оптимизации документооборота для обеспечения внешней торговли вязнут в запутанной межведомственной иерархии, и к технологической слабости транспортно-логистического комплекса РФ добавляется административный фактор, негативно влияющий на скорость и качество работы субъектов отечественной внешней торговли.

Современное состояние российской транспортно-логистической системы не позволяет в полной мере поддержать высокие стандарты и темпы развития, которые предлагаются в рамках китайского проекта ЭПШС. Нашумевшая ситуация с мостом через р. Амур, где китайская часть выполнена на 100%, а российская еще даже не начала строиться, является частным примером общего положения российской транспортно-логистической сферы [10]. В краткосрочной перспективе асимметрия экономик хозяйственных уровней КНР и РФ не позволит РФ масштабно участвовать в китайском транспортном коридоре из Азии в Европу.

Точки соприкосновения. Анализ структуры торговли между РФ и КНР дает наглядный пример реальных направлений сотрудничества. Главные товарные группы экспорта КНР в РФ – это машины и оборудование, химические товары, которые составили 45% от общего объема. Главные товарные группы экспорта РФ в КНР – это минеральное топливо, нефть, нефтепродукты, древесина, цветные металлы, таким образом на долю природных ресурсов приходится более 80% общего объема российского экспорта в Китай [11]. Исходя из этой статистики, видно, что для китайской стороны единственный сектор российской экономики, представляющий интерес, – это добыча природных ресурсов.

Объемы накопленных инвестиций между РФ и КНР и их темпы роста находятся на достаточно низком уровне: с российской стороны они составляют 0,946 млрд долл., с китайской – 8,9 млрд долл. Структура китайских прямых инвестиций повторяет импортные приоритеты и сосредоточена преимущественно в ресурсодобывающих отраслях [12]. Соответственно, характер китайских инвестиций не позволяет говорить о большом интересе китайских компаний к проектам реиндустриализации в рамках ЕАЭС.

И последнее. Анализ нормативно-правовой базы российско-китайских отношений также демонстрирует только одно реальное направление российско-китайских экономических отношений – участие КНР в освоении российской природно-ресурсной базы. Договоры последних лет в области промышленной кооперации не действуют: «Соглашение между правительством РФ и правительством КНР о сотрудниче-

стве по совместной реализации программы разработки, производства, коммерциализации и послепродажного обслуживания широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и создаваемого на его основе семейства» от 25.06.2016 г. или «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве по программе создания гражданского перспективного тяжелого вертолета» 25.06.2016 г. Однако соглашения о сотрудничестве в области добычи природных ресурсов действуют без проблем: «Протокол к соглашению между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сфере реализации проекта “ЯМАЛ СПГ”» от 17.12.2015 г., «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из РФ в КНР по “Восточному” маршруту» от 13.10.2014 г., «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в нефтяной сфере» от 21.04.2009 г. [13].

Поэтому в краткосрочной перспективе кооперация между первичным сектором российской экономики и ЭПШП смотрится более целесообразной. КНР заинтересована в расширении доступа к российским природным ресурсам и продукции сельского хозяйства, поэтому нет особых экономических и политических противоречий использовать ЭПШП по направлению с запада на восток. Китайский капитал готов участвовать, прежде всего, в освоении природно-ресурсной базы Сибири и Дальнего Востока. В этой перспективе существует большое переговорное поле в российско-китайских отношениях по вопросам кредитования строительства российской транспортной инфраструктуры по меридиональным направлениям для присоединения российских месторождений к маршрутам ЭПШП. Более того, анализ динамики таких показателей, как добыча полезных ископаемых в РФ (2015–2017 гг.), индекс промышленного производства в РФ (2015–2017 гг.) и индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции по РФ (2015–2017 гг.), прямо свидетельствует, что экономическая ситуация РФ последних лет характеризуется ростом экономической активности в аграрном и ресурсодобывающем секторах при падении показателей промышленного производства, что является дополнительным аргументом в пользу практической кооперации именно на уровне первичного сектора [14].

Для среднесрочной перспективы высокий потенциал для мотивированной экономической дипломатии имеет тема освоения Арктического региона и Северного морского пути (СМП). Освоение Арктического региона выделяется в отдельное направление внутренней и внешней политики РФ [15]. КНР также проявляет большой интерес к этому направлению [16]. Соответственно, РФ заинтересована использовать СМП для поставки российских природных ресурсов из арктических районов на мировой рынок по конкурентным транспортным тарифам, а для КНР СМП может стать одним из ответвлений морского ЭПШП, который будет обслуживать транзит грузов между Северо-Восточной Азией и Северной Европой. Однако задача построения регулярного судоходства в северных широтах является очень амбициозным проек-

том, который требует больших экономических ресурсов и технологических решений. Поэтому кооперация между РФ и КНР в Арктике имеет большой потенциал для мотивированного экономического сотрудничества в среднесрочной перспективе. Также важно подчеркнуть, что идея развития северных морских транспортных коридоров соответствует логике развития мировой торговой логистики.

Итак, с одной стороны, низкая технологическая и административная база российской транспортно-логистической инфраструктуры и слабая заинтересованность китайской стороны в промышленной кооперации и инвестициях в промышленный сектор стран ЕАЭС – с другой, существенно сокращают масштабы кооперации между ЭПШП и ЕАЭС. С точки зрения краткосрочной перспективы наиболее целесообразным направлением сотрудничества является сотрудничество в развитии первичного сектора российской экономики и меридиальных транспортных коридоров для расширения доступа российских природных ресурсов на рынки вдоль ЭПШП.

В среднесрочной перспективе продвижение СМП как части морского ЭПШП для экономического освоения арктических территорий, а также транзита между Азией и Европой является наиболее перспективным направлением в контексте развития альтернативных торговых маршрутов из Азии в Европу, особенно учитывая ряд макроэкономических и технологических вызовов, которые стоят перед сухопутными транспортными коридорами.

С позиции реиндустриализации, которая провозглашена в качестве основной цели в рамках ЕАЭС, развитие промышленности на обширных преимущественно континентальных пространствах бросает вызов логике развития мировой промышленности, которая последние полвека выстраивалась и продолжает тесниться к тонкой линии суши вдоль Мирового океана. Проект ЕАЭС можно рассматривать только в долгосрочной перспективе при условии эффективного решения основных вопросов национальной транспортно-логистической инфраструктуры, которая должна обеспечить конкурентоспособный транзит для товаров ЕАЭС на мировой рынок. В этом случае можно говорить о развитии евразийской промышленной кооперации и формировании единого экономического пространства. По этому направлению российская сторона должна стимулировать вполне конкретную конфигурацию промышленной кооперации на евразийском пространстве: ресурсы и комплекующие из разных внутриконтинентальных частей ЕАЭС по развитой железнодорожной и автомобильной инфраструктуре перемещаются к портовым территориям для финальной сборки и отправки на мировой рынок. В частности, главными промышленными территориями ЕАЭС должны стать Владивосток, Санкт-Петербург и российское Черноморское побережье.

На сегодня мы можем только указать на высокий потенциал транспортно-логистической составляющей российской территории, который может, с одной стороны, выступить мощным стимулом для создания заинтересованного и мотивированного евразийского

экономического партнерства между РФ и континентальными странами Евразии, а с другой – повысить уровень китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

ЛИТЕРАТУРА

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>
2. Review of Maritime Transport 2015 // Официальный сайт UNCTAD. URL: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1374>
3. Галин А.В. Задачи совершенствования технологического процесса наземной транспортировки контейнеризованных грузов в рамках единой системы интермодальных перевозок // ТДР. 2013. № 4. С. 75–76.
4. Trade and Development Report 2015 // Официальный сайт UNCTAD. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2015_en.pdf
5. Статистические данные провинции Китая 2014 год // Официальный сайт ООО «Регионального Центра Инновационных Технологий». URL: <http://rcit.su/inform-prov.html>
6. Александр Волобуев. Дракон выходит из моря // Официальный сайт ИА «Лента.ру». URL: https://lenta.ru/articles/2016/03/31/sea_ports/
7. Global Competitiveness Index // Официальный сайт Давосского экономического форума. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/economies/#indexId=GCI&economy=RUS>
8. Connecting to compete 2016 trade logistics in the global economy. Официальный сайт Всемирного банка. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2016/06/28/connecting-to-compete-2016-trade-logistics-in-the-global-economy>
9. Проблемы и вопросы морских грузоперевозок // Морские вести России. 2015. № 3. URL: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=53343>
10. Китай сообщил о завершении строительства своей части моста через Амур в ЕАО. Новостное сообщение от 18.05.16 // Официальный сайт новостного портала «Мой Благовещенск». URL: <https://www.blagoveshensk.ru/news/asn/141004/>
11. Аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году // Официальный сайт портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/
12. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество // Официальный сайт Торгового представительства РФ в КНР. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>
13. Двухсторонние договоры РФ // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract
14. Статистические данные // Официальный сайт Росстата РФ. URL: <http://www.gks.ru>
15. Выступление В.В. Путина на пленарном заседании 3-го Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» от 25.09.13 // Официальный сайт Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». URL: <https://www.rgo.ru/ru/page/vystupleniya-vv-putina-i-sk-shoigu-na-plenarnom-zasedanii-iii-mezhdunarodnogo-arkticheskogo>
16. Jakobson L. Jingchao Peng China's arctic aspirations // SIPRI Policy Paper. November 2012. № 34. 36 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 апреля 2017 г.

THE INTERACTION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE SILK ROAD ECONOMIC BELT: COMPLEMENTARY POTENTIAL, INDIFFERENT REALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 109–114.

DOI: 10.17223/15617793/419/14

Denis A. Borisov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denisborisov@mail.ru

Keywords: Eurasian Economic Union; EAEU; The Silk Road Economic Belt; OBOR; Russia; China; global competition.

The article deals with the prospects of interstate cooperation in the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), Russia's integration project, and the Economic Belt of the Silk Road (One Belt, One Road – OBOR), a Chinese initiative of building trade land routes from Asia to Europe. The author points out that the political consensus reached on the implementation of the EAEU and the OBOR between the leaders of the two countries significantly reduces geopolitical risks in Russian-Chinese relations and clarifies the rules of regional competition in Central Asia. The paper analyzes macroeconomic challenges for Chinese and Russian projects. In particular, it is emphasized that sea transport preference in the world trade and the coastal areas dominance in the world industry require from the RF and the PRC technological, administrative and legal solutions to provide effective realization of the initiatives. Particular attention is paid to challenges for the Russian transport and logistics system, which significantly reduce the efficiency of industrial cooperation within the framework of the EAEU and limit Russian participation in the OBOR. Among the main problems of the transport and logistics system of the Russian Federation are the low quality of road and port infrastructure, excessive bureaucratization of customs clearance and state structures regulating foreign trade activities inconsistency. In this article, short-term, medium-term and long-term scenarios of Russian-Chinese cooperation are addressed through the lens of the EAEU and the OBOR interaction including foreign trade, investment cooperation and bilateral cooperation in the legal sphere analysis. It is highlighted that in a short-term perspective the most promising areas in Russian-Chinese relations are joint development of Russia's natural resources and joint meridional land transport investment to promote Russia's resources delivery to the markets along the OBOR. The most promising area for medium-term development of the economic diplomatic process between Russia and China is bilateral cooperation for developing the Arctic region and the northern sea routes. Such cooperation serves to the world trade logistic experience and has a real opportunity to become a part of the northern seaway of the OBOR. Long-term prospects depend on the pace of the national transport and logistics system problems solving in Russia. The Russian transport and logistics potential can become a powerful incentive for creating an interested and motivated Eurasian economic partnership between the Russian Federation and the continental countries of Eurasia, and also can increase the effectiveness of the Chinese Silk Road Economic Belt project.

REFERENCES

1. Official Site of the President of the Russian Federation. (2015) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti* [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in combining the construction of the Eurasian Economic Union and the Economic Belt of the Silk Road]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/4971>.

2. Website of UNCTAD. (2015) *Review of Maritime Transport 2015*. [Online] Available from: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1374>.
3. Galin, A.V. (2013) Zadachi sovershenstvovaniya tekhnologicheskogo protsessa nazemnoy transportirovki konteynerizirovannykh gruzov v ramkakh edinoi sistemy intermodal'nykh perevozok [Problems of development of the containerized cargo land transportation in the frames of general intermodal transportation system]. *Transportnoye delo Rossii*. 4. pp. 75–76.
4. Website of UNCTAD. (2015) *Trade and Development Report 2015*. [Online] Available from: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2015_en.pdf
5. Website of the Regional Centre of Innovative Technologies, Ltd. (2014) *Statisticheskie dannye provintsii Kitaya 2014 god* [Statistics of the province of China in 2014]. [Online] Available from: <http://rcit.su/inform-prov.html>
6. Volobuev, A. (2016) *Drakon vykhodit iz morya* [The dragon comes out of the sea]. [Online] Available from: https://lenta.ru/articles/2016/03/31/sea_ports/.
7. Website of the World Economic Forum. (2016) *Global Competitiveness Index*. [Online] Available from: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/economies/#indexId=GCI&economy=RUS>.
8. Website of the World Bank. (2016) *Connecting to compete 2016 trade logistics in the global economy*. [Online] Available from: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2016/06/28/connecting-to-compete-2016-trade-logistics-in-the-global-economy>.
9. Morskije vesti Rossii. (2015) Problemy i voprosy morskikh gruzoperevozok [Problems and issues of sea freight]. *Morskije vesti Rossii*. 3. [Online] Available from: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=53343>.
10. Moy Blagoveshchensk. (2016) Kitay soobshchil o zavershenii stroitel'stva svoey chasti mosta cherez Amur v EAO [China announced the completion of its part of the bridge across the Amur River in the Jewish Autonomous District]. [Online] Available from: <https://www.blagoveshchensk.ru/news/asn/141004/>.
11. Official site of the portal for foreign economic information of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2015) *Analiticheskaya spravka o rossiysko-kitayskom trgovom sotrudnichestve v 2015 godu* [Analytical report on Russian-Chinese trade cooperation in 2015]. [Online] Available from: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/.
12. Official site of the Trade Mission of the Russian Federation in China. (2016) *Rossiysko-kitayskoe investitsionnoe sotrudnichestvo* [Russian-Chinese investment cooperation]. [Online] Available from: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.
13. Official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2017) *Dvukhstoronnie dogovory RF* [Bilateral agreements of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract.
14. Official site of the Russian Federal Service of Statistics. (2017) *Statisticheskie dannye* [Statistics]. [Online] Available from: <http://www.gks.ru>.
15. The official website of the All-Russian Public Organization Russian Geographical Society. (2013) *Vystuplenie V.V. Putina na plenarnom zasedanii 3-go Mezhdunarodnogo arkticheskogo foruma "Arktika – territoriya dialoga" ot 25.09.13* [Statement by V.V. Putin at the plenary meeting of the 3rd International Arctic Forum "The Arctic – the Territory of Dialogue" of 25.09.13]. [Online] Available from: <https://www.rgo.ru/ru/page/vystupleniya-vv-putina-i-sk-shoygu-na-plenarnom-zasedanii-iii-mezhdunarodnogo-arkticheskogo>.
16. Jakobson, L. (2012) Jingchao Peng China's Arctic aspirations. *SIPRI Policy Paper*. November. 34.

Received: 14 April 2017

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ «КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ» В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1990–2000-х гг. НА ПРИМЕРЕ ОАО «АЛТАЙСКИЙ ТРАКТОР»

Предпринята попытка рассмотреть особенности процесса становления рыночных механизмов в промышленном секторе Алтайского края на примере трансформации производственного объединения «Алтайский трактор» в общество с ограниченной ответственностью «Алттрак». Уделяется внимание деятельности органов местного самоуправления по реализации государственной политики, направленной на поддержку градообразующих предприятий транспортного машиностроения в регионе.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; Алтайский тракторный завод; история реформирования промышленности.

В 1990-х гг. в истории российской экономики произошёл процесс реставрации долевой формы собственности в промышленном секторе. За десятилетие государством были приняты нормативные основы капиталистических механизмов предпринимательской деятельности. Перед правительством и обществом Российской Федерации стояла задача по трансформации предприятий, созданных в условиях плановой модели, в акционерные компании, функционирующие на принципах рыночной экономики. Особое место в реформировании занимали градообразующие заводы, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственных машин и оборудования.

Вопрос реформирования предприятий сельскохозяйственного машиностроения Алтайского края в 1990–2010-х гг. слабо освещён в исторических исследованиях. Изучением проблемных аспектов финансово-хозяйственной деятельности предприятий транспортного машиностроения в Алтайском крае в 1990-х гг. занимался экономист В.А. Бородин. В работе «Стратегические направления реформирования промышленного комплекса Алтайского края» автор высказал мнение о том, что в первой половине 1990-х гг. отчисления от промышленного сектора экономики в региональную бюджетную систему резко сократились [1].

По рассмотрению комплексной реструктуризации предприятий промышленного сектора Алтайского края работала группа исследователей: В.А. Бородин, И.А. Голощапова, А.А. Жидких [2]. Результаты их научной деятельности показали, что в первой половине 1990-х гг. уровень качества действующих систем управления и организационных структур на значительной части предприятий машиностроительной отрасли оставался низким.

В монографии «Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса» экономист В.В. Мищенко рассмотрел теоретические и практические вопросы реализации экономической политики в депрессивном регионе Российской Федерации в переходный период. Автором проанализирована социально-экономическая ситуация в большинстве секторов экономики края и предложены основные направления вывода экономики субъекта Федерации из системного кризиса. Изучен процесс реализации отдельных государственных мероприятий по поддержке предприятий транспортного машиностроения в регионе [3].

Источниками исследования послужили материалы периодической печати, нормативные акты органов государственной власти и местного самоуправления, информационно-аналитические данные о финансовой деятельности предприятий транспортного машиностроения Алтайского края сайта «Законодательство & Инвестиции», материалы текущего архива Фонда имущества Алтайского края, впервые введенные в научный оборот.

Созданные в эпоху плановой экономической модели заводы агропромышленного комплекса Алтайского края обладали определенной спецификой производства. Некоторые из них имели статус градообразующих предприятий. На большинстве данных заводов помимо основного производственного процесса было организовано вспомогательное производство. Кроме того, на балансе производственных объединений числились объекты социально-культурного значения.

В 1992 г. одно из крупнейших предприятий сельхозмашиностроения Алтайского края – Производственное объединение «Алтайский тракторный завод» – было преобразовано в Акционерное общество открытого типа «Алттрак» [4]. Накануне приватизации завод имел положительный баланс в 625,7 млн руб. За семь месяцев 1992 г. предприятие увеличило численность сотрудников на 229 чел., а фактическая прибыль к июлю 1992 г. составила 330,6 млн руб. Уставной капитал возрос на 200 млн руб. [5]

С 1995 по 1996 г. на тракторном заводе г. Рубцовска выросла выручка от реализации тракторов на 116,7 млрд руб., что позволило в 1997 г. увеличить объемы производства и прибыль на 5,7 млрд руб. Кроме того, фонды накопления средств на предприятии возросли на 16%, что дало возможность руководству профинансировать фонд социальной сферы на 4 млрд руб. С момента создания ОАО «Алттрак» на социальные нужды средства были выделены впервые [6].

Экономический кризис во второй половине 1990-х гг. привел к резкому снижению спроса на продукцию предприятия. В 1998 г. убыток от реализации основной продукции увеличился на 18 млн руб. по сравнению с 1997 г. Это привело к росту убытка за отчетный период (1998 г.) на 15 млн руб. по сравнению с предыдущим годом [Там же].

Экономические реформы 1990-х гг. привели к значительному сокращению количества единиц выпуска сельскохозяйственной техники на предприятиях

транспортного машиностроения Алтайского края. В результате недостатка современных машин и оборудования у краевых сельхозтоваропроизводителей на протяжении конца 1990-х – первой половины 2010-х гг. снижались объемы производства сельскохозяйственной продукции, затягивались сроки уборки, росли потери выращенного урожая [7].

В 2001 г. администрацией Алтайского края было принято постановление «Об освоении и производстве современных тракторов, сельскохозяйственных машин и оборудования для АПК на промышленных предприятиях края в 2001–2005 годах». Документ предусматривал «План освоения и производства современных тракторов и сельскохозяйственных машин для АПК края на 2001–2005 годы». Согласно плану, заводу «Алттрак» предстояло увеличить ежегодный выпуск тракторов моделей Т-250 и Т-404 с 35 единиц в 2001 г. до 600 в 2006 г. Для осуществления поставленных задач предприятию за 5 лет было предоставлено 145,5 млн руб. [8] за счет инвестиционных вложений из местного бюджета.

В бюджетной системе региона в 2001 г. потребность в расходах консолидированного бюджета на 2001 г. была определена в сумме 20,4 млн руб., в том числе расходы составили 15,4 млн руб., переходящая задолженность по финансированию за 2000 г. – 5 млн руб. Недостаток средств для покрытия потребности в расходах консолидированного бюджета достиг 9,4 млрд руб. [9]. Реализация плана по освоению производства новой сельскохозяйственной техники зависела от доплат из федерального бюджета.

С 2000 по 2001 г. увеличился спрос на продукцию завода, что позволило увеличить объемы производства за 1 год на сумму 65 млрд руб. в ценах 2003 г. Выручка от реализации продукции увеличилась на 123 млн руб. При этом чистая прибыль за указанный период сократилась на 20 млн руб. Причиной стал высокий рост переменных затрат на 30%. Обновление основных производственных фондов не производилось [9]. С 1998 по 2000 г. среднесписочная численность работников сократилась на 11% [10].

С 2000 по 2003 г. предприятие увеличило выпуск новой продукции в 37 раз. В 2002 г. руководством было принято решение о снижении объемов выпуска техники в 2003 г. на 50%. При этом завод впервые со второй половины 1990-х гг. увеличил объемы выпуска новой продукции до 40% от общих годовых показателей [9].

Частично увеличение спроса на продукцию ОАО «Алттрак» было обеспечено благодаря экспорту тракторов в Узбекистан. С 2000 по 2003 г. узбекским потребителям продано 1 400 тракторов Т-4А, причем на 2003 г. пришлось более 50% экспорта [11].

С 2002 г. компания начала испытывать проблемы с реализацией основной продукции. Показатель рентабельности продаж составил «минус» 16,2, а непокрытый убыток отчетного года – 153,9 млн руб. К 2004 г. убыток от обычной деятельности стал равен 273 млн руб. Объем производства продукции с 2003 по 2004 г. сократился в 1,7 раз. Рентабельность продаж снизилась с «минус» 16,7% 2003 г. до «минус» 27,5% 2004 г. [12].

Основной проблемой завода стал низкий уровень спроса на внутреннем рынке. По словам генерального

директора В. Свиридова, к 2004 г. производственные мощности не использовались в полном объеме. Предприятие могло выпускать 150 тракторов ежемесячно. Заказ администрации Алтайского края через «Росагролизинг» составил 50 тракторов Т-402-01 и 6 Т-404. Покупателям из Узбекистана ОАО «Алттрак» должно было поставить к осени 2004 г. 200 единиц техники. Результатом ухудшения финансового состояния предприятия стало сокращение численности основных производственных рабочих с 2002 по 2004 г. на 324 человека [13].

Специалисты Управления Алтайского края по промышленности и энергетике отмечали, что основной причиной общего ухудшения финансового состояния на заводе «Алттрак» в первой половине 2010-х гг. стал неверный выбор производственной стратегии. Руководство компании, имея широкую гамму модификаций тракторов, не приняло должных мер по запуску востребованной продукции в производство. К тому же сложное финансовое положение отечественных сельхозтоваропроизводителей заставило их надолго отказаться от покупки какой-либо новой техники, в том числе и производства «Алттрака» [14].

ОАО «Алттрак» имело особый статус для г. Рубцовска. На балансе компании состояла ТЭЦ «Алттрак», обеспечивавшая отопление большей части населения города.

К сентябрю 2004 г. завод был должен ОАО «Алтайэнерго» за поставку электроэнергии более 20 млн руб. Выделенные администрацией г. Рубцовска целевые средства в размере 22 млн руб. не привели к уменьшению долга. Данный вопрос рассматривался 17 сентября 2004 г. в администрации Алтайского края на заседании штаба по подготовке к зиме. В результате руководство завода приняло обязательство ликвидировать задолженность за использованные ресурсы в ежемесячном режиме. Особое внимание уделялось отопительному сезону 2005 г. в г. Рубцовске [15]. В 2004 г. группа компаний «РАТМ Холдинг» г. Новосибирск (крупный диверсифицированный промышленный холдинг) выкупила 38% акций ОАО «Алттрак» [16]. Одним из направлений деятельности холдинговой компании «РАТМ» были поставки угля на территории Западной и Восточной Сибири. Приобретение контрольного пакета новосибирским холдингом способствовало расширению его рынков сбыта ОАО «РАТМ». Для стабилизации производственной деятельности новосибирским инвесторам было необходимо сформировать комплекс мероприятий по созданию производства конкурентной продукции, что требовало значительных расходов.

Трехстороннее соглашение между «РАТМ Холдинг», ОАО «Алттрак» и администрацией г. Рубцовска о введении на заводе антикризисного управления было подписано 10 ноября 2004 г. По словам А. Дефлера (мэра г. Рубцовска, работавшего в данной должности с 2004 по 2008 г.), руководство «РАТМ» планировало инвестировать в завод более 1 млрд руб. [17].

Смена собственника на ОАО «Алттрак» негативно отразилась на некоторых направлениях деятельности компании. В частности, подготовка топлива к отопительным сезонам 2004–2005 гг. для ТЭЦ «Алттрак»

прошла с нарушением нормативов хранения. В результате 27 января 2005 г. температура в квартирах горожан, отапливаемых от ТЭЦ тракторного завода, снизилась до 12°C. Временно прекратили работу школы и детские сады, расположенные в южной части города. Причиной сложившейся ситуации стала авария на ТЭЦ. Котел был «зашлакован» некачественным углем [18].

Проблемы с функционированием ТЭЦ «Алттрак» привели к кадровым перестановкам в руководстве компании. Генеральный директор Е. Свиридов подал в отставку. 31 января состоялось заседание совета директоров ОАО «Алттрак», на котором представители компании «РАТМ» подали заявление с требованием провести внеочередное собрание акционеров предприятия для выбора нового руководителя завода [19]. В результате долгих обсуждений кандидатур на должность генерального директора был назначен Вячеслав Колосов, представлявший интересы «РАТМ» [20].

Ко второму полугодию 2005 г. на заводе «Алтайский трактор» было произведено продукции на сумму 216,3 млн руб. Убыток от продаж основной продукции составил 147,8 млн руб., а рентабельность продаж – «минус» 55%. Затраты отчетного периода по всем видам деятельности достигли 1,2 млрд руб. [12]. К октябрю 2005 г. кредиторская задолженность увеличилась до 1,5 млрд руб. Акционерное общество находилось в сложном финансовом положении. В октябре 2005 г. гендиректор Вячеслав Колосов обратился в Арбитражный суд Алтайского края с заявлением о банкротстве предприятия [22].

14 ноября 2005 г. Арбитражный суд края признал ОАО «Алттрак» банкротом и ввел на нем конкурсное производство сроком на 12 месяцев. Должностные обязанности конкурсного управляющего были возложены на Т. Казакину [24]. Внешним управляющим был назначен региональный представитель Межрегиональной саморегулируемой организации профессиональных арбитражных управляющих В. Лютов [21].

В период конкурсного управления имущественный комплекс предприятия, выставленный на торги, оставался в аренде у ОАО «Алттрак» (оно образовано как самостоятельное юридическое лицо в мае 2006 г., когда на ООО «Алттрак» ввели внешнее управление). На торги был выставлен весь имущественный комплекс предприятия. Руководство холдинговой компаний «РАТМ» не выразило желания продать свой пакет ценных бумаг рубцовского тракторного завода. В рамках оптимизации производства на базе ОАО «Алттрак» были созданы два самостоятельных предприятия: ООО «Рубцовская ТЭЦ» и ОАО «Рубцовский тракторный завод» [23. С. 1].

С 2006–2007 гг. на ОАО «Алттрак» функции руководителя предприятия выполнял Г. Таруленков, перед которым была поставлена задача по созданию нового оптимального производственного контура на площади порядка 30 тыс. м² на базе предприятия-банкрота (площадью 316 тыс. м² с мощностью 30 тыс. единиц техники в год) с перспективой возобновления современного и конкурентоспособного производства мощностью 1,5–2 тыс. тракторов в год. В 2006 г. на акционерном обществе было произведено порядка

600 единиц техники – сельхозтракторов и трелевочной техники для лесопереработки, основная часть направлена в республики Средней Азии. Кредиторская задолженность компании выросла до 2 млрд руб. [24]. В конце марта 2007 г. производственная деятельность на ОАО «Алттрак» была приостановлена вследствие тяжелого финансового состояния [25].

Ухудшение общих показателей финансовой деятельности, рост задолженности по налогам и ошибки в управлении Г. Таруленкова стали причиной отказа в дальнейшем сотрудничестве с ним. В 2007 г. в системе управления акционерного общества произошли изменения. Должность директора была упразднена, а ее функции стал выполнять управляющий совет, состоявший из 6 представителей руководящего состава во главе с председателем правления С. Скулкиным. Вновь был введен пост главного инженера [24].

Свой выбор кандидатуры С. Скулкина внешний управляющий В. Лютов аргументировал высокими результатами его работы на посту председателя правления.

Специалисты в сфере тяжелой промышленности Алтайского края неоднозначно оценивают работу Г. Таруленкова на посту руководителя ОАО «Алттрак». Экономист В. Мищенко отмечал, что выйти из кризиса в первой половине 2010-х гг. предприятию не позволил ряд объективных факторов. Для эффективного производства тракторов заводу были необходимы дешевая электроэнергия и низкие железнодорожные тарифы [Там же].

Директор Института проблем развития промышленности Алтайского края В. Бородин не разделял мнение о неэффективности деятельности команды Г. Таруленкова, который, по словам экономиста, начал реализацию программы реструктуризации предприятия, подготовленную еще в 1998 г., в соответствии с современными требованиями [24].

Назначенный руководителем ОАО «Алттрак» в 2007 г. С. Скулкин своими основными задачами считал наращивание объемов производства, привлечение инвестиций, а также выполнение уже заключенных контрактов. Приоритетными проектами стали реализация контрактов на поставку техники в Узбекистан и Туркменистан, программа по краевому лизингу сельхозтехники, а также совместная программа с ОАО «Уралтрак». В мае 2007 г. завод выпустил 25 единиц техники, в июне, по словам С. Скулкина, был намечен рубеж в 60 единиц, по итогам года общая цифра должна была составить не менее 600 (примерно столько же было выпущено в 2006 г.) [24].

В. Лютов не исключал иное развитие событий для рубцовского тракторного завода. За полтора года внешне-го управления бюджетная задолженность предприятия увеличилась на 200 млн руб. Собрание кредиторов ОАО «Алтайский тракторный завод» приняло решение ходатайствовать перед Арбитражным судом о введении на предприятии, долги которого превысили 1,6 млрд руб., конкурсного управления. Внешний управляющий отметил, что после введения конкурсного производства ОАО «Алттрак» будет выставлено на торги [21].

Согласно решению Арбитражного суда Алтайского края от 19 ноября 2007 г., открытое акционерное

общество «Алтайский трактор» признано несостоятельным [26].

13 декабря 2007 г. на ОАО «Алттрак» была частично ограничена подача электроэнергии, поскольку задолженность тракторного завода ОАО «Алтайэнергосбыт» превысила сумму 10 млн руб. Данная мера не принесла энергетикам положительного результата, и 24 декабря 2007 г. на рубцовском предприятии был введен режим полного ограничения энергопотребления [25].

7 мая 2008 г. собранием кредиторов ОАО «Алттрак» были утверждены предложения конкурсного управляющего ОАО «Алттрак» о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника. Конкурсным управляющим ОАО «Алттрак» для продажи имущества из конкурсной массы должника были сформированы восемь лотов. С первых торгов 25 июня 2008 г. из восьми лотов был продан только один – «Имущество для производства основного вида продукции» с начальной ценой 200,7 млн руб. Повторные торги по лотам № 2–8, намеченные на 18 августа 2008 г., были признаны несостоявшимися в связи с отсутствием заявок на участие. Социально значимые объекты ОАО «Алттрак» (лот № 6) были переданы в собственность муниципального образования «Город Рубцовск» [26].

Покупателем основного имущества для производства тракторов ОАО «Алттрак» стало ООО «Бетон 45» (группы компаний «РАТМ»), предложившее за этот лот 202 млн руб. [27].

К 2008 г. на рубцовский «Алттрак» приходилось 94,2% задолженности по заработной плате в крае. По словам исполнительного директора ОАО «Алттрак» С. Морозова, задолженность составляла 116 млн руб. [28. С. 13]. Банкротство тракторного завода привело к массовому сокращению персонала предприятия. К июлю 2008 г. был подготовлен приказ об увольнении 900 человек [29]. Центр занятости населения г. Рубцовска планировал трудоустройство безработных с ОАО «Алттрак» на другие предприятия, исходя из наличия вакансий центра. В средствах массовой информации города была размещена информация о возможностях трудоустройства с помощью центра занятости населения, об услугах, предлагаемых психологом и профконсультантом. Кроме того, в центре занятости проводились предувольнительные консультации для сотрудников завода [30]. По сообщению конкурсного управляющего ОАО «Алттрак» и администрации города Рубцовска, в 2008 г. с предприятия было уволено 2 041 человек [27].

В 2008 г. на базе имущества тракторного завода компания «РАТМ» сформировала новую производ-

ственную структуру – ООО «Алттрак». На общество с ограниченной ответственностью было принято 1 219 человек, в том числе 1 210 из числа уволенных ОАО «Алттрак». Руководителем завода был назначен Г. Таруленков. В августе 2008 г. группой компаний «РАТМ» было перечислено на новое предприятие 95 млн руб. для запуска тракторного производства [31].

Банкротство ОАО «Алттрак» позволило холдингу «РАТМ» к 2009 г. сформировать юридическое лицо, за финансовую деятельность которого не предусмотрена имущественная ответственность личным имуществом учредителей, значительно сократить количество владельцев ценных бумаг. Новой компании не принадлежали объекты социально-культурного значения, и она не была правопреемником ОАО «Алттрак».

Таким образом, процесс становления механизмов капиталистической экономики в сельскохозяйственном машиностроении Алтайского края имел ряд особенностей. Крупные заводы приватизировались единым комплексом, в который входило основное производство, вспомогательное производство и объекты социально-культурного значения. Слабая проработка механизмов реформирования на этапе разгосударствления стала одной из причин отсутствия в собственности органов местного самоуправления голосующих акций тракторного завода г. Рубцовска, что затрудняло контроль над функционированием объектов, обеспечивающих жизнедеятельность горожан.

Государственные программы по увеличению товарооборота между станами – участниками СНГ способствовали расширению рынков сбыта продукции ОАО «Алттрак» в конце 1990-х – первой половине 2010-х гг. Производственная необходимость модернизации линейки тракторов стала одной из причин продажи контрольного пакета ценных бумаг холдинговой компании «РАТМ». Частые смены руководителей предприятия и неэффективное антикризисное управление привели ОАО «Алттрак» к продаже имущества на аукционе. Процедура банкротства позволила группе компаний «РАТМ» через ООО «Бетон 45» приобрести основные производственные фонды тракторного завода и создать на его базе ООО «Алттрак». Новое предприятие не несло ответственность по задолженностям предыдущих собственников и не имело на своем балансе объектов социального значения. В результате реформирования крупнейшего производственного объединения сельскохозяйственного машиностроения в бюджетной системе г. Рубцовска были вынуждены увеличить расходы на содержание неосновных производственных фондов завода, в городе вырос уровень безработицы и социальной напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин В.А. Стратегические направления реформирования промышленного комплекса Алтайского края // aomai.secna.ru. 2016. URL: http://aomai.secna.ru/Books/Files/1999-02/HTML/19/pap_19.html (дата обращения: 9.06.2016).
2. Бородин В.А., Голошапова И.А., Жидких А.А. Методическое обеспечение процесса комплексной реструктуризации и реформирования промышленных предприятий с целью достижения ими конкурентоспособного уровня // Наука Алтайскому краю, 2006–2007 гг. : сб. науч. ст. по результатам НИР, выполненных за счёт средств краевого бюджета. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 66–72.
3. Мищенко В.В. Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса. Барнаул, 2007. 423 с.
4. Устав АООТ «Алттрак» // Текущий архив Фонда имущества. Папка № 37. АО «Алтайский трактор».
5. Основные характеристики объекта // Текущий архив Фонда имущества. Папка № 37 АО «Алтайский трактор» (без нумерации страниц).
6. Бухгалтерская отчетность за 1998 год. Алтайский трактор (Алттрак), ОАО // Законодательство и инвестиции. 2004. URL: http://www.lin.ru/db/emitent/BEC3D11C6BB4A2B5C3256D3D00257DE1/disc_acnt.html (дата обращения: 14.06.2016).

7. Постановление Администрации Алтайского края от 10 сентября 2001 г. № 569 «Об освоении и производстве современных тракторов, сельскохозяйственных машин и оборудования для АПК на промышленных предприятиях края в 2001–2005 годах». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. 9-Я сессия Краевого Совета народных депутатов. Основные параметры краевого бюджета 2001 г. // Информационное агентство АМИС.RU: сайт. 2011. URL: <http://www.amic.ru/ksnd/?id=1670> (дата обращения: 20.05.2011).
9. Анализ финансово-хозяйственной деятельности «ОАО» «Алтайский трактор» за 2003 г. и прогноз на 2004 // Текущий архив Фонда имущества. Папка № 37. АО «Алтайский трактор». 2004 (без нумерации страниц).
10. Бухгалтерская отчетность за 2000 год // Законодательство и инвестиции. 1.01.2001. URL: http://www.lin.ru/db/emitent/5EF122889E66900BC3256D3D002579B2/dysl_acnt.html (дата обращения: 22.08.2016).
11. Постановление Администрации Алтайского края от 10 февраля 2004 г. № 93 «О работе по развитию экономических и дружественных связей Алтайского края с зарубежными странами в 2003 году и плане международных мероприятий в 2004 году». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Анализ финансово-хозяйственной деятельности «ОАО» «Алтайский трактор» за 2004 г. и прогноз на 2005 г. // Текущий архив Фонда имущества. Папка № 37. АО «Алтайский трактор». 2005 (без нумерации страниц).
13. Алтайские тракторы для Узбекистана // Эксперт онлайн. 19.07.2004. URL: http://expert.ru/siberia/2004/20si-ipovest4_68248/ (дата обращения: 4.08.2016).
14. Проблемы «Алттрака» и пути их решения. Как они видятся из администрации края. Интервью Виталия Ряполова // politsib.ru. 10.04.2007. URL: <http://politsib.ru/news/15648> (дата обращения: 3.08.2016).
15. Вопрос расчета ОАО «Алттрак» с энергетиками рассматривался 17 сентября на заседании штаба по подготовке к зиме в администрации края // Официальный сайт Алтайского края. 20.09.2014. URL: http://www.altairregion22.ru/region_news/41417.html (дата обращения: 10.08.2010).
16. ПАТМ обвинил команду алтайского губернатора в невыполнении договоренностей по «Алттраку» // [amic](http://amic.ru). 15.12.2009. URL: <http://www.amic.ru/news/116354/> (дата обращения: 10.08.2015).
17. ПАТМу доверили «Алтайский трактор» // [Коммерсант.ру](http://kommersant.ru). 23.11.2004. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/526890> (дата обращения: 11.08.2016).
18. Рубцовск на грани разморозения. Более 70 тысяч горожан остались в холодных квартирах // altapress.ru. 27.01.2005. URL: <http://altapress.ru/story/rubtsovsk-na-grani-razmorozeniya-bolee-tisyach-gorozhan-ostalis-v-holodnih-kvartirah-7507> (дата обращения: 10.08.2010).
19. Акционеры «Алттрака» заменят гендиректора вне очереди // Тайга.инфо. 8.02.2005. URL: <http://tayga.info/news/2005/02/08/~51096> (дата обращения: 10.08.2010).
20. Ежеквартальный отчет Открытого акционерного общества «Алтайский трактор» (Алттрак), ОАО // Законодательство и инвестиции. 26.05.2004. URL: http://www.lin.ru/db/emitent/2C23E22C473224AEC325708B003EEE15/dysl_doc.html (дата обращения: 15.08.2016).
21. «Алттрак» готовят на продажу // [Коммерсант.ру](http://kommersant.ru). 14.08.2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/795059> (дата обращения: 11.08.2016).
22. ПАТМ намеревается вновь купить в ходе банкротства имущество недомученного им «Алттрака» // Бинфакс. 16.11.2007. URL: <http://www.bankfax.ru/news/48057/97299/> (дата обращения: 11.08.2016).
23. Белов Ю. «Алттрак» выставили на торги // [Континент Сибирь](http://kontinent-sibir.ru). 2007. № 45. 16–23 ноября. С. 1.
24. ОАО «Алттрак» где завершается процедура банкротства, возглавил аффилированный к собственникам предприятия Сергей Скулкин // Бинфакс. 13.06.2007. URL: http://www.bankfax.ru/news/44048/97098/97170/po_comment (дата обращения: 11.08.2016).
25. Гибель «Алттрака» как пример промышленной политики администрации Алтайского края // [Политсибгу](http://politsib.ru). 25.12.2007. URL: <http://politsib.ru/news/21546> (дата обращения: 12.08.2016).
26. Определение от 23 июня 2011 г. по делу № А03-14680/2005 // Судебные и нормативные акты РФ. 23.06.2011. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/HUdCtHwF11Wh/> (дата обращения: 16.10.2016).
27. С ОАО «Алттрак» уволено 2 041 человек, на ООО «Алттрак» принято – 1 219 // Тайга. Инфо. 21.08.2008. URL: <http://tayga.info/news/2008/08/21/~81693> (дата обращения: 16.10.2016).
28. Васко О. «Алттрак» готовится к торгам // [ПолитСибРу](http://polit-sib.ru). 2008. № 5. 29 мая. С. 13.
29. Уволены первые 900 работников «Алттрака» // [amic](http://amic.ru). 17.07.2008. URL: <http://www.amic.ru/news/89474/> (дата обращения: 17.08.2016).
30. Высвобождающимся работникам ОАО «Алттрак» оказывается государственная поддержка // Официальный сайт Алтайского края. Барнаул, 16.07.2008. URL: http://www.altairregion22.ru/region_news/44442.html (дата обращения: 17.08.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2017 г.

ON THE DEVELOPMENT OF “CAPITALIST MECHANISMS” IN THE ALTAI KRAI AGRO-INDUSTRY DURING THE 1990S–2000S EXEMPLIFIED BY THE ALTAI TRACTOR OJSC

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 115–120.

DOI: 10.17223/15617793/419/15

Konstantin A. Brumm, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

Keywords: Altai Krai agro-industries; Altai tractor plant; history of reforming the industrial sector.

The article examines the efficacy of the model of reforming the Altai Krai city-forming enterprises specializing in the production of agricultural machinery in the 1990s–2010s. The research aims at the peculiarities of market mechanisms development in the Altai Krai industrial sector exemplified by the transformation of the Altai Tractor industrial association into the Alttrak limited liability company. Having analyzed the data of the archive documents, regional statistics materials, the central and local periodicals, the author characterizes different aspects of the history of reforming the Altai Krai agricultural engineering enterprises exemplified by the Rubtsovsk Tractor Plant during the 1990s–2010s. In the course of the study, the author arrives at a conclusion that the development of the market mechanisms in the Altai Krai industrial sector was accompanied by the overall decrease in the production rate. Delivering the services of heating Rubtsovsk dwellings and facilities was one of the main tasks of the plant. After its privatization, the Alttrak OJSC maintained productive capacity, allowing it to gain profit during the period from 1992 to 1996. The consequences of the default of 1998 had a negative impact on the financial and operating activities of the company. Implementing some guidelines of the Altai Krai industrial policy on the production of tractors and agricultural equipment in the first half of the 2010s was not resourced on the regional level. The growth of the prices for components increased the prime cost of the tractor plant main products, and low profitability in 2004 lead to a decrease in machinery production and firing of manufacturing personnel. The special status of the city-forming enterprise hindered the attracting of investors. Preserving the unity of the Alttrak OJSC was one of the priorities of the company management and the local government bodies. After the decision of the Rubtsovsk administration to sell the controlling stock to the Novosibirsk company RATM, the anti-crisis management was introduced in the Alttrak OJSC, which resulted in further deterioration in financial performance and malfunction of the Alttrak TPS in January 2005. Selling the controlling stock of the Alttrak OJSC

to the RATM holding company contributed to the so-called “optimization” of the production through the tractor plant bankruptcy proceedings and the creation of the main production assets of the Altrak LLC on its basis. The receivership of the tractor plant during the second part of the 2010s resulted in mass layoffs, salary arrears, debts to electricity providers and creditors.

REFERENCES

1. Borodin, V.A. (1999) *Strategicheskie napravleniya reformirovaniya promyshlennogo kompleksa Altayskogo kraia* [Strategic directions of reforming the industrial complex of Altai Krai]. [Online] Available from: http://aomai.secna.ru/Books/Files/1999-02/HTML/19/pap_19.html. (Accessed: 09.06.2016).
2. Borodin, V.A., Goloshchapova, I.A. & Zhidkikh, A.A. (2007) Metodicheskoe obespechenie protsessa kompleksnoy restruktizatsii i reformirovaniya promyshlennykh predpriyatiy s tsel'yu dostizheniya imi konkurentosposobnogo urovnya [Methodological support of the complex restructuring and reforming of industrial enterprises in order to achieve a competitive level]. In: Shchetinin, M.P. et al. (eds) *Nauka Altayskomu kraiu, 2006–2007 gg.* [Science to Altai Krai, 2006–2007]. Vol. 1. Barnaul: AltSTU.
3. Mishchenko, V.V. (2007) *Depressivnyy Altay: analiz sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v krae i napravleniya vykhoda iz krizisa* [Depressive Altai: an analysis of the socio-economic situation in the region and the direction of the way out of the crisis]. Barnaul: Altai State University.
4. Current Archive of the Property Fund. Folder 37. Altai Tractor JSC. *Ustav AOOT “Altrak”* [Altrak Charter].
5. Current Archive of the Property Fund. Folder 37. Altai Tractor JSC. *Osnovnye kharakteristiki ob'ekta* [Main characteristics of the object].
6. Zakonodatel'stvo i investitsii. (2004) Bukhgalterskaya otchetnost' za 1998 god. Altayskiy traktor (Altrak), OAO [Accounting statements for 1998. Altai Tractor (Altrak), OJSC]. *Zakonodatel'stvo i investitsii*. [Online] Available from: http://www.lin.ru/db/emitent/BEC3D11C6BB4A2B5C3256D3D00257DE1/discl_acnt.html. (Accessed: 14.06.2016).
7. Garant. (2001) *Resolution of the Administration of Altai Krai of September 10, 2001 No. 569 “On the development and production of modern tractors, agricultural machinery and equipment for agroindustrial complex in industrial enterprises of the region in 2001–2005”*. The document was not published. (In Russian).
8. AMIC.RU. (2011) *9-ya sessiya Kraevogo Soveta narodnykh deputatov. Osnovnye parametry kraevogo byudzheta 2001g.* [9th session of the Regional Council of People's Deputies. The main parameters of the regional budget of 2001]. [Online] Available from: <http://www.amic.ru/ksnd/?id=1670>. (Accessed: 20.05.2011).
9. Current Archive of the Property Fund. Folder 37. Altai Tractor JSC. *Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO “Altayskiy traktor” za 2003 g. i prognoz na 2004* [Analysis of financial and economic activities of Altai Tractor JSC for 2003 and forecast for 2004].
10. Zakonodatel'stvo i investitsii. (2001) Bukhgalterskaya otchetnost' za 2000 god [Accounting statements for 2000]. *Zakonodatel'stvo i investitsii*. January 1. [Online] Available from: http://www.lin.ru/db/emitent/5EF122889E66900BC3256D3D002579B2/discl_acnt.html. (Accessed: 22.08.2016).
11. Garant.ru (2004) *Resolution of the Administration of Altai Krai of February 10, 2004, No. 93 “On work to develop economic and friendly ties between Altai Krai and foreign countries in 2003 and the plan of international events in 2004”*. The document was not published. (In Russian).
12. Current Archive of the Property Fund. Folder 37. Altai Tractor JSC. *Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO “Altayskiy traktor” za 2004 g. i prognoz na 2005* [Analysis of financial and economic activities of Altai Tractor JSC for 2004 and forecast for 2005].
13. Ekspert onlayn. (2004) Altayskie traktory dlya Uzbekistana [Altai tractors for Uzbekistan]. *Ekspert onlayn*. 19.07.2004. [Online] Available from: http://expert.ru/siberia/2004/20/20si-ipovest4_68248/. (Accessed: 4.08.2016).
14. Politsib.ru. (2007) *Problemy “Altraka” i puti ikh resheniya. Kak oni vidyatsya iz administratsii kraia. Interv'yu Vitaliya Ryapolova* [Problems of Altrak and ways to solve them. As they are seen by the administration of the region. Interview with Vitaly Ryapolov]. April 10, 2007. [Online] Available from: <http://politsib.ru/news/15648>. (Accessed: 3.08.2016).
15. The official website of Altai Krai. (2014) *Vopros rascheta OAO “Altrak” s energetikami rassmatrivalsya 17 sentyabrya na zasedanii shtaba po podgotovke k zime v administratsii kraia* [The issue of Altrak payments to power enterprises was considered on September 17 at a meeting of the headquarters for the preparation for winter in the administration of the Krai]. [Online] Available from: http://www.altairregion22.ru/region_news/41417.html. (Accessed: 10.08.2010).
16. AMIC.RU. (2009) *RATM obvinil komandu altayskogo gubernatora v nevypolnenii dogovorennostey po “Altraku”* [RATM accused the Altai governor's team of failure to comply with the Altrak agreement]. [Online] Available from: <http://www.amic.ru/news/116354/>. (Accessed: 10.08.2015).
17. Komsant.ru. (2004) *RATMu doverili “Altayskiy traktor”* [The Altai Tractor was entrusted to RATM]. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/526890>. (Accessed: 11.08.2016).
18. Altapress.ru. (2005) *Rubtsovsk na grani razmorozheniya. Bolee 70 tysyach gorozhan ostalis' v kholodnykh kvartirakh* [Rubtsovsk on the verge of defrosting. More than 70,000 citizens stayed in cold apartments]. [Online] Available from: <http://altapress.ru/story/rubtsovsk-na-grani-razmorozheniya-bolee-tisyach-gorozhan-ostalis-v-holodnih-kvartirah-7507>. (Accessed: 10.08.2010).
19. Tayga.info. (2005) *Aksionery “Altraka” zamenyat gendirektora vne ocheredi* [Altrak shareholders will replace the general director out of turn]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2005/02/08/~51096>. (Accessed: 10.08.2010).
20. Zakonodatel'stvo i investitsii. (2004) *Ezhekvartal'nyy otchet Otkrytogo aktsionernogo obshchestva “Altayskiy traktor” (Altrak), OAO* [Quarterly report of Altai Tractor (Altrak), OJSC]. *Zakonodatel'stvo i investitsii*. 26.05.2004. [Online] Available from: http://www.lin.ru/db/emitent/2C23E22C473224AEC325708B003EEE15/discl_doc.html. (Accessed: 15.08.2016).
21. Komsant.ru. (2007) *“Altrak” gotovyat na prodazhu* [Altrak is being prepared for sale]. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/795059>. (Accessed: 11.08.2016).
22. Bankfax.ru. (2007) *RATM namerevaetsya vnov' kupit' v khode bankrotstva imushchestvo nedomuchennogo im “Altraka”* [RATM intends to again buy the property of the undertortured Altrak in the course of its bankruptcy]. [Online] Available from: <http://www.bankfax.ru/news/48057/97299/>. (Accessed: 11.08.2016).
23. Belov, Yu. (2007) *“Altrak” vystavili na torgi* [Altrak will be put up for auction]. *Kontinent Sibir*. 45. 16–23 November. pp. 1.
24. Bankfax.ru. (2007) *OAO “Altrak” gde zavershaetsya protsedura bankrotstva, vozglavil affilirovannyi k sobstvennikam predpriyatiya Sergey Skulkin* [JSC Altrak, where the bankruptcy procedure is being completed, was headed by Sergey Skulkin, affiliated to the owners of the enterprise]. [Online] Available from: http://www.bankfax.ru/news/44048/97098/97170/no_comment. (Accessed: 11.08.2016).
25. Politsib.ru. (2007) *Gibel' “Altraka” kak primer promyshlennoy politiki administratsii Altayskogo kraia* [The decease of Altrak as an example of the industrial policy of the administration of Altai Krai]. [Online] Available from: <http://politsib.ru/news/21546>. (Accessed: 12.08.2016).
26. Sudact.ru. (2011) *Opreделение ot 23 iyunya 2011 g. po delu A03-14680/2005* [Decision of June 23, 2011 on case No. A03-14680/2005]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/arbitral/doc/HUdCtHwF11Wh/>. (Accessed: 16.10.2016).
27. Tayga.info. (2008) *S OAO “Altrak” uvoleno 2 041 chelovek, na OOO “Altrak” prinyato – 1 219* [2,041 people were dismissed from Altrak OJSC, 1,219 were hired to Altrak LLC]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2008/08/21/~81693>. (Accessed: 16.10.2016).
28. Vas'ko, O. (2008) *“Altrak” gotovitsya k torgam* [Altrak is preparing for auction]. *PolitsibRu*. 5. 29 May. pp. 13.
29. AMIC.RU. (2008) *Uvoleny pervye 900 rabotnikov “Altraka”* [The first 900 Altrak workers were dismissed]. [Online] Available from: <http://www.amic.ru/news/89474/>. (Accessed: 17.08.2016).
30. The official site of Altai Krai. (2008) *Vysvobozhdayushchimsya rabotnikam OAO “Altrak” okazivaetsya gosudarstvennaya podderzhka* [State support is provided to the dismissed workers of OJSC Altrak]. [Online] Available from: http://www.altairregion22.ru/region_news/44442.html. (Accessed: 17.08.2016).

Received: 11 April 2017

«КИТАЙСКИЕ» РЫНКИ РОССИИ: РОЛЬ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (СЛУЧАЙ ИРКУТСКА)

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России», задание № 28.9753.2017/БЧ) и гранта РФФИ (проект № 16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»)

Статья посвящена исследованию роли феномена «этнических» рынков в постсоветской трансформации сибирского города. Анализ строится на широком спектре разнородных источников, включающих медийные тексты, официальные документы, а также материалы полевых социально-антропологических исследований в Иркутске. Авторы показывают динамику развития рынков под открытым небом, маркируемых как «этнические» («китайские»), в качестве механизма институализации нового для позднесоветского города комплекса практик. Показывается, что «китайские» рынки Иркутска, возникнув как механизм выживания и ответ на экстремальную ситуацию, превратились в устойчивый институт жизни постсоветского города. Авторы приходят к выводу о том, что «этнические», в том числе и «китайские» рынки стали важным элементом и маркером постсоветского транзита. Их динамичность и гибкость внесли в пространство советского города текучесть современности, в которой постоянными являются лишь изменения пространства, визуальности, практик.

Ключевые слова: «этнические» рынки; постсоветский транзит; городское пространство.

В 1990-х гг. во многих российских городах (а на востоке страны – почти во всех) появились «китайские» рынки. «Китайскими» их делал соответствующий взгляд принимающего общества. Часто это и маркировалось названиями («Шанхай» или «шанхайка», «Маньчжурия», «китайский» рынок в Иркутске). Иногда названия были вполне нейтральны («Таганский ряд» в Екатеринбурге), но в глазах горожан это были именно «китайские» рынки, где китайские торговцы торгуют китайскими товарами по «китайским ценам» и в китайском стиле.

Их массовое и почти одновременное возникновение, весьма заметное место в экономической жизни и общественных отношениях, стало результатом совокупного воздействия ряда факторов, порожденных процессом постсоциалистических трансформаций. Рыночные механизмы не могли мгновенно заменить рухнувшую систему государственного снабжения населения. Сотни тысяч людей лишились привычной работы и социального статуса. Перспективу выживания для многих из них открыла либерализация предпринимательской деятельности, возможность заняться мелкой торговлей. Как это не раз бывало в истории России, ответом на острый кризис стали гипертрофированное развитие рынков под открытым небом и «челночный бизнес». С другой стороны, открылись границы, были созданы чрезвычайно либеральные миграционный и внешнеторговый режимы. Вакуум на потребительском рынке во многом заполнялся за счет ресурсов стремительно развивающейся рыночной экономики Китая, способной и стремящейся удовлетворить гигантский спрос на дешевые, хотя и низкокачественные товары массового потребления. На первых порах огромную роль в их продвижении на российский рынок сыграли «челноки» – сначала российские, а затем и китайские. Сформировался мощный поток китайской трудовой миграции, в значительной степени ориентированный на мелкую розничную торговлю.

Все это создало спрос на стационарные терминалы для продвижения привезенных товаров потребителям и инфраструктуры мелкого и среднего опта. Ими стали

рознично-мелкооптовые рынки под открытым небом. Нет ничего удивительного в том, что вместе с китайскими товарами на них пришли и китайские торговцы, китайские капиталы и китайский менеджмент.

Несмотря на огромную роль «китайских рынков» в процессе постсоциалистических трансформаций на пространстве бывшего СССР, изучены они слабо и очень отрывочно [1. С. 41]. Важно, что и в других постсоциалистических странах, где возникал подобный феномен, он почти не попал в поле зрения исследователей. Так, например, мелкооптовые и розничные товарные рынки Польши, являвшейся одним из пионеров свободной частной торговли, исследованы крайне слабо: кроме единственного монографического исследования рынков Варшавы [2], академических текстов по этой проблеме почти нет.

Для сравнительного анализа катастрофически не хватает нарративного материала, описания и изучения ситуации в различных городах и регионах, динамики становления и развития отдельных рынков. Только поставлен вопрос о месте «китайских» рынков в системе трансграничной торговли, об их теснейшей связи с «челночным» бизнесом, о сходстве и различиях с базарами социалистической эпохи. Нет количественных оценок, хотя бы самых приблизительных, динамики их роли в торговых оборотах. Похоже, что эти рынки почти не оставили за собой «статистического следа». Перечисление того, чего мы не знаем о китайских рынках в России, можно продолжать и дальше. Печально то, что многого мы уже не узнаем. Сами «китайские» рынки радикально трансформируются, динамично меняется их роль в экономике и жизни городских сообществ, меняется отношение к ним принимающего общества. Это очень закрытые образования, значительная часть деятельности на них можно смело отнести к «серой», а иногда и к «черной» экономике. Поэтому для работы историка осталось очень мало информации, она отрывочна и зачастую слабоверифицируема. Фактически основная часть имеющейся информации зафиксирована не в статистических наблюдениях, а языком репортажа и

медийного мифа, что, в свою очередь, несомненно, наложит отпечаток на будущие исследования.

Тем не менее отдельные исследования проводились, некоторые рынки изучались в течение длительного времени. И это дает материал для анализа и ряда осторожных обобщений. Наиболее изучен, причем со времени его основания, «китайский» рынок «Шанхай» или «шанхайка» в Иркутске, что позволяет подойти к анализу его роли в постсоветской трансформации сибирского города. Мы попытаемся взглянуть на историю развития «китайского» рынка с позиций его роли в появлении в городском пространстве этничности и мигрантскости, институализации принципиально нового набора практик горожан, в формировании новых городских локальностей. Иными словами, мы попытаемся поставить вопрос о «китайском» рынке как механизме превращения советского города в город постсоветский.

Иркутский кейс избран для исследования не только потому, что ситуация с «китайскими» рынками изучена здесь намного лучше, чем в других российских городах. С одной стороны, это типичный город: областной центр с населением 600 тыс. человек. Центр последнего на востоке России региона сплошного хозяйственного освоения с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Крупный научно-образовательный центр, в вузах которого обучаются от 80 до 100 тыс. студентов. Иркутск является крупным транспортным узлом, логистическим центром снабжения не только собственного хинтерланда, но и окружающих регионов. Через его инфраструктуру идут потоки китайских товаров с востока (через границу в Забайкалье) и с запада (через Киргизию). Это сделало город крупнейшим центром притяжения китайских мигрантов на востоке России.

Источники для анализа довольно разнообразны, хотя и отрывочны. Это многолетние личные наблюдения авторов, серия неформальных и формализованных интервью с продавцами, покупателями, администраторами рынков, муниципальными чиновниками, интервью и заявления официальных лиц, пресс-релизы государственных и муниципальных органов, материалы общественных дискуссий, законы и подзаконные документы, касающиеся функционирования рынков под открытым небом и ограничений для иностранцев заниматься на них торговой деятельностью. Анализ масс-медиа (прежде всего иркутских и общероссийских газет, интернет-форумов) дает возможность проследить динамику общественного мнения относительно «китайских» рынков. Совершенно уникальным источником является газета «Восточно-Сибирский Шанхай», издававшаяся в течение полугода по инициативе и на средства группы торговцев рынка. Мозаичность и даже некоторая пестрота такого комплекса источников, безусловно, оставляет вопросы о его репрезентативности. Однако с другой стороны, использование социально-антропологического эмпирического материала позволяет, на наш взгляд, преодолеть ограничения, накладываемые характером немногочисленных имеющихся источников, и попытаться увидеть содержание явления за устоявшимися стереотипами и мифами.

«Китайские рынки» в Иркутске: динамика развития института постсоветского города. С начала 1990-х гг. «китайские» рынки становятся важнейшей частью повседневности Иркутска и его жителей. После появления первого и наиболее крупного оптово-розничного рынка «Шанхай» «китайские» рынки возникали и исчезали в самых разных районах города. Полевое исследование начала 2014 г. зафиксировало не менее десяти больших и малых «китайских» рынков, действовавших в различных частях города. Два крупнейших рынка («Шанхай» и «Китай-город») вместе с мелкими рынками второго порядка охватывают практически все районы города как неформализованная торговая сеть [3]. Анализ городской периодики за 2000–2015 гг. показывает, что еще несколько подобных локальностей существовали в городе ранее, однако исчезли по тем или иным причинам.

Размеры «китайских» рынков Иркутска существенно различаются как по числу торгующих, так и по территории. Крупнейший из них – «Шанхай» к моменту ликвидации летом 2014 г. вместе с прилегающей инфраструктурой занимал площадь около 278 тыс. квадратных метров. Фактически это был не один рынок, а сложная система рыночных площадей, инфраструктуры обслуживания, небольших магазинов, представляющих собой единый организм. Возникший в 2014 г. рынок «Китай-город» первоначально занимал площадь около 30 тыс. квадратных метров, а к лету 2016 г. его территория превысила 70 тыс. квадратных метров. Более мелкие рынки располагаются на участках от 260 квадратных метров до 25 тыс. квадратных метров.

Определить численность работников таких рынков достаточно сложно. По оценкам мэрии Иркутска, численность торгующих на рынке «Шанхай» колебалась от 500–600 человек в 1993 г., до 2 500 человек в 2000 г. Позднее число торговых мест под давлением городских властей снизилось до 1 000–1 300. Численность торгующих на более мелких рынках, по полевым наблюдениям, колеблется от нескольких десятков до 150–200 человек. Важно, однако, оговориться, что в эти оценки попадают далеко не все торговцы в силу неопределенности границ рынка и широкой распространенности неформальных практик.

Рынок «Шанхай» был не только крупнейшим по оборотам, численности занятых и посетителей, но и старейшим в городе. Его история показательна и довольно типична. В начале 90-х гг. могло показаться, что центр Иркутска заполнили (по выражению некоторых журналистов – оккупировали) китайские корейники – мелкие розничные торговцы вразнос. Они бросались в глаза внешним видом и манерой поведения, заслоняя собой многочисленных конкурентов из числа иркутян и мигрантов с Кавказа. Массовая торговля с рук на не предназначенных для этого улицах создавала там жуткую толчею и антисанитарию. О лицензировании и взимании налогов не могло быть и речи. Процветал рэкет, мошенничество, были нередки конфликты. Бурно протестовала общественность, влиятельная тогда пресса публиковала саркастические или гневные заметки.

После некоторой растерянности городские власти решили выдвинуть уличную торговлю на территорию разорившейся фабрики в исторически сложившемся торговом центре города, рядом с Центральным рынком. Здесь сходятся большинство транспортных маршрутов. Сюда поколениями приезжают за покупателями. Здесь торговцы смогли расширить свою клиентуру. Этот выбор во многом предопределил успех проекта.

Возникнув как результат мер городских властей по упорядочению уличной торговли, рынок быстро стал многим больше, чем обычная торговая площадка. Он был создан в ноябре 1992 г., а уже к лету на нем постоянно работало 500–600 продавцов. Их среднемесячная выручка (по расчетам Облстатуправления) равнялась месячному товарообороту всех официально зарегистрированных торговых предприятий центрального, торгового района Иркутска [4. 1993. 7 июля]. Вначале рынок выглядел вполне первозданно – огороженная забором и засыпанная гравием площадка, прямо на которой и раскладывались нехитрые товары. Вскоре возникла некоторая инфраструктура: ряды прилавков, навесы над ними, примитивные туалеты, камера хранения. В 2000 г. на территории 0,92 га располагалось 2 500 торговых мест. В 2002 г. по требованию пожарных служб число мест сократилось до 1 300, а часть открытых прилавков была заменена на 982 «металлических павильона закрытого типа», в просторечии – контейнеры.

Рынок функционировал как розничный и мелкооптовый. По пятницам и субботам со всей области и даже из Улан-Удэ и Читы сюда съезжались предприниматели для оптовых закупок. Об их масштабах косвенно свидетельствуют данные криминальной статистики – описаны случаи, когда карманникам доставались суммы в десятки тысяч рублей и тысячи долларов [5. 2003. 18 апр.; 6. 2002. 27 сент.]. Одновременно здесь могли находиться 20 тыс. человек, а дневная посещаемость колебалась от 10 до 30 тыс. человек [7. 2002. 1 февр.; 2002. 24 мая].

«Шанхай» принадлежал городу и обладал статусом муниципального учреждения. Торговые места сдавались в аренду. С февраля 2002 г. дневная стоимость торгового места на открытом прилавке была повышена с 65 до 80 руб. (при оплате вперед и сроком на месяц). Однодневная оплата – 100 руб. Место в контейнере оценивалось в 240 руб. Поступления в городской бюджет от арендной платы достигли к 2004 г. 80 млн руб., еще 40 млн руб. приносил налог на вмененный доход [5. 2002. 22 февр.; 7. 2002. 24 мая; 8. 2003. 8 мая; 9. 2004. № 1; 10]

Сложилась развитая обслуживающая инфраструктура. Безопасность обеспечивали милицейский пункт и частное охранное агентство. За чистотой следили 22 дворника. Функционировали камера хранения, несколько платных общественных туалетов. В соседних домах и усадьбах открылась масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Имелись парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт, стоматологический кабинет, бильярдная, залы игровых автоматов, собачьи бои. Прекрасно оборудованное нелегальное казино,

чьи доходы доходили до сотен тысяч рублей в день. В марте 2004 г. было раскрыто подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов. Тогда же была ликвидирована подпольная швейная мастерская. Но не было медпункта, системы канализации и водопровода [6. 2002. 27 сент.; 7. 2002. 11 окт.; 2004. 10 сент.; 11. 2003. 15 апр.; 12. 2001. № 36; 13. 2001. 22 июня; 2000. 18 авг.; 14. 2003. 26 февр.; 2003. 29 авг.; 15. 2002. 27 сент.].

На рынке было занято много иркутян. Помимо не очень значительного штата, это были нанятые местные продавцы, персонал столовых, кафе, хозяева помещений, сдаваемых под склады и жилье, хозяева и водители автотранспорта, грузчики, охранники и т.д. В основном «серая» занятость, не фиксируемая властями и не облагаемая налогами. Была и «черная» – многочисленные карманники, рэкетиры, коррумпированные чиновники и представители правоохранительных органов и т.д. О масштабах заработков и доходов в «сером» и «черном» секторах остается только строить предположения. Не стоит забывать о массе мелких розничных торговцев, регулярно делающих оптовые закупки.

В общем, «Шанхай» был крупным, прибыльным, процветающим хозяйствующим субъектом, одним из флагманов формирующейся рыночной экономики города; источником стабильных доходов для городской казны, создателем дополнительных рабочих мест, местом работы и получения доходов для многих иркутян. Но вряд ли верно определять его значение только этим. В конце концов, только рядом с ним находилось еще девять рынков, пусть и не таких масштабных. Всего же в Иркутске функционировало в начале нулевых годов около 40 рынков и более 2000 магазинов, киосков и павильонов [4. 2002. 18 сент.; 13. 2000. 12 окт.; 16. 2003. 7 марта].

К этому времени «Шанхай» стал ключевым центром всей системы снабжения региона, его жизнеобеспечения. Этим он обязан нескольким факторам: массовые дешевые китайские товары, дешевый и эффективный труд китайских торговцев, разветвленная и прочная «грибница» связей и деловых взаимоотношений, стратегически выгодное место, устойчивые привычки потребителей. Такое положение рынка фактически фиксировало его ведущую роль в формировании нового для постсоветского города института частной торговли и предпринимательства как основы жизнедеятельности городского организма. Сформированность и устойчивость нового института продемонстрировал дефолт 1998 г. После первой шоковой реакции, когда «Шанхай» заметно опустел, многие торговцы разорились, начались перебои с поставками товаров, сократился спрос, торговля вскоре начала оживать. И хотя она долго не могла достичь прежних масштабов по обороту, ассортименту товаров, численности торговцев и покупателей, рынок как важный элемент жизни города и горожан оказался весьма жизнеспособным.

Устойчивость сформировавшегося института городской жизни хорошо демонстрирует многолетние попытки его ликвидации. С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности.

Несмотря на жесткую риторику представителей различных властных инстанций (от мэрии до правоохранительных служб), рынок эффективно функционировал 13 лет, пережив даже эпидемию атипичной пневмонии в 2003 г. В ответ на требования закрытия рынка со стороны областной власти и депутатов Городской думы заместитель мэра заявил, что несмотря на принципиальное согласие с ликвидацией рынка, дело это не простое и не быстрое. Рынок дает горожанам 1,5 тысяч рабочих мест и миллионы рублей в городской бюджет, а потому *популизм*, заявил он, *не метод решения проблем «Шанхая»* [4. 2003. 13 мая].

Однако в сентябре 2006 г. городская администрация все же ликвидировала рынок. Это встретило отчаянное сопротивление торговцев: подавались иски в Арбитражный суд, проводились публичные акции (пикеты, перекрытие улиц), подписывались коллективные обращения, распространялись листовки, был организован профсоюз работников рынка, его представители встречались с мэром. Однако на организованное сопротивление городские власти ответили конфронтационной риторикой, обычно им не свойственной. Единственной уступкой стала отсрочка закрытия рынка до начала 2007 г.

«Шанхай» был ликвидирован как хозяйствующий субъект, ушел в прошлое как торговая площадь. Однако это не означало исчезновения «китайского» рынка как феномена. С закрытием «Шанхая» китайский рынок переместился на другие площадки, где, по некоторым оценкам, работало до 3 тыс. мигрантов из Китая [10, 17]. Фактически сформировался «Большой Шанхай», включавший значительную часть городского центра. Бывший директор «шанхайки» в частном разговоре с одним из авторов отметил, что экономический смысл закрытия рынка остался ему непонятен. А что касается китайцев, то *«когда захожу на соседний, более современный рынок «Площадь Павла Чекотова», вижу знакомые лица с «шанхайки»*. Пространственная подвижность рынка не означала изменения его роли в социальном пространстве, а напротив, продемонстрировала его устойчивость как узла сети социальных взаимодействий [18].

В 2012 г. городские власти резко активизировали борьбу с комплексом из одиннадцати открытых рынков в районе Центрального рынка («Большим Шанхаем»). Они принадлежат частным владельцам, поэтому просто закрыть их (как собственно «шанхайку», которая была муниципальным предприятием) власти не могут. Аргументация властей та же – антисанитария, трупность, помехи дорожному движению, массовые правонарушения, «китайскость». Кроме того, с 2014 г. вступают в силу новые нормы закона «О розничных рынках», по которым в городах, имеющих численность населения свыше 100 тыс. человек, торговля может осуществляться только в капитальных строениях. Мэр Иркутска потребовал от хозяев рынков возвести современные торговые центры с парковками или перебраться из центра города, угрожая в случае неповиновения «навести порядок» с помощью интенсивных рейдов и проверок санитарных, пожарных, миграционных служб, Роспотребнадзора

и т.д. [4. 2012. 6 нояб.; 2012. 11 дек.; 13. 2012. 18 окт.; 2012. 15 нояб.; 19. 2012. № 46].

Одновременно при участии городских властей на территории закрытой «шанхайки» был открыт новый торговый центр «Шанхай-сити молл». Хозяева рынка специально подчеркнули: «Прежнее название рынка “Шанхай” решили сохранить, потому что это популярное у горожан место, где можно недорого купить любые вещи» [20]. Стремление использовать популярный бренд отражено в заголовках комментариев иркутских СМИ: *«Новая “Шанхайка” открылась в Иркутске»*, *«На территории китайского рынка в центре Иркутска открылся современный торговый центр»*. Подчеркивание символической реинкарнации рынка говорит и о том, что само слово «Шанхай» обрело новые устойчивые коннотации, превратившись из имени собственного в имя нарицательное.

Новой фазой развития «Шанхая», его перевоплощением стал открытый в 2014 г. «Китай-город» на северо-западной окраине города. Всего за несколько месяцев сюда были переведены большая часть торговцев и связанной с рынком инфраструктуры. Расположившись на территории строительного рынка «Покровский», «Китай-город» быстро вытеснил строительные товары на периферию и занял часть инфраструктуры рынка (прежде всего, ангары-склады, переоборудованные в «торговые павильоны»).

В отличие от «шанхайки», формирование пространства которой шло стихийно и неконтролируемо, новый рынок изначально получил более регулярную планировку. Деревянные основания под установку контейнеров с «Шанхайки» распланировали «улицы» и «переулки», прямые линии которых представляют собой полярный контраст с прежними «кривоколенными переулками». Часть торговли была размещена в помещениях большого павильона и складских ангарах. Но и в рамках этой «регулярной» планировки довольно быстро складываются неформальные улицы, в той или иной степени воспроизводящие систему размещения торговли «Шанхая» с его «азербайджанскими», «киргизскими», «китайскими» рядами. Изменив «форму» организации рыночной торговли, «Китай-город» в значительной мере воспроизводит содержание «Шанхая».

«Шанхайка», «мигрировав» на окраины, не исчезла и как экономический субъект, и как городская локальность. Специфика рынка как сложной внутренне дифференцированной локальности обеспечила его выживание и после официального закрытия. Еще до закрытия в его состав входило множество объектов, среди которых к началу 2014 г. оформились как вполне современные торговые центры и благоустроенные торговые ряды, так и «архаичные» базарные площади. Вокруг рынка сложилась разветвленная инфраструктура, занявшая обширное пространство в «деревянном» центре Иркутска и придавшая ему специфический трупный вид. Рынок стал сложным, территориально распределенным организмом, связанным воедино не столько юридически и экономически, сколько сложной системой социальных связей. Фактически «Шанхай» представлял собой масштабный фрейм отношений горожан друг с другом, внешним

миром (включая мигрантов), с городом. Фрейм, имевший несколько размытые физические границы, поскольку определить, где начиналась и где заканчивалась «шанхайка», можно было весьма приблизительно, но вполне очерченные границы символические.

При всей разности основ, на которых формировались «Шанхай» (стихийная, иррегулярная) и «Китай-город» (централизованная, регулярная планировка), их развитие происходит по сходной траектории. Как и «шанхайка» девяностых, «Китай-город» практически сразу вышел за первоначально очерченные границы, поглощая соседние территории. Сократив до минимума границы строительного рынка, новая «китайка» начала расширяться за счет включения прилегающих ремонтных и промышленных предприятий (частью действующих, частью обанкроченных), заболоченных пустырей. Непродолжительный интенсивный рост сменился экстенсивным. Вокруг торговых площадей начала стремительно формироваться обслуживающая инфраструктура: предприятия питания, парковки, неформальные службы доставки.

Новый рынок включает в повседневность города ранее исключенное из него пространство. Заболоченные овраги, пустующие площади разорившихся промышленных объектов вплоть до открытия «Китай-города» лишь территориально входили в черту Иркутска, но крайне слабо были включены в его экономическую и социальную жизнь. До 2014 г. здесь была остановка лишь одного маршрута общественного транспорта (муниципального автобуса), ходившего с периодичностью один раз в час и реже. С другой стороны, территория «Китай-города» начинает явно исключаться из городского пространства: огороженная высоким решетчатым забором, территория рынка контролируется собственной службой охраны, ограничивающей въезд транспорта. Вблизи рынка практически не осталось свободных территорий, которые могли бы быть использованы для стоянки и парковки: приехать в этот кусочек города оказывается возможным только с одной целью – посетить рынок.

Ликвидация первоначальной основы «шанхайки» не привела к ликвидации ее как части городской жизни. Торговые центры («Шанхай-молл», «Бишкекские ряды», «Торговая площадь имени Чекотова»), составлявшие неотъемлемую часть «большой «Шанхайки», связанная с ними инфраструктура питания и обслуживания продолжают функционировать и после переноса рынка. Однако едва ли не большее значение имеет сохранившееся представление о «Шанхае» как о городской локальности. Образ «китайского» рынка в центре города, оккупированном, вырванном из символической собственности горожан, превратившей исторический район в «клоаку», продолжает преобладать в описаниях этого района горожанами. Они далеко не всегда негативные, часто ностальгические, связанные с утратой прививочных практик. «Шанхайка» становится не только локальностью, но и городским мифом, который превращается в бренд, определяющий не только современное представление о центре города, но и варианты его будущего развития. Не случайно в проекте джентрификации городского центра как целостной торговой-рекреационной локально-

сти [21] «китайские» мотивы присутствуют явно и абсолютно осознанно.

Иными словами, «китайские рынки» Иркутска, возникнув как механизм выживания и ответ на экстремальную ситуацию, превратились в устойчивый институт жизни постсоветского города. Непримиримая властная риторика, ликвидация торговых локальностей приводили лишь к пространственной мобильности «китайки». Ликвидация конкретного рынка не уничтожала самого феномена, предлагавшего новые доминанты организации городских локальностей и практик взаимодействия горожан с городом. Практик разнообразных и динамичных, чаще нерелексированных, составлявших одну из основ трансформации советского города в город несветский.

Китайский рынок в городской повседневности. Важнейшим качеством китайских рынков как элемента постсоветского города стало возвращение этнического в городскую повседневность. Пространство Иркутска, как и любого советского города, за исключением центров национальных автономий, было в значительной степени деэтнизировано. Многочисленные этнически окрашенные названия улиц, площадей, иных локальностей и объектов погружали не в этнический, а в советский дискурс. Едва ли не единственным исключением оставались памятники конфессиональной архитектуры («татарская мечеть», «польский костел») и старые кладбища (еврейское, мусульманское, немецкое). Этническое в городском пространстве фиксировалось как прошлое, ушедшее вместе с теми социальными отношениями, которые формировали городскую среду прежде.

Возвращение этнического в жизнь общества и пространства города оказалось тесно связано со стремительной интенсификацией миграций на рубеже 1980–1990-х гг. Появление больших групп, не вписанных в устоявшуюся систему отношений, потребовало выработки языка описания «другого» и складывающихся вокруг него новых институтов, поиска необходимых слов и категорий, отсутствовавших в лексике повседневности. Таким языком оказался язык этничности, актуализированной политическими процессами поисков новых идентичностей и конструирования границ. Вполне логичным образом миграции и мигранты стали рассматриваться и обществом, и властью преимущественно в этнических категориях.

В этом смысле глубоко символично, что возникший в начале 1990-х гг. в Иркутске «китайский» рынок сразу вошел в сознание горожан и их лексикон как «Шанхай» или «шанхайка». Возможно, в этом теперь уже ставшем русским слове слились все накопленные в предыдущую эпоху значения – «китайскость», трущобность, скученность и многолюдство [22]. В 2007 г. на форуме «Городские диалекты» сайта АВВУ Lingvo обсуждается вопрос о том, что слово «шанхайка» стало (или становится) нарицательным, со значением «китайский рынок трущобного типа; стихийный рынок вообще» [23].

Самим названием «Шанхай» или «шанхайка» (фамильярно сниженное прозвище) рынок четко маркирован как китайский и безоговорочно являлся таковым в общественном мнении. Характерно, что это

официальное в дальнейшем названии первоначально было вполне неофициальным прозвищем. Важно понять механизм формирования подобного взгляда, причины того, почему одни рынки становились «китайскими», а другие оставались этнически не маркированными. Один из авторов зафиксировал ситуацию в современном Омске, когда один из двух соседних рынков считается «китайским», а другой – нет. При этом этнический состав торговцев, ассортимент и происхождение продаваемых товаров там принципиально не различаются.

Концентрации мигрантов и их деловой активности на рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» – «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». Однако почему иркутские рынки становятся именно «китайскими»? Внимательный посетитель «Шанхая» быстро замечал, что в этом огромном скопище народа есть система. По словам его директора, «на нашем рынке существует строгое распределение по видам товара... И мы, администрация рынка, не имеем к этому никакого отношения. Это уже неведомые нам силы распределяют торговцев на рынке. Есть разделение по национальному признаку в специализации на определенном виде товара» [24. 1999. 16 дек.].

Видимое структурирование рынка – ряды по группам товаров и национальные блоки – сложилось не по инициативе администрации. По крайней мере, по ее утверждениям. Не обладала она и монополией на распределение мест. Следовательно, были и другие силы, обладающие властью и влиянием. Видимо, такой властью были неформальные лидеры, «капитаны», по распространенному определению иркутской прессы. Как правило, они хорошо владели русским языком и имели опыт общения с властями. В их обязанности входил сбор денег с рядовых торговцев для уплаты налогов и отчета в государственных налоговых органах. Таким образом, «капитаны» аккумулировали в своих руках средства с оборота китайских торговцев, представляли интересы коммерсантов-соотечественников и брали на себя функцию защиты этих интересов. Они оказывали разнообразные услуги новичкам, помогая им освоиться в чужом и незнакомом обществе.

Характерно, что представители официальной администрации рынка, комментируя конфликтные ситуации, связанные с распределением и перераспределением мест, часто подчеркивали, что принимают решения совместно с представителями китайских ассоциаций, обществ, которые они тут же называют иногда мафиями. Из их интервью видно, что это реальные игроки, с которыми необходимо считаться [Там же].

Круг этих «капитанов» и их типы достоверно описать трудно. На поверхности – активность зарегистрированных в Иркутске китайских национально-культурных обществ. История их возникновения, деятельность, роль в городе – предмет особого анализа. Здесь же необходимо отметить, что все они активно работали на рынке, отстаивая интересы своих кланов, вступая при этом в жесткие конфликты друг с другом.

По словам лидера «Китайского общества», «мы хотим привить китайцам-предпринимателям навыки цивилизованной торговли, познакомить их с россий-

ским законодательством. Наша главная задача – научить наших соотечественников жить и торговать по российским законам» [13. 1999. 22 окт.]. На практике – это оказание консультационно-посреднических услуг, урегулирование постоянно возникающих проблем с властями, особенно с налоговыми органами, неофициальное представительство консульства КНР.

Аналогичный набор задач зафиксирован в записи на членском билете «Ассоциации – Азия» (2006 г.): «Все вопросы, касающиеся: истребования документов (ст. 93 НК РФ), выемки документов и предметов (ст. 92 НК РФ), а также недопустимости причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (ст. 103 НК РФ), рассматриваются в соответствующей организации, членом которой является данный гражданин КНР»¹.

При необходимости эти общества используют такой ресурс, как официальный статус и возможность прямого обращения к властям. Характерна стилистика «Коллективной жалобы» на имя мэра Иркутска: «Мы, члены Иркутской общественной некоммерческой организации “Китайское общество” от имени китайских торговцев с “Шанхайского рынка” и от имени всей многочисленной китайской диаспоры в России, просим навести законный порядок на “Шанхайском рынке”, официально именуемом “Торговая площадь”». Суть жалобы – незаконные поборы администрации рынка при регулярном перераспределении торговых мест. Общество требует согласовывать с ним все реорганизации, прекратить практику незаконных поборов, выделить китайским торговцам места, которые они сами бы делили между собой.

Общества – это реальная сила, но вряд ли единственная и, возможно, не преобладающая. Куда большим влиянием могут обладать крупные дельцы, настоящие хозяева рабочих мест, товаров, финансовых ресурсов. На них работают или от них зависят мелкие торговцы. Они обеспечивают реальное покровительство, формируя сети патрон – клиент. Их экономическая мощь может дополняться криминальным влиянием.

Пример того, как функционирует система отношений патрон – клиент, был продемонстрирован во время суда над налоговым полицейским, обвиненным в грабеже, взяточничестве, вымогательстве и избиении китайских торговцев «шанхайки» [25, 26]. Прозванный торговцами за свой нрав «Эдиком-собакой», он был осужден на восемь лет с конфискацией имущества. Когда «Эдик-собака» отобрал у торговца выручку, тот обратился к старшему своей группы. Затем еще десять торговцев пожаловались ему, что полицейский отобрал у них документы и вещи. При попытке договориться старший группы был избит. После этого, как пишется в судебной хронике, он «передал свои полномочия более опытному товарищу». Видимо, этот уровень оказался достаточным для решения проблемы – документы и вещи были возвращены владельцам в обмен на 5 тыс. рублей и меховую куртку. В суде «более опытный товарищ» дал показания, что регулярно посредничал при оплате налогов торговцами. Во всем этом видна отлаженная система отношений, строгая иерархия.

Быстро оформляющаяся система отношений внутри мигрантских сообществ рынка, ее очевидная эффективность в отношениях с обладателями высоких статусов, значимых даже для местных сообществ, порождали представление о сложном закрытом мире «китайского» рынка. Стереотип исключенного, закрытого пространства, отграниченного от остального города символическими границами и специфическим набором коммуникационных стратегий и практик (gated living [27]), формировал образ отторгнутой, даже «оккупированной» городской локальности, право на которую необходимо вернуть горожанам. Конфликт, активно воспроизводимый СМИ и социальными интернет-медиа, вплоть до начала 2010-х гг. оставался одним из центральных сюжетов городской жизни.

Однако сложившаяся ситуация оспаривания пространства [28] создала новую городскую локальность, наполняя ее новым содержанием, смыслами, практиками, и новую сферу деловой активности. Пространство рынка, а затем и «Большого Шанхая» интенсивно преобразовывалось из «исторического центра с сохранившей средовой деревянной застройкой» и умирающими советскими предприятиями в среду торгового предпринимательства [29]. Фиксируя в пространстве трансформацию социальных отношений [30], они одновременно сами становились механизмом и катализатором изменения системы взаимоотношений в постсоветском городе. Динамика изменений социального и физического пространства здесь порождала комплекс последствий, превращавшихся и в новые возможности, и в новые риски для городского развития.

«Китайский» рынок формировал условия для включения горожан во взаимодействие с торговцами не только в качестве потребителей. Дешевизна товаров и эффективность торговцев рынка создавали сложные отношения с местным деловым сообществом. Многие получали несомненные выгоды и осознавали это: мелкооптовые партии товаров с «китайки» стали основой деятельности многих предпринимателей Иркутска и области. Но «шанхайка» и его обитатели – это конкурент, причем конкурент сильный и опасный. Вряд ли случайны соответствующие регулярные кампании в прессе, не менее регулярные попытки закрыть рынок. С другой стороны, появление большого торгового пространства, предоставляющего огромный ассортимент товаров, изменило модели взаимодействия с городом, позволило уйти от советских практик поисков «выброшенных» в том или ином районе города товаров.

Рынки стали средой для роста сферы обслуживания прежде всего работников рынка, но вслед за ними – и для горожан. Прямо на территории, в вагончиках, в прилегающих домах, действовало много столовых, кухня, кафе, закусок. Они не испытывали недостатка в клиентах – их продукция дешева, ориентирована на разные вкусы (есть китайская, узбекская, корейская, вьетнамская и т.д.) и дает возможность не только экономии, но и приобщения к восточной экзотике. Один из авторов красочно описывает визит в полуполегалное кафе мигрантов из КНДР, действующее в районе «Большого Шанхая». Большинство та-

ких заведений действует подпольно и потому налогов не платит. Врачи с ужасом отмечают, в каких антисанитарных условиях, с нарушением всех норм готовится пища. Все попытки пресечь эту деятельность, а тем более ввести ее в легальное русло, заканчивались неудачей [7. 2003. 13 марта; 13. 200, 7 сент.; 31. 2003. 26 сент.; 32. 2003. 24 апр.; 2003. 14 мая; 33. 2004. 19 янв.; 34].

Рынок интенсивно втягивал в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, подпольные забегаловки и притоны, а их приусадебные участки – в свалки мусора. Некоторые предприимчивые жильцы построили здесь примитивные платные туалеты. Этот район и раньше был трущобным, теперь же жизнь их обитателей стала невыносимой. В близлежащих домах регулярно вспыхивали пожары. И жители домов, и иркутские СМИ единодушны в том, что это форма захвата (возможно, уже передел) городской земли, которая при небольших вложениях обещает стать настоящей «золотой жилой».

Рынок стал источником повышенной криминальной опасности. Это, в общем, естественно и неизбежно для места, где концентрировались огромные финансовые и товарные потоки и где на небольшом пятнышке ежедневно встречались тысячи людей. Карманники, мошенничество наблюдались в самых разных формах. Отдельная тема – рэкет. Вот оценка заместителя президента Иркутской ассоциации по защите китайских граждан Михаила Ли: «Раньше моих земляков крышевали. Хотя это выглядело как обычное вымогательство. Когда предприниматель приезжал из Китая со своим товаром, с него брали мзду – за каждый баул по 50 долларов. Сейчас такое тоже есть, но проявляется уже не так активно, как раньше» [11. 2003. 27 мая].

По оценкам наиболее заинтересованных ведомств, вслед за «челноками» в Иркутск потянулись и криминальные элементы. Со временем их деятельность приобретает организованный характер – от простого грабежа соотечественников к контролю и регулированию.

Фискальные службы постоянно жаловались на огромные потери от массовой неуплаты налогов торговцами. По данным налоговой полиции, более 70% из них недоплачивали налоги или не платили вовсе. Результаты очевидны – большие финансовые потери государства, получение китайским бизнесом нечестных конкурентных преимуществ, дискредитация налоговых и правоохранительных органов.

Это провоцировало формирование системы теневых поборов. Тема это деликатная, сложная для обсуждения и анализа. Очень мало информации. И только в ситуациях острых и открытых конфликтов проблема становилась предметом общественного рассмотрения. В 1999 г., когда было сокращено количество торговых мест, это вызвало массовый митинг и пикетирование здания администрации рынка. Протестующие торговцы заявляли, что их лишили мест, за которые они заплатили по 1,5–5 тыс. долларов. Теперь за возобновление права на аренду места с них требовали по 5–15 тыс. рублей. Представители администрации рынка категорически опровергли саму возможность поборов.

Они предположили, что китайские торговцы перепродают друг другу право на аренду торговых мест, причем контролирует этот процесс «китайская мафия» [24. 1999. 16 дек.; 39. 1999. 9 дек.].

В ноябре 2001 г. произошла недельная забастовка торговцев, вылившаяся в несанкционированный митинг у здания областной администрации. По словам чиновника мэрии, митингующие возмущались непомерной платой. *«Правда, за что они платят, кому и чем конкретно недовольны, понять так и не удалось. Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить порядок проведения митинга, т.е. ввести все действия в законное русло»*. Журналистам же бастующие говорили, что помимо официальной арендной платы с них требовали еще по 800 долларов в год за место. Администрация рынка саму возможность этого вновь категорически отвергала и считала причиной беспорядков «нервозность» тех торговцев, у которых при очередном перезаключении договоров выявилось «шаткое визовое положение» [6. 2001. 2 нояб.; 13. 2001. 1 нояб.; 2001. 5 нояб.; 2001. 6 нояб., 2001. 12 нояб.; 16. 2001. 3 нояб.; 24. 1999. 16 дек.].

О масштабах теневых поборов ходили самые фантастические слухи. Одна из газет писала: *«О баснословных доходах торговцев говорит такой факт: чтобы получить торговое место на “Шанхае”, необходимо заплатить 18 тысяч долларов»*. Цифра, конечно, запредельная, но само явление властями признавалось. *«Что касается других рынков, – комментирует журналист, – то представители муниципалитета заявляют как общеизвестный факт наличие неофициальной арендной платы наряду с официальной. То есть дополнительные суммы берут с предпринимателей “черным налогом”»* [5. 2003. 18 апр.; 35. 2003. 27 мая].

Прозвевали милицейский произвол и вымогательство. По мнению большинства китайских респондентов, иркутские милиционеры считают их людьми второго сорта и «дойной коровой». Любой служащий МВД, вплоть до сотрудников ГИБДД и вневедомственной охраны, в униформе мог проверять документы у китайских торговцев и собирать штрафы. Естественно, без квитанции.

И, наконец, проблема нелегальной миграции. Теоретически нелегальных торговцев не должно быть вовсе – арендовать место можно только, имея верно оформленные документы (с временной регистрацией, визой и свидетельством о предпринимательской деятельности). Практика показывала иное. Сами администраторы рынка признавали, что часть арендаторов обладают весьма сомнительным правовым статусом. На это недвусмысленно указывали и результаты регулярных проверок паспортно-визовой и миграционной служб – рынок являлся крупнейшим узлом миграционных проблем. Однако помимо очевидной административно-криминальной составляющей здесь важна и другая, менее очевидная сторона. Нарушителями миграционного законодательства оказывались отнюдь не только китайские торговцы, но и мигранты из других стран, занятые на рынке. «Китайский» рынок фактически локализовывал в пространстве города не только и не столько этничность, сколько мигрант-

скость [36] – феномен, не свойственный советскому городу. Даже в условиях переселенческого общества Востока России, где нередко все население крупных городов состояло из переселенцев в первом и втором поколении, мигрантская биография не являлась маркером «другого» и механизмом сохранения социальной дистанции.

Последнее замечание делает неизбежным вопрос: а насколько китайским («этническим») является «китайский» рынок? Уже в 1994 г., по словам журналистки, *«здесь как на Ноевом ковчеге, “каждой твари по паре” ...Промышляют тут торговцы разных национальностей: корейцы, китайцы, вьетнамцы, лаотяне, монголы, африканцы, арабы, афганцы, кавказцы, русские»* [37]. Накануне дефолта китайцы арендовали три четверти торговых мест. К 2002 г. здесь было более тысячи китайцев и корейцев, около трехсот вьетнамцев, полторы сотни кавказцев, шестьсот с небольшим русских, две сотни представителей других национальностей. После реорганизации, когда число мест сократилось с 2 500 до 1 300, на рынке осталось 495 китайских и 485 русских торговцев. Все эти цифры приводили в разное время представители администрации рынка [11. 2003. 22 апр.; 13. 1998. 21 окт.; 2002. 28 марта]. Таким образом, китайцы преобладали количественно. Китайские товары, труд китайских торговцев, «китайские» цены – все это определяло общую атмосферу на рынке и твердую репутацию его как китайского у иркутян. Директор рынка в интервью в 2002 г. заметил: *«Показательный момент на тему “кто есть кто на рынке”: когда во время недавней забастовки китайцы не работали, рынок опустел. Покупатели не воспринимают “Шанхай” без китайцев»* [7. 2002. 1 февр.].

«Китайские» рынки стали важнейшей частью инфраструктуры продвижения китайских товаров и механизмом завоевания и освоения новых рынков. Сюда направлены мощные товарные потоки из Китая, здесь формируются и концентрируются в руках мигрантов огромные финансовые ресурсы, просто оценить масштаб которых представляется важнейшей, хотя и очень трудной задачей. По мнению В.Г. Гельбраса, на них делается большая ставка в реализации правительственной стратегии «идти вовне» [38].

Даже на первый взгляд видно, что именно здесь концентрируется значительная часть мигрантов из КНР. Это поле их экономической деятельности, место и механизм адаптации к принимающему обществу. Вместе с тем рынки – это не только рабочие места китайских мигрантов, площадка для реализации экономических амбиций. В качестве формы их деловой активности и деловой культуры они превратились в социальный организм, сгусток сетей социальных связей, инструмент самоорганизации и социального контроля. Не случайно именно с рынками чаще всего связано болезненно переживаемое российским обществом предчувствие чайнатаунов [39], перспективы возникновения которых становятся все более туманными в современной России.

Насколько и чем этничны «этнические рынки» – это вопрос, требующий дальнейшего теоретического осмысления и анализа конкретных ситуаций. Так же

как и более общая проблема этничности «этнической экономики» [40–43]. Дискуссии по этому поводу позволяют сформулировать несколько важных для нас вопросов. Свидетельствует ли концентрация тех же китайских мигрантов на «китайских» рынках о том, что они выстраивают свой бизнес на этнической основе, что их деловые практики, сети, связи, взаимоотношения, механизмы социального контроля и регулирования детерминированы этничностью? Какова роль этничности в формировании отношений на рынках, в механизмах формирования и функционирования их сообществ? И существуют ли данные сообщества – ведь не исключено, что мы расцениваем в качестве таковых простые совокупности. Иными словами, весьма вероятно, что этническая категоризация мигрантов в пространстве рынка может оказаться лишь попыткой сконструировать этнический дискурс без обоснования достаточной связи между категоризацией и групповостью [44].

Особый вес этим сомнениям придает то, что доминирование китайских торговцев как основа «китайскости» рынков уходит в прошлое. Серия интервью 2014–2015 гг. показала, что доминирование и даже просто присутствие китайских торговцев уже не обязательно является необходимым признаком «китайского» рынка: *«Мы привыкли, видеть, еще к тому, что изначально челноками были сами китайцы, то есть приезжали, торговали и привозили свой товар. Поэтому в памяти, наверное, остается такое... Даже если на китайском рынке скоро не будет китайцев, если ситуация такая сложится, то рынок все равно будет называться китайским»*². Китайскость рынка все чаще оказывается связана с мигрантами вообще, независимо от страны их выхода, внешнего облика и языка: *«Знаете, скорее всего, “китайка” – это такой образ, уже закрепившийся в умах именно иркутян, что любой такой рынок, где работают любые мигранты, даже, например, не из Азии, именно не китайцы, а, например, из Средней Азии, тоже, наверное, “китайка” будет называться»*.

Иными словами, этническое маркирование рынков все дальше уходит от собственно этничности. «Китайский» рынок как образ становится скорее маркером специфических локальностей, способа организации пространства и определенного репертуара практик. Почти сразу после образования рынок превратился из площадки для торговли в сложный социальный организм, узел социальных связей и сетей, сформированный и действующий не только на этнической основе. Здесь сформировался и эффективно функционировал очаг, ядро социальной деятельности мигрантов, их общинной инфраструктуры, механизмов контроля и управления.

Местные жители участвовали в жизни рынка не только в качестве покупателей. В реальности он давно стал интернациональным, что и заставило взять в кавычки словосочетание «китайский» рынок. Появился многочисленный слой местных жителей, профессионально обслуживающих рынки или непосредственно на них работающих в разных качествах. Повседневное общение и сотрудничество вели к парадоксальному на первый взгляд результату – уровень межэтнической

конфликтности здесь минимален. Хотя, казалось бы, торговля вызывает конфликты, а когда представители разных этнических групп находятся по разные стороны прилавка, это не может не провоцировать взаимного недовольства. Однако здесь преобладало понимание взаимной полезности и необходимости. «Китайка» оказалась все более органичной частью городского пространства, элементом городской жизни, в значительной мере определявшим превращение города и горожан из «советских» в «несоветских».

Таким образом, «китайский» рынок в Иркутске «Шанхай», или в просторечии «шанхайка», был важной частью экономической и общественной жизни города. Просуществовав более десяти лет, он был закрыт владельцем – муниципальными властями, несмотря на весомый вклад в городской бюджет и важную роль в снабжении малоимущих слоев. Это был результат политического решения, немного опередившего по времени соответствующие общегосударственные меры. Вскоре вышло правительственное постановление о частичном, а затем и общем запрете для иностранцев торговать на открытых рынках. Оно совпало и с изменением экономической конъюнктуры, а возможно, было предопределено этим. Время оптово-розничных рынков под открытым небом в российских городах явно уходило. Им на смену неумолимо шли современные и цивилизованные форматы – гипермаркеты, молы и т.д.

Однако закрытие «шанхайки» не повлекло его полного исчезновения. И дело не только в том, что его обитатели тут же разбежались по другим иркутским рынкам. В ответ на правительственные меры по вытеснению иностранцев с рынков мгновенно появились система подставных лиц, маневра ресурсами, механизм смены юридического статуса [45]. На смену открытых «шанхаев» идут крытые «пассажи», торговые ряды и супермаркеты с китайскими капиталами, товарами и рабочей силой. Иркутский «Шанхай» ликвидирован как юридическое лицо. И тут же «расцвел» рынок «Маньчжурия», открыт торговый комплекс «Пекин».

Разошлись по другим рынкам и отчасти изменили форму своей деятельности и китайские торговцы. А ведь благодаря им в глазах иркутян «шанхайка» была именно «китайским» рынком, хотя в некоторые периоды ее истории китайцев среди его торговцев было не больше половины. «Шанхай» сохранился в исторической памяти, мифологии городского сообщества, став символом большого комплекса отношений и связей. Говоря современным языком, он остался в Иркутске «виртуально». Даже само это название стало собирательным и насыщенным большим количеством новых смыслов, понятных нынешнему поколению без всяких объяснений: от организации пространства до маркера социального статуса.

Расцвет и уход «китайских» рынков был не только механизмом выживания в экстремальных условиях девяностых. Возникнув на основе развития практик неформальной торговли, «китайский» рынок стал одним из механизмов институализации частного предпринимательства как основы городской экономики, важнейшей доминанты развития городского про-

странства и повседневности. В более широкой перспективе этнические, в том числе и китайские рынки стали важным элементом и маркером постсоветского транзита. Их динамичность и гибкость внесли в пространство советского города текучесть современности [46], в которой лишь изменения (пространства, визуальности, практик) оказываются постоянными.

Потеряв прежние позиции, рынки под открытым небом вряд ли исчезнут окончательно. Будут существовать «блуждающие» рынки, и на них найдется место новичкам – мигрантам. Поэтому «китайские» рынки в прежнем формате, скорее всего, останутся, хотя и будут отнесены на окраины городов и периферию экономической жизни. Однако кластеры, «сгустки» китайской торговли, в том числе и розничной, не исчезнут благодаря освое-

нию новых торговых форматов. Залогом этого является то, что китайский бизнес в России накопил большие ресурсы (не только капиталы, но и знания, опыт и связи). Он продемонстрировал огромную адаптивность к суровым и стремительно меняющимся условиям. Он не откажется и от такого мощного ресурса, как опора на общинность и клановые связи и механизмы.

Китайский бизнес пришел в Россию навсегда. Пришел как часть изменчивой постсоветской современности. Он будет меняться, приспосабливаться к экономической и политической конъюнктуре, но не уйдет. Вместе с ним будут меняться города и горожане, в чьи пространства, язык, культуру «шанхай», «шанхайки», «китайки» вошли уже не как экзотика, а как неотъемлемые элементы повседневности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личный архив В.И. Дятлова.

² Личный архив К.В. Григоричева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015.
2. Kurczewski J., Cichomski M., Wilinski K. *Wielkie Bazyry Warszawskie*. Warszawa, 2000.
3. Брызгина Д. «Китайские» рынки Иркутска: в поисках невидимой сети // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 124–140.
4. Восточно-Сибирская правда (Иркутск).
5. Иркутск (Иркутск).
6. Комсомольская правда-Байкал (Иркутск).
7. Пятница (Иркутск).
8. Известия (Иркутск).
9. Восточно-Сибирский Шанхай (Иркутск).
10. Телеграмма председателя первичной профсоюзной организации «Торговое единство» М.М. Торопова Президенту РФ В.В. Путину (декабрь 2006) (личный архив В.И. Дятлова).
11. Иркутская торговая газета.
12. Videokanal, газета (Иркутск).
13. СМ-Номер один (Иркутск).
14. АС Байкал ТВ (Иркутск).
15. Копейка (Иркутск).
16. Коммерсантъ – Восточная Сибирь (Иркутск).
17. РИА «Сибирские новости» (Новосибирск).
18. Law J. On the methods of long distance control: vessels, navigation and the Portuguese rout to India // *Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* London : Routledge and Kegan Pol, 1986. P. 234–263.
19. Эксперт Сибирь (Новосибирск).
20. Иркутск-350. URL: http://www.irkutsk-350.ru/news/city_and_region/39795/ (последнее посещение: 15.12.2012).
21. Алексей Козьмин: «Хочется поднять капитализацию центра Иркутска» // Irk.ru Портал городских новостей. URL: <http://www.irk.ru/news/articles/20141124/center/>
22. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // *Экономическая социология*. 2004. Т. 5, № 4. С. 56–71. URL: <http://www.ecsos.msses.ru>
23. АBBYY Lingvo. Городские диалекты. URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=109096> (последнее посещение: 15.12.2012).
24. Что почем (Иркутск).
25. Китайский «синдикат» // Родная земля. 2001. № 10. 26 марта.
26. Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда. 2001. 12 марта.
27. Brunn S. Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear // *GeoJournal*. 2006. Vol. 66. P. 5–13.
28. Low S.M., Lawrence-Zúñiga D. (ed.) *The anthropology of space and place: locating culture*. Malden, MA : Blackwell Pub., 2003.
29. Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки в постсоветских трансформациях городского пространства Иркутска // *Известия Томского государственного университета*. История. 2017. № 1.
30. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford : Blackwell, 1991.
31. Известия (Иркутск).
32. Комсомольская правда-Приангарье (Иркутск).
33. Информационное агентство Vaikalinfo. Новости Иркутска.
34. Московский комсомолец в Иркутске (Иркутск).
35. Восточно-Сибирские вести (Иркутск).
36. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
37. Лыкова М. Время «челноков» на исходе // *Вечерний Иркутск*. 1995. 22 апр.
38. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М. : Муравей, 2004. С. 66–80.
39. Дятлов В.И. Россия: В предчувствии чайнатаунов // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 6–16.
40. Aldrich H.E., Waldinger R. *Ethnicity and Entrepreneurship* // *Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16. P. 111–135.
41. Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // *Экономическая социология*. 2008. Т. 9, № 5. С. 30–55. URL: www.ecsoc.msses

42. Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies, and Conceptual Advancements // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38, № 3. P. 1040–1074.
43. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // *Полис*. 1993. № 5. С. 47–53.
44. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд-во ВШЭ, 2012. 408 с.
45. Михайлова Е., Тюрюканова Е. Мигранты в розничной торговле: эффект запретов // *Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика* / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьниковой. М. : АдамантЪ, 2009. С. 237–265. URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/s_map.php
46. Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2017 г.

“CHINESE MARKETS” OF RUSSIA: THE ROLE IN POST-SUSTAINABLE TRANSFORMATION (A CASESTUDY OF IRKUTSK)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 121–132.

DOI: 10.17223/15617793/419/16

Konstantin V. Grigoriev, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Viktor I. Dyatlov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Keywords: “ethnic markets”; post-soviet transit; urban space.

The article discusses the role of the phenomenon of “ethnic markets” in the post-soviet transformation of a Siberian city. The authors state the poor knowledge of this phenomenon in Russia and in other post-socialist countries. In the authors’ opinion, one of the most important reasons for it is the lack of a sufficient source base for historical analysis of “ethnic markets”. Therefore, this analysis is based on a wide range of different sources, including media texts, official documents, materials of socio-anthropological field research in Irkutsk. The first part of the article is devoted to the dynamics of the “Chinese markets” development in the post-soviet period. The authors show the development of the open-air markets, labeled “ethnic” (particularly, “Chinese”), as a mechanism of institutionalization of new daily-life practices. The authors investigate the development of the two largest “Chinese markets” in Irkutsk – “Shanghai” and “China Town” during the 1990s–2010s. It is alleged that by the 2000s “Chinese markets” became resistant knots of the social interactions network. These objects retained their role in urban everyday life in spite of the restrictive actions of the authorities. The focus of the second part of the article is on the analysis of the “Chinese markets” role in urban everyday life and of the meanings of the ethnic labeling of these objects. Since its inception, the “Chinese market” has been described in everyday language and in the media as an ethnically marked locality. However, in the early 2010s townspeople of Irkutsk described such markets like “Chinese” regardless of the presence of Chinese merchants there. This suggests that such markets have come to localize not only ethnicity, but also migrant origin in the urban space. It is argued that the “Chinese markets” of Irkutsk, emerged as a mechanism of survival and response to extreme situation, turned into a stable institution of the post-soviet city’s life. Thus, ethnic labeling of markets actually ceased to denote ethnicity in the urban space. The “Chinese market” is increasingly becoming a marker of specific urban locales, of ways of organizing space and of a certain repertoire of practices. The authors conclude that “ethnic markets” (including the “Chinese” markets) have become an important marker and element of the post-Soviet transit. Their dynamism and flexibility have brought “fluidity of modernity”, in which only the changes of space, visibility and practices are constant, into the Soviet city’s space.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2015) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Kurczewski, J., Cichomski, M. & Wilinski, K. (2000) *Wielkie Bazary Warszawskie* [The great Warsaw markets]. Warsaw.
3. Bryazgina, D. (2015) “Kitayskie” rynki Irkutsk: v poiskakh nevidimoy seti [“Chinese” markets in Irkutsk: in search of an invisible network]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. *Vostochno-Sibirskaya pravda* (Irkutsk).
5. *Irkutsk* (Irkutsk).
6. *Komsomol'skaya pravda-Baykal* (Irkutsk).
7. *Pyatnitsa* (Irkutsk).
8. *Izvestiya* (Irkutsk).
9. *Vostochno-Sibirskiy Shankhay* (Irkutsk).
10. Personal Archive of V.I. Dyatlov. *Telegram of chairman of the primary trade-union organization “Trade Unity” M.M. Toropov to President of the Russian Federation V.V. Putin (December 2006)*. (In Russian).
11. *Irkutskaya torgovaya gazeta*.
12. *Videokanal* (Irkutsk).
13. *SM-Nomer odin* (Irkutsk).
14. *AS Baykal TV* (Irkutsk).
15. *Kopeyka* (Irkutsk).
16. *Kommersant – Vostochnaya Sibir'* (Irkutsk).
17. *RIA “Sibirskie novosti”* (Novosibirsk).
18. Law, J. (1986) *Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* London: Routledge and Kegan Paul. pp. 234–263.
19. *Ekspert Sibir'* (Novosibirsk).
20. *Irkutsk-350*. [Online] Available from: http://www.irkutsk-350.ru/news/city_and_region/39795. (Accessed: 15.12.2012).
21. Irk.ru. (2014) *Aleksey Koz'min: “Khochetsya podnyat' kapitalizatsiyu tsentra Irkutsk”* [Alexey Kozmin: “It is desirable to raise the capitalization of the center of Irkutsk”]. [Online] Available from: <http://www.irk.ru/news/articles/20141124/center/>.
22. Dyatlov, V.I. & Kuznetsov, R.E. (2004) “Shankhay” v tsentre Irkutsk. *Ekologiya kitayskogo rynka* [“Shanghai” in the center of Irkutsk. Ecology of the Chinese market]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 5:4. pp. 56–71. [Online] Available from: <http://www.ecsos.mses.ru>.
23. ABBYY Lingvo. (2009) *Gorodskie dialekty* [Urban dialects]. [Online] Available from: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=>. (Accessed: 15.12.2012).
24. *Chto pochem* (Irkutsk).
25. *Rodnaya zemlya*. (2001) Kitayskiy “sindikatsiya” [Chinese “syndicate”]. *Rodnaya zemlya*. 10. 26 March.

26. Bogdanov, L. (2001) Vymogatel' v politseyskom mundire [The extortioner in the police uniform]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 12 March.
27. Brunn, S. (2006) Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear. *GeoJournal*. 66. pp. 5–13.
28. Low, S.M. & Lawrence-Zúñiga, D (eds) (2003) *The anthropology of space and place: locating culture*. Malden, MA: Blackwell Pub.
29. Bryazgina, D.E. (2017) Chinese" markets in Post-Soviet transformations of urban space (the case of Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 45. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/16
30. Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
31. *Izvestiya* (Irkutsk).
32. *Komsomol'skaya pravda–Priangar'e* (Irkutsk).
33. *Baikalinfo*. The news of Irkutsk.
34. *Moskovskiy komsomolets* in Irkutsk.
35. *Vostochno-Sibirskie vesti* (Irkutsk).
36. Abashin, S.N. (2012) Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 3–13.
37. Lykova, M. (1995) Vremya "chelnokov" na iskhode [The time of the "shuttles" is coming to an end]. *Vecherniy Irkutsk*. 22 April.
38. Gel'bras, V.G. (2004) *Rossiya v usloviyakh global'noy kitayskoy migratsii* [Russia in the context of global Chinese migration]. Moscow: Muravey.
39. Dyatlov, V.I. (2008) Rossiya: V predchuvstvii chaynataunov [Russia: In anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 6–16.
40. Aldrich, H.E. & Waldinger, R. (1990) Ethnicity and Entrepreneurship. *Annual Review of Sociology*. 16. pp. 111–135.
41. Waldinger, R., Aldrich, H. & Ward, R. (2008) Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 9:5. pp. 30–55.
42. Min Zhou. (2004) Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies, and Conceptual Advancements. *International Migration Review*. 38:3. pp. 1040–1074.
43. Radaev, V.V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoy opyt i Rossiya [Ethnic Entrepreneurship: World Experience and Russia]. *Polis*. 5. pp. 47–53.
44. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
45. Mikhaylova, E. & Tyuryukanova, E. (2009) Migranty v roznichnoy trgovle: effekt zapretov [Migrants in retail trade: the effect of prohibitions]. In: Vitkovskaya, G., Platonova, A. & Shkol'nikov, V. (eds) *Novoe migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: pravoprimentel'naya praktika* [New migration legislation of the Russian Federation: law enforcement practice]. Moscow: Adamant?. [Online] Available from: http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/s_map.php.
46. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg: Piter.

Received: 11 February 2017

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК УЗБЕКИСТАН И КАЗАХСТАН)

Рассматриваются проблемы внешней трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию, ее социально-экономические последствия. Современная внешняя трудовая миграция в целом выгодна странам ЦА, она пока остается единственно возможным решением многих острых социально-экономических проблем стран региона. В целом для России в притоке трудовых мигрантов из ЦА больше положительных сторон, чем отрицательных: в экономику страны вливается дешевая рабочая сила, решаются демографические проблемы и др. Однако существуют и отрицательные, связанные с режимом контроля, различными нарушениями и формированием «новой» социально-экономической среды.

Ключевые слова: трудовая миграция; Казахстан; Узбекистан; Россия; Центральная Азия.

За последнее десятилетие постсоветское пространство превратилось в один из основных регионов миграции в мире. Трудовая миграция стала одним из элементов интеграции между бывшими советскими республиками. Однако действия государства были недостаточными, поскольку как отправляющие, так и принимающие страны не сотрудничали в вопросах миграции, пренебрегали преимуществами миграции и усложняли жизнь мигрантов. Объективно развитию миграционных процессов способствует ситуация на рынке труда различных стран СНГ, в частности значительная дифференциация в вопросах трудоустройства, что можно проследить на примере Узбекистана, Казахстана. Трудовая миграция – один из широко распространенных и значительных феноменов современного мира [1. С. 60].

Трудовая миграция рассматривается как политическая проблема в Центральной Азии, в странах-реципиентах – главным образом в России и Казахстане. Отмечается, что мигранты могут оказать давление на социально-экономическую среду, а затем и на политическую [2]. Между тем, Республика Узбекистан, являющаяся крупной страной-отправителем (донором), регулярно блокирует обсуждение вопросов трудовой миграции на региональных встречах.

Влияние процессов трудовой миграции выходит далеко за пределы демографии и экономики. Как справедливо отмечают О.Д. Комарова и В.А. Тишков, «миграция населения, как внутренняя, так и внешняя – за пределы страны, является одним из важнейших индикаторов этнополитических и социально-политических процессов, происходящих в обществе и государстве» [3. С. 11].

Легальная трудовая миграция имеет множество позитивных социально-экономических эффектов для России как принимающей страны. Рабочие-мигранты заполняют многие «непрестижные ниши» на рынке труда с тяжелыми условиями работы, на которые не соглашаются местные жители. При участии рабочих-мигрантов создается около 8% ВВП России [4. С. 22].

Трудовая миграция имеет значительные эффекты и для посылающих государств. Прежде всего, это значительный поток денежных переводов, поступающих из России от трудовых мигрантов их родственникам и семьям. Главным образом эти переводы направляются из России.

Так, в 2010 г. объем денежных переводов из России в различные страны составил 12,8 млрд долл.

США, в том числе 11,1 млрд долл. США направлено в страны СНГ, а основными получателями денежных переводов среди них стали страны Центральной Азии (млрд долл.): Узбекистан – 2,9; Таджикистан – 2,2; Кыргызстан – 1,1 [5. С. 178]. Трудовая миграция в Россию, таким образом, является не только средством выживания значительной части населения в СНГ, но и реальным механизмом экономической интеграции в регионе.

Несмотря на то что трудовые мигранты создают от 5 до 10% ВВП страны [6. С. 23], в СНГ сложился контрпродуктивный тип трудовой миграции, вносящий не всегда правильные коррективы в процессы разделения труда и определенную профессиональную деформацию рынков труда принимающих стран, что создает предпосылки для нелегального трудоустройства. Большая часть потока трудовых мигрантов из стран Центральной Азии распределяется в стихийном режиме, тяготея к крупным промышленным и торговым центрам, «точкам притяжения», созданным диаспорами. Серьезный социальный и гуманитарный аспект заключается в проблеме нелегальной трудовой миграции. Это подрывает основы для регулирования миграционных процессов, значительно снижает эффективность межгосударственной миграции рабочей силы и создает риски для демографической безопасности принимающих и посылающих стран, а в конечном итоге ставит под сомнение целесообразность и возможность достижения интеграции посылающих и принимающих стран в трудовой сфере.

Для современной ситуации на рынке труда России характерен рост количества иностранных граждан, занятых на тех или иных позициях в экономике. В настоящее время на территории бывшего СССР сложилась так называемая северо-евразийская система миграционных потоков [7. С. 14]. Она характеризуется большой емкостью рынка труда, географической близостью, общим информационным пространством и опытом совместной жизни в рамках единого государства, умением общаться на русском языке. Эти факторы позволяют России играть роль главного пункта назначения миграции из республик бывшего СССР.

Оценить реальные масштабы потенциальной трудовой миграции в Россию очень сложно, так как существует такое явление, как нелегальные трудовые потоки. Но очевидно, что в настоящее время в России практически нет ни одного региона, включая отда-

ленные северные, где бы не было трудовых мигрантов из стран Центральной Азии [8. С. 114].

Федеральная миграционная служба России опубликовала последние данные о количестве находящихся в стране иностранных граждан. Узбекские мигранты занимают первое место по численности прибывающих на территорию Российской Федерации, это подтверждают данные ФМС, которые они постоянно публикуют на своем сайте. Анализируя данные, можно увидеть, что с каждым годом поток мигрантов из Узбекистана сокращается [9]. Снижение можно связать со многими факторами. Нельзя не сказать про экономический кризис, который естественно отражается на мигрантах. Исследователи миграции в итоге также переключились с изучения причин, последствий и масштабов миграции (принимающая сторона), на изучение экономических и социальных последствий оттока мигрантом и их влияния на страны гражданства (отправляющая сторона) [9]. В значительной степени резкое возвращение мигрантов было единственным главным проявлением текущего глобального экономического кризиса, который затронул главных поставщиков рабочей силы – Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Так, за годы независимости Узбекистан прошел непростой путь развития. От советского периода были унаследованы макроэкономические дисбалансы в экономике, безработица и относительно низкий уровень жизни населения. В современном Узбекистане траектории внешних миграций в значительной мере следуют по тем же направлениям, которые сложились в советское время. Узбекистан активно участвует в миграционных процессах, представляющий яркий пример «страны-донора». В настоящее время Узбекистан занимает первое место по численности населения среди стран Центральной Азии. Однако стоит отметить, что за последние годы резко упало количество выезжающих из Узбекистана, это также связано с экономическими причинами, в частности с кризисом [10]. Однако по-прежнему, значительную часть экономики таких стран, как Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, составляют денежные переводы от трудовых мигрантов [11].

Для Казахстана, который так же, как и другие государства-соседи, начал выстраивать новую структуру экономики, важным фактором роста оказалось привлечение иностранной рабочей силы. С другой стороны, существенным явлением становится и отток трудовых мигрантов. В итоге уже в первой половине 1990-х гг. сложилась законно оформленная трудовая эмиграция граждан Казахстана («экспорт» и «импорт» рабочей силы).

«Экспорт» рабочей силы из Казахстана никогда не был значительным и в основном направлялся в Россию. Доля привлеченной рабочей силы из Казахстана в РФ составляла 1,1% от общей численности иностранной рабочей силы (ИРС) из СНГ. Резкий рост трудовой миграции из Казахстана начался в 2007 г., когда в Россию уехало на заработки 7,6 тысячи человек. В 2009 г. их было уже 11,2 тысячи – рост в 11 раз за 16 лет. Глобальный экономический кризис внес свои коррективы: в 2010 г. произошло снижение

до 8,2 тысячи человек, в 2011 г. – до 4,5 тысячи (речь идет о тех, кто имел разрешение на работу в России). Несмотря на увеличение выезда рабочей силы из Казахстана, она по-прежнему составляет менее половины процента от общей численности ИРС в России [12]. В структуре казахстанской рабочей силы в России основной контингент составляют рабочие.

Граждане Казахстана сами находят работу в различных областях России, трудоустраиваются на предприятиях, в организациях. Наибольшее количество казахстанских мигрантов выезжало на заработки в пределах своей страны: 56,6% респондентов отметили, что они работали на выезде внутри республики. Среди лидеров – Алма-Ата и Алматинская область, Астана и Акмолинская область, Карагандинская, Мангистауская и Атырауская области, которые уже в начале 2000-х принимали больше всего внутренних трудовых мигрантов. Благодаря благоприятной экономической конъюнктуре (высоким мировым ценам на энергоносители) экономическая ситуация в РК существенно улучшилась, что способствовало развитию новых тенденций: сокращению выезда за рубеж и увеличению внутренней миграции, изменению структуры занятости мигрантов [13. С. 219].

Рост иностранных инвестиций в энергодобывающую, строительную, другие отрасли повлиял на увеличение трудовой мобильности. В миграцию вовлекались не только квалифицированные специалисты и рабочие с высшим и средним образованием (что было характерно для 1990-х гг.), но и те, кто впервые вышел на рынок труда и не имел специального образования и квалификации (на первых порах это были внутристрановые перемещения) [14, 15]. Опрос по поводу перспектив трудовых миграций, проведенный в середине нулевых, показал, что почти половина респондентов (48,6%), выезжавших в качестве трудовых мигрантов, собиралась продолжать выездную деятельность, другая часть (51,4%) планировала ее закончить. Эти ответы свидетельствовали о постепенном снижении числа желающих выезжать на заработки, потому что к этому времени в стране увеличились возможности трудоустройства в местах проживания и в условиях повсеместно растущей потребности в кадрах [10].

Между тем, Казахстан, на сегодняшний день является примером стабильности, относительного благополучия и спокойствия не только в Центральной Азии, но и в СНГ. Его жизненный уровень сопоставим с российским и на порядок превышает аналогичные показатели в государствах Средней Азии. Однако и в сфере занятости и миграции есть определенные проблемы.

В настоящее время между Россией и странами Центральной Азии сформировался устойчивый миграционный «мост» [9], который характеризуется масштабными миграционными потоками и устойчивой географической направленностью. Страны Центральной Азии в перспективе являются наиболее реальными поставщиками трудовых ресурсов для России. Иными словами, Россия и страны Центральной Азии сформировали мощную миграционную систему, характеризующуюся крупномасштабной трудовой миграцией. Этому способствовало и национальное законодательство.

Трудовая миграция имеет серьезные социально-экономические последствия для стран-доноров и стран-реципиентов. И эти последствия не всегда положительны. Чем больше «теневая» составляющая миграции, тем больше негативных последствий для национальной экономики. Между тем неформальные и неправовые отношения в области миграции и статуса нелегальных трудовых мигрантов в России и Казахстане не являются естественными. Нелегальная миграция во всех своих формах сопряжена с риском для мигрантов. Поскольку статус незаконных мигрантов уязвим, часто они становятся жертвами не только криминала, но и подвергаются злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов, эксплуатации со стороны нанимателей, использующих труд бесправных и зависимых людей. То же самое можно сказать о счетах получателей, где значительная доля ВВП создается иностранцами. Эта зависимость будет продолжать расти в контексте демографического кризиса и сокращения трудовых ресурсов в отдельных странах региона (Россия и Казахстан).

Поскольку правительства стран Центральной Азии не могут создать рабочие места на национальном уровне, число мигрантов, ищущих работу за рубежом, будет и в перспективе расти. Особенно это актуально в кризисные периоды. В свою очередь, страны Центральной Азии и России должны стремиться к заключению многосторонних соглашений для облегчения жизни мигрантов. Однако принимающие страны предпочитают принимать односторонние решения, не всегда принимая во внимание последствия направляющих стран. Аналогичным образом отправляющие страны в основном озабочены политическими последствиями потенциально больших потоков возвращающихся мигрантов, а также возможностями контроля над ними.

Тем самым правительства Центральной Азии и России остаются пассивными относительно миграции, они не в состоянии действовать по нескольким направлениям и согласовывать позиции на многостороннем уровне. Многие уже подписанные соглашения не являются действующими, поэтому мигранты на территориях принимающих стран склонны создавать собственные специализированные правовые структуры, стихийно складывается общественная составляющая, досуг, которые практически никак не регламентированы в принимающем обществе. Отсутствие четкой государственной политики также приводит к появлению коррупции среди сотрудников таможни и правоохранительных органов. Чтобы максимизировать выгоды от трудовой миграции и минимизировать недостатки, необходимо стимулирование межгосударственного диалога и сотрудничества в области трудовой миграции как минимум между крупнейшими региональными экономиками – Россией, Узбекистаном и Казахстаном. Быстрое экономическое развитие России и Казахстана сделало страны привлекательными для иностранных рабочих и инвесторов.

Узбекистан же быстро превратился в страну-донора, а Россия и Казахстан – в реципиента. Проблема трудовой миграции должна быть деполитизирована, а права и безопасность мигрантов – стать приоритетным направлением для переговорного процесса. В свою очередь, Россия и Казахстан должны продолжать разрабатывать более эффективную иммиграционную политику, в то время как узбекское правительство должно признать проблему нелегальной миграции на региональном уровне.

На сегодняшний день большинство двусторонних соглашений в сфере миграции заключено между Россией и Казахстаном, Кыргызстаном или Таджикистаном. Казахстан имеет действующее соглашение только с Кыргызстаном. У Узбекистана также есть только одно соглашение о трудовых мигрантах с Южной Кореей, что не касается регионального рынка труда. Обычно данные соглашения являются реакцией на существующие тенденции миграции. В соглашениях отсутствует концепция и стратегия, сроки прогнозирования ситуации не превышают один год, тогда как структура рынка труда или экономический спад изменяются и развиваются достаточно быстро.

Россия и страны Центральной Азии должны рассматривать вопрос межгосударственного регулирования миграции как комплексную проблему, которая, однако, приносит ощутимую экономическую выгоду как отправляющим, так и принимающим государствам. Легализация мигрантов может потенциально снизить коррупцию в правоохранительных структурах, ограничить давление на рынок труда. С другой стороны, отправляющие страны смогут лучше защищать своих граждан за рубежом, помогая им найти работу. В данном направлении существует опыт работы специализированных центров языковой и правовой подготовки. Вопреки общественному мнению, большинство мигрантов пытаются соблюдать закон, потому что боятся потерять работу или быть депортированными.

Осознавая важность комплексного решения проблемы миграции, необходимо, чтобы органы законодательной и исполнительной власти, неправительственные организации, научные центры активизировали международный диалог по миграционным проблемам. Это поможет выработать совместную стратегию управления миграционными процессами. Содействие со стороны власти поможет активизировать решение сложных социально-экономических проблем, таких как неравенство, бедность в целях для искоренения базовых причин миграции.

Эволюция миграционной политики России и стран Центральной Азии до сих пор не скоординирована. Хотя Казахстан частично копирует многие аспекты миграционного регулирования в России, их политика концептуально не связана между собой. В результате возникает необходимость в более тесном многостороннем и двустороннем сотрудничестве между странами Центральной Азии, Казахстаном и Россией по линии «принимающая – отправляющая» стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобина А.Д. Особенности миграции рабочей силы на современном этапе // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2007. Вып. 124. С. 59–62.

2. International Labour Organization // Migration and Development in Central Asia. URL: http://www.iom.kz/pubs/Migration%20and%20Development_en.pdf
3. Комарова О.Д., Тишков В.А. Миграция и миграционная политика // Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. С. 11–54.
4. Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 2 (22). С. 16–28.
5. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование. М.: Научный Мир, 2011. 189 с
6. Прохорова А. Что такое МИРПАЛ // Миграция XXI век. 2011. № 2 (5), апрель. С. 23–24.
7. Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К., Старчак М.В., Яценко Е.Б. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Наследие Евразии, 2014. 144 с.
8. Ионцев В.А. Современные тенденции трудовой миграции // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2006. № 3. С. 114–116.
9. Facilitating Migration Management in North and Central Asia // Migration and skills in North and Central Asia. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/2%20Migration%20and%20Skills%20%20v2-3-E_ENGLISH.pdf
10. Шустов А. Наметилось сокращение трудовой миграции в Россию из Средней Азии. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1451948640>
11. Международное информационное агентство «Фергана» // Трудовая миграция из Центральной Азии. URL: <http://migrant.ferghana.ru/tag/statistika> (дата последнего обращения: 15.04.2016 г.).
12. Садовская Е. Казахстан в системе международных трудовых миграций. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/tema02.php>
13. Исенгалиева М.Е. Факторы, влияющие на миграцию трудовых ресурсов в Республике Казахстан // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 217–220.
14. Князев А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). С. 35–44.
15. Эргешбаев У.Ж. Современная трудовая миграция населения стран Центральной Азии в Россию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Экономика. Информатика. 2009. Т. 10-1, № 7 (62). С. 74–81.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 апреля 2017 г.

FEATURES OF LABOR MIGRATION IN CENTRAL ASIA (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 133–137.

DOI: 10.17223/15617793/419/17

Elizaveta V. Kim, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: elizabeta92.92@mail.ru

Keywords: labor migration; Kazakhstan; Uzbekistan; Russia; Central Asia.

This article examines the problems of external labor migration from the countries of Central Asia to Russia, its social and economic consequences. Modern external labor migration as a whole is beneficial to the countries of Central Asia; it remains the only possible solution to many of the acute social and economic problems of the countries of the region. In general, for Russia there are more positive sides in the influx of labor migrants from Central Asia than negative ones: a cheap labor force is pouring into the economy of the country; demographic problems are being solved, etc. Migration of the population was and remains the most important line of the general demographic processes in any state. One of the major regions where the colossal masses of the population were put into motion in connection with the disintegration of the USSR were Central Asia and Kazakhstan, more recently called “Central Asia”. The scale of intercountry migration flows are predetermined by a combination of such factors in the emigration region as unemployment, population growth, poverty, economic stagnation, and in the immigration region – labor shortages, rapid economic growth and employment growth. The focus is on labor migration in Central Asia and Russia. The article describes the main trends that emerged in the 2000s, then separate sections on the difficulties faced by migrants. Remittances grew in the 2000s, when the construction sector grew rapidly both in Russia and in Kazakhstan. The remittances of migrants constitute a significant share of the GDP of the sending country. The quality of life of the mass segments of the population of the countries of Central Asia lags far behind those in other states of the post-Soviet space. At present, the main push factor of migration is the extremely difficult economic situation in the republics of Central Asia. Currently, the countries of the region have a real opportunity to improve their financial situation through the export of labor. The experience of many countries shows the real possibilities of labor migrants for improving the economic situation of the country, raising the standard of living of a significant part of the population. Labor migration of the population is a real way to avoid a social explosion due to the impoverishment of the population. Thus, labor migration has many positive and negative consequences. Mass labor migration reduces tensions in the national labor markets of Central Asian countries. The income of labor migrants increases the standard of living of the population, improves the balance of payments of the countries of Central Asia. External labor migration as a whole is beneficial to the countries of Central Asia; it remains the only possible solution to many acute social and economic problems.

REFERENCES

1. Bobina, A.D. (2007) Osobennosti migratsii rabochey sily na sovremennom etape [Peculiarities of Labor Force Migration at the Present Stage]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*. 124. pp. 59–62.
2. IOM. (2011) *Migration and Development in Central Asia*. [Online] Available from: www.iom.kz/pubs/Migration%20and%20Development_en.pdf.
3. Komarova, O.D. & Tishkov, V.A. (1996) Migratsiya i migratsionnaya politika [Migration and migration policy]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Migratsii i novye diaspory v postsovetskikh gosudarstvakh* [Migrations and new diasporas in the post-Soviet states]. Moscow: IEA RAS.
4. Ryazantsev, S.V. (2016) Vklad trudovoy migratsii v ekonomiku Rossii: metody otsenki i rezul'taty [The contribution of labor migration to the Russian economy: assessment methods and results]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2 (22). pp. 16–28.
5. Ryazantsev, S.V. & Khorie, N. (2011) *Modelirovanie potokov trudovoy migratsii iz stran Tsentral'noy Azii v Rossiyu: ekonomiko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Modeling the flows of labor migration from Central Asia to Russia: economic and sociological research]. Moscow: Nauchnyy Mir.
6. Prokhorova, A. (2011) Chto takoe MIRPAL [What MIRPAL is]. *Migratsiya XXI vek*. 2 (5), April. pp. 23–24.

7. Vykhovanets, O.D. et al. (2014) *Transformatsiya identichnosti trudovykh migrantov kak odna iz sostavlyayushchikh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Transformation of the identity of labor migrants as one of the components of the formation of civil society in Russia]. Moscow: Nasledie Evrazii.
8. Iontsev, V.A. (2006) *Sovremennye tendentsii trudovoy migratsii* [Current trends of labor migration]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 6: Ekonomika – Bulletin of Moscow University. Ser. 6: Economics.* 3. pp. 114–116.
9. Poletaev, D.V. (c. 2015) *Migration and skills in North and Central Asia*. [Online] Available from: http://www.unescap.org/sites/default/files/2%20Migration%20and%20Skills%20%20v2-3-E_ENGLISH.pdf.
10. Shustov, A. (2016) *Nametilos' sokrashchenie trudovoy migratsii v Rossiyu iz Sredney Azii* [There has been a reduction in labor migration to Russia from Central Asia]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1451948640>.
11. Fergana. (2016) *Trudovaya migratsiya iz Tsentral'noy Azii* [Labor migration from Central Asia]. [Online] Available from: <http://migrant.ferghana.ru/tag/statistika>. (Accessed: 15.04.2016).
12. Sadovskaya, E. (2014) *Kazakhstan v sisteme mezhdunarodnykh trudovykh migratsiy* [Kazakhstan in the system of international labor migrations]. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/tema02.php>.
13. Isengalieva, M.E. (2014) *Faktory, vliyayushchie na migratsiyu trudovykh resursov v Respublike Kazakhstan* [Factors affecting the migration of labor resources in the Republic of Kazakhstan]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* 4. pp. 217–220.
14. Knyazev, A. (2007) *Rossiya vozvrashchaetsya v Tsentral'nyuyu Aziyu* [Russia is returning to Central Asia]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz.* 5 (53). pp. 35–44.
15. Ergeshbaev, U.Zh. (2009) *Sovremennaya trudovaya migratsiya naseleniya stran Tsentral'noy Azii v Rossiyu* [Modern labor migration of the population of Central Asia to Russia]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika. Informatika.* 10-1:7(62). pp. 74–81.

Received: 17 April 2017

ЮРИСТЫ ОБЩЕГО ПРАВА В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ И РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ: СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ

Рассматривается стереотипное восприятие юриста, представленное в английских литературных и юридических произведениях конца XVI – первой половины XVII в. Показано, что современники не видели объективных причин роста судебных разбирательств и склонны были винить самих юристов в их увеличении, в порождении раздора и общественных разногласий. Юрист зачастую предстает как жадный, беспринципный крючкотвор, разоряющий клиентов и стремящийся к наживе.

Ключевые слова: юристы; общее право; судьи; адвокаты; клерки; восприятие.

Юристы общего права позднетюдоровской и раннестюартовской Англии были одной из самых влиятельных социопрофессиональных групп. Известно, что с началом Реформации духовенство утратило прежние позиции в аппарате королевского управления, которые заполнили представители правовой профессии [1. Р. 130–131]. Быстрый экономический рост и перераспределение земель сопровождалось невиданным ранее увеличением числа имущественных тяжб, метафорично названным Кристофером Бруксом «наводнением» [2. Р. 9], и стремительным ростом численности юридических подворий.

Кристофер Брукс, проведя тщательные подсчеты по центральному и самым популярным судам – Суду Королевской скамьи (Court of King bench) и Суду Общих тяжб (Court of Common Pleas), – приводит следующие данные. В Суде Королевской скамьи в 1490 г. разбирались 500 тяжб, в 1560 г. – 914, в 1580 г. – 4 тыс., в 1606 г. – 6 945, в 1640 г. – 8 537 тяжб. В Суде Общих тяжб за это же время слушалось: в 1490 г. – 1 600 тяжб, в 1560 г. – 20 625 тяжб, в 1580 г. – 9 300, в 1606 г. – 15 508, в 1640 г. – 29 162 дела. Нетрудно заметить, что за 150 лет в Королевской скамье число разбираемых тяжб увеличилось в 17 раз, в Суде Общих тяжб – в 12 раз, а всего в обоих судах число тяжб выросло почти в 14 раз. Сопоставив эти данные с последующей динамикой, К. Брукс пришел к выводу, что конец XVI – начало XVII в. был самым сутяжным периодом всей английской истории [3. Р. 11–12]. При Якове I, как видно из его подсчетов только по 8 судам, ежегодно рассматривалось не менее 30 тыс. дел. Учитывая то, что данные по многим судам отсутствуют, общее количество разбираемых дел было, конечно же, намного большим.

По оценке Томаса Уильсона, автора трактата «Англия в 1600 г.», на «острове Англия, который мог когда-то похвастаться, что не имеет ни юристов, ни лис», теперь нет «ни одного провинциального городка, ни деревушки, свободных от них», а «сословие» юристов общего права за последние «40–50 лет <...> так разрослось, так разбогатело, так вознеслось, что никакое другое сословие не решается сталкиваться с ним. Их число сейчас столь велико, что, по правде сказать, они едва ли выживут, если не будут жить за счет других». По степени значимости современник выделяет 12 судей общего права, около 30 сержантов (sergents), около 2 тыс. адвокатов (counsellors) и «мно-

го атторнеев» (many attorneys) и «неопределенное число» солиситоров и мелких крючкотворов (solicitors and pettyfoggers) [4. Р. 24–25].

Данные рубежа XVI–XVII вв. удивительным образом подтверждаются современными подсчетами. В. Прест, изучив деятельность четырех судебных подворий (Линкольн-инн, Миддл-темпл, Иннтер-темпл и Грейз-инн), пришел к выводу, что между 1510 и 1640 гг. к стойке (bar) было допущено (т.е. получило право заниматься адвокатской деятельностью) 2 767 чел., но абсолютное большинство – 2 293 чел. – приходится на 1590–1640 гг. [5. Р. 52; 6. Р. 84]. К барристерам (адвокатам) следует добавить еще несколько тысяч клерков и стряпчих. Сопоставив темпы роста населения с темпами роста числа клерков, К. Брукс приходит к заключению, что клерки увеличивались численно быстрее: в 1560 г. один атторней приходился на 20 тыс. человек, в 1606 г. – на 4 тыс., а в 1640 г. – на 2 500 чел. [7. Р. 24, 29, 113].

Современники зачастую не видели объективных причин роста судебных разбирательств и склонны были винить самих юристов в этом.

Юрист – частый персонаж драматических и поэтических произведений конца XVI – начала XVII в., которые я склонен рассматривать как своеобразную, субъективную, порой остроумную, иногда причудливую, но все же фиксацию жизненных реалий тюдоровской и раннестюартовской эпохи. Как правило, юрист – алчный и тщеславный пройдоха, невежественный и завистливый крючкотвор, душе и сердцу которого доступна лишь одна страсть – нажива. Ради нее он разоряет своих клиентов и прибирает к рукам их владения [8. Р. 18–31]. Именно таким предстает перед нами сержант (сержанты – это адвокатская элита в Англии Средних веков и раннего Нового времени) в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера:

Был с ними важный, чопорный Юрист.
Он, как искусный, тонкий казуист,
На паперти был очень уважаем
И часто на объезды назначаем.
Имел патент он на свои права.
И ширилась о нем в судах молва.
Наследство от казны он ограждал,
В руках семьи именье сохранял.
Клиенты с «мантией» ко нему стекались;
Его богатства быстро умножались.
Не видел свет стяжателя такого,
И все ж о нем не слышали дурного.
Ведь сколько б взяток ни дал виноватый –

Он оправдать умел любую плату.
 Работник ревностный, пред светом целым,
 Не столько был им, сколько слыть умел им.
 Он знал законы со времен Вильяма
 И обходил – уловкой или прямо –
 Любой из них, но были неоспорны
 Его решения. Он носил узорный
 Камзол домашний с шитым пояском.
 Пожалуй, хватит говорить о нем
 (перевод И. Кашкина) [9. С. 15]¹.

«Так ведется в мире, – говорит один из героев Бена Джонсона, – владения клиентов переходят к их адвокатам, земли вертопрахов – к портным и ювелирам» [10. С. 428].

В хрониках и трактатах о юристах пишут ничуть не лучше, чем в драматических произведениях. В конце 1570-х гг. Уильям Гаррисон в «Описании Англии» констатировал, что юристы общего права заняли то место, которое раньше принадлежало знати и клирикам, ибо теперь все богатства земли стекаются к ним. После 13–14-летней юридической практики «некий юрист» может делать покупки стоимостью в 1 тыс. фунтов. Юристы богаты, пишет он, и «будут еще богаче, если клиенты не станут более мудрыми и осмотрительными». Хронист сообщает об аресте некоего сержанта, который получил то ли 300, то ли 400 фунтов. Обилие тяжб настолько развратило юристов, что они перестали заботиться о клиентах. Ради полученных десяти фунтов они не собираются покидать своих покой и отправлять даже в суды Гилдхолла². У. Гаррисон рассказывает печальную историю своего друга, который трижды платил двум адвокатам. И они дважды обманывали его и не являлись вовсе на суд. А в третий раз пришел лишь один, но «помахав свитком <...> не сказав и трех-четырех слов <...> удалился от стойки». Еще «меньше права», по его словам, могут обрести бедняки, способные потратить на юристов только ничтожные суммы. Он пишет о страданиях жителей Уэльса, Йорка или Ладлоу, которые отказываются обращаться в свои суды и отправляются искать правду в Лондон, где их ждут увертки и ухищрения. У. Гаррисон также сетует на «плутов» (varlets), которые «приезжают в графство, как посредники между крючкотворами права (pettyfoggers of the law) и простым народом, только чтобы воспламенить и раздуть искры ссоры, из-за чего одна сторона может обрести прибыль, а вторая – разорение и длинную дорогу» [11. Р. 304–305].

Томас Уильсон пишет, что юристы, вносят «раздор» между соседями и живут за счет других: самые прославленные прибрали к своим рукам почти всю практику, остальные «живут крючкотворством, изобретая способы сравить соседей, дабы получать с обеих сторон <...> Они губят провинциалов (country people) и скупают все земли, которые продаются. Видя юных джентльменов или недавно вступивших в наследство, они находят такого, которого изводят “доказательствами” и стравливают с другим, или своими словами и софизмами некоего другого стравливают с ним. Жертвы юристов тратят затем половину состояний в ходе тяжбы и продают свою землю, что-

бы продолжать процесс и оплачивать долги» [4. Р. 25]. Облечившись в мантию судьи, юрист водит знакомство с мошенниками и принимает мзду. Ариосто (персонаж трагикомедии Джона Уэбстера), адвокат, ставший судьей, говорит об этом так: «В нашем городе хватает прощелыг. У кого своей земли нет – те какого-нибудь ротозея обработают, глядишь, у них уже чуть не райские кущи взошли: забором огородились, а внутри вишни поспевают, а там, смотришь, абрикосы понесли своим дружкам из судейских» [12. С. 279]. Бен Джонсон утверждает: «Примеры бывали, воров накрывали к компании стряпчих, в судейском зале! Но если уж судьи на золото падки, то с бедных карманников взятки гладки» [13. С. 656]. Суды напоминают поэту места боев:

Суды похожи на поля войны,
 Куда стекаются юристы-крикуны,
 Раздора сеятели, жадные наймиты,
 Стервятников гуляют в холе свиты,
 Как гарпии, вцепились в бедолаг –
 Клиентов, алчные до денег их и благ
 (перевод мой. – С.К.) [14. Р. 313].

Адвокаты, как некий Чеверил (Cheveril), не стесняются брать деньги с обеих тяжущихся сторон:

Клиентов нет, и Чеверил в печали,
 Но только они в двери постучали,
 Он привечает обе стороны –
 Юристы топить сало с нас даны
 (перевод мой. – С.К.) [Ibid. Р. 231].

Юристы отличаются двуличьем и продажностью. Они «высказывают в одно и то же время об одном деле два различных мнения, отстаивая их до хрипоты; они легко, что хочешь, повернут, перевернут и спутают, и распутают, подадут двусмысленный совет, а плату и с правых и с виноватых возьмут» [13. С. 42]. Уильям Уэнтворт в наставлении советовал своему сыну Томасу, будущему графу Страффорду, казненному в начале революции, всячески ублажать судей, приглашать их в дом, посылать им вино и сахар [15. Р. 11].

Джон Донн нелицеприятно говорит об адвокатах (Сатира 2) и судьях (Сатира 5). Адвокат – это невежественный, чванливый «глупец», «пустозвон», «крючкотвор» и «мошенник», говорящей на непонятной обычным людям «тарабарской дичи». Адвокат храм Фемиды превратил в бордель.

Шурша бумагами, как юбкой шлюха,
 Он зубы заговаривает глухо,
 Темнит, – как вор, в темницу сев, темнит,
 Что, мол, за поручительство сидит;
 Просителя, что о своем хлопочет,
 Как королевский фаворит, морочит
 (Иль сам король); к барьеру напролом,
 Как бык, он лезет – лгать перед судом.
 Нет столько в королевской родословной
 Ублюдков, ни в истории церковной –
 Содомских пятен, сколько в нем живет
 Лжи и пронырства; в них его доход.
 Он оттягать себе намерен вскоре
 Весь этот край от моря и до моря;
 Наследников беспечных мотовство –
 Источник адской радости его.

<...>

Когда же он пропажу совершает,
То как бы по нарошке попускает
Наследников, – так спорщик-богослов
В упор не замечает в тексте слов,
Чья суть, коль толковать их нележо,
Его резонам противоположна.
Где рощи, одевавшие удел
Наследственный? – мошеник их надел»
(перевод Г. Кружкова) [16. С. 590–592].

Судьи рисуются под стать адвокатам:

Наш век считать железным не резон,
Именоваться ржавым должен он:
В железном – правосудьем торговали,
Здесь торговать неправосудьем стали
<...>

Уходят наши деньги и владенья
На протори, залого, взятки, пени.
Коли не чтит закон и сам судья,
Лишь букву, а не дух его блюдя,
Где нам искать защиту и управу?
В судах инстанций низших? Там на славу
Обчистят нас, посадят иль казнят.
А тот, кого так сильно притеснят,
Что в высший суд пойти он соберется,
С теченьем будет, как пловец, бороться.
Но выбьется из сил и все равно
Пойдет в изнеможении на дно.
Пытаться возвести над этой бездной
Мост золотой – довольно бесполезно:
Швыряй сколь хочешь золота туда –
Оно в волнах исчезнет без следа

(перевод Ю. Корнеева) [Там же. С. 405].

Томас Овербери, получавший образование в юридическом подворье Миддл-темпла, поэт, писатель и личный секретарь фаворита короля Роберта Карра, графа Сомерсета, писал, что право беречь совесть юриста, но совесть не стесняет его при принятии решений. «Ибо все, что он делает, он делает исключительно ради денег». При этом юрист рисуется им как невежественное и высокомерное существо [17. Р. 84, 85].

Френсис Бэкон, сам юрист, дослужившейся до канцлера Англии и осужденный в этой должности за мздоимство, оставил даже классификацию доходов от правовой профессии [18]. «Крючкотворы, – писал он, – встречаются в четырех разновидностях. Первые из них – мастера плодить тяжбы, от которых жиреют судьи и беднеет народ. Вторые – это те, кто вовлекает суды в столкновения по поводу границ их юрисдикции, а на деле являются не “amicis curiae”, но “parasiti curiae” (ни друзья судов, а паразиты судов), ибо ради собственной выгоды подстрекают суды к превышению их полномочий. Третьи – это те, кого можно назвать левой рукой правосудия, люди, имеющие в запасе всевозможные ловкие и темные плутни и ухищрения, которые мешают прямому ходу правосудия и ведут его кривыми и запутанными путями. Четвертые – это вымогатели, из-за которых суд часто сравнивают с терновым кустом, где овцы, ищущие убежища от непогоды, непременно оставляют часть своей шерсти» [19. С. 479].

Вероятно, юристов ненавидели и боялись представители различных слоев населения – знатные и худо-

родные, богатые и бедные. В драме Шекспира «Генрих VII» один из соратников вожжа восставших крестьян Джека Кеда сурово восклицает: «Первым делом мы перебьем всех законников» [19. С. 276]. Правоведы современники нередко наряду с ростовщиками приравнивали к исчадиям ада. «В начале дьявол был юристом», – гласила английская пословица того времени. «Если ад не окажется переполненным – юристу не спастись», – вторила ей другая [6. Р. 284].

Плохая репутация профессии отражена даже в могильных надписях. Сохранилась такая двусмысленная эпитафия: «Мы чуда ждем. Господь помочь нам рад: “Лежит, – читаю, – здесь честнейшей человек и адвокат”», – писал безымянный автор [Ibid.]³. Эпитафии, настойчиво гласящие, что в данной могиле лежит честный юрист, должны были, видимо, подчеркивать исключительность и нетипичность такого казуса. На надгробии некоего Джеймса Мотта (James Motte) в приходской церкви местечка Мэтшилл, графства Норфолк высечено: «Правоведом ты стал, не родился со мздой, потому упокоился с легкой душой» [6. Р. 285]. Надпись на могильной плите судьи Суда Королевской скамьи Агастина Николлса свидетельствует, что честность законника воспринималась современниками не как норма, а скорее как ее девиантность. На ней начертано: «Тот, кому взятки не застили взор, кто не отступал из страха, кого ни дичь, ни миска не отворачивали от правды» [Ibid.].

Известный историк тюдоровской Англии Е.В. Айвез, размышляя над подобными нелюбезными оценками, замечает, что они были следствием отчуждения большинства населения от правовых знаний, а значит, и от его носителей – юристов. Результатом комбинации различных чувств – зависти, непонимания и невежества [20. Р. 133, 150, 155]. Вильфрид Прест и Кристофер Брукс объясняют столь непривлекательный образ юриста общего права тем, что он формировался веками и достался раннему Новому времени от Средних веков, а также лавинообразным увеличением числа судебных тяжб в постреформационной Англии. В отличие от Средних веков, где роль правовых институтов и права была незначительной, а порядок чуть ли не приватно поддерживался феодальными магнатами, которые выступали арбитрами при улаживании конфликтов и где ориентиром были родственные, личные и другие неформальные отношения, в тюдоровской и ренессансартсовской Англии королевские суды стали главными местами разбирательств. Они оказывались более привлекательными, чем суды местные и манориальные. Причем королевские суды начали разбирать дела копигольдеров и выносить нередко решения в их пользу, хотя по традиции дела держателей должны были слушаться лордами в манориальных куриях. Это тоже умножило число тяжб. В 1640 г. каждый восьмидесятый англичанин прибегал к помощи королевского суда. Но современники склоны были именно юристов винить в росте судебных разбирательств. Они воспринимали сутяжничество как социальный грех. Общественное мнение полагало, что миссия юриста – примирять тяжущиеся стороны. Но вместо этого юристы, утверждали современники, разжигают вражду, затягивают

разбирательства, дабы получить с клиента как можно больше денег [2. P. 8–9; 3. P. 22–24; 6. P. 285–289; 7. P. 132–136].

Англичане рассматривали сутяжничество как социальное зло и винили в резком росте судебных разбирательств юристов. Однако некоторые современники были более проникательными, считая рост числа юристов следствием экономических и социальных изменений, которые переживала Англия в XVI в., особенно вызванное Реформацией перераспределение земель и богатств церкви между допущенными к этому распределению светскими лицами, и общий подъем экономики. Джон Девис, генеральный атторней Ирландии, указывал, что тяжбы порождаются экономическими причинами. «Из-за того, что земные изделия улучшились, выросло богатство и стало в мире больше товарных и личных контрактов, которые порождают расточительность, банкротства, плохих должников, умножают алчность и злонамеренность» [21. P. 266]. Ему вторил главный судья Англии Эд. Кок: «Что мы можем сказать о зловных поношениях увеличивающихся тяжб <...> то, что есть 6 причин их умножения, из которых две общие, четыре частные. Общие – это мир и изобилие, частные: 1. закрытие монастырей и часовен и распределение их среди множества отдельных рук; 2. полчища доносчиков; 3. обилие сыщиков сокрытого чужого имущества (Concealors); и 4. многочисленность атторнеев». Он потрудился развернуть свои аргументы. По его мнению, со времен Эдуарда III до Эдуарда IV, т.е. от Столетней войны до Войны Роз, «не могло быть много тяжб». Но как только воцарился мир, люди сразу стали судиться, поскольку «мир есть мать изобилия, а изобилие есть кормилица тяжб». Закрытие монастырей и часовен, распределение их земель и имущества «подняло столько вопросов и сомнений, из-за которых сильно выросло число тяжб». Доносчики, информируя суды, «во многих случаях совершенно не обоснованно», вызвали увеличение судебных разбирательств. Тяжбы подстегнули «сыщики», «обжоры» (Concealors, helluones), «стараясь проглотить соборы и церковные владения духовенства и жилища многих других поданных короля». «Многочисленные атторнеи, хотя численно и ограниченные законом, стали великой причиной роста тяжб» [22. P. 75–76]. Обилие клерков и стряпчих Эд. Кок называл «чудовищной язвой» на теле государства, ибо они «берут мзду» и «выгребают деньги из наших кошельков» [Ibid. P. 27–28].

И все-таки Вильфрид Прест полагает, что при определенных оговорках можно доверять литератур-

ным произведениям в том, что художественное восприятие действительности конца XVI – начала XVII в. не искажало саму действительность. Отсутствие любви к юристам со стороны различных кругов английского общества – это не выдумка писателей, а часть их реального образа, сложившегося в головах современников, посещающих суды и сталкивающихся в повседневной жизни с юристами и правовыми практиками [6. P. 287]. Добавим к этому наблюдению еще одно: столь частое появление юристов в произведениях, относящихся к разным литературным жанрам, является, на наш взгляд, косвенным свидетельством того, что именно члены этой профессиональной корпорации обладали влиянием и значимостью, несоизмеримыми ни с каким другим профессиональным сообществом. Законников можно было встретить в различных элитных кругах столицы и провинций. В XVI в. принцип крови был поколеблен, хотя и не отброшен окончательно. Элита формировалась по социальному принципу. Принадлежность к ней обуславливалась рождением в элитной среде и наличием состояния. Юристы были социопрофессиональной частью элиты, ибо многие из них пробились наверх благодаря, в первую очередь, своей профессии, тем качествам и деформациям, которые ценились в административных органах и судах. Занимая высокие должности в различных административных и судебных учреждениях столицы, графств и городов, они обладали возможностью влиять на принятие политических решений. Иначе говоря, юристы входили не только в социальную, но и политическую элиту страны.

Итак, видно, что в сознании англичан конца XVI – первой половины XVII в. сложилось определенное представление о юристе и юридической профессии. В картине мира того времени право, созданное богом, призвано удерживать стабильный порядок вещей, не допускать хаос и восстанавливать гармонию и согласие. Юристы, по мнению англичан, вместо следования своему профессиональному предназначению – способствовать реализации божественного плана, восстанавливать мир и справедливость – сами инициируют тяжбы, разоряют клиентов, вносят раздор и вражду. Юристы, по мнению большинства современников, были причиной роста судебных разбирательств и охватившего Англию сутяжничества. Но в переходную эпоху увеличение судебных дел делало профессию юриста чрезвычайно привлекательной, что предопределило приток в профессию инициативных молодых людей и стало причиной формирования негативного образа юристы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для сравнения воспроизводим оригинал:
A sergeant of the lawe, war and wys,
That often hadde been at the parvys,
Ther was also, ful riche of excellence.
Discreet he was and of greet reverence –
He semed swich, his wordes weren so wise.
Justice he was ful often in assise,
By patente and by pleyn commissioun.
For his science and for his heigh renoun,
Of fees and robes hadde he many oon.
So greet a purchasour was nowher noon:

Al was fee symple to hym in effect;
 His purchasyng myghte nat been infect.
 Nowher so bisy a man as he ther nas,
 And yet he semed bisier than he was.
 In termes hadde he caas and doomes alle
 That from the tyme of kyng william were falle.
 Therto he koude endite, and make a thyng,
 Ther koude no wight pynche at his writyng;
 And every statut koude he pleyn by rote.
 He rood but hoomly in a medlee cote.
 Girt with a ceint of silk, with barres smale;
 Of his array telle I no lenger tale⁴.

(Complete Works of Geoffrey Chaucer / ed. by W.W. Sreat. Oxford, 1894. Vol. IV. P. 10).

² Guildhall – ратуша Лондона, где располагались городские суды.

³ Эту эпиграфию нередко приписывают Бену Джонсону. В переводе С. Маршака она выглядит так: «Есть чудеса и в наш греховный век: здесь спит судья, но честный человек» (Английская классическая эпиграмма / пер. С. Маршака и В.В. Васильева. М., 1987. С. 43).

ЛИТЕРАТУРА

1. Baker J.H. Introduction to English Legal History. 4th ed. Oxford, 2007. 600 p.
2. Brooks C.W. Law, Politics and Society in Early Modern England. Cambridge, 2008. 456 p.
3. Brooks C.W. Lawyers, Litigation and English Society Since 1450. London, 1998. P. 274.
4. Wilson T. State of England, anna Dom. 1600 // Camden Miscellany. 3rd ser. L., 1936. P. 1–47.
5. Prest W. Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640. Longman, 1972. 363 p.
6. Prest W. Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640. Oxford, 1986. 434 p.
7. Brooks C.W. Pettyfoggers and Vipers of the Commonwealth. The “Lower Branch” of Legal Profession In Early Modern England. Cambridge, 1986. 396 p.
8. Tucker E.F.G. Intruder Into Eden: Representations of Common Lawyer In English Literature 1350–1710. Columbia, 1984. 347 p.
9. Чосер Д. Кентерберийские рассказы. М., 2012. 951 с.
10. Джонсон Б. Черт выставлен ослом // Младшие современники Шекспира. М., 1986. С. 397–487.
11. Harrison W. Description of England // Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland. London, 1807. V. I. P. 1–421.
12. Уэбстер Дж. Всем тяжбам тяжба, или Когда судится женщина, сам черт ей не брат // Младшие современники Шекспира. М., 1986. С. 259–336.
13. Джонсон Б. Пьесы. М.; Л., 1960. 749 с.
14. Jonson B. Works. With critical and explanatory notes and a memoir by William Gifford / ed. by F. Cunningham. London, 1910. Vol. 3. 530 p.
15. Wentworth Papers 1597–1628 / ed. by J.P. Cooper. London, 1973. 375 p.
16. Джон Д. Песни и песенки. Элегии. Сатиры. СПб., 2000. 671 с.
17. Miscellaneous Work in Prose and Verse of Sir Thomas Overbury, knt. / ed. by E.F. Rimbault. London, 1856. 311 p.
18. Бэкон Ф. Сочинения. М., 1972. Т. 2. 582 с.
19. Шекспир У. Генрих VI. Часть 2 // Полн. собр. соч. М., 1957. Т. I. 614 с.
20. Ives E.W. The Reputation of the Common lawyer In English society, 1450–1550 // University of Birmingham Historical Journal. 1960. № 7. P. 133–155.
21. Davies J. Discourse of the Common Law // Complete Works of Sir John Davies / ed. A.B. Grosart. London, 1876. Vol. III. P. 243–357.
22. Coke E. Institutes. Pt. IV. London, 1817. 413 p.
23. Coke E. Lord Coke His Speech and Charge. With a Discouerie of Abuses and Corruption of Officers // Selected Writings of Sir Edward Coke / ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003. Vol. 3. P. 5–31.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2017 г.

LAWYERS IN THE ELIZABETHAN AND EARLY STUART ENGLAND: STEREOTYPE IMAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 138–143.

DOI: 10.17223/15617793/419/18

Sergey V. Kondratiev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s.v.kondratev@utmn.ru

Keywords: lawyers; common law; justices; attorneys; solicitors; perception.

The article describes the stereotype image of the lawyer in the pre-revolutionary England that was dominant in the minds of contemporaries. Lawyers in the late Tudor and early Stuart England constituted one of the most influential occupational groups. After the Reformation, the clergy lost the prominent position they used to hold in the court, and the administrative vacuum was filled up by legal practitioners. A rapid economic growth along with the redistribution of the Church land caused an unprecedented increase in lawsuits and claims of ownership which resulted in a swift growth of court inns. The legal profession promised considerable gain and offered promotional prospects in the court and the government; it became one of the most appealing occupations for the rich and gentle laymen. It was probably the only profession that provided the level of prosperity equal to the profits from land ownership. Legal practitioners were among the most enterprising people of the time. However, the attitude towards lawyers was ambivalent. On the one hand, they were appreciated due to their knowledge, wits, expertise and ability to protect the subjects' liberties. On the other hand, they were hated and feared because of their greed, craftiness, venality, willingness to trick clients, deceive others and line their pockets using clients' misfortunes. Most likely, lawyers were neither better nor worth than most of their contemporaries. They prospered because they just had more opportunities due to the situation in the country back then. The ways they obtained their prosperity were dubious from the viewpoint of many. However, we have to bear in mind that the very nature of the legal profession kept its representatives much in the public eye and put under close scrutiny turning them into objects of envy and bias. Some of their contemporaries were more discerning and perceived the increasing number of lawyers as a consequence of the economic and social changes witnessed by the country. The worldview of the time considered the Law as being instituted by God to sustain the order, prevent chaos, and restore harmony and concordance. The English thought that lawyers, instead of performing their professional duty (i.e. contributing to God's plan and restoring peace and justice), initiated suits, made their clients bankrupt, and caused strife and enmity. Most Englishmen believed that the increasing number of lawsuits and ubiquitous litigation were lawyers' fault.

REFERENCES

1. Baker, J.H. (2007) *Introduction to English Legal History*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press.
2. Brooks, C.W. (2008) *Law, Politics and Society in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Brooks, C.W. (1998) *Lawyers, Litigation and English Society Since 1450*. London: Hambledon.
4. Wilson, T. (1936) State of England, anna Dom. 1600. In: Fisher, F.J. (ed.) *Camden Miscellany*. 3rd ser. Vol. 16. London.
5. Prest, W. (1972) *Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640*. Longman.
6. Prest, W. (1986) *Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640*. Oxford: Oxford University Press.
7. Brooks, C.W. (1986) *Pettyfoggers and Vipers of the Commonwealth. The “Lower Branch” of Legal Profession In Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Tucker, E.F.G. (1984) *Intruder Into Eden: Representations of the Common Lawyer In English Literature 1350–1710*. Columbia.
9. Chaucer, J. (2012) *Kenterberijskie rasskazy* [The Canterbury Tales]. Translated from English. Moscow: Nauka.
10. Johnson, B. (1986) Chert vystavlen oslom [Devil is exposed by a donkey]. Translated from English. In: Anikst, A.A. (ed.) *Mladshie sovremenniki Shekspira* [The younger contemporaries of Shakespeare]. Moscow: Moscow State University.
11. Harrison, W. (1807) Description of England. In: *Holinshed’s Chronicles of England, Scotland and Ireland*. Vol. 1. London: J. Johnson.
12. Webster, J. (1986) Vsem tyazhbam tyazhba, ili Kogda suditsya zhenshchina, sam chert ey ne brat [A litigation to all litigations, or When a woman is judged, the devil itself is not her brother]. Translated from English. In: Anikst, A.A. (ed.) *Mladshie sovremenniki Shekspira* [The younger contemporaries of Shakespeare]. Moscow: Moscow State University.
13. Johnson, B. (1960) *P’esy* [Plays]. Moscow; Leningrad: Iskustvo.
14. Jonson, B. (1910) *Works. With critical and explanatory notes and a memoir by William Gifford*. Vol. 3. London: Chatto & Windus.
15. Cooper, J.P. (ed.) (1973) *Wentworth Papers 1597–1628*. London: Offices of the Royal Historical Society.
16. John, D. (2000) *Pesni i pesenki. Elegii. Satiry* [Songs and chants. Elegies. Satire]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
17. Rimbault, E.F. (ed.) (1856) *Miscellaneous Work in Prose and Verse of Sir Thomas Overbury, knt*. London: Reeves and Turner.
18. Bakon, F. (1972) *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl’.
19. Shakespeare, W. (1957) Genrikh VI. Chast’ 2 [Henry VI. Part 2]. In: Smirnov, A. & Anikst, A. (eds) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Iskustvo.
20. Ives, E.W. (1960) The Reputation of the Common lawyer In English society, 1450–1550. *University of Birmingham Historical Journal*. 7. pp. 133–155.
21. Davies, J. (1876) Discourse of the Common Law. In: Grosart, A.B. (ed.) *Complete Works of Sir John Davies*. Vol. III. London: Chatto and Windus, Piccadilly.
22. Coke, E. (1817) *Institutes*. Pt. IV. London: Printed for W. Clarke and Sons.
23. Coke, E. (2003) Lord Coke His Speech and Charge. With a Discouerie of Abuses and Corruption of Officers. In: Sheppard, S. (ed.) *Selected Writings of Sir Edward Coke*. Vol. 3. Indianapolis: Liberty Fund.

Received: 02 April 2017

ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ №16-11-54002
«Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.)».*

Представлена характеристика октябрьских торжеств, которые устраивались в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны и в 1945 г. Основное внимание уделяется коммеморативной составляющей празднеств. Определяются место и роль коммемораций в праздничных сценариях, описаны их типичные примеры. Объясняется мобилизационное значение коммеморативных элементов торжеств. Сделан вывод о резком снижении внимания к революционной истории на уровне официальной праздничной риторики и о формализации культа Октября в годы войны.

Ключевые слова: октябрьские торжества; политический праздник; коммеморация; Сибирь.

В 2017 г. отмечается столетие Октябрьской революции, во многом определившей историческое развитие России в Новейшее время. По мере укрепления большевистского политического режима постепенно формировался культ Октябрьской революции, которую к концу 1930-х гг. официальная пропаганда преподносила как событие, открывшее новую эру всемирной истории. Власти были заинтересованы в унификации памяти отдельных групп советского общества о революции, высоко оценивая идеологический потенциал культа Октября. Массовые торжества годовщин революции уже в начале 1920-х гг. стали главным политическим праздником страны, нацеленным на формирование и укрепление советской идентичности, а также на легитимацию советской власти. Важное место заняли октябрьские торжества и в системе пропаганды военных лет. Несмотря на тяжелое военное и экономическое положение, страна ежегодно праздновала революционные годовщины, хотя, безусловно, акценты политики памяти в годы Великой Отечественной войны изменились по сравнению с предыдущим периодом.

В России традиция политических празднований, имеющих коммеморативное значение, довольно устойчива. Так, и сегодня актуализируются сценарии торжеств и праздничные риторические приемы, характерные для советской культуры коммемораций. Особенно это заметно при сравнении празднований годовщин Октябрьской революции и современных торжеств в честь годовщин Победы над фашистской Германией в 1945 г. Именно поэтому, на наш взгляд, актуально изучение коммемораций периода Великой Отечественной войны, особенно праздников и юбилеев. Заметно, что от стандартов их организации в некоторой степени зависят и современные массовые государственные празднования в России.

Цель данной статьи – охарактеризовать коммеморативные особенности Октябрьских торжеств, устраивавшихся в городах – областных центрах Сибири, – в условиях Великой Отечественной войны и в год ее окончания. Для этого здесь будет решена задача на примерах городов Барнаул, Иркутск, Красноярск, Новосибирск и Омск представить стандартные коммеморативные мероприятия, связанные с актуализацией коллективной памяти об Октябрьской революции. Во время войны отношение властей к памяти о револю-

ции было очень прагматичным. Все коммеморации отвечали целям социальной мобилизации. Поэтому еще одна задача нашего исследования – определить мобилизационное значение различных Октябрьских коммемораций. Стоит учитывать, что, будучи тыловым регионом, Сибирь имела специфичные «боевые задачи». Особой была и пропаганда, направленная на мобилизацию сил для победы в войне. Важно иметь в виду и то, что в Сибири, где не происходили боевые действия и не было фашистской оккупации, на протяжении всего военного периода не прерывалась советская коммеморативная традиция, однако она претерпела существенные изменения в годы войны.

История октябрьских торжеств в СССР первой половины XX в. исследовалась с разных точек зрения как российскими (Г.А. Бордюгов [1], С.Ю. Малышева [2], С.Н. Шаповалов [3]), так и зарубежными (М. Рольф [4], К. Петроне [5], Ф.К. Корни [6]) учеными. Свой вклад в разработку этой проблематики внесли также культурологи и политологи (А.С. Макашова [7], А.И. Щербинин [8]). К настоящему моменту охарактеризованы особенности организации празднований годовщин «Великого Октября» и их восприятия населением страны; установлены основные смыслы советской политики памяти, выразившейся посредством торжеств; показана взаимосвязь между советскими политическими культурами Октября, Сталина и Победы. История Октябрьских торжеств исследовалась преимущественно на материалах Татарстана (С.Ю. Малышева) и юга России (С.Н. Шаповалов). Автором данной статьи ранее была представлена динамика Октябрьских коммемораций в городах Западной Сибири на протяжении периода между 1919 и 1941 гг. [9. С. 149–174; 257–286]. Историки неоднократно обращались к параду советских войск в Москве, прошедшем 7 ноября 1941 г., когда враг находился на подступах к Москве [10. С. 298–300]. Однако подчеркнем, что до сих пор специально не изучались Октябрьские торжества в одном из основных тыловых регионов периода Великой Отечественной войны – в Сибири. Отметим лишь, что ранее нами были установлены особенности газетных репрезентаций октябрьских торжеств в городах Сибири, устраивавшихся во время ВОВ [11].

Характеризуя степень изученности темы, целесообразно также обратиться к работам, посвященным

сущности социальной мобилизации в сталинский период, поскольку советская политика памяти осуществлялась в контексте общих тенденций социальной мобилизации. Ее ключевые особенности выделены и описаны новосибирским историком С.А. Красильниковым, который определяет социальную мобилизацию как «целенаправленное воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий индивидов и отдельных групп для приведения общества в активное состояние, обеспечивающее поддержку реализации целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством» [12. С. 150]. В качестве базовых характеристик социальной мобилизации выделяются ее институциональность, всеохватность, непрерывность, интенсивность, агрессивность, конфликтность, экстраординарность и ресурсозатратность. Отмечено, что такой тип социальной мобилизации утвердился в СССР постепенно, войдя в зенит лишь в 1930-х гг. [13. С. 22].

В центре нашего внимания находятся коллективные торжества, связанные с увековечиванием памяти значимого для общества события. Поэтому базовой методологической опорой данного исследования служат работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как «*memory studies*», рассматривающего память в социальном контексте. В отечественной науке существует длительная традиция изучения памяти с точки зрения психофизиологии. Психологи обычно определяют память как способность человека сохранять, воспроизводить и забывать информацию. Существующий опыт изучения проблем коллективной памяти дает возможность увидеть зависимость индивидуальных воспоминаний от особых коллективных условий (коммуникативных, нарративных) и внешних воздействий. Проживая в обществе, индивид неизменно дополняет собственные воспоминания сюжетами, становящимися ему косвенно известными из воспоминаний других людей. Как правило, это касается общезначимых для социальных групп тем. Попытки намеренно «организовать» коллективную память о прошлом и предать ей определенную идеологическую окраску стоит признать проявлениями политики памяти, т.е. совокупности политических мер по фиксации и продвижению определенного образа прошлого, обращению к прошлому в интересах политического настоящего, в целях формирования определенной версии коллективной памяти о прошлом. О политике памяти можно говорить и как о комплексе процессов и способов, направленных на «упорядочивание» стихийно бытующей социальной памяти, о ее идеологизации.

Различные сообщества имеют разный коллективный опыт, который своеобразно осмысливается и отражается в коммеморациях. Коммеморация как более или менее сознательная деятельность, направленная на увековечивание памяти путем ее фиксации, сохранения, актуализации (реактивации) и трансляции, символически вводит прошлое в пласт современной культуры, работая над задачами самоопределения

личности и общества, адаптации человека к миру, планирования будущего. Как индивидуальная, так и коллективная память – это не только контент, но и процесс, что особенно заметно на примерах коммеморативных практик, к числу которых относятся и празднования годовщин исторических дат. О системе коммемораций, одной из важнейших характеристик которых является динамичное состояние, на наш взгляд, можно говорить как об особом языке мемориальной культуры, накапливающей множество различных воспоминаний о прошлом и его этических оценок. Мемориальная культура, функционирующая посредством систем коммемораций, представляет собой культуру увековечивания культуры, современной мемориализатору, и одновременно культуру реконструкции культуры, прошлой (ушедшей) по отношению к современности [14. С. 9].

В качестве основных источников данного исследования нами были использованы неопубликованные нормативные, распорядительные и делопроизводственные документы, хранящиеся в государственных архивах Новосибирска, Красноярска и Иркутска (ГАО, ГАКК, ГАНИО). Главным образом эти источники отражают подготовку и проведение октябрьских торжеств партийными советскими организациями. Важным источником данного исследования также стали ежедневные газеты, издававшиеся в Сибири в 1941–1945 гг.: «Алтайская правда» (Барнаул), «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), «Красноярский рабочий» (Красноярск), «Омская правда» (Омск), «Советская Сибирь» (Новосибирск). Нами были просмотрены номера этих изданий, выходившие в преддверии октябрьских торжеств, в праздничные дни и после праздников. Эти источники ясно отражают основные смыслы государственной политики памяти и позволяют судить о мобилизационном значении торжеств.

Итак, какие же стандартные массовые коммеморации неизменно устраивались в сибирских городах в годы Великой Отечественной войны к памятной дате 7 ноября? В общем и целом, праздничные сценарии мало изменились по сравнению с довоенным периодом. Еще в конце октября по радио транслировались выступления писателей с рассказами на темы революции и Гражданской войны («Боевые традиции в годы Гражданской войны», «Сибирь за 25 лет после Октября» и т.п.). Впервые за долгие годы актуализировалась тема истории Новосибирска. По радио читали альманах «Дореволюционный Новониколаевск – современный Новосибирск», что было связано с новой ролью в жизни страны этого города как тылового центра, куда эвакуировались предприятия из европейской части СССР [15. Оп. 6. Д. 143. Л. 145, 145 об.]. Перед праздником, в «ноябрьскую декаду», на предприятиях и в колхозах агитаторы обычно читали типовые лекции коммеморативного содержания, не связанные, однако, с темой революции. Посредством этих лекций стимулировался патриотический подъем. В 1941 г. в их числе были «Отечественная война 1812 г.», «Великий русский полководец А. Суворов», «Герои Отечественной войны». Ставшая традиционной с 1934 г. беседа, посвященная памяти С.М. Киро-

ва, переносилась с начала декабря на ноябрьскую декаду также для усиления пропаганды [15. Оп. 5. Д. 323. Л. 84]. Агитаторы старались максимально использовать героические культы, как сложившиеся в последние годы, так и новые, формировавшиеся на основе актуализации и перелицовки фигур российской культурной памяти.

Как и в предвоенные годы, в преддверии 7 ноября Сибирь охватывало Преоктябрьское социальное соревнование, отражавшее колоссальное напряжение сил оборонной промышленности. В 1941 г. положение СССР накануне главной памятной даты страны было критичным. Враг находился на подступах к Москве. От тружеников тыла требовалась максимальная мобилизация усилий для выполнения и перевыполнения производственных планов. Память о «героическом Октябре» в ходе социального соревнования использовалась, прежде всего, для стимуляции тыловиков на производственные подвиги. Уже перед 7 ноября торжественно подводились итоги и ставились новые производственные задачи. Широкое развертывание всесоюзного социального соревнования в преддверии XXV годовщины Октября (1942 г.) было нацелено на повсеместное выполнение планов. При этом на деле далеко не все планы выполнялись. В частности, из стенограмм выступлений первого секретаря Красноярского крайкома КПСС И.Г. Голубева по закрытым проводам следует, что планы хлебозаготовок в Красноярском крае в период войны выполнялись чуть более, чем на 50%. В 1943 г. Голубев требовал исправить ситуацию к 7 ноября, но в действительности край сдал на 3,5 млн тонн зерна меньше нормы, несмотря на угрозы арестами саботажников [16. Оп. 4. Д. 58. Л. 505, 507, 514].

Вопреки газетным заверениям не все сибиряки верили в Победу; наблюдавшие за населением осведомители фиксировали различные страхи и тревоги по поводу мощи немецкой армии. Некоторые открыто заявляли, что при удобном случае перейдут на сторону фашистов [15. Оп. 5. Д. 335. Л. 7]. Документы военных лет содержат многочисленные свидетельства о плохих условиях труда на оборонных предприятиях в военное время, например, регулярные жалобы рабочих эвакуированных предприятий, где подчас отсутствовали элементарные бытовые условия. Люди, помнившие Первую мировую войну, сравнивая прошлую и нынешнюю ситуации, констатировали, что теперь стало гораздо хуже: слишком много работы, голодно, низкие заработки [17. Оп. 3. Д. 1206. Л. 187]. Хотя рабочие были явно переутомлены, многие все-таки с энтузиазмом обещали выполнять и перевыполнять планы. Разумеется, далеко не все обещания и обязательства выполнялись, будучи лишь эмоциональным откликом трудящихся на пропаганду. Так, рабочие новосибирского завода «Большевик» обещали выполнить месячный план к 25 ноября, но уже через десять дней стало ясно, что они не справляются с этой задачей [Там же. Л. 4–5]. Борьба с «болтунами» стала отдельной проблемой. Однако реакции «болтунов», как и ударников, добивавшихся реальных результатов, интересны сами по себе, как отклик на пропаганду.

Действенность праздничной пропаганды может, на наш взгляд, объясняться с точки зрения логики мифо-

логического мышления, некоторые аспекты которого, по словам известного философа и этнолога М. Элиаде, «образуют важную составляющую часть самого человеческого существа» [18]. К тому же архаизация сознания и культурных практик является типичной в острых, кризисных ситуациях. Практически в любой традиционной культуре огромное значение имеют мифы и ритуалы, связанные с представлением о необходимом обновлении мира в Новый год для его спасения от деградации. Праздничный новогодний ритуал призван «восстановить или утвердить мир на следующие годы». М. Элиаде подчеркивал, что «при этом мир не только становится обновленным и стабильным, он также освящается символическим присутствием Бессмертных» [Там же]. В официальной советской мемориальной культуре годовщины «Великого октября» уже давно походили на традиционные новогодние торжества, поскольку отмечался еще один год новой «эры», начало которой «Краткий курс истории ВКП(б)» провозглашал, как мы уже упомянули, от 7 ноября 1917 г. Не совсем осознанная актуализация мотивов мифологических пластов культуры, происходившая на уровне пропаганды в условиях острой, кризисной ситуации в стране и связанных с ней эсхатологических страхов, видимо, отвечала потребностям населения Сибири. Большой традиционный праздник с подведением итогов ушедшего года, который ассоциируется с древними ритуалами сбора урожая, с «явлением» квазирелигиозной фигуры вождя, «говорившего» с народом, должен был успокаивать и воодушевлять население, вселять в сердца тыловиков веру в победу.

В 1941 г. и в последующие военные годы И.В. Сталин «являлся» 6 ноября на торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся и выступал с праздничной речью. Он поздравлял советский народ с годовщиной Октябрьской революции, традиционно рассказывал о военных и экономических достижениях СССР как за весь послереволюционный период, так и за последний год, отмечал существовавшие трудности, ставил новые «боевые задачи» для армии и тыла. Сталинские речи отражали главные смыслы пропаганды и политики памяти. На местах, в частности в Сибири, организовывались коллективные слушания этих речей по радио в прямом эфире. Сталина «напряженно слушали» рабочие, инженеры и технологи на заводах, вождю коллективно внимали представители местных элит (партийное и советское начальство, руководители промышленных предприятий, артисты, ученые), специально собиравшиеся на ночные торжественные заседания.

Коллективные слушания речей Сталина по радио в ночь с 6 на 7 ноября в годы войны заменили на вечера воспоминаний – коммеморативные мероприятия, традиционные организации которых коренятся еще в дореволюционных праздничных практиках и получила значительное развитие с 1920-х гг. Участники этих вечеров, проходивших в рабочих клубах и учреждениях, вспоминали Октябрьскую революцию, Гражданскую войну и героев этого периода. Во время Великой Отечественной войны данная практика прекратилась. В канун праздника лишь кое-где устраивались встречи

жителей сибирских городов с участниками Великой Отечественной войны, прибывшими с фронта и рассказывавшими о героических подвигах Красной армии [19]. Но акцент в преддверии праздника однозначно делался на речи вождя.

Всвязи с тем что Сталин выступал с предпраздничной речью, когда в Сибири была уже ночь, традиционные праздничные заседания местной администрации, которые до войны устраивались вечером 7 ноября, приходилось переносить: менялась и дата – с 7 на 6 ноября, и время – на более позднее. При изучении источников создается ощущение, что в областных центрах Сибири представители местных элит заседали не просто одновременно, но и *вместе с правительством*, стараясь полностью воспроизводить главное заседание страны в колонном зале. Исключительность мероприятия подчеркивалась выбором места. Так, в 1942–1944 г. новосибирцы заседали в еще не открытом официально, хотя и построенном, самом большом театре страны – театре оперы и балета.

На торжественных заседаниях присутствовали первые секретари обкомов и крайкомов ВКП(б), председатели облисполкомов и крайисполкомов, а также их заместители, заведующие отделами облисполкомов и крайисполкомов, секретари горкомов партии, заведующие отделами горкомов, представители от горисполкомов, обкомов, крайкомов и горкомов комсомола, председатели горсоветов, начальники областных и краевых управлений НКВД, представители гормилиции, военкоматов, генералы, депутаты Верховного совета, директора промышленных предприятий и секретари заводских парткомов, директора театров, заслуженные артисты, композиторы, писатели, профессора, ударники, герои СССР, главные редакторы и корреспонденты местных газет. План мероприятия был прописан по минутам. Торжественное заседание открывал председатель горисполкома. Следом, заранее утвержденный народный или заслуженный артист, объявлял состав почетного президиума, куда неизменно заочно выбирали И.В. Сталина и членов правительства. Программа мероприятия включала доклад секретаря обкома (крайкома) партии, приветствия пионеров и школьников, зачитывание заранее составленного письма Сталину, трансляцию его доклада по радио и праздничный концерт [17. Оп. 3. Д. 1207. Л. 192–226; 20. Л. 1–16].

Речи секретарей обкомов (крайкомов) составлялись по шаблонам. Секретари должны были говорить о том, что страна встречает очередную годовщину Октября в особой военной обстановке, превратившись в «единый боевой лагерь». Далее приводилась официальная трактовка исторического значения революции, сводившаяся к мысли о том, что «благодаря революционному переустройству страны... наша Родина преодолела вековую отсталость, окрепла, усилилась настолько, что в состоянии бороться за свою независимость с любым врагом» [20. Оп. 1. Д. 635 Оп. 1. Д. 635 Л. 4–6]. Примечательно, что из торжественных речей военных лет исчезло упоминание о крови героев Октября и Гражданской войны, пролитой за идеалы революции. Жертв «колчаковщины» на официальных мероприятиях в годы войны не вспоминали.

В 1942 г. речь секретаря новосибирского обкома партии М.В. Кулагина началась призывом почтить память погибших в Великой Отечественной войне вставанием. Далее следовала краткая, формальная коммеморативная часть выступления, посвященная главным образом производственной тематике. Кулагин перечислял достижения пятилеток и говорил о том, что «Октябрьская социалистическая революция вывела нашу Родину на путь процветания и обеспечила ее технико-экономическую независимость» [17. Оп. 3. Д. 1207. Л. 225].

Стандартные коллективные письма Сталину также содержали коммеморативные мысли. К примеру, в новосибирском письме 1942 г. говорилось: «Шестнадцать месяцев войны показали, что созданный Октябрьской революцией советский строй рабочих и крестьян, основанный на великой дружбе народов, является самым прочным строем в мире...» [Там же. Оп. 1. Д. 635. Л. 248]. Сложно понять чувства людей, писавших, принимавших и отправлявших вождю эти высокопарные послания. Источники не содержат комментариев сибиряков. Однако мы можем полагать, что, с одной стороны, письма были лишь элементом официальной церемонии, скучной и затянутой. Но неточное исполнение церемонии прочтения, принятия и отправки писем было наказуемо. Поэтому письма, каким бы нелепым ни был стандарт их составления, неизменно готовили заранее, публично зачитывали и отправляли кремлевскому адресату. С другой стороны, в условиях войны население очевидно нуждалось в консолидирующих ритуалах, текстах, укреплявших веру в Победу, в иллюзии личной, живой коммуникации с вождем. Поэтому письма могли восприниматься со вполне искренними «верноподданническими» чувствами.

Глубокой ночью, после коллективного слушания речи вождя, в которой повторялись мысли, уже кратко озвученные местными докладчиками, начинался концерт. Приведем пример концерта, состоявшегося в Красноярске в 1943 г. Большинство номеров было музыкальными: звучали песни о Сталине и украинские народные песни, исполнявшиеся хором, а также фрагмент баллады «Александр Невский», озаглавленный в программе как «Слово Александра Невского перед Ледовым побоищем» (сл. Б. Липатова, муз. Е.И. Русинова). Номеров, посвященных темам революции и Гражданской войны, в программе не было [20. Оп. 1. Д. 833. Л. 12].

В 1941 г., когда методика работы с речами вождя в условиях военного времени еще не была практически отработана, членам новосибирского Горкома партии пришлось провести экстренное ночное совещание с секретарями райкомов для того, чтобы успеть дать указания, касавшиеся того, как разъяснять населению содержание речи Сталина 7 ноября и в последующие дни (8 и 9 ноября). Для «глубокого изучения» речи вождя требовалось организовать серию митингов, собраний женщин и молодежи, устроить публичные читки газет, лекции, занятия в кружках, даже выставки [17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 10].

7 ноября речь Сталина уже была опубликована на первой полосе каждой местной газеты. В последующие дни во всех учреждениях и на предприятиях аги-

таторы, используя газетные публикации, объясняли населению, прежде всего, новые производственные задачи, поставленные вождем. Предполагалось, что усвоить и принять как руководство к действию содержание сталинских речей обязан каждый. А уже 8 ноября секретари райкомов отчитывались перед горкомами о результатах агитационной работы. Каждый сообщал о том, какое количество рабочих взяло на себя обязательства о перевыполнении производственных планов. Многие с гордостью сообщали, что на вверенных им участках работы звучали обещания перевыполнять планы на 200, 250 и даже на 400% [17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 4]. Некоторые реальные достижения сибирских стахановцев поражают. На новосибирском авиационном заводе им. В.П. Чкалова ударниками отмечалось перевыполнение плана даже на 1 000% [Там же. Д. 1206. Л.18].

Основные торжества проходили в городах Сибири, как и до войны, 7 ноября. Хотя в существовавших условиях приходилось на многом экономить, траты на праздничный декор и визуальную пропаганду считались необходимыми. Сохранилось описание праздничного декора центральной площади Новосибирска в 1942 г., подготовленного к XXV годовщине Октября. Здание Сибкрайсоюза украшалось портретами вождей. Визуальный акцент был сделан на фигуре Сталина – «творца социалистического общества и сталинской конституции, великого полководца Отечественной войны советского народа». Изображение сопровождалось надписью «Все наши силы на поддержку нашей героической армии, нашего славного красного флота!». Вторым по значению было изображение Ленина на трибуне, которое сопровождалось цитатой из речи Сталина: «Дух великого Ленина, его победоносное знамя вдохновляет нас теперь на Отечественную войну». В праздничном оформлении здания госпиталя присутствовали и изображения бойцов Гражданской войны. Другие здания площади также украшались. Однако все прочие праздничные панно практически не имели коммеморативного смысла, отражая темы тыла Отечественной войны, борьбы с врагом и героизма фронтовиков [Там же. Д. 1207. Л. 183–187].

В газетах даются многочисленные описания демонстраций и военных парадов в городах Сибири. Большое внимание в печати уделялось параду, описанию шествия доблестных воинов, готовых отправиться на фронт и уже вернувшихся с фронта. Хотя подчеркивалось, что на демонстрации собирались десятки тысяч жителей городов, в печати сообщалось и о том, что в годы войны некоторые предприятия Сибири отказывались от участия в демонстрациях и продолжали работать 7 ноября, максимально мобилизуя силы для помощи фронту [21]. Обычно демонстрацию открывали дети. Кратко сообщалось о митинге на центральной городской площади. Приводились основные тезисы из речей выступавших. В военное время редакции газет экономили бумагу, поэтому опускалась информация, имевшая отношение к революционной тематике, и делался акцент на частных успехах и победах в текущей войне.

Однако стенограммы этих речей сохранились в сибирских архивах. Примеры таких записей демон-

стрируют наличие в речах, звучавших на митингах, коммеморативных разделов. Впрочем, слова и мысли, обращенные к революционному прошлому, были незамысловаты и предсказуемы, например: «Вспомним, как молодая, разоренная, плохо вооруженная республика наша громилла полчища белогвардейцев и интервентов... Мы победили потому, что нами руководила великая партия Ленина-Сталина. Вспоминая об этих годах, мы еще больше проникаемся уверенностью в нашей победе над гитлеровскими разбойничьими полчищами...» [17. Оп. 3. Д. 1207. Л. 230]. Новых идеологических формулировок коммеморативного характера не появлялось вплоть до 1945 г.

В канун октябрьских торжеств 1945 г. политические настроения сибиряков были различными. Население ощущало не только радость победы, но и высказывало недовольство многими обстоятельствами. Победивший народ явно устал от трудовых подвигов. Однако поставленные правительством задачи восстановления экономики после войны по-прежнему предполагали перенапряжение производительных сил сибиряков. Отмечалось, что радость победы вызывала новый подъем трудового энтузиазма, но подобное умонастроение было свойственно далеко не всем. Рабочие эвакуированных предприятий требовали, чтобы им разрешили вернуться домой, проклиная Сибирь как место ссылки. Другие просили отпусков, установления восьмичасового рабочего дня, многие просто увольнялись [Там же. Д. 1694. Л. 45–48; Д. 1698. Л. 26–26 об.]. Поэтому октябрьские торжества в 1945 г. были вновь ориентированы на цели трудовой мобилизации.

Отдельного внимания заслуживают парады и демонстрации 7 ноября 1945 г. Газеты Сибири преподносили эти уличные торжества как особенно грандиозные и долгожданные: «Мы все ждали этого четыре года. Мы знали, что он будет! Первый праздник Великого Октября после победы!» [22]. «Алтайская правда» назвала праздничную демонстрацию «демонстрацией преданности великому делу Ленина и Сталина» [23]. В этой публикации подчеркивалась уже существовавшая ранее мысль о связи между завоеваниями Октябрьской революции и Великой Победой, но теперь появилась возможность говорить о том, во что прежде лишь верили, как о фактически свершившемся: «В жестоких схватках мы отстаивали завоеванные кровью наших отцов свободу нашу, счастье наше». В печати воспроизводились слова В.М. Молотова о том, что народ воевал за государство, созданное Октябрьской революцией. Победу в Великой Отечественной войне газеты преподносили как доказательство того, что новое поколение советских людей достойно памяти поколения отцов, основавших справедливый социалистический мир, во всем превосходящий капиталистический. Звучали также ноты национальной гордости. Неоднократно подчеркивалось, что «Россия в который раз спасла Европу от варваров». Описание торжеств в Сибири содержало формулировки о «колоннах демонстрантов – тружеников тыла», которые рассматривались как основные герои местного масштаба. Газеты вообще не обращали внимания на историю революции в Сибири, не упоминали героев-революционеров и деятелей подполья вре-

мен «колчаковщины». Судя по газетным источникам, 7 ноября 1945 г. сибиряки, прежде всего, праздновали свою победу в Великой Отечественной войне, на которую их так активно настраивала пропаганда последних четырех лет, в том числе используя октябрьские торжества как повод.

В довоенные годы 7 ноября для населения городов Сибири обычно предлагалась насыщенная культурная программа: театральные постановки, концерты, цирковые представления, показы кино. Эта традиция не прервалась и в военный период. Тем более что в Сибирь были эвакуированы столичные театральные труппы и музыкальные коллективы. В 1941 г. накануне праздника газеты Новосибирска анонсировали выступления артистов Ленинградской филармонии, джазового оркестра под руководством Л. Утесова, комедийных спектаклей ленинградского ТЮЗа [19]. Эти зрелища были ориентированы на то, чтобы поднять «боевой дух» труженников тыла, скрасить их тяжелые будни, отвлечь от переживаний. Также в год начала войны перед праздником были организованы показы довоенных кинолент, ориентированные на массового зрителя: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.», «Оборона Царицына», «Человек с ружьем», «Выборгская сторона», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Чапаев», «Щорс» [15. Оп. 6. Д. 143. Л. 146]. Рассказами о героических подвигах полководцев прошлого в преддверье 7 ноября пестрели и сибирские газеты [24, 25]. Актуализированные в период войны героические фигуры русской культурной памяти активно использовались на уровне пропаганды. Эта тенденция усиливалась с 1943 г., что было связано с акцентом на противопоставлении всему немецкому как вражескому. В результате и много лет спустя после войны сибиряки вспоминали типичные для военных лет рифмовки и куплеты. В мемуарах иркутянки А.П. Гавриловой приводится сюжет о письмах пионеров, адресованных солдатам. По словам мемуаристки, дети писали: «Часто рассказываем стих, сочиненный про вас: “Бьёмся мы гордо, бьёмся отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева”» [26. Ф. 393. Оп. 6. Д. 37. Л. 9]. На самом деле это четверостишие сочинили не пионеры, а поэт С.Я. Маршак. Оно было взято с популярного военного плаката Кукрыниксы. В памяти мемуаристки отложился не совсем точный плакатный текст. В оригинале звучало «Бьёмся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева».

В последующие годы 6–8 ноября в кинотеатрах показывали как свежие фильмы на темы текущей войны, так и фильмы прошлых лет, связанные с темой Октябрьской революции. Например, в Новосибирске

в 1944 г. кинотеатр им. Маяковского приглашал зрителей посмотреть фильм Л. Арнштама «Зоя», повествующий о героически погибшей юной партизанке Зое Космодемьянской, кинотеатр «Октябрь» – фильм М. Ромма «Ленин в Октябре», кинотеатр «Металлист» – свежую картину А. Файнцимера «Котовский» [27]. Показательно, что 7 ноября 1945 г. кинотеатры демонстрировали картины на военные темы. Однако фильмов и спектаклей об Октябрьской революции и Гражданской войне в репертуаре почти не было.

Подведем итоги. В 1941–1945 гг. типовой сценарий празднования годовщин Октябрьской революции претерпел изменения. Коммеморативная составляющая октябрьских торжеств ослабла. Практически исчезли отдельные коммеморативные практики, популярные до войны. Так, в городах Сибири перестали устраивать вечера воспоминаний, которые раньше повсеместно проходили 6 ноября. Центральное место в праздничных сценариях заняли речи И.В. Сталина, в которых подводились промежуточные итоги войны и ставились новые боевые задачи. Речи партийных функционеров, звучавшие на местах, были шаблонными и повторяли содержание речи Сталина. Если до войны кульминацией праздника являлись уличные демонстрации 7 ноября, то в военный период ритуал слушания речи Сталина в прямом эфире рассматривался как более массовое и важное мероприятие. Вечером 7 ноября по-прежнему показывали революционные фильмы, как старые, так и новые. Однако в репертуаре кинотеатров появилось много картин на актуальные темы Отечественной войны. Воспоминания об Октябрьской революции теперь практически не звучали. А праздник использовался главным образом для мобилизации труженников тыла на новые производственные достижения, связанные с помощью фронту. Память о «Великом Октябре» стала лишь фоном торжеств. Прекратились чествования героев революции, в ходе празднований не уделялось внимания местной истории революции и Гражданской войны. Тема революции практически исчезла и из газетных репрезентаций. Особенно это заметно на примерах газет 1945 г. Печать стремилась установить в коллективной памяти новую концептуальную рамку: русский народ является героическим и победоносным, что подтверждают его история и современность; победа в войне доказала верность того пути исторического развития, на который страна встала после революции. Героический газетный нарратив, как и праздничная риторика в целом, не допускал обращения к темам жертв, ошибок и трудностей. Праздничная пропаганда внушала населению новое понимание значения «завоеваний Октября», благодаря которым советский народ выстоял в войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа : культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. 256 с.
2. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005. 400 с.
3. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 27 с.
4. Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. 440 с.
5. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade : Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. 266 p.
6. Corney F.C. Telling October : Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca ; N.Y., 2004. 266 p.
7. Макашова А.С. Государственные праздники в современной культуре России. Рецепция исторического наследия : автореф. дис. ... канд. культурол. СПб., 2014. 21 с.

8. Щербинин А.И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы : политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.
9. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. 572 с.
10. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2016. 464 с.
11. Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в провинции: особенности газетных репрезентаций (на материалах городов Сибири в 1941–1945 гг.) // Провинциальные научные записки. 2016. № 2. С. 47–55.
12. Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 150–159.
13. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н.Б. Арнаутов, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск, 2013. 419 с.
14. Святославский А.В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013. 588 с.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4.
16. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26.
17. ГАО. Ф. П-22.
18. Элиаде М. Аспекты мифа // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php (дата обращения: 04.01.2017).
19. Работники искусства – к годовщине Октября // Советская Сибирь (Новосибирск). 1941. 4 нояб.
20. ГАКК. Ф. П-17.
21. 7 ноября на площади Сталина // Советская Сибирь (Новосибирск). 1941. 8 нояб.
22. В Новосибирске // Советская Сибирь (Новосибирск). 1945. 10 нояб.
23. Демонстрация преданности великому делу Ленина-Сталина // Алтайская правда (Барнаул). 1945. 10 нояб.
24. Бахрушин С. Минин и Пожарский // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1943. 3 окт.
25. Тихомиров М. Дмитрий Донской // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1943. 4 окт.
26. Государственный архив Новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). 393. Оп. 6. Д. 37.
27. [Объявления] // Советская Сибирь (Новосибирск). 1944. 6 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 февраля 2017 г.

OCTOBER CELEBRATIONS IN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: A COMMEMORATIVE ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 144–151.

DOI: 10.17223/15617793/419/19

Yekaterina I. Krasilnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: October celebrations; political celebration; commemoration; Siberia.

The aim of the article is to characterize the commemorative features of the October celebrations, arranged in the cities – the regional centers of Siberia – during the Great Patriotic War and in the year of its completion. The author used unpublished office documents stored in four archives of Siberia, daily newspapers published in Novosibirsk, Omsk, Barnaul, Krasnoyarsk and Irkutsk (1941–1945) as research sources. The author determines the place and role of commemorations in festive scenarios, their typical examples are presented. Also special conditions of celebrations peculiar to Siberia during the war period have been determined, and the mobilization value of commemorative events has been explained. The author has ascertained that in the years of the Great Patriotic War the typical scenario of celebrating anniversaries of the October revolution changed. The commemorative component of the October celebrations waned. The revolution was briefly and generally mentioned. Certain commemorative practices popular before the war, for instance evenings of commemoration, almost disappeared. In festive scenarios, the focus was on the collective listening to live radio broadcast of the speeches of Joseph Stalin. On 7 November the leader congratulated the people on the anniversary of the revolution, gave an official assessment of its value, summed up the interim results of the war and set new fighting tasks. Speeches of party functionaries made in the course of the celebrations locally were formulaic and mostly repeated the content of Stalin’s speech. On 7 November parades and demonstrations were still held in the cities of Siberia. The history of the revolution became a backdrop but not the main content of the celebration, which was used with the purpose of strengthening patriotism, indoctrination of the population with the faith in victory and the mobilization of the Siberians for labor feats to help the front. In the evening of 7 November revolutionary films, both old and new, were still shown in cinemas of Siberia. At the same time, a lot of films on topical issues of World War II appeared in the repertoire. During the wartime, on 7 November there was almost no reminiscing of the October revolution at official events. Honoring the heroes of the revolution halted. During celebrations no attention was devoted to the local history of the revolution and Civil War, reminiscing the casualties of Kolchak’s regime ceased in Siberia. In the beginning of the war, on 7 November the following slogan was used: “We will not give back the attainments of the October revolution”! By the end of the war the propaganda reflected the new official concept of the October revolution. The heroism and victory of the Russian people was proclaimed. It was confirmed by examples of revolutionary history and by examples of the Great Patriotic War. In 1945 propaganda reported that the victory in the Great Patriotic War proved that the path of the historical development that the Russians followed after the revolution was right.

REFERENCES

1. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr’. Stalin. Pobeda: kul’t yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
2. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul’tura v provintsii: prostranstvo, simvol, mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
3. Shapovalov, S.N. (2011) *Istoricheskaya transformatsiya rossiyskikh (sovetskikh) gosudarstvennykh prazdnikov v 1917–1991 gg. (na materialakh Krasnodarskogo kraia i Rostovskoy oblasti)* [Historical transformation of Russian (Soviet) state holidays in 1917–1991. (On the materials of Krasnodar Krai and Rostov Oblast)]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnodar.
4. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovyie prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V. Altukhov. Moscow: ROSSPEN.
5. Petrone, K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
6. Corney, F.S. (2004) *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press.

7. Makashova, A.S. (2014) *Gosudarstvennye prazdniki v sovremennoy kul'ture Rossii. Retseptsiya istoricheskogo naslediya* [Public holidays in the modern culture of Russia. Reception of the historical heritage]. Abstract of Culture Studies Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Shcherbinin, A.I. (1998) Totalitarnaya indokrinatsiya: u istokov sistemy: politicheskie prazdniki i igry [Totalitarian inoculation: at the origins of the system: political holidays and games]. *Polis*. 5. pp. 79–96.
9. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – sereдина 1941 g.)* [Remember not to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid-1941)]. Novosibirsk: NSTU.
10. Khlevnyuk, O.V. (2016) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. Life of a leader: biography]. Moscow: Corpus.
11. Krasil'nikova, E.I. (2016) Oktyabr'skie torzhestva v provintsii: osobennosti gazetnykh reprezentatsiy (na materialakh gorodov Sibiri v 1941–1945 gg.) [October celebrations in the provinces: peculiarities of newspaper representations (on materials of Siberian cities in 1941–1945)]. *Provintsi-al'nye nauchnye zapiski*. 2. pp. 47–55.
12. Krasil'nikov, S.A. (2011) [Social mobilization as a system characteristic of the Stalinist regime: nature, forms, functions]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* [History of Stalinism: results and problems of study]. Proceedings of the international conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 150–159. (In Russian).
13. Arnautov, N.B. et al. (2013) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalin's society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Svyatoslavskiy, A.V. (2013) *Istoriya Rossii v zerkale pamyati: mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [The history of Russia in the mirror of memory: the mechanisms of the formation of historical images]. Moscow: Drevlekhranilishche.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. (In Russian).
16. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-22. (In Russian).
18. Eliade, M. (2005) *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Translated from French by V. Bol'shakov. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php. (Accessed: 04.01.2017).
19. Sovetskaya Sibir'. (1941) Rabotniki iskusstva – k godovshchine Oktyabrya [Art workers to the anniversary of October]. *Sovetskaya Sibir'*. 4 November.
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-17. (In Russian).
21. Sovetskaya Sibir'. (1941) 7 noyabrya na ploshchadi Stalina [November 7 on Stalin Square]. *Sovetskaya Sibir'*. 8 November.
22. Sovetskaya Sibir'. (1945) V Novosibirske [In Novosibirsk]. *Sovetskaya Sibir'*. 10 November.
23. Altayskaya pravda. (1945) Demonstratsiya predannosti velikomu delu Lenina-Stalina [Demonstration of devotion to the great cause of Lenin-Stalin]. *Altayskaya pravda*. 10 November.
24. Bakhruhin, S. (1943) Minin i Pozharskiy [Minin and Pozharsky]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 3 October.
25. Tikhomirov, M. (1943) Dmitriy Donskoy. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 4 October.
26. State Archive of the New History of the Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 393. List 6. File 37. (In Russian).
27. Sovetskaya Sibir'. (1944) [Ob'yavleniya] [Announcements]. *Sovetskaya Sibir'*. 6 November.

Received: 08 February 2017

П.В. ВОЛОГОДСКИЙ И ПРИСЯЖНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ В СИБИРИ

Рассмотрены процесс становления адвокатуры в сибирских условиях и участие в нем будущего премьер-министра антибольшевистских правительств П.В. Вологодского. В конце XIX столетия, когда присяжные поверенные начинали разворачивать деятельность в Азиатском Зауралье, в их состав вступил П.В. Вологодский. Он внес существенный вклад в развитие нового для региона судебного учреждения, способствовал его совершенствованию своим ответственным отношением к профессии и критикой коллег, став признанным лидером адвокатов огромного края.

Ключевые слова: П.В. Вологодский; Сибирь; судебные преобразования; адвокатура; присяжные поверенные.

В рядах присяжной адвокатуры дореволюционной Сибири заметной фигурой был Петр Васильевич Вологодский. Однако отечественная историография, указывая на его включенность в жизнь сообщества местных адвокатов и деятельность в качестве защитника прав подданных (пожалуй, ближе всех исследователей к изучению данных вопросов подошли И.Г. Адоньева [1] и Е.А. Казакова [2]), не освещает условия и отношения, позволившие ему занять первенствующие позиции среди присяжных поверенных, не оценивает степень влияния знаменитого сибиряка на решение важнейших проблем адвокатской корпорации и потому упускает важные обстоятельства развития последней. Кроме прочего, пробел в знаниях о выдающемся сибирском судебном деятеле и региональной адвокатуре, вероятно, является следствием малого внимания к историческим источникам, отражающим обозначенные стороны биографии адвоката (например, открыв отчеты совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты, историк обнаружит имя П.В. Вологодского в числе наиболее упоминаемых), или результатом небольшого интереса к исследовательским подходам, подталкивающим применять микроисторическую детализацию.

Между тем использование законодательных актов, документов государственных и общественных организаций, делопроизводственной документации, извлеченной из архивных фондов, и материалов периодической печати позволяет раскрыть новые страницы в судьбе Петра Васильевича и летописях адвокатской организации, начало которой в России было положено судебной реформой 1864 г. Накануне преобразования судопроизводство основывалось на розыскных началах, состязательность не действовала, пересмотр приговоров и решений производился в ревизионном порядке, потому в заседаниях судов отсутствовало место адвокатам. Совершенно иной порядок предусматривался впредь: рассмотрение дел становилось гласным, устным, состязательным и вместе с принципом презумпции невиновности ограждало свободы подсудимых. В ряду либеральных судебских институтов и механизмов достойное место тогда заняли защита и занимавшая ей адвокатура в лице присяжных поверенных; они же оказывали квалифицированную юридическую помощь участникам гражданских процессов.

В Сибири такой строй вводился со значительными опозданием и особенностями. Закон 25 февраля 1885 г. внедрил состязательность в сибирское судопроизводство, и, казалось бы, адвокатура теперь

должна была развернуть бурную деятельность. Однако из-за существенных ограничений порядка соперничества сторон сфера приложения адвокатуры оказалась чрезвычайно узкой. Так, по делам о важнейших преступлениях подсудимому председателем суда назначался защитник лишь из состоявших при судебном учреждении чиновников или из неких «посторонних лиц». В случае недостатка желающих выступить в качестве заступника подсудимого таковой ему просто не определялся [3. № 2770. Ст. 23]. Примененный режим в сибирской прессе сразу подвергся критике: «Не менее странно и установленное правилами 25 февраля ограничение уголовной защиты допущением ее лишь по делам, самым безнадежным для подсудимых в коронном суде, и притом единственно по назначению председателей судов» [4].

Таким образом, в середине 1880-х гг. жители региона получили некоторое урезанное право на защиту, но на практике ее предоставляли в подавляющем большинстве случаев не профессиональные адвокаты, а мелкие чиновники, нередко случайные люди и даже откровенные проходимцы. Среди них в условиях архаичного правосудия начинал карьеру юрист П.В. Вологодский [5]. Крутой профессиональный поворот в его судьбе случился, когда в родном крае на основе закона 13 мая 1896 г. вводились Судебные уставы Александра II [6. № 12932], хотя и пережившие к тому времени реакционные нападки и значительные изменения, но по-прежнему верные состязательности и делавшие ставку на участие в разбирательствах дел адвокатуры. Работа реформированных судов была запущена 2 июля 1897 г., сопровождаясь необыкновенным ажиотажем и восторгами сибиряков. «Русские ведомости» писали, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский» [7]. Редкое периодическое издание обошло это событие стороной. «И печать местная, и русская, — указывалось в «Русском богатстве», — повсеместно приветствовала 2 июля — день введения новых судебных учреждений в Сибири» [8. С. 176]. По наблюдению корреспондента «Восточного обозрения», «почти все газеты и журналы» посвятили статьи установлению судов в крае [7], весть о столь знаменательном мгновении распространило Российское телеграфное агентство [9], тот день в сибирской прессе называли «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири» [10], и даже «началом новой эры» [11].

Однако тут же П.В. Вологодский, не разделив общего ликования, поскольку сразу усмотрел в устрой-

стве новой юстиции существенные недостатки, «записался в сословие присяжных поверенных» [12], благо, высшим юридическим образованием и стажем в судебном ведомстве, требуемыми уставами для получения такого адвокатского звания, он обладал. Новая профессия, позволив ему окончательно связать жизнь с правосудием и в дальнейшем на практике отстаивать права человека и общества, согласуя их с интересами справедливости, оказалась удачным выбором. Позже, 25 мая 1918 г., в его дневнике указывалось: «Я так люблю судебное дело и вовсе не чувствую потребности в бурной политической деятельности» [13. С. 58]. Вместе с тем труженик сибирской прессы, один из самых видных региональных публицистов [14. С. 296, 299], он представлял собой тип энергичного и ответственного юриста, заботившегося о народных чаяниях и за стенами судебных заведений. Участие в разнообразных общественных объединениях, членство в правлениях благотворительных, просветительских и иных учреждений, депутатство в Томской городской думе, избрание в депутаты II Государственной думы (правда, как общеизвестно, «роспуск Думы застал его по дороге в Петербург» [15]) и т.п. в дальнейшем только прославили его имя.

Фундаментом успехов на остальных фронтах деятельности служила полезная и плодотворная работа Петра Васильевича над совершенствованием собственного профессионального сообщества – адвокатского сословия (с этим названием обычно соотносили, прежде всего, элитную группу адвокатов – присяжных поверенных). В Сибири с введением Судебных уставов в своем становлении оно испытывало серьезные трудности. Отдельные из них обуславливались объективными сложностями, диктовавшимися условиями в некоторых отношениях отсталого края. Местных юристов здесь не было (Томский Императорский университет пока ограничивался подготовкой медиков), следовательно, рассчитывать приходилось исключительно на приезжих дипломированных специалистов. Должно было пройти время, чтобы правоведов для юстиции начал поставлять учрежденный 29 декабря 1897 г. в дополнение к медицинскому юридический факультет в университете Томска¹. Первые студенты покинули тот с дипломами правоведов в 1902 г. [20. С. 505], а вот уже за последующие десять лет, по сведениям университетского профессора и ректора В.В. Сапожникова, «юридический факультет выпустил больше 400 лиц, пополнивших своими молодыми силами новые сибирские суды» [21. С. 7].

Для достаточного наполнения адвокатуры этого все равно не хватало, и на протяжении деятельности П.В. Вологодского томским присяжным поверенным численность его коллег в регионе оставалась незначительной и не достигала среднего российского уровня². При общем недостатке адвокатов в расселении последних по территории региона с момента первых шагов реформированной юстиции замечалась неравномерность. Например, в Тобольске, где расположился окружной суд и потребность в юридической помощи сразу становилась весьма ощутимой, в июле 1897 г. имелся единственный присяжный поверенный.

Когда туда приехал еще один, то не задержался там, найдя лучшим уехать в Тюмень [24]; а в Восточную Сибирь двинулся довольно широкий поток лиц, готовых оказывать услуги правового характера, и газета «Восточное обозрение», говоря о большом количестве приезжающих адвокатов, констатировала: «Едва прошел месяц, и уже поговаривают, что предложение может превысить спрос» [7]. В дальнейшем указанная неровность не сгладилась. На 1899 г. огромная Тобольская губерния имела лишь одного – С.Э. Ушакова – присяжного поверенного, а например, Томская и Иркутская – 10 и 11 соответственно [25. Л. 5–5 об.; 26. Л. 2, 5]. Полные сведения о местопребитании присяжных поверенных в округах обеих сибирских судебных палат³ на 1 января 1914 г. (по отчетам адвокатских советов без включения проживавших за пределами округов лиц) таковы: Иркутск – 28; Томск – 23; Омск – 20; Владивосток – 18; Барнаул и Благовещенск – по 11; Чита и Харбин – по 9; Новониколаевск – 8; Красноярск – 7; Семипалатинск – 6; Тюмень – 4; Тобольск – 3; Каинск и Петропавловск – по 2; Усть-Каменогорск, Павлодар, Каракалинск, Камень, Бийск, Ялуторовск, Курган – по 1 [28. С. 102–104; 29. С. 2]. Итак, огромное количество городов оставалось без присяжной адвокатуры⁴, но П.В. Вологодскому посчастливилось трудиться в населенном пункте с наибольшим в Западной Сибири количеством полноправных адвокатов и быть в эпицентре жизни сословия.

Еще в дни проведения судебной реформы он был свидетелем того, как в Томск «с разных концов матушки России съехались лица, стремившиеся вступить в сословие присяжных поверенных или зачислиться частными при Томском окружном суде» [31]. Подводя итог годовой деятельности сибирской адвокатуры, Петр Васильевич выражал явное недовольство качеством контингента приезжих коллег. Ему приходилось восклицать: «А адвокаты, эти проповедники правды, защитники чести и свободы населения, эти творцы права и насадители правосознания в народе, что они внесли в Сибирь нового, светлого? Мы не видим что-то блестящих талантов, не слышим мужественных и сильных защитников, в судах из уст адвокатов, по большей части, мы слышим лишь как бы жалкий лепет младенцев юридического образования или нахальный вызывающий тон невежды, а в общественных местах из тех же уст нередко слышится брань, а подчас рассказывается и о рукопашных схватках этих новых просветителей Сибири» [32].

Вероятно, будущий премьер-министр желал от зарождавшейся сибирской адвокатуры несколько больше того, на что она в принципе была способна, а может, ревностное и пристрастное отношение к новоявленному поверенным формировалось его мгновенным в условиях судебного реформирования переходом в разряд бывалых местных юристов со свойственной старожилам нетерпимостью и повышенной требовательностью к свежим людям. Вместе с тем, действительно, «золотой век» русской адвокатуры уже остался в прошлом, и сословие заслуживало критики, правда, она бывала чрезмерной и даже неразборчивой (образчиком служит распространявшийся по стране в

конце XIX в. памфлет пасквильного содержания присяжного поверенного В.В. Птицына «Древние адвокаты и наши присяжные Цицероны» [33]). Автор настоящих строк, давно изучая практиковавшуюся разными сибирскими окружными судами процедуру отбора адвокатов, не возьмется сказать, что установленные и применяемые для отсева недобросовестных и неквалифицированных поверенных фильтры имели существенные изъяны. Недаром «Томский листок» по поводу отказов просившим работу адвокатам сообщал: «Местный окружной суд, по имеющимся у нас сведениям, довольно строго и осторожно относится к подобного рода ходатайствам, тщательно собирая сведения, главным образом, об этическом багаже претендентов на эти звания, и не один из них уже ушел, не солоно хлебавши» [31]. К тому же среди вновь прибывших в Сибирь поверенных имелись весьма достойные и опытные лица, к которым негативные оценки героя данной статьи явно не подходили. Скажем, в 1897 г. жителем Иркутска стал будущий первый председатель совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты М.С. Стравинский (совет избран 23 февраля 1907 г. [34. Л. 1–2]), числившийся в сословии с 3 августа 1879 г. [35. С. 190] и имевший, судя по отзывам с предыдущих мест работы, безукоризненную профессиональную и нравственную репутацию⁵.

Детально критикуя сибирскую судебную систему, П.В. Вологодский в некоторых публикациях обходил стороной проблемы организации адвокатуры⁶. Иные тексты и последующая карьера, однако, свидетельствовали, что автономия сословия им признавалась безусловно и жизненно необходимой. В России понимание этого сформировалось, разумеется, накануне судебной реформы 1864 г. Например, еще совсем молодой П.Н. Ткачев, ставший позже одним из идеологов революционного народничества, тогда рассуждал: «Везде, где только преобладает в судах состязательный процесс, – везде неизбежным атрибутом этого процесса является институт адвокатов; и везде адвокаты составляют или стремятся составить одну замкнутую касту, одно неразрывное целое» [39. С. 163]. Судебные уставы создавали независимые учреждения – советы присяжных поверенных, призванные совершенствовать адвокатское сословие и самостоятельно решать многие вопросы его развития: от дисциплинарных до выработки и воспитания корпоративной этики. Но сравнительно быстро самодержавие, недовольное чересчур свободным положением адвокатов, спохватилось и попыталось усилить свое воздействие на них: с 1874 г. образование советов не предусматривалось⁷. В регионах без названных органов их правами и обязанностями наделялись окружные суды. В России, таким образом, присяжные поверенные со временем разделились на две группы, права которых существенно отличались. Там, где действовали советы присяжных поверенных (округа Санкт-Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат), как констатировали впоследствии члены занимавшейся в конце XIX в. пересмотром судебного законодательства «муравьевской» комиссии, «присяжные поверенные округа каждой палаты пред-

ставляли из себя отдельное сословие, имевшее особый орган своего общественного самоуправления». В округах прочих судебных палат, считали эти чиновники, «присяжные поверенные являлись лишь совокупностью отдельных лиц одного и того же рода занятий, но не состоявших между собой ни в какой определенной связи и не пользовавшихся правами самоуправления» [41. С. 43]. Самостоятельность второй из категорий поверенных подрывалась (по мнению знаменитого правоведа В.Д. Спасовича, в таком виде это была совсем «не адвокатура, а только ее подобие» [42. С. 294]), а порядок исполнения функций советов окружными судами, по справедливому замечанию выдающегося дореволюционного процессуалиста И.Я. Фойницкого, «в корне нарушал независимость адвокатуры и задерживал ее последовательное естественное развитие» [43. С. 489], ставя ее в подначальное положение по отношению к судебной власти. «Подчиненность поверенного суду, как совету, влечет за собой слишком часто лакейское отношение первого к последнему, полную приниженность сословия и ведение дел так, как этого желает суд», – оценивал применявшийся режим один из современников [44. С. 127].

При проведении судебной реформы в Сибири, по словам чиновников Министерства юстиции, «сохранил силу закон, коим образование советов присяжных поверенных не допускалось» [45. Л. 138], и адвокатура края осталась разобщенной. П.В. Вологодский с самого начала усмотрел в этом препятствие для развития корпорации поверенных в ущерб для всего правосудия. Желаемое открытие в крае советов он считал «средством упорядочения адвокатского сословия», и руководимый профессиональными интересами, здравым рассудком, даже житейской мудростью, видел в таком учреждении очевидную пользу: «Совет присяжных поверенных лучше заменяющего его ныне окружного суда может следить за правомерностью и порядочностью действий своих товарищей. То, что доходит от сторон до адвокатов о проделках их собратьев по оружию, часто вовсе не доходит до суда, а в особенности до прокуратуры, стороны не решаются сказать компрометирующих вестей про адвокатов официально, они побоятся того, что их адвокат притянет к суду за клевету и т.п., а своему поверенному они скажут без всякого злого умысла, лишь с целью ознакомить своего поверенного с обстоятельствами дела. В свою очередь и присяжный поверенный, получивший таким образом некрасивые сведения о своем собрате, не пойдет с жалобой в суд для возбуждения ответственности против него, но он, из чести своей корпорации, скажет о том своим товарищам – совету» [46]. Это мнение совершенно противоречило популярному тогда суждению о никчемности советов, которое отразилось в указанном памфлете В.В. Птицына: «Советы, за все время своего существования, не дали нашей присяжной адвокатуре “ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда”, в самом горьком смысле этого прекрасного лермонтовского двустишия... Стоит только просмотреть за несколько лет их сухие, казенные годовые отчеты о своей деятельности, чтобы убедиться в жалком прозябании советов, в отсутствии у них всяких общественных задач, в

наличности одного лишь стремления быть похожими, по внешности, на общие собрания окружных судов» [33. С. 19–20].

Между тем в начале XX в. обозначилась решимость вернуться к практике установления советов в России. Новочеркасские адвокаты обратились к министру юстиции Н.В. Муравьеву с просьбой открыть такое учреждение в округе вновь образованной палаты в столице Области Войска Донского. Пожелание адвокатуры было удовлетворено: на основе закона 21 июля 1904 г. устанавливался совет при Новочеркасской судебной палате. Когда делегация от нового заведения явилась к министру с выражением благодарности, тот заявил, что считает нужным ввести эти органы самоуправления адвокатуры во всех российских регионах. 10 ноября 1904 г. разрешались советы при Одесской, Казанской и Саратовской судебных палатах, а 24 ноября – при Омской и Иркутской [47. С. 349; 48. № 24959, 25318, 25414].

П.В. Вологодский, уже признанный лидер адвокатского сообщества Западной Сибири, получил возможность реализовать еще в одном, новом для себя качестве официального руководителя всей адвокатуры огромного края. Омская судебная палата распорядилась избрать совет присяжных поверенных в Томске, где проживало большинство адвокатов округа. 1 апреля 1905 г. председателем организации с тремя голосами против выбрали Петра Васильевича, но развернуть деятельность на этом посту ему не удалось. Закон предписывал проводить общие собрания присяжных поверенных округов в городах, где располагались судебные палаты (в нашем случае речь об Омске), и Сенат аннулировал результаты выборов [49. Л. 17–42 об.; 50].

Первая революция привела к обострению отношений между властью и адвокатурой. Например, в Иркутске функции открытого в 1905 г. совета присяжных поверенных вернули окружному суду [36. С. 183; 51. С. 20]. Адвокаты стали принимать активнейшее участие в политической жизни страны. «То было время исключительное, – писал известный дореволюционный публицист и юрист И.В. Гессен, – время бурных и быстро сменявшихся переживаний, меньше всего пригодное для правильного и планомерного строительства. Профессиональные интересы, естественно, отступали на задний план перед политическими задачами, в разрешении которых адвокатура принимала видное участие, и потому сословная жизнь не могла развиваться даже более или менее нормально. Отчеты всех советов пестрят сообщениями о несостоявшихся собраниях» [47. С. 349]. Абсентеизм, характерный для деятельности советов присяжных поверенных России, стал препятствием установлению совета в округе Омской судебной палаты. После безуспешной попытки его открытия в Томске адвокаты решили назначить выборы на 5 сентября 1905 г. уже в Омске. Но в назначенный день общее собрание присяжных поверенных не состоялось, поскольку прибыло недостаточное число представителей адвокатуры [49. Л. 46].

Относительное спокойствие периода Третьеиюньской монархии позволило вернуться к решению во-

просов совершенствования адвокатской корпорации. Теперь адвокатура, вооруженная революционным опытом, находилась в поиске новых организационных форм собственной автономии и защиты сословных прав. Последователь демократических идей П.В. Вологодский⁸ настаивал на демократизации самоуправления адвокатов, входя в число сибирских товарищей по профессии, в изменившихся после революции условиях считавших положения о советах присяжных поверенных устаревшими, «не отвечающими течению времени и возбуждаемым жизнью интересам сословия адвокатуры», не содействующими сплочению всех отрядов адвокатуры и отражавшими «бюрократическую тенденцию» [53]. Действительно, власть в советах принадлежала узкой группе лиц и, весьма централизованная, представляла собой тип авторитарного управления адвокатурой, а приверженцы «демократического» направления предлагали воспользоваться одним из результатов революционного натиска – законом 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» [54. № 27479] – и создать собственный профсоюз, объединивший бы всех коллег на основе равноправия (в империи тогда на правах адвокатов действовали присяжные поверенные, их помощники и частные поверенные, и только для первых имелись узаконенные органы самоуправления в виде советов) [55]. Но пока это не допускалось, в начале второго десятилетия XX в. присяжные поверенные округа Омской судебной палаты решились еще раз попробовать создать совет [49. Л. 51–57], а Петру Васильевичу, как проживающему вне Омска, претендовать на заведование им стало затруднительно. 18 мая 1911 г. общее собрание адвокатов избрало его товарищем председателя; на этот раз проголосовавшие против его персоны отсутствовали [56. С. 1; 57].

Очевидно, в изменившихся условиях, когда советы уже не представлялись чем-то передовым, их роль падала, и они не удовлетворяли некоторую часть адвокатуры в самостоятельности, будущей премьер-министр постепенно охладевал к идее и практике этих организаций. Для омского совета были свойственны те же проблемы, что и для функционирования подобных учреждений в других регионах империи, ко всему прочему усугублявшиеся здесь окраинной обстановкой. Адвокаты страны пренебрегали своими профессиональными обязанностями, в частности, массово игнорируя заседания общих собраний; поверенные же омского судебного округа, по мнению И.В. Гессена, не являлись на собрания еще и по причине «большой протяженности» края [47. С. 356]. Из-за неявки достаточного числа адвокатов срывались общие собрания присяжной адвокатуры округа Омской судебной палаты в 1912, 1914 и 1915 гг. [58. С. 3; 59. С. 3; 60. С. 3]. Собрание 24 мая 1913 г. за несколько лет стало единственным состоявшимся и позволившим провести переизбрание руководства организации. На нем П.В. Вологодский, приняв деятельное участие в решении важных корпоративных вопросов (предложил признать отчетным периодом деятельности совета календарный год), отказался баллотироваться в товарищи председателя (правда, его шансы занять этот пост сейчас были невелики, поскольку по коли-

честву записок, поданных за кандидатов, он уступал некоторым претендентам) и лишь избрался в члены совета от Томска [28. С. 6–9].

Ярко о деятельности Петра Васильевича по совершенствованию адвокатского сословия говорили отчеты совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты. Так, он часто упоминался докладчиком и членом комиссий по дисциплинарным делам, в некоторых случаях определяя решения о наказании или оправдании адвокатов. Наверняка не в последнюю очередь благодаря ему совет выделялся среди других российских органов подобного рода повышенным карательным потенциалом [61. С. 269]. Подтверждением лидирующей роли П.В. Вологодского в рядах сибирской присяжной адвокатуры служило его приглашение представителем от Сибири для участия в крупном проекте российских поверенных – написании фундаментальной многотомной «Истории русской адвокатуры» [28. С. 14].

Симптоматично, что еще до открытия совета авторитетного юриста делегировали от адвокатуры округа Омской судебной палаты на другие весомые общероссийские мероприятия и акции корпорации, тем самым в его персоне находила воплощение мысль об единстве даже пока организационно разрозненной адвокатуры региона. В частности, он представлял край на знаменитом процессе поверенного А.И. Гиллерсона, получившем оценку как «попытка поколебать высокую роль русской присяжной адвокатуры в насаждении законности в родной стране» и «введение элемента политической мести в неприкосновенную сферу отправления правосудия»: в 1908 г. этот адвокат был обвинен Гродненским окружным судом по

статье закона, влекущей за собой тяжкое уголовное наказание, за речь, которую председатель судебного разбирательства даже не прервал и позволил продолжить [62]. Указанный факт вызвал тогда возмущение адвокатского сословия всей страны и рассматривался в учебниках. Один из сподвижников будущего премьер-министра (вместе входили в состав Томского юридического общества), профессор-юрист местного университета Н.Н. Розин в своем пособии трактовал обвинение А.И. Гиллерсона как противоправный эксцесс и «юридически ошибочный» путь в отношении государства к адвокатуре [63. С. 276].

В поздней Российской империи профессия юриста, в особенности адвоката, с одной стороны, утрачивала уважение, в чем часть вины лежала на самодержавии, поскольку оно, приспособив право и правосудие под собственные нужды, неотвратимо роняло их авторитет, с другой – подталкивало к активности, иногда далеко выходящей за рамки профессионального служения государству и обществу. П.В. Вологодский, став присяжным поверенным в нелегкие для корпорации времена и в условиях ограниченных ресурсов сибирских суда и адвокатуры, не изменил выбранному ремеслу и не поменял род занятий, на что у него, без всякого сомнения, имелись возможности и способности, а своей критикой и полезной деятельностью стремился совершенствовать сословие. Такая последовательность вместе с заслуженным лидирующим местом в рядах сибирских адвокатов сыграли немаловажную роль в дальнейшей судьбе, которая вознесла его на политический олимп после свержения царизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Учреждение университетского подразделения для подготовки правоведов [16. № 14841] непосредственно связано с проведением в крае судебной реформы. По этому поводу Д.В. Хаминев пишет: «Открытие юридического факультета было ускорено распространением на Сибирь с 1897 г. Судебных уставов 1864 г., что потребовало усовершенствования системы судопроизводства. Местные судебные учреждения нуждались в профессиональных юристах (адвокатах, прокурорах, делопроизводителях и др.), а администрация губерний и регионов – в экономистах и статистах. Приезжие специалисты уже не могли обеспечивать все возрастающих потребностей, поэтому самым разумным было готовить юристов и экономистов на месте, в Сибири» [17. С. 15–16]. Следует заметить, что появление факультета вызывалось элементарной экономической целесообразностью. Выясненная в ходе проведения судебного преобразования потребность в большом количестве юристов заставила рассчитать расходы на их подготовку для Азиатского Зауралья за его пределами. Величина суммы – на то, чтобы обучить одного специалиста в Европейской России и затем создать условия для его обустройства в суровой обстановке далекого края требовалось 8 000 руб. – сделала неизбежным готовить будущих работников юстиции «на месте» [18. С. 46–47; 19].

² По сведениям Й. Баберовского, в 1899 г. всего в стране насчитывалось 2 538 присяжных поверенных, тогда как в Сибири – 34, что составляло 1,34% от общего числа адвокатов данной категории в империи; в 1913 г. в России их имелось 5 658, в Сибири – 178 с долей в 3,15% [22. S. 518–519]. Население же края на 1914 г. составляло 5,61% от всех россиян [23. P. 145]. Правда, подсчет Й. Баберовского опирается на судебное районирование, следовательно, включает в сибирскую зону некоторые степные области Центральной Азии, но для представленных данных это не имеет существенного значения.

³ 13 мая 1896 г. Тобольская губерния была отнесена к Казанской судебной палате, остальные сибирские области и губернии – к Иркутской, но в ходе проведения судебной реформы в Центральной Азии по закону 2 июня 1898 г. открывалась Омская судебная палата, в округ которой включались Акмолинская и Семипалатинская области, а также Тобольская и Томская губернии [27. № 15493]. Регионы восточнее по-прежнему подчинялись палате в Иркутске.

⁴ Не учитывая губернских и областных центров и исключая Приморскую область, на 1904 г. в Сибири числилось 39 населенных пунктов с городским статусом [30. С. 413]. Данные без Омска и территорий современного Северо-Восточного Казахстана, подчинившихся тогда Омской судебной палате.

⁵ Из характеристики прокурора Казанской судебной палаты от 8 августа 1897 г.: «Присяжный поверенный округа Виленской судебной палаты М. Стравинский, обладая хорошими способностями и даром слова, с успехом исполнял при Минском окружном суде обязанности присяжного поверенного, в особенности по уголовным делам, причем нравственные качества его, за все время службы моей в минском округе, не вызвали никакого упрека». Из отзыва председателя Минского окружного суда от 10 августа 1897 г.: «Присяжный поверенный Стравинский всегда отличался самою живой деятельностью и горячим усердием к тем делам, которые ему приходилось вести в Минском окружном суде, высказывая кроме того и вполне удовлетворительные знания своего предмета» [36. С. 206–209; 37. Л. 36, 39].

⁶ Например, на шестилетие судебной реформы в Сибири он отметил разгромной статьей в адрес юстиции края в столичной газете «Право», где ни слова не сказал об адвокатуре [38].

⁷ 5 декабря 1874 г. император повелел: «Приостановиться временно дальнейшим учреждениям советов присяжных поверенных в округах тех судебных палат, где оные, до сего времени, еще не открыты» [40. № 54130].

⁸ В одном из интервью времен Гражданской войны он говорил: «В душе я остался таким же демократом, каким был до сих пор, какими являются и многие русские интеллигенты» [52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева И.Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.
2. Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 3. Т. 5.
4. Сибирский вестник. 1885. 16 мая.
5. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 113–118.
6. ПСЗ. Собр. 3. Т. 16.
7. Восточное обозрение. 1897. 24 авг.
8. О.Б.А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 7. С. 176–183.
9. Степной край. 1897. 4 июля.
10. Томский листок. 1897. 1 июля.
11. Иркутские губернские ведомости. 1897. 9 июля.
12. Члены Государственной думы от Томской губернии // Сибирская жизнь. 1907. 13 мая.
13. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань : Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. 619 с.
14. Крутовский В.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск : Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. Отд. 1. С. 279–309.
15. Сибирский вестник. Орган Временного Сибирского правительства. 1918. 17 авг.
16. ПСЗ. Собр. 3. Т. 17.
17. Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
18. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1897–1898 гг. СПб. : Гос. типография, 1898. 934 с.
19. Сибирская жизнь. 1897. 31 дек.
20. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 580 с.
21. Сапожников В.В. Императорский Томский университет // Город Томск. Томск : Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. Отд. 2. С. 1–8.
22. Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1996. 846 s.
23. Saunders D. Regional Diversity in the Later Russian Empire // Transactions of the Royal Historical Society. 2000. Vol. 10. P. 143–163.
24. Сибирская торговая газета. 1897. 10 июля.
25. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 103.
26. Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. 25. Оп. 2. Д. 315.
27. ПСЗ. Собр. 3. Т. 18.
28. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск : Иртыш, 1914. 109 с.
29. Отчет совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты за 1913 г. Иркутск : Типография М.П. Окунева и К, 1914. 60 с.
30. Города России в 1904 г. СПб. : Центральный статистический комитет МВД, 1906. 470 с.
31. Городская хроника. К новому суду // Томский листок. 1897. 9 авг.
32. П. В-ий. Годовщина судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. 2 июля.
33. Птицын В.В. Древние адвокаты и наши присяжные Цицероны. СПб. : Издание Д.В. Соколова, 1894. 79 с.
34. ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 59.
35. Отчет совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты за второй год существования совета: (с 1 марта 1908 г. по 1 января 1909 г.). Иркутск : Типография М.П. Окунева, 1910. 200 с.
36. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. в лицах и документах : Материалы к энциклопедии / Сост. В.Г. Вишневецкий. Иркутск : Издание ОАО «Иркутская областная типография № 1 имени В. М. Посохина», 2004. 400 с.
37. ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 15.
38. П. В-ский. По поводу годовщины судебной реформы в Сибири // Право. 1903. 20 июля.
39. Ткачев П. Быть или не быть сословию адвокатов // Эпоха. 1864. № 3. С. 160–191.
40. ПСЗ. Собр. 2. Т. 49.
41. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 3. Ч. 2. Глава 17. О поверенных по судебным делам. СПб. : Сенатская типография, 1900. 219 с.
42. Спасович В.Д. Речь о прошедшем и будущем Судебных уставов в общем собрании Юридического общества при Санкт-Петербургском университете 20 ноября 1899 г. // Сочинения В.Д. Спасовича. Т. 9. Последние работы в девяностых годах XIX в. СПб. : Типо-литография и переплетная Ю.А. Мансфельд, 1900. С. 290–298.
43. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 1. 552 с.
44. Володимилов В. К вопросу об открытии советов присяжных поверенных // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. № 5. С. 122–136.
45. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875.
46. П. В-ский. По поводу деятельности новых судебных учреждений Сибири. Статья II // Томский листок. 1897. 3 сент.
47. История русской адвокатуры. Том первый. Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / сост. С.Н. Гаврилов. М. : Юрист, 1997. 376 с.
48. ПСЗ. Собр. 3. Т. 24.
49. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85.
50. Сибирский вестник. 1905. 3 апр.
51. Шахерова С.Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1885–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 26 с.
52. Сибирская жизнь. 1919. 23 янв.
53. Старый товарищ. Среди томской адвокатуры // Сибирская жизнь. 1907. 5 июля.
54. ПСЗ. Собр. 3. Т. 26.
55. Колобов Н. К вопросу о положении адвокатуры // Сибирская жизнь. 1907. 11 авг.

56. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск : Печатное искусство, 1913. 63 с.
57. Сибирская жизнь. 1911. 21 мая.
58. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. С 18 мая 1912 г. по 18 мая 1913 г. Омск : Иртыш, 1914. 133 с.
59. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. Год четвертый. Омск : Печатное искусство, 1915. 152 с.
60. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1915 г. Год пятый. [Омск] : Б.и., [1916]. 198 с.
61. Васильковский Е.В. Адвокатура // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг. : Сенатская типография, 1914. С. 250–280.
62. Хроника // Право. 1909. 17, 24 мая.
63. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. 548 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2017 г.

P.V. VOLOGODSKY AND SWORN ATTORNEYS IN SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 152–159.

DOI: 10.17223/15617793/419/20

Evgeniy A. Krestyannikov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Keywords: Pyotr V. Vologodsky; Siberia; judicial transformation; lawyer association; sworn attorneys.

The aim of the article is to study the institution of sworn attorneys in pre-revolutionary Siberia and the role of Pyotr Vologodsky, the future Prime Minister of the anti-Bolshevik governments, in its development. Using the historical-biographical and comparative methods, the author reconstructs and analyzes the development of the Siberian legal profession through the participation of the famous Siberian in it. Involved historical sources including acts, documents of the state and public organizations, materials of archives and periodicals, and also the attracted works of historians allow to create the idea of the circumstances of the development of Siberian lawyers' activities; Vologodsky's engagement in the process is of particular interest for the author. Having begun the activity in local justice in the 1880s, in the following decade, with the ongoing judicial reform, he became a barrister and was involved in the solution of important problems of the lawyer community. This community, new to the region, at first was formed by non-residents, was insignificant in number and uneven territorially in the region. Vologodsky criticized the contingent of lawyers, their professional and moral qualities. He was probably overzealous in it, because there were ethical people and experienced experts among them. Since the 1870s, Russia had no lawyer self-government institutions – councils of attorneys, they did not function in Siberia either. The local lawyer association was separated, and Vologodsky considered it an essential obstacle for its improvement. The beginning of the 20th century was marked by the revival of councils in most regions of the country now, including Asian Transurals. In 1905, Vologodsky became the chairman of one of them, but as it happened in violation of the rules, he could not head the lawyer association. In 1911, he became a companion of the chairman of the council of attorneys at the Omsk Trial Chamber, and in two years became only a member of this institution, representing the interests of attorneys of Tomsk now. His activity in the council was noticeable and improved the lawyer corporation. Thanks to this, Vologodsky became an outstanding sworn attorney whose popularity went beyond the region. He was invited to the most important events of the Russian lawyer association, which again confirmed his high authority among colleagues. This authority undoubtedly promoted Vologodsky on the political ladder.

REFERENCES

1. Adon'eva, I.G. (2010) "*Velikaya polureforma*": *preobrazovaniya sudebnoy vlasti Zapadnoy Sibiri v otsenkakh mestnoy yuridicheskoy intelligentsii (konets XIX – nachalo XX v.)* ["The Great Half-Reform": the transformation of the judicial power of Western Siberia in the assessments of the local legal intelligentsia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: NSTU.
2. Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1863–1920 gg.)* [P. Vologodsky: personality and socio-political activity (1863–1920)]. History Cand. Diss. Tomsk.
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 3:5.
4. *Sibirskiy vestnik*. (1885). 16 May.
5. Krest'yannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky on the way to the legal profession: the environment, interests and activities of the lawyer at the initial stage of his professional career. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 113–118. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/17
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 3:16.
7. *Vostochnoe obozrenie*. (1897). 24 August.
8. O.B.A. (1897) *Khronika vnutrenney zhizni* [Chronicle of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 7. pp. 176–183.
9. *Stepnoy kray*. (1897). 4 July.
10. *Tomskiy listok*. (1897). 1 July.
11. *Irkutskie gubernskie vedomosti*. (1897). 9 July.
12. *Sibirskaya zhizn'*. (1907) Chleny Gosudarstvennoy dумы ot Tomskoy gubernii [Members of the State Duma from Tomsk Province]. *Sibirskaya zhizn'*. 13 May.
13. Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: Chastnyy izdatel' P.A. Tribunskiy.
14. Krutovskiy, V.M. (1912) *Periodicheskaya pechat' v Tomske* [Periodicals in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.
15. *Sibirskiy vestnik*. (1918). 17 August.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 3:17.
17. Khaminov, D.V. (2011) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v.* [Historical education and science in Tomsk University in the late 19th – early 21st centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
18. State Council. (1898) *Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1897–1898 gg.* [Report on the record keeping of the State Council for the session of 1897–1898]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
19. *Sibirskaya zhizn'*. (1897). 31 December.
20. Lyakhovich, E.S. & Revushkin, A.S. (1998) *Universitety v istorii i kul'ture dorevol'yutsionnoy Rossii* [Universities in the history and culture of pre-revolutionary Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Sapozhnikov, V.V. (1912) *Imperatorskiy Tomskiy universitet* [Imperial Tomsk University]. In: *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.

22. Baberowski, J. (1996) *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914* [Autocracy and justice. On the relationship between the rule of law and the backwardness of the emperor's empire 1864–1914]. Frankfurt: Vittorio Klostermann.
23. Saunders, D. (2000) Regional Diversity in the Later Russian Empire. *Transactions of the Royal Historical Society*. 10. pp. 143–163.
24. *Sibirskaya torgovaya gazeta*. (1897). 10 July.
25. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 243. List 1. File 103. (In Russian).
26. State Archive of Omsk Oblast (GAOO). Fund 25. List 2. File 315. (In Russian).
27. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 3:18.
28. Irtysh. (1914) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za 1913 g. God tretiy* [Report of the Board of Attorneys of the Omsk District Court of Justice for 1913. Year Three]. Omsk: Irtysh.
29. Tipografiya M.P. Okuneva i K. (1914) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Irkutskoy sudebnoy palaty za 1913 g.* [Report of the Board of Attorneys of the District of the Irkutsk Chamber of Justice for 1913]. Irkutsk: Tipografiya M.P. Okuneva i K.
30. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1906) *Goroda Rossii v 1904 g.* [The cities of Russia in 1904]. St. Petersburg: Tsentral'nyy statisticheskiy komitet MVD.
31. Tomskiy listok. (1897) Gorodskaya khronika. K novomu sudu [City chronicle. To the new court]. *Tomskiy listok*. 9 August.
32. P. V-iy. (1898) Godovshchina sudebnoy reformy v Sibiri [The anniversary of the judicial reform in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 2 July.
33. Ptitsyn, V.V. (1894) *Drevnie advokaty i nashi prisyazhnye Tsitserony* [Ancient lawyers and our sworn Ciceros]. St. Petersburg: Izdanie D.V. Sokolova.
34. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 246. List 6. File 59. (In Russian).
35. Tipografiya M.P. Okuneva i K. (1910) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Irkutskoy sudebnoy palaty za vtoroy god sushchestvovaniya soveta: (s 1 marta 1908 g. po 1 yanvarya 1909 g.)* [Report of the Board of Attorneys of the District of the Irkutsk Court of Justice for the second year of the Council's existence: (from 1 March 1908 to 1 January 1909)]. Irkutsk: Tipografiya M.P. Okuneva.
36. Vishnevskiy, V.G. (2004) *Administrativno-sudebnaya sistema Vostochnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. v litsakh i dokumentakh: Materialy k entsiklopedii* [Administrative and judicial system of Eastern Siberia of the late 19th – early 20th centuries in persons and documents: Materials for the encyclopedia]. Irkutsk: Izdanie OAO "Irkutskaya oblastnaya tipografiya imeni V.M. Posokhina".
37. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 243. List 1. File 15. (In Russian).
38. P. V-skiy. (1903) Po povodu godovshchiny sudebnoy reformy v Sibiri [On the anniversary of the judicial reform in Siberia]. *Pravo*. 20 July.
39. Tkachev, P. (1864) Byt' ili ne byt' sosloviyu advokatov [A class of lawyers: To be or not to be]. *Epokha*. 3. pp. 160–191.
40. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 2:49.
41. The highest commission established to review the legal provisions on the judicial part. (1900) Ob'yasnitel'naya zapiska k proektu novoy redaktsii Uchrezhdeniya sudebnykh ustanovleniy [Explanatory note to the draft new edition of the establishment of judicial institutions]. Vol. 3. Pt. 2. Chapter 17. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
42. Spasovich, V.D. (1900) *Sochineniya V.D. Spasovicha* [Works by V.D. Spasovich]. Vol. 9. St. Petersburg: Tipo-litografiya i perepletnaya Yu.A. Mansfel'd. pp. 290–298.
43. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugovornogo sudoproizvodstva* [The course of criminal justice]. Vol. 1. St. Petersburg: Al'fa.
44. Volodimirov, V. (1881) K voprosu ob otkrytii sovetov prisyazhnykh poverennykh [On the issue of the opening of the boards of sworn attorneys]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava*. 5. pp. 122–136.
45. State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 37. File 875. (In Russian).
46. P. V-skiy. (1897) Po povodu deyatelnosti novykh sudebnykh uchrezhdeniy Sibiri. Stat'ya II [On the activities of the new judicial institutions of Siberia. Article II]. *Tomskiy listok*. 3 September.
47. Gavrilov, S.N. (1997) *Istoriya russkoy advokatury* [History of the Russian lawyer association]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
48. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 3:24.
49. State Archive of Omsk Oblast (GAOO). Fund 25. List 1. File 85. (In Russian).
50. *Sibirskiy vestnik*. (1905). 3 April.
51. Shakherova, S.L. (2001) *Dorevoluytsionnaya advokatura Vostochnoy Sibiri (1885–1917 gg.)* [Pre-Revolutionary lawyer association of Eastern Siberia (1885–1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
52. *Sibirskaya zhizn'*. (1919). 23 January.
53. *Sibirskaya zhizn'*. (1907) Staryy tovarishch. Sredi tomskoy advokatury [The old comrade. Among Tomsk lawyers]. *Sibirskaya zhizn'*. 5 July.
54. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. 3:26.
55. Kolobov, N. (1907) K voprosu o polozenii advokatury [On the status of the lawyer association]. *Sibirskaya zhizn'*. 11 August.
56. Pechatnoe iskusstvo. (1913) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh pri Omskoy sudebnoy palate za pervyy god. S 18 maya 1911 g. po 18 maya 1912 g.* [Report of the Board of Attorneys at the Omsk Trial Chamber for the first year. From May 18, 1911 to May 18, 1912]. Omsk: Pechatnoe iskusstvo.
57. *Sibirskaya zhizn'*. (1911). 21 May.
58. Irtysh. (1914) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za vtoroy god. S 18 maya 1912 g. po 18 maya 1913 g.* [Report of the Board of Attorneys of the District of the Omsk Trial Chamber for the second year. From May 18, 1912 to May 18, 1913] Omsk: Irtysh.
59. Pechatnoe iskusstvo. (1915) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za 1914 g. God chetvertyy* [Report of the Board of Attorneys of the District of the Omsk Trial Chamber for 1914. Year Four]. Omsk: Pechatnoe iskusstvo.
60. Anon. (1916) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za 1915 g. God pyatyy* [Report of the Board of Attorneys of the District of the Omsk Trial Chamber for 1915. Year Five]. [Omsk]: [s.n.].
61. Vas'kovskiy, E.V. (1914) Advokatura [Lawyer Association]. In: Fenenov, V.V. (ed.) *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let* [Court regulations on November 20, 1864 for fifty years]. Vol. 2. Petrograd: Senatskaya tipografiya.
62. *Pravo*. (1909) Khronika [Chronicle]. *Pravo*. 17, 24 May.
63. Rozin, N.N. (1914) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Posobie k lektsiyam* [Criminal proceedings. Teaching aid for lectures]. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo".

Received: 24 April 2017

ТЕОРИЯ ЭТНОГЕНЕЗА Л.Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Исследуется проблема научности теории этногенеза Л.Н. Гумилева как одна из наиболее спорных в российской науке. В историческом развитии науки есть три эпохи, которые различают понимание того, что такое истина, которые характеризуются изменениями типа научной рациональности. В данной статье за основу понимания истины берется постнеклассическая рациональность как наиболее отвечающая современным реалиям и применяется к теории этногенеза Л.Н. Гумилева, чтобы показать, могли ли ученые вывести эту теорию за рамки научности именно с позиции постнеклассического понимания истины.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность; истина; Л.Н. Гумилев; междисциплинарность.

Лев Николаевич Гумилев – уникальный ученый для российской науки. Он вошел в историю русской науки и культуры как автор многих работ по истории древних и средневековых народов, кочевничества, этнологии, по истории России, ее этносов, культуры и церкви, автор теории пассионарности, равно интересной биологам, физикам, климатологам, геологам и гуманитариям [1. С. 3]. Вместе с тем его концепция этногенеза относится к числу одной из самых спорных теорий. Она вызывает широкий интерес не только в научной среде.

Резко негативно к Гумилеву относится Юлиан Бромлей. Полемика Л.Н. Гумилева с Ю.В. Бромлеем продолжалась долгие годы. Суть спора коренилась в отношении к природе этноса. Бромлей обвинял Гумилева в излишнем биологизаторстве, не принимал его теорию химер [2]. Решительно не согласны с концепцией Гумилева Б.М. Кедров, И.Р. Григулевич и И.А. Крывелёв [3]. В их статье прослеживается партийный взгляд на данную концепцию, которая, по мнению авторов, явно не соответствует принятым нормам. Отрицает научные достижения Л.Н. Гумилева В.А. Шнирельман. Как и Бромлей, он отмечает, что теория Гумилева отличается «откровенно биологическим подходом к пониманию истории» [4]. Также он осуждает идею того, что любому человеку присуща строго одна этническая принадлежность. Он считает, что это искусственные рамки, «прокрустово ложе» и заявляет, что схема Гумилева ориентировалась на тоталитарное общество, тогда как некоторые другие исследователи, например американский историк науки Лорен Грэхэм, считают, что популярность теории Гумилева заключается именно в противопоставлении тоталитаризму [5].

В то же время абсолютным приверженцем концепции Л.Н. Гумилева является Ю.М. Бородай. Бородай утверждает, что теория этногенеза Гумилева – сугубо марксистская, что, в свою очередь оспаривают некоторые его оппоненты. «Маркс многократно указывал на чрезвычайную важность исследования таких фундаментальных явлений, как естественно-сложившиеся общности – этносы, подчеркивал их маргинальную природу, выдвигал задачу их генезиса. Но он успел лишь указать на проблему» [6]. Эту проблему, по мнению Бородая, и изучил Л.Н. Гумилев, который предлагает оригинальную концепцию этногенеза. С.В. Ямщиков считает Льва Гумилева «одним из главных людей» его жизни [7]. Он подчеркивает, что

Гумилев стремился познать всеобщую историю, взаимосвязанную во всем мире, а не отдельные факты, оторванные от тех, что происходили в это же время в других странах.

Дискуссии не закончились и после смерти Л.Н. Гумилева, но они уже были не такие жаркие. Уходит в прошлое Советский Союз, а вместе с ним и ориентация на единственно верную трактовку, соотносящуюся с классической истиной. В целом же существует огромное количество статей, критикующих Льва Гумилева, и еще при жизни автора ученое сообщество пожелало вывести его «за границы» научности. На основании каких критериев это происходило?

В истории развития науки последних двух веков можно выделить эпохи, которые различают понимание того, что такое истина, которые характеризуются изменениями типа научной рациональности. Д.А. Стебаков в своей диссертации предлагает различать три типа рациональности и как следствие – три типа понимания истины:

1. На этапе классической рациональности изучаются простые системы. Объект существует сам по себе, независим от познающего его субъекта, следовательно, возможно полное его изучение. Истина для классической науки – это соответствие всесторонне доступного изучению объекта и знания о нем. Это корреспондентная теория истины.

2. Объектами исследования науки в неклассической рациональности становятся сложные саморегулирующиеся системы. Объект уже не независим, он укрыт от непосредственного взора исследователя, доступен для изучения лишь косвенно и в процессе познания сливается со средством изучения, он сложный. Для такого типа характерен отход от прямого онтологизма в научном познании. Приверженцы этой теории считают, что применять к современному научному знанию классическую концепцию истины нерелевантно. Главное в эволюции представлений об истинности знания – плюрализм в отношении истины неклассической науки. Кризис корреспондентной теории истины имеет ряд вненаучных детерминант, в роли которых выступает прагматическая установка в современной науке, а также множественные междисциплинарные связи, прорыв дисциплинарных рамок [8. С. 43]. Неклассическая концепция истины способствует тому, чтобы различные трактовки могли найти место в науке, выступая как ракурсы интерпретации или как эквивалентные описания.

3. В постнеклассической рациональности плюрализм истины углубляется, «методологическим ориентиром самой науки становится скорее установка на построение конкурентноспособных моделей действительности, нежели получение истинного знания. Связано это с тем, что предметная область постнеклассической науки еще более усложняется, а научное познание все чаще осуществляется в рамках комплексных программ специалистами из различных областей знания» [8. С. 44]. Любая современная наука уже не может в полной мере работать без привлечения знаний из других областей.

Еще несколько характеристик постнеклассической научной рациональности в своей диссертации выделил П.Б. Тычкин. Он пишет, что одним из существенных шагов вперед становится прогресс в сфере средств получения и интерпретации информации, связанный с развитием компьютерных технологий, автоматизацией приборных комплексов, что является также адекватным ответом на появление новых объектов, представленных в виде сложных самоорганизующихся систем.

Формулируется новая «открытая» рациональность, которая радикальным образом меняет позицию исследователя, формируя установку на выход за границы готовой методологической схемы. При этом подвергаются пересмотру основания рациональной деятельности, предметом критического анализа становятся не только способы реализации цели, но и сам процесс целеполагания.

Возрастают роль и значение «человеческого» начала, интегрированного как в саму изучаемую научную реальность в качестве одного из важнейших ее элементов, так и представленного в системе познавательных процедур и операций на уровне ценностных установок и норм научной деятельности [9].

Во период своей активной научной деятельности Л.Н. Гумилев находился в условиях советской действительности, и хотя в Европе уже распространялись неклассические и даже постнеклассические подходы, у них были жестко заданные государством рамки единственно верной истины. Коллеги-современники, критиковавшие его, тоже исходили именно из классических убеждений. Сейчас наука находится на другом этапе развития, постнеклассическом, который характеризуется менее жесткими рамками и доказательствостями теорий, допускает различные интерпретации и свободу мышления. При таком ракурсе концепция Л.Н. Гумилева может быть рассмотрена принципиально иначе.

Для рассмотрения теории этногенеза Л.Н. Гумилева с точки зрения постнеклассической рациональности в первую очередь обратим внимание на целесообразность теории, т.е. насколько результативен был его подход. Его рассуждения о влиянии аридизации и гумидизации климата на общество [10], т.е. на этнос, были признаны в исторической науке еще в советском классическом понимании истины, многие положения работ по истории хунну, древних тюрков также активно используются в исследовании этих народов. Концепция Гумилева представляет серьезную базу для современных этнологических разработок, его

считают основоположником русской этнологии. Например, его последователь Е.В. Маслова говорит, что Л.Н. Гумилев является создателем этнологии и евразийства. Также она приходит к мысли о том, что научные труды Л.Н. Гумилева стали ярким вкладом не только в развитие исторической мысли, но и в утверждение идей вековой общности людей, населяющих евразийское пространство [11]. Л.Н. Гумилев пытался найти причины этногенеза, рассмотреть этнос как природное явление, показать губительные последствия борьбы человека с ландшафтом, что актуализируется критическим положением современной биосферы Земли. В качестве примера такого рода отношения к творчеству Гумилева может служить тот факт, что его именем назван Евразийский национальный университет в Астане.

Л.Н. Гумилева часто критиковали за вольное обращение с терминами. Например, Лев Клейн говорит, что автор оперирует научными терминами, как если бы это были общепринятые слова русского обиходного языка. Но ведь это научные термины. «Во всяком случае, значение, избранное автором, нужно заранее указать, обосновать и в дальнейшем строго придерживаться» [12]. Л.Н. Гумилев привнес термины и тезисы из других областей науки, так как это, по его мнению, помогает доказать теорию, что подтверждает тот факт, что он работал в классической системе и стремился ей соответствовать, или же объяснить то, что нельзя объяснить уже имеющимися в данной сфере понятиями.

Расходится с общепринятыми положениями и само понимание Гумилевым термина «этнос». В своей статье «Человек в этнической (национальной) системе» Ю.В. Бромлей обвиняет Гумилева в излишнем биологизаторстве, упрощающем сложные жизненные программы этноса. Ссылаясь на Гумилева, Бромлей пишет, что существует мнение, что этносы – биологические популяции, и возражает этому мнению: «Не популяция – основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос, ведут к появлению сопряженной с ним популяции» [2. С. 17]. Однако сам Гумилев в книге «Этногенез и биосфера Земли» пишет четко: «Этнос – не популяция» [13. С. 228]. Он объясняет, что сходство этноса и популяции лишь внешнее, а различия принципиальны. Гумилев говорит, что уподобить этнос популяции может только «неискушенный читатель». Однако в книге «География этноса в исторический период» Гумилев пишет, что «этнос у человека – это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т.д.» [14. С. 13]. Лев Клейн отмечает, что термин «этнос» изначально не определен, и это позволяет автору одним и тем же термином обозначать то одно, то другое, соскальзывать в своих рассуждениях с доказанных вещей на недоказанные [12]. Как уже было сказано, с точки зрения постнеклассической рациональности не требуется ликвидировать многозначность и расплывчатость терминов, следовательно, в этом Гумилев не нарушал требований, но, возможно, не всегда четко оговаривал границы применимости термина каждый раз, когда использовал его в новом, измененном смысле. В то же время в рамках постнеклассической рациональности

каждый термин определяет новое понятие, и в отличие от классической и неклассической – не нужно ликвидировать многозначность или расплывчатость тех или иных терминов. Каждый раз это может быть новая сфера значения термина, ее необходимо уточнять, чтобы показать, что конкретно в данной ситуации подразумевается под тем или иным словом.

В постнеклассической рациональности истина имеет временные и социальные измерения, она не абсолютна. Лев Николаевич же находил, по его мнению, абсолютную истину. Он не сомневался в том, что теория верна, а тех, кто не признавал ее, считал не понимающими людьми, которые в силу различных обстоятельств не могут признать «очевидную истину». Ошибки за собой Лев Гумилев не хотел признавать. Разве что в крайних случаях и в мелких деталях. Так, на вопрос интервьюера о том, приходилось ли ему ошибаться, Гумилев ответил: «Да, приходилось. Один раз я сделал неверный арифметический расчет поля боя гуннов с китайцами. Ошибся на ноль. Я плохо считаю. Был такой случай. Затем у меня произошла одна полуошибка, когда я не учел двух караванных переходов из Китая в Персию. Ориентировался на один, а мог быть и второй, но я о нем не сказал. Да, еще одну ошибку я допустил, на которую указал академик Рыбаков. Я однажды неточно написал дату, когда была сожжена Настасья – жена Ярослава» [15. С. 76]. Однако эти ошибки не затрагивают его теорию непосредственно, саму теорию он не считал скольконибудь неточной, и даже не из-за ее «величия», а скорее из-за ее аксиоматичности.

Имре Лакатос говорит, что ученые не спешат отказываться от теории, если появляются сомнения в ее истинности, они изобретают вспомогательные гипотезы – защитный пояс теории [16]. Он помогает подстроить теорию под новые факты. Ученым сложно признать, что их теория не аксиоматична, что со временем она может перестать быть истинной. Ключ кроется, по всей видимости, в некоей скромности авторов, которой Гумилев не обладал. Нужно не претендовать на абсолютную истину, а показывать рамки: где и когда она является истиной, ее место применения.

На передний план в постнеклассической рациональности выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы деятельности, изучение не изолированного объекта, а взаимодействующего. Специфика современной науки конца XX – начала XXI в. – комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты из различных областей знания. Все больше появляет-

ся идей целостной картины развития природы и человека. Лев Николаевич писал о связи сложившихся этносов с вмещающим их ландшафтом. Важным критерием для оценки деятельности этносов он считал взаимоотношение человека и природы или, по его терминологии, этноса и ландшафта. Завоевание этносом экологической ниши в биосфере происходит иногда с большими потерями для природы. Он утверждает, что даже в случаях крупных миграций этносы выбирают условия, близкие к тем, которые они покинули. Гумилев выводит термин «месторазвитие» – неповторимое сочетание элементов ландшафта, где этнос впервые сложился как система [17. С. 544]. Этот термин он позаимствовал у П.Н. Савицкого [18], идеолога евразийства, чьи основные труды пришлились на 1920–1930-е гг.

Безусловно, к подобной методологии Гумилев обратился не первый, поиск общего поля исследования между естественными науками и гуманитарными начался давно. Еще Ш.Л. Монтескье писал о том, что государственное устройство зависит от природы и климата, в которых расположено государство [19]. Ж.-Ж. Руссо полагал, что природа воздействует на человека, а стремление к господству над природным миром, покорение природы предполагает изменения и в сущности самого человека, в естественном состоянии он находится в гармонии с природой, стирается грань между природой и человеком [20]. И.Г. Гердер считал, что географическая среда определяет не только физические различия между людьми, но и различия в мышлении, мировоззрении, культуре [21]. И.И. Мечников создал новую науку о рациональном образе жизни и труда, гармонизации человека и окружающей природы – ортобиотику [22]. В связи с этим, несмотря на то, что подобная междисциплинарная методология еще не стала стандартом гуманитарных исторических исследований, нельзя сказать, что это непринятый в науке метод.

Таким образом, нельзя сказать, что теория Л.Н. Гумилева абсолютно не соответствует пониманию научности постнеклассической рациональности. Наоборот, по основным характеристикам она подходит: она рациональна, междисциплинарна, а критические замечания по поводу неоднозначности терминов по-другому воспринимаются с точки зрения постнеклассики. Пожалуй, только абсолютизация истинности концепции накладывает негативный отпечаток, и поэтому критерию может быть (хотя и необязательно) выведена за рамки научности. При таком ракурсе изучения концепция воспринимается иначе, и однозначно вывести ее за пределы научности нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игошева М.А. Культурологический статус концепции этногенеза Л.Н. Гумилева : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1998. 163 с.
2. Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 16–28.
3. Кедров Б.М., Григулевич И.Р., Кривелев И.А. По поводу статьи Ю.М. Бородай «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3. С. 88–91.
4. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. Москва ; Иерусалим : Мосты культуры, Гешарим, 2012. С. 59.
5. Лорен Р. Грэхэм. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / пер. с англ. М. : Политиздат, 1991. 480 с.
6. Бородай Ю.М. В поисках этногенного фактора // Природа. 1981. № 4. С. 124.
7. Ямщиков С.В. Лев Гумилев: ученый, пророк, человек. СПб., 2012. URL: <http://www.gumilev-center.ru/?p=3985> (дата обращения: 17.03.2012).

8. Стебаков Д.А. Эволюция представлений об истинности знания в науке и технике : дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. С. 27–28.
9. Тычкин П.Б. Эвристический потенциал мифа в контексте постнеклассического образа науки : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2013. 24 с.
10. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос – 5) // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 81–90.
11. Маслова Е.В. Лев Николаевич Гумилев – символ объединения народов. URL: <http://www.levgumilev.spbu.ru/node/293> (дата обращения: 17.03.2013).
12. Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Скепсис. URL: http://sceptis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 27.03.2017).
13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2002. 560 с.
14. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л. : Наука, 1990. 279 с.
15. В. Огрызко вел беседу с Л.Н. Гумилевым // Советская литература. 1990. № 1. С. 72–76.
16. Лакатос И. Наука и псевдонаука. Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г. // Центр изучения древней философии и классической традиции. URL: <http://www.nsu.ru/classics/pythagoras/Lacatos.pdf> (дата обращения: 04.04.2017).
17. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2002. 560 с.
18. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия. М., 1997.
19. Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.
20. Руссо Жан Жак. Избранные сочинения. М. : Гослитиздат, 1961. Т. 3. 727 с.
21. Гердер Иоганн Готфрид. Избранные сочинения. М. : Гослитиздат, 1959. 391 с.
22. Мечников И.И. Академическое собрание сочинений. М. б. и., 1956. Т. 11. 265 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2017 г.

L.N. GUMILYOV'S THEORY OF ETHNOGENESIS IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF POST-NONCLASSICAL RATIONALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 160–164.

DOI: 10.17223/15617793/419/21

Ekaterina K. Maslova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekaterina_maslova@sibmail.com

Keywords: post-nonclassical rationality; truth; L.N. Gumilyov.

In the article the problem of the scientific character of L.N. Gumilyov's ethnogenesis theory is investigated. This theory is one of the most disputable in the Russian science. L.N. Gumilyov is a unique scholar for the Russian science. He became part of the history of the Russian science and culture, he is the author of many works on history of the ancient and medieval peoples, on the history of the nomads, on the theory of ethnology, on history of Russia, on history of its ethnoses, cultures and churches, the author of the theory of passionarity equally interesting to biologists, physicists, climatologists, geologists and humanists. At the same time, his theory of ethnogenesis is among one of the most controversial theories. It causes wide interest not only in the scientific environment. In the historical development of science there are three periods which distinguish the understanding of what the truth is. These periods are characterized by changes of scientific rationality. Post-nonclassical rationality is taken as a basis for the understanding of the truth in this article. It mostly corresponds to modern realities, and is applied to L.N. Gumilyov's theory of ethnogenesis to show whether scientists could put this theory out of the scientific character framework from the position of the post-nonclassical understanding of the truth. Simple systems are studied in classical rationality. An object exists in itself, is independent of the subject learning it, therefore, its overall study is possible. The truth for classical science is a compliance of an object comprehensively available to studying with knowledge of it. It is the correspondent theory of the truth. Complex self-regulating systems become science research objects in nonclassical rationality. An object is not independent any more, it is hidden from the direct look of the researcher, it is available to an indirect study only, and in the course of cognition it combines with the means of studying, it is complex. In post-nonclassical rationality the pluralism of the truth goes deep, an orientation on creation of competitive models of reality rather than obtaining true knowledge becomes a methodological reference point of science. It is connected with the fact that the subject domain of post-nonclassical science becomes even more complicated, and scientific knowledge is even more often carried out within comprehensive programs by experts from various fields of knowledge. Any modern science can not work fully without attracting knowledge from other fields of knowledge any more. It is impossible to tell that L.N. Gumilyov's theory does not correspond to the understanding of the scientific character of post-nonclassical rationality at all. On the contrary, according to the main characteristics it does: it is rational, interdisciplinary, and critical remarks on the ambiguity of terms are perceived differently from the point of view of post-nonclassical rationality. Perhaps, only absolutization of the truth of the concept leaves a negative mark and by this criterion can be (though it is optional) removed from the scientific character framework. In such a perspective of studying, the concept is perceived differently, and it is impossible to put it out of scientific framework.

REFERENCES

1. Igosheva, M.A. (1998) *Kul'turologicheskiy status kontseptsii etnogeneza L.N. Gumileva* [Culturological status of the concept of ethnogenesis by L.N. Gumilyov]. Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
2. Bromley, Yu.V. (1988) *Chelovek v etnicheskoj (natsional'noy) sisteme* [Man in the Ethnic (National) System]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 16–28.
3. Kedrov, B.M., Grigulevich, I.R. & Kryvelev, I.A. (1982) *Po povodu stat'i Yu.M. Borodaya "Etnicheskie kontakty i okruzhayushchaya sreda"* [On the article "Ethnic contacts and the environment" by Yu.M. Borodaya]. *Priroda*. 3. pp. 88–91.
4. Shnirel'man, V.A. (2012) *Khazarский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки* [The Hazar myth: the ideology of political radicalism in Russia and its origins]. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury, Gescharim.
5. Graham, L.R. (1991) *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Natural History, Philosophy and the Science of Human Behavior in the Soviet Union]. Translated from English by M.D. Akhundov & V.N. Ignat'ev. Moscow: Politizdat.
6. Boroday, Yu.M. (1981) *V poiskakh etnogennoogo faktora* [In search of an ethnogenic factor]. *Priroda*. 4. pp. 124.
7. Yamshchikov, S.V. (2012) *Lev Gumilev: uchenyy, prorok, chelovek* [Lev Gumilyov: a scientist, a prophet, a man]. St. Petersburg. [Online] Available from: <http://www.gumilev-center.ru/?p=3985>. (Accessed: 17.03.2012).
8. Stebakov, D.A. (2009) *Evolutsiya predstavleniy ob istinnosti znaniya v nauke i tekhnike* [Evolution of ideas about the truth of knowledge in science and technology]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
9. Tychkin, P.B. (2013) *Evristicheskiy potentsial mifa v kontekste postneklassicheskogo obraza nauki* [Heuristic potential of myth in the context of the post-nonclassical image of science]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Tomsk.

10. Gumilyov, L.N. (1966) Geterokhronnost' uvlazhneniya Evrazii v Srednie veka (Landscape and ethnos – 5) [Heterochrony of the moistening of Eurasia in the Middle Ages (Landscape and ethnos – 5)]. *Vestnik LGU*. 18. pp. 81–90.
11. Maslova, E.V. (2006) *Lev Nikolaevich Gumilev – simbol ob"edineniya narodov* [Lev Nikolayevich Gumilyov is a symbol of the unification of peoples]. [Online] Available from: <http://www.spbumag.nw.ru/2006/19/15.shtml>. (Accessed: 17.03.2013).
12. Kleyn, L. (1992) Gor'kie mysli "priveredlivogo retsenzenta" ob uchenii L.N. Gumileva [Bitter thoughts of a "fastidious reviewer" about the theory of L.N. Gumilyov]. *Skepsis*. [Online] Available from: http://sceptis.ru/library/id_86.html. (Accessed: 27.03.2017).
13. Gumilyov, L.N. (2002) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: AST.
14. Gumilyov, L.N. (1990) *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* [Geography of the ethnos in a historical period]. Leningrad: Nauka.
15. Ogryzko, V. (1990) Interview with L.N. Gumilyov. *Sovetskaya literatura*. 1. pp. 72–76. (In Russian).
16. Lakatos, I. (1973) *Nauka i psevdonauka* [Science and pseudoscience]. Translated from English by M. Kareva. [Online] Available from: <http://www.nsu.ru/classics/pythagoras/Lacatos.pdf>. (Accessed: 04.04.2017).
17. Gumilyov, L.N. (2002) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: AST.
18. Savitskiy, P.N. (1997) *Kontinent Evraziya* [Continent of Eurasia]. Moscow: Agraf.
19. Montesquieu, Ch.L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from French. Moscow: Gospolitizdat.
20. Rousseau, J.-J. (1961) *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Goslitizdat.
21. Herder, J.G. (1959) *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Goslitizdat.
22. Mechnikov, I.I. (1956) *Akademicheskoe sobranie sochineniy* [Academic collection of works]. Vol. 11. Moscow: [s.n.].

Received: 13 April 2017

КАЗАЧЕСТВО КАК СУБЪЕКТ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Осваивается содержание дискурса о перспективах аграрной колонизации Степного края в пореформенный период, участии казачества в земельном освоении региона. Установлено, что в 1870-х гг. обнаружилась тенденция к смене колонизационной парадигмы, когда практики вовлечения казаков в аграрное переселение зарекомендовали себя как малоэффективные. Основной причиной стало присущее казачеству обостренное чувство социальной идентичности, что способствовало корректировке имперских планов, ставке на крестьянство в деле аграрного освоения региона.

Ключевые слова: казачество; аграрная колонизация; переселенцы; сословная идентичность; коренное население.

Начиная со второй половины XIX столетия, когда российская имперская политика, направленная на административную интеграцию национальных окраин в имперское пространство, приобрела ярко выраженные форсированные формы, происходят определённые коррективы в оценке значения, функций и роли различных сословий в колонизационном процессе.

Своеобразным стимулом к видоизменению имперских планов колонизации стала дискуссия о перспективах казачества в процессе аграрного освоения степных районов Зауралья, которая развернулась в 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии. Данная комиссия пришла к выводу, что казачья колонизация внутри степи «отжила свой век», а казаков лучше передвинуть на новые границы империи, «чтобы их станицы разъединили казахов, живущих по обе стороны российско-китайской границы» [1. С. 188]. Возобладало мнение, что для водворения русского населения в крае лучше использовать свободную земельную и промышленную колонизацию [2].

В 1870-х гг. в административных кругах разговор, касавшийся вопроса эффективности казачьей колонизации и её влияния на «иностранцев» Степного края, был продолжен. По мнению Г.А. Колпаковского, роль казачества в колонизации региона постоянно менялась. Первоначально оно было призвано защищать военную линию от набегов кочевников, а казачьи поселения являлись решающей военной силой, используемой для подавления любых форм сопротивления со стороны «иностранческих» групп. В условиях завершения завоевания казачество как реальная военная сила потеряло былое значение. Недовольство административной бюрократии края вызывало и то, что казачество, будучи военным сословием, не зарекомендовало себя в качестве хороших хлебопашцев и, главное, постоянных проводников аграрной колонизации региона.

Данная позиция предметно была озвучена во Всеподданнейшем отчёте акмолинского военного генерал-губернатора В.А. Цытовича: «До настоящего времени в степи дозволено устраивать только казачьи поселения. В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время это необходимость миновала, и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же, по роду своей службы, не могут систематически заниматься зем-

леделием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным» [3. Л. 234].

Здесь необходимо отметить тот факт, что трансформации во взглядах правительственных структур на роль казачества в колонизации края происходят именно в тот период, когда участие сословия в освоении региона достигает своей высшей точки. По мнению исследователей проблемы, казачество являлось крупнейшим землевладельцем в границах тех территорий, которые, оставаясь в сфере интересов кочевого населения, постепенно попадали в ареал гражданской колонизации и аграрных переселений. По мнению Т.Б. Митропольской, «передав войскам огромные владения лучшей пахотной земли и пастбищ, правительство вместе с источником жизни обеспечило казачество непреходящим источником конфронтации с коренным населением, у которого эти земли были изъяты или просто захвачены, а позднее – и с переселенческим крестьянством» [4. С. 11].

Симптоматично, что активизация крестьянских переселений, в том числе и несанкционированных, но признаваемых властями постфактум, в земледельческие местности Степного края создавала определённые прецеденты для имперской рекогносцировки в организации колонизационного процесса, что не могло не сказаться на взаимоотношениях субъектов освоения региона.

В менявшейся ситуации организаторы и участники переселенческого дела не могли не увидеть очевидных перемен, происходивших в сфере аграрной колонизации Степного края. Властям становилось ясно, что нарастающая волна самовольных переселений, проявившаяся в хаотичном притоке лиц земледельческого сословия в области степной полосы, приводила к более эффективным результатам в аграрной сфере, нежели долгосрочное внедрение земледельческих практик в казачью среду.

В необычайно коммуникативной крестьянской среде информация о хозяйственных успехах, часто приукрашенная, распространялась невероятно быстро, тем более что основания для оптимизма у потенциальных переселенцев в Степной край действительно были. В частности, по свидетельству В. Остафьева, экономический рост крестьянских посёлков в Акмолинской области, несмотря на первоначальную нищету дворов, являлся поразительным и резко бросаю-

щимся в глаза [5. С. 21]. За семь лет, с 1884 по 1890 г., благосостояние крестьян восьми посёлков Акмолинской области выросло в 3–4 раза. Несмотря на голодные 1891–1892 гг., как свидетельствует статистика, двух лет крестьянам оказалось достаточно для восстановления пошатнувшихся хозяйств [5. С. 60].

В официальных документах, в частности в записке об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левицкого), фиксировалась негативная оценка казачества с точки зрения их земледельческих навыков: «Казак, перенявши от киргиза много из одежды, пищи, привычек, до того обленился, что не только земледелием заняться не в силах, но не нарубит дров для варки пищи, а наймет для этого киргиза...» [6. Л. 56].

По мнению журналиста «Сибирской газеты» (№ 32 за 1881 г.), «заселение Иртышской линии русскими началось ранее 40-х годов прошлого столетия. Значит, мы хозяйничаем в степи около 150 лет. А как-то плохо верится этому при виде результатов почти полуторавековой культуры. Станицы, торчащие через каждые 20–25 вёрст, смотрят так уныло и бедно, а степь – так пустынно и безжизненно! Можно подумать, что проезжаешь по краю, недавно разорённому, или по совершенно “бесплодной” степи, неспособной отблагодарить человека за его труд. Но край пользуется спокойствием давно, а почва более чем благодатна, следовательно, причины бедности края нужно искать в человеке, заселившем этот край, и в его порядках» [7. С. 143].

Дискредитация казаков как землепашцев и культуртрегеров продолжилась свидетельствами следующего характера: «Сопоставляя между собою два населения, оседлое и кочевое, не трудно прийти к заключению, что оседлые жители – казаки – ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов, как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться. Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит немало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае наклонности казаков к лености и беспечности в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особенным местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать, чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах... совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительства, и вполне было бы изолировано от этого оседлого населения. Всякое сообщничество с этим сословием может принести один лишь только вред степному киргизу, который в умственном отно-

шении ничего не приобретет от казака, а в нравственном, быть может, даже и потеряет» [6. Л. 57–58].

Однако, несмотря на существующие опасения и предостережения, добиться полной взаимной изоляции коренного населения от казачества было объективно невозможно. Ощущение казачеством собственной сословной, субэтнической и региональной идентичности, а также способы реализации этой идентичности оказывали прямое воздействие на формирование особых взаимоотношений с «инородческим» сегментом сибирского социума, вовлекая в этот процесс и переселенческий контингент.

Характеризуя взаимоотношения казачества с коренным населением Степного края, И.Ф. Бабков констатировал: «Не подлежит сомнению, что казаки эксплуатируют киргизов, у которых они к тому же заняли и лучшие места в степи для своих поселений, и тем, до некоторой степени, стеснили кочевников, которым по образу жизни действительно необходимы для их стад обширные пастбища» [8. С. 37].

При этом, как утверждал М.И. Венюков, сибирские казаки «привыкли смотреть на степь как на свою аренду», собирали, по сути дела, дань с кочевников, что породило обоюдные недружелюбные отношения, которые «существуют искони и, вероятно, долго будут существовать» [9. С. 28]. По замечанию А.Н. Седельникова, «он (казак. – Б.Т.) смотрит на себя, прежде всего, как на “слугу царского”, гордится своим привилегированным положением, держит себя свысока в отношениях с крестьянином, которого унижительно именует “мужиком”, а к казаку относится вообще презрительно, называет “собакой”, обмануть или обругать которого – обычное явление» [10. С. 221].

Тем не менее долгосрочность контактов в областях Степного края между казачеством и коренным населением приводила к выработке определённого алгоритма взаимодействия между исследуемыми локальными группами, что до некоторой степени амортизировало конфликтность во взаимоотношениях. В.А. Остафьев риторически свидетельствовал: «...При полной бездеятельности казаков в степи просто невозможно жить. Нарубить дров, обработать пашню или огород, полоть всё лето гряды, извозничать... возить воду – всюду джатак» [5. С. 46].

Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. Для последних же наем на работу к казакам мог стать способом выжить и воспринимался как наименьшее зло. По этому поводу Г.Е. Катанаев писал, что в хозяйственном отношении и своем быту казак сам «полу-киргиз» и потому более привычен казаку, чем крестьянин или мещанин. Подобно рода рассуждения Г.Е. Катанаева сходятся и с другими мнениями. Так, Г.Н. Потанин свидетельствовал, что «здешний казак – ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержится наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов. В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но считается разговорным; киргизские обычаи также многие усвоены: например, казаки

охотно пьют кумыс и едят конину. Кража баранов из киргизских аулов, когда казаки находятся на годичной службе в киргизской степи, доведена у них до того же искусства, как и у самих киргизов, по пословице «С волками жить – по-волчьи выть»» [11. С. 306]. Н.М. Пржевальский, характеризуя коммуникативное пространство отношений казачества и «иностранцев», резюмировал: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих «иностранцев» соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников» [12. С. 299–300]. Член Степной комиссии А.К. Гейнс, не скрывая беспокойства, сетовал: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую можно ожидать а priori. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрусения в степи» [13. С. 117].

Вместе с тем, невзирая на близость, обусловленную совместным проживанием и, как следствие, некоторым сближением культурных типов, почва для конфликтов между казачеством и «иностранцами» аулами оставалась весьма благоприятной. В хозяйственно-экономическом плане основная причина заключалась в неудобстве расположения кочевий коренного населения, местоположение которых определялось по остаточному принципу. К этому необходимо добавить, что в распоряжении казаков в степной части сибирской ойкумены находились лучшие территории по берегам Иртыша «с богатейшими заливными полосами... которые служили главной приманкой для кочевника-скотовода» [14. С. 70]. В ходе обследований 1896–1902 гг., произведённых экспедицией Ф.А. Щербины, когда в поле зрения экспедиционеров попало 12 уездов Степного края (в том числе, Акмолинской и Семипалатинской областей), выяснилось, что большинство «иностранцев» хозяйств располагалось вне речной зоны, на степной стороне со скудной растительностью и дефицитом кормовой базы [Там же. С. 70–71].

Казаки действительно чувствовали себя хозяевами степи, тем более что колонизация степных областей входила в обязанность Сибирского казачьего войска. Г.Н. Потанин в этой связи отмечал: «Мы не можем сказать, отличается ли войско особенными колонизаторскими способностями; мы говорили уже, что некоторые из них имеют желание на переселение, но другие, напротив, с неохотой оставляют свою родину. Во всяком случае, колонизация киргизской степи не должна быть исключительно военно-поселенной, а рядом с последней должна идти и свободная колонизация, что удвоило бы наши успехи в Средней Азии» [11. С. 327].

Однако рост свободной колонизации, увеличение зоны образования переселенческих посёлков не уменьшили конфликтности, напротив, база конфронтации существенно расширилась.

В новых обстоятельствах казачество не только заявляло о готовности продолжить захваты земель ко-

чевников, но ревниво и, как правило, недоброжелательно относилось к появлению новых земельных конкурентов – крестьян-переселенцев. Появление переселенцев с их жадной земли угрожало не только кочевому землепользованию, но и казачьему привилегированному землевладению. Казачество, признавая социальную близость и русскую национальную общность с новоприходцами, демонстративно выделяло себя из крестьянской массы, а экономическая напряженность в землепользовании грозила перерасти в острый социальный конфликт.

П.П. Семёнов-Тян-Шанский, рассуждая о судьбах сибирского казачества в пореформенный период, фиксировал, что к концу 1860-х гг., когда начали происходить трансформации во взглядах правительства на колонизацию степных областей Западной Сибири и в казачестве как в постоянно мобилизованной военной силе нужда отпала, возникло наивное убеждение, что казак моментально из воина превратится в земледельца. «Подобного превращения, – замечает Семёнов-Тян-Шанский, – разумеется, не произошло: ни огромный земельный надел, ни дешёвый наёмный труд киргиз... ни что это не сделало казака земледельцем и пропагандистом земледелия. Идеология казака господствовала здесь очень продолжительное время и в высшей степени тормозила попытки открыть край для колонизации его элементами... более способными... для роли земледельцев» [15. С. 228].

Показательно, что скепсис казачества по отношению к переселенцам формировался в двух плоскостях – как в ментальной, так и социально-экономической.

Будучи социально близкими русским переселенцам, имея с ними этническое и конфессиональное родство, казаки, тем не менее, демонстрировали свою инакость, несходство с русским крестьянином, идентифицируя себя в мозаичной среде региона следующим порядком: «Киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить; а у мужика на то и руки сделаны как крюки, чтоб за сохой ходить; мужик берет горбом, а казак умом да казачьей сметкой. Нашего брата бьют на службе, когда на мужика похож» [16. С. 22].

Наплыв крестьян-переселенцев не только вызывал тревогу у казаков покушениями на их земельные владения, но и сопровождался стремлением оградить собственную казачью культурную идентичность. Слышались обвинения, что «голодные и подчас обнаглевшие иногородцы» живут за счет казаков, хищнически относятся к землям и угольям на казачьей войсковой территории, куда их неосторожно впустили когда-то из милости. Они отбирают у казаков их «кусок хлеба», захватывают пастбища, безнаказанно ловят рыбу в казачьих озерах, выбивают дичь в войсковых лесах, при этом «сотой доли не несут той тяготы, что несет казак» [17. С. 211–212].

Росту конфронтации между казачеством и русским переселенческим элементом активно способствовал, по нашему мнению, плохо организованный и поэтому малопродуктивный эксперимент по организации совместной хозяйственной деятельности локальных сообществ. Представители высшей административной бюрократии, демонстрируя изменившиеся приоритеты в выборе основного субъекта колонизации, стара-

лись презентовать фигуру переселенца в качестве идеального земледельца, по выражению П.П. Семёнова-Тян-Шанского, «инструктора» земледелия не только для кочевников-киргиз, но и для оседлого казачества [15. С. 228]. Так, в Акмолинской станице казаки, руководствуясь советами и опытом переселенцев, пытались производить посевы, но ряд неудач привёл их к заключению о непроизводительности местных почв. В то же время крестьяне-переселенцы из России, начав пахать не сохами, а плугами, добились хороших урожаев, продемонстрировав тем самым свои навыки профессиональных землепашцев. Поселившись в Павлодарском уезде, мигранты из Европейской России научили казаков обрабатывать места, считавшиеся с момента заселения Иртышской линии бесплодными [Там же. С. 228–229].

Однако казаки, перенимая крестьянский опыт, заимствовали и модели организации земледелия: «Пашем, где соха и коса ходит...». В.А. Остафьев, характеризуя восприятие казачеством крестьянских экстенсивных технологий, отмечал: «Каждый пахал и сеял, где пожелает и сколько времени хочет... Пашут и сеют, пока родит, а потом бросают землю. Так понемногу распахали все надельные земли, урвали, что можно, и теперь земля сильно выпалхалась и далеко не дает уже таких урожаев, как давала новая» [5. С. 150].

Во второй половине XIX в. для поддержания скотоводства казаки активно стали заниматься травосеянием. Учитывая зиму всего в три месяца и принимая в расчет весьма значительное количество овец и то, что «в счастливые зимы большая часть скота так же, как и у киргизов, остается на общественных выгонах», у казаков обнаруживался значительный излишек сена, который они продавали и иногда весьма выгодно [18. С. 224].

Однако обязанность выходить на лагерные сборы и на действительную воинскую службу, не позволявшие многим из казаков в полном объеме выполнить весь цикл сельскохозяйственных работ, единовременные непроизводительные затраты на покупку снаряжения и лошади и т.д. приводили к тому, что в конкуренции мелкоотоварных хозяйств казачье сословие проигрывало крестьянскому.

В результате в экономических моделях поведения казачества и крестьян-переселенцев несходств наблюдалось гораздо больше, нежели совпадений. Более того, стереотипы этого поведения фиксировались и охранялись законодательно. Так, советник Акмолинского областного правления Т.И. Тихонов в докладе о нуждах оседлого и кочевого населения за 1903 г. отмечал, что и без того ограниченные лесные зоны Степного края власти, апеллируя к закону, охраняют от переселенцев, тем временем казакам предоставляются неограниченные возможности для ведения хищнического лесного хозяйства [19. С. 34]. Т.И. Тихонов в своём докладе констатировал, что переселенцы-новосёлы постоянно жалуются на недостаток лесных материалов, отпускаемых на усадьбы и хозяйственные постройки. В то же время «по так называемой “Горькой линии”, по которой проходит железная дорога, масса заготовленных берёзовых дров... Всё это сплошь вырубается лес казачьих станиц и офицерских участков» [19. С. 35].

Не последнюю роль в формировании и эскалации конфликтов казачества с русскими переселенцами играл характер распределения мигрантов в границах колонизируемых территорий. В первую очередь это касалось южных районов Семипалатинской области, а именно Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов, где до начала XX в. не были установлены нормы киргизского землепользования. Отсутствие юридических критериев землеобеспечения и официально отмежеванных, подготовленных для принятия переселенцев участков приводило к тому, что переселенцы шли коротким путём: вдоль бассейна Иртыша, в направлении казачьих станиц, что неизбежно приводило к конфронтации [20. С. 189–190].

Таким образом, процесс включения казачества в этническое и социокультурное пространство Степного края осуществлялся в условиях осознания локальной группой своей сословной идентичности и культурного превосходства над другими сообществами региона. В этой системе координат соответствующим образом выстраивались отношения военнослужащих Сибирского казачьего войска как с «инородцами» края, так и постоянно прибывавшими в Степной край переселенцами из Европейской России.

К числу основополагающих факторов, определивших сложность, связанные с инкорпорацией казачества в социокультурный контекст колонизируемых территорий степных областей Западной Сибири, по нашему мнению, необходимо отнести следующее.

Во-первых, в период, предшествовавший массовым аграрным переселениям в регион, казачество расценивало имперскую власть в качестве основного субъекта колонизации, выполнявшего важнейшие военно-политические функции и, как следствие, именно с казачеством имперская бюрократия связывала перспективы русификации Степного края. Всё это не могло не оказать влияния на территориальное размещение казачьих общин в пределах степных областей края, предоставление сословию определённых преимуществ в расселении, образе жизни, ведении хозяйственных занятий, так или иначе ограничивавших правовые и экономические свободы коренного населения.

Во-вторых, с активизацией переселенческого движения в Степной край, сменой колонизационной парадигмы в общественно-политическом дискурсе и правительственной политике начинает обсуждаться вопрос о недостаточной эффективности казачьей колонизации, низком культуртрегерском потенциале локального сообщества казаков в колонизируемом регионе.

В результате происходивших процессов казачество неуклонно утрачивало позиции основного субъекта колонизации края. Упразднение имперских задач, связанных с военным завоеванием, и ориентация властей на аграрное освоение постепенно выводили казачество и их деятельность из спектра первоочередных интересов Российского государства на восточных окраинах страны. Обратной стороной данного явления становилась актуализация стереотипов социального, экономического, культурного поведения лиц казачьего звания, что усиливало их сословную замкнутость и субэтнический изоляционизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремнёв А.В., Суворова, Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
2. Чуркин М.К. К вопросу о социальной природе и самосознании сообщества русских казаков в контексте присоединения Сибири к России (XVI – XVII вв.) // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост. А.М. Лосунов и др. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 254–258.
3. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 9. Д. 15380.
4. Митропольская Т.Б. Из истории семиреченского казачества : учеб. пособие. Алматы : ЭділетПресс, 1997. 90 с.
5. Остафьев В.А. Очерк Акмолинской области // Сведения о Сибири. СПб., 1891. 151 с.
6. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587.
7. Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времён до XX века. Павлодар : КЕРЕКУ, 2000. 200 с.
8. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 гг. СПб. : Тип. В.Ф. Киришбаума, 1912. 575 с.
9. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб. : Типография Безобразова, 1873. 575 с.
10. Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край).
11. Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. СПб., 1861. С. 288–316.
12. Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 280–322.
13. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов : в 3 т. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. 597 с.
14. Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях XIX – начале XX в. (на материалах Северо-Восточного Казахстана) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2005. 120 с.
15. Россия: полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 1–19 / под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Импер. Рус. геогр. об-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Импер. Рус. геогр. об-ва ; [предисл.: Вениамин Семенов]. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1899–1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А.Н. Седельников, Л.П. Осипова, А.Н. Букейханов [и др. предисл.: В. Семенов]. 1903. VIII. 478 с.
16. Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1893. Кн. XV, вып. II. С. 1–24.
17. Уралец. Почему обеднели казаки // Великая Россия : сб. ст. по воен. и обществ. вопросам. М., 1911. С. 200–223.
18. Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч. 3. 282 с.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Степной край. СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1903. 119 с.
20. К вопросу о заселении южных уездов Семипалатинской области // Вопросы колонизации. 1908. № 4. С. 180–193.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 марта 2017 г.

COSSACKS AS THE SUBJECT OF AGRARIAN COLONIZATION OF THE STEPPE TERRITORY (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 165–170.

DOI: 10.17223/15617793/419/22

Bakyt S. Tokmyrzayev, Sirdariya University (Zhetysay, Kazakhstan). E-mail: nat. proff.om@yandex.ru

Keywords: Cossacks; agrarian colonization; settlers; class identity; indigenous people.

In this article, by referring to the research practice of the “new imperial history” the reasons for the reorientation of the government in the implementation of the policy of colonization in the steppe region, expressed in the rejection of the “services” of the Cossacks as the main subject of the agricultural development of steppe areas are determined. Developing the content of the power and socio-political discourse about the prospects for the agrarian colonization of the Steppe Territory in the post-reform period, as well as the role of the Cossacks in the agricultural development of the steppe regions of the Trans-Urals, made it possible to state that during the period under study there was an accentuation of imperial priorities in colonization, which were clearly demonstrated in the polemic about the basic actors of the agricultural development of steppe areas. In the research, the main approaches to assessing the potential culture-triggering opportunities of the local community of Cossacks are considered as the main subject of the colonization process. The main channels for the representation of value judgments, shedding light on the significance and results of Cossacks’ participation in the development of the steppe regions, are presented. With the increasing migration movements in the Steppe Territory, Cossacks steadily lost the position of the main subject of colonization, whereas the peasantry, becoming representative of the interests of the Russian Empire in the areas of the Steppe Territory, received serious financial and moral prerogatives in settling. Abolition of the imperial tasks related to the military conquest excluded the Cossacks and their activities from priority interests of the Russian Empire in the conditions of borderland development. An indirect cause of such a situation was the sharp sense of social identity of the Cossacks, and, as a consequence, the cultural superiority over other peoples – representatives of indigenous groups and settlers from European Russia. Thus, the military men of the Siberian Cossack troops built relations with different categories of the population of the region: indigenous groups were the Kazakhs, the Russians old-timers and immigrants arriving constantly in the Steppe Territory from the provinces of European Russia. The class localism of the Cossacks and their limited agricultural experience led to the adjustment of the imperial plans, which resulted in the stakes on the peasantry in the agricultural development of the region.

REFERENCES

1. Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: the imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Омск: Nauka.
2. Churkin, M.K. (2012) K voprosu o sotsial'noy prirode i samosoznaniy soobschestva russkikh kazakov v kontekste prisoedineniya Sibiri k Rossii (XVI – XVII vv.) [On the social nature and consciousness of the community of Russian Cossacks in the context of the annexation of Siberia to Russia (16th–17th cc.)]. In: Losunov, A.M. et al. (eds) *Nedbaevskie istoricheskie chteniya* [Nedbayev historical readings]. Омск: Омск State Pedagogical University.
3. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 9. File 15380. (In Russian).

4. Mitropol'skaya, T.B. (1997) *Iz istorii semirechenskogo kazachestva* [From the history of the Semirechie Cossacks]. Almaty: EdiletPress.
5. Osta'ev, V.A. (1897) Ocherk Akmolinskoy oblasti [Essay of Akmolinskaya region]. In: Sel'skiy vestnik. (ed.) *Svedeniya o Sibiri* [Information about Siberia]. St. Petersburg: Izd. red. "Sel'skogo Vestnika".
6. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 7. File 11587. (In Russian).
7. Insebaev, T.A. (2000) *Ocherki istorii Pavlodarskogo Priirtysh'ya s drevneyshikh vremen do XX veka* [Essays on the history of Pavlodar Irtysh region from ancient times to the twentieth century]. Pavlodar: EKO.
8. Babkov, I.F. (1912) *Vospominaniya o moyey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri, 1859–1875 gg.* [Memories of my service in Western Siberia, 1859–1875]. St. Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma.
9. Venyukov, M.I. (1873) *Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii* [The experience of the military watch of Russian borders in Asia]. St. Petersburg: Tipografiya Bezobrazova.
10. Sedel'nikov, A.N., Bukeykhanov, A.N. & Chadov, S.D. (1903) Istoricheskie sud'by Kirgizskogo kraya i kul'turnye ego uspekha [Historical destinies of the Kyrgyz region and its cultural success]. In: Sedel'nikov, A.N. et al. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva* [Russia. A complete geographical description of our homeland]. Vol. 18. St. Petersburg: A.F. Devrien.
11. Potanin, G.N. (1861) Zametki o Sibirskom kazach'em voyske [Notes on the Siberian Cossack troops]. In: *Voennyi sbornik* [Military Collection]. St. Petersburg.
12. Przheval'skiy, N.M. (1883) O vozmozhnoy voyne s Kitaem (Urga, 22 okt. 1880 g.) [On a possible war with China (Urga, October 22, 1880)]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia]. Vol. 1. St. Petersburg: Voen. tip.
13. Geyns, A.K. (1897) *Sobranie literaturnykh trudov: v 3 t.* [Collection of literary works: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
14. Borsukbaeva, A.M. (2005) *Kolonizatorskaya politika tsarizma v kazakhskikh zemlyakh XIX – nachale XX v. (na materialakh Severo-Vostochnogo Kazakhstana)* [The colonialist policy of tsarism in the Kazakh lands of the 19th – early 20th centuries (On the materials of North-Eastern Kazakhstan)]. History Cand. Diss. Almaty.
15. Semenov, V.P. (ed.) (1903) *Rossiya: polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey* [Russia: a complete geographical description of our homeland: a desktop and road book for Russian people]. Vol. 18. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
16. Katanaev, G.E. (1893) Khlebopashestvo v Bel'agachskoy bezvodnoy stepi Altayskogo gornogo okruga [Breeding in the Belagachsky waterless steppe of the Altai mountainous district]. *Zapiski ZSOIRGO*. XV:II. pp. 1–24.
17. Uralets. (1911) Pochemu obedneli kazaki [Why Cossacks became impoverished]. In: Ryabushinskiy, V.P. (ed.) *Velikaya Rossiya: sb. st. po voen. i obshchestv. voprosam* [Great Russia: articles on military and social issues]. Moscow: Red.-izd. V.P. Ryabushinskiy.
18. Krasovskiy, M. (1868) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff. Region of the Siberian Kirghiz]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Trapshelya, Rettera i Shneydera.
19. Tip. V. Kirshbauma. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Stepnoy kray* [Works of local committees on the needs of the agricultural industry. The Steppe Territory]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
20. G. (1908) K voprosu o zaselenii yuzhnykh uezdov Semipalatinskoy oblasti [On the settlement of the southern districts of the Semipalatinsk region]. *Voprosy kolonizatsii*. 4. pp. 180–193.

Received: 31 March 2017

РОССИЙСКИЕ ОДНОДВОРЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС, СОСЛОВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

При осмыслении социально-исторических процессов в России имперского периода в локусе внимания отечественной историографии традиционно оказывались крупные сословные группы – пролетариат, крестьянство, буржуазия. В то же время отечественное социокультурное пространство всегда отличалось этнокультурной и субкультурной мозаичностью. Локально-этнографические сообщества, дисперсно расселённые в пределах различных регионов, в том числе и сельскохозяйственного центра страны, характеризовались своеобразием организации хозяйственной жизни, выбором особых поведенческих стратегий в контактных зонах проживания. Локальное сообщество однодворцев занимало промежуточное положение между мелкопоместным дворянством и крестьянством, демонстрируя гибридные признаки этнокультурной и сословной идентичности. Подобный статус однодворцев, посредством обращения к историографической традиции, позволяет обнаружить перспективы изучения группы в более широкой смысловой перспективе, в контексте её миграционной мобильности и участия в переселенческом процессе пореформенного времени.

Ключевые слова: однодворцы; отечественная историография; крестьянство; локально-этнографические группы.

Формирование территориальных границ Российского государства, как продукта внутренней колонизации, стало результатом как минимум двух тенденций. С одной стороны, географический масштаб осваиваемого пространства активно стимулировал практики централизации, что в условиях полиэтничности и поликонфессиональности способствовало внедрению механизмов повторной колонизации, методов имперского принуждения и доминирования. Специфика колонизационного процесса в России определялась вотчинной логикой, сложившейся ещё в период объединительной работы северо-восточных князей и территориальных приращений эпохи Московского царства, в идейных границах которой ключевой оставалась идея отношения к неосвоенным и слабоосвоенным землям, лежавшим к востоку от основного государственного ядра, как к собственности, требующей дополнительной юридической легитимации. В данной ситуации широкий масштаб приобрели практики русификации окраин в процессе организации управления многочисленными локально-этнографическими, субэтническими и религиозными сообществами.

С другой стороны, отдалённость колонизируемых территорий, слабость инфраструктурных связей между центром и окраинами существенно амортизировали продуктивность имперских действий, направленных на «присвоение» территорий, которые определялись в государственном масштабе в качестве своих. Важным фактором, выступавшим в роли препятствия к формированию гомогенного в этническом отношении пространства Российской империи, являлось сохранение отдельных признаков этнокультурной идентичности локально-этнографических групп, к числу которых относились однодворцы южнорусских губерний.

Несмотря на то что в протяжении длительного времени отрезка под влиянием исторических и социальных обстоятельств происходила культурная конвергенция локальной общности однодворцев с русским крестьянством, законодательные меры и политические решения постепенно нивелировали различия в организации хозяйственной деятельности и быта всего сельскохозяйственного населения империи, тем не

менее, принадлежность однодворцев к военному сословию, сложившиеся традиции в условиях жизни на окраине государства не могли не наложить отпечаток на образ жизни локального сообщества, стратегии и практики повседневного поведения, в том числе и в контексте аграрной колонизации Западной Сибири в XIX – начале XX в.

В данном отношении историкам предстоит сложная и многоступенчатая работа, предполагающая дальнейшую детализацию и последовательную научную рефлексию в области составляющих сегментов переселенческого движения в Сибирь, в котором представительство мигрантов южнорусских (центрально-земледельческих) губерний – Воронежской, Орловской, Тамбовской, Курской, Тульской, Пензенской, Рязанской – местах наибольшей концентрации хозяйств однодворческого типа, являлось доминирующим. Не менее существенными являются проблемы описания практик трансляции этнокультурного опыта отдельных локальных групп в новую социокультурную среду, сохранения и видоизменения этнической и сословной идентичности, специфики адаптации к иным условиям жизни и хозяйственной деятельности.

Безусловно, решение поставленных задач предполагает осмысление историографического опыта в исследовании локальных групп европейской части страны, обнаружение лакунов, образовавшихся вследствие долговременного доминирования позитивистских подходов к изучению этносоциальных групп, с различной степенью интенсивности интегрированных в общеэтническое и государственное пространство Российской империи.

Отметим, что проблемы включённости локально-этнографической группы однодворцев в систему координат переселенческого движения в губернии и области Западной Сибири долгие годы не были вовлечены в спектр российской историографической традиции. Причины подобного положения дел заключались в том, что стартовый период изучения аграрных переселений в России совпал с эпохой Великих реформ 1860–1870-х гг. и освобождением крестьян, а также аграрно-экологическим кризисом в центрально-черноземных губерниях, что моментально придало

теме сибирских переселений яркую политическую и экономико-публицистическую окраску. Во властных структурах утвердилось мнение, что только та земля является русской, где прошёл плуг русского пахаря, а общественные силы видели продуктивность миграций на восточные окраины империи в решении проблемы крестьянского малоземелья и хозяйственного «оскудения». Таким образом, в публицистическом сегменте историографии (А.А. Исаев [1], А.А. Кауфман [2], А.С. Ермолов [3] и др.) главным субъектом аграрных переселений однозначно признавался русский крестьянин, представляя собой, как правило, сплошную однородную массу.

Тем не менее эскалация переселенческого движения и рост миграционной активности населения центрально-черноземных губерний активно способствовали систематизации самого переселенческого дела, проведению экспертных работ в области организации выхода и водворения мигрантов. Этот процесс, в свою очередь, привёл к обсуждению проблем этнической гетерогенности переселенческого потока, его этнокультурной мозаичности. В поле зрения исследователей стали всё чаще попадать «пограничные» сословия, отличавшиеся от основной крестьянской массы и, в частности, однодворцы. Справедливости ради нужно отметить, что впервые однодворцы как участники переселенческого движения в Сибирь были упомянуты в специальной литературе ещё в период «киселёвских» переселений 1840-х гг. в работе Я. Соловьёва. Соловьёв, по роду своей деятельности хорошо знакомый с положением крестьянства в России, поставил вопрос о происхождении однодворцев, о возникновении самого термина «однодворец», о службе однодворцев в ландмилиции и об их земельном праве в XVII–XVIII вв. Исследователем было установлено, что в XVII в. те дети боярские, которые владели только собственными дворами и не имели дворов крестьянских, относились к категории однодворцев [4].

Во второй половине XIX столетия был опубликован широкий круг научно-публицистических статей и монографий, в которых авторы предметно, посредством исторических экскурсов характеризовали юридический статус однодворцев, элементы организации их хозяйственной деятельности и этнографического быта (В.И. Семевский [5], Г.Н. Шмелёв [6], Ф.А. Щербина [7], Н.А. Благовещенский [8], Г. Германов [9], Д.К. Зеленин [10]).

В частности, В.И. Семевский подробно описал повинности однодворцев, круг служебных обязанностей, специфику землевладения и землепользования локальной группы. Необходимо отметить продуктивный опыт исследователя по обнаружению и публикации наказов однодворцев, поданных в Уложенную комиссию. Обработка материалов, располагавшихся на стыке источников личного происхождения и официального делопроизводства, позволила автору сделать важный вывод о процессах имущественного расчленения в однодворческой среде, а также обозначить основные принципы государственной политики XVIII–XIX вв. в отношении данного локального общества. В.И. Семевский констатировал, что во второй половине XVIII в. однодворцы переживали

«сильное развитие имущественного неравенства». Причина подобной ситуации, по его мнению, коренилась в исторически сложившейся форме землевладения однодворцев – владении на вотчинном и помещичьем праве, отсутствии переделов земли в однодворческих поселениях. Правительственные мероприятия XVIII в., в частности межевая инструкция 1766 г., открывали пути к изменению форм землевладения однодворцев, но в конечном итоге фискальные интересы перевесили эти «благие намерения» и сорвали их. В аспекте формирования ментальности локальной группы, исследователем была зафиксирована прочная связь между отсутствием общинного пользования землей и слабой внутрисословной солидарностью однодворцев в отстаивании своих прав.

Проблема обстоятельств и условий развития групповой локализации однодворцев получила дальнейшее толкование в научных трудах и публицистических заметках Н.А. Благовещенского. Исследователь впервые обратился к опыту хозяйственной деятельности и повседневной жизни однодворческих групп в условиях четвертного права, подчеркнув приоритетную роль государственной политики в организации экономической деятельности и правового статуса однодворцев. В данном отношении Н.А. Благовещенский «педалировал» особую значимость исторической принадлежности однодворцев к служилому сословию, что способствовало закреплению традиций в сфере организации быта и поведенческих стратегиях. Так, на страницах «Вестника Европы» автор отмечал: «...являясь прямыми потомками служилого, помещичьего сословия, нынешние однодворцы не могли не унаследовать от своих предков той доли изолированности, которая была некогда создана личным помещением служилого человека...» [11. С. 681].

Достаточно сказать, что в трудах названных исследователей были поставлены и в основном решены вопросы эволюции подворного четвертного владения в общинное, приведшей к частичному исчезновению «демаркации» между однодворцами и крестьянством (В.И. Семевский, Н.А. Благовещенский, Ф.А. Щербина, П. Зверев); формирования конфессиональной и этнической идентичности локальной группы (Я. Соловьёв, Д.К. Зеленин); культурной и социальной природы миграционной мобильности сословия (Г. Германов).

Знаковую роль в актуализации однодворческой проблематики в связи с задачами аграрной колонизации и переселенческого движения сыграла политическая ситуация на западных окраинах империи, где в продолжении 1830–1860-х гг. дискутировался и политически решался вопрос о статусе беднейших слоёв польской шляхты, переведённой в однодворческое состояние с последующей ликвидацией данного сословия де-юре в 1857–1858 гг. и окончательным причислением к крестьянам и мещанам в 1868 г. [12]. Именно в этот период впервые остро встал вопрос о переселении деклассированной, но сохранившей черты шляхетской идентичности (и потому политически опасной) группы в Сибирь, что в известной степени и на короткий срок реанимировало однодворческую проблему.

Следует отметить, что имперская позиция, совершенно с которой переселенческое движение в Сибирь

рассматривалось в контексте доминирующей роли русского крестьянства, оказалась устойчивой и, что немаловажно, созвучной новым историографическим подходам, утверждение которых пришлось на советский период. В советской историографии окончательно возобладали марксистско-ленинская схема «единого крестьянского фронта», отрицавшая какие-либо национальные и социальные различия.

Идеологическая предопределённость фактически исключила однодворческую проблематику из круга вопросов, связанных с переселением этой локально-этнографической группы в Сибирь, переместив её в область социально-экономической истории XVI–XVIII вв. (Н.М. Дружинин [13], В.А. Александров [14], М.Д. Рабинович [15], Ф.И. Лаппо [16] и др.).

Так, Н.М. Дружинин определял новообразованную, юридически оформленную правительством Петра I категорию сельского населения – однодворцев в качестве особой группы феодально зависимого населения, являвшейся одним из разрядов государственных крестьян. Историк, в духе сложившейся исследовательской парадигмы, полагал, что однодворцы, подобно остальным разрядам государственных крестьян, являлись юридической принадлежностью основного носителя государственной власти и обладателя всей земли, не занятой частными собственниками – царю.

В.А. Александров, соглашаясь с выводами Н.М. Дружинина, оценивал положение мелких служилых людей в XVII в. как переходное и на этом основании усматривал их связь с потомками-однодворцами, обращенными в первой четверти XVIII в. в государственное крестьянство.

По мнению М.Д. Рабиновича, в XVII в. термин «однодворец» означал «имущественное состояние и степень боеготовности военных служилых людей юга страны», а после переписи 1710 г. «он покрыл собой, за малым исключением, все многочисленные прослойки и группы военных служилых людей старых (прежних) служб в Киевской и Азовской губерниях и сделался синонимом разновидности государственных крестьян» [15. С. 490].

Вопросы социально-экономической истории однодворцев оказались отражены в статьях и сообщениях Ф.И. Лаппо, исследовавшим указы однодворцев. Автором был произведён анализ погостных, уездных и провинциальных наказов однодворцев в Уложенную комиссию 1767 г. от Белгородской, Севской, Орловской провинций Белгородской губернии и Елецкой провинции Воронежской губернии. В процессе исследования Ф.И. Лаппо пришел к выводу о возможности использования этого вида источников путем сопоставления их с другими данными для изучения положения однодворцев, наблюдавшегося среди них процесса расслоения в середине XVIII в. Учёный установил присутствие демократической тенденции в содержании наказов, определив их как одну из форм протеста однодворцев против эксплуатации их помещиками и крепостническим государством.

В современных условиях развития историографии вопроса, сформировались благоприятные предпосылки для реализации задач, связанных с участием локально-этнографических групп в переселенческом

движении и определения их места в колониационном процессе. К числу таковых следует отнести ситуацию антропологического поворота в гуманитарной науке, что открыло широкие возможности обращения к современным научно-исследовательским практикам, позволяющим выйти из жёстких рамок, заданных позитивистской традицией отечественной историографии. В данном отношении важную роль исполняют достижения сопредельных истории наук – этнографии и этнологии, долгие годы посвятившие сбору, обработке и анализу фактического материала об этнографических группах русского народа, как в центре, так и на окраинах империи.

Так, в Западной Сибири сложилось несколько научных направлений, в эпицентре внимания которых сосредоточены следующие проблемы: процессы адаптации материальной культуры казаков и старообрядцев к сибирским условиям (О.Н. Шелегина); традиционная обрядность старожильческих и переселенческих групп русских сибиряков (Е.Ф. Фурсова); локальные варианты описания традиционной народной культуры русского населения Алтайского края (Т.К. Цеглова); сюжеты этнической истории и традиционной культуры различных групп русских сибиряков (М.Л. Бережнова, А.А. Крих); детерминирующие факторы миграционной мобильности, адаптационного потенциала и стратегий адаптивного поведения переселенцев в условиях риска (М.К. Чуркин, М.А. Нагорная); факторы и условия формирования современного этнического самосознания русского населения (М.А. Жигунова) и трансформации традиционной культуры русских сибиряков (Т.Н. Золотова, И.В. Чернова). Отдельное направление исследований составляет изучение переселения в Западную Сибирь в 1850–1860-х гг. статусной группы панцирных бояр (М.М. Громыко, Т.С. Мамсик, А.А. Крих, Р.Ю. Федоров), образовавших в Ишимском и Тарском округах несколько локальных групп.

Непосредственно проблемы переселения однодворцев в Западную Сибирь от 1840-х гг. до начала XX в. получили освещение в работах А.А. Крих, выявившей нормативно-правовые основания переселений и водворения однодворцев в губерниях и областях Западной Сибири [17]. Исследователем были изучены вопросы, связанные с первым массовым актом переселения однодворцев в Сибирь в период реформы государственной деревни графа П.Д. Киселёва. Отметим, что автору удалось обнаружить важнейшие принципы имперской политики в аграрном вопросе и колониационном деле, утверждавшихся в 40-х гг. XIX столетия и проявившихся в выборе основного субъекта аграрного освоения региона. В этом плане А.А. Крих справедливо отмечает, что имперские власти эпохи «киселёвских» реформ были заинтересованы в скорейшем лишении однодворцев признаков обособленной локально-этнографической группы и слиянии их с государственным крестьянством. Сам факт постановки такой задачи в правительственных сферах косвенно указывал на культурное и хозяйственно-экономическое своеобразие локальной группы. Кроме того, в работах А.А. Крих оказались выявлены основные территориальные очаги

расселения однодворцев в Западной Сибири (Омское Прииртышье), что даёт возможность, с опорой на материалы прошений и ходатайств переселенцев по разным поводам, делать выводы относительно практик адаптации сообщества однодворцев к природным и социокультурным условиям региона-реципиента, стратегий повседневного поведения группы в обстоятельствах принимающего общества.

И.В. Черновой, в контексте истории переселений однодворцев в сибирский регион, определены и уточнены ареалы размещения однодворческих семей в границах современной Омской области [18]. Важным сегментом авторских исследовательских практик следует признать обращение к микроисторическим сюжетам: семейным отношениям в однодворческой среде, что открывает широкие перспективы в решении вопросов о социальной идентичности однодворцев, элементы которой рельефно проявлялись в условиях региональной крестьянской повседневности, включая эпизоды взаимодействия с местным населением в местах водворения и обустройства.

В статьях М.К. Чуркина осваивается география размещения «однодворческих» групп в пределах Европейской России [19, 20]. Значительное место уделено определению принципов государственной политики в отношении аграрных переселений, участия и роли отдельных локальных сообществ в данном процессе. Однодворческая проблематика рассматривается в контексте миграционной мобильности сельского населения черноземного центра империи и базовых позиций правительственной бюрократии в организации переселенческого дела. В частности, автором высказана гипотеза, в соответствии с которой выбор

крестьянства в качестве главного субъекта переселений на восточные окраины страны способствовал словесной инкорпорации однодворцев в государственное крестьянство.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной историографии в продолжении длительного исторического отрезка осваивались по преимуществу вопросы социально-экономического статуса локально-этнографической группы однодворцев. Системным признаком однодворческой проблематики можно признать существование историографической полемики о процессах эволюции представителей сообщества от служилого сословия к государственному крестьянству. Между тем в контексте общей историографической тенденции, с достаточной степенью отчётливости, можно обнаружить подходы, в рамках которых происходила институционализация отношения к группе как локально-этнографическому сообществу с выраженными признаками отличной от крестьянской социокультурной идентичности.

Таким образом, перед исследователями открываются реальные перспективы заполнения лакун в означенной проблематике. К числу таких «белых пятен» в историографии следует отнести проблемы участия, а также роли локального сообщества однодворцев в переселенческом процессе, обстоятельства формирования и эволюции структурных компонентов региональной и социокультурной идентичности однодворцев в переселенческом процессе, стратегий социального поведения и адаптации однодворцев в сложных хозяйственно-экономических условиях региона водворения, влияния традиционной культуры южнорусского населения на культурный облик принимающего сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. 192 с.
2. Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб., 1905. IX, 349, 81 с.: табл. (Библиотека «Общественной Пользы»). Ч. 1: Государство и переселения. 1861–1894. Ч. 2: Переселения, их причины и значение для народного хозяйства.
3. Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. 291 с.
4. Соловьев Я. Об однодворцах // Отечественные записки. 1850. № 69. Отд. 2. С. 81–100.
5. Семевский В.И. Казённые крестьяне при Екатерине II // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 35–53.
6. Шмелев Г.Н. Несколько замечаний об однодворцах (Разбор исследования Н.А. Благовещенского). Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1901. 41 с.
7. Щербина Ф.А. Четвертное землевладение в Воронежской губернии // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. С. 460–485.
8. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. 546 с.
9. Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежском крае // Западное географическое общество. 1857. № XII. С. 222–227.
10. Зеленин Д.К. Великокорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб. : Тип. А.В. Орлова, 1913. 558 с.
11. Благовещенский Н.А. Свообразный институт у однодворцев // Вестник Европы. 1900. Т. 5, кн. 10. С. 675–692.
12. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 702–933.
13. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М. ; Л., 1946. Т. I, II. 632 с.
14. Александров В.А. К вопросу о происхождении государственных крестьян // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 90–96.
15. Рабинович М.Д. Судьбы «служилых людей старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века : дис. канд. ... ист. наук. М., 1953.
16. Лаппо Ф.Я. Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 232–264.
17. Крих А.А. Переселение однодворцев в Омское Прииртышье в первой половине XIX века: практика и планы // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посв. 300-летию Омска. Омск : Амфора, 2015. С. 342–345.
18. Чернова И.В. История расселения локальных групп переселенцев-однодворцев в Муромцевском и Горьковском районах Омской области на страницах районных газет // Третьи Ядринцевские чтения : матер. III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. Омск : Амфора, 2015. С. 414–416.
19. Чуркин М.К. Однодворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX в.) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 34–40.
20. Чуркин М.К. Сословная и этнокультурная идентичность российских однодворцев в переселениях второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 5 (9). С. 52–57.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 марта 2017 г.

RUSSIAN SMALLHOLDERS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 21ST CENTURIES: SOCIOECONOMIC STATUS, CLASS IDENTITY, MIGRATION MOBILITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 171–175.

DOI: 10.17223/15617793/419/23

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: smallholders; Russian historiography; peasantry; local ethnic groups.

The present article aims to identify and systematize the approaches in Russian historiography to the place and a role of local ethnic groups in the social processes of the Russian Empire. The analysis of the historiographical tradition of the question showed that problems of behavioral strategies and practices of the local smallholders community with its ethnocultural and economic originality was in the sphere of professional researchers' attention extremely seldom. At the same time, smallholders of the agricultural provinces of Russia represented a group with evident signs of a sociocultural identity. In historiography, this category of the South Russian population, whose representatives were descendants of the service class people of the 16th–17th centuries, was identified both as the nobility and as the peasantry. The complexity of identification generated research approaches within which authors focused attention only on the economic aspects of smallholders' activities. Nevertheless, it is already in the second half of the 19th century that authors gradually shifted their research attention from economic forms of smallholders' life to the cultural elements of the daily life of a local group. This tradition was interrupted during the Soviet period of historiography when, due to the ideological circumstances, local ethnic groups were excluded from research practices; the tradition was restored in modern Russian historiography. The approaches which are formed at the turn of the 21st century give historians and ethnographers an opportunity to have a more complete idea of behavioral practices of local communities in particular smallholders, in the sociocultural life of Russia. Researchers can study problems of migration mobility of the community, the strategy of adaptive behavior in the resettlement process (the smallholders were part of this process along with the state peasantry of different provinces of the empire), specifics of daily life and traditional culture. So, Russian historiography had long studied the problems of the social and economic status of the smallholders' local ethnographic group. Meanwhile, in the context of the general historiographical tendency there are approaches that allow researches to note features of the smallholders' sociocultural identity differing from the peasant one, which opens real prospects of filling the gaps in the problem.

REFERENCES

1. Isaev, A.A. (1891) *Pereseleniya v russkom narodnom khozyaystve* [Resettlement in the Russian national economy]. St. Petersburg: A.F. Tsinzerling.
2. Kaufman, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za".
3. Ermolov, A.S. (1906) *Nash zemel'nyy vopros* [Our land issue]. St. Petersburg: Tip. V.Kirshbauma.
4. Solov'ev, Ya. (1850) Ob odnodvortsakh [On smallholders]. *Otechestvennye zapiski*. 69:2. pp. 81–100.
5. Semevskiy, V.I. (1879) Kazennyye krest'yane pri Ekaterine II [State peasants under Catherine II]. *Russkaya starina*. 25. pp. 35–53.
6. Shmelev, G.N. (1901) *Neskol'ko zamechaniy ob odnodvortsakh (Razbor issledovaniya N.A. Blagoveshchenskogo)* [A few remarks about smallholders (Analysis of N.A. Blagoveshchensky's research)]. Kharkov: Tip. Adol'fa Darre.
7. Shcherbina, F.A. (1886) Chetvertnoe zemlevladienie v Voronezhskoy gubernii [The quarter land ownership in the Voronezh Province]. In: *Voronezhskiy yubileynyy sbornik* [Voronezh Jubilee Collection]. Voronezh: Voronezh. gub. stat. kom.
8. Blagoveshchenskiy, N.A. (1899) *Chetvertnoe pravo* [Quarter law]. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i Ko.
9. Germanov, G. (1857) Postепенное rasprostraneniye odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskom krae [Gradual distribution of the smallholder population in the Voronezh region]. *Zapadnoe geograficheskoe obshchestvo*. XII. pp. 222–227.
10. Zelenin, D.K. (1913) *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadneneznykh soglasnykh v svyazi s techeniyami pozdneyshyey velikorusskoy kolonizatsii* [Great Russian dialects with an inorganic and intransitive softening of back-alveolar consonants in connection with the currents of the later Great Russian colonization]. St. Petersburg: Tip. A.V. Orlova.
11. Blagoveshchenskiy, N.A. (1900) Svoeobraznyy institut u odnodvortsev [A peculiar institution in smallholders]. *Vestnik Evropy*. 5:10. pp. 675–692.
12. Bovua, D. (2011) *Gordiev uzel Rossiyskoy imperii: Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [The Gordian knot of the Russian Empire: Power, the gentry and the people in Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Druzhinin, N.M. (1946) *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State peasants and the reform of P.D. Kiselev]. Vols I–II. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Aleksandrov, V.A. (1950) K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstvennykh krest'yan [On the origin of state peasants]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 90–96.
15. Rabinovich, M.D. (1953) *Sud'by "sluzhilykh lyudey starykh sluzheb" v period formirovaniya regul'arnoy russkoy armii v nachale XVIII veka* [The destinies of "servicemen of the old service" during the formation of the regular Russian army in the early 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
16. Lappo, F.Ya. (1950) Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [Instructions of smallholders as a historical source]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 35. Moscow: USSR AS.
17. Krikh, A.A. (2015) [The resettlement of smallholders in Omsk Irtysh region in the first half of the 19th century: practice and plans]. *Tret'i Yadrintsevskie chteniya* [Third Yadrintsev Readings]. III all-Russian conference. Omsk: Amfora. pp. 342–345. (In Russian).
18. Chernova, I.V. (2015) [The history of the resettlement of local groups of settlers-smallholders in Muromtsevsky and Gorky districts of Omsk Oblast on the pages of regional newspapers]. *Tret'i Yadrintsevskie chteniya* [Third Yadrintsev Readings]. III all-Russian conference. Omsk: Amfora. pp. 414–416. (In Russian).
19. Churkin, M.K. (2016) Odnodvortsy tsentral'nykh i zapadnykh guberniy Rossii: faktory etnokul'turnoy identichnosti i migratsionnyy potentsial (XIX – nachalo XX vv.) [Smallholders of central and western provinces of Russia: the factors of ethnocultural identity and migration potential (19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 3 (12). pp. 34–40.
20. Churkin, M.K. (2015) Soslovnaya i etnokul'turnaya identichnost' rossiyskikh odnodvortsev v pereseleniyakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Class and ethnocultural identity of Russian smallholders in the settlements of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2015. 5 (9). pp. 52–57.

Received: 06 March 2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Анализируются основные виды исторических источников (опубликованные и неопубликованные), позволяющие воссоздать цельное представление о быте и повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Исследование материально-бытового положения населения тесно связано с темой повседневной жизни людей в годы войны, которая выступает в современных условиях как одна из приоритетных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; городское население; исторические источники.

История Великой Отечественной войны имеет непреходящее общественно-политическое значение. Она неразрывно связана с формированием национальной идеи, пониманием патриотизма, воспитанием молодого поколения. Сегодня необходимость глубокого и всестороннего изучения различных аспектов войны выступает как государственная задача.

Война принесла людям горе и множество трудностей. В тыловых районах страны, в том числе Западной Сибири, произошли резкое снижение уровня продовольственного обеспечения населения, существенное сокращение объемов гражданского строительства, производства товаров народного потребления, оказания бытовых услуг.

Актуальность изучения материально-бытового положения городского населения в годы войны представляется очевидной. Нельзя понять механизм перестройки народного хозяйства на военные рельсы без анализа глубоких количественных и качественных изменений в материально-бытовой жизни горожан. Одновременно изучение различных аспектов повседневной жизни городского населения дает возможность увидеть, какими методами и средствами достигалась перестройка экономики на военный лад, понять жертвы и лишения людей в годы военного лихолетья.

Исследование материально-бытового положения тесно связано с более широкой темой повседневной жизни людей в годы войны, которая выступает в современных условиях как одна из приоритетных.

Материально-бытовая сторона жизни населения в годы войны была крайне тяжелой. По сути дела, речь шла о физическом выживании людей. Именно в этих обстоятельствах проявлялись не только лучшие, но нередко и худшие качества человека: эгоизм, безразличие и равнодушие, корысть и др. Исследование различных аспектов жизни людей, в том числе негативных, не очерняет, но способствует созданию объективной, приближенной к реальности картины исторической действительности.

Исторические источники изучения материально-бытового положения городского населения Западной Сибири в годы войны (опубликованные и неопубликованные) отличаются многообразием и спецификой. Весь комплекс источников можно разделить на следующие группы: 1) законодательные и нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственная документация; 3) статистические материалы и сборники доку-

ментов; 4) материалы центральной и региональной периодической печати; 5) источники личного происхождения.

К первой группе источников (законодательные и нормативно-правовые акты) следует отнести опубликованные государственные и партийные документы директивного характера, имевшие общесоюзное значение (указы Президиума Верховного Совета СССР, отдельные и совместные постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), приказы различных наркоматов) [1, 2]. Совместные постановления СНК СССР (высшего органа исполнительной власти) и ЦК ВКП(б) (формально органа общественной организации) не вызывают удивления. В условиях советской однопартийной политической системы еще до войны произошло сращивание государственных и партийных структур при ведущей роли последних.

Отдельные опубликованные документы высших органов власти касались непосредственно регионов Западной Сибири [3. С. 62, 65, 69]. В эту группу источников входят также нормативные документы органов власти областного уровня, опубликованные в периодической печати [4, 5]. К нормативным актам примыкают и неопубликованные (архивные) документы – постановления и решения областных исполкомов Советов и обкомов ВКП(б) Западной Сибири, не предназначенные для открытой печати, но обязательные к неукоснительному исполнению соответствующими учреждениями [6. Л. 17–18; 7. Л. 6].

В целом анализ документов законодательно-нормативного характера позволяет проследить юридические и фактические изменения во внутренней политике государства в условиях войны, непосредственно отразившиеся в сфере материально-бытового положения гражданского населения.

Ко второй группе источников относится делопроизводственная документация, представленная архивными (неопубликованными) материалами. Массив делопроизводственных документов, отложившихся в архивах, настолько велик, что требует внутреннего структурирования. Уместно выделить несколько подгрупп делопроизводственных документов.

1. Отчетные материалы включают докладные и служебные записки, справки, отчеты, а также пояснительные записки к ним, составленные должностными лицами государственных учреждений и направленные, как правило, в вышестоящие инстанции. Так, в Государственном архиве Российской Федерации

(ГА РФ) в фонде Главного управления коммунального хозяйства при СНК РСФСР (Ф. А-314) содержатся отчеты и докладные записки о выполнении планов жилищно-коммунального строительства, о состоянии водоснабжения, санитарно-эпидемиологическом положении в городах Западной Сибири. В фондах Российского государственного архива экономики (Ф. 9560 и 377) найдены документы, отразившие процесс проектирования и монтажа теплового оборудования предприятий, особенности архитектуры и строительства в годы войны.

Обширный комплекс отчетных документов содержится в государственных архивах регионов Западной Сибири, чаще всего в фондах областных (городских) исполкомов Советов депутатов трудящихся или обкомов (горкомов) ВКП(б). Снабжение населения продовольствием в условиях карточной системы на продукты питания, скоростное упрощенное строительство жилья в условиях войны, размещение и ввод в действие эвакуированных предприятий, оказание материальной помощи семьям фронтовиков, инвалидам, детям, расселение эвакуированных граждан – далеко не полный перечень вопросов, нашедших отражение в материалах [8. Л. 83; 9. Л. 2 и др.]. Ценность подобных документов заключается в том, что они содержат обычно обобщенные сведения о том или ином явлении в материально-бытовой сфере жизни граждан за определенный отчетный период.

2. Переписка государственных учреждений и должностных лиц (письма, сообщения, информации) в порядке вертикали подчиненности или неподчиненности напрямую друг другу в плановом (или в неплановом, срочном) формате. Так, в письме уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Новосибирской области И. Кузнецова от 30 июня 1944 г. «О бездушно-бюрократическом отношении к удовлетворению насущных нужд рабочих на некоторых заводах г. Новосибирска» речь шла о грубейших нарушениях законодательства в выдаче зарплаты труженикам [10. Л. 71]. Буквально крик о помощи содержался в письме директора Новосибирского педагогического и учительского института Н. Рогозина на имя секретарей обкома и горкома ВКП(б) в марте 1944 г.: «Мой заместитель по научно-учебной работе 60 лет от роду спит в холодном кабинете, где температура 1–3 градуса, профессор педагогики Ильин – старик 67 лет, живет в холодном номере гостиницы, из которого его ежемесячно буквально выгоняют. Кандидат экономических наук, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма с семьей в 5 человек живет в комнате 11 метров, сырой, не приспособленной для жилья. Кандидаты наук и заведующие кафедрами Париллов и Осипов живут в сыром углу, из которого хозяева каждый день просят уйти. Многим студентам хозяева отказали в квартирах, и студенты ночуют в холодных аудиториях института» [7. Л. 114]. Особенностью этой группы документов является наличие конкретных примеров, ярких фактов материально-бытовых условий жизни граждан.

3. Протоколы и стенограммы велись на заседаниях Коллегии наркомата коммунального хозяйства РСФСР, сессиях областных и городских Советов депутатов трудящихся Западной Сибири. На четвертой сес-

сии Кемеровского областного Совета в июле 1944 г., например, обсуждался широкий круг вопросов, связанных с материально-бытовым положением горожан. Стенограмма зафиксировала основной доклад, выступления депутатов в прениях, содержавшие критическую оценку работы коммунального хозяйства и предложения по ее улучшению [11].

4. Делопроизводственную документацию партийных организаций в силу особого политического статуса ВКП(б) следует выделить в отдельную подгруппу. Решения партийных комитетов были обязательными для исполнения соответствующими советскими, комсомольскими, профсоюзными организациями. Иными словами, партийные органы являлись несущей конструкцией советской государственной системы. Так называемое партийное руководство – не придуманный термин, это реальность рассматриваемого периода. Организации ВКП(б) выступали не только как «руководящая и направляющая», но и как контролирующая сила. Первичные партийные организации направляли в вышестоящие органы отчеты о состоянии дел в той или иной сфере жизни городов. Кроме того, райкомы, горкомы, обкомы ВКП(б) имели право запросить и потребовать справки и отчеты о работе предприятий и учреждений. На партсобраниях в первичных организациях поднимались не только вопросы производственного характера, но и бытовые, персональные, морально-этического свойства.

Объемный корпус документов по теме исследования содержится в фонде ЦК ВКП(б)-КПСС, хранящимся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 17). Отдельного внимания заслуживают документы Секретариата, который занимался главным образом проверкой исполнения решений ЦК. В фонде содержатся письма, телеграммы о материальном положении и жилищно-бытовых условиях граждан, о снабжении населения продовольствием и промышленными товарами, докладные записки о трудоустройстве эвакуированного населения и др.

Конечно, особый интерес вызывают архивные документы, которые, по известным причинам, не могли быть использованы в советской литературе. Например, органы НКВД и НКГБ, осуществлявшие контроль над политическим и моральным состоянием общества, постоянно практиковали вскрытие и перехват почтовой корреспонденции. Правоохранительные органы делали подборку наиболее характерных высказываний жителей по насущным проблемам питания, жилья, условий труда. Информация в виде специальных сообщений под грифом «Секретно» уходила в партийные органы. Лица, допустившие резкие высказывания, брались на заметку. Письма обычных граждан, ничего не подозревавших о перлюстрации, нередко содержали крайне негативную оценку организации питания, проживания, морально-психологического давления при проведении подписки на займы со стороны партийных и государственных структур и т.д. Из письма гражданки Сизяковой, проживавшей в Томске, перехваченного в середине 1944 г.: «У нас в Томске жить стало невыносимо, на рынке ничего нет... Валя ходит собирает лебеду, мы из нее

варим суп, прямо голодаем, пайка еще не дали, хотя июнь месяц уже прошел, за половину мая еще не получили, а также жалование еще не получили. Я пенсию тоже не получаю, вещи совсем не продаются, прямо ложись и умирай, я хотя пойду пошить к одним евреям платье, так они меня накормят тарелкой супа. Валя стоит целый день голодная, мы уже начинаем с голоду пухнуть, ведь здесь не мы одни, а многие голодают в Томске» [12. Л. 46].

Известно, что в годы войны были существенно увеличены налоги, граждане активно участвовали в сборе средств для фронта, теплых вещей для бойцов Красной армии, подписке на военные займы и др. Проблема «добровольности» участия граждан в таких мероприятиях недостаточно изучена в исторической литературе. В советский период, по понятным причинам, авторы не имели возможности критически относиться к историческим источникам. Получалось, что граждане добровольно и с воодушевлением давали деньги государству. В современной литературе преобладает утверждение о том, что государство изымало средства у населения. Судя по всему, были и убеждение, и принуждение. Массированная идеологическая обработка населения, моральное давление на граждан при проведении мероприятий по сбору средств подтверждаются архивными документами. В протоколах собраний первичной партийной организации Томторга в сентябре 1941 г. содержится постановление, по которому все коммунисты и комсомольцы должны были до 25 сентября сдать теплые вещи и добиться 100%-го участия в сборе теплых вещей от беспартийных работников, иначе ставился вопрос об их членстве в партии [13. Л. 76]. Такое же наблюдалось и при подписке на заем, и при участии в денежно-вещевой лотерее [Там же. Л. 74].

Как свидетельствуют архивные документы, неучастие граждан в добровольных патриотических акциях объяснялось не какими-то принципиальными соображениями, а полуголодным существованием и всеобщим обнищанием. Так, в протоколах партийных собраний (закрытая часть) содержатся свидетельства: «Я сказал и теперь говорю, что я ничего не сдавал и сдавать не буду. Шарф внести я считаю позорным, а крупных и более ценных вещей у меня нет и достать негде»; или: «Я продала бы последнюю юбку и купила бы пимы для Красной армии, но купить их совершенно негде, сама же я их не имею. Что могла сдать – я сдала». Партийные органы констатировали: «Сбор теплых вещей проходит плохо не потому, что не хотят сдавать, а потому, что хороших новых вещей никто почти не имеет, а старые сдавать не имеет смысла» [Там же. Л. 77].

Изучение таких документов дает возможность исследователям заглянуть «вглубь» проблем, увидеть то, что оставалось за скобками официальной информации, а то и противоречило ей.

Третья группа источников представлена статистическими материалами и сборниками документов по истории войны. Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. позволяют увидеть общую демографическую картину Западной Сибири в предвоенный период [14, 15]. Экономическая статистика помогает проследить количественные и качественные из-

менения в развитии народного хозяйства страны и региона [16, 17]. Динамика развития организаций ВКП(б) представлена партийной статистикой [18, 19].

Публикации сборников документов по истории Великой Отечественной войны начались в Западной Сибири в середине 1960-х гг. и продолжают сегодня. Они содержат самые разнообразные сведения о жизни людей в тыловых областях, главным образом о производственной деятельности [20–23]. Особо отметить тематические сборники документов, посвященные проблемам эвакуации и рэвакуации населения, составителем и редактором которых является исследователь Л.И. Снегирёва [24, 25].

Четвертая группа источников – материалы центральной и региональной периодической печати. Периодическая печать, как известно, является ценным, но весьма специфическим историческим источником. Ценность заключается в том, что газеты, с одной стороны, оперативно реагировали на важные события в жизни городского населения, сообщали о принятых решениях, оповещали граждан о предстоящих мероприятиях, субботниках, освещали некоторые вопросы благоустройства, трудовой дисциплины, материального положения граждан [26–29]. Особо следует отметить ценность газетных объявлений военного времени. Именно они содержали ненавязчивую информацию о многих материально-бытовых вопросах, касавшихся горожан (объявления о замене абонентских книжек за электроэнергию, квартирной плате, приеме на работу и др.).

С другой стороны, периодическая печать в годы войны находилась под цензурой ВКП(б), носила прокоммунистический характер и не могла объективно освещать процессы и события. Современное прочтение газет военного времени требует взвешенной оценки публикаций.

Пятую группу составляют источники личного происхождения. Опубликованные воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла не только повествуют о событиях военного времени, но и передают эмоционально-личностную оценку происходившего. «В Томске – глубокий тыл. Война здесь не гремела канонадой, не плевалась бомбами, не слепила ракетами... Она растекалась по городу эшелонами эвакуированных, стучала костылями раненых в многочисленных госпиталях, опутывала холодом и мраком. Не было топлива, не было света в домах, с переборами работал водопровод», – такая картина городской жизни сохранилась, например, в памяти преподавателя Томского государственного университета Л.Г. Майдановской [30].

В 2014 г. в Томске был опубликован сборник «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [31], казалось бы, далекий от темы жизни городского населения. Но это не так. Многие авторы воспоминаний в годы войны были мобилизованы для работы на оборонных предприятиях в города (невольные горожане) и оставили свои свидетельства о буднях труда и быта, военной дисциплине на производстве, морально-психологической обстановке. Из воспоминаний Н.Г. Кизиловой (1924 г. рождения, Зырянский район Томской области): «Призвали на военный завод в Мариинск. Жили в бараках, но с едой было полегче. Нас как военных кормили в столовой. Мы уже привыкли к тяжелой рабо-

те, отвыкли от дома, смирились со своей судьбой и ждали победы. И вот тут я получила письмо от матери, она писала, что брат и отец погибли, а второй брат пропал без вести. Я стала проситься домой, хоть на один день. Как представлю, что папы больше нет, так работа на ум не идет. Я умоляла коменданта, чтобы он меня отпустил, но он не соглашался. И вот я решилась на побег, ушла ночью, когда все спали. Было страшно, но я шла днем и ночью, через деревни, у местных жителей спрашивала дорогу. Пришла домой, а там меня уже ждала милиция. Судили военным трибуналом, дали пять лет. Срок отбывала на том же заводе, в Мариинске, но уже среди заключенных под присмотром конвоира. Вот так день победы я отодвинула себе на три года» [31. С. 59].

Конечно, при изучении мемуаров исследователь во избежание односторонней оценки материалов должен учитывать место и позицию автора в описываемых событиях, срок давности, мотивы публикации и др. Ценность таких документов состоит в том, что они содержат факты и примеры из личной жизни граждан, в том числе связанных с материально-бытовой стороной, которые не нашли отражения в других группах источников.

Комплексное использование совокупности исторических источников позволяет воссоздать цельное представление о материально-бытовом положении городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1975 гг. : в 4 т. М. : Известия, 1975.
2. Жилищные законы: сборник важнейших законов СССР и РСФСР, постановлений, инструкций и приказов по жилищному хозяйству по состоянию на 1 ноября 1957 г. М. : Изд-во Министерства кооперативного хозяйства РСФСР, 1957. 736 с.
3. Сборник законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. М. : Известия Советов депутатов СССР, 1946. 74 с.
4. Советская Сибирь. 1942. 31 июля.
5. Красное знамя. 1943. 9 окт.
6. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 13.
7. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 13.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 216.
9. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 1. Д. 292.
11. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 19.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 327.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 10.
14. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М. : Наука, 1992. 256 с.
15. 60 лет Томской области (1944–2004 гг.) : юбилейный стат. сб. Томск, 2004. 147 с.
16. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М. : Гос. стат. изд-во, 1957. 471 с.
17. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : стат. сб. М. : Информ.-издат. центр, 1990. 235 с.
18. Кемеровская областная партийная организация в цифрах. 1943–1974 гг. Кемерово : Областное кн. изд-во, 1975. 110 с.
19. Новосибирская организация КПСС в цифрах 1920–1980 гг.: стат. справочник. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 88 с.
20. Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : сб. док. Томск : Том. кн. изд-во, 1962. 485 с.
21. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1964. 394 с.
22. Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: сборник документов : в 2 т. Кемерово, 1962–1965.
23. Кто был для фронта мал... : сб. док. и материалов. Томск, 2003. 422 с.
24. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах : в 3 т. Томск, 2005.
25. Во имя победы: эвакуация гражданского населения из Западной Сибири в документах и материалах (1942–1948 гг.): «Возвращение». Томск, 2015. 360 с.
26. Правда. М., 1941–1945.
27. Советская Сибирь. Новосибирск, 1941–1945.
28. Кузбасс. Кемерово, 1941–1945.
29. Красное знамя. Томск, 1941–1945.
30. С верой в Победу! Томский университет в годы Великой Отечественной войны : сб. док. и воспоминаний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 228 с.
31. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2017 г.

BASIC HISTORICAL SOURCES FOR THE STUDY OF LIVING CONDITIONS OF URBAN POPULATION IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 176–180.

DOI: 10.17223/15617793/419/24

Aleksandr S. Shevlyakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

Olga A. Cheremnykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olqga375@sibmail.com

Keywords: Great Patriotic War; urban population; historical records.

The article contains main types of historical sources (published and unpublished), which help to reconstruct the scene of living conditions of urban population in Western Siberia during the Great Patriotic War. Investigation of the living conditions is nearly concerned with a big theme of daily living during the War, which is treated as a matter of high priority in the current context. All sources can be divided into the following groups: 1) legislative and regulatory legal acts, 2) documents of management and record keeping, 3) statistical material and documents, 4) materials of central and local periodical press, 5) personal documents. Group 1 includes published guiding documents of higher bodies of state authority, which were of all-union importance. Regulatory acts of regional authorities, which were published in the local press, also refer to this group. Unpublished (archive) documents (regulations

and decisions of local authorities), which were not intended for public media, but were legally binding, also belong to the group of regulatory acts. Generally, the analysis of legislative and regulatory legal acts makes it possible to look over the juridical and actual changes in the domestic policy under the conditions of war which influenced the living conditions of urban population. Group 2 includes archival (unpublished) documents. Their number is so huge that it is appropriate to separate some groups: a) deliverables, b) correspondence of state institutions and functionaries, c) records and report verbatim, d) current records of party organizations. The study of the documents makes it possible to delve deeper into the problems and find out facts that official information does not include. Group 3 is statistical material and published collections of documents. They provide a way to investigate the demographic situation of the region, quantitative and qualitative changes in national economy development. Periodical press, which is classified as Group 4, is a valuable, but very peculiar resource. Its value is that the newspapers immediately reacted to the major events of urban life, reported about made decisions, informed about coming events, volunteer clean-up, etc. The study of periodical press help the modern researcher to get into the atmosphere of the investigated period, feel the spirit of the war time. On the other hand, periodical press was censored by the All-Union Communist Party, had a pro-communist character and could not cover the current events objectively. In this regard, reading newspapers requires objective assessment of the publications. Group 5 includes personal documents (memoirs). They not only tell about the events of the war, but also give an emotional evaluation of what happened. When studying memoirs some facts are to be taken into account: the place and attitude of the author towards the events they write of, lapse of time, motives of publications. The value of such documents is in facts, examples of a private life, which were not reflected in any other source groups. That way, a conclusion should be drawn that to reconstruct a complete picture about the living conditions of urban population in Western Siberia during the Great Patriotic War all historical sources should be used taken together.

REFERENCES

1. Supreme Soviet of the USSR. (1975) *Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 1938–1975 gg.: v 4 t.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR in 1938–1975: In 4 vols]. Moscow: Izvestiya.
2. Ministry of Communal Services of the RSFSR. (1957) *Zhilishchnye zakony: sbornik vazhneyshikh zakonov SSSR i RSFSR, postanovleniy, instruktsiy i prikazov po zhilishchnomu khozyaystvu po sostoyaniyu na 1 noyabrya 1957 g.* [Housing laws: a collection of the most important laws of the USSR and the RSFSR, decrees, instructions and orders for housing as of November 1, 1957]. Moscow: Ministry of Communal Services of the RSFSR.
3. Izvestiya of Soviets of Deputies of the USSR. (1946) *Sbornik zakonov RSFSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR 1938–1946 gg.* [Collection of laws of the RSFSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR in 1938–1946]. Moscow: Izvestiya of Soviets of Deputies of the USSR.
4. *Sovetskaya Sibir'*. (1942). 31 July.
5. *Krasnoe znamya*. (1943). 9 October.
6. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 13. (In Russian).
7. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund P-4. List 8. File 13. (In Russian).
8. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 216. (In Russian).
9. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-277. List 1. File 1. (In Russian).
10. Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. List 1. File 292. (In Russian).
11. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 19. (In Russian).
12. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 327. (In Russian).
13. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 427. List 1. File 10. (In Russian).
14. Nauka. (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnye itogi* [All-Union Population Census of 1939: the main results]. Moscow: Nauka.
15. Tomsk Regional Committee of State Statistics. (2004) *60 let Tomskoy oblasti (1944–2004 gg.): yubileyyny stat. sb.* [60 years of Tomsk Oblast (1944–2004): an anniversary statistics collection]. Tomsk: Tomsk Regional Committee of State Statistics.
16. State Statistics. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR* [The national economy of the RSFSR]. Moscow: Gos. stat. izd-vo.
17. State Statistics. (1990) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: statisticheskiy sbornik* [National economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945: a statistics collection]. Moscow: Inform.-izdat. tsentr.
18. Oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo. (1975) *Kemerovskaya oblastnaya partiynaya organizatsiya v tsifrah. 1943–1974 gg.* [Kemerovo regional party organization in figures. 1943–1974]. Kemerovo: Oblastnoe kn. izd-vo.
19. Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1981) *Novosibirskaya organizatsiya KPSS v tsifrah 1920–1980 gg.: stat. spravochnik* [Novosibirsk organization of the CPSU in figures. 1920s–1980s: statistics directory]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
20. Flerov, V. et al. (1962) *Tomskaya gorodskaya partiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.): sb. dok.* [Tomsk city party organization during the Great Patriotic War (1941–1945): documents]. Tomsk: Tom. kn. izd-vo.
21. Akulov, M.R. et al. (1964) *Doblestnyy trud rabochikh, krest'yan, intelligentsii Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Valiant labor of workers, peasants, intellectuals of Novosibirsk Oblast during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
22. Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1962–1965) *Partiynye organizatsii Kuzbassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik dokumentov: v 2 t.* [Party organizations of Kuzbass during the Great Patriotic War: a collection of documents: in 2 vols]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
23. Trenin, B.P. (ed.) (2003) *Kto byl dlya fronta mal...: sbornik dokumentov i materialov* [Who was young for the front . . . : a collection of documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Snegireva, L.I. (ed.) (2005) *Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v dokumentakh i materialakh: v 3 t.* [In the name of victory: the evacuation of civilians to Western Siberia during the Great Patriotic War in documents and materials: in 3 vols]. Snegireva. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
25. Snegireva, L.I. (ed.) (2015) *Vo imya pobedy: reevakuatsiya grazhdanskogo naseleniya iz Zapadnoy Sibiri v dokumentakh i materialakh (1942–1948 gg.): "Vozvrashchenie"* [In the name of victory: the re-evacuation of civilians from Western Siberia in documents and materials (1942–1948): "Return"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
26. *Pravda*. (1941–1945).
27. *Sovetskaya Sibir'*. (1941–1945).
28. *Kuzbass*. (1941–1945).
29. *Krasnoe znamya*. (1941–1945).
30. Fominykh, S.F. (ed.) (2005) *S veroy v Pobedu! Tomskiy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. dok. i vospominaniy* [With faith in the victory! Tomsk University during the Great Patriotic War: documents and memories]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Chernyak, E.I. (ed.) (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: memories and oral testimonies of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 23 January 2017

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СОБЫТИЙ В СИРИИ 1973–1982 гг. И СИРИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 2011–2014 гг. В ИЗДАНИИ THE NEW YORK TIMES: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрены и проанализированы особенности освещения кризисных событий в Сирии 1973–1982 гг. и сирийской гражданской войны 2011–2014 гг. в издании «The New York Times». Сравниваются такие характеристики, как используемая для описания сторон конфликта лексика, фокус на тех или иных аспектах конфликтов и частота упоминания различных тем и эмоционально окрашенных определений. Исследуются причины и значения выявленных особенностей освещения в зависимости от исторического контекста.

Ключевые слова: Сирия; исламское восстание; гражданская война; масс-медиа; «The New York Times»; контент-анализ.

Данная статья является частью исследования, посвященного изучению особенностей освещения в прессе ряда парных комплексов кризисных явлений и конфликтов, происходящих на одной территории, но в разные временные периоды и в рамках различных систем международных отношений. Значительные различия в мировом и национальном политическом дискурсе в рассматриваемые периоды, обусловленные международной обстановкой, комплексами стереотипов и когнитивных особенностей авторов и читателей данного издания, приводят к различной специфике освещения событий. Анализ этой специфики позволяет выявить ключевые цели, задачи и интенции акторов информационного воздействия, а также используемые ими методы и инструменты воздействия на общественное мнение.

Основной целью этой статьи являются выявление особенностей освещения сирийских событий 1973–1982 и 2011–2014 гг. в «The New York Times» [1] и их сопоставление. В качестве метода исследования используется интерпретативный контент-анализ, элементы количественного контент-анализа, а также дискурс-анализ.

В первом случае временные рамки анализа охватывают период с февраля 1973 г., т.е. с момента принятия Конституции Сирийской арабской республики, до штурма Хамы в феврале 1982 г., послужившего развязкой исламистского восстания 1976–1982 гг.; во втором – с 1 января 2011 г. (с периода до начала восстания в Сирии весной 2011 г.) до 31 декабря 2014 г. (т.е. включают в себя, в том числе, промежуток времени после того, как Исламское государство в начале 2014 г. начало активно участвовать в военных действиях и в течение года захватило значительные территории, став наиболее освещаемым феноменом конфликта).

Особенности освещения могут быть замечены по количеству, контексту и лингвистическим и паралингвистическим характеристикам упоминаний о рассматриваемых событиях. Так, по запросу «Сирия» с 1 января 1973 г. по 31 декабря 1982 г. в архиве «The New York Times» содержится 7,716 статей (0,8% от общего объема публикаций, который составляет 933,136 статей), большая часть которых относится главным образом к конфликту с Израилем, арабо-израильским отношениям и отношениям внутри арабской коалиции. Маркеры «Сирия» и «Израиль» за

этот период фигурируют в 5,560 статей, «Сирия» и «Голанские высоты» – в 1,268, «ислам в Сирии» – в 217, «экстремисты в Сирии» – в 177, «волнения в Сирии» – в 71 статье. Фамилия лидера Сирии Хафиза аль-Асада упоминается в 976 статьях.

Что касается освещения второго рассматриваемого периода, с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2014 г. по запросу «Сирия» в архиве «The New York Times» имеется 9,154 статей (1,6% от общего объема публикаций, который составляет 570,885 статей). Маркер «гражданская война в Сирии» фигурирует в 2,056 статей, «сирийские повстанцы» – в 1,862, «Сирия» и «Израиль» – в 1,712, «сирийские беженцы» – в 1,065, «исламисты в Сирии» – в 1,000, «Сирия» и «нефть» – в 1,016 статей. Фамилия президента Сирии Башара аль-Асада упоминается в 3,754 статей.

Исходя из количественных показателей, а также результатов интерпретативного контент-анализа и дискурс-анализа статей, представляется возможным выделить следующие особенности освещения.

Во-первых, в период 1973–1982 гг. мировой политике и событиям в других государствах в рассматриваемом издании уделялось меньше внимания, чем в 2011–2014 гг., как мы можем увидеть по количеству и процентному соотношению общего объема статей и количества статей, содержащих упоминания о Сирии. Помимо небольшого по сравнению с посвященными внутренним темам и событиям количества статей, это выражается в ряде паралингвистических особенностей: посвященные событиям в Сирии статьи в 1973–1982 гг. в большинстве своем невелики по объему и располагаются возле и во врезках в намного большие по размеру рекламные объявления [2–4]. Это можно объяснить рядом факторов.

С одной стороны, процессы глобализации, к началу XXI в. превратившие весь мир в «глобальную деревню», в тот момент еще не зашли так далеко, и в повседневности интерес к происходящим в странах третьего мира событиям относительно небольших масштабов был минимален.

С другой стороны, внутренний и прерывистый характер сирийских событий 1973–1982 гг. с учетом отсутствия на тот момент устоявшейся практики внешнего вмешательства во внутренние дела арабских государств не предполагал активных действий со стороны других государств или международного сообщества. До распространения деятельности ислам-

ских радикалов на территорию немусульманских стран и до теракта 11 сентября 2001 г. происходящее в Ближневосточном регионе не касалось граждан США непосредственно: теракты на территории западных стран не совершались, образы ислама и исламизма как носителя всемирной террористической угрозы и нестабильных восточных государств («failed states») как ее источника еще не сформировались, вследствие чего такого влияния на общественное мнение граждан США, как в XXI в., инциденты в других регионах не имели. Соответственно, сирийские события 1973–1982 гг. занимали не такое высокое место в иерархии информационных поводов для внутренней аудитории западных государств, какое могли бы занять в наше время.

Во-вторых, ключевой международной проблемой в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, представлявшей наибольший интерес и формирующей региональную и мировую повестку дня, в 1973–1982 гг. являлся узел противоречий между Израилем и окружающими его арабскими государствами. В связи с этим подавляющая часть упоминаний о Сирии происходила в контексте развития арабо-израильского конфликта. Немалое внимание уделялось непосредственно территориальному конфликту Сирии и Израиля [5–7], попыткам урегулирования этого конфликта [8, 9], развитию отношений между Сирией и СССР [10–12].

При освещении гражданской войны в Сирии в 2011–2014 гг. Израиль также упоминается нередко. Сместились акценты освещения: как и прежде, Израиль упоминается как один из наиболее значительных региональных акторов международных отношений, имеющий неурегулированный территориальный конфликт с Сирией и находящийся в неустойчивых отношениях с прочими региональными акторами [13]. Однако в этом случае Израиль вовлечен в конфликт, поскольку гражданская война выходит за территориальные границы Сирии и непосредственно затрагивает его интересы [14, 15]. Кроме того, позиция действия Израиля, наряду с Турцией выступающего как союзник и отчасти проводник влияния США в регионе, рассматривается неотъемлемо от позиции и действий США [16, 17], особенно подчеркивается зависимость политики Израиля от позиции США [18].

В-третьих, следует отметить, что, несмотря на вышеописанную тенденцию менее интенсивного освещения событий мировой политики в 1973–1982 гг. по сравнению с современностью, наблюдается относительно высокая степень внимания к событиям именно в регионе Ближнего Востока в указанный период. Активная фаза арабо-израильского конфликта, в который напрямую или косвенно были вовлечены как региональные державы, так и США и СССР, представляла собой значимый объект интереса как часть глобального биполярного противостояния, к тому же связанная с существованием Израиля и еврейского народа, что в силу высокой идеологической значимости вопроса антисемитизма имело немалое значение. Кроме того, на Ближнем Востоке и в Средней Азии имели место и другие значимые для мировой политики комплексы проблем, которые также

являлись аспектами глобального биполярного противостояния: в их числе смена режима в Иране в ходе исламской революции 1978–1979 гг. и практически совпадающий по времени с рассматриваемым периодом ряд государственных переворотов в Афганистане (начиная со свержения короля Афганистана Захир-Шаха в 1973 г. и заканчивая переворотом в 1979 г., ознаменовавшим начало советской интервенции).

В том, что касается сирийских волнений и гражданской войны 2011–2014 г., ситуация очевидна: их существенное влияние на обстановку в ближневосточном регионе, в котором пересекаются геополитические интересы крупнейших мировых держав, а также возросшее значение позиции международного сообщества и прецеденты интервенций в «неудавшиеся» государства привели к росту значимости этой темы для политического курса мировых лидеров, что, в свою очередь, усилило и внимание общественности, и значимость общественного мнения по этому вопросу.

В-четвертых, система образов, используемых в общественно-политическом дискурсе 1973–1982 и 2011–2014 гг., имела определенную специфику. Широко распространенные в современных СМИ и связанном с международными отношениями дискурсе определения «исламизм» и «исламисты», «исламский радикализм» в анализируемом корпусе статей за 1973–1982 гг. практически не встречаются. Идеология организации «Братья-мусульмане», которая выступала в качестве одной из главных движущих сил волнений среди суннитского населения Сирии и организовывала покушения и массовые убийства приверженцев правящего режима, характеризуется как «консервативный ислам» [19, 20], а солидарные с действиями организации и участвующие в волнениях сирийцы – как «традиционалисты», «консервативные» или «ортодоксальные» мусульмане [21, 22]. Отличие данных определений в том, что они используются в первичном, нейтральном смысле и тождественны обычным классифицирующим определениям, относящимся к прочим религиям, в то время как появившиеся позже клише «исламизм» и «радикальный ислам», активно используемые в освещении гражданской войны в 2011–2014 гг., изначально отягощены негативными коннотациями с дискриминационными практиками и терроризмом [23]. То же относится к другой используемой лексике: безусловно негативная и подразумевающая нелегитимное насилие характеристика «диктатор», в этом же издании часто используемая по отношению к президенту Сирии Башару аль-Асаду с начала гражданской войны в 2011 г. [24–26], практически не употреблялась для обозначения его отца, Хафеза аль-Асада, несмотря на то что он стал лидером Сирии в результате военного переворота. Термины «экстремизм», «терроризм» и «террористы» применялись непосредственно для обозначения террористических актов и их организаторов [27], не содержа в себе негативного эмоционального подтекста и не являясь символом враждебных цивилизаций сил.

Тем не менее стоит отметить, что вышеописанная тенденция использования нейтральных характеристик для описания как Хафеза аль-Асада и сирийского правительства, так и «Братьев-мусульман» главным обра-

зом свойственна периоду с 1973 по 1978 г. С 1979 г. в связи с массовым использованием «Братьями-мусульманами» террористических методов борьбы с режимом и ответными насильственными действиями режима Асада дискурсивные линии их описания меняются в сторону использования более образных и имеющих негативные коннотации характеристик: выделяются обвинения режима в проведении репрессий, коррумпированности и действиях в интересах алавитского меньшинства в ущерб суннитскому большинству [19, 27], а также деструктивность методов и неизбежное насилие со стороны «Братьев-мусульман» [4, 27, 28].

В используемых при освещении гражданской войны в Сирии в 2011–2014 гг. образах также можно выделить ряд характерных особенностей. Наибольшее внимание уделяется характеристике оппозиционных сил, сражающихся с правительственными войсками Сирии. Подчеркивается принадлежность оппозиционных группировок к радикальному исламу и их раздробленность как по идеологическим причинам, так и в организационном плане [30], широко используется термин «джихадисты» [23, 31] в качестве обозначения наиболее радикальных исламистов, противостоящих как правящему режиму, так и более умеренной оппозиции. Тем самым выделяются недемократическая и антизападная природа оппозиции, опасность дальнейшей эскалации конфликта и его распространения на весь регион Ближнего Востока, а также отсутствие

перспектив благополучного исхода гражданской войны вне зависимости от победителя [32].

Таким образом, компаративный анализ освещения сирийских событий 1973–1982 и 2011–2014 гг. в издании «The New York Times» позволил выявить ряд особенностей, обусловленных различными факторами. Наиболее примечательными отличиями освещения конфликта 2011–2014 гг. от освещения событий 1973–1982 гг. представляется изменение системы используемых образов, отчасти в связи со сложившимся негативным отношением к радикальному исламу в западном общественном мнении, отчасти из-за изменения ситуации в регионе Ближнего Востока в частности и на мировой политической арене в целом. Симптоматично, что влияние конфликта 2011–2014 гг. на политику западных государств рассматривается и анализируется не менее подробно, чем сам конфликт: темы интервенции США и мирового сообщества в Сирию и действий мировых лидеров по отношению к воюющим сторонам [33–35], перспективы дальнейшей радикализации ислама и распространения религиозного экстремизма, в том числе и на территории западных государств [36], исхода беженцев из зоны конфликта широко освещаются. Это, в свою очередь, отражает существенно возросшую зависимость мировых держав от происходящих в других регионах событий в условиях глобализации. Соответственно, освещение подобных событий для внутренней аудитории и формирование определенной точки зрения на них приобретают куда большее значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. The New York Times - Breaking News, World News & Multimedia. URL: <https://www.nytimes.com>
2. Guerrilla Forces From Syria Cross Lebanon's Border. TimesMachine: May 10, 1973 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1973/05/10/90951753.html?pageNumber=7>
3. Syrian Leader Eases Unrest and Strikes. TimesMachine: April 13, 1980 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/04/13/114042502.html?pageNumber=8>
4. Syrian Leader Said to Crush Extremist Plot. TimesMachine: November 28, 1980 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/11/28/111315672.html?pageNumber=17>
5. In Golan, Intensity of Shelling Seems Guide to State of Arab Affairs // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1974/02/20/archives/in-golan-intensity-of-shelling-seems-guide-to-state-of-arab-affairs.html>
6. Israel vs. Syria // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1973/01/14/archives/behind-the-repeated-clashes-israel-vs-syria.html>
7. Low Politics on the Golan Heights // NYTimes.com. URL: <http://www.nytimes.com/1981/12/16/opinion/low-politics-on-the-golan-heights.html>
8. If Israel Can Only See the New Realities // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1974/02/10/archives/an-egyptians-vision-of-peace-if-israel-can-only-see-the-new.html>
9. Kissinger Is Given Arabs' Proposal for Syrian Front. TimesMachine: February 19, 1974 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1974/02/19/80526769.html>
10. Soviet Prods Syria To Seek an Accord On Troop Pullback. TimesMachine: January 31, 1974 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1974/01/31/79639244.html?action=click&contentCollection=Archives&module=LedeAsset®ion=ArchiveBody&pgtype=article&pageNumber=1>
11. Soviet Said To Send 40 Mig's To Syrians // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1973/04/21/archives/soviet-said-to-send-40-migs-to-syrians.html>
12. Syrian Leader Said to Visit Moscow for Secret Talks - The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1973/05/07/archives/syrian-leader-said-to-visit-moscow-for-secret-talks.html>
13. Israel Says Syria Pulls Troops from Golan to Suppress Revolt Elsewhere // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/07/18/world/middleeast/israel-says-syria-pulls-troops-from-golan-to-suppress-revolt-elsewhere.html>
14. As Syria Opposition Unifies, Unrest Intensifies at Borders // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/11/13/world/middleeast/syria-war-updates.html>
15. Ordering More Airstrikes, Syria Calls French Recognition of Rebels 'Immoral' // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/11/15/world/middleeast/syria-war-developments.html>
16. Israel: Bits, Bytes and Bombs // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/03/24/opinion/sunday/friedman-israel-bits-bytes-and-bombs.html>
17. White House, in Shift, Turns Against Syria Leader // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2011/07/13/world/middleeast/13policy.html>
18. For Israel, a U.S. Strike Is a No-Brainer // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/07/opinion/global/for-israel-a-us-strike-is-a-no-brainer.html>
19. A Look Into the Moslem Brotherhood. Antipathy for Syria, Praise for Jordan. Article // NYTimes.com. URL: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9403EEDE1F31E432A25754C0A9649D94619FD6CF&legacy=true>

20. Syria Opens Drive on Moslem Militants. TimesMachine: June 26, 1979 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1979/06/26/111043669.html?pageNumber=3>
21. Religious Freedom in Charter Said to Stir Syrian Disorders. TimesMachine: February 25, 1973 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1973/02/25/97116916.html?pageNumber=4>
22. Syria Is Buffeted by Corruption, Violence and Economic Problems. August 31, 1977 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1977/08/31/75300782.html?pageNumber=4>
23. Don't Fear Jihadists Returning From Syria // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2014/07/30/opinion/dont-fear-jihadists-returning-from-syria.html>
24. Crushing Homs // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/03/03/opinion/crushing-homs.html>
25. Do Not Attack Syria // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/19/opinion/do-not-attack-syria.html>
26. Will Annan Save Assad? // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/03/29/opinion/will-annan-save-assad.html>
27. Assad's Star Fades in City Where He Was a Hero. TimesMachine: April 3, 1980 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/04/03/111146466.html?pageNumber=3>
28. Syria Said to Send Army Troops To Latakia to Put Down Rioting // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1979/09/04/archives/syria-said-to-send-army-troops-to-latakia-to-put-down-rioting.html>
29. Moslem Extremists in Syria Trying to Destabilize Government With Terrorist Attacks. TimesMachine: August 20, 1979 // NYTimes.com. URL: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1979/08/20/111053196.html?pageNumber=12>
30. Killing of Rebel With Qaeda Links Opens Debate on Syrian Opposition // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/09/07/world/middleeast/killing-of-rebel-with-qaeda-links-opens-debate-on-syrian-opposition.html>
31. As Syrian War Drags On, Jihad Gains Foothold // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/07/30/world/middleeast/as-syrian-war-drags-on-jihad-gains-foothold.html>
32. Why Syria's Islamists Are Gaining Support // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/02/15/opinion/why-syrias-islamists-are-gaining-support.html>
33. European Union Backs Syrian Opposition Coalition // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/11/20/world/middleeast/islamists-reject-new-syrian-opposition-coalition.html>
34. How to Respond to the Syria Conflict // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/05/01/opinion/how-to-respond-to-the-syria-conflict.html>
35. Islamist Rebels' Gains in Syria Create Dilemma for U.S. // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2013/04/28/world/middleeast/islamist-rebels-gains-in-syria-create-dilemma-for-us.html>
36. Don't Fear All Islamists, Fear Salafis // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/08/20/opinion/dont-fear-all-islamists-fear-salafis.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 12 апреля 2017 г.

FEATURES OF SYRIAN CRISES IN 1973–1982 AND THE 2011–2014 SYRIAN CIVIL WAR COVERAGE IN *THE NEW YORK TIMES*: A DIACHRONIC ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 181–185.

DOI: 10.17223/15617793/419/25

Aleksandr V. Yuryshv, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: alexandryurishv@mail.ru

Keywords: Syria; Islamist uprising; civil war; mass media; *The New York Times*; content analysis.

This article is a part of research on specific characteristics of media coverage of a set of dual complexes of crises and conflicts which had place in the same areas but in different periods of time and under different systems of international relations. The considerable distinctions of the world and national political discourse in the researched periods, which were conditioned by the international situation, stereotypes and cognitive features of authors and audience of periodicals, caused the different particularities of media coverage. The analysis of these particularities allows identifying key purposes, objectives and intentions of information impact actors, as well as those methods and instruments used to influence public opinion. The primary objective of this article is the identification of the characteristics of media coverage of Syrian crises in 1973–1982 and 2011–2014 in the American periodical *The New York Times*, and their comparison. Interpretative content analysis, elements of quantitative content analysis and discourse analysis were used as methods of research. In the first analyzed case, the time frame is from February 1, 1973 to February 28, 1982. In the second case, the time frame is from January 1, 2011 to December 31, 2014. The most notable characteristics of the researched events media coverage are the following. First, in the period of 1973–1982, *The New York Times* paid less attention the world politics and events in other states than in 2011–2014 as we can see on the assumption of quantitative and percentage correlation of the total number of articles and the number of articles which mention Syria. Second, the system of images changed, partly in connection with the negative attitude to radical Islam in Western public opinion established by the beginning of the 21st century, partly because of the changes in the situation in the Middle East in particular and on the world political arena in general. Third, the key international problem in the Middle East and North Africa, which was of current interest and formed regional and world agenda, was a complex of contradictions among Israel and the neighboring Arab states in 1973–1982. Thereby most mentions of Syria were in the context of the Arab-Israeli conflict development. Fourth, the influence of the conflict in 2011–2014 on the policies of Western states are considered and analyzed in no less detail than the conflict itself: topics of the USA and world community intervention in Syria and actions of world leaders towards the warring parties, of prospects of the further Islam radicalization and religious extremism dissemination, embracing the territory of the Western countries, of refugees from the conflict area are broadly covered. In turn, it reflects the considerably growing dependence of world powers on events happening in other regions under the circumstances of globalization. Accordingly, the coverage of such events for the internal audience, shaping of a certain viewpoint become much more important.

REFERENCES

1. The New York Times – Breaking News, World News & Multimedia. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com>.
2. NYTimes.com. (1973) *Guerrilla Forces From Syria Cross Lebanon's Border*. TimesMachine: May 10, 1973. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1973/05/10/90951753.html?pageNumber=7>.
3. NYTimes.com. (1980) *Syrian Leader Eases Unrest and Strikes*. TimesMachine: April 13, 1980. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/04/13/114042502.html?pageNumber=8>.
4. NYTimes.com. (1980) *Syrian Leader Said to Crush Extremist Plot*. TimesMachine: November 28, 1980. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/11/28/111315672.html?pageNumber=17>.

5. NYTimes.com. (1974) *In Golan, Intensity of Shelling Seems Guide to State of Arab Affairs*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1974/02/20/archives/in-golan-intensity-of-shelling-seems-guide-to-state-of-arab-affairs.html>.
6. NYTimes.com. (1973) *Israel vs. Syria*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1973/01/14/archives/behind-the-repeated-clashes-israel-vs-syria.html>.
7. NYTimes.com. (1981) *Low Politics on the Golan Heights*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1981/12/16/opinion/low-politics-on-the-golan-heights.html>.
8. NYTimes.com. (1974) *If Israel Can Only See the New Realities*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1974/02/10/archives/egyptians-vision-of-peace-if-israel-can-only-see-the-new.html>.
9. NYTimes.com. (1974) *Kissinger Is Given Arabs' Proposal for Syrian Front*. *TimesMachine: February 19, 1974*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1974/02/19/80526769.html>.
10. NYTimes.com. (1974) *Soviet Prods Syria To Seek an Accord On Troop Pullback*. *TimesMachine: January 31, 1974*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1974/01/31/79639244.html?action=click&contentCollection=Archives&module=LedeAsset®ion=ArchiveBody&pgtype=article&pageNumber=1>.
11. NYTimes.com. (1973) *Soviet Said To Send 40 Mig's To Syrians*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1973/04/21/archives/soviet-said-to-send-40-migs-to-syrians.html>.
12. NYTimes.com. (1973) *Syrian Leader Said to Visit Moscow for Secret Talks*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1973/05/07/archives/syrian-leader-said-to-visit-moscow-for-secret-talks.html>.
13. NYTimes.com. (2012) *Israel Says Syria Pulls Troops from Golan to Suppress Revolt Elsewhere*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/07/18/world/middleeast/israel-says-syria-pulls-troops-from-golan-to-suppress-revolt-elsewhere.html>.
14. NYTimes.com. (2012) *As Syria Opposition Unifies, Unrest Intensifies at Borders*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/11/13/world/middleeast/syria-war-updates.html>.
15. NYTimes.com. (2012) *Ordering More Airstrikes, Syria Calls French Recognition of Rebels 'Immoral'*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/11/15/world/middleeast/syria-war-developments.html>.
16. NYTimes.com. (2013) *Israel: Bits, Bytes and Bombs*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2013/03/24/opinion/sunday/friedman-israel-bits-bytes-and-bombs.html>.
17. NYTimes.com. (2011) *White House, in Shift, Turns Against Syria Leader*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2011/07/13/world/middleeast/13policy.html>.
18. NYTimes.com. (2013) *For Israel, a U.S. Strike Is a No-Brainer*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2013/09/07/opinion/global/for-israel-a-us-strike-is-a-no-brainer.html>.
19. NYTimes.com. (1980) *A Look Into the Moslem Brotherhood. Antipathy for Syria, Praise for Jordan*. [Online] Available from: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9403EEDE1F31E432A25754C0A9649D94619FD6CF&legacy=true>.
20. NYTimes.com. (1979) *Syria Opens Drive on Moslem Militants*. *TimesMachine: June 26, 1979*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1979/06/26/111043669.html?pageNumber=3>.
21. NYTimes.com. (1973) *Religious Freedom in Charter Said to Stir Syrian Disorders*. *TimesMachine: February 25, 1973*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1973/02/25/97116916.html?pageNumber=4>.
22. NYTimes.com. (1977) *Syria Is Buffeted by Corruption, Violence and Economic Problems*. *August 31, 1977*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1977/08/31/75300782.html?pageNumber=4>.
23. NYTimes.com. (2014) *Don't Fear Jihadists Returning From Syria*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2014/07/30/opinion/dont-fear-jihadists-returning-from-syria.html>.
24. NYTimes.com. (2012) *Crushing Homs*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/03/03/opinion/crushing-homs.html>.
25. NYTimes.com. (2011) *Do Not Attack Syria*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2011/11/19/opinion/do-not-attack-syria.html>.
26. NYTimes.com. (2012) *Will Annan Save Assad?* [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/03/29/opinion/will-annan-save-assad.html>.
27. NYTimes.com. (1980) *Assad's Star Fades in City Where He Was a Hero*. *TimesMachine: April 3, 1980*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/04/03/111146466.html?pageNumber=3>.
28. NYTimes.com. (1979) *Syria Said to Send Army Troops To Latakia to Put Down Rioting*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/1979/09/04/archives/syria-said-to-send-army-troops-to-latakia-to-put-down-rioting.html>.
29. NYTimes.com. (1979) *Moslem Extremists in Syria Trying to Destabilize Government With Terrorist Attacks*. *TimesMachine: August 20, 1979*. [Online] Available from: <http://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1979/08/20/111053196.html?pageNumber=12>.
30. NYTimes.com. (2012) *Killing of Rebel With Qaeda Links Opens Debate on Syrian Opposition*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/09/07/world/middleeast/killing-of-rebel-with-qaeda-links-opens-debate-on-syrian-opposition.html>.
31. NYTimes.com. (2012) *As Syrian War Drags On, Jihad Gains Foothold*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/07/30/world/middleeast/as-syrian-war-drags-on-jihad-gains-foothold.html>.
32. NYTimes.com. (2013) *Why Syria's Islamists Are Gaining Support*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2013/02/15/opinion/why-syrias-islamists-are-gaining-support.html>.
33. NYTimes.com. (2012) *European Union Backs Syrian Opposition Coalition*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/11/20/world/middleeast/islamists-reject-new-syrian-opposition-coalition.html>.
34. NYTimes.com. (2013) *How to Respond to the Syria Conflict*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2013/05/01/opinion/how-to-respond-to-the-syria-conflict.html>.
35. NYTimes.com. (2013) *Islamist Rebels' Gains in Syria Create Dilemma for U.S*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2013/04/28/world/middleeast/islamist-rebels-gains-in-syria-create-dilemma-for-us.html>.
36. NYTimes.com. (2012) *Don't Fear All Islamists, Fear Salafis*. [Online] Available from: <http://www.nytimes.com/2012/08/20/opinion/dont-fear-all-islamists-fear-salafis.html>.

Received: 12 April 2017

ПРАВО

УДК 347.4

Д.И. Верховец

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПЛАТЫ ЗА ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Исследуется проблема определения правовой природы платы за односторонний отказ от исполнения обязательства. Используя формально-юридический и герменевтический методы, рассмотрены существующие в цивилистической науке подходы к определению правовой природы данной меры, обоснованы особенности ее применения, приведены примеры из судебной практики. Делается вывод о квалификации данной меры в качестве платы за реализацию вторичного права.

Ключевые слова: обязательство; односторонний отказ от исполнения обязательства; плата за отказ от договора; защита прав кредитора; способы обеспечения исполнения обязательства; акцессорность; вторичное право.

Одним из основополагающих принципов гражданского права является принцип свободы договора, в соответствии с которым граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора, а также в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Иными словами, стороны вольны самостоятельно решать вопрос о заключении ими того или иного договора, о вступлении в отношения с определенным субъектом, об определении конкретного содержания заключаемого договора.

Однако с момента заключения договора в действие вступает иной, не менее важный принцип гражданского права – «*pacta sunt servanda*», или «договоры должны соблюдаться», в соответствии с которым с момента вступления договора в силу он порождает между сторонами правовую связь, которой придается обязательный характер и которая не может быть произвольно разорвана сторонами. То есть соглашения, заключенные между субъектами гражданского права, порождают возникновение гражданско-правовых обязательств, которые должны быть ими исполнены.

Несмотря на действие указанного принципа, зачастую могут возникать ситуации, когда нормальный ход гражданско-правовых отношений прерывается в результате одностороннего отказа стороны от исполнения обязательства. Данный отказ является правоммерным в следующих случаях.

Во-первых, когда он является мотивированным: либо выступает в качестве реакции кредитора на неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства должником (например, п. 2 ст. 328 ГК РФ – отказ от исполнения обязательства стороной, на которой лежит встречное исполнение, в случае непредоставления другой стороной исполнения; п. 2 ст. 405 ГК РФ – отказ кредитора от принятия исполнения, которое утратило для него интерес вследствие просрочки должника; п. 1 ст. 523 ГК РФ – односторонний отказ от исполнения договора поставки в случае его существенного нарушения одной из сторон и др.), либо при наличии у стороны договора каких-либо «недостатков», препятствующих его исполнению (например, п. 3 ст. 450.1 ГК РФ – в случае отсутствия у одной из сторон договора лицензии на осуществление

деятельности или членства в саморегулируемой организации).

Во-вторых, когда отказ от исполнения обязательства является немотивированным. Немотивированный отказ может иметь место в случаях, когда право на односторонний отказ предусмотрено законом в случаях отсутствия каких-либо нарушений другой стороны (п. 1 ст. 546 ГК РФ – односторонний отказ гражданина от договора энергоснабжения; п. 2 ст. 610 ГК РФ – односторонний отказ от договора аренды, заключенного на неопределенный срок; ст. 699 ГК РФ – отказ от договора ссуды; ст. 717 ГК РФ – отказ заказчика от договора подряда; ст. 782 ГК РФ – односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг и др.), а также в случае, когда право на односторонний отказ предусмотрено договором, связанным с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, или договором, где одна из сторон осуществляет предпринимательскую деятельность, но право на отказ предоставлено стороне, не осуществляющей такой деятельности (п. 2 ст. 310 ГК РФ).

Следует оговориться о возможности использования формулировок «отказ от обязательства», «отказ от договора» в качестве равнозначных. В ст. 310 ГК РФ используется понятие «отказ от обязательства», в ст. 450.1 ГК РФ – «отказ от договора» (его исполнения), в других нормах используется также понятие «расторжение договора в одностороннем порядке»¹.

Понятие «договор» может использоваться в смысле договор-сделка (как юридический факт) и договор-правоотношение (как обязательство, порожденное заключением договора). Изъявление стороной воли на отказ от договора свидетельствует о намерении стороны больше не быть связанной обязательством, которое возникло при совершении договора-сделки. То есть норма ст. 450.1 ГК РФ, говоря об отказе от договора, на самом деле подразумевает отказ от договорного обязательства (причем каждого из «простых» обязательств, порожденных заключенным договором²), подтверждением чего выступает ссылка в тексте ст. 450.1 на ст. 310 ГК РФ. Вследствие одностороннего отказа от договора (исполнения договора) договор считается расторгнутым, а обязательство (все обязательства из данного договора) – прекращенным (п. 2 ст. 450.1, п. 2 ст. 453 ГК РФ, п. 1 Постановления Пленума ВАС от 06.06.2014 № 35

«О последствиях расторжения договора» [1]). В связи с этим использование понятий «отказ от обязательства» и «отказ от договора» в качестве взаимозаменяемых является вполне корректным.

Новеллой Гражданского кодекса РФ стало появление нормы п. 3 ст. 310, в соответствии с которой предусмотренное нормативными правовыми актами или договором право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства. Таким образом, появилась возможность взимания платы за отказ от договора, правовая природа которой в юридической литературе оценивается неоднозначно. Следует сказать, что дискуссия по этому поводу существовала и ранее, поскольку и до внесения изменений в Гражданский кодекс РФ отдельными нормами закона предусматривались ситуации, при которых сторона была вправе потребовать от другой стороны выплаты какой-либо денежной суммы в случае ее отказа от договора. Однако с внесением общей нормы, закрепляющей возможность применения такого инструмента, вопрос о его правовой природе вновь приобрел актуальность.

Итак, существует несколько позиций относительно правовой природы исследуемой денежной суммы. В частности, она рассматривается как: 1) способ обеспечения исполнения обязательства [2. С. 174]; 2) отступное [3]; 3) компенсация убытков другой стороны; 4) плата за реализацию секундарного права [4. С. 83]. Остановимся на этих подходах более подробно.

1. *Плата за отказ от договора как способ обеспечения исполнения обязательства.* Способы обеспечения исполнения обязательства – это установленные законом или договором меры имущественного характера, предоставляющие кредитору дополнительный источник для получения исполнения, стимулирующие должника к исполнению обязательства и / или иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисполнения должника, создающие между кредитором по основному обязательству и должником обязательственное отношение, дополнительное (акцессорное) по отношению к главному обязательству [5. С. 92].

Зачастую стороны при заключении договоров указывают, что в случае отказа одной из сторон от договора другая сторона вправе потребовать от нее уплаты штрафа в определенном размере. На первый взгляд может показаться, что в таком договоре в качестве способа обеспечения исполнения обязательства предусмотрена неустойка (штраф) в случае досрочного его прекращения по инициативе одной из сторон. Ранее (да и сейчас в связи с внесением ст. 381.1 ГК РФ) в договорной практике (особенно в договорах аренды) активно использовался такой инструмент, как обеспечительный платеж (обеспечительный взнос, депозит), который уплачивался стороной договора при его заключении, гарантировал ее платежеспособность в течение срока его действия и мог быть удержан

другой стороной при досрочном расторжении договора. Удержание суммы обеспечительного платежа в случае досрочного прекращения договорных отношений по инициативе одной из сторон выполняет по сути функцию платы за односторонний отказ от исполнения обязательства, выступая ее частным случаем. Так, в постановлении ФАС по Московскому округу по делу № А40-19611/13-6-186 было отмечено, что обеспечительный взнос выполняет функцию источника средств, необходимых для возмещения арендодателем вследствие досрочного одностороннего прекращения арендатором настоящего договора [6].

Несмотря на использование субъектами гражданских правоотношений указанных инструментов и квалификацию их в качестве способов обеспечения исполнения обязательств, полагаем все же неверным считать, что плата за отказ от договора является способом обеспечения исполнения обязательства по следующим причинам.

Сутью обеспечения исполнения обязательств является предоставление кредитору дополнительных возможностей по получению долга либо в виде иного источника удовлетворения требований кредитора (при поручительстве и гарантии), либо в виде предоставления кредитору приоритета при удовлетворении его требований из имущества должника (при залоге, удержании) или из иной имущественной массы (залог третьего лица) [7. С. 215]. В этой связи в литературе оспаривается отнесение неустойки и задатка к способам обеспечения исполнения обязательства, поскольку они не представляют собой какой-либо дополнительный источник для получения удовлетворения кредитора, а являются мерой гражданско-правовой ответственности. Поэтому для квалификации того или иного инструмента в качестве способа обеспечения исполнения обязательства следует определить, предоставляет ли данный инструмент дополнительный механизм для получения кредитором исполнения и образует ли он акцессорное по отношению к основному обязательство.

Как уже было указано, право стороны на отказ от договора может быть обусловлено необходимостью внесения определенной денежной суммы. Стоит отметить, что данная плата предусматривается за совершение правомерного действия – отказ от договора, в то время как способы обеспечения исполнения обязательств предусматриваются сторонами на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств.

Однако если предположить, что закрепление такой платы вызвано стремлением одной из сторон гарантировать «нерушимость», исполнимость обязательства, т.е. оградить другую сторону от отказа от договора, то следует ответить на вопрос, предоставляет ли эта мера альтернативу для кредитора по получению исполнения от должника в случае его отказа от договора? Данный платеж совершается в связи с отказом от договора, его размер согласовывается сторонами и, как правило, не связан с объемом исполнения обязательства. Так, например, основной обязанностью арендатора по договору аренды, заключенного на опреде-

ленный срок (пять лет), является своевременная уплата арендной платы в полном объеме за каждый месяц аренды. По условиям заключенного договора арендатор вправе досрочно отказаться от него, уплатив арендодателю денежные средства в размере двукратной арендной платы. Допустим, по истечении двух лет действия договора арендатор решил отказаться от него в связи с отпадением необходимости в дальнейшем использовании арендуемого объекта. При этом он обязан уплатить двукратный размер арендной платы (т.е. двухмесячный размер арендной платы). Очевидно, что уплата указанной суммы не соответствует тому объему исполнения обязательства, которое получил бы арендодатель в случае продолжения арендных отношений. Кроме того, уплата этой денежной суммы происходит из имущественной массы должника (как и само исполнение обязательства), а значит, никакого дополнительного источника для получения удовлетворения кредитора не предусматривается. Кроме того, как отмечает К.А. Новиков, особенностью обеспечительного обязательства является то, что имущественное предоставление, получаемое в рамках его исполнения, выступает суррогатом того блага, которое кредитор должен был получить по основному (обеспеченному) обязательству [8. С. 115]. В случае же с внесением платы за отказ от договора эта денежная сумма не связана с предоставлением, составляющим исполнение основного обязательства: они не соотносятся ни по объему, ни по функциональной направленности.

Вопрос о том, образует ли предусмотренная в договоре плата за отказ от договора акцессорное по отношению к основному обязательство, требует уточнения, в частности в моменте возникновения обязательства по уплате указанной в договоре денежной суммы, его существованию и прекращению.

В силу действия принципа свободы договора стороны вправе закрепить условие о плате за отказ от договора следующим образом. Во-первых, сторона вправе отказаться от договора. За произведенный отказ она обязана уплатить денежную сумму в размере Х рублей в течение Y рабочих дней с даты направления уведомления об отказе от договора. С момента уведомления другой стороны об отказе от договора договор считается расторгнутым, обязательства прекращаются. Но с этого же момента возникает обязательство отказавшейся стороны уплатить обусловленную денежную сумму. Аналогичная позиция отражена в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54. Акцессорность возникновения, акцессорность прекращения и акцессорность следования не свойственны плате за отказ в этом случае, поскольку обязательство уплатить определенную денежную сумму возникает с момента прекращения основного обязательства, а прекращается с момента исполнения. Другими словами, обязательство по внесению платежа за отказ от договора возникает и прекращается в то время, когда основное обязательство уже не существует.

Наличие акцессорности объема требования также невозможно установить для рассматриваемого обязательства. Плата за отказ от договора согласовывается

сторонами для получения некоей компенсации в связи с досрочным прекращением обязательственных отношений и, как правило, гораздо меньше, чем общий объем требований по договорному обязательству. Конечно, стороны вправе установить достаточно большой размер платы за отказ, однако в данном случае есть риск отказа суда во взыскании данной суммы по причине ее несоответствия неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства. То есть эта плата определяется соглашением сторон, но следует учитывать, что она должна быть соразмерна негативным последствиям отказа от договора, в то время как объем требований по обеспечительному обязательству определяется объемом требований по обеспеченному обязательству. Акцессорность осуществления также неприменима к обязательству по внесению платы за отказ от договора, поскольку в связи с прекращением договорных обязательств вследствие изъясления одной из сторон воли на отказ принудительное осуществление прав из договора невозможно. Принудительное осуществление прав из обязательства по внесению платы за отказ возможно в случае неисполнения этого обязательства должником, но это никак не связано с тем договорным обязательством, отказ от которого породил рассматриваемое обязательство.

Во-вторых, сторона вправе отказаться от договора только при условии уплаты другой стороне денежной суммы в размере Х рублей в течение Y дней с момента направления уведомления об отказе от договора. В этом случае закрепление в договоре условия о плате за отказ означает, что односторонняя сделка по изъяснению воли на отказ от договора повлечет прекращение договорного обязательства только в случае уплаты определенной договором денежной суммы. То есть факт изъяснения воли на отказ порождает обязательство отказавшейся стороны уплатить обусловленную сумму денежных средств. И только полный фактический состав (уведомление об отказе, а также внесение платежа) приведет к прекращению договорного обязательства.

Возникает обязательство по уплате в связи с изъяснением воли на отказ, а не в связи с наличием основного обязательства, соответственно, акцессорность возникновения отсутствует. Исполнение обязательства по оплате (совместно с волеизъявлением на отказ) ведет к прекращению договорного обязательства, а не наоборот, поэтому акцессорность прекращения также не наблюдается в этом случае. Акцессорность объема требования отсутствует в данном случае по вышеуказанным основаниям. Что касается акцессорности следования, то она может быть обнаружена на следующем примере: обязательство по внесению платежа возникает с момента уведомления другой стороны об отказе, соответственно, если в период между этим уведомлением и внесением платы произойдет переход прав кредитора к другому лицу, то, вероятно, к новому кредитору перейдет и право требования внесения платы за совершенный отказ от обязательства. Однако допустима ли такая ситуация? Следует оговориться, что с момента изъяснения воли на отказ от договора кредитор, получивший такое

уведомление, находится в некотором подвешенном состоянии: основное обязательство будет прекращено только в случае внесения платы за отказ, т.е. его право требования по основному обязательству еще не является «погашенным», однако является ли оно исполнимым и, как следствие, передаваемым по договору цессии? Если исходить из того, что изъявление воли на отказ от договора представляет собой реализацию другой стороной своего секундарного права, то вторая сторона обязана претерпевать последствия реализации этого права, соответственно, она обязана ожидать внесения платы для «активации» права на отказ, что повлечет прекращение обязательств. В этом случае кредитор не вправе заявлять о реализации права требования из основного обязательства, которое с момента изъявления воли на отказ находится в «заблокированном» состоянии, соответственно, уступка этого «заблокированного» права требования в данной период времени представляется неправомерной. Однако такое неопределенное состояние, состояние ожидания, должно длиться только в течение срока, отведенного договором для внесения платежа. По истечении указанного срока кредитор вправе либо воспользоваться правом требования из основного обязательства, либо вправе потребовать внесения платы за отказ от договора. Тем не менее следует отметить, что акцессорность следования и акцессорность принудительного осуществления в данном случае так же отсутствуют, поскольку указанные требования (об исполнении основного обязательства и о внесении платы за отказ) являются скорее взаимоисключающими, они не существуют параллельно.

Таким образом, следует отметить отсутствие каких-либо проявлений акцессорности в плате за отказ от договора по отношению к основному договорному обязательству. Кроме того, в связи с различиями в целях и в порядке применения платы за отказ от обязательства и способов исполнения обязательств исследуемый институт платы нельзя признать каким-либо из закрепленных или непоименованных способом обеспечения обязательства. Однако следует признать, что обеспечительный платеж в некоторых аспектах может быть, в том числе, использован в качестве платы за отказ от договора.

2. *Плата за отказ от договора как отступное.* В соответствии со ст. 409 ГК РФ по соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением отступного – уплатой денежных средств или передачей иного имущества. На первый взгляд, есть сходство между платой за отказ от договора и отступным: сторона договора может с помощью уплаты денежных средств «откупиться» от обязательства и не производить его исполнение. Но всё же эти инструменты различаются, в том числе по цели своего применения. Так, отступное является способом прекращения обязательства, в то время как плата за односторонний отказ является следствием (или условием) использования такого способа прекращения обязательства, как односторонний отказ от его исполнения. Иными словами, отступное и плата за отказ – это явления, возникающие в различные моменты в ходе динамики гражданского правоотношения.

Отличие отступного от платы за отказ проявляется и в том, что в случае одностороннего отказа от обязательства (с момента его заявления или с момента внесения платы в пользу другой стороны – в зависимости от того, как такое условие сформулировано) договор между сторонами считается расторгнутым, а обязательства, возникшие из договора, прекращенными, т.е. прекращаются все обязательства (в смысле правовой связи кредитор – должник, праву кредитора соответствует обязанность должника) (п. 2 ст. 450.1, п. 2 ст. 453 ГК РФ). Последствием же уплаты отступного выступает прекращение *конкретного* обязательства, в счет исполнения которого предоставляется денежная сумма или имущество. Например, между сторонами заключен договор аренды земельного участка (для использования его в целях выращивания картофеля), по которому арендатор обязан уплачивать арендную плату в виде установленной доли полученных в результате использования арендованного имущества плодов – X кг картофеля за 3 месяца аренды. Однако по соглашению между сторонами обязательство арендатора по уплате арендной платы может быть исполнено предоставлением отступного – уплатой денежных средств или передачей иного имущества, например уплатой У рублей. В данном случае уплата отступного повлечет прекращение конкретного обязательства – обязательства арендатора по уплате арендной платы, но не всех обязательств из договора, существующих между сторонами. Отступное представляет собой «суррогат исполнения» конкретного обязательства, вследствие чего отступное прекращает отдельно взятое обязательство и не ведет к расторжению договора и к завершению всех существующих отношений сторон.

Таким образом, плату за односторонний отказ от исполнения обязательства нельзя признать отступным.

3. *Плата за отказ от договора как компенсация убытков другой стороны.* Возможность квалификации платы за отказ от договора в качестве возмещения убытков предопределялась тем, что некоторые нормы Гражданского кодекса РФ прямо указывают на такие ситуации. Так, в соответствии со ст. 717 ГК РФ заказчик может в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части выполненной работы; заказчик также обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу. Также, согласно ст. 782 ГК РФ, заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, а исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков.

Такие используемые законодателем формулировки могут навести на мысль о том, что применяемая в данных случаях плата за отказ от договора реализуется в форме возмещения убытков, а значит, является

мерой гражданско-правовой ответственности. Однако учитывая, что указанными нормами ГК РФ той или иной стороне договора предоставляется право отказаться от него [9], следует уточнить, что за совершение правомерного действия не может быть предусмотрено применение мер ответственности. В продолжение указанной мысли существует позиция, в соответствии с которой термин «возмещение убытков», используемый в Гражданском кодексе РФ, в ряде случаев понимается не как форма ответственности, а как определенная экономическая категория [10. С. 118].

Вероятно, при формулировании указанных норм законодатель намеревался установить не ответственность за отказ от договора, а возможность компенсации имущественных потерь стороны договора, вызванных досрочным прекращением обязательства, прекращением существовавшей стабильности отношений, на которую она рассчитывала при заключении договора. То есть цель законодателя была не в том, чтобы назвать отказ от договора правонарушением, а в том, чтобы определить наиболее понятный (привычный – через ущерб и упущенную выгоду), хоть и не совсем удачный, порядок определения негативных последствий досрочного прекращения договора, а также восстановить баланс интересов сторон. Чтобы найти баланс между интересами стороны договора, рассчитывающей на его исполнение, и стороны договора, желающей прекратить отношения, возможно использование такого эффективного способа, как компенсация имущественных потерь контрагента, вызванных прекращением договорных отношений. Таким образом, вполне обоснованно считать плату за односторонний отказ компенсацией возможных потерь другой стороны, причиненных таким отказом. Однако не следует именовать ее возмещением (компенсацией) убытков в силу применения последней категории преимущественно в качестве меры гражданско-правовой ответственности.

4. *Плата за отказ от договора с точки зрения реализации вторичного права.* Понятие «вторичное право» было разработано немецким ученым Э. Зеккем и определялось им как субъективное частное право, содержанием которого является возможность установить (преобразовать) конкретное юридическое отношение посредством односторонней сделки [11]. Особенностью вторичных прав является возможность лица односторонним волеизъявлением породить правовые последствия. При этом А.Б. Бабаев указывает, что вторичному праву противостоит не обязанность другого субъекта отношения что-либо сделать или не сделать, а лишь связанность этого субъекта: юридические последствия наступают независимо от его воли [12. С. 11]. Однако А.А. Кравченко все же утверждает, что вторичному праву противостоит именно обязанность другого лица, обязанность претерпевания им этих наступивших правовых последствий [13. С. 11].

К числу вторичных прав традиционно относят право на односторонний отказ от договора. Относительно данного права уже было указано, что оно может быть предоставлено стороне по договору в соответствии с положениями закона или договора. Соот-

ветственно, с момента заключения субъектами гражданского права определенного договора между ними возникает определенное правоотношение, и с этого же момента у его стороны возникает право на немотивированный односторонний отказ от договора (если оно было предусмотрено законом или указанным договором). То есть при заключении сторонами конкретного договора каждая из сторон с момента возникновения обязательств получает это право на отказ. Однако реализация данного права может быть обусловлена внесением определенной денежной суммы, как указано в п. 3 ст. 310 ГК РФ.

При этом возникает вопрос, как понимать термин «обусловлена»? Следует ли считать, что внесение денежной суммы является условием для реализации права на отказ или же уплата этих средств является следствием изъявления одной из сторон воли на отказ от договора?

По мнению высшей судебной инстанции, именно в результате реализации права на односторонний отказ возникает обязанность по выплате указанной денежной суммы, т.е. с момента осуществления отказа первоначальное обязательство прекращается и возникает обязательство по выплате денежной суммы [14]. Эта позиция основана, в том числе, на положениях п. 1 ст. 450.1 ГК РФ, в соответствии с которым договор прекращается с момента получения уведомления об отказе от него.

Однако, как ранее было указано, исходя из принципа свободы договора (к тому же норма п. 1 ст. 450.1 ГК РФ является диспозитивной), стороны вправе предусмотреть и иной порядок реализации права на отказ, в соответствии с которым он будет считаться осуществившимся только в случае оплаты определенной денежной суммы. То есть правовой эффект односторонняя сделка (волеизъявление лица на отказ от договора) приобретет только при условии оплаты согласованных денежных средств. Схожее «обусловливание» реализации права на односторонний отказ можно отметить при закреплении в договоре следующего условия: «Каждая из сторон договора вправе отказаться от настоящего договора при условии предварительного письменного уведомления другой стороны за 30 (тридцать) календарных дней до предполагаемой даты прекращения действия договора. Договор будет считаться прекращенным по истечении 30 календарных дней с момента получения стороной данного уведомления». То есть правовой эффект волеизъявления стороны возникнет только по истечении определенного срока. В случае с закреплением условия об оплате, правовой эффект возникнет только с момента получения другой стороной согласованной денежной суммы или иного согласованного имущественного предоставления. В данном случае закрепление в договоре необходимости уплаты денежной суммы представляет собой не плату за реализацию вторичного права, а условие его реализации, т.е. необходимый элемент действий должника для достижения правового эффекта прекращения договора, иными словами, элемент фактического состава.

Следует оговориться, что такая ситуация в некоторых случаях способна породить некое «подвешенное состояние» стороны по договору, выражающееся в

следующем. Например, должник выражает волю на отказ от договора, но для действительности этого отказа в соответствии с условиями договора он должен уплатить денежную сумму. Кредитор, получив волеизъявление должника, ожидает, что в установленный договором срок должник перечислит ему денежную сумму и стороны больше не будут связаны существующими отношениями. Однако должник не торопится с выплатой денежных средств, подрывая и без того пострадавшую стабильность имеющихся между ними отношений. Что в таком случае предпринять кредитору? Представляется, что кредитор вправе либо потребовать исполнения обязательства, либо уплаты согласованной денежной суммы для «активации» отказа от договора. Получается, что такое обусловленное секундарное право отказа от договора при его реализации «наполовину» (при неуплате в установленный срок) не влечет для кредитора состояния «связанности» или необходимости «претерпевания последствий», а создает непонятное «подвешенное» состояние, вызванное злоупотреблением должником его правом. В данном случае действиями должника нарушается принцип добросовестности участников гражданского оборота. В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК, при установлении, ис-

полнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга.

Возможно, в целях минимизации возникновения таких «подвешенных» состояний для одной из сторон договора вследствие злоупотребления своими правами другой стороной высшая судебная инстанция и ориентирует на применение иной модели реализации права на отказ, при которой уплата оговоренных денежных средств является последствием изъявления воли на отказ от договора. Таким образом, представляется, что позиция рассмотрения платы за отказ от договора в качестве платы за реализацию секундарного права является вполне обоснованной.

Проанализировав основные подходы к определению правовой природы платы за отказ от договора, следует сделать вывод о том, что указанный платеж представляет собой плату за реализацию секундарного права, направленную на компенсацию возможных имущественных потерь, которые может понести сторона при досрочном прекращении договорных обязательств, закрепленную в целях установления баланса интересов сторон конкретного гражданско-правового отношения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ранее существовала проблема квалификации закрепленных сторонами в договоре способов расторжения договора, в частности при формулировании ими такого условия: «каждая из сторон договора вправе в одностороннем порядке расторгнуть настоящий договор». Проблема была вызвана тем, что в соответствии со ст. 450 ГК РФ, договор может быть расторгнут по соглашению сторон. По требованию одной стороны договор может быть расторгнут судом в определенных случаях. В связи с этим возникал вопрос, при закреплении в договоре указанного условия, следует его толковать только как возможность расторжения договора в одностороннем судебном порядке или же как возможность расторгнуть договор во внесудебном порядке? При толковании договора следует выяснять истинную волю сторон. Поэтому во взаимосвязи с другими условиями договора, а также с учетом действия принципа свободы договора следует признать возможность закрепления такого условия в значении расторжения договора в одностороннем внесудебном порядке, т.е. посредством направления уведомления другой стороне. Введение ст. 450.1 ГК РФ напрямую закрепило возможность расторжения договора посредством применения такого способа, как отказ от договора. Поэтому односторонний отказ от договора является, по сути, способом расторжения договора в одностороннем порядке.

² Автор настоящей статьи придерживается позиции, в соответствии с которой отказ стороны от конкретного обязательства влечет прекращение всех обязательств (в смысле простой правовой связи кредитор-должник) между сторонами, возникших из одного основания – договора, т.е. отказ от обязательства является отказом от договора ввиду следующего. Если возникшие из договора обязательства сторон А и Б являются взаимобусловленными, то в случае отказа стороны А от исполнения своего обязательства обязательство стороны Б подлежит прекращению, так как выпадает необходимое условие для исполнения стороной Б ее обязательства. Если же обязательства сторон А и Б, возникшие из их договора, не носят обусловленного характера и сторона А отказывается от исполнения своего обязательства, то следует признать, что остальные обязательства прекращаются, поскольку сохранение силы иных обязательств при изъятии даже одного «элемента» (в данном случае «простого» обязательства) из отношений сторон вело бы к дисбалансу интересов сторон, заключающемуся в том, что, несмотря на отказ от исполнения одной стороны, вторая сторона обязана что-либо исполнить. Представляется, что в случае допустимости немотивированного одностороннего отказа от обязательства следует считать обоснованным прекращение всех обязательств между данными сторонами, возникших из заключенного между ними договора. В случае же если сторона Б исполнила свое обязательство в адрес стороны А (т.е. ее обязательство прекращено исполнением), а сторона А отказывается от исполнения своего обязательства, то ее обязательство прекращается. Однако факт отказа от исполнения обязательства в совокупности с получением от стороны Б исполнения порождает у стороны А неосновательное обогащение, истребовать которое сторона Б вправе в соответствии с нормами гл. 60 ГК РФ (п. 4 ст. 453 ГК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Незнамов А.В. Платеж в связи с расторжением договора в одностороннем порядке // Закон. 2015. № 7. С. 158–174.
3. Бычков А. Плата за отказ от договора услуг // ЭЖ-Юрист. 2015. № 40. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
5. Солдатова В.И. Новеллы ГК России о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 92–97.
6. Постановление ФАС Московского округа от 02.12.2013 № Ф05-14925/2013 по делу № А40-19611/13-6-186 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Бевзенко Р.С. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
8. Новиков К.А. Акцессорно-обеспечительных обязательств и обеспечительно-ориентированные права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 107–120.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14 марта 2014 г. «О свободе договора и ее пределах» (п. 4) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

10. Оболонкова Е.В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: научно-практическое исследование. М. : КОНТРАКТ; Волтерс Клувер, 2010. 144 с.
11. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2007. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
12. Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
13. Кравченко А.А. Секундарные права в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», п. 16 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 мая 2017 г.

ON THE LEGAL NATURE OF THE TERMINATION FEE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 186–192.

DOI: 10.17223/15617793/419/26

Daria I. Verkhovets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: darya.verhovets@gmail.com

Keywords: obligation; unilateral repudiation of obligations; termination fee; protection of the creditor's rights; means of securing an obligation; accessory; secondary right.

A new general norm of the amended Civil Code of the Russian Federation (CC of RF) sets up a possibility to include in the contract a termination fee. Thereby the subject being analyzed in the present article is a problem relating to the legal nature of the termination fee. The objectives of the present article are to consider available scientific approaches to the qualification of termination fee; to compare this instrument with means of securing an obligation, with compensation for release from obligation, with compensation of losses; to reveal application features of these instruments. The author considered different literature sources, statutes in force and judicial practice. The general scientific methods used in the study were analysis, synthesis and analogy. The specific scientific methods were technical and hermeneutic methods. As a result of the research, the author comes to a conclusion that it is incorrect to qualify termination fee as a means of securing an obligation. These instruments differ in the essence, characteristics, functions, application features. Termination fee does not give the creditor an additional source of getting performance as distinguished from the means of securing an obligation. In addition, the obligation to pay a termination fee is not accessory to the main obligation. Whereas all means of securing an obligation have a feature of accessory. The termination fee can not be regarded as compensation for release from obligation. This compensation is a way of discharge, but termination fee is a result of discharge of obligation. It is incorrect to regard termination fee as a compensation for damage, because termination fee is meant to be used by the lawful action (unilateral repudiation of obligations). A compensation for damage is a civil liability, which arises in tort. The author considers the qualification of termination fee as a fee for the exercise of a secondary right as a well-reasoned approach. There are some special aspects which the author analyzed. In particular, the author considers the situation, when a debtor abuses the right of unilateral repudiation of obligation and exceeds the term for payment. In this situation the creditor is on tenterhooks, their right should be in any manner protected. The author offers the lines of approach to this problem.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2014) *Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 06.06.2014 35 "O posledstviyakh rastorzheniya dogovora"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 06.06.2014 No. 35 "On the Consequences of Termination of the Contract"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
2. Neznamov, A.V. (2015) *Platezh v svyazi s rastorzheniem dogovora v odностороннем poryadke* [Payment in connection with the unilateral termination of the contract]. *Zakon*. 7. pp. 158–174.
3. Bychkov, A. (2015) *Plata za otказ ot dogovora uslug* [Fee for the refusal from a service contract]. *EZh-Yurist*. 40.
4. Karapetov, A.G. (ed.) (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: *postateynny kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contractual and Obligation Law (General Part): an article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
5. Soldatova, V.I. (2016) *Novelly GK Rossii o sposobakh obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv* [Novellas of the Civil Code of Russia on ways to ensure the fulfillment of obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 8. pp. 92–97.
6. Konsul'tantPlyus. (2013) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 02.12.2013 № F05-14925/2013 po delu № A40-19611/13-6-186* [Decree of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow district of 02.12.2013 No. F05-14925/2013 on case No. A40-19611/13-6-186]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
7. Bevzenko, R.S. (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: *postateynny kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contractual and Obligation Law (General Part): an article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
8. Novikov, K.A. (2015) *Aktsessornost' obespechitel'nykh obyazatel'stv i obespechitel'no-orientirovannye prava* [Accessory of security obligations and security-oriented rights]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 107–120.
9. Konsul'tantPlyus. (2014) *Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 16 ot 14 marta 2014 g. "O svobode dogovora i ee predelakh" (p. 4)* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16 of March 14, 2014 "On Freedom of Contract and Its Limits" (item 4)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
10. Obolonkova, E.V. (2010) *Odnostoronniy otказ ot ispolneniya obyazatel'stva: nauchno-prakticheskoe issledovanie* [Unilateral refusal to fulfill the obligation: a scientific and practical study]. Moscow: KONTRAKT, Volters Kluver.
11. Zekkel', E. (2007) *Sekundarnye prava v grazhdanskom prave* [Secondary rights in civil law]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
12. Babaev, A.B. (2006) *Problema sekundarnykh prav v rossiyskoy tsivilistike* [The problem of secondary rights in Russian civil law studies]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Kravchenko, A.A. (2015) *Sekundarnye prava v rossiyskom grazhdanskom prave* [Secondary rights in the Russian civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.11.2016 54 "O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob obyazatel'stvakh i ikh ispolnenii"*, p. 16 [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 54 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on obligations and their implementation", item 16]. Moscow: Konsul'tantPlyus.

Received: 16 May 2017

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассмотрены вопросы правового регулирования производства экономической экспертизы. Выявлены направления, нуждающиеся в изменениях: приведение к единообразию инструментария и методик проверки; нормативных документов, регламентирующих статус эксперта и процесс его деятельности. С использованием метода правового моделирования, обозначены типичные нарушения хозяйствующих субъектов и проведено соотнесение их со статьями Кодексов РФ.

Ключевые слова: экономическая экспертиза; судебный эксперт; типичные нарушения; системные документы; ведомственное и внутриведомственное взаимодействие; эффективность деятельности; расчетные операции; имущественные отношения.

Безопасность Российской Федерации в области экономики является достаточно новой экономико-правовой категорией, разработка которой обусловлена угрозами, характерными для финансово-экономической сферы государства. Неблагополучие в этой сфере не позволяет обеспечить необходимый уровень экономического роста, затрудняет реформирование и развитие экономики, создает негативный фон в бюджетной, налоговой и иных сферах финансово-экономической системы РФ. В связи с этим одной из актуальных проблем обеспечения безопасности в экономике страны и хозяйствующих субъектов в частности являются расширение методики производства экономической экспертизы и укрепление статуса судебного эксперта.

Как всякий участник процесса, эксперт наделен рядом обязанностей и прав, исполнение которых служит основной цели его участия в процессе – получению с помощью специальных знаний достоверного доказательства [1]:

- лицо, назначенное судебным экспертом, обязано явиться по вызову судьи (суда) (следователя, дознавателя);
- обязано заявить самоотвод при наличии оснований;
- обязано принять экспертизу к производству;
- эксперт обязан явиться по вызову суда для личного участия в судебном заседании, задавать вопросы

лицам, участвующим в деле, и свидетелям (ч. 1,3 ст. 85 ГПК РФ) [2];

- эксперт имеет право знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы (необходимыми для ее производства);

- ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов, относящихся к предмету экспертизы;

- ходатайствовать о привлечении другого эксперта;
- участвовать с разрешения дознавателя, следователя, суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы (ст. 57 УПК РФ) [3];

- эксперт вправе с разрешения арбитражного суда участвовать в судебных заседаниях, задавать вопросы лицам, участвующим в деле, и свидетелям (ч. 3 ст. 55 АПК РФ) [4];

- эксперт вправе отказаться от дачи заключения;
- эксперт вправе обжаловать действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Все нормативные документы, регламентирующие статус эксперта и регулирующие процесс его деятельности, состоят в процессуальных кодексах, указывающих только одно требование для назначения лица судебным экспертом – наличие специальных знаний (табл. 1).

Таблица 1

Статус эксперта при производстве экономической экспертизы

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1]	Уголовный кодекс РФ [3]	Гражданский процессуальный кодекс РФ [2]	Арбитражный процессуальный кодекс РФ [4]	Кодекс об административных правонарушениях [5]
Задача государственного судебно-экспертного учреждения – содействие судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 2)	Лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК)	При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам (ст. 79 ГПК)	Лицо, обладающее специальными знаниями по какому-либо делу вопросам и назначенное судом для дачи заключения в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом (ст. 55 АПК)	Лицо, не заинтересованное в исходе дела, совершеннолетнее, обладающее специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, достаточными для проведения экспертизы и дачи экспертного заключения (ст. 25.9 КоАП)

По результатам проводимой экономической экспертизы эксперт формирует заключение. Если заключение эксперта выполнено по форме, установленной

Законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [6], проведено исследование в полном объеме и даны ответы на

вопросы, суд обязан его принять. Согласно ч. 3 ст. 86 ГПК РФ [2] заключение эксперта по экспертизе, проведенное в точном соответствии с ее правовым регулированием, является доказательством по делу, должно быть приобщено к материалам дела и оценено наряду с другими доказательствами. Суд может не согласиться с заключением эксперта и не принять его в качестве доказательства, однако экспертиза должна быть оценена и включена в судебные издержки.

Состав заключения эксперта имеет значительные различия в нормативных документах, регулирующих это направление в гражданском, арбитражном и уголовном процессах (табл. 2).

Процедура оплаты труда эксперта по экономической экспертизе в гражданском, арбитражном и уголовном процессах также различна (табл. 3).

Значительная часть преступлений в сфере экономики совершается хозяйствующими субъектами, для которых производство, распределение, обмен товарно-материальными ценностями являются основной функцией их профессиональной экономической деятельности [7]. Это дает основание разделить совершаемые указанными субъектами деяния на преступления, связанные с их финансово-хозяйственной деятельностью, а именно в соответствии с наиболее распространенными фактами хозяйственной жизни организации [8], такими как формирование системных документов, ведомственного и внутриведомственного взаимодействия, эффективности деятельности, расчетных операций, имущественных отношений (материально-производственных запасов, основных средств, нематериальных активов).

Т а б л и ц а 2

Структура заключения эксперта в нормативных документах

Состав заключения эксперта	ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 25) [6]	УПК РФ (ст. 204) [3]	ГПК РФ [2]	АПК РФ (ст. 86) [4]	КоАП [5]
Время и место производства судебной экспертизы	+	+	-	+	-
Основания производства судебной экспертизы	+	+	-	+	-
Сведения об органе (лице), назначившем судебную экспертизу	+	+	-	-	-
Сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, учетная степень и ученое звание, занимаемая должность)	+	+	-	+	+
Предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения	+	+	-	+	-
Поставленные вопросы	+	+	-	+	-
Объекты исследования и материалы дела	+	+	-	+	-
Сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы	+	+	-	-	-
Содержание и результаты исследований с указанием примененных методов	+	+	+	+	+
Оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам	+	+	+	+	+
Материалы, иллюстрирующие заключение (фотографии, схемы, графики и т.п.)	+	-	-	+	-
Иные сведения в соответствии с федеральным законом	-	-	-	+	-
Обстоятельства, которые установлены при проведении экспертизы и по поводу которых ему не были поставлены вопросы	-	+	+	+	+

Примечание. «-» – не указано; «+» – указано.

Т а б л и ц а 3

Процедура оплаты труда эксперта по экономической экспертизе в гражданском, арбитражном и уголовном процессах

Процедура оплаты труда экспертам	Гражданский процесс [2]	Административный процесс [4]	Уголовный процесс [3]
Суммы, подлежащие выплате экспертам, относятся	к издержкам, связанным с рассмотрением дела (ст. 94 ГПК РФ)	к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела (ст. 106 АПК РФ)	к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела (ст. 131 УПК РФ)
Затраты, понесенные экспертом в связи с явкой в суд (проезд, проживание, суточные)	возмещаются (ст. 95 ГПК РФ)	возмещаются (ст. 106 АПК РФ)	возмещаются (ст. 131 УПК РФ)
Вознаграждение эксперту за выполненную им работу по поручению суда (если эта работа не входит в круг его служебных обязанностей)	полагается (ст. 95 ГПК РФ)	полагается (ст. 107 АПК РФ)	полагается (ст. 131 УПК РФ)
Размер вознаграждения эксперту определяется	судом по согласованию со сторонами и экспертом (ст. 96 ГПК РФ)	судом по согласованию со сторонами и экспертом (ст. 108 АПК РФ)	Правительством РФ (ст. 133 УПК РФ)
Оплата труда эксперта, если производство экспертизы осуществляется	- по инициативе суда: за счет федерального бюджета (ст. 96 ГПК РФ); - по инициативе мирового судьи: за счет бюджета субъекта РФ (ст. 96 ГПК РФ)	лицом, заявившим ходатайство о проведении экспертизы	за счет федерального бюджета (ст. 131 УПК РФ) или за счет осужденного (ст. 131 УПК РФ)

Любая проверка начинается с поиска возможных следов противоправных действий. Найденные признаки таких действий ведут к раскрытию экономических преступлений. Основу поиска составляют существующие типичные нарушения. Это связано с тем, что разные направления исследований в ходе экономической экспертизы (вопросы, поставленные перед судебным экспертом) предполагают выявление специфических именно этим аспектам нарушений. И всегда облегчает поиск определенной гипотеза, которую в данном случае и представляют собой типичные нарушения.

Проблема состоит в том, что выявленные нарушения, например, в бухгалтерском учете, трактуются как «занижение прихода и завышение расхода материальных ценностей» или «несвоевременная выплата заработной платы» и т.д., а в кодексах РФ такая трактовка не предусмотрена, тогда как выявляемое нарушение «не целевое использование бюджетных средств» именно в таком текстовом варианте существует как в Бюджетном кодексе РФ, так и в Кодексе об административных правонарушениях.

В связи с этим возникают вопросы: как должностным лицам и работникам хозяйствующего субъекта, а также представителям контролирующих и судебных органов понять границы и степень экономического преступления? Как соотносить выявленное экономическое преступление с многообразием статей кодексов РФ?

Ввиду разночтения статей кодексов РФ и отсутствия схожести в профессиональных суждениях всех участников экономической экспертизы рекомендовано зафиксировать типичные экономические нарушения с определенными, закрепленными статьями Бюджетного кодекса РФ [9], Кодекса об административных правонарушениях [5] и Уголовного кодекса РФ [3].

Эта часть методики экономической экспертизы может быть применена:

- хозяйствующим субъектом для оценки степени экономического преступления и профилактики правонарушений в организации;
- контролирующими и судебными органами в качестве основы судебно-следственных мероприятий и формирование заключения эксперта.

Итак, системные документы представляют собой основу деятельности хозяйствующего субъекта, именно на их основании и строится вся экономическая деятельность организации. К ним могут относиться: лицензия на осуществление деятельности, внутрифирменные положения (о документообороте, о взаимодействии со связанными сторонами, об оплате труда и т.д.), приказы и распоряжения, гражданско-правовые договоры с физическими и юридическими лицами, протоколы и пр.

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы системных документов и формирования заключения эксперта представлен в табл. 4.

Таблица 4

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы системных документов

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Отсутствие системных документов	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств	Статья 14.1. Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)	Статья 171. Незаконное предпринимательство
Несвоевременное изготовление и изменение системных документов		Статья 15.3. Нарушение срока постановки на учет в налоговом органе	
Несоответствие системных документов законодательным и нормативным актам		Статья 15.4. Нарушение срока представления сведений об открытии и о закрытии счета в банке или иной кредитной организации	
Нарушения, допущенные при оформлении системных документов		Статья 14.1. Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)	
Ошибки при регистрации системного документа (количественные либо качественные расхождения при переносе данных из документов в учётные регистры)		–	
Отсутствие необходимых реквизитов в системных документах		Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	

Организации не могут сосуществовать обособленно от внешнего влияния, поскольку всегда в их экономической деятельности присутствуют следующие взаимосвязи: с вышестоящей организацией – в части финансирования, имущественного движения, выполнения государственного задания; с дебиторами и кредиторами – в части получения или оказания услуг, продажи готовой продукции, товаров и выполнения работ; с бюджетными и внебюджетными фондами – в части уплаты и возмещения налогов; с контролирующими организациями – в

части исполнения нормативных актов и их предписаний; со своими работниками – в части социального, материального обеспечения и т.д. Таким образом, все эти операции сводятся к формированию ведомственного и внутриведомственного взаимодействия.

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы ведомственного и внутриведомственного взаимодействия и формирования заключения эксперта может быть представлен в табл. 5.

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы расчетных операций и формирования заключения эксперта представлен в табл. 6.

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы оплаты труда с примером оформления и формирования заключения эксперта представлен в табл. 7.

Т а б л и ц а 5

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы ведомственного и внутриведомственного взаимодействия

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Отсутствие государственного (муниципального) задания, плана финансово-хозяйственной деятельности и первичных документов	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 15.14. Нецелевое использование бюджетных средств Статья 15.15. Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита Статья 15.16. Нарушение сроков перечисления платы за пользование бюджетными средствами	Статья 159. Мошенничество
Нецелевое использование средств	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств	Статья 15.14. Нецелевое использование бюджетных средств	Статья 159. Мошенничество
Необоснованность расчетов сметных назначений	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 15.15. Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита	Статья 159. Мошенничество
Нерациональное и неэффективное использование средств			Статья 159. Мошенничество
Несоблюдение финансовой дисциплины			–
Неотражение результатов актов проверок (ревизий, налогового контроля, бухгалтерской экспертизы)	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	–
Ошибки, связанные с оформлением финансовой документации	–	–	Статья 159. Мошенничество

Т а б л и ц а 6

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы расчетных операций

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Перечисление авансов при отсутствии кредиторской задолженности	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита		Статья 159. Мошенничество
Перечисление средств в качестве предоплаты по бестоварным счетам и другим сомнительным операциям			
Расчеты с прочими дебиторами и кредиторами без предварительного оформления договора			
Отсутствие в первичных документах штампа банка	–	–	–
Неправильное отражение в учете произведенных операций	–	–	–
Отсутствие утвержденного приказом руководителя списка лиц, которым разрешено получать деньги в подотчет	–	–	–
Задолженность подотчетных лиц, не погашенная в установленные сроки	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	–
Отсутствие утвержденных смет представительских расходов	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств		Статья 159. Мошенничество
Отсутствие визы руководителя предприятия или иного уполномоченного лица, утверждающего авансовый отчет			–
Отсутствие договора займа или составление его с нарушением ГК РФ			–
Отсутствие договора с банком о пролонгации кредита	–		–
Ненадлежащее ведение учета	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита		Статья 177. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности
			Статья 194. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица
			Статья 195. Неправомерные действия при банкротстве

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
			Статья 198. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица
			Статья 199. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации
Неправильный учет расходов по уплате процентов по кредитам и займам			–
Нецелевое использование средств кредитов банков	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств	Статья 15.14. Нецелевое использование бюджетных средств	Статья 159. Мошенничество
Проведение тендера с нарушением требований, искажения или дозирования информации	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 14.24. Нарушение законодательства об организованных торгах	
Отсутствие оправдательных первичных документов или наличие документов неудовлетворительного качества, приложенных к авансовому отчету	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	
Выдача денежных средств в подотчет лицам, не являющимся работниками предприятия, без соответствующего обоснования	–		
Невыполнение условий договора, использование условий договора в качестве прикрытия «отката»	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита		

Таблица 7

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы оплаты труда (с примером оформления)

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Выплаты по договорам возмездного оказания услуг необоснованного характера	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	Статья 159. Мошенничество
Отвлечение денежных средств, выплаты подставным лицам, незаконные выплаты			
Завышение расчетных сумм			
Искажение расчетной информации (включение в таблицу учета рабочего времени, приписки невыполненных работ)	–		
Отсутствие документов, подтверждающих законность выплат работникам денежных средств	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита		
Ошибки при начислении выплат по среднему заработку	–		–
Ненадлежащее ведение бухгалтерского учета (неправильная корреспонденция счетов, расхождение между данными аналитического и синтетического учета)	–		–
Неправомерное списание потерь от порчи ценностей сверх норм естественной убыли в себестоимость продукции или за счет чистой прибыли предприятия вместо отнесения на виновных лиц	–	Статья 15.15. Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита	Статья 159. Мошенничество
		Статья 14.6. Нарушение порядка ценообразования	Статья 160. Присвоение или растрата
Несвоевременная выплата заработной платы работникам	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	Статья 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием
			Статья 177. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности
		Статья 15.5. Нарушение сроков представления налоговой декларации (расчета по страховым взносам)	Статья 199. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с организации
		Статья 15.8. Нарушение срока исполнения поручения о перечислении налога (сбора), страхового взноса, пеней, штрафа	
		Статья 15.33. Нарушение установленных законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании порядка и сроков представления документов и / или иных сведений в территориальные органы Фонда социального страхования Российской Федерации	Статья 198. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с физического лица

Нормальное функционирование организации в сфере экономической деятельности предполагает строгое соблюдение нормативных актов и основанных на них системных документов, особенно применительно к использованию имущественных (материально-производственных запасов, основных средств,

нематериальных активов), трудовых и финансовых ресурсов. Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы материально-производственных запасов и формирования заключения эксперта представлен в табл. 8.

Т а б л и ц а 8

Макет соотношения типичных нарушений и Кодексов РФ при производстве экономической экспертизы материально-производственных запасов

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Отсутствие требуемых реквизитов и наличие исправлений в первичных документах	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	–
Занижение прихода и завышение расхода материальных ценностей	–		Статья 159. Мошенничество Статья 160. Присвоение или растрата
Ошибки и подлоги в процессе кодирования первичных документов	–		Статья 159. Мошенничество
Дублирование отражения первичных документов	–		
Искажение данных в момент перфорирования первичных документов (пропуск документов, не пробивка цифр)	–		
Списание материально-производственных запасов без оприходования	–		
Несвоевременное и неполное оприходование оплаченных материально-производственных запасов	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита		
Необоснованность норм расхода материалов	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств		
Замена одного материала другим, более дешевым			
Списание стоимости сырья и материалов, но фактически неизрасходованным в производстве	–		
Необоснованная уценка материалов	–		
Отсутствие первичных приходных и расходных документов	–	–	
Неправильное исчисление фактической стоимости заготовления материалов	–	Статья 14.6. Нарушение порядка ценообразования	–

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы основных средств и формирования заключения эксперта представлен в табл. 9.

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы нематериальных активов и формирования заключения эксперта представлен в табл. 10.

Т а б л и ц а 9

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы основных средств

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Присвоение инвентарного номера ранее списанным основным средствам или отсутствие таковых	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	–
Отсутствие обязательных реквизитов	–		–
Отсутствие документального оформления	–		–
Учет основных средств обезличенно, без закрепления за ответственными за их сохранность лицами	–		Статья 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием
Передача основного средства с одного места на другое без документального оформления	–		–
Формальное проведение инвентаризации основных средств	–		–
Списание основных средств с нарушением установленного порядка	–		–
Несвоевременное оприходование объектов основных средств	–		–
Неоприходование материальных ресурсов, остающихся при ликвидации объектов основных средств	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств		Статья 158. Кража
			Статья 160. Присвоение или растрата Статья 164. Хищение предметов, имеющих особую ценность

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Неправильное исчисление первоначальной стоимости поступивших объектов основных средств	–	Статья 14.6. Нарушение порядка ценообразования	Статья 199. Уклонение от уплаты налогов и /или сборов с организации
Начисление амортизации по полностью амортизированным объектам	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	Статья 159. Мошенничество

Таблица 10

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы нематериальных активов

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]	
Учет в составе нематериальных активов объектов, не относящихся к ним	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	–	
Отсутствие актов ввода в эксплуатацию нематериального актива с указанием срока их эксплуатации	–		–	
Отсутствие первичных приходных документов или оформление их с нарушением установленных требований	–		–	
Неправильное отнесение отдельных видов расходов к нематериальным активам	–		Статья 14.6. Нарушение порядка ценообразования	Статья 199. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с организации
Неправильное начисление амортизации по отдельным объектам нематериальных активов	–			–

В свою очередь, рациональное, действенное, результативное использование имущественных, трудовых и финансовых ресурсов приводит к эффективности деятельности организации. Значение этого элемента жизнедеятельности предприятия является конечной целью всего его существования.

Таким образом, все перечисленные ранее факты хозяйственной жизни организации играют важную роль в обеспечении устойчивого развития как самого хозяйствующего субъекта, так и экономики в целом.

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы эффективности деятельности и формирования заключения эксперта представлен в табл. 11.

Разработанные таблицы позволят: усовершенствовать систему внутреннего контроля хозяйствующего субъекта, организацию которой предусматривает ст. 19 «Внутренний контроль» Федерального закона «О бухгалтерском учете» [8]; иметь своеобразный «ориентир» на халявные или мошеннические действия должностных лиц и работников хозяйствующего субъекта. Дополнительным стимулом применения разработанных таблиц в осуществлении проверки является стоимость услуг эксперта, которые в ряде случаев будут оплачены лицом, заявившим ходатайство о проведении экспертизы. Ориентировочная стоимость услуг эксперта заявлена на сайтах судебных лабораторий, осуществляющих экономическую экспертизу (табл. 12).

Таблица 11

Макет соотношения типичных нарушений и кодексов РФ при производстве экономической экспертизы эффективности деятельности

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
Неадекватность результатов, плохая результативность финансово-хозяйственной деятельности	–	–	Статья 177. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности
			Статья 198. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с физического лица
			Статья 199. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с организации
Искажение информации в бухгалтерских программах	–	–	–
Необеспечение сохранности государственного имущества	–	Статья 15.11. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности	Статья 158. Кража
			Статья 160. Присвоение или растрата
			Статья 164. Хищение предметов, имеющих особую ценность
			Статья 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием
			Статья 167. Умышленное уничтожение или повреждение имущества
			Статья 168. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности
Неумышленные ошибки и действия работников	–	–	Статья 168. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности
Потенциальное банкротство	–	Статья 14.12. Фиктивное или преднамеренное банкротство	Статья 195. Неправомерные действия при банкротстве

Нарушения	Бюджетный кодекс РФ [9]	Кодекс об административных правонарушениях [5]	Уголовный кодекс РФ [3]
			Статья 196. Преднамеренное банкротство
		Статья 14.13. Неправомерные действия при банкротстве	Статья 197. Фиктивное банкротство
			Статья 201. Злоупотребление полномочиями
Необеспечение качества оказываемых услуг	–	Статья 14.7. Обман потребителей Статья 14.4. Продажа товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований	–
Нерациональное и неэффективное использование средств		Статья 15.15. Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита	–
Наличие возможных потерь	Статья 306.4. Нецелевое использование бюджетных средств	Статья 14.6. Нарушение порядка ценообразования	Статья 158. Кража Статья 160. Присвоение или растрата Статья 164. Хищение предметов, имеющих особую ценность
		Статья 15.2. Невыполнение обязанностей по контролю за соблюдением правил ведения кассовых операций	Статья 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием Статья 167. Умышленное уничтожение или повреждение имущества Статья 168. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности
			Статья 201. Злоупотребление полномочиями
Неэффективное управление бюджетным учреждением			Статья 177. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности Статья 198. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с физического лица Статья 199. Уклонение от уплаты налогов и / или сборов с организации
Возможность своевременного погашения дебиторской и кредиторской задолженности	Статья 306.7. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	Статья 15.15. Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита	

Т а б л и ц а 12

Стоимость услуг эксперта по производству экономической экспертизы

Организация	Стоимость
Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ [10]	31 813,04 руб. за 28 ч (указано минимальное количество часов)
Некоммерческое партнерство «Федерация судебных экспертов» [11]	От 15 000 руб. – по гражданским делам, от 30 000 руб. – по уголовным и арбитражным делам
Автономная некоммерческая организация Центр по проведению судебных экспертиз и исследований «Судебный Эксперт» [12]	От 40 000 руб. (по судебным экспертизам и внесудебным исследованиям)
Независимое агентство «Эксперт» [13]	От 15 000 руб. – по внесудебным исследованиями, от 20 000 руб. – по судебным экспертизам

В целом проведенный анализ различных аспектов нормативного регулирования производства экономической экспертизы показал, что существование этих компонентов в финансово-экономической сфере требует закрепления единообразия в подходах к ее

производству на законодательном уровне и формирования методических разработок по вопросам ее проведения, а разработанные и предложенные в статье приемы и рекомендации позволят создать основу системы экономической экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

- Кеворкова Ж.А. Экономическая экспертиза : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 253 с.
- Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.04.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>
- Бертовский Л.В., Образцов В.А. Выявление и расследование экономических преступлений. М. : Экзамен, 2003. 256 с.
- Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.98 № 145-ФЗ (28.03.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- URL: <http://sudexpert.ru>
- URL: <http://sud-expertiza.ru>

12. URL: <http://sudexpa.ru>
13. URL: <http://www.nea-expert.ru>

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 мая 2017 г.

A NEW TOOL OF LEGAL REGULATION TO PERFORM ECONOMIC EXPERT EXAMINATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 193–201.

DOI: 10.17223/15617793/419/27

Oksana K. Mineva, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: okmineva@rambler.ru

Lyudmila V. Kashirskaya, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: kashirskaya76@mail.ru

Keywords: economic examination; forensic expert; typical violations; system documents; departmental and interdepartmental interaction; efficiency of activity; settlement operations; examination of property relations.

This paper considers legal regulations that are currently applicable to tools and techniques of an expert examination. It presents a comparative analysis of legal regulation of economic expert examination; it also concerns experts' status and the form of their reports. The article also sets and tackles the tasks to develop approaches to standardization of an economic expert assessment; it also determines the main categories of economic violations that require an economic expert examination to analyze activities performed by economic entities. The methodological foundation of the presented research is the system-based and the process-based approaches towards the set issue. General scientific methods of logical analysis and synthesis (in particular, analogy, typology, generalization) have been applied. Based on the research of substantial empiric material, the authors have determined the specific features of violations revealed by an expert examination and classified them in accordance with types of examinations. As a result, the authors conclude that it is possible to correlate typical violations with clauses of the Russian Budgetary Code, the Russian Criminal Code, and the Russian Code on Administrative Offenses. Using the method of legal sociology (in particular, analyzing materials of criminal and civil cases and other documents), the authors have revealed the degree of efficiency of legal regulation of economic expert examination. Applying the method of legal modeling and analyzing the main contradictions and discrepancies between interpretations of typical violations and clauses of the Russian Budgetary Code, the Russian Criminal Code, and the Russian Code on Administrative Offenses, the authors have revealed a regularity in interpreting the results of economic expert examinations and in referring the obtained conclusions to the original interpretations of the above mentioned Russian Codes. The authors conclude that a number of tendencies requiring considerable changes could distinctly be revealed within the current system of economic expert examination. In particular, there is a tendency to make the following techniques and regulations uniform: the techniques to verify and assess the revealed economic violations as per the above mentioned Russian Codes, the legal regulations determining experts' status and activity process (including the structure of expert reports) and the procedure of payment for experts' economic examinations in civil, arbitrary and criminal proceedings. Application of the suggested techniques of economic expertise will make it possible to deter economic violations, enhance the internal control system of an economic entity and prevent similar violations in the future.

REFERENCES

1. Kevorkova, Zh.A. (2017) *Ekonomicheskaya ekspertiza* [Economic expert examination]. Moscow: Prospekt.
2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 19, 2016) (as amended and supplemented, in force from 01.01.2017). [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 18.04.2017). (In Russian).
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on 03.04.2017). [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 18.04.2017). (In Russian).
4. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 19, 2016) (as amended and supplemented, in force from 01.01.2017). [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 18.04.2017). (In Russian).
5. The Code on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 03.04.2017). [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 18.04.2017). (In Russian).
6. Konsul'tantPlyus. (2001) *Federal'nyy zakon RF "O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" ot 31.05.2001 № 73-FZ* [The Federal Law of the Russian Federation "On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation" of May 31, 2001 No. 73-FZ]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>.
7. Bertovskiy, L.V. & Obratstov, V.A. (2003) *Vyyavlenie i rassledovanie ekonomicheskikh prestupleniy* [Identification and investigation of economic crimes]. Moscow: Ekzamen.
8. Konsul'tantPlyus. (2011) *Federal'nyy zakon "O bukhgalterskom uchete" ot 06.12.2011 402-FZ* [The Federal Law "On Accounting" of 06.12.2011 No. 402-FZ]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 18.04.2017).
9. The Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ (March 28, 2017). [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 18.04.2017). (In Russian).
10. [Online] Available from: <http://sudexpert.ru>.
11. [Online] Available from: <http://sud-expertiza.ru>.
12. [Online] Available from: <http://sudexpa.ru>.
13. [Online] Available from: <http://www.nea-expert.ru>.

Received: 12 May 2017

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследуются нормы уголовного законодательства России, регламентирующие ответственность несовершеннолетних. Устанавливается степень соответствия действующих норм Уголовного кодекса РФ, относящихся к определению ответственности несовершеннолетних, их возрастным особенностям. Делается вывод о том, что зачастую логически невозможно обосновать позицию законодателя, установившего конкретный возраст уголовной ответственности за преступление.

Ключевые слова: несовершеннолетний; возраст; преступление; состав преступления; ответственность.

Правонарушения и преступность относятся к наиболее социально значимым проблемам современного российского общества.

Традиционные и обусловленные реалиями настоящего времени противоречия общественного развития на фоне сокращения несовершеннолетнего населения в стране существенно усиливают свое криминогенное влияние на несовершеннолетних.

Уголовная ответственность является одним из важных направлений противодействия преступности несовершеннолетних. Большое внимание данной проблеме уделяет международное сообщество, принимая соответствующие меры для ее разрешения, в том числе и меры правового характера. В этой связи отметим Международный пакт о гражданских и политических правах, в ст. 24 которого содержится положение, в соответствии с которым каждый ребенок без всякой дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального рождения имеет право на такие же меры защиты, которые требуются в его положении со стороны семьи, общества, государства.

В декларации о правах ребенка от 20 ноября 1959 г. закреплён принцип, в соответствии с которым «ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства».

Утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН Минимальные стандартные правила по осуществлению правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) сформулировали определенные стандарты обращения с несовершеннолетними. Наиболее важными положениями «Пекинских правил» являются положения о том, что необходимо создавать специальные органы правосудия по делам несовершеннолетних и избегать назначения наказания несовершеннолетним путем его замены мерами исправительно-воспитательного характера. Отметим и огромное значение принятых 14 декабря 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), а также рекомендаций Комитета министров Совета Европы о европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, подвергаемых наказанию и мерам воздействия.

Многие положения из приведенных выше документов нашли свое отражение и в Российском законодательстве, где особое место занимает Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», в котором впервые был введен в правовой оборот новый термин «дружественное детям правосудие». Этот документ содержит основные принципы и элементы дружественного к ребенку правосудия: общедоступность, соответствие возрасту и развитию ребенка, незамедлительное принятие решений, направленность на обеспечение потребностей, прав и интересов ребенка, уважение личности и достоинства ребенка и т.д.

Одним из важных правовых средств защиты интересов ребенка является правильное, соответствующее возрастным особенностям установление уголовной ответственности, которая существенно отличается от уголовной ответственности взрослых, а также установление уголовной ответственности за посягательства на общественные отношения, обеспечивающие нормальные условия социализации несовершеннолетних.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. законодательно определил само понятие «несовершеннолетний»: лицо, которому исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. Лица моложе 14 лет – малолетние, старше 18 лет – совершеннолетние.

В действующем УК РФ в ч. 2 ст. 20 дан исчерпывающий перечень преступлений, ответственность за совершение которых установлена с 14 лет. Всего таких деяний 31. Отметим, что в настоящее время не все российские исследователи разделяют позицию законодателя о пониженной границе уголовной ответственности в 14 лет. По их мнению, нижнюю границу возраста уголовной ответственности несовершеннолетних следует снизить до 12 лет.

Сторонники данной позиции ссылаются на конкретные психологические исследования, «которые показывают, что к двенадцатилетнему возрасту человек становится способным не только понимать характер своих действий, их общественную опасность и вредность, взаимосвязь своего поведения с окружающим миром, но и принимать глубоко продуманные решения» [1. С. 6, 12]. При этом отметим, что осуществляемый ими анализ конкретных психологических исследований (а чаще опубликованных отдельных результатов исследований) осуществляется не всегда корректно и грешит фрагментарностью, что не

позволяет однозначно делать вывод, приведенный нами выше. В этой связи появляются дополнительные аргументы в пользу необходимости снижения возраста уголовной ответственности, которые не связаны с особенностями физиологического, психологического, социального развития несовершеннолетних и являются чаще всего производными от вышеназванных особенностей. В частности, делаются ссылки на криминологическую ситуацию в стране и повышенную криминальную активность лиц 12–13-летнего возраста [2. С. 37, 80], на то, что лица несовершеннолетнего возраста, совершая особо опасные преступления, «прекрасно осознают их общественную опасность, поэтому с субъективной стороны отвечают всем признакам субъекта преступления [3. С. 19]. Сторонники данной позиции вслед за авторами никаких сколь-нибудь убедительных аргументов в пользу такой позиции не приводят. Еще дальше «пошли» Ю.Н. Гречишкин и О.В. Старков, которые, ссылаясь на «международный опыт, историю развития уголовного законодательства в России... а также повышенную акселерацию подростков в наше время...», предлагают установить общий возраст уголовной ответственности несовершеннолетних 12 лет, а за совершение вандализма, приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения, или крайне неблагоприятных тенденциях развития, особенно среди несовершеннолетних, или учета общественного мнения должна быть установлена с 10 лет [4. С. 101–102].

Мы не можем принять такую позицию по следующим основаниям.

Во-первых, в исследованиях по возрастной и педагогической психологии отмечается, что только к 14 годам у несовершеннолетних начинает формироваться абстрактное мышление [5. С. 61–70, 203–207; 6]. Именно это обстоятельство во многом предопределяет логику государственных образовательных стандартов для учреждений образования: от простого – к сложному, от конкретного – к абстрактному. Несформированность, неразвитость абстрактного мышления к 12 годам (в этом исследователи единодушны) вряд ли позволяет несовершеннолетним «понимать характер своих действий, их общественную опасность и вредность, взаимосвязь своего поведения с окружающим миром...».

Во-вторых, говоря о необходимости снижения возраста уголовной ответственности, сторонники данной позиции почему-то всегда утверждают, что несовершеннолетний к 12 годам понимает и, следовательно, осознает общественно опасный характер своих действий, но не подвергают анализу возможность осознания им ответственности за подобное поведение. Ответственность как социальная форма воздействия на поведение человека, как инструмент регулирования отношений людей в обществе, является такой формой абстракции, которая не может восприниматься и осознаваться в 12-летнем возрасте. Формы ответственности, «вызревание» способности ее нести зависят от характера социальных связей личности. По мере формирования личности та или иная форма социальной ответственности становится ей внутренне присущей, а соответственно, и сильной. Уголовная

ответственность, являясь установлением государства, реализуемым в приговоре суда в случае совершения преступления, преломляется через субъективную, личностную призму и связана теснейшим образом со свойствами субъекта и его особенностями [7].

В-третьих, вряд ли корректно говорить о повышенной «криминальной» активности малолетних, которые не являются субъектами уголовной ответственности. Очевидно, что можно и нужно говорить об их антиобщественной активности. Следовательно, необходимо изучать возрастные особенности, которые позволяют либо препятствуют установлению определенной формы правовой ответственности в конкретном возрасте.

Представляется, что нижний предел возраста уголовной ответственности несовершеннолетних не должен вторгаться в годы детства и раннего подросткового возраста. В этом возрасте ребенок только начинает воспринимать окружающий мир, пытается выделить главное, существенное, однако его сознание еще не сформировано, ребенок еще не может правильно анализировать происходящие события, объяснять мотивы своего поведения. Очевидно, что привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних этой возрастной группы (которым не исполнилось 14 лет) не соответствует и принципу гуманизма.

Аргументы, приведенные выше, позволяют утверждать, что привлечение к уголовной ответственности лиц, достигших 12 лет, не являются обоснованными, поскольку противоречат социальной сущности и психологической зрелости лиц данного возраста.

При установлении возрастной границы в 16 лет в качестве общего правила наступления уголовной ответственности в Российской Федерации законодатель учитывал, что в этом возрасте несовершеннолетние уже способны осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения и могут руководить им.

Вместе с тем отметим, что и несовершеннолетние, которым исполнилось 16 лет, являются субъектами далеко не всех преступлений, предусмотренных в действующем Уголовном кодексе РФ. Так, они не могут быть субъектами воинских, должностных и многих других преступлений. Спектр преступлений, за которые установлена уголовная ответственность несовершеннолетних, значительно уже, чем у взрослых лиц, что объективно соответствует уровню сформированности личности данных возрастных групп.

Однако проблемы установления возраста уголовной ответственности не сводятся исключительно к установлению нижней возрастной границы привлечения лиц к уголовной ответственности, они значительно шире.

В частности, в действующем УК РФ к уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений, потерпевшим от которых выступает несовершеннолетний, может быть привлечено лицо, достигшее возраста 14 лет (например, при совершении преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 126, 131, 132, 206 УК РФ), а за другие – с 18 лет (например, за преступления, предусмотренные в ст. 134, 135, 150, 151, 240.1, 242.2 УК РФ), есть и

преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена с 16 лет (например, за преступления, предусмотренные в ст. 151.1, ч. 3 ст. 240, ч. 3 ст. 230 УК РФ). Естественно возникает вопрос, почему, например, за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или систематическое употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ к уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, достигшее 18 лет, а за склонение несовершеннолетнего к употреблению наркотических средств и психотропных веществ или за вовлечение в занятие проституцией – с 16 лет. Тот же вопрос возникает и применительно к установлению возраста уголовной ответственности за совершение других деяний, например, за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240¹ УК РФ) – с 18 лет, а за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242 УК РФ) – с 16 лет. Логика законодателя при установлении возрастных границ уголовной ответственности за совершение преступлений, перечисленных выше, не поддается объяснению, поскольку такой подход не обусловлен ни особенностями возраста, ни общественной опасностью самих деяний. К сожалению, подобных примеров в действующем уголовном законодательстве России немало.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в Особенную часть Уголовного кодекса РФ была включена ст. 228.1 «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». В пункте «в» ч. 2 данной статьи был установлен возраст субъекта в 18 лет, а в ч. 1 и 3 этой же статьи возраст субъекта не оговаривался. На практике такое положение привело к тому, что, например, за сбыт наркотиков взрослым лицам к ответственности могло быть привлечено лицо, достигшее возраста 16 лет, за сбыт несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 18 лет, лицо, достигшее возраста 18 лет, а за сбыт малолетнему, т.е. не достигшему возраста 14 лет, – опять лицо, достигшее 16 лет. Очевидно, что никакой логики в таком подходе законодателя к учету возраста как лица, совершившего преступление, так и лица, потерпевшего от такого преступления, не прослеживалось. В 2009 г. данная статья была скорректирована в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В новой редакции только в части четвертой предусмотрено квалифицирующее обстоятельство – «лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего».

Однако это правило действует только в отношении ст. 228.1 УК РФ и не подлежит расширительному толкованию. Совершенно иное решение предусмотрено в ст. 230 УК РФ. В соответствии со ст. 20 УК РФ ответственность за склонение к употреблению наркотических средств наступает с 16 лет. Если несовершеннолетний, достигший указанного возраста, склоняет к употреблению наркотических средств лицо, не

достигшее совершеннолетия, он подлежит уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27.07.2009 г. № 215-ФЗ), т.е. ему вменяется особо отягчающее обстоятельство – склонение несовершеннолетнего. Логически невозможно обосновать позицию законодателя, по которой деяние, обладающее большей общественной опасностью (сбыт наркотических средств), не вменяется несовершеннолетнему, а деяние, обладающее меньшей общественной опасностью (склонение), не только вменяется, но и выступает отягчающим обстоятельством. В приведенном примере несовершеннолетнему, совершившему преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228.1, может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком на 8 лет, а по ст. 230 УК РФ – до 10 лет (ч. 3 ст. 230 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет). Другими словами, с точки зрения предусмотренных действующим законодательством последствий, «выгоднее» сразу сбывать наркотические вещества.

Вариантов выхода из сложившейся ситуации может быть несколько. Наиболее простой, с точки зрения законодательной техники, в ст. 20 УК РФ предусмотреть самостоятельную часть, в которой перечислить (закрепить) все составы преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 16 лет. Либо в ч. 4 ст. 20 УК РФ закрепить правило, в соответствии с которым «отягчающее (особо отягчающее обстоятельство) – совершение преступления в отношении лица, не достигшего совершеннолетия, вменяется только лицу, достигшему совершеннолетия».

Не менее важной долгое время считалась проблема определения возраста в сложных преступлениях, когда в рамках основного состава ответственность наступала с 14 лет, а за преступление, являющееся отягчающим обстоятельством, – с 16 лет. Например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), похищение человека (п. «в» ст. 126 УК РФ), изнасилование (п. «а», ч. 4 ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 4 ст. 132 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ) и др. В указанных составах преступлений в качестве отягчающих обстоятельств было предусмотрено наступление последствий в виде смерти по неосторожности. В этой связи возникал вопрос: с достижением какого возраста должна наступать уголовная ответственность в составах преступлений, предусматривающих отягчающие обстоятельства? Распространяются ли на такие составы положения, сформулированные в ч. 2 ст. 20 УК РФ об ответственности с 14-летнего возраста? Ответ был дан в Федеральном законе от 06.07.2016 № 375-ФЗ, где четко изложена позиция законодателя, в соответствии с которой лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111), похищение человека (ст. 126), изнасилование (ст. 131), насильственные действия сексуального характера (ст. 132), умышленное уничтожение или повреждение имущества при

отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167). В соответствии с действующим законодательством за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) ответственность должна наступать с 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Существующее противоречие можно показать на примере причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ, где указана ст. 111 (что подразумевает и ч. 4 ст. 111 УК РФ), возраст субъекта преступления определен в 14 лет. Вместе с тем законом и то, что ответственность за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) наступает по достижению субъектом возраста 16 лет. Каких-либо объяснений такому подходу законодателя к определению возраста уголовной ответственности за аналогичные деяния, предусмотренные в рамках самостоятельного преступления и в составном преступлении, мы не видим.

Аналогичная ситуация возникает при совершении кражи, грабежа, разбоя, соединенных с проникновением в жилище. Очевидно, что усиление ответственности за эти преступления обусловлено нарушением дополнительного объекта – неприкосновенности жилища. Но ответственность за это деяние (ст. 139 УК

РФ) предусмотрена с 16 лет. Возникает вопрос: правомерно ли вменение 14-летнему нарушение неприкосновенности жилища в составе кражи, грабежа, разбоя? С позиции действующего закона ответ должен быть отрицательным, поскольку эти деяния, совершенные лицами, не достигшими 16-летнего возраста, на законном основании могут квалифицироваться как сопряженные с проникновением в помещение.

Существуют и другие проблемы, связанные с возрастом уголовного ответственности, которые требуют самостоятельного анализа. Однако и сказанного выше достаточно для утверждения, что существующие проблемы не способствуют достижению целей уголовного права применительно к несовершеннолетним, которые заключаются в том, что в отношении этой возрастной группы могут использоваться лишь минимально возможные карательные средства воздействия. При этом, чем младше возраст, тем должно быть меньше возможностей для применения таких средств. Безусловно, что несовершеннолетний возраст не должен становиться «индульгенцией» от уголовной ответственности, но последняя должна помочь оградить общество от дальнейшей криминализации подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнева Н.А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 22 с.
2. Игнатов А.Н. Проблемы криминализации и декриминализации // Современные проблемы уголовного права и криминологии : Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. Б.С. Волкова, 22 февр. 2007 г. М., 2007. С. 18–24.
3. Корнакова С.В., Корягина С.А., Гайков Д.Г. О мерах адекватного государственного реагирования на совершение несовершеннолетними преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Пролог. Журнал о праве. 2014. № 1. С. 42–46.
4. Гречишкин Ю.Н., Старков О.В. Предупреждение девиантного и преступного поведения несовершеннолетних. Краснодар : Краснодар. акад. МВД России, 2004. 248 с.
5. Давыдов В.В. Основные проблемы развития мышления в процессе обучения // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1991. С. 203–207.
6. Тульviste П. О сопоставительном изучении развития мышления у несовершеннолетних разных возрастных групп // Проблемы возрастной и педагогической психологии. Тарту, 1995. С. 61–70.
7. Астемиров З.А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних и проблемы применения к ним лишения свободы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 мая 2017 г.

RUSSIAN CRIMINAL LAW POLICY IN REGARD TO JUVENILES: ISSUES OF LAW-MAKING AND LAW ENFORCEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 202–206.

DOI: 10.17223/15617793/419/28

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: criminal law policy; liability; age; juvenile; crime.

The subjects for study in the paper are the standards of Russian criminal legislation regulating juveniles' liability. The author's aim is to determine the degree of accordance between the current propositions of the Criminal Code of the Russian Federation, relating to defining juveniles' liability, and their age peculiarities. In the article the author proceeds from the concept of natural law, acknowledgment and imperishable value of every human personality, irrespectively of their qualities and behaviour. The idea of the article was determined on the grounds of the works of child and developmental psychology researchers. The author also used special scientific methods: comparative law and technical. It is noted in the article that not all Russian researchers support the legislator's position respectively the lower age of criminal liability, which is 14. In their opinion, it should be lowered to the age of 12. The article analyzes the arguments adduced by the authors of this position. Disagreeing with the stated position, the author of the article adduces other arguments based on the propositions of age and pedagogical psychology, contemporary criminology that allow claiming the necessity of preserving the lower age of 14 for instituting criminal proceedings against a person. It is mentioned in the article that the issue of determining the age of criminal liability is not reduced to the establishing of the lower age for instituting criminal proceedings against a person, it is much broader. In particular, the Russian Criminal Code states that criminal proceedings for committing certain crimes, when the aggrieved person is under-aged, can be instituted against a person who has reached the age of 14, 16 or 18. Naturally, this raises the question: what was the legislator governed by when establishing particular age ranges for instituting criminal proceedings? Analyzing certain articles of the Special Part of the Russian Criminal Code, the author concludes that it is frequently impossible to logically explain the position of the legislator establishing certain age of liability for a crime. The existing problems do not contribute to achieving the purpose of criminal law relating to juveniles which consists in only using the least severe punitive measures.

REFERENCES

1. Selezneva, N.A. (2004) *Otvetstvennost' nesovershennoletnikh po ugolovnomu pravu Rossii* [Liability of minors in the criminal law of Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Ignatov, A.N. (2007) [Problems of criminalization and decriminalization]. *Sovremennye problemy ugolovnogo prava i kriminologii* [Modern problems of criminal law and criminology]. Proceedings of the all-Russian conference. 22 February 2007. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. pp. 18–24. (In Russian).
3. Kornakova, S.V., Koryagina, S.A. & Gaykov, D.G. (2014) O merakh adekvatnogo gosudarstvennogo reagirovaniya na sovershenie nesovershennoletnimi prestupleniy protiv polovoy neprikosновенности i polovoy svobody lichnosti [On the measures of an adequate state response to the commission of juvenile offenses against the sexual inviolability and sexual freedom of the individual]. *Prolog. Zhurnal o prave*. 1. pp. 42–46.
4. Grechishkin, Yu.N. & Starkov, O.V. (2004) *Preduprezhdenie deviantnogo i prestupnogo povedeniya nesovershennoletnikh* [Prevention of deviant and criminal behavior of minors]. Krasnodar: Krasnodar Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Davydov, V.V. (1991) Osnovnye problemy razvitiya myshleniya v protsesse obucheniya [The main problems of the development of thinking in the learning process]. In: Il'yasov, I.I. & Lyaudis, V.Ya. (eds) *Khrestomatiya po vozrastnoy i pedagogicheskoy psikhologii* [Anthology on the age and pedagogical psychology]. In 2 vols. Moscow: Moscow State University.
6. Tul'viste, P. (1995) O sopostavitel'nom izuchenii razvitiya myshleniya u nesovershennoletnikh raznykh vozrastnykh grupp [On a comparative study of the development of thinking in minors of different age groups]. In: *Problemy vozrastnoy i pedagogicheskoy psikhologii* [Problems of Age and Pedagogical Psychology]. Tartu.
7. Astemirov, Z.A. (1971) *Osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh i problemy primeneniya k nim lisheniya svobody* [Features of criminal responsibility and punishment of minors and the problem of applying deprivation of liberty to them]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

Received: 04 May 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛФЕРОВА Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; методист экскурсионно-методического отдела государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”». E-mail: alferova09@yandex.ru

АНТОНОВА Татьяна Григорьевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Томского государственного университета; аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: tatgran@sibmail.com

АРТЕЕВ Сергей Павлович – преподаватель кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. E-mail: artsp7@yandex.ru

БАЛДАНО Марина Намжиловна – д-р ист. наук, зав. отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: histmar@mail.ru

БАХМЕТЬЕВА Ирина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: irbakh@mail.ru

БЕЗРУКОВА Вера Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: verabz.ru@gmail.com

БОРИСОВ Денис Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. Email: denisborisov@mail.ru

БРУММ Константин Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, политологии и экономики Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

ВАРНАВСКИЙ Павел Кондратьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: wpk1@mail.ru

ВЕРХОВЕЦ Дарья Игоревна – аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: darya.verhovets@gmail.com

ВОЛКОВ Иван Олегович – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – канд. ист. наук, ст. преподаватель Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. E-mail: genesta@yandex.ru

ГРЕЧИШКИНА Светлана Викторовна – ст. преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: Sveta-only4me@mail.ru

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович – канд. ист. наук, д-р социол. наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. E-mail: grigoritchev@yandex.ru

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

КАШИРСКАЯ Людмила Васильевна – д-р экон. наук, профессор кафедры «Национальная безопасность» Астраханского государственного университета. E-mail: kashirskaya76@mail.ru

КИМ Елизавета Вячеславовна – аспирант кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: elizabeth92.92@mail.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич – д-р ист. наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: s.v.kondratev@utmn.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета; доцент кафедры философии Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КЫРЖИНАКОВ Артур Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: Kyrzhinakov@mail.ru

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – канд. филос. наук, науч. сотр. Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: AALinchenko@fa.ru

МАСЛОВА Екатерина Константиновна – аспирант кафедры древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: Ekaterina_maslova@sibmail.com

МИНЕВА Оксана Карловна – д-р экон. наук, профессор кафедры «Национальная безопасность» Астраханского государственного университета. E-mail: okmineva@rambler.ru

МУССИ Вероника – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: veromussi@gmail.com

ПОВАЛКО Полина Юрьевна – ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: polina.povalko@gmail.com

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

РЫБАКОВ Михаил Анатольевич – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: rybakov_ma@pfur.ru

СЫРОВ Василий Николаевич – д-р филос. наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: narrat@inbox.ru

ТОКМУРЗАЕВ Бакыт Салманович – канд. ист. наук, зам. начальника учебно-методического управления университета «Сырдария» (г. Жетысай, Республика Казахстан). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: vfar@mail.ru

ФРОЛОВА Татьяна Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: tanyakorobkov@gmail.com

ЧЕРЕМНЫХ Ольга Алексеевна – аспирант IV года обучения заочного отделения Томского государственного университета. E-mail: olqga375@sibmail.com

ЧУРИЛОВ Алексей Юрьевич – ассистент кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: Lefikantor@yandex.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШЕВЛЯКОВ Александр Семенович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

ШПИЛЕВАЯ Галина Александровна – доктор филол. наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: 19alex04@mail.ru

ЮРЫШЕВ Александр Владимирович – аспирант кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. E-mail: alexandryurishev@mail.ru

ЯКОВЛЕВ Валентин Валентинович – канд. культурологии, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 419. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 июня 2017 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,6. Тираж 60 экз.
Заказ № 2647. Цена свободная.

Дата выхода в свет 4 июля 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru